

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Материалы
VI Международной научно-практической
конференции памяти М.Ю. Кондратьева

12 – 13 мая 2021 г.

Москва, МГППУ

УДК 316.6
ББК 88.5
С69

Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы VI Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» (12–13 мая 2021 г.). – М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2021. – 637 с.

Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» посвящен результатам социально-психологических исследований, выполненных квалифицированными специалистами, аспирантами и студентами из университетов, научных лабораторий, образовательных, производственных и других организаций. Представлены достижения различных отраслей современной социальной психологии. Большое внимание уделено вопросам межкультурной коммуникации, психологии управления и организационной психологии, педагогического общения, киберпсихологии, психологического тренинга и консультирования, взаимодействия участников дорожного трафика.

Сборник адресован специалистам, в профессиональные задачи которых входит повышение эффективности взаимодействия людей, а также исследователям социально-психологических феноменов.

ISBN 978-5-94051-233-2

© ФГБОУ ВО МГППУ, 2021.

ПРЕДИСЛОВИЕ	22
<i>Абакумова Н.Н., Слудневский Н.</i> Оценка вовлеченности старшекласников в реализацию программ ученического самоуправления	23
<i>Абдулина Ю.А., Погодина А.В.</i> Феномен смены профессии и его социально-психологическая проблематика.....	25
<i>Авраменко В.Г.</i> Восприятие школы как пространства здоровья: взгляд педагогов и родителей.....	27
<i>Адаскина А.А., Гущина Т.А.</i> К вопросу о психологическом благополучии старших подростков.....	30
<i>Адилова Э.Т., Аймаганбетова О.Х.</i> Зарубежные подходы к изучению ценностной проблематики	32
<i>Аксеновская Л.Н.</i> Культурный код организации и его связь с культурным кодом лидера	35
<i>Александров И.А.</i> Ролевая игра как форма социально-психологической адаптации	38
<i>Александрова Л.А., Хинканина А.Л.</i> Диагностика просоциальных качеств студентов: альтруизм двух типов	40
<i>Алексанова О.Е., Махнач А.В.</i> Сравнение жизнеспособности эмигрантов по критерию вовлеченности в профессиональную деятельность	43
<i>Алиева С.А., Павлова О.С.</i> Детско-родительские отношения в азербайджанских семьях	46
<i>Аликин М.И., Лукьянченко Н.В.</i> Оптимизация жизнестойкости посредством работы с образом родительской семьи в онлайн-консультировании	48
<i>Анисимова Е.В.</i> Развитие способности к эмпатии у школьников-подростков.....	51

<i>Анохина С.А.</i> Особенности совладающего поведения родителей детей с ОВЗ	54
<i>Анцупова М.К.</i> Личностные особенности молодых литературных блоггеров	56
<i>Апасова М.В., Кулагина И.Ю.</i> Восприятие социальной поддержки иностранными студентами, обучающимися в российском вузе ...	58
<i>Афанаскин А.Б.</i> Изучение социальной напряженности в обществе	61
<i>Басанова Е.Е.</i> Тип родительского отношения и удовлетворенность учебной деятельностью в условиях самоизоляции	63
<i>Басисини Н.М., Кондратьев М.Д.</i> Исследование представлений студентов о характеристиках организационной культуры университета	65
<i>Бахтеева М.Р., Хухлаев О.Е.</i> Би-культурная идентичность и психологическое благополучие у детей из семей иноэтничных мигрантов: постановка проблемы.....	68
<i>Безрукова А.Э., Пухарева Т.С.</i> Особенности эмоционального интеллекта и самоактуализации студентов гуманитарного профиля подготовки.....	70
<i>Белая А.К.</i> Социальные представления о фигуре психолога у лиц с различной выраженностью религиозной идентичности	72
<i>Белинская Е.П., Дубовская Е.М.</i> Маргинальность социальной психологии: достоинство или недостаток?	76
<i>Богачева Т.И.</i> К вопросу о формировании лидерского поведения представителей добровольческих объединений.....	78
<i>Боровикова Д.Д., Ачинович Т.И.</i> Особенности брачно-семейных установок студенческой молодежи	81
<i>Бочкова М.Н., Мешкова Н.В.</i> К вопросу о негативной креативности в организации	83

Бубнов А.Л. Изучение социальной идентичности группового субъекта посредством графической диагностики	86
Буркова В.Н. Размеры тела как предикторы социального статуса в коллективе сверстников среди русских школьников	88
Бурашина Т.А., Толстых Н.Н. Музыкальные занятия как ресурс личностного развития подростков: социально-психологический аспект	90
Вавакина Т.С. Субъективная оценка значимости партнерских взаимоотношений	92
Великородова Е.А., Красило Т.А. Особенности супружеских взаимоотношений в совместно проживающих и дистантных семьях.....	95
Верченова Е.А. Проблема использования аудиовизуального материала в межкультурном обучении	97
Витко Д.Д., Смирнова Ю.С. Особенности переживания внутренних конфликтов юношами и девушками с различной степенью занятости в период ранней взрослости	100
Волков Р.С., Сачкова М.Е. Особенности самоотношения у юношей и девушек, занимающихся боксом	102
Гаврилова Т.П., Селезнева А.С. Поддерживающая помощь в социальном контексте.....	105
Глебов В.А. К вопросу о социализации подростков из социально неблагополучных семей	108
Глумова Н.Д. Модель «позитивной культуры сверстников» в зарубежной психологии	110
Голубчикова В.В., Царева А.Д., Ячменёва Н.П. Эмоционально-волевая регуляция как прогностический фактор успешности в обучении	113

<i>Гордеева Т.В., Ткаченко Н.В.</i> Преемственность ценностных ориентаций внутри семьи	115
<i>Гордий М. В., Бабанин П.А.</i> Особенности учебной деятельности в подростковом возрасте.....	118
<i>Грибкова С.В., Нестерова А.А.</i> Влияние родительской вовлеченности на социально-психологическую адаптацию детей-мигрантов	120
<i>Грибова-Веаструм В.В.</i> Литвинова Е.Ю. Особенности удовлетворенности трудом офисных сотрудников разного пола	123
<i>Григорьева Т.Н.</i> К вопросу о современных технологиях группового обучения в рамках социокультурного образовательного обмена между Италией и Россией.....	126
<i>Гринберг К.В., Бабанин П.А.</i> Формирование самооценки дошкольника в зависимости от отношений с отцом	128
<i>Гурова М.А., Пащенко А.К.</i> Рефлексия переживания кризиса и изменение ценностно-смысловой сферы женщин	131
<i>Даниленко О.В.</i> Использование метода проблемно-деловой игры при разработке программы обеспечения психологической безопасности школы.....	133
<i>Даниленко О.В.</i> Исследование структуры учебной мотивации младших школьников.....	135
<i>Данилова Е.А., Александрова Е.А.</i> Особенности социальных представлений об образовании у российских студентов, обучающихся в РФ и за рубежом	138
<i>Дворецкий С.А.</i> К вопросу о влиянии личности руководителя на характеристики организационной культуры.....	140
<i>Денисенкова Н.С., Тарунтаев П.И.</i> Представления старших дошкольников об использовании ими цифровых устройств	142

<i>Добычина А.И., Зайцев Г.В.</i> Особенности копинг-поведения детей подросткового возраста	145
<i>Дубовая А.А., Орлов В.А.</i> Гендерные особенности мотивации вступления в брачные отношения.....	148
<i>Дятлов Д.А., Дмитриева Ю.А.</i> Специфика эмоционального интеллекта субъектов с разным типом лидерства	151
<i>Елисеева М.С., Кочетков Н.В.</i> Социально-психологическая адаптация, профессиональное выгорание и отношение к смерти у людей с различной частотой наблюдения смерти	153
<i>Еналиева Э.Р., Хухлаев О.Е.</i> Культурная специфика стилей лидерства в Казахстане.....	156
<i>Ершов С.В.</i> К вопросу оценки психологической компетентности будущих водителей	159
<i>Есинов М.А.</i> Изучение социальных представлений молодежи о психологической помощи (из опыта преподавателя-исследователя).....	161
<i>Жеглова Я.Д., Орлов В.А.</i> Взаимосвязь социально-психологической адаптации и ценностного отношения студентов к будущей профессии	163
<i>Заславская М.А., Орлов В.А.</i> Психологические условия удовлетворенности браком женщины в период кризиса «среднего возраста».....	165
<i>Зверовская Я.П., Крушельницкая О.Б.</i> Взаимосвязь мотивации учения и профессиональной идентичности у студентов колледжа	169
<i>Зеленев И.А.</i> Взаимосвязь уровня психологической безопасности и использования интернета у российской молодежи	172
<i>Зеленова М.Е., Лекалов А.А., Лим В.С., Костенко Е.В.</i> Направленность на социальное взаимодействие и стрессоустойчивость летчиков.....	174

<i>Зими́на Н.А., Чиба́кова Е.А.</i> Взаимосвязь эмоционального интеллекта и лидерства у студентов	177
<i>Зотова Л.Э., Сидячева Н.В.</i> Особенности социального поведения подростков, проявляющих эмпатию	178
<i>Зубова Я.В.</i> Сравнительный анализ различных подходов к обучению вождению	181
<i>Иванов М.А., Погодина А.В.</i> К вопросу проведения сравнительного анализа социально-психологических особенностей команд разного типа	184
<i>Иванова А.С., Фофанова Г.А.</i> Взаимосвязь профессиональных склонностей и ценностных ориентаций студентов с различными статусами профессиональной идентичности	187
<i>Иванова Л.В., Адашкина А.А.</i> Эмоциональное состояние студентов колледжа в условиях дистанционного обучения	190
<i>Иванова О.И.</i> Кросс-культурный подход в исследовании детско-родительских отношений	192
<i>Ильиных Ю.В.</i> Структурно-содержательные характеристики семейной идентичности мужчин и женщин	194
<i>Ильиных Ю.В., Бородачева О.В.</i> Взаимосвязь эмоционального интеллекта подростков с особенностями детско-родительских отношений	196
<i>Ильиных Ю.В., Воропаева Н.А.</i> Осознанное родительство у супругов с различной толерантностью к неопределенности	199
<i>Ильиных Ю.В., Прохорова А.С.</i> Экзистенциальное одиночество как социальная проблема нового времени	201
<i>Иноземцев А.С.</i> Образ мигранта из Средней Азии в российских средствах массовой информации	203
<i>Исаев Е.И., Боложинская Н.Е.</i> Развитие творческих возможностей младших школьников в дополнительном образовании	206

Кадурина Ю.А. К вопросу изучения учебной мотивации старшекласников	209
Калинина Н.В. Трудности межличностного взаимодействия представителей fashion-индустрии	211
Калита О.В., Русецкая А.М. Школьные чаты как неотъемлемый процесс онлайн-коммуникаций в учреждении образования.....	214
Каракаш А.А. Смысложизненные ориентации и отчуждение от учебы у студентов различных специальностей.....	217
Караяни А.Г. Использование ресурса тренинговой группы для решения психологических проблем ее участников	219
Караяни Ю.М., Караяни А.Г. Моделирование жизненных ситуаций как технология личностного роста в процессе социально-психологического тренинга	221
Карпова М.А., Фарба Е.О. Возможности применения коучинговых технологий при изучении иностранного языка	224
Кауненко И.И. Восприятие своей группы молодёжью молдаванами: временной аспект	227
Качанова П.А., Масленникова Е.С. Связь креативности и когнитивной флексибельности с уровнем удовлетворенности жизнью в юношеском возрасте	229
Кведер М.В., Александрова Е.А. Социальные представления российских студентов о китайцах применительно к разработке межкультурного тренинга	231
Кляхина П.Р., Кондратьев М.Д. Взаимосвязь копинг-стратегий и перфекционизма у студентов высших учебных заведений	233
Кичман Д.Н., Нестерова А.А. Феномен хикикомори как форма эскапизма.....	236

<i>Клочкова Т.В., Расходчикова М.Н.</i> Взаимосвязь синдрома эмоционального выгорания и стратегий преодоления стресса у сотрудников бюджетных организаций	238
<i>Ковалев П.А.</i> Отношения детей-сирот со взрослыми и сверстниками как фактор их психологического самочувствия .	240
<i>Ковыльникова Е.А.</i> Реклама в социальных сетях как один из способов воздействия на массовое сознание	243
<i>Кожухарь Г.С., Гладылина О.С.</i> К проблеме буллинга у младших подростков.....	244
<i>Колтунов Е.И.</i> Особенности структуры ценностей студентов из России и Китая	247
<i>Комолов О.Е.</i> Роль информационных технологий в формировании позитивных копинг-стратегий лиц с ОВЗ.....	249
<i>Кондратюк П.В., Лейбман И.Я.</i> Различия этнической идентичности у подростков с когнитивными нарушениями в сравнении с их нормотипичными сверстниками	252
<i>Кононыхина В.Б., Сачкова М.Е.</i> Взаимосвязь эмоционального интеллекта и тревожности у старшеклассников и учащихся колледжа	254
<i>Королькова И.П., Кожухарь Г.С.</i> Выбор копинг-поведения и коммуникативная компетентность у людей зрелого возраста ...	257
<i>Корчагина А.В., Павлова О.С.</i> Удовлетворенность браком в мусульманских полигамных семьях	259
<i>Kotar L., Zoghi B., Hook B., Norton M.</i> Effects of a Resilience Workshop Intervention on Perceptions of Work-Life Balance for Technical Leaders in the Pandemic.....	262
<i>Кочетков Н.В.</i> Интернет как пространство персонализации.....	265
<i>Кочетков Н.В., Султанова Д.И.</i> К вопросу о феномене гелотофобии	267

Кочетова Т.В. Динамика предпочтений выбора проэкологического способа передвижения в условиях Covid-19.....	269
Краева М.Ю., Сафронова О.М. Психологическое благополучие молодежи в ситуации самоизоляции в период пандемии.....	271
Красило Т.А., Кирсанова Н.В. Исследование различий в уровне социальной адаптации женщин и мужчин гомосексуальной ориентации.....	273
Красина Д.А. К вопросу о мотивации и социально-психологических установках сотрудников частных и государственных образовательных учреждений	276
Кретова Т.А., Лейбман И.Я. Теоретико-методологический анализ изучения копинг-стратегий студентов.....	278
Кривцова А.С., Акишева О.А. Психологические особенности влияния стилей семейного воспитания на самооценку младших школьников (на примере Ставропольского края).....	281
Кривцова А.С., Батурова Н.И. Психологическое исследование семейных ценностей, ожиданий и притязаний в русско-индийском браке	284
Кривцова А.С., Рудзянская Е.А. Формирование позитивной самооценки с помощью цифровой фотографии.....	287
Криницына А.В. Методы профилактики и коррекции асоциального поведения школьников в работе учителя	289
Кропачева Ю.П., Красило Т.А. Взаимосвязь системы детско-родительских отношений с особенностями жизненной стратегии подростка.....	292
Крушельницкая О.Б., Асташина Е.А. Представления об имидже успешного человека.....	295
Крылова Н.Г. Психологические особенности отношения старшеклассников к репетиторству и репетиторам	298

<i>Крюкова Т.Л., Бородулина С.В.</i> Какие личностные черты избирателей становятся предикторами отношения к политическому обману.....	300
<i>Ксёнда О.Г.</i> Социальные и личностные проблемы дистанционного обучения.....	303
<i>Кудрявцев В.Т., Хохлатова Е.Ю.</i> Возможности применения амплификации образа взрослости в пенитенциарных учреждениях	305
<i>Кузьмина Л.В., Дагбаева С.Б.</i> Показатели субъективного благополучия у современных подростков.....	309
<i>Кунаевцев Т.С.</i> Ситуация педагогической поддержки как источник личностного саморазвития	312
<i>Кушир О.А., Толстых Н.Н.</i> Социальные представления учителей о современной школе	315
<i>Кхан А.Ю., Кожухарь Г.С.</i> Личностные характеристики женщин-водителей.....	318
<i>Лазарева Ю.И., Сачкова М.Е.</i> Особенности ценностных ориентаций сотрудников с разным неформальным статусом в организации	321
<i>Лактионова А.И.</i> Особенности жизнеспособности человека в разных возрастных группах.....	323
<i>Левина Е.И., Крушельницкая О.Б.</i> Сравнительный анализ особенностей личностного и профессионального самоопределения старшеклассников	326
<i>Леонова Е.Н.</i> Связь альтруизма с особенностями оказания помощи врачами-ординаторами	329
<i>Леонова Т.И., Лесин А.М.</i> Ценность материального благополучия студентов во взаимосвязи с их отношением к себе и своей жизни	332

<i>Леонтьева Е.С., Кочетова Ю.А.</i> Недирективная игровая терапия как метод коррекции страхов у детей дошкольного возраста	334
<i>Лепшокова З.Х., Бульцева М.А.</i> Аккультурация и психологическое благополучие этнического большинства и меньшинства Эстонии: идеальный VS реальный мультикультурализм	337
<i>Лесин А.М.</i> Общественное признание в структуре ценностей студентов	339
<i>Лимонова Н.А., Ткаченко Н.В.</i> Изменение ценностных ориентаций и межкультурного интеллекта личности в контексте развития эмоционального интеллекта	342
<i>Логвинова М.И.</i> Молодежная субкультура киберспортсменов: социально-психологический анализ	344
<i>Лосинская Т.С., Толстых Н.Н.</i> Связь самоощущения подростка на уроке с его учебной мотивацией	346
<i>Лубовский Д.В., Алексеева Я.В.</i> Особенности развития мышления младших подростков в различных системах обучения	349
<i>Любушина А.А., Чикер В.А.</i> Психологические различия в восприятии измен мужчинами и женщинами	351
<i>Люлюшина О.Н.</i> Изменение психологических установок сотрудников по отношению к организации при переходе на дистанционный режим труда	354
<i>Майсак Н.В.</i> Развитие рефлексия в процессе квазипрофессиональной деятельности как условие комплаентности специалиста	356
<i>Макшакова К.К., Егорова М.А.</i> Экологические ценностные ориентации современных подростков	359
<i>Малахова А.А.</i> Фриланс как форма профессиональной карьеры	361
<i>Малинина П.Г., Феоктистова С.В.</i> Психологический климат в семьях с разновозрастными партнерами	364

<i>Малютина О.П.</i> Проявление перфекционизма у педагогов в условиях дистанционного обучения	367
<i>Маринова Т.Ю., Суркова Ю.Г., Феоктистова С.В.</i> Эмоциональные и поведенческие реакции на стресс у мужчин и женщин.....	369
<i>Matusevich E.</i> Listening strategies: “fusion of horizons” for students at higher language level (ILR 2+/3 during the third semester)	371
<i>Махмудова А.А., Павлова О.А.</i> Связь ценностных ориентаций и религиозной идентичности узбекских подростков	374
<i>Meinhard G.</i> The possibilities of using the Traffic Risk Evaluation Model for assessing behavior of drivers prone to risky driving.....	376
<i>Мелёхин А.И.</i> Взаимосвязь между удовлетворенностью качеством сна и особенностями социального познания.....	378
<i>Мельникова О.Т., Нестерова Е.М.</i> Исследование феномена прокрастинации у учеников онлайн-школы.....	380
<i>Мельникова О.Т., Савенков Д.Д.</i> Анализ образной составляющей социальных представлений подростков с помощью проективных методов.....	381
<i>Мельничук А.С. Конькова Н.В.</i> Взаимосвязь мотивации труда и субъективного благополучия.....	383
<i>Миткинова Н.Б., Гриценко В.В., Сингх Г.Г.</i> Этническая идентичность во взаимосвязи с миграционными намерениями молодежи	386
<i>Мозилевская Я.В.</i> Опыт применения современных цифровых технологий в музыкальной школе: особенности коммуникации педагога и ученика.....	389
<i>Мозилевская Я.В.</i> Социально-психологический аспект тревожности в исполнительской деятельности учащихся музыкальных школ	392

<i>Мошенникова Д. В., Толстых Н.Н.</i> Влияние проекта «Профсреда» на развитие учебной мотивации подростков.....	394
<i>Музафарова А.Т.</i> Психология отношений в разведенных семьях	396
<i>Нажимидин А.И., Аймагамбетова О.Х.</i> Понятие эмоционального интеллекта и его роль в корпоративной среде.....	399
<i>Нестерова А.А., Заигралина А.А.</i> Влияние фаббинга на качество романтических отношений молодых людей	401
<i>Нечаева О.С., Денисенкова Н.С.</i> Использование современными старшими дошкольниками гаджетов и отношение к этому родителей.....	404
<i>Никитская М.Г.</i> Цели учебных достижений и направленность личности	407
<i>Николаева Л.В., Харченко М.А.</i> Зарубежный опыт исследований связи когнитивных искажений с агрессивным вождением.....	409
<i>Новикова И.А., Бычкова П.А.</i> Изменение отношения к цифровым образовательным технологиям у студентов в процессе пандемии COVID-19.....	411
<i>Новикова И.А., Канафина К.М.</i> Агрессивность, курение и физическая активность: системно-функциональный подход.....	414
<i>Новосельцева Е.В., Кожухарь Г.С.</i> Карьерные ориентации и качество жизни у студентов вуза	417
<i>Орлов В.А.</i> Психологическая установка на активную личностную позицию обучающихся как фактор повышения их учебной мотивации	420
<i>Оськин К.А., Хухлаев О.Е.</i> Социальная идентичность мусульман. Коллективные действия.....	422
<i>Овечкина Е.А.</i> К вопросу о самоорганизации младших школьников	425

<i>Павлова К.Н.</i> О ценностных ориентациях студентов вуза	427
<i>Павлова О.С., Мамонтова О.В.</i> Цвет как индикатор ценностных ориентаций: кросс-культурный анализ.....	429
<i>Павлова О.С., Салех Ю.А.</i> Изучение отношения к семье и браку в культуре с помощью языковой картины мира (на примере египтян)	430
<i>Панькова Е.В., Авдеева Н.Н.</i> Психологическое благополучие мужчин среднего возраста с разным брачным статусом.....	432
<i>Пашкова Я.А., Гайдар К.М.</i> Групповая субъектность семьи на этапах становления и завершения ее жизненного цикла	434
<i>Пеленчук Л.О., Нестерова А.А.</i> Экзистенциальная исполненность как фактор толерантности к неопределенности в юношеском возрасте.....	437
<i>Pelletier P., McLaughlin C., Duteil-Mougel C., Boespflug M., Lefort C.</i> Crisis of covid-19: breakdowns and transformations of humans' trajectories in uncertain times	440
<i>Пенькова В.Н., Палагина А.А.</i> Особенности политического дискурса (на примере анализа текстов СМИ в период подготовки к выборам в Московскую городскую думу).....	443
<i>Петрова Е.А., Миллер М.А.</i> Психологические особенности восприятия молодежью политических лидеров	446
<i>Петрушихина Е.Б.</i> Личностные черты и мотивация лидерства	449
<i>Пилипенко Е.А.</i> Взаимосвязь осознанности личности и стрессоустойчивости в профессиональной сфере	451
<i>Плотка И.Д., Блюменау Н.Ф.</i> Этнические интергрупповые аттитюды, измеренные сублиминальным оценочным праймингом на разных SOA.....	454
<i>Поверинова А.К., Кожухарь Г.С.</i> Об особенностях общения пользователей Инстаграм и Фейсбук	457

<i>Погодина А.В., Попова Е.А.</i> К вопросу о социально-психологических аспектах работы сотрудника автоинспекции с детьми разного возраста по формированию навыков безопасного участия в дорожном движении.....	459
<i>Погодина Е.К.</i> Цифровые девиации в подростково-молодежной среде.....	462
<i>Поддубный С.Е., Вавакина Т.С., Позняков В.П.</i> Типы экономического самоопределения российских предпринимателей	464
<i>Поляков С.Д.</i> Аналитические заметки об отношениях с COVID-19	467
<i>Полякова И.С.</i> Механизмы влияния дисфункциональной родительской семьи на межличностные отношения во взрослом возрасте.....	470
<i>Попович Ю.А.</i> Проблема нормативности в современной социальной психологии	472
<i>Портнягина М.В., Кожухарь Г.С.</i> Проблемы социально-психологической адаптации личности с шизоидной акцентуацией	475
<i>Прохода В.А.</i> Цифровизация общего среднего образования (по материалам комплексного наблюдения условий жизни населения)	477
<i>Прохорова В.С.</i> Зона ближайшего развития учебных действий младших подростков с ОВЗ	480
<i>Расходчикова М.Н., Филимонова Е.Н.</i> Особенности организационной культуры и социально-психологического климата в организации при смешанной форме работы.....	482
<i>Решетко С.А.</i> Проблема табакокурения в современном мире.....	484
<i>Русанова М.С.</i> Креативность как фактор, влияющий на удовлетворенность браком	487

<i>Рустамбекова К.С.</i> О влиянии традиционных норм и ценностей на отношение к употреблению ПАВ	490
<i>Самосюк А.А., Смирнова Ю.С.</i> Личностные особенности субъектов с различными типами реагирования на конфликт	492
<i>Самохвалова А.Г., Вишневская О.Н.</i> Микроклимат студенческой группы как фактор психологического благополучия субъекта .	495
<i>Сардарян Е.Д., Ткаченко Н.В.</i> Взаимосвязь между уровнем самооценки и склонностью к созависимости	498
<i>Сауткина Е.В.</i> Психология устойчивого города. Транспортный вопрос	500
<i>Сафронова Н.Л.</i> Психологический тренинг как методологическая технология обеспечения психического здоровья молодых сотрудников подразделений Росгвардии РФ	502
<i>Сачкова М.Е., Шницберг А.И.</i> Социальные представления об аутизме в двух группах	505
<i>Свириденко И.Н.</i> К вопросу изучения человеческого фактора как причины дорожно-транспортных происшествий	507
<i>Семенова Л.Э.</i> Типы психологической виктимности группы матерей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью	510
<i>Серегина А.А.</i> Особенности организации работы Московской службы психологической помощи населению в условиях пандемии.....	513
<i>Синичкина В.Р.</i> Гендерные различия взаимосвязи коммуникативных способностей, проблемного использования интернета и увлеченности онлайн-играми	515
<i>Скавронская И. В., Кожухарь Г.С.</i> Феномен конфликтного поведения личности и выбор стратегии реагирования в конфликтной ситуации.....	517

<i>Смирнова А.Е., Кожухарь Г.С.</i> К вопросу о взаимосвязи между уровнем социальной рефлексии и самоотношением у взрослых людей.....	520
<i>Смирнова Э.В., Гайдар К.М.</i> Внутренняя картина здоровья у студентов медицинского вуза: социально-психологические особенности	522
<i>Снимищикова Э.В., Лукинова М.Г.</i> Гендерные особенности поведенческих стратегий в закрытых социальных группах (на примере курсантов военного вуза)	524
<i>Собкин В.С., Калашикова Е.А.</i> Отношение учителей к ученикам: мнение подростков	527
<i>Соколова И.В.</i> Психологические механизмы конструирования стигматизирующих установок	529
<i>Соколова М.В.</i> Взаимосвязь склонности к отклоняющемуся поведению и отношению к сети Интернет у подростков.....	532
<i>Степанова Ю.А., Литвинова Е.Ю.</i> Особенности профессионального отбора специалистов без опыта работы	534
<i>Сумароков А.И.</i> Формирование волевых качеств в ходе тренинга и консультирования на основе индивидуального знака	537
<i>Суражеская А.Д.</i> К вопросу о социально-психологических аспектах взаимодействия сотрудника автоинспекции и водителя в условиях дорожно-транспортной среды.....	539
<i>Сысоева А.В.</i> Жизненные ценности студентов – представителей различных культур.....	542
<i>Тарасов С.В., Дробышева Т.В.</i> Полузакрытая группа как объект социально-психологического исследования: критерии и некоторые признаки.....	544
<i>Терещенко А.А. Кочетков Н.В.</i> Взаимосвязь психического выгорания в супружеских отношениях и удовлетворенности профессией (на примере педагогов)	547

<i>Тимофеева А.В., Толстых Н.Н.</i> Самоэффективность как ресурсный компонент учебной мотивации	549
<i>Титовец Т.Е.</i> Разновидности технологии веб-квеста в высшем образовании.....	551
<i>Ткаченко Н.В., Бариева Н.Ю.</i> Психологический портрет лидера (на примере женщин-мусульманок).....	554
<i>Трушкова С.В., Ким М.И.</i> Взаимосвязь стресс-факторов мегаполиса и личностных особенностей у мужчин и женщин	555
<i>Тылец В.Г., Краснянская Т.М.</i> Организационные вызовы психологии корпоративной безопасности в условиях неопределенности.....	558
<i>Умнов В.П.</i> Влияние сплоченности на успешность соревновательной деятельности команд девочек-подростков в волейболе	560
<i>Уютнова К., Павлова О.С.</i> Об уровне психологического благополучия русскоязычных эмигрантов из Казахстана: опыт исследования.....	562
<i>Фоке-Алехин Ф., Блюзе Д.</i> Вежливость и производительность на работе: когда бесполезное оказывается полезным	565
<i>Фордмен В.А.</i> Вынужденная смена профессии как возможность смены жизненных ориентиров	568
<i>Хорозова Л.Ф.</i> Особенности этнической идентичности молодёжи гагаузов и болгар в условиях трудовой миграции населения	570
<i>Цаплин Е.В.</i> Связь идентичности и оценки психологического климата у сотрудников органа власти муниципалитета	572
<i>Чибисова М.Ю., Верченнова Е.А.</i> Взаимосвязь между психологическим климатом и стратегией аккультурации (сохранение родной культуры) в группах китайских студентов в российских вузах	574

<i>Чикер В.А., Даниленко О.И., Перминова М.А.</i> Вузовский этикет: статусно-ролевые различия в контексте организационной культуры	577
<i>Шаринова Д.Р.</i> Жизненные ценности как фактор жизнестойкости	579
<i>Шахтанова А.</i> Социально-психологическая адаптация и субъективное отчуждение у людей, неудовлетворенных образом собственного тела.....	581
<i>Швалева Н.М.</i> Деятельность психолога по осуществлению социально-психологической адаптации новых сотрудников правоохранительных органов	583
<i>Шевченко Н.А.</i> Мы-концепция группы: структурно-функциональный подход.....	587
<i>Шипова Н.С.</i> Субъективное благополучие студентов-первокурсников.....	590
<i>Шишунова А.Н, Юрова Д.Ш., Ячменёва Н.П.</i> Обзор теории разбитых окон: критика, эмпирика	592
<i>Шмакова Н.В., Захарова И.В.</i> Психолого-педагогические технологии социальной адаптации дошкольников с нарушениями зрения	594
<i>Шорохова В.А., Кольнер А.Е.</i> Проявление культурных и ценностных особенностей в работе преподавателей творческих направленностей	597
<i>Щукина О.Г.</i> Социально-психологические подходы к изучению ревности.....	600
<i>Эльконин Б.Д., Кусова Е.Д.</i> Опосредствование как решение задачи означивания действия.....	603
<i>Яничева Т.Г.</i> Буллинг-процессы в контексте социализации личности и групповой динамики.....	605

<i>Ярославцева А.И.</i> Взаимосвязь между удовлетворенностью браком и согласованностью ролей в супружеской паре	608
<i>Ястребова А.А., Польская Н.А.</i> Психологические риски контролируемого потребления наркотических веществ в молодежной среде.....	610
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	613

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представляем вашему вниманию материалы VI Международной научно-практической конференции памяти профессора, доктора психологических наук, члена-корреспондента Российской академии образования М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики». Конференция организована факультетом социальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета (ФГБОУ ВО МГППУ) и состоялась 12-13 мая 2021 года. В сборник вошли более двухсот статей, посвященных результатам новейших отечественных и зарубежных исследований. Представленные работы отражают такие тематические направления работы конференции, как практическая этнопсихология, психология управления и организационная психология, социальная психология образования, киберпсихология и общество, социальная психология дорожного трафика, психологический тренинг и консультирование в социальной сфере, актуальные проблемы современной социальной психологии.

Участниками конференции и авторами статей, вошедших в сборник, стали работающие в различных организациях высококвалифицированные психологи, преподаватели вузов, руководители производственных и творческих коллективов, аспиранты, студенты. Значительная часть работ выполнена зарубежными коллегами. В сборнике представлены исследования, которые базируются на классических социально-психологических методологических основаниях, а также работы, авторы которых использовали междисциплинарные подходы, что позволило им решить новые задачи, связанные с изучением современных общественно значимых проблем. Большинство исследований имеет практический и прикладной характер.

Традиционно в сборнике представлены также исследования современных социально-психологических проблем, выполненные в русле научной психологической школы академика Российской академии образования А.В. Петровского. Эта школа вот уже много лет развивается в научно-исследовательской деятельности организованного М.Ю. Кондратьевым – учеником Артура Владимировича – факультета социальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета.

Оценка вовлеченности старшеклассников в реализацию программ ученического самоуправления

Абакумова Н.Н., Слудневский Н.

*ФГАОУ ВО Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
niv_tomsk@mail.ru*

В современном общеобразовательном учреждении жизнь обучающихся динамично развивается. На сегодняшний день тема ученического самоуправления в общеобразовательном учреждении рассматривается в следующих взаимосвязях: 1) чувствительность старшеклассников к социальным явлениям является мотивом для взаимодействия и признания в групповой деятельности; 2) формирование и развитие социальной компетенции проходит успешно, если старшеклассники активно участвуют в реализации программ ученического самоуправления.

Актуальная ситуация в общеобразовательных учреждениях такова, что необходимо учитывать организационные и педагогические условия, которые будут способствовать развитию у старшеклассников компетенций: создавать и руководить командой, выстраивать межгрупповые взаимодействия, распределять роли и обязанности в коллективе, формировать готовность принимать решения и нести за них ответственность [1; 2; 5].

Целью опытно-экспериментальной работы на базе МАОУ СОШ №53 г. Томска является выявление в общеобразовательном учреждении уровня самоорганизации деятельности обучающихся в рамках реализации программ ученического самоуправления. Для опроса и анкетирования были отобраны 79 обучающихся 10-11 классов, которые высказали желание принимать активное участие в органах самоуправления школой. Возраст участников от 16 и до 18 лет.

На констатирующем этапе использовались:

- опросник самоорганизации деятельности Е.Ю. Мандриковой [4];
- анкета «Оценка вовлеченности обучающихся в общеобразовательном учреждении в процессе самоуправления».

Выводы, сделанные по полученным данным на констатирующем этапе: при оценке уровня самоорганизации деятельности обучающихся было выявлено, что 38% из них имеют средний уровень,

17% – низкий, 44% – высокий. Опросник помог определить уровень готовности обучающихся ко второй фазе нашего исследования.

Было проведено анкетирование «Оценка вовлеченности обучающихся в общеобразовательном учреждении в процессе самоуправления» [3]. Наиболее распространенный способ измерения вовлеченности – использование опросов. В разработке опросника за основу была взята существующая модель оценки вовлеченности, а также анкета (Q12), разработанная исследовательской группой Gallup [2], которая позволяет быстро и сравнительно просто замерить уровень вовлеченности целевой группы в дела организации.

Целевая группа заполняла разработанный опросник в режиме онлайн с помощью Google формы, ссылка на которую была отправлена всем участникам опытно-экспериментальной работы. Сроки: 9 ноября 2020 года.

Анализ результатов опросника показал, что высокий уровень вовлеченности у 70,8% обучающихся. 29,2 % – это обучающиеся, которые находятся на низком уровне вовлеченности.

Таким образом, в ходе проведения констатирующего этапа исследования, анализа программ учебной и воспитательной работы общеобразовательного учреждения, в которые включаются организационно-педагогические условия, было установлено, что на базе МАОУ СОШ №53 г. Томска реализуются необходимые организационно-педагогические условия программ ученического самоуправления. Результаты опроса и анкетирования указывают, что это способствует формированию и развитию лидерского поведения обучающихся старших классов. Было установлено, что у обучающихся возрастает потребность в общении, групповом взаимодействии, а, следовательно, и в совершенствовании коммуникативных, лидерских и организаторских способностей.

Литература

1. *Абакумова Н.Н.* Аутентичные формы оценивания в педагогическом мониторинге индивидуальных достижений обучающихся // *Современные проблемы науки и образования.* – 2013. – № 5; URL: <http://www.science-education.ru/111-10741> (дата обращения: 12.04.2021).
2. *Голицина С.С.* Потенциал образовательной организации в формировании лидерских позиций подростков // *Вестник Череповецкого государственного университета.* – 2020. – № 2 (95). – С. 138–144. DOI: 10.23859/1994-0637-2020-2-95-11.

3. Исследование вовлеченности сотрудников предприятия [Электронный ресурс] / ЦНС «Интерактив плюс». https://interactiveplus.ru/ru/article/465332/discussion_platform (дата обращения: 30.11.20)].
4. Мандрикова Е.Ю. Разработка опросника самоорганизации деятельности (ОСД) // Психологическая диагностика. – 2010. – № 2. – С. 59-83.
5. Фахрутдинова А.В. Формирование активной гражданской позиции студента в условиях единого образовательного пространства: зарубежный опыт // Казанский педагогический журнал. - 2010. - № 1 (79). - С. 163-169.

Феномен смены профессии и его социально-психологическая проблематика

*Абдулина Ю.А., Погодина А.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
abdulina-youlia-27@yandex.ru, allavan@yandex.ru*

В современном мире, характеризующемся высоким уровнем изменчивости под воздействием научно-технического прогресса, смена профессии становится все более обыденным социальным явлением и наблюдается все чаще. Значимость профессиональной деятельности для индивида, ее существенное влияние на развитие его личности и на субъективное чувство удовлетворенности жизнью в целом определяет интерес к изучению человека в ситуации смены профессии и, в частности, повторной профессионализации как одной из сторон этого явления.

Феномен смены профессии в психологии чаще описывается как один из крайних вариантов профессиональной и карьерной мобильности [2; 6; 7]. Он может быть обусловлен как внешними, социально-экономическими, так и внутренними, социально-психологическими, факторами. В экономически и политически нестабильном обществе смена профессии чаще вызвана именно внешними причинами, носит вынужденный характер и первоначально служит цели адаптации к быстро меняющейся объективной реальности. В благоприятной стабильной экономической обстановке люди чаще принимают решение о смене профессиональной деятельности добровольно в силу внутренних причин, обычно связанных с их психологическими особенностями, осознанием их недостаточного соответствия требованиям выбранной ранее

профессиональной деятельности и отсутствием видения возможностей дальнейшего развития в ней.

Динамически смена профессии представляет собой процесс из следующих стадий: ощущение неудовлетворенности и неопределенности, принятие решения о смене профессии и повторное профессиональное самоопределение, профессиональное обучение и начало работы по новой профессии [3; 6]. На каждой из этих стадий возникает целый круг проблем социально-психологического характера. Смена профессии связана с изменением профессионального самосознания и формированием новой профессиональной идентичности личности и потому требует существенного перестроения ее когнитивной, эмоционально-волевой, потребностно-мотивационной и поведенческой сфер психики, в результате которого фактически должна сформироваться «новая» личность. В связи с этим ситуацию смены профессии можно рассматривать как ненормативный кризис жизни человека, а иногда и как трудную жизненную ситуацию.

Внутренняя готовность к смене профессии, выражающаяся в понимании неизбежности возникновения ряда затруднений при этом и принятии ответственности за их преодоление, является важнейшей движущей силой и регулятором всего процесса смены профессии. Скорость, глубина и, как следствие, успешность повторной профессионализации индивида во многом зависят от его индивидуально-психологических особенностей и личной активности. Люди с внутренним локусом контроля, умеренным уровнем тревожности и высоким уровнем гибкости и саморегуляции лучше проявляют свои субъектные свойства в ходе повторного вхождения в профессию и достигают более высоких показателей адаптации к новой профессии и самоактуализации в ней, а также делают это с наименьшим напряжением психических ресурсов, чем люди, которые такими качествами не обладают [1; 2; 4; 5].

Учитывая современную распространенность смены профессии и принимая во внимание ее кризисный характер, дальнейшее изучение человека в этой ситуации является значимым и позволит сформировать более полное представление об этом периоде жизни индивида, а на их основе разработать специальные программы его подготовки и психологического сопровождения при повторной профессионализации как индивидуально, так и в рамках организаций с целью минимизации негативных последствий социально-психологического характера.

Литература

1. Дудина О.М., Ратникова М.А. Профессиональная мобильность: кто и как принимает решение сменить профессию. // Социологические исследования. 1997. № 11.
2. Еремин В.В. Социокультурные аспекты профессиональной мобильности современных специалистов. // Вестник Кемеровского государственного университета и искусств. 2016. № 37-2.
3. Зеер Э.Ф. Социально-профессиональная мобильность учащейся молодежи как фактор подготовки к динамическому профессиональному будущему. // Образование и наука. 2014. №8 (117).
4. Михайлова И.В., Седунова А.С., Гнедова С.Б. Субъективные факторы профессиональной мобильности. // Теория и практика общественного развития. 2015. № 9.
5. Намятова И.М. Изменение иерархии ценностей труда как условие эффективности профессиональной деятельности при смене профессии : Дис. канд. психол. н. Екатеринбург, 2002.
6. Седых А.Б. Карьерная мобильность личности в контексте современных воззрений на карьеру. // Человек. Сообщество. Управление. 2012. №2.
7. Чепелева Л.М. Методология развития профессиональной мобильности личности. // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 2(69).

Восприятие школы как пространства здоровья: взгляд педагогов и родителей

Авраменко В.Г.
ГБОУ ВО МГПУ, Москва, Россия
avramenko_vg@mail.ru

Одной из приоритетных задач современного образования является сохранение и укрепление здоровья обучающихся, формирование у них ценностей здорового образа жизни (ЗОЖ). Успешность педагогических усилий во многом зависит от уровня доверия к школе как ресурсу сохранения здоровья, который формируется через социальное партнерство школы и семьи. В основе такого партнерства лежат сбалансированные взаимные ожидания участников

образовательных отношений о путях и способах совместной деятельности по поддержанию и развитию здоровья школьников.

Среди наиболее актуальных проблем в организации такого взаимодействия можно выделить: различия в воспитательных установках, взаимное перекладывание ответственности, недостаточную компетентность родителей и педагогов в вопросах здоровьесбережения, завышенные ожидания родителей в отношении работы школы по сохранению и укреплению здоровья детей, низкий уровень доверия к школе [1; 3]. В результате имидж школы как пространства для сохранения и укрепления здоровья детей остается низким.

Предметом нашего исследования стали взаимные ожидания родителей и педагогов о деятельности школы по сохранению и укреплению здоровья детей. Опрос проводился среди педагогов и родителей общеобразовательных организаций г. Москвы, выборка составила 1010 респондентов (475 из которых родители, 535 человек – педагоги).

Результаты опроса показали существенное расхождение в восприятии родителями и педагогами школы как пространства здоровья. Так, среди приоритетных направлений работы родители выделяют, прежде всего, создание в школе безопасной образовательной среды (66,5%), воспитание культуры здоровья (54,5%) и формирование навыков ЗОЖ в рамках предметного обучения (44,3%). Педагоги на первое место ставят воспитание культуры ЗОЖ (63,1%), безопасную среду (52,4%) и содержание обучения (46,6%).

Родители более критичны в отношении условий труда и отдыха детей (38,9% родителей и 59,2% педагогов удовлетворены этим показателем). Согласны с тем, что в школе сформирована культура здоровья и мода на ЗОЖ, 64,1% педагогов и 38,9% родителей. Только 28,1% родителей считают, что на всех ступенях обучения в школе уделяется должное внимание формированию ЗОЖ. Среди педагогов этот показатель составил 62,1%. Готовность школьного коллектива к реализации новых проектов в области здоровья и ЗОЖ отмечают в основном педагоги (79,6%), тогда как среди родителей этот показатель положительно оценили лишь 45,5% опрошенных.

Ответы респондентов на вопрос «Можете ли вы положиться на школу в аспекте сохранения и укрепления здоровья детей?» свидетельствуют о низком уровне доверия родителей к школе. Так в вопросах развития у детей культуры здоровья школе доверяют 45,9% родителей, в вопросах создания безопасной и комфортной среды –

37,7%, в вопросах создания санитарно-гигиенических условий – 39% родителей.

Восприятие школы как ресурса сохранения и укрепления здоровья во многом связано с ценностными ориентациями. Наше исследование подтверждает выводы о том, что в системе ценностей родителей, педагогов и самих обучающихся имеет место несоответствие между объективной ценностью здоровья (понимание значимости здоровья для жизни) и экзистенциальной ценностью (действенность ценности здоровья в личном опыте). Как следствие, имеет место противоречие между декларируемым и фактически реализуемым поведением в отношении здоровья [2]. 88% родителей отметили, что для них значима ценность здоровья, тогда как в своем личном опыте реализуют эту ценность лишь 58% родителей. Таким образом, речь идет о несформированности личностных предпосылок для полноценного сотрудничества родителей и педагогов в вопросах сохранения и укрепления здоровья обучающихся. Это не только низкая личная культура здоровья, но и стереотипы, слабая информированность и вовлеченность родителей в здоровьесберегающую деятельность школы. Все это требует поиска эффективных путей повышения привлекательности школы как пространства здоровья.

Литература

1. *Ковиова Е.С.* Родители о роли школы в формировании здорового образа жизни ребенка//Наука и школа. 2017. №3. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/roditeli-o-rol-i-shkoly-v-formirovanii-zdorovogo-obraza-zhizni-rebenka>.
2. *Нехорошева Е.В.* Конституирующая роль ценности здоровья в современной школе: от объективной ценности к экзистенциальной// В сборнике: Индивидуальное, национальное и глобальное в сознании современного человека: новые идеи, проблемы, научные направления. Сер. «Интеграция академической и университетской психологии» Ответственные редакторы: Н.В. Борисова, М.И. Воловикова, А.Л. Журавлев. Москва, 2020. С. 430-437.
3. *Nekhorosheva E., Denisov L., Alekseycheva E., Kasatkina D.* Health literacy in the urban health infrastructure: who maintains healthcare and how//В сборнике: Education and City: Education and Quality of Living in the City. The Third Annual International Symposium. Moscow, 2021. С. 2007.

К вопросу о психологическом благополучии старших подростков

*Адаскина А.А., Гущина Т.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
gushchina.tatyana.alex@bk.ru*

Основоположник исследования проблемы психологического благополучия Э. Динер [2] определил это явление как осознание человеком степени удовлетворенности собственной жизнью, подчеркивая субъективность данного восприятия. Э. Динер выделил следующие составляющие психологического благополучия.

1. Удовлетворение. Данный компонент определяется как субъективная оценка различных сфер деятельности и жизни человека в целом, позволяющая индивидууму классифицировать собственную жизнь с точки зрения удовлетворенности ею.

2. Благоприятные эмоции, выражающиеся в преобладании позитивного настроения.

3. Неприятные эмоции, означающие преобладание негативного настроения.

Э. Динер ввел критерий измерения благополучия, позволяющий оценить, насколько один человек более счастлив по сравнению с другим. Также он рассматривал критерий качества жизни, понимая под ним те факторы внешней среды, благодаря которым индивид может классифицировать ее как приятную, при этом его оценка происходит на основании как материальной, так и психологической составляющих состояния человека.

Б. Сингер и К. Рифф [5] подразделили психологическое благополучие на следующие компоненты.

1. Автономность – способность человека отстаивать свою точку зрения, следуя собственным принципам и выстроенной модели мышления и поведения.

2. Управление окружающей средой или компетентность.

3. Личностный рост – способность индивидуума к постоянному развитию, стремление к получению новой полезной информации, преодолению собственных пределов в различных областях деятельности.

4. Позитивное отношение к окружающим.

5. Цели в жизни – характеристика, описывающая потребность человека в определении для себя субъективных целей, которые являются движущим фактором для него.

6. Самопринятие – осознание своих сильных и слабых сторон с достижением внутренней гармонии, что приводит к развитию положительной Я-концепции.

Для более глубокого изучения вопроса психологического благополучия целесообразно проводить исследования на выборке старших подростков, так как в этом переходном возрасте происходят интенсивные психологические и физические изменения. В силу особенностей возраста можно спрогнозировать преобладание у испытуемых низкого уровня психологического благополучия. Для проверки данного предположения была использована «Шкала психологического благополучия» К. Рифф (под редакцией Т.Д. Шевеленковой и П.П. Фесенко) [1] на выборке 32 девушек и 28 молодых людей в возрасте 15-17 лет.

Результаты показали, что 45% подростков обладают низким уровнем психологического благополучия, средним – 30%. Всего лишь 25% испытуемых обладают высоким уровнем психологического благополучия. При этом необходимо отметить, что показатели по отдельным критериям могут быть значительно ниже и не отображать общей картины в целом. Так, позитивное отношение наблюдается лишь у 27% испытуемых, высокий показатель шкалы, отвечающей за автономию и самостоятельность, встречается у 38% опрошенных, 32% подростков обладают компетентностью в управлении средой. Почти 78% опрошенных не осознают своего личностного роста и не испытывают чувства самосовершенствования, самореализации. Только 32% респондентов осознают цели в жизни, а 65% испытуемых не довольны собой и разочарованы событиями своего прошлого.

Р. МакКрай и П. Коста [4] подчеркивали зависимость между психологическим благополучием и использованием эффективных копинг-стратегий. К эффективным копинг-стратегиям авторы причисляли веру в наилучший исход; не замыкание в себе, а стремление получить поддержку от окружающих, подход к ситуации с юмором, а также целенаправленность на решение возникающих проблем. В случае использования эффективных копинг-стратегий у индивида может наблюдаться уменьшение стресса, улучшение психологического состояния, приводящего к чувству удовлетворения жизнью, а также к улучшению мировосприятия.

Другим специалистом, отмечающим связь копинг-стратегий и психологического благополучия, был Э. Харди [3], который подчеркивал важность обладания разнообразием копинг-стратегий для лучшего уменьшения негативного эффекта стресса. В своих исследованиях он сравнивал людей с одинаковым уровнем стресса, но отличающихся применяемыми копинг-стратегиями. На основании

опыта он сделал вывод о повышении психологического благополучия с увеличением разнообразия использования стратегий совладания.

Таким образом, можно сделать вывод, что проблема психологического благополучия является актуальной. Наше исследование подтверждает необходимость развития копинг-стратегий у подростков с целью повышения их психологического благополучия.

Литература

1. *Лепешинский Н.Н.* Адаптация опросника «Шкала психологического благополучия» К. Рифф // Психологический журнал. 2007. №3. С. 24-37.
2. *Diener E., Diener C.* Most people are happy // Psychological Science. 1996.
3. *Hardie E., Critchley C., Morris Z.* Self-coping complexity: role of self-construal in relational, individual and collective coping styles and health outcomes // Asian Journal of Social Psychology. 2006.
4. *MacCrae R., Costa P.* Personality, coping and coping effectiveness in an adult sample // Journal of Personality. 1986.
5. *Ryff C.D.* The structure of psychological well-being revisited // Journal of Personality and Social Psychology. 1995.

Зарубежные подходы к изучению ценностной проблематики

Адилова Э.Т., Аймаганбетова О.Х.
КазНУ им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан
elnura.adilova@mail.ru, alnara25@mail.ru

При изучении ценностной проблематики в современной казахстанской психологии мы прежде всего опираемся на исследования, проведенные в контексте зарубежной психологии. Анализ и систематизация зарубежных исследований по данной проблеме позволил нам сформулировать некоторые выводы.

Проблема изучения ценностей впервые заинтересовала американских социальных психологов У. Томаса и Ф. Знанецкого только в начале XX века, считавших, что каждая ценность определяется деятельностью человека и системой определенных ценностей, которых он придерживается. Эта система включает экономические, социальные, духовные, религиозные, научные и

другие ценности. Ценности могут создаваться и разрушаться самими людьми не только в процессе деятельности, но и во взаимодействии.

Как показал проведенный анализ литературы, ценностная проблема приобрела особую актуальность в трудах зарубежных психологов – Э. Фромма, Ф. Клякхона, Ф. Стродтбека, М. Рокича, Г. Олпорта, Г. Хофстеде, Г. Триандиса, Ш. Шварца и др.

Э. Фромм в своем труде «Бегство от свободы» связывает ценности с потребностями человека – от его потребности в выживании и безопасности до потребности в самореализации, при этом отдельно выделяя потребность в системе ценностей. Он писал, что «нужна система взглядов, ценностей, помогающая нам ориентироваться в окружающем мире. Отсутствие ценностей ведет к духовной смерти личности от одиночества и отсутствия смысла жизни, а связь «с какими-то идеями, моральными ценностями или хотя бы социальными стандартами – и дает ему чувство общности и «принадлежности» [3, с.33-34].

Одна из самых интересных концепций ценностей и ценностных ориентаций была предложена Ф. Клякхоном и Ф. Стродтбеком, рассматривавшими ценность как концепцию желаемого, внешнюю и явную или скрыто-внутреннюю, сугубо индивидуальную характеристику группы, влияющую на выбор имеющихся способов, средств и конечных целей действия.

Американский психолог Г. Олпорт в основу своей концепции ценностей положил типологию личности, определяющую различия и сходства между людьми. Всего им было выделено шесть основных типов личности, соответствующих шести ценностным ориентациям, составляющим стержень их личности.

Большой вклад в развитие концепции ценностей внес американский психолог М. Рокич, рассматривавший ценности как «устойчивое убеждение в том, что определенный способ действия или определенные жизненные цели наиболее предпочтительны для индивида и общества другим способам деятельности или другим конечным целям» [2, с.20-28].

Начиная с 70-х годов XX века, изучение ценностей и ценностных ориентаций становится в центре научных интересов кросс-культурных психологов. Г. Хофстеде, проводивший масштабные кросс-культурные исследования менеджеров корпорации IBM, исходил из понимания, что исследование ценностей является необходимым условием понимания реального поведения человека и деятельности групп людей. Поскольку объединяющая их культура – это коллективное программное обеспечение человеческого мозга, которое отличает членов одной группы людей от другой.

Наиболее широкую известность в современный период приобрела концепция ценностей, созданная Ш. Шварцем, который предложил принципиально новый подход в изучении ценностей. «Основное отличие своих методов Шварц видел в том, что его предшественники не различали ценности культуры и индивидуальные ценности, именно их Шварц сделал предметом изучения» [1, с.70].

В конце XX века американским социальным психологом Р. Иглхартом были проведены крупнейшие социально-психологические исследования, в которых приняли участие более 300000 респондентов из 97 стран мира.

Что касается современных социально-психологических исследований ценностной проблематики в контексте зарубежной психологической науки, то наиболее интересное исследование было проведено в 2015 г. Оно было направлено на изучение личностных ценностных ориентаций как опосредованных предикторов психического здоровья студентов – представителей трех культур: Германии, России, Китая [5, с.8-17].

В 2017 году пражским исследователем П. Анизовой в рамках международного исследовательского проекта PIAAC было проведено изучение социально-психологического контекста общечеловеческих ценностей: взаимосвязь личностных качеств и ценностных ориентаций. В исследовании ею было доказано, что между ценностями и чертами личности существует сложная взаимосвязь [4].

Таким образом, проведенный анализ показал, что в современной зарубежной психологии большее значение имеет изучение не самих ценностей, а, прежде всего, ценностных ориентаций, которые понимаются как разделяемые личностью ценности, выступающие в качестве целей жизни и основных средств достижения этих целей и в силу этого приобретающие функцию важнейших регуляторов поведения индивидов.

Литература

1. *Карандашев В.Н.* Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004. 70 с.
2. *Рокич М.* Природа человеческих ценностей. М.: Свободная пресса. 1973. С. 20-28.
3. *Фромм Э.* Бегство от свободы. Человек для себя: пер. с англ. М.: АСТ, 2006. С. 33-34.
4. *Anýžová P.* The Social-Psychological Context of Human Values: The Reciprocal Relationship between Personality Traits and Value

Orientations // Sociologický časopis / Czech Sociological Review. 2017. № 53(3). P. 393-426.

5. Maerckera A., Zhang X.C., Gao Z., Kochetkov Y., Lu S., etc. Personal value orientations as mediated predictors of mental health: A three-culture study of Chinese, Russian, and German university students // International Journal of Clinical and Health Psychology. 2015. №15 (1). P. 8-17.

Культурный код организации и его связь с культурным кодом лидера

Аксеновская Л.Н.

*ФГБОУ ВО «Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского»,
Саратов, Россия
liudmila_aksenovskaya@mail.ru*

Традиция социально-психологических исследований организаций различного профиля в нашей стране имеет давнюю историю. Результаты этих исследований востребованы управленческим персоналом, поскольку помогают более точно оценить структуру, причины возникающих проблем и принимать взвешенные управленческие решения. Заслуженным уважением пользуется социально-психологическая школа изучения образовательных и других организаций, сложившаяся в МГППУ под руководством М.Ю. Кондратьева [2]. Лидером особой линии этой школы, связанной с социально-психологическими исследованиями организационной культуры, является А.В. Погодина, исследования которой вызывают в нашей стране неизменный интерес [3; 4] и, в частности, имеют большое значение для развития наших исследований феномена организационной культуры в рамках ордерного подхода.

Одним из новых результатов ордерных исследований организационной культуры являются данные о существовании соответствия между культурным кодом организации и культурным кодом лидера организации, с одной стороны, и возможностью рассогласования между ними, с другой стороны. Раскроем содержание этого тезиса подробнее.

Ордерная диагностика организационной культуры позволяет оценить степень выраженности субордеров (аспектов) целостной организационной культуры предприятия. Субордеры («семья»,

«армия», «церковь»)), как правило, в реальной организации имеют разную степень выраженности. Когда результаты, набранные при оценке субордерами, располагаются в порядке убывания значений и получают буквенную маркировку по первым буквам слова, маркирующего субордер (С – «семья», А – «армия», Ц – «церковь»)), мы получаем «культурный код» организации (например, А-Ц-С, характерный для высокоэффективных научных групп, своего рода «верующая армия»). Было установлено, что существует шесть комбинаций букв («кодов») и каждому из них соответствует определенный тип актуальной управленческой задачи, решаемой лидером и управленческой командой. Например, для упомянутого кода А-Ц-С такой актуальной задачей является «прорыв на новый уровень в условиях дефицита времени». Для каждой управленческой задачи выделены факторы риска (например, в нашем примере – это риск выгорания) и разработаны рекомендации по минимизации рисков (для данного примера – использование приемов усиления «семейного» аспекта культуры с вниманием к состоянию каждого члена группы) [1].

Одна из шести методик ордерной диагностики организационной культуры позволяет выполнить схожую с описанной выше диагностику степени выраженности субордерных характеристик личности лидера, то есть ответить на вопрос, какие характеристики преобладают в целостной структуре лидерских качеств – «родительские», «командирские» или «пастьрские». До недавнего времени, на основании накопленных данных, мы считали, что существует прямое соответствие между «культурным кодом» организации и «культурным кодом» лидера. В представленном выше примере код научной группы «А-Ц-С» и код лидера – точно такой же. Однако обработка результатов диагностики степени выраженности субордеров культуры организации и культуры лидера показали, что такие совпадения бывают далеко не всегда. В специальных интервью с руководителями, показавшими рассогласованность между своим результатом и результатом организации, было установлено, что наиболее частыми причинами рассогласования являются: 1) большое количество молодых сотрудников, в отношении которых на первое место у лидера выходит задача обучения и воспитания на рабочем месте. Так, результаты ордерной диагностики в силовых структурах (доминирующий «армейский» субордер) показывают нередко высокую выраженность в структуре лидерских качеств руководителей субордерной характеристики «родитель». В комментариях старшие офицеры отмечали, что вынуждены порой «не командовать, а нянчиться» с молодыми подчиненными; 2) трудная ситуация в

жизнедеятельности организации (тип актуальной управленческой задачи – «обеспечить выживание организации в неблагоприятных условиях»), когда лидер должен вести себя с сотрудниками как «командир» (по сути, антикризисный менеджер) в организации со сложившейся «семейной» культурой (например, крупное промышленное предприятие); 3) ранняя стадия профессионализации руководителя, когда он в организации с любым доминирующим субордером ведет себя как «пастырь» (идеолог), поскольку «общие» идеи даются ему «легче» в сравнении с практическими навыками заботы о людях («родитель») и управления достижением результатов деятельности («командир»).

Таким образом, можно констатировать факт как возможного соответствия между «культурными кодами» организации и ее лидера, так и факт возможного рассогласования между их «культурными кодами». Наличие соответствия предположительно можно оценить как позитивное явление, снижающее уровень психологической нагрузки на лидера и его сотрудников. Наличие рассогласованности между «культурными кодами» организации и лидера может свидетельствовать о существовании повышенной психологической нагрузки для лидера.

Литература

1. *Аксеновская Л.Н.* Изменение организационной культуры на основе данных о ее этико-смысловом коде//Личность в ситуации социальных изменений: сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции (12- 13 декабря 2019 г.). Под ред. А.Ю. Смирновой. Саратов: ИЦ «Наука», 2019. 220 с. С.3-13.
2. *Кондратьев М.Ю., Ильин В.А.* Специфика социально-психологического климата межличностных конфликтов как фактора реализации форсайт-проектов//Социальная психология и общество. Международный научный журнал. №3/2012. С.150-165.
3. *Погодина А.В.* Особенности корпоративной культуры современного университета // Организационная психология: люди и риски: сб. материалов X Международной научно-практической конференции (14-15 ноября 2019 г.) / под ред. Л.Н. Аксеновской.- Саратов: ИЦ «Наука», 2019. 167 с. С. 43-45.
4. *Погодина А.В.* Вовлеченность персонала в контексте организационной культуры компании // Организационная

психология: люди и риски: сб. материалов XI Международной научно-практической конференции (24 апреля -1 мая 2020 г.) / под ред. проф. Л.Н. Аксеновской. Саратов: ИЦ «Наука», 2020. 398 с. С. 137-145.

Ролевая игра как форма социально-психологической адаптации

Александров И.А.

ГОУ ВО МО МГОУ, Москва, Россия

Survival.al@Gmail.com

В настоящее время общество испытывает сложности с уровнем стресса, в связи с изменением социальных ориентаций. Для борьбы с факторами стресса общество способно самоорганизовываться в кружки по интересам – субкультуры. Субкультуры как микрообщества представляют интерес для исследователей тем, что в них можно проследить практически все общественные процессы в миниатюре. Плюрализм данных сообществ приводит к тому, что к анализу каждого из них необходимо применять индивидуальный подход. Особый интерес во всей массе субкультур представляет субкультура ролевых игр живого действия или «ролевиков».

От всех остальных явлений самоорганизации общества она отличается неформальностью, специфическим стилем жизни и поведения, а также затрагиванием практически всех аспектов жизни с точки зрения субкультурного осмысления бытия. Среди субкультур выделяются ролевики. Эта субкультура отличается от других своей многогранностью, разнообразностью сеттингов. Особенностью ролевого движения также является требование вживаться в роль заранее прописанного персонажа, что повышает уровень вовлечённости индивида в атмосферу субкультуры [1].

В декабре 2017 года завершилось крупное исследование молодежных культурных сцен, которое проводил Санкт-Петербургский центр молодежных исследований НИУ ВШЭ. Проект по изучению занял три года и выявил, что процент молодежи, вовлеченной в субкультуры, в нескольких городах России, таких, как Казань, Санкт-Петербург, Махачкала, составляет не привычное меньшинство, а колеблется у отметки 75%. Процент любителей ролевых игр довольно высок – от 10 до 30% от общего числа респондентов в зависимости от города. На наш взгляд, подобные результаты свидетельствуют о том, что культура ролевых игр весьма популярна среди молодежи. Ролевая игра помогает индивиду

социализироваться путем удовлетворения таких запросов его личности, как общение, обучение, расширение эрудиции и самоутверждение. Как отмечают в своих работах известные психологи и социологи В.Я. Ворошилов, А.Д. Жарков, В.М. Чижигов, П.В. Кващут, Г.Н. Семаева, А.И. Ковалева, А.В. Мудрик, Г.М. Потанин, Д.Н. Кавтарадзе, социализация является сложным и непрерывным процессом, который протекает одновременно на социальном, биологическом и психологическом уровнях. Потребности конкретной личности адаптируются к запросам общества или отвергаются. Причем социализация – это явление, которое протекает на протяжении всей жизни человека. Обучаясь получать опыт, жизненные навыки, приобретать умения и навыки в игровой форме, человек овладевает социальными ролями.

В настоящее время роль ролевых игр как субкультурного явления возросла и переросла себя. Игровые методики используются не только как метод объединения по интересам в рамках одной субкультуры, а применяется в различных областях науки и производства, начиная от профориентации, заканчивая обучением и психиатрической терапией в развитых странах [2; 3].

Нами было проведено исследование, гипотеза которого состояла в предположении о том, что между представителями субкультуры «ролевиков» и людьми, не входящими в субкультуры, не имеющими хобби, связанных с ролевым отыгрышем, существуют различия в личностных особенностях и адаптивных характеристиках, так как в субкультурном сообществе формируется свой социальный микроклимат, повышающий уровень адаптации его членов.

Резидентами исследования стали рабочие завода КАМАЗ и его дочерних предприятий, студенты вузов и сузов г. Набережные Челны, члены клубов ролевых игр «Цитадель» (Ижевск), «Элскон» (Москва), «Отражения» (Владивосток), «Котолич» (Санкт-Петербург), «Бастион» (Архангельск), игровое сообщество СНГ «Russian Forest RP». Численность респондентов составила 50 человек в контрольной и 50 человек в экспериментальной группах. Были рассмотрены основные характеристики участников ролевых игр живого действия («ролевиков»), произведено уточнение и расширение представлений о личностных особенностях данной субкультуры.

В ходе проведения исследования выяснилось, что между группами действительно есть различия в детерминантах социально-психологической адаптации. Так, с адаптацией экспериментальной группы связаны такие качества личности и ее проявления, как способность воспринимать свою жизнь как единое целое и ощущать ее полноту; склонность в большинстве случаев руководствоваться

собственными принципами и установками, в меньшей степени реагировать на обстоятельства, на которые невозможно влиять, и умение сохранять спокойствие и критическое мышление при сильных переживаниях, преодолевать трудности жизни конструктивными методами; умение идти на контакт с новыми людьми, находить общие интересы и другие «точки соприкосновения»; готовность брать на себя ответственность и занимать ведущие роли. Чем ярче выражены эти качества, тем выше уровень адаптации личности «ролевиков».

Литература

1. *Гендин А.М., Сергеев М.И.* Профориентация школьников // Социологические исследования. М., 1996.
2. *Грищенко В.И.* Концепция компетентностного подхода и профильное воспитание в школе // Высшее образование сегодня. М., 2008.
3. *Левчук С.В.* Профильные программы воспитания как социально педагогическая технология в образовательных учреждениях интернатного типа // XI Державинские чтения. Академия педагогики и социальной работы. – Тамбов: Грамота, 2006.

Диагностика просоциальных качеств студентов: альтруизм двух типов

Александрова Л.А., Хинканина А.Л.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
ladaleksandrova@mail.ru, al.hin@mail.ru

Студенческий период в жизни личности отличается не только большой степенью личной свободы, но расширением поля своей самостоятельности и ответственности. Это время сензитивно для утверждения ценностей и ориентиров, которыми молодые люди будут руководствоваться в своем дальнейшем жизненном пути. Извечный континуум «эгоизм – альтруизм» проверяется личными поступками по отношению к близким, знакомым и незнакомым людям, группе и социуму. Почему студент (студентка) может поступать альтруистично? С чем связано такое поведение: желанием помочь страдающему для повышения самооценки, для личной выгоды или для того, чтобы создать благоприятную атмосферу для всех?

Важность изучения этой темы диктуется рядом тенденций: снижение общей активности студентов, «усечение», в силу все большей виртуальности коммуникативных качеств, превалирование рационализма и ориентации на материальные ценности.

На изучение альтруистического поведения студентов было направлено исследование, проведенное на факультете дистанционного обучения МГППУ и в Поволжском государственном технологическом университете в октябре 2020 – марте 2021 гг., в котором участвовали 287 человек, из них 157 мужчин и 130 женщин в возрасте от 16 до 49 лет ($M = 22,2$, $CD = 5,4$). Среди студентов были очники, заочники, бакалавры, магистранты различных направлений подготовки (технических, технологических, экономических, гуманитарных).

Теоретико-методологической основой исследования стали идеи В. Соловьева об альтруизме [1], концепция интериоризации Л.С. Выготского [2], положение о различных типах альтруизма (А.Л. Свенцицкий, Т.В. Казанцева, Л.В. Марарица, Л.Г. Почебут) [3]: первого типа, ориентированного на помощь конкретному человеку, и второго типа, имеющего цель обеспечения и максимизации общего блага.

В качестве метода была использована Адаптированная шкала самооценки альтруизма (Adapted Self-Report Altruism Scale) Питера Витта и Криса Болемана (адаптированная версия, 2009 г.). Автор оригинала П.К. Раштон, 1981 [4]. Шкала проходит адаптацию на русскоязычной выборке под руководством Л.А. Александровой. Опросник состоит из 14 пунктов.

Для исследования альтруизма второго типа, направленного на улучшение состояния социальной среды, была использована Шкала альтруистического инвестирования, разработанная А.Л. Свенцицким, Т.В. Казанцевой, Л.В. Марарица, Л.Г. Почебут (2019). Опросник состоит из 7 пунктов.

В процессе изучения проблемы решались следующие эмпирические задачи: 1) проверить внутреннюю согласованность адаптированного опросника Раштона; 2) выявить связь между двумя шкалами, которые могут быть использованы для оценки альтруистического поведения студентов; 3) выявить различия между мужчинами и женщинами в проявлении альтруизма.

Проверка внутренней согласованности адаптированной Шкалы самооценки альтруизма Раштона осуществлялась с помощью коэффициента α Кронбаха при участии $N = 242$ респондентов. Результаты статистики указывают на хорошую согласованность – коэффициент α Кронбаха для шкалы из 14 пунктов равен 0,826. Только один пункт (пункт 8) показал слабую корреляцию с общей

шкалой ($r = 0,257$) и повышение α Кронбаха до 0,832 при его удалении. И все же принято решение не удалять данный пункт, поскольку исследование продолжается.

С помощью критерия ранговой корреляции Спирмена на выборке $N = 287$ студентов выявлена средняя по силе связь между Шкалой самооценки альтруизма и Шкалой альтруистического инвестирования ($r = 0,552$, $p < 0,001$). Сила связи говорит о том, что все-таки данные методики измеряют разные стороны альтруизма. Так, Адаптированная шкала самооценки альтруизма Раштона просматривает различные ситуации, в которых можно оказать содействие знакомым и незнакомым людям, которые нуждаются в помощи. Данная методика дает возможность оценить степень такой готовности к поведению, которое можно определить как альтруистическое.

В свою очередь, Шкала альтруистического инвестирования, согласно ее создателям, выявляет нацеленность оказать помощь, проявить доброжелательность, стремление к улучшению ситуации для всех; важность общего по сравнению с личным.

С помощью критерия Манна-Уитни на той же выборке студентов проверена гипотеза о различиях в проявлении альтруизма у мужчин и женщин. Как видно из Таблицы 1, у женщин немного выше средние баллы по обоим шкалам, однако различия статистически значимы только в отношении альтруистического инвестирования ($p < 0,001$). Другими словами, мужчины и женщины одинаково оценивают свою расположенность к альтруистическому поведению как оказанию помощи конкретному человеку. Однако женщины чуть больше склонны к предпочтению поведения, направленного на улучшение общества в целом.

Таблица 1.
Различия в альтруизме у мужчин и женщин ($N = 287$)

		Мужчины $n = 157$	Женщины $n = 130$	Статистика U Манна- Уитни	Уровень значимости p
Самооценка альтруизма	M	30,4	32,8	9156,000	0,134
	CD	9,3	10,9		
Альтруистическое инвестирование	M	23,4	25,3	7749,500	0,000***
	CD	5,6	4,6		

Примечание: *** различия значимы на уровне $p < 0,001$.

Таким образом, результаты проведенного исследования указывают на хорошую внутреннюю согласованность Адаптированной шкалы самооценки альтруизма Раштона, на наличие связи между двумя

типами альтруизма, а также на разницу в проявлении альтруизма у мужчин и женщин.

Литература

1. *Соловьев В.С.* Оправдание добра / Сочинения в 2 томах. Т. 1. М.: Мысль, 1988.
2. *Выготский Л. С.* Педагогическая психология / Под ред. В.В. Давыдова. М.: Педагогика-Пресс, 1999. 536 с.
3. *Марарица Л.В., Казанцева Т.В., Почебут Л.Г., Свенцицкий А.Л.* Альтруистическое инвестирование как не-творкинг-стратегия личности: разработка шкалы и проверка конструктивной валидности // Социальная психология и общество. 2019. Т.10. № 3. С. 157-176.
4. *Rushton J.P., Chrisjohn R.D., & Fekken G.C.* The altruistic personality and the self-report altruism scale. *Personality and Individual Differences*. 1981, 1, 292-302. [Электронный ресурс]. URL.: <https://philipperushton.net/wp-content/uploads/2015/02/personality-prosocial-rushton-personality-individual-differences-1981.pdf>. Дата обращения 14.04.2021.

Сравнение жизнеспособности эмигрантов по критерию вовлеченности в профессиональную деятельность

Алексанова О.Е., Махнач А.В.
ИП РАН, Москва, Россия
Olga.aleksanidu@gmail.com

Во время эмиграции происходят масштабные демографические изменения во всем мире, где мигрантам приходится адаптироваться в новой культурной среде.

Адаптационный компонент является неотъемлемой частью миграции, так как в процессе миграции человек оказывается в совершенно новых, незнакомых условиях. На эмигранта начинает воздействовать множество обстоятельств, которые заставляют человека активно взаимодействовать со средой, при этом стараясь изменить ее в соответствии со своими потребностями и меняясь самому в процессе взаимодействия.

Одной из сложных проблем в различных этнокультурных средах является жизнеспособность эмигрантов. Когда осуществляется культурный переход, мигранты не только пересматривают привычки и прежний образ жизни, но и успешно встраиваются в социальную среду. И тогда вопрос индивидуальной жизнеспособности выходит на первый план [2].

Ученые обратили внимание на проблему улучшения психологического состояния мигранта, и это в свою очередь привело к выделению феномена жизнеспособности и разностороннему его изучению [7]. Не все эмигранты успешно адаптируются в новых условиях существования, вливаются в социальную среду, выбирают оптимальную стратегию ассимиляции и трудоустройства [6].

Успешная адаптация является важным вопросом для множества заинтересованных сторон во многих странах из-за его потенциального долгосрочного значения для благополучия мигрантов, а также для процветания и социальной сплоченности принимающих обществ [10].

В ряде научных исследований [1; 3; 4; 5; 8; 9 и др.] выдвигались частные гипотезы о взаимосвязи адаптационных способностей мигрантов и успешности их пребывания в новых условиях. Для исследования жизнеспособности эмигрантов с различным опытом профессиональной адаптации применялся корреляционный анализ данных, полученных от 248 эмигрантов.

По результатам проведенного корреляционного анализа установлен ряд статистически значимых связей в системе показателей «Жизнеспособность – профессиональная адаптация».

В наиболее общем виде можно утверждать, что жизнеспособность эмигрантов в значительной степени определяется их трудовой деятельностью в стране пребывания, а именно: 1) успехами в адаптации к профессии, 2) отношением к труду, 3) карьерными перспективами (перспективами в трудовой деятельности).

Таким образом, в результате эмпирического исследования было установлено, что между жизнеспособностью эмигрантов и опытом их профессиональной адаптации существует статистически значимая корреляционная связь (переселенцам с большим опытом профессиональной адаптации соответствует более высокий уровень жизнеспособности). Жизнеспособность эмигрантов в значительной степени определяется их трудовой деятельностью в стране пребывания, а именно: 1) успехами в адаптации к профессии, 2) отношением к труду, 3) карьерными перспективами.

Литература

1. *Баляев С.И.* Проблемы социально-психологической адаптации вынужденных мигрантов: опыт эмпирического исследования в республике Мордовия // Инженерные технологии и системы. 2007. Т. 17. № 2. С. 132-141.
2. *Бондырева С.К., Колесов Д.В.* Миграция (сущность и явление): миграция и смысл жизни. М.: Моск. психол.-соц. ин-т. - Воронеж: НПО «МОДЭК», 2004. 296 с.
3. *Гришунина Е.В., Максимов М.А.* Самоактуализация как критерий эффективности социально-психологической адаптации мигрантов // Акмеология. 2014. № 4 (52). С. 77-84.
4. *Константинов В.В.* Исследование особенностей экономико-психологической адаптации этнических мигрантов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2009. Т. 9. № 3. С. 59-63.
5. *Лобова В.А.* Психологическая адаптация рабочих межрегиональной вахты в контексте сохранения здоровья // Вестник угрюдения. 2011. № 1 (4). С. 81-89.
6. *Лунин С.Л.* Психологические особенности мужчин, находящихся в ситуации временной трудовой миграции: специфика ЮФО // Российский психологический журнал. 2013. Т. 10. № 3. С. 70-77.
7. *Махнач А.В., Лактионова А.И.* Жизнеспособность подростка: понятие и концепция // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлёв. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 290–312.
8. *Павловец Г.Г.* Социально-психологическая адаптация вынужденных мигрантов: по материалам Северного Кавказа: Дисс. канд. психол. наук. СПб., 2002. 212 с.
9. *Юркевич Г.П.* Теория социальной адаптации в истории социологических учений // Актуальные вопросы современной науки. 2009. № 10. С. 101-116.
10. *Motti-Stefanidi F.* Resilience among immigrant youths: Who adapts well, and why? // Current Directions in Psychological Science. 2019. Vol. 28(5). P. 510-517. DOI:10.1177/0963721419861412

Детско-родительские отношения в азербайджанских семьях

*Алиева С.А., Павлова О.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
seva.aliева@inbox.ru, pavlovaos@mgppu.ru*

Родительское отношение к детям на сегодняшний день рассматривается как сложное многоуровневое явление [1]. Однако, несмотря на широкий интерес ученых, наличие многочисленных исследований и накопленный опыт практической психологии по вопросам родительского отношения к детям, единого определения данного понятия и научного подхода к его рассмотрению на сегодняшний день нет.

Так, А.Я. Варга рассматривает родительское отношение с точки зрения целостной системы разнообразных чувств родителей к ребенку, стереотипы их поведения при взаимодействии, особенности взаимопонимания, а также восприятия и степени принятия родителями собственного ребенка с учетом его личностных характеристик, интересов, способностей и т. д. [3].

Согласно Р.В. Овчаровой, родительское отношение к ребенку включает в себя такие характеристики, как комплекс ценностных ориентаций, родительских чувств и установок, ожиданий и позиций, ответственности и стиля семейного воспитания [5].

При благополучных детско-родительских отношениях прослеживается доброжелательная форма критики, терпеливость, чуткость и корректность [6]. Особое место в вопросах родительского отношения и воспитания занимает проблема соотношения родительского контроля как желания защитить ребенка, оградить его от неприятностей, и предоставления свободы, необходимой для всестороннего развития ребенка, в том числе его познавательной и исследовательской активности и самостоятельности [2].

Азербайджан является государством, трепетно хранящим свои народные и культурные традиции, что проявляется и в воспитательной стороне жизни. В азербайджанских семьях особое место при воспитании детей занимают нравственное и трудовое воспитание детей. Т. Муталлимов, исследовавший особенности воспитания детей в азербайджанских семьях, указывает на важное значение для азербайджанцев формирования человека цельного, мысли, чувства, слова и дела которого согласуются между собой и не имеют разрывов и расхождений [4]. При этом существенной особенностью воспитания в азербайджанских семьях является важность мнения родителей, строгость подчинения воле отца, представляющего собой старейшину

рода, в важных вопросах. Авторитет родителей является важным условием при воспитании детей.

В качестве методов эмпирического исследования нами был применен комплекс следующих психодиагностических методик: «Измерение родительских установок и реакций» PARI (Е.С. Шефер и Р.К. Белл); «Экспериментальное исследование особенностей эмоциональной стороны детско-родительского взаимодействия» ОДРЭВ (Е.И. Захарова); «Взаимодействие родитель–ребёнок», автором которой является И.М. Марковская.

Участие в исследовании приняли всего 60 человек (матерей) в возрасте от 25 до 36 лет. Среди них 20 человек являются представителями азербайджанских семей (родителями), проживающих на территории Азербайджана; 20 матерей, представляющих азербайджанские семьи, проживающие на территории России; 20 человек являются представителями русских семей, проживающих на территории России. Стоит отметить, что выборку представили матери, имеющие детей младшего школьного возраста (8-11 лет). Всего в семьях, принявших участие в исследовании, воспитываются 1-2 ребенка. Эмпирические данные рассматривались в ранговых значениях и с помощью метода математико-статистической обработки данных по критерию Крускала-Уоллиса.

Согласно результатам, полученным по методике «Измерение родительских установок и реакций» (PARI), нам удалось определить, что в азербайджанских семьях, проживающих на территории Азербайджана, наиболее выраженные значения были обнаружены по таким критериям, как «чрезмерная забота о ребенке», «зависимость от семьи», «подавление воли ребенка», «жертвенность матери», «опасение обидеть ребенка», «строгость родителей», «сверхавторитет родителей», «несамостоятельность матери». В русских семьях наблюдаются более высокие значения по таким шкалам данной методики, как: «вербализация», «супружеские конфликты», «раздражительность матери», «неудовлетворенность ролью хозяйки», «поощрение активности ребенка», «уклонение от конфликтов», «безучастность мужа», «стремление ускорить развитие ребенка».

По методике «Экспериментальное исследование особенностей эмоциональной стороны детско-родительского взаимодействия» (ОДРЭВ) нами были обнаружены значимые различия по критерию «умение воздействовать на состояние ребенка» – наиболее высокие показатели обнаружены в азербайджанских семьях, проживающих на территории Азербайджана. По тестовым шкалам «отношение к себе как к родителю», «стремление к телесному контакту», «оказание эмоциональной поддержки» наиболее выраженными значениями

обладают азербайджанские семьи, проживающие на территории России.

Исходя из результатов, полученных по методике «Взаимодействие родитель-ребенок», по шкалам «требовательность», «строгость», «контроль» и «тревожность» наиболее выраженные показатели обнаружены в группе азербайджанских семей, проживающих на территории Азербайджана. Более высокие значения «принятие» и «конфронтация» были обнаружены в русских семьях. Стоит отметить, что наиболее выраженные значения удовлетворенности отношениями родителей с ребенком обнаружены в группе азербайджанских семей, проживающих на территории России.

Литература

1. *Айсмонтас Б.Б.* Педагогическая психология: Схемы и тексты. М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2004. 208 с.
2. *Брагина Т.В.* Родительское отношение как психологический фактор личностного самоопределения ребенка в младшем школьном возрасте: автореф. дис. ... канд. психол. н.: 19.00.01 / Новосибир. гос. пед. ун-т. Новосибирск, 2000. 24 с.
3. *Варга А.Я.* Структура и типы родительских отношений. М.: Педагогика, 1987. С. 1-2.
4. *Микаилов Р.П.* Основы трудового и морального воспитания в азербайджанской семье / Р.П. Микаилов. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2014. № 16 (75). С. 357-361.
5. *Овчарова Р.В.* Психология родительства: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 368 с.
6. Психология и педагогика: Учеб. пособие / Ю.А. Логинов, Т.В.иНевская, С.В. Смирнова, И.В. Овчинникова. Иваново: ГОУ ВПО ИвГМА Росздрава, 2006. 99 с.

Оптимизация жизнестойкости посредством работы с образом родительской семьи в онлайн-консультировании

Аликин М.И.

ФГБОУ ВО КГПУ, Красноярск, Россия

Лукьянченко Н.В.

ФГБОУ ВО СибГУ, Красноярск, Россия

pt2486@mail.ru, lukyanchenkonv@gmail.com

Значимость детско-родительских отношений высока не только в собственно детских возрастах. Ранняя взрослость – время непростого

переплетения тенденций взросления и довольно тесных связей с родительской семьей [2]. Особенности этой связи и ее роли в формировании у молодых людей качеств, отвечающих требованиям жизнедеятельности в современном стрессогенном обществе, изучены недостаточно. Особенно важен вопрос ее влияния на формирование жизнестойкости. Ведь эта интегральная личностная характеристика позволяет человеку, несмотря на давление стресса, сохранить и даже приумножить свою эффективность [4]. Актуален запрос на эргономичные психологические технологии повышения жизнестойкости молодых людей. В связи с этим было проведено исследование связи жизнестойкости молодых людей с имеющимися у них образами отношения родителей, разработана и апробирована программа оптимизации жизнестойкости на основе выявленных закономерностей этой связи.

В исследовании (N=119) использовались: шкалы FAM («Семейная ситуация») и ERZIEN («Стиль воспитания») опросника BIV (Biographisches Inventar zur Diagnose von Verhaltensstörungen); «Операционализованный психодинамическая диагностика» (ОПДЗ), Тест жизнестойкости (адаптированный Д.А. Леонтьевым опросник Hardiness Survey C. Мадди).

Результаты исследования свидетельствуют о тесной связи жизнестойкости молодых людей с характером образа семьи детства: чем положительнее этот образ, тем выше жизнестойкость. Связь жизнестойкости с образами актуального отношения родителей носит более сложный характер, предполагает большую эмоциональную независимость матери и адаптивность позиции отца, чем в общепринятых гендерных стереотипах [1].

Результаты исследования легли в основу программы оптимизации жизнестойкости молодых людей посредством изменения образа родительской семьи. Программа апробировалась в период самоизоляции в связи с пандемией COVID-19. Организационные аспекты программы адаптированы к экстремальным условиям пандемии, определившим запрос на локализованные во времени формы помощи при невозможности проведения очных групповых занятий. Программа включает три онлайн-занятия с использованием методов психологической диагностики, консультативной беседы, эмоционально-образной терапии, релаксации, рефлексии и мини-лекций с опорным конспектом.

Первое занятие: информирование о целях и организации занятий; диагностика (BIV, ОПД, Тест жизнестойкости), мини-лекция (жизнестойкость и ее значение в жизни; образ родительской семьи как фактор жизнестойкости).

Второе занятие: обратная связь по результатам диагностики; обсуждение материала мини-лекции; проведение проективной процедуры «Ситуация затруднения» (релаксация; актуализация образа лично значимой стрессогенной ситуации); работа с образом взаимодействия с родительской семьёй периода раннего детства (разработанная М. Руффлер процедура «Я на руках кормящей матери» [3]): актуализация, коррекция, обсуждение; заключительная рефлексия.

Третье занятие: обсуждение текущего эмоционального состояния и проявления аспектов жизнестойкости; актуализация и оптимизация образа родительского отношения стадии начальной независимости («Я делаю первые шаги в присутствии родителей»); актуализация и оптимизация образа отношения родителей в текущий период; проективная процедура «Ситуация затруднения», аналогичная проведённой в начале второго занятия, обсуждение изменений в образе ситуации и отношения к ней; итоговая рефлексия с фокусом на перспективы применения полученного при прохождении программы опыта.

Через неделю после окончания работы повторно заполнялся «Тест жизнестойкости».

Анализ результативности программы определил три типа изменений:

1) При исходно высоком уровне жизнестойкости небольшие изменения отмечаются в показателе «Принятие риска». В отношении к сложной жизненной ситуации снижается напряжение сдерживающего самоконтроля.

2) При исходно невысоких уровнях жизнестойкости все ее показатели повышаются. В отношении к проблемной ситуации ушло дискомфортное напряжение, определились варианты преодоления.

3) При исходно невысоких уровнях жизнестойкости повысились показатели вовлеченности и принятия риска (стремление стать активным участником событий, получая удовольствие от деятельности, восприятие опыта как интересного и полезного). В восприятии проблемной ситуаций фрустрирующая окраска сменилась темой свободной активности.

Литература

1. Аликин И.А., Аликин М.И., Лукьянченко Н.В. Связь жизнестойкости студентов с отношением к ним родителей // Психологическая наука и образование. 2020. Том 25. № 3.

2. Психология раннего студенческого возраста / под ред. Е.Л. Бережковской. М., 2014.
3. Руффлер М. Игры внутри нас. Психодинамические структуры личности. М., 1998.
4. Maddi S., Kobasa S. The Hardy Executive: Health under Stress. Homewood (IL), 1984.

Развитие способности к эмпатии у школьников-подростков

Анисимова Е.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

anisimovaev@mgppu.ru

Основной принцип существования социума – непрерывное взаимодействие. Человек – социальное существо, он живет и развивается внутри общества и совместно с ним. Изначально внутри семьи – первом институте социализации, затем при переходе в подростковый возраст – внутри референтной группы [4], где место значимых взрослых занимают сверстники и взаимодействие с ними выходит на первый план, меняя ведущую деятельность. Подростковый возраст – один из критических периодов в развитии человека не только как самостоятельной отдельно формирующейся личности, но и как части социума [1; 3].

Ведущей деятельностью в школьном подростковом возрасте является общение. Однако современное представление об этом понятии предполагает не только прямое межличностное общение по принципу «лицом к лицу», но и посредством электронных средств связи, что, с одной стороны, открывает возможность к коммуникации с широким кругом людей, а с другой – накладывает определенные ограничения: ведет к минимизации эмоционально-чувственного отношения, к потере навыков общения, к необдуманной демонстрации игнорирования и отрицанию социальных норм поведения. В этой связи современный подросток оказывается в непростой ситуации: с одной стороны – социальные сети, посредством которых осуществляет ведущую деятельность референтная группа, лишают возможности понимать людей на эмоционально-чувственном уровне, с другой – социум, который дает понять, что без навыков эмоционально-чувственного восприятия и эмпатии овладеть вниманием окружающих и взаимодействовать с ними будет в разы сложнее и менее эффективно, чем если бы эти навыки наличествовали [3].

Для решения этой задачи в 2017 году была разработана образовательная программа социально-психологической направленности «[Йа]» [5], основной целью которой является развитие навыков рефлексии и эмпатии у подростков, познавательного интереса, нравственных качеств, а также помощь в регуляции подростком собственных эмоциональных состояний, обучение детей навыкам осознаваемой и бесконфликтной социальной коммуникации. В рамках реализации программы подросткам предлагалось принять участие в развивающих тренингах, основной направленностью которых являлось развитие навыков эмпатического взаимодействия и эффективной социальной коммуникации.

Оба эти параметра были выбраны не случайно. Как доказывает ряд современных исследований в области межличностных взаимоотношений [1; 6], в подростковом возрасте именно эмпатия отвечает за эффективность межличностного взаимодействия.

Для анализа изменения выражения эмпатических способностей у школьников-подростков в рамках исследования был использован опросник «Индекс межличностной реактивности» (Interpersonal Reactivity Index – IRI), разработанный М. Davis в 1983 году [7]. В исследовании приняли участие 75 школьников-подростков в возрасте от 12 до 15 лет.

На представленном ниже графике (рис. 1) показано, как изменились показатели эмпатии у школьников-подростков после участия в тренинговых занятиях программы «[Йа]».

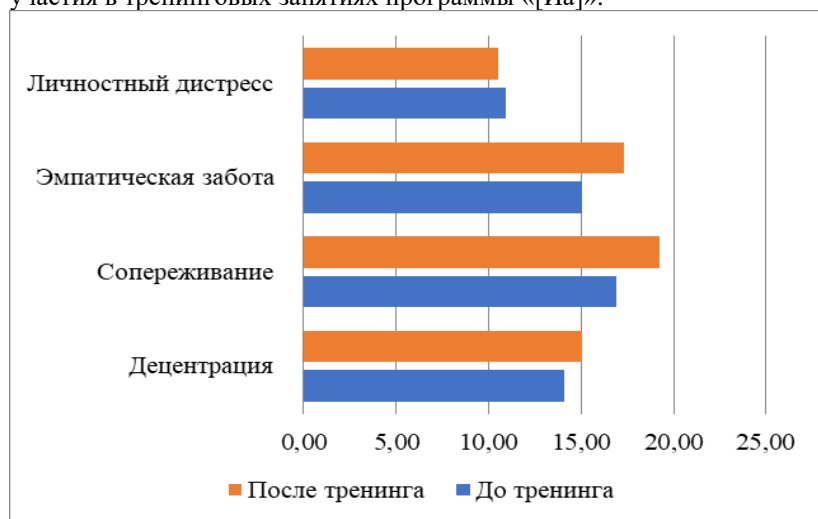

Рис. 1. Показатели эмпатии до и после тренинговых занятий

Исследование проводилось в два этапа на протяжении 21 дня. В первый и в последний день работы программы школьникам-подросткам предлагалось заполнить тест-опросник с целью выявления возможных изменений в развитии эмпатических способностей.

Из графика видно, что результаты по таким шкалам, как «Эмпатическая забота», «Сопереживание» и «Децентрация» значительно возросли. Это свидетельствует о том, что навыки, тренируемые в рамках представленной социально-психологической программы «[Йа]», были усвоены подростками. Значимым также является возрастание показателей по шкале «Личностный дистресс», отвечающей за чувства неловкости и дискомфорта в реакции на эмоции других в ситуации оказания помощи в напряженном межличностном взаимодействии. Согласно исследованиям Т.Д. Карягиной [2], возрастание показателей по данной шкале может быть связано с тем, что индивид, оказывая **истинную эмпатическую поддержку**, испытывает усталость и чувство дискомфорта, желание уйти и избавиться от тревожащих его чувств.

Таким образом, развитие эмпатии у школьников-подростков возможно и эффективно в специально созданных условиях, которые обеспечивает программа «[Йа]».

Литература

1. *Анисимова Е.В.* Эмпатия и ее роль в межличностном взаимодействии в подростковом возрасте // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 6А. С. 244–255. DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.175
2. *Карягина Т.Д., Кухтова Н.В.* Тест эмпатии М. Дэвиса: содержательная валидность и адаптация в межкультурном контексте // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24. № 4. С. 33—61. doi: 10.17759/cpp20162404003
3. *Крайг Г.* Психология развития: Пер. с англ. СПб.: Питер, 2000. 992 с.
4. *Крушельницкая О.Б., Орлов В.А.* Взаимодействие учащихся с референтным окружением как фактор их личностного развития // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2013. № 1. С. 5-12.
5. Методическое пособие к программе «[Йа]» (социальная коммуникация): практическое пособие / Сост. Е.Э. Бойкина, Е.В. Анисимова. – М.: ООО «Каллиграф», 2019. 108 с.

6. *Суханова М.О., Шерягина Е.В.* Особенности сопереживания на разных этапах подросткового возраста // Культурно-историческая психология. 2019. Том 15. №1. С. 102–115. DOI:10.17759/chp. 2019150111
7. *Davis M.* Measuring individual differences in empathy: Evidence for a multidimensional approach // Journal of Personality and Social Psychology. 1983. 44. P. 113–126.

Особенности совладающего поведения родителей детей с ОВЗ

Анохина С.А.

*Фонд «Безопасный дом», Москва, Россия
anokhinasa@gmail.com*

Появление в семье ребенка с ОВЗ является для родителей трудной жизненной ситуацией. Большинству детей с особенностями в развитии необходимы постоянные специализированные занятия, поэтому многим родителям приходится выполнять роль коррекционного педагога, что значительно увеличивает нагрузку на родителя. Кроме того, ребенку необходимо специфическое медицинское обслуживание и реабилитационные мероприятия, что создает дополнительные материальные трудности. Меняются интересы и потребности семьи. Уже не хватает времени на досуг, меняется круг знакомств, а иногда это приводит к почти полной социальной изоляции семьи.

Родители сталкиваются с трудной жизненной ситуацией, которая затрагивает все сферы жизни. Возникает необходимость хотя бы частичного преодоления трудных жизненных обстоятельств. Т.Л. Крюкова описывает совладающее поведение следующим образом: это особый вид социального поведения, который обеспечивает продуктивность, здоровье и благополучие человека. Основной задачей совладающего поведения является адаптация к сложившейся ситуации или ее изменение. Одной из основных особенностей совладающего поведения является то, что оно принадлежит человеку как субъекту – свободному, независимому и самоэффективному [1].

В настоящее время в научных исследованиях активно изучают тему совладающего поведения родителей детей с ОВЗ. Большинство авторов приходят к выводу о том, что совладающее поведение родителей детей с особенностями в развитии имеет свои специфические черты и закономерности.

А.А. Нестерова в своих работах выделяет важность социальной поддержки в жизнеспособности семьи, воспитывающей ребенка с ОВЗ [2]. Социальная поддержка – это взаимодействие индивида с его окружением, целью которого является получение необходимого вида помощи в сложившихся обстоятельствах. Она является одним из главных факторов успешной адаптации для родителей, которые воспитывают ребенка с особыми потребностями. Резюмируя исследования социальной поддержки в контексте особого родительства в зарубежных исследованиях, можно сделать следующие выводы:

- родители, которые ощущают более высокий уровень социальной поддержки, имеют более низкие показатели стресса [4; 5];
- родители с высоким уровнем социальной поддержки используют более позитивные методы в воспитании ребенка [3];
- они используют меньше деструктивных методов воспитания [6];
- воспринимаемая поддержка связана с увеличением позитивных чувств и уменьшением соматических симптомов родителя [7].

В нашем исследовании мы сконцентрировались на изучении взаимосвязи социальной поддержки и совладающего поведения родителей детей с ОВЗ. Анализ данных позволяет отметить:

- высокий уровень субъективного восприятия социальной поддержки взаимосвязан с выбором конструктивных копингов;
- низкий уровень субъективного восприятия социальной поддержки связан с выбором неконструктивных копингов;
- высокий уровень воспринимаемой социальной поддержки в наибольшей степени взаимосвязан с конструктивными копингами: снижением значимости стрессовой ситуации, самооправданием, замещением, самоутверждением, поиском социальной поддержки;
- низкий уровень воспринимаемой социальной поддержки в наибольшей степени связан с такими стратегиями совладающего поведения, как социальная замкнутость, беспомощность, жалость к себе, самообвинение, агрессия.

Литература

1. *Крюкова Т.Л.* Психология совладающего поведения в разные периоды жизни. Научная монография. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010.
2. *Нестерова А.А.* Жизнеспособность родителей, воспитывающих ребенка с аутизмом // *Семья, брак и родительство в современной России.* Выпуск 2 / Под ред. А.

- В. Махнача, К. Б. Зуева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С.265-277.
3. *Ceballo R., McLoyd V.C.* Social support and parenting in poor, dangerous neighborhoods // *Child Development*. 2002. Vol. 73 (4). P. 1310–1321.
  4. *Dunst C.J., Trivette C.M., Cross A.H.* Mediating influences of social support: Personal, family, & child outcomes. In: *American Journal of Mental Deficiency*, 1986, vol. 90, pp. 403–417.
  5. *Horton T.V., Wallander J.L.* Hope and social support as resilience factors against psychological distress of mothers who care for children with chronic physical conditions // *Rehabilitation Psychology*. 2001. Vol. 46 (4). P. 382–399.
  6. *Smith T.B., Oliver M.N.I., Innocenti M.S.* Parenting stress in families of children with disabilities // *American Journal of Orthopsychiatry*. 2001. Vol. 71 (2). P. 257–261.
  7. *Weiss M.J.* Hardiness and social support as predictors of stress in mothers of typical children, children with autism, and children with mental retardation // *Autism*. 2002. Vol. 6 (1). P. 115–130.

Личностные особенности молодых литературных блоггеров

Анциупова М.К.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
airheart1@yandex.ru*

Исследования природы творчества остаются одной из самых интересных и в то же время сложных областей современной психологии. Немало работ посвящено выявлению одаренности и развитию креативности у детей и подростков, однако сама творческая личность по большей части остается вне фокуса исследователей. Между тем, молодые творческие люди – это те, кто отвечают на вопросы, поставленные гениями прошлого, и задают вопросы, которые будут определять будущее. Так, более креативные люди чаще выбирают проблемно-ориентированные копинг стратегии [2; 3].

Литературный блоггинг – феномен современной культуры, который пока не получил значимой разработки в научных кругах. Совмещая в себе позитивные социальные аспекты блоггинга, творчества и экспрессивного письма, этот инструмент предположительно отвечает потребностям входящих во взрослость молодых людей 18-25 лет. Литературный блоггинг набирает

популярность среди молодежи по всему миру, в том числе и в России, и нуждается в освещении в психологической литературе [1].

Исследование посвящено изучению личностных особенностей литературных блоггеров в связи с приоритетными копинг-стратегиями. Основная гипотеза исследования заключается в том, что у литературных блоггеров показатели креативности, самоактуализации и личностной мотивации выше, и они чаще используют продуктивные копинг-стратегии, чем их ровесники с гуманитарной направленностью, но не вовлеченные в литературный блоггинг.

В исследовании участвовали 91 человек в возрасте от 18 до 25 лет ($S = 21,7$; $SD = 2,4$), 74 женщины (81,32% выборки) и 17 мужчин (18,68% выборки). Контрольную группу составили 42 студента гуманитарных направлений московских вузов (46,15% выборки), основную группу составили 49 литературных блоггеров (53,85%).

Для проведения исследования использовались следующие методики: «Диагностика самоактуализации личности» А.В. Лазукина в адаптации Н.Ф. Калина, опросник «Мотивация успеха и боязнь неудачи» А.А. Реана, опросник «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» Н.С. Эндлера, Дж.А. Паркера в адаптации Т.Л. Крюковой и методика «Диагностика личной креативности» Д. Джонсона в адаптации Е. Туник.

Данные были обработаны в программе IBM SPSS 23, для подсчета результатов был использован критерий U-Манна-Уитни. Результаты свидетельствуют о том, что между литературными блоггерами и студентами гуманитарных профессий присутствуют значимые различия по ряду личностных характеристик.

Литературные блоггеры демонстрируют более высокий уровень самоактуализации в целом ($p \leq 0,01$), а также по шкалам «Ориентация во времени», «Ценности» и «Креативность» ($p \leq 0,001$). Это свидетельствует о тенденции реализовывать свои способности, стремлении к творчеству и ориентации на такие ценности, как истинность, добро и целостность. Студенты-гуманитарии, однако, имеют более высокие показатели по шкале «Взгляд на природу человека», демонстрируя более позитивное отношение к людям, чем у литературных блоггеров ($p \leq 0,05$). Не выявлены значимые различия по шкалам «Потребность в познании», «Автономность», «Спонтанность», «Самопонимание», «Аутосимпатия», «Контактность» и «Гибкость в общении».

Отмечается, что литературные блоггеры в среднем имеют более высокий уровень мотивации, чем студенты-гуманитарии ($p \leq 0,001$).

Также выявлено, что литературные блоггеры больше ориентированы на проблемно-ориентированное совладание в стрессовой ситуации ($p \leq 0,001$). Не обнаружены значимые различия по шкалам «Эмоционально-ориентированный копинг» и «Избегание», а также по субшкалам «Отвлечение» и «Социальное отвлечение».

Литературные блоггеры имеют более высокий общий уровень личностной креативности, а также более высокие показатели по всем шкалам методики – «Склонность к риску», «Любознательность», «Сложность» и «Воображение» ($p \leq 0,001$).

Не было выявлено значимых различий между мужчинами и женщинами за исключением двух шкал методики самоактуализации – «Ценности» и «Креативность», где женщины демонстрируют более высокие показатели ($p \leq 0,05$).

Подводя итог, можно отметить, что в целом гипотеза исследования подтвердилась.

Литература

1. *Анцупова М.К., Красило Д.А.* Литературный блоггинг – современная форма coping и социально-психологический феномен. Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти М.Ю. Кондратьева (12–13 мая 2020 г.). М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2020. 55-58 с.
2. *Мальшев И.В.* Взаимосвязь творческого потенциала и копинг-стрессовых стратегий личности у студентов вуза. Известия Саратовского ун-та. Нов. серия. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13, вып. 3. С 56-61.
3. *Суркова Е.Г.* Творческая парадигма процесса совладания с трудными жизненными ситуациями // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 2. С. 222–228.

Восприятие социальной поддержки иностранными студентами, обучающимися в российском вузе

Апасова М.В., Кулагина И.Ю.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
rabiosa113@gmail.com, kulaginaiu@mgppu.ru

Вопросы социальной поддержки иностранных студентов решаются по-разному в разных вузах. Часто организуется информационная и

инструментальная, а также эмоциональная поддержка [5]. Иностранцы получают возможность обратиться к отдельным специалистам или в Центры, существующие при кампусах, за помощью в решении академических, бытовых и межличностных проблем. Социальная поддержка призвана облегчить межкультурную и социально-психологическую адаптацию студентов, улучшить психологическую атмосферу в вузе. При этом, как отмечают психологи, разные виды социальной поддержки дают разный эффект [4].

Кроме того, иностранные студенты получают социальную поддержку, возникающую спонтанно в процессе обучения и взаимодействия с представителями принимающей стороны. В этом плане особенно значимы совместное проживание, совместное проведение досуга и деятельность в молодежных организациях, существующих в вузе [2; 3].

При создании и совершенствовании социальной поддержки следует учитывать не только ее формы и направления, получившие распространение и признание, но и субъективный аспект – ее восприятие иностранными студентами. Целью данного исследования явилось изучение субъективного восприятия социальной поддержки китайскими и туркменскими студентами, обучающимися в российских вузах, которое проявляется в восприятии психологической атмосферы в стране и вузе, в состоянии эмоционального комфорта/дискомфорта.

В исследовании приняли участие 150 студентов, обучающихся в Московских вузах. Первая основная группа – студенты из Китая (50 человек), вторая основная группа – студенты из Туркмении (50 человек). В качестве контрольной группы выступили российские студенты (50 человек). Использовались методика «Диагностика социально-психологической адаптации» Роджерса и Даймонд (шкалы «адаптация к взаимодействию», «эмоциональный комфорт», «принятие других»), проективная методика завершения фраз как фрагмент методики Ж. Нюттена.

Как показали данные, полученные с помощью методики Роджерса и Даймонд, у китайских и туркменских студентов высокий уровень принятия других, соответствующий уровню «принятия других» российских студентов – принимающей стороны. Показатели адаптации взаимодействия с другими людьми наиболее высокими оказались в группе туркменских студентов. Эмоциональный комфорт наиболее выражен также в группе туркменских студентов. Вероятно, исторические связи средней Азии с Россией обеспечивают успешность адаптации в другой стране, восприятие социальной поддержки со стороны окружающих и благоприятной атмосферы в вузе. Отметим,

что адаптация в целом, в ее разных аспектах протекает более легко у туркменских студентов, по сравнению с китайскими [1].

Проективная методика «завершение фраз» позволила получить данные об отношении иностранных студентов к принимающей стороне, о трудностях с которыми они сталкиваются в процессе адаптации к обучению и новым условиям жизни. Китайские студенты выражают в целом позитивное отношение к России и свой интерес к культуре страны; их удивляет чувство свободы, присущее населению. Позитивное отношение к России у туркменских студентов выражено в большей степени, чем у китайских, они воспринимают новое социальное окружение как «хороших людей» и рассматривают Россию как страну, открывающую перед человеком большие возможности. Поэтому около 70% туркменских студентов выразили желание остаться здесь жить.

Полученные результаты позволяют судить о достаточно выраженном восприятии социальной поддержки в российском вузе и стране в целом студентов из Китая и Туркменистана.

Литература

1. *Апасова М.В., Кулагина И.Ю., Апасова Е.В.* Специфика адаптации китайских и туркменских студентов в российском вузе // Психологические исследования. 2020. 13(69). 6.<http://psystudy.ru/index.php/num/2020v13n69/1728-apasova69.html>
2. *Gesing P., Glass C.* The development of social capital through international students' involvement in campus organizations // Journal of International Students. 2018. Vol. 8. Is. 3.
3. *Hendrickson B.* Intercultural connectors: Explaining the influence of extra-curricular activities and tutor programs on international student friendship network development // International Journal of Intercultural Relations. 2018. Vol. 63.
4. *Lee J., Ciftci A.* Asian international students' socio-cultural adaptation: Influence of multicultural personality, assertiveness, academic self-efficacy, and social support // International Journal of Intercultural Relations. 2014. Vol. 38.
5. *Rosen D., Hendrickson B.* Insights into New Media Use by International Students: Implications for Cross-Cultural Adaptation Theory // Social Networking. 2017. Vol. 6.

Изучение социальной напряженности в обществе

Афанаскин А.Б.

ГОУ ВО МО МГОУ, Москва, Россия

a.afanaskin@gmail.com

В настоящее время психологическое состояние общества и человека привлекает многих специалистов, при этом особое пристальное внимание на состояние общества обращают социальные психологи. Это связано, в первую очередь, с тем, что изменения в социальной жизни, связанные с так называемой ситуацией «double bind» – одновременной пандемией и экономическим кризисом, повышают напряженность в обществе, способствуют особым эмоциональным переживаниям. В исследованиях отмечается, что такое положение привело к тотальной усталости как взрослых, так и детей.

Изменения в психологическом состоянии личности, связанные с ограничением деятельности членов семьи, вынужденная изоляция по месту жительства без возможности выхода на улицу, переход на дистанционное обучение школьников и студентов приводит к вынужденному сокращению контактов в социуме.

Изоляция многих семей приводит к более частому использованию информации СМИ, телевидения, где постоянные сводки о пандемии усугубляет страхи заболеваний, смерти своей и своих близких, усиливают чувство одиночества, небезопасности. Изоляция связана со снижением качества социальных контактов, ограниченностью пространства, дезинформацией в СМИ и др. Эти характеристики социальной депривации ухудшают самочувствие населения.

Взгляды отечественной и зарубежной психологии на понятие социальной напряженности различаются.

В отечественной психологической науке уделяется достаточно скромное внимание изучению социальной напряженности. Соответственно, рассматривается данное понятие с разных точек зрения, делая соответствующие акценты. Например, социальная напряженность может быть рассмотрена как «переход базовой витальной напряженности в ее социальную форму и предопределяется содержанием и механизмами социализации личности» [3, с. 68]. Напряженность рассматривается как «массовый адаптационный синдром, который отражает степень физиологической, психофизиологической и социально-психологической адаптации (а во многих случаях – дезадаптации) различных категорий населения к

хронической фрустрации, трудностям (понижению уровня жизни и социальным изменениям)» [1, с. 142].

В зарубежной психологической науке наблюдается отличающийся подход к исследованию социальной напряженности – в большинстве случаев не используется термин «социальная напряженность». Оно заменено на такие понятия, как «социальный стресс» или «социальное избегание» [5], т.е. социальная напряженность рассматривается или как один из компонентов стресса, или как адаптационный синдром на физиологическом уровне [2].

Рассмотрение социальной напряженности в русле отечественной социальной психологии представляется более перспективным, так как позволяет исследовать данный феномен более глубоко и всесторонне [4].

Рассматривая социальную напряженность в обществе как актуальную проблему социальной психологии, планируется провести исследование социальной напряженности в настоящий период развития общества. Поскольку и пандемия, и экономический кризис носят глобальный характер, то в исследовании предлагается обратить внимание на отношение и понимание социальной напряженности в обществе представителей разных государств. В данном исследовании гипотезой будет предположение, что социальная напряженность детерминирована страной проживания, жизнестойкостью, пониманием смысла жизни и влиянием СМИ.

Литература

1. *Деркач А.А., Сухова А.Н.* Социальная психология: Учебное пособие для вузов. - М.: Академия, 2001. 600 с.
2. *Каира Ю.В.* Методика исследования социальной напряженности // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2017. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-issledovaniya-sotsialnoy-napryazhennosti> (дата обращения: 13.04.2021).
3. *Митрохин В.И.* Сущность и критерии социальной напряженности. М.: Российская государственная Академия труда и занятости Минтруда России, 2000. 160 с.
4. *Шульга Т.И.* Современный подход к изучению психологической напряженности в обществе // THE UNITY OF SCIENCE: INTERNATIONAL SCIENTIFIC PERIODICAL JOURNAL. 2015. №1-2. С. 113-115.
5. *Koo Ja Wook, Labonté Benoit, Engmann Olivia, Calipari Erin S., Juarez Barbara, Lorsch Zachary, Walsh Jessica J., Friedman*

Allyson K., Yorgason Jordan T., Han Ming-Hu, Nestler Eric J.
Essential Role of Mesolimbic Brain-Derived Neurotrophic Factor
in Chronic Social Stress-Induced Depressive Behaviors //
Biological Psychiatry. 2016. №Volume 80, Issue 6. P. 469-478.

**Тип родительского отношения и удовлетворенность учебной
деятельностью в условиях самоизоляции**

Басанова Е.Е.

*ФГБОУ ВО «ПГУ», Пятигорск, Россия
lenmit@yandex.ru*

В настоящий период мировое сообщество переживает угрозу эпидемии коронавируса. Одним из способов предотвратить массовость заболевания стала самоизоляция. На дистанционный формат были переведены многие виды профессиональной деятельности, в том числе и учебная деятельность. Обучение в течение нескольких месяцев проходило с применением информационных технологий. Таким образом, большинство семей были искусственно помещены в замкнутое пространство. В течение нескольких месяцев многим людям пришлось работать, учиться и проводить досуг, фактически не имея личного пространства.

Несомненно, отсутствие личного пространства не смогло не повлиять на внутрисемейные отношения [3]. В каждой семье близость – дистантность между ее членами устанавливается годами и регулируется только ими. В условиях вынужденной самоизоляции внутрисемейные границы каждого члена семьи неизбежно нарушаются, увеличивается количество коммуникаций, усиливаются эмоции, проявляются ранее неосознаваемые проблемные вопросы. И если в привычных условиях члены семьи могли избежать конфликтов с помощью стратегии отдаления/ухода в профессиональную или учебную деятельность, то в условиях самоизоляции такая стратегия стала невозможной.

Новый дистанционный формат очного обучения усилил эффект неудовлетворенности учебной деятельностью [1]. Несмотря на относительную подготовленность вузов к дистанционному обучению, все же у студентов и преподавателей возникли некоторые трудности: у кого-то временами отсутствовал доступ к Интернету, большое количество письменных заданий, отсутствие личной связи с преподавателем и т.д.

Все вышесказанное свидетельствует об актуальности темы исследования. Данное исследование было направлено на изучение влияния типа родительского отношения на удовлетворенность учебной деятельностью в условиях самоизоляции. Под удовлетворенностью учебной деятельности мы, вслед за коллегой Л.В. Мищенко, понимаем положительное отношение к учебной деятельности и наличие долгосрочной мотивационной установки на ее выполнение [2].

Исследование проводилось в дистанционном формате с применением функции Google-анкеты. Респондентами выступили учащиеся 1 курса среднего-профессионального уровня образования ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет» в возрасте 16-17 лет, в количестве 50 человек.

В качестве методик исследования применялись опросник Л.И. Вассермана «Подростки о родителях» и опросник удовлетворенности учебной деятельности (УУД) Л.В. Мищенко. Полученный эмпирический материал обрабатывался с помощью t-критерия Стьюдента.

Согласно результатам диагностики, по шкале общей удовлетворенности учебной деятельностью среди учащихся были выделены две группы: с низкой и высокой удовлетворенностью учебной деятельностью ($t_{эмп}=8,45$ при $p \leq 0,001$). В результате сравнительного анализа показателей опросника «Подростки о родителях» между двумя выделенными группами оказалось, что группа с высоким уровнем УУД характеризуется большим позитивным интересом со стороны матери ($t_{эмп}=6,06$ при $p \leq 0,001$), чем группа с низким уровнем УУД. А вот в группе с низким уровнем УУД выявлены более выраженные директивность ($t_{эмп}=3,46$ при $p \leq 0,002$), враждебность ($t_{эмп}=5,18$ при $p \leq 0,001$), автономность ($t_{эмп}=2,54$ при $p \leq 0,02$) и непоследовательность ($t_{эмп}=3,69$ при $p \leq 0,001$) со стороны матери.

Интересным оказался тот факт, что значимых различий между группами с различным уровнем удовлетворенности учебной деятельностью по показателям отношения с отцом не выявлено.

Таким образом, на удовлетворенность учебной деятельностью у учащихся существенное значение оказывают отношения с матерью. На высокий уровень УУД влияет позитивный интерес матери, ее поддержка и принятие ребенка. Низкий уровень УУД может быть сформирован в результате неблагоприятных отношений с матерью, ее директивностью, враждебностью и непоследовательностью, а также при автономных отношениях.

Можно сказать, что если матери оказывают давление на учащихся, настаивают на своих решениях или отдаляются от детей, то данное поведение может значительно снизить мотивационный и эмоциональный уровень в учебной деятельности. Повышает УУД искренний, позитивный интерес со стороны матери, когда она участвует в учебном процессе как помощник, наставник. Интересно, что повышает уровень УУД активное включение матери во взаимодействие с ребенком, в то время как ее автономность, независимость и предоставление самостоятельности учащимся способствует обратному эффекту.

Литература

1. *Медведева Н.И., Енин В.В., Офицерова С.В.* Дистанционное обучение в период самоизоляции: психологический анализ // МНКО. 2020. №6 (85). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/distantsionnoe-obuchenie-v-period-samoizolyatsii-psiologicheskiy-analiz>
2. *Мищенко Л.В.* К проблеме диагностики отношения студентов к учебной деятельности // Вестник практической психологии образования. 2007. №3. URL: https://psyjournals.ru/files/28868/vestnik_psyobr_2007_3_Mizchenko.pdf
3. *Опекина Т.П., Шипова Н.С.* Семья в период самоизоляции: стрессы, риски и возможности совладания // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semya-v-period-samoizolyatsii-stressy-riski-i-vozmozhnosti-sovladaniya>

Исследование представлений студентов о характеристиках организационной культуры университета

Басисини Н.М., Кондратьев М.Д.
РАНХиГС, Москва, Россия
mdkondr@gmail.com

Тезисы посвящены описанию результатов эмпирического исследования представлений студентов о реальной и предпочитаемой организационной культуре подразделения образовательной организации, в котором они обучаются.

Важным обстоятельством является то, что в рамках описываемого исследования изучаются представления именно студентов. Традиционно при изучении организационной культуры сравниваются представления разных групп работников организации (менеджмент, исполнители) или разных ее структурных подразделений (отдел производства, отдел продаж, отдел контроля качества). Принципиальной позицией авторов является следующее: если в сфере внимания организационного психолога или психолога-исследователя оказывается образовательная организация, необходимо учитывать также и студентов как полноправных активных строителей внутренней среды организации и ее культуры. Как ни странно, несмотря на достаточное количество работ, посвященных изучению организационной культуры в представлениях студентов, среди коллег возникают дискуссии о допустимости такого подхода.

Это может быть продиктовано рядом обстоятельств. Одно из них – рассмотрение студентов как потребителей образовательной услуги, не вовлеченных ни в какие другие процессы, происходящие в образовательной организации, и, следовательно, оставляемых за бортом возможности интеграции в профессиональное сообщество. Подобная их объективация недопустима и не соответствует реалиям подавляющего большинства образовательных организаций высшего образования. Обстоятельства и аргументы оппонентов, прямо относимые ими к личному опыту, авторами не рассматриваются. Остается лишь надеяться, что в будущем слаженная работа психологов-исследователей и организационных психологов позволит создать как можно больше принимающих профессиональных сообществ, социализирующих будущих профессионалов.

Организационная культура является основным компонентом принятия функциональных решений в университетах. Для того, чтобы все участники образовательного процесса – управленцы, научные сотрудники, преподаватели и студенты – могли совместно и эффективно выстраивать академическую среду, необходимо систематическое измерение характеристик организационной культуры и реализация изменений, основанных на результатах проведенных исследований.

В рамочной конструкции конкурирующих ценностей К. Кэмерона и Р. Куинна выделяется 4 типа организационной культуры: иерархический, клановый, рыночный и адхократический. В работе использован инструмент оценки организационной культуры OCAI. Предложенный авторами подход к изучению характеристик организационной культуры предполагает выделение реальной и предпочитаемой ее картины в организации.

Участниками исследования были 115 человек, обучающихся на 1-4 курсах одного структурного подразделения образовательной организации.

Установлено, что с точки зрения студентов, принявших участие в исследовании, реальная (и предпочитаемая) организационные культуры оцениваются следующим образом: клановая – 36% (42%), адхократическая 26% (28%), рыночная 19% (14%), иерархическая 19% (16%).

Таким образом, доминирующим типом организационной культуры в представлениях о реальном и предпочитаемом ее типе (с точки зрения студентов) является клановая. Это согласуется с результатами большинства отечественных и зарубежных исследований, организованных аналогичным образом. Более того, в исследованном структурном подразделении студенты ориентированы на увеличение роли клановых ценностей культуры за счет снижения роли иерархических и рыночных ценностей.

Выявленные особенности могут быть объяснены в логике ценностных характеристик представленных типов культур. Представляется, что значительное число студентов ориентировано на интегральные характеристики образовательной организации, специфику лидерства в ней, критерии эффективности. В случае с ярко выраженной доминантой кланового типа культуры, организация становится для них поддерживающей средой с традициями и наставниками, которые способствуют успешной социализации сегодняшних студентов – будущих профессионалов. Готовность способствовать самоопределению и развитию своих участников, как профессиональному, так и личностному, в безопасной и принимающей среде отличает организацию с клановым типом культуры. Именно такими характеристиками, по мнению авторов, и должно обладать профессиональное сообщество, обучающее студентов.

Относительное снижение роли ценностей рыночного и иерархического типа может быть связано со стремлением студентов избежать ситуации конкуренции, постоянного оценивания и рейтингования, а также формализации и протоколизации процессов, которые в их представлениях идут вразрез и с их собственными интересами.

В будущих исследованиях предполагается анализ динамики представлений и их сравнение с представлениями других участников образовательных отношений.

Би-культурная идентичность и психологическое благополучие у детей из семей иноэтничных мигрантов: постановка проблемы

Бахтеева М.Р., Хухлаев О.Е.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

mrbakhteeva@mail.ru, huhlaevoe@mgppu.ru

Согласно данным ООН, на сегодняшний день около 272 миллионов человек живут не в той стране, где родились [3]. В дополнение к этим изменениям в международной миграции, достижения в области технологии резко увеличили межкультурные контакты и культурное разнообразие по всему миру. В целом, сейчас у людей больше возможностей, чем когда-либо, взаимодействовать с теми, кто культурно отличается от них из-за международной миграции, глобализации, путешествий и Интернета. В результате этого кросс-культурного воздействия значительно увеличилось число лиц, представляющих би-культуры, – людей, которые усвоили, как минимум, две культуры.

Процесс сосуществования множества культурных этнических групп является сложным и многогранным. Приведенная в литературных источниках информация сообщает о том, что представители би-культур говорят о своем двойном культурном наследии как в положительном, так и в отрицательном смыслах [4]. Би-культурализм может быть связан с чувством гордости, осознанием уникальности, но в то же время может привносить сомнения в жизнь человека, опасения по поводу столкновения ценностей. Представители би-культур нередко упоминают о многочисленных расовых стереотипах и давлении со стороны разных этнических групп.

В процессе адаптации би-культурные индивиды должны договориться о различных наборах аффективных, поведенческих и когнитивных ожиданий, вытекающих из членства в двух или более разных культурных группах, и эти адаптации могут происходить в разных измерениях жизни (например, в поведении, ценностях, идентичностях). В целом, люди, подвергающиеся аккультурации, сталкиваются с двумя ключевыми проблемами: степень, в которой они мотивированы и/или могут сохранять свою этническую культуру и участвовать в доминирующей культуре [8].

И в подобных условиях сегодняшней действительности необходимо понять, как люди, которые усвоили две культуры, совмещают в себе различные, часто противоположные культурные ориентации, а также выяснить роль внутренних и внешних факторов в данном процессе.

По итогам проведенного анализа литературы мы отметили, что тема особенностей интеграции би-культурной идентичности и психологического благополучия иноэтничных мигрантов на данный момент крайне мало раскрыта в отечественных источниках с точки зрения эмпирических исследований. В связи с этим исследовательский интерес был направлен на выявление взаимосвязи критериев психологического благополучия и интеграции бiculturalной идентичности у детей из семей иноэтничных мигрантов.

Для проведения исследования был определен следующий методический инструментарий: шкала интеграции бiculturalной идентичности (Версия 2) [5]; шкалы из опросника MIRIPS (Mutual Intercultural Relations in Plural Societies) [2; 6]: воспринимаемая дискриминация, психологическая адаптация, социокультурная адаптация; Multigroup Ethnic Identity Measure (MEIM) [7]; шкала психологического благополучия К. Рифф [1].

С помощью данных методик мы предполагаем получить комплексное представление об особенностях интеграции бiculturalной идентичности, а именно установить, какой стратегии межкультурного взаимодействия (культурной гармонии или конфликта, смешения или разобщенности) придерживаются дети мигрантов, проживающих на территории РФ, и установить взаимосвязь данных критериев с показателями их психологического благополучия, уровнем воспринимаемой дискриминации, особенностями психологической и социокультурной адаптации.

Полученный в результате эмпирического исследования материал предоставит возможности для дальнейшей разработки данной проблемы, раскрывая психологические и индивидуальные характеристики бiculturalных индивидов, стратегию их адаптации. Результаты работы могут быть использованы психологами при составлении программ коррекции и профилактики, при консультативной и диагностической работе с детьми из семей иноэтничных мигрантов.

Литература

1. Жуковская Л.В., Трошихина Е.Г., Шкала психологического благополучия К. Рифф // Психологический Журнал. 2011. Т. 32, № 2.
2. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и принимающего населения. М.: РУДН, 2009.

3. *Рабер А.* Миграция. ООН. URL: un.org/ru/sections/issuesdepth/migration
4. *Berry, J. W., Phinney, J. S., Sam, D. L., & Vedder, P.* Immigration youth in cultural transition: Acculturation, identity, and adaptation across national contexts. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum. 2006.
5. *Huynh Q.-L., Benet-Martínez V., Nguyen A.-M. D.* Measuring variations in bicultural identity across U.S. ethnic and generational groups: Development and validation of the Bicultural Identity Integration Scale—Version 2 (BIIS-2). *Psychological Assessment*. 2018. 30(12).
6. MIRIPS (Mutual Intercultural Relations in Plural Societies) URL: <http://www.victoria.ac.nz/cacr/research/mirips>
7. *Phinney J.* The Multigroup Ethnic Identity Measure: A New Scale for Use with Adolescents and Young Adults from Diverse Groups // *J. of Adolescent Research*. 1992. № 7.
8. *Soffiatti, J.* Bilingualism and biculturalism // *The journal of educational psychology*. 1955. Vol. 46. Issue №4.

Особенности эмоционального интеллекта и самоактуализации студентов гуманитарного профиля подготовки

Безрукова А.Э., Пухарева Т.С.
 ФГБОУ ВО КубГУ, Краснодар, Россия
arina.bezrukova@mail.ru, puchareva@bk.ru

Преобразования социальной и профессиональной сферы современного общества, выражающиеся в конкурентности отношений, необходимости людей справляться с потоками информации и включаться в разнообразные коммуникативные системы, актуализируют проблему формирования у специалистов разных профессиональных профилей так называемых soft skills – «гибких» навыков, к которым относятся качества адаптивности, самостоятельности, креативности, навыки саморазвития, понимания и управления эмоциями. Перед учебными заведениями стоит задача формирования у студентов не только «жестких», профессиональных компетенций, но и способствующих профессиональной реализации и успешности «гибких» качеств, в частности, эмоционального интеллекта и стремления к самоактуализации.

Цель исследования – выявление особенностей эмоционального интеллекта и самоактуализации у студентов-гуманитариев.

Опираясь на работы П. Сэловей, Дж. Майера, Д.В. Люсина и других, под эмоциональным интеллектом мы понимаем совокупность эмоционально-когнитивных способностей личности распознавать и анализировать эмоции, управлять ими, регулировать свое состояние и адаптироваться к социуму [1; 4].

На основе теоретического анализа трудов А. Маслоу, Э. Шострома, К. Роджерса и других психологов, самоактуализацию рассматриваем как процесс раскрытия и развития потенциальных ресурсов личности [2; 3]. Самоактуализация выражается в целеустремленности, самостоятельности, уверенности, стремлении к дополнительному образованию, познании своих достоинств и недостатков.

Эмпирическое исследование проводилось на базе Кубанского государственного университета, участниками стали 58 человек, из них – 33 студента гуманитарной направленности и 25 студентов – технической. В качестве психодиагностического инструментария использованы: тест эмоционального интеллекта Д.В. Люсина и самоактуализационный тест Э. Шострома (адаптированный Ю.Е. Алешиной и др.).

Мы предположили, что имеются отличия в показателях эмоционального интеллекта и самоактуализации у студентов гуманитарного и технического профиля. В частности, у студентов-гуманитариев более выражены межличностный и внутриличностный эмоциональный интеллект, а также креативность, контактность и положительное восприятие природы человека как аспекты самоактуализации.

Результаты сравнительного анализа показали, и это представляется интересным, что у студентов-гуманитариев, по сравнению со студентами технического направления, достоверно менее выражены показатели внутриличностного эмоционального интеллекта и способность понимания своих и чужих эмоций. Возможно, рефлексия и ориентация студентов-гуманитариев на других усложняют самопонимание эмоционально-чувственных сторон собственной личности и эмоциональных проявлений партнеров по общению.

Выявлено, что у студентов гуманитарных направлений статистически выше показатель креативности и сензитивности, они обладают творческим мышлением и отчетливее осознают свои потребности. Студенты технического профиля больше разделяют ценности самоактуализирующейся личности, стремятся к приобретению новых знаний, склонны положительно воспринимать природу человека, уважительно относиться к себе.

Таким образом, гипотеза подтверждена частично. По данным самоотчетов и их статистической обработки, студенты гуманитарного

профиля отличаются творческой мысленностью, рефлексией чувств и, вместе с тем, уступают студентам технических специальностей в понимании собственных эмоций и умении управлять ими, в стремлении воспринимать сущностную природу человека в позитивном контексте.

В целом, исследование позволяет определить векторы дальнейшего изучения эмоционального интеллекта и самоактуализации у студентов: во-первых, важно выявить специфику взаимосвязи этих личностных компонент; во-вторых, особую практическую значимость будет иметь исследование этих явлений на основе дифференциации респондентов по профессиональному профилю подготовки; в-третьих, необходима разработка психолого-педагогических техник по развитию эмоционального интеллекта и параметров самоактуализации как составляющих soft skills обучающихся в вузе. Думается, результаты исследования будут востребованы в процессе усовершенствования образовательных технологий в части формирования общеобразовательных компетенций будущих специалистов.

Литература

1. *Люсин Д.В.* Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: теория, измерение, исследования / под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М., 2004.
2. *Маслоу А.* Дальние пределы человеческой психики. СПб., 1999.
3. *Мухтарова З.Ш.* Проблема самореализации личности в трудах отечественных и зарубежных ученых // Вестник АГТУ. 2007. № 5.
4. *Mayer J. D., Salovey P., Caruso D. R., Sitarenios G.* Emotional intelligence as a standard intelligence // Emotion. 2001. V.1.

Социальные представления о фигуре психолога у лиц с различной выраженностью религиозной идентичности

Белая А.К.

*ФГБОУ ВО МПГУ, Москва, Россия
annabel.aya@mail.ru*

Развитие психотерапии на территории РФ поднимает новый обсуждаемый дискурс как внутри гуманитарной среды, так и

церковной, о возможности обращения православного человека к психологу.

В психологической традиции отмечается взаимосвязь психотерапии как метода оказания психологической помощи и обращения за помощью в церковь. Сторонники глубинного подхода издавна проводят параллель между катарсисом и покаянием, образом Бога и фигурой отца, фигурой психолога и священнослужителя и пр.

При этом считается, что религиозному человеку «правильнее» обратиться к священнослужителю за помощью в разрешении кризисных ситуаций и душевных недугов.

Сегодня взаимосвязь психологических и религиозных основ раскрыта в отечественном психотерапевтическом подходе «Понимающая психотерапия» Ф.Е. Василюка [2], идеи которого стремятся к взаимообогащению практических основ работы психолога и священнослужителя. В религиозной среде актуальным остается вопрос о роли и месте православного психолога в церкви [4], а в психологической – перспектив работы других психологов с религиозными людьми.

Представленные материалы – результат пилотажного исследования, целью которого является изучение социальных представлений о фигуре психолога и священнослужителя у лиц с различной выраженностью религиозной идентичности.

Теоретическую основу исследования составляют идеи С. Московичи о природе социального представления как об «универсальном социально-психологическом феномене, включающем все формы познания: идеи, мысли, образы и знание, которыми совместно пользуются члены коллектива (общности)» [3, с. 3-18].

Выборку пилотажного исследования составили 12 респондентов в возрасте от 20 до 30 лет. Методами пилотажного исследования выступили модификация методики «Измерения ингрупповой идентификации» К. Лича [5, с. 144-165], позволяющая разделить выборку на две группы: 7 респондентов с высокой выраженностью религиозной идентичности, 5 – с низкой выраженностью религиозной идентичности. Также мы использовали метод глубинного интервью [1]. В данном материале отражена часть результатов развернутого глубинного интервью, полученных при ответе на вопрос: «В психологии есть мнение, что фигура психолога является в какой-то мере прототипом священнослужителя или духовного лица, так как в обоих случаях речь идет об оказании душевной помощи, поддержки, близком доверительном разговоре. Что вы думаете по этому поводу?».

Результаты пилотажного исследования подвергались качественной обработке с выделением основных проблемных тем, затронутых респондентами.

Респондентам с высокой выраженностью религиозной идентичности свойственно отмечать следующее

1. Фигура психолога и священнослужителя не отождествляются.

«Я думаю, что психолог и священник – мало созвучны. Они оба работают с душой – это общее. Но психолог – это человек научный, он применяет знания в работе. А священник – применяет другие знания; знание – это писание, знание от Бога».

2. Разделение проблем на духовные и душевные, а также отсутствие компетенций работы психолога с духовными проблемами.

«Священник не должен лезть туда, где он не может дать компетентные рекомендации в силу отсутствия образования в этой области (научного, медицинского). И психологу тоже хорошо свою меру знать, и там, где духовные вопросы, духовный поиск – не давать ответы на эти вопросы».

3. Отсутствие любви к человеку у психолога.

«Человеческая любовь – это не про психолога. Психолог делает работу с отдачей, но вряд ли сердечно любит клиентов, как священники...».

4. Доступность обращения к психологу, в отличие от священнослужителя.

«В церкви сейчас надо найти духовного наставника, старшего, кто сможет неоднократно войти в ситуацию, а это не везде встретишь... Психология, с точки зрения обращения, более доступна, так как внутри церкви непросто найти своего духовника».

5. Психолог работает с травмами, проблемами, в отличие от священнослужителя, который соприкасается с категорией «грех».

«Психолог скорее работает с внешними проблемами человека, которые есть у всех, а для священника важно искоренить не проблемы, а грех внутри человека, чтобы зла не было в самом человеке».

Респонденты с низкой выраженностью религиозной идентичности отмечают следующее.

1. Отсутствие чувства вины, греховности, ощущения «Я – плохой» в работе с психологом как позитивный аспект.

«Что-то схожее есть со священником, но когда говоришь с психологом, ты не чувствуешь никакой вины в принципе, а когда со священником, то чувствуешь».

2. Чувство свободы и равенства в работе с психологом как позитивный аспект.

«С психологом ты чувствуешь, что он такой же человек, как и ты, а у священника ты чувствуешь, что он выше тебя. Ты боишься, чувствуешь страх перед священником, особенно, если священник строгий. С психологом ты более свободен, от этого есть чувство безопасности. Психолог – человек со стороны, ему можно все рассказать».

3. Работа с психологом подразумевает работу и решение проблемы.

«Я бы не объединяла эти две фигуры. Психолог для меня – это про научную доказательную базу, это не только поговорить о проблеме, а проработать ее».

4. Толерантное отношение к обращению людей к священнослужителю для поддержки и помощи.

«Хорошо, что есть церковь для тех, кто далек от психологии. Где можно выговориться, поплакать, выразить словами, что беспокоит. Но глобально религия учит следовать правилам, и это полная противоположность психологии...».

Основные выводы.

Респонденты с высокой и низкой выраженностью религиозной идентичности не отождествляют фигуры психолога и священнослужителя.

Для респондентов обеих групп значимым является обсуждение специфики оказания помощи, где для респондентов с высокой выраженностью религиозной идентичности главенствующим выступают положения Священного писания и духовный опыт отцов Церкви как определяющий ориентир в решении проблем, а для респондентов с низкой выраженностью религиозной идентичности – внутренняя личностная работа по решению проблем с ориентацией на индивидуальный опыт.

Респонденты обеих групп размышляют об отношениях между психологом и клиентом, где для респондентов с низкой выраженностью религиозной идентичности позитивным выступает чувство равенства, свободы высказывания и принятия, а респонденты с высокой выраженностью религиозной идентичности отмечают отсутствие чувства «любви» как высшей духовной категории отношений в работе с психологом.

Литература

1. Белановский С.А. Глубокое интервью: Учебное пособие. М.: Никколо-Медиа, 2001.

2. *Василюк Ф.Е.* Переживание и молитва (опыт общепсихологического исследования). М.: Смысл, 2005.
3. *Московичи С.* Социальное представление: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 1. С. 3-18; №2. С. 3-14.
4. *Ускова З.И.* Терапия оглашенных. Хроники молодого психолога. М.: ООО ТД «Никея», 2021.
5. *Leach, C. W., van Zomeren, M., Zebel, S., Vliek, M. L. W., Pennekamp, S. F., Doosje B., Ouwerkerk, J. W., & Spears, R.* (2008). Group-level self-definition and self-Investment: A hierarchical (multicomponent) model of in-group identification. *Journal of Personality and Social Psychology*, 95(1), p. 144–165.

Маргинальность социальной психологии: достоинство или недостаток?

Белинская Е.П., Дубовская Е.М.

*ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова», Москва, Россия
elena_belinskaya@list.ru*

Указание на междисциплинарный статус социальной психологии является традиционным исходным пунктом любых рассуждений и рефлексий, касающихся ее методологических проблем, – как прошлых, так и обращенных в будущее. Специфика взаимодействия социологического и психологического знания проявлялась и продолжает проявляться множественно: и в понимании социальной психологией своего предмета, и в характеристиках объектов социально-психологического исследования, и в особенностях методического инструментария. Последствия этой междисциплинарности также были разнообразны: так, например, на сегодняшний день сложились две традиции исследований – «психологическая» и «социологическая», которые иногда разделяются даже организационно. Но более важным следствием являлся тот факт, что социальная психология оказывалась и продолжает быть полем взаимодействия фундаментального научного знания и актуального момента его получения социального контекста. В работах Г.М. Андреевой были сформулированы основные принципы методологических поисков социальной психологии, первым из которых является признание междисциплинарности в качестве ее конституирующей особенности, а вторым – признание зависимости

содержания данного поиска от динамики объективной социальной реальности. Одним из типичных современных примеров подобной зависимости является понимание социальных изменений как вероятностного контекста социально-психологической феноменологии, и следует подчеркнуть, что последнее приобретает еще большую актуальность в связи с включением в теоретическую канву социальной психологии понятия социальной транзитивности.

Однако представляется, что на современном этапе своего развития междисциплинарное существование социальной психологии не только продолжается, но и акцентуируется, приводя уже к ее маргинальности, к определенной «потере» своего предмета, все более и более «растворяющегося» в различных чисто прикладных областях психологической практики или же существенно меняющего свои очертания в силу идеологического и/или ценностного прессинга. Возникают некоторые, характерные для современного состояния социальной психологии, «искушения маргинальностью»: испытания внешними обстоятельствами на устойчивость самого предмета социально-психологического знания.

Среди них основными представляются, как минимум, два. Во-первых, это искушение оценочностью – желание сохранять и поддерживать константный оценочный полюс социально-психологических идей, постоянный поиск «хорошей», с социальной точки зрения, концепции. Для советской социальной психологии таким характерным примером являлась теория коллектива А.В. Петровского, более современным может служить теория социальных представлений С. Московиси, а для последних двух десятилетий развития социальной психологии – это явное или неявное доминирование во многих социально-психологических моделях ценностей толерантности и свободы. Общим модусом при этом оказывается возможность существования «хороших» групп, «плохого» влияния и подчинения ему, «правильных» ценностей и неправильных. Во-вторых, это искушение иллюзией своего социального влияния – принятая социальной психологией когда-то на себя задача социального прогнозирования все более превращается в задачу реализации своего социального «всесилия». Так, в современной ситуации широкое распространение практической деятельности социально-психологических служб приводит к усилению представлений о «всесильности» психологического обеспечения разного вида социальных практик.

Очевидно, что позитивная программа развития социальной психологии должна состоять в преодолении этих искушений. Первое – преодоление оценочности – возможно через дифференциацию

социальной и социально-психологической оценки (например, понимание, что нет «хорошей» или «плохой» группы, она бывает развитой или диффузной). Второе – преодоление иллюзий социального влияния – через содержательное наполнение понятия социального контекста: если раньше он понимался как принцип социальной детерминации, то сегодня этого уже недостаточно – хотя бы в силу множественности и вероятности самого социального поля.

В качестве одного из конкретных вариантов конструктивного преодоления маргинальности социальной психологии можно назвать научное творчество М.Ю. Кондратьева, разработавшего теоретические основы социальной психологии развития — как той отрасли социальной психологии, в центре внимания которой оказывается мета-система «личность-группа-социум». Он рассматривал социальную психологию как пространство непрерывного и взаимосвязанного развития всех составляющих данной мета-системы. В рамках данного направления, в качестве одной из главных задач социальной психологии выдвигается разработка новых теоретических и методологических принципов, позволяющих вскрыть особую взаимосвязь между личностью и группой, личностью и обществом, представляющих собой интегрированную систему взаимно детерминированных развивающихся субъектов. Такой подход позволяет продвинуться вперед в понимании целостности социально-психологической реальности, придавая пониманию предмета социальной психологии столь необходимую устойчивость.

К вопросу о формировании лидерского поведения представителей добровольческих объединений

*Богачева Т.И.
ФГБОУ ВО КГУ, Курск, Россия
logtat91@gmail.com*

В ходе проведенных нами эмпирических исследований представителей добровольчества, мы пришли к выводу о необходимости ведения целенаправленной работы по формированию лидерского поведения добровольцев. Результатом нашей практической работы в рамках данного направления стала разработка рекомендаций для руководителей по работе с добровольцами с целью

формирования у них лидерского поведения. В рамках данной научной работы мы рассмотрим некоторые, наиболее значимые из них.

Психологическая работа с добровольцами по формированию у них лидерского поведения должна начинаться с психодиагностики актуального уровня развития лидерских способностей, а также организаторских, коммуникативных склонностей и других психологических характеристик, влияющих на формирование лидерского поведения личности. Немаловажно, что формирование лидерского поведения добровольцев возможно только в условиях их максимальной включенности в жизнедеятельность добровольческой группы, в процесс общения и межличностного взаимодействия в ней. Кроме того, членов добровольческих объединений с недостаточным уровнем развития лидерских, организаторских или коммуникативных способностей полезно включать в программы активного социально-психологического обучения (тренинги, деловые игры и т.п.), позволяющие на практике создавать благоприятные условия для личностного развития и совершенствования [1].

В целях повышения социальной активности и формирования активной жизненной позиции добровольцев (что является значимым именно для лидеров, а не руководителей), необходимо обеспечение нескольких условий: создание благоприятного психологического климата; развитие системы межличностных отношений; установление взаимодействия между всеми членами группы; обучение навыкам продуктивного решения конфликтных ситуаций; создание условий для раскрытия индивидуальности в рамках социально значимой деятельности; поощрение активности добровольцев; создание ситуаций, требующих самостоятельности в принятии групповых решений.

Немаловажно умело сочетать руководство добровольческим объединением и естественное стремление добровольцев к самостоятельности и независимости. Важно, чтобы руководитель добровольческого объединения умел не подавлять активность добровольцев, а компетентно ее направлять, меньше командовать и больше сотрудничать.

Результаты исследований показывают, что определенное положение в группе (благоприятное/неблагоприятное) его члены занимают уже на первых этапах жизнедеятельности объединения и в дальнейшем оно остается для большинства стабильным. Поэтому уже на начальном этапе работы с коллективом его руководителю необходимо активно вмешиваться в систему стихийно складывающихся отношений и учитывать следующее: личностные

особенности добровольца; черты, отражающие его духовно-нравственную сферу; физические характеристики.

Отметим, что одной из основных причин неблагоприятного положения индивида в системе межличностных отношений является неадекватность выполняемых им ролей его реальным возможностям. Именно поэтому при планировании индивидуальных поручений руководителю необходимо учитывать не только характер задач, но и опираться на интересы и возможности тех, кому они адресованы.

Одним из ресурсов формирования лидерского поведения членов добровольческого объединения, на наш взгляд, является повышение его интергрупповой активности [2]. Руководитель должен стремиться сделать максимально насыщенной жизнедеятельность добровольческого объединения, выстраивать его сотрудничество с другими коллективами.

В заключение отметим, что в целях создания в добровольческом объединении условий по формированию лидерского поведения его членов считаем возможным следование идеям А.С. Макаренко, а именно: создание и поддержание в коллективе традиций, проектирование системы целей (близкая, средняя и далекая); поддержание в объединении позитивной эмоциональной атмосферы; переживание каждым членом группы чувства собственного достоинства, ощущения безопасности и защищенности; высокая упорядоченная активность коллектива [2].

Рассмотренные выше положения не являются всеобъемлющими. Но следование им при организации деятельности добровольческих объединений будет не только способствовать раскрытию лидерского потенциала их членов, но и создаст условия для повышения социально-психологической зрелости добровольческой группы.

Литература

1. *Богачева Т.И.,* Логвинова М.И. К вопросу о личностных особенностях членов добровольческих групп // Психология – наука будущего: поиск молодых ученых. Материалы региональной научно-практической конференции студентов и аспирантов (Курск, 16 мая 2019 года) / Под общ. ред. проф. С.В. Сарычева. Курск: Курск. гос. ун-т, 2019. С. 9-12.
2. *Чернышев А.С.* Социально-одаренные дети: путь к лидерству (экспериментальный подход) / А.С. Чернышев, Ю.Л. Лобков, С.В. Сарычев, В. И. Скурятин. 2-е изд. Воронеж: Кврта, 2007. 156 с.

Особенности брачно-семейных установок студенческой молодежи

Боровикова Д.Д., Ачинович Т.И.

ФФСН БГУ, Минск, Беларусь

Bordasha00@mail.ru

Одной из важнейших сфер человеческого бытия являются брачно-семейные отношения. Ситуация нестабильности в обществе, усиление гендерных и межпоколенных конфликтов, размывание социальных норм и ценностных ориентаций привели в итоге к кризису семьи как социального института. Все чаще исследователями констатируется слабая ориентация подрастающего поколения на создание семьи и недостаточная подготовка молодых людей к семейному образу жизни. Следствием подобных установок в дальнейшем являются изменение ценностных ориентаций молодежи, что в конечном итоге приводит к осознанному отказу молодых людей от брака, изменению репродуктивных установок и снижению рождаемости, росту неполных семей, увеличению количества разводов и альтернативных форм брака т.д.

В соответствии с этим цель данного исследования – выявить особенности брачно-семейных установок юношей и девушек, т.к. именно в возрасте от 17 до 23 лет наиболее активно формируются брачно-семейные установки, формируется потребность в установлении связей. Выборку составила группа из 30 девушек – студенток дневной формы обучения в возрасте от 18 до 23 лет, а также группа из 30 юношей – студентов дневной формы обучения в возрасте от 19 до 23 лет. Юноши и девушки из обеих групп состоят в добрых отношениях.

Для исследования брачно-семейных установок была использована анкета С.М. Меджидовой, включающая вопросы, касающиеся отношения к добрачным сексуальным отношениям и отношения к гражданскому браку, выявления факторов, определяющих крепкий брачный союз, отношения к измене и т.д. [1].

Вопрос об оптимальном возрасте замужества (женитьбы) показал, что среди женской части выборки есть те, кто выступает за ранний возраст замужества (от 18 до 21 года) – 10%, тогда как среди мужской части выборки данный диапазон никто не выбрал. Большинство испытуемых выбрали диапазон от 22 до 25 лет (77% девушек и 60%

юношей), также 40% юношей ратует за позднюю женитьбу; девушек с такой уstonвкой – 13 %.

77% девушек и 83% юношей считают любовь важной составляющей крепкого брачного союза. Влечение друг к другу является важным в браке для 70% девушек и для 80% юношей. Также частота встречаемости ответа – «единство духовных ценностей» – у девушек – 50%, у юношей – 33%. Совместимость на психологическом уровне важна для 63 % девушек и 57 % юношей.

Троих детей хотят иметь 27% девушек и 7% юношей, что говорит о незаинтересованности современной молодежи иметь многодетную семью.

67% девушек и 53% юношей разорвали бы отношения, если партнер изменил им; 23% девушек и 33% юношей попытались бы выяснить отношения без скандала.

37% девушек и 40% юношей выступают за патриархальные отношения; 17% девушек и 23% юношей – за равноправные взаимоотношения. Следует отметить, что в вопросе главенства в семье для респондентов не важна материальная составляющая, также никто не ратует за матриархат.

Ум является наиболее привлекательным качеством в девушке для опрошенных парней (67%). А для девушек (57%) веселый нрав является самым привлекательным качеством в юноше. Также девушки высоко оценили такие качества, как хорошее отношение, эмоциональность, чувственность, пробивной характер, а юноши – сексуальность и внешнюю привлекательность.

Для 55% всех опрошенных родительская семья не является образцом для подражания при создании собственной семьи, в то же время 40% опрошенных считают свою семью образцом.

Таким образом, по мнению студенческой молодежи, для представительниц женского пола наиболее благоприятный возраст заключения брака наступает в среднем на два года раньше, чем для представителей мужского пола. В данном случае срабатывают традиционные гендерные стереотипы, согласно которым шансы девушки выйти замуж напрямую определяются ее возрастом. Важной составляющей крепкого брачного союза для большинства юношей и девушек является любовь, психологическая составляющая. Современная молодежь не ориентирована на многодетную семью, они осознанно относятся к родительству и хотят все силы, возможности, ресурсы и любовь вложить в 1-2 детей. Студенты положительно

относятся к добрачным сексуальным отношениям, к фактическому сожителству, к патриархату и отрицательно – к разводу. Студенческая молодежь при измене партнера ориентирована на выяснение взаимоотношений и спокойный разрыв отношений без скандала, конфликтов и ссор. Больше половины студентов считают, что их родительская семья не является идеальной и на нее нельзя равняться, создавая семью. Им необходимо брать примеры идеала семьи извне для того, чтобы строить свою, но часто со стороны это воспринимается субъективно, нежели когда ты находишься в семейной системе много лет и перенимаешь опыт, традиции.

Литература

1. *Меджидова, С.* Студенческая молодежь в свете проблем брака и семьи. <http://psychology.az/blank%20Gruziya.php>.

К вопросу о негативной креативности в организации

Бочкова М.Н., Мешкова Н.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

bochkova.m84@gmail.com; nmeshkova@yandex.ru

В последние несколько лет проблема негативных аспектов креативности в организации приобретает все больший интерес психологов. Такие явления, как моббинг и буллинг на рабочем месте, часто являются реализацией креативного мышления в девиантном поведении. Девиантность, угрожающая благополучию других членов организации, проявляется в конкуренции за дефицитные ресурсы: продвижение по службе, борьба за бонусы, получение заданий по проектам и поощрений [4].

Согласно зарубежным авторам, в агрессивном общении, лжи, сарказме, иронии реализуется антисоциальная (malevolent) креативность [5]. Антисоциальная креативность – это оригинальное решение нелегитимной задачи нелегитимными способами, в результате которого наносится намеренный вред другим людям [2].

Исследования показывают, что проблема девиантного поведения характерна для органов внутренних дел, где укрепление дисциплины и законности среди сотрудников является актуальной задачей [1]. Для

понимания этого явления необходимо выявить особенности личности и контекста, в котором проявляются эти особенности [4].

Цель нашего пилотажного эмпирического исследования состояла в изучении особенностей антисоциальной креативности сотрудников органов внутренних дел в зависимости от пола. Мы предположили, что существуют различия в предикторах антисоциальной креативности в зависимости от пола. В выборку вошли сотрудники, повышающие свою квалификацию в одном из вузов МВД (N=59 человек, из них 34 – мужчины).

Использовались батарея опросников: ВРАQ А. Басса и М. Перри, опросник самооценки эмоционального интеллекта «ЭМИн», шкала макиавеллизма личности «Мак-IV», «NEO-FFI» (сокращенный вариант опросника «NEO PI-R» П. Коста и Р. Макраэ) и опросник «Поведенческие особенности антисоциальной креативности» [3].

По критерию Манна-Уитни были выявлены значимые различия между женщинами и мужчинами: показатель «злые шутки», характеризующий проявление антисоциальной креативности в девиантном поведении, наносящем вред другим людям, значимо выше у женщин, а показатель Большой пятерки «сотрудничество» значимо выше у мужчин (уровень значимости $p < 0,5$).

У женщин показатель «злые шутки» отрицательно коррелировал с чертой «сотрудничество»; у мужчин показатель «злые шутки» положительно коррелировал с макиавеллизмом и враждебностью ($p < 0,5$).

Согласно множественному регрессионному пошаговому анализу, 50% дисперсии показателя зависимой переменной «злые шутки» обусловлены влиянием черты «сотрудничество» у женщин, а 57% дисперсии данного показателя у мужчин – влиянием макиавеллизма и враждебностью. Таким образом, наше предположение о различиях в предикторах компонента антисоциальной креативности у мужчин и женщин подтвердилось.

Объяснение полученным результатам по предикторам антисоциальной креативности поддерживается результатами непараметрического сравнения выборок, согласно которым женщины (сотрудницы ОВД) в большей степени эгоцентричны, беспристрастны и безжалостны по сравнению с мужчинами (сотрудниками ОВД), что может находить отражение в межличностном общении с окружающими и проявляться в виде сарказма, иронии, злых шуток. При этом у женщин может и не быть намерения нанести вред объекту

шуток, в отношении которого они осуществляют такое поведение, или они могут просто не понимать, что это обижает.

Напротив, мужчины в меньшей степени способны к такому поведению в межличностном общении, поскольку предиктором компонента антисоциальной креативности в виде злых шуток стала враждебность, когнитивный компонент агрессии, т.е. мужчины более сдержаны в проявлении антисоциальной креативности в девиантном поведении: они могут зло пошутить, если можно так выразиться, «про себя» и не высказать эти шутки вслух в лицо мишени.

Полученные результаты важно учитывать при профессиональном психологическом отборе и мониторинге психологических характеристик сотрудников органов внутренних дел и при разработке коррекционных программ.

Литература

1. Выступление В. Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России, 2021. URL:<https://mvdmedia.ru/news/official/sostoyalos-rasshirennoe-zasedanie-kollegii-mvd-rossii/> (дата доступа 10.04.2021)
2. Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н. Креативность и девиантность: связь и взаимодействие // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2018, 15, 2, 279–290. DOI:10.17323/1813-8918-2018-2-279-290
3. Мешкова Н.В. и др. Адаптация опросника «Поведенческие особенности антисоциальной креативности» // Психологическая наука и образование, 2018, 23, 6, 25–40. DOI:10.17759/pse.2018230603
4. Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н. Креативность и девиантность: современное состояние проблемы в психологии [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 86–107. DOI:10.17759/psylaw.2020100307
5. Hao N. et al. A New Tool to Measure Malevolent Creativity: The Malevolent Creativity Behavior Scale. *Front.Psychol.*, 2016, 7, 682. DOI:10.3389/fpsyg.2016.00682

Изучение социальной идентичности группового субъекта посредством графической диагностики

Бубнов А.Л.

*ФГБОУ ВО ВГУ, Воронеж, Россия
aleksandr-bubnov-2013@y@yandex.ru*

Изучение малой группы как единого субъекта в последнее время приобретает все бóльшую популярность. Это обусловлено тем, что общество ставит задачи уже не перед отдельным индивидом, а главным образом перед группами, в первую очередь трудовыми (рабочими коллективами, командами) в части роста эффективности производительности труда, совершенствования командообразования, сплоченности, обеспечения благоприятного психологического климата. Поэтому представляется актуальным исследование особенностей малой группы как субъекта, все компоненты которого функционируют слаженно, хорошо интегрированы друг с другом, благодаря чему группа успешно выполняет стоящую перед ней задачу [1].

В качестве объекта нашего исследования выступала такая особенность группового субъекта, как его социальная идентичность. Проявляется эта особенность в отождествлении группового субъекта как с аналогичными, равностатусными ему малыми группами, так и с большими группами, прежде всего с профессиональным сообществом. Для оценки степени социальной идентичности группового субъекта была использована авторская адаптация методики А.В. Ловакова «Диагностика организационной идентификации» [2]. Методика представляет собой восемь пар кругов, расположенных на разном расстоянии друг от друга. В паре кругов первый – это изучаемая психологом в качестве единого субъекта группа, а второй – другая группа, оцениваемая этим групповым субъектом. Чем ближе при выборе испытуемых расположены оба круга, тем считается более тесной связь между группами, интерпретируемая как степень идентификации первой группы со второй. Степень психологической близости между группами оценивается от 1 до 8 баллов, и чем больше балл, тем степень социальной идентичности выше. В адаптированном нами варианте так же, как и в оригинальной версии методики, изучалось состояние социальной идентичности группового субъекта с той только разницей, что мы исследовали четыре сферы идентификации изучаемой учебной группы студентов: с группами

своего факультета, с группами собственного вуза, с группами других вузов и с профессиональным сообществом, членами которого предстоит стать студентам изучаемой группы.

В исследовании приняли участие 28 учебных групп из шести воронежских вузов. Общая численность респондентов составила 448 человек. В ходе анализа полученных результатов мы заметили, что среднегрупповые показатели социальной идентичности с группами факультета варьируют от 4,5 до 6,0 баллов, что указывает на среднюю степень идентичности с этой разновидностью групп. Среднегрупповые показатели отождествления изучаемых студенческих групп с группами своего вуза в целом расположились в диапазоне от 4,2 до 5,1 балла, что также свидетельствует о средней степени идентичности с ними. Другими словами, групповой субъект идентифицирует себя с вузом, в котором проходит обучение. В ситуации отождествления группы с группами других вузов среднегрупповые показатели социальной идентичности попали в диапазон от 2,4 до 3,0 баллов. Это соответствует низкой степени идентичности и говорит о том, что студенческая группа как групповой субъект обычно плохо представляет, каким образом осуществляется процесс обучения и досуга в группах других вузов. В ходе дополнительных бесед со студентами выяснилось, что обучающиеся плохо представляют группы других вузов, не знают, как проходит их обучение и в чем отличие их вуза от других. Изученные студенческие группы, как правило, не рассматривают группы других вузов как равные себе. Все это объясняет невыраженную социальную идентичность групповых субъектов с группами других вузов. Интересными нам представляются данные, продемонстрированные обследованными группами при отождествлении себя с профессиональным сообществом. Среднегрупповые показатели этой разновидности социальной идентичности распределились в границах от 4,5 до 6,1 балла. То есть у студенческих групп как единых субъектов идентичность с профессиональным сообществом выражена выше среднего, а в ряде случаев достигает высокой степени. При анализе данных мы заметили, что группы с высокой степенью социальной идентичности с профессиональным сообществом отчетливо представляют себе особенности своей будущей профессии, специфику трудоустройства в избранной сфере, обнаруживают ясное видение себя в профессии (будущие учителя, медики, полицейские). В группах со средней степенью идентичности с профессиональным сообществом присутствуют определенные сложности с представлениями о самой профессии и о собственной

профессиональной самореализации (будущие инженеры-радиотехники, философы, лингвисты, психологи).

Литература

1. *Гайдар К.М.* Социально-психологическая диагностика группового субъекта. Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2012.
2. *Ловаков А.В.* Разработка и апробация методики диагностики организационной идентификации // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 7, № 4. С. 108-116.

Размеры тела как предикторы социального статуса в коллективе сверстников среди русских школьников

Буркова В.Н.

*ИЭА РАН, НИУ ВШЭ, Москва, Россия
burkovav@gmail.com*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00461

Для успешной адаптации индивида в обществе большое значение имеют собственное восприятие положения в социальной группе и оценка положения других людей. Социальная структура группы – это система иерархических отношений ее участников, которые могут быть в дружеских, нейтральных и конфликтных отношениях или избегать общения друг с другом [1; 2]. При этом морфологические характеристики человека – такие, как рост, вес, индекс массы тела, также оказывают воздействие на социальный статус и поведение, особенно у детей и подростков [3; 4; 5]. Проведенные к настоящему времени работы в области изучения взаимосвязи социометрических и морфологических параметров проводились, как правило, в европейских странах, США и Канаде, выборки зачастую имели смешанный характер, а факторы этничности и расовой принадлежности не учитывались [6].

Целью работы было исследование взаимосвязи данных параметров – социального статуса и размеров тела – среди школьников в коллективе сверстников с учетом возрастных и половых различий. Конечная выборка составила 1077 школьников из г. Москвы 10-18 лет (507 мальчиков и 570 девочек). Участники исследования заполняли демографический опросник, для определения социального статуса

ребенка в классе применялся ранее разработанный автором метод оценки сверстниками: на основании ответов одноклассников каждому участнику был присвоен соответствующий ранг внутри коллектива. Из выборки были исключены все нерусские школьники (по их самооценке). Для определения роста и массы тела использовались прямые антропометрические измерения тотальных размеров тела каждого респондента с последующим расчетом индекса массы тела (ИМТ).

Анализ полученных данных с использованием дисперсионного анализа показал высоко значимый эффект возраста на популярность ($F(df)=17,854(8)$; $p=3,4192E-25$; $\eta^2=0,118$) и непопулярность ($F(df)=6,870(8)$; $p=7,7613E-9$; $\eta^2=0,049$) ребенка в группе, значимый эффект пола был обнаружен только для непопулярности ($F(df)=7,878(1)$; $p=0,005$; $\eta^2=0,007$). Морфологические характеристики роста ($F(df)=1,330(67)$; $p=0,043$; $\eta^2=0,086$), веса ($F(df)=1,492(55)$; $p=0,013$; $\eta^2=0,079$), ИМТ ($F(df)=1,126(573)$; $p=0,050$; $\eta^2=0,562$) были значимы только для параметра «высокий социальный статус».

Линейный регрессионный анализ с разделением по полу и возрасту показал направление и значимость эффектов показателей роста, веса, ИМТ на социальный статус школьников. Значимая взаимосвязь морфологических параметров и высокого социального статуса была получена только в подростковом возрасте – в 12-13 лет (ИМТ у мальчиков $B=0,066$; $SE=0,031$; $Beta=0,176$; $p=0,037$; $R^2=0,031$; вес у девочек $B=0,038$; $SE=0,012$; $Beta=0,244$; $p=0,002$; $R^2=0,060$; ИМТ у девочек $B=0,067$; $SE=0,034$; $Beta=0,161$; $p=0,049$; $R^2=0,026$) и 14-15 лет (рост у мальчиков $B=2,111$; $SE=0,689$; $Beta=0,216$; $p=0,002$; $R^2=0,047$; вес у мальчиков $B=0,015$; $SE=0,007$; $Beta=0,157$; $p=0,028$; $R^2=0,025$; рост у девочек $B=1,934$; $SE=0,960$; $Beta=0,6136$; $p=0,045$; $R^2=0,018$).

Полученные нами данные на однородной по этническому составу выборке показали, что морфологические параметры (размеры тела) являются предикторами для социального статуса только в подростковом возрасте (12-15 лет) – более крупные, высокие одноклассники более популярны среди сверстников по оценкам одноклассников, а самые невысокие и имеющие меньший вес непопулярны. Таким образом, мы обнаружили, что подростки с недостатком веса не менее уязвимы для травли со стороны сверстников, тогда как ранее обычно выявлялась связь между избыточным весом и низким статусом. Возраст в нашем исследовании оказался более значимым показателем, чем пол. Полученные результаты могут иметь практическое значение при разработке антибуллинг-программ в школе.

Литература

1. *Фоломеева Т.В., Федотова С.В.* Дифференциация образов высокостатусного и низкостатусного человека у молодежи // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9, № 3. С. 197–207.
2. *Lynn M., Williams J.* Black-White Differences in Tipping: The Moderating Effects of Socioeconomic Status // *Cornell Hospitality Quarterly*. 2012. Vol. 53. Pp. 286–294.
3. *Буркова В.Н.* Хорошего человека должно быть много?: Агрессия и ее связь с размерами тела // *Этнографическое обозрение*. 2020. №3. С. 177–190.
4. *Lian Q., Su Q., Li R., Elgar F. J., Liu Z., Zheng D.* The association between chronic bullying victimization with weight status and body self-image: a cross-national study in 39 countries // *Peer Journal*. 2018. Vol. 6. P. e4330.
5. *Rancourt D., Prinstein M.J.* Peer status and victimization as possible reinforcements of adolescent girls' and boys' weight-related behaviors and cognitions // *Journal of Pediatric Psychology*. 2010. Vol. 35 (4). Pp. 354–367.
6. *Буркова В.Н.* Исследование взаимосвязи размеров тела и социального статуса детей и подростков в коллективе сверстников (на примере русских школьников) // *Science for Education Today*. 2020. Т.10, №6. С. 74-99.

Музыкальные занятия как ресурс личностного развития подростков: социально-психологический аспект

Буряшина Т.А., Толстых Н.Н.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
yanta.87@mail.ru, nnvt@list.ru*

Одним из главных запросов современного общества к системе образования является индивидуально-личностный подход и предоставление возможности эффективно развиваться и обучаться для учеников с разными способностями и особенностями. Идеи и методики такого образования разрабатывались отечественной педагогикой еще в середине двадцатого века, но и по сей день внедрение этих принципов в жизнь остается актуальной проблемой.

Творчество как никакой другой процесс развивает в человеке индивидуальные черты, нестандартность, широту и свободу

мышления. Однако творческие предметы, в частности музыкальные, остаются на задворках системного образования, «на скамье запасных», скромно занимают место в нише дополнительных образовательных услуг. Значимость обучения музыке очевидно недооценена. Помимо непосредственной пользы музыкальных занятий как одного из средств гармоничного формирования личности, развития способностей учащегося, обучение музыке, на наш взгляд, обладает терапевтической функцией, может оказывать благотворное воздействие на социализацию ребенка в коллективе, являться вспомогательным средством коррективной работы в обучении, творческом и деловом общении учащегося в группе.

Одной из основ эффективности обучения является благоприятный психологический климат в учебной группе. Этому в числе прочего способствует гармонично организованная социометрическая структура группы. В нашем исследовании мы решили взглянуть на индивидуальное творческое занятие с нового ракурса. Целью исследования является обнаружение взаимосвязи между социометрическим статусом ребенка в школьном коллективе и его самооощением на уроке музыки.

Гипотезой исследования является предположение о наличии такой взаимосвязи, а одной из частных гипотез – предположение о том, что аутсайдеры чаще будут оценивать свое самооощение на индивидуальном музыкальном занятии как положительное. При получении результатов, подтверждающих эту гипотезу, можно будет говорить о возможности положительного влияния занятий музыкой на самоопределение ребенка в иерархической системе класса.

Методом определения социометрического статуса учащегося выбрана аутосоциометрия [2], так как более важным для проверки выдвинутых гипотез является не столько реальный статус ребенка в классе, сколько восприятие себя в качестве лидера, аутайдера либо среднестатусного члена коллектива. Объектом исследования является самооощение ученика на уроке. Это важнейший элемент, обеспечивающий психологически благоприятную или неблагоприятную картину функционирующей учебной группы. Методикой исследования самооощения учеников на уроках выбран опросник В.С. Собкина [1], позволяющий оценить самочувствие ученика на уроке.

Специфика выбранной методики ограничивает возраст респондентов двенадцатью годами. Так как обучение в музыкальной школе, как правило, ограничивается 7 годами, предполагается, что в исследовании примут участие младшие подростки, обучающиеся в 5-7 классах общеобразовательной школы.

Литература

1. *Собкин В.С.* Методические рекомендации по оценке сравнительного качества обучения на основе исследования мнения учащихся // В печати / 2020.
2. *Собкин В.С., Адамчук Д.В., Амвросимова З.Б., Баранова Е.В.* Подросток: нормы, риски, девиации // Труды по социологии образования / под ред. В.С.Собкина. М.: Центр социологии образования РАО, 2005. Т. X. Вып. XVII.

Субъективная оценка значимости партнерских взаимоотношений

Вавакина Т.С.

ИП РАН, Москва, Россия

tvavakina@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-013-00735)

Современный этап развития социальной психологии характеризуется особым вниманием к исследованию общественно-значимых проблем, актуальных феноменов социальной жизни и психологического благополучия личности в ситуациях глобальных вызовов. Наше направление исследования посвящено анализу специфики реализации социального взаимодействия при формировании горизонтальных социальных связей на межличностном уровне [1; 2]. В фокусе внимания – межличностное партнерство в разных сферах совместной жизнедеятельности. В данной публикации мы уделим внимание проблеме субъективной оценки значимости для человека партнерских взаимоотношений.

В эмпирическом исследовании приняли участие 217 человек, мужчины и женщины в возрасте от 25 до 55 лет.

Респондентам были предложены вопросы, связанные с субъективными оценками ценности отличающихся друг от друга аспектов партнерских взаимоотношений: о важности партнерских взаимоотношений в современной жизни; о ценности партнерских взаимоотношений лично для человека; учитывает ли человек мнение, позицию, желания своего партнера. Наряду с этим, участникам исследования предстояло определиться с тем, что в жизни лично для респондента представляет наибольшую ценность? Для выбора

предлагались мотивационные блоки ценностей, сформированные на основе опросника ценностей (ценностных ориентаций) Ш. Шварца [3].

Перейдем к анализу полученных эмпирических результатов. Центральным вопросом являлось отношение к межличностному партнерству в целом: *Насколько Вы цените партнерские взаимоотношения, это важно для Вас?* Ответы давались по 10-балльной шкале. Субъективные оценки распределились следующим образом: не имеет особой ценности – 9,7% респондентов, оценившие важность для себя ценности партнерских взаимоотношений в диапазоне 1 – 4 баллов; респондентов, для которых это имеет определенное значение (5 – 7 баллов), – 31,8% и респондентов, для которых партнерские взаимоотношения действительно важны, имеют выраженную ценность (8 – 10 баллов), – 58,5%. Исходя из полученных результатов, мы можем констатировать, что межличностное партнерство играет существенную роль в жизни людей, занимает достойное место в ряду других видов социальных взаимодействий.

Мы также задавали сопутствующие вопросы, отражающие несколько отличные аспекты отношения к партнерству. Одну подгруппу (110 человек) спрашивали об отношении к партнеру: *«Насколько Вы учитываете мнение, позицию, желания вашего партнера?»* Другую – о партнерстве в более общем контексте (107 человек): *«Насколько важны партнерские взаимоотношения в современной жизни?»*

Учитывают мнение, позицию, желания своего партнера (8 – 10 баллов) – 48,2%; (5 – 7 баллов) – 37,3 % опрошенных, т.е. более 85% респондентов в той или иной мере ориентированы на своего партнера. Этот показатель коррелирует с субъективной оценкой ценности партнерских взаимоотношений ($r = 0,608$; $p = 0,000$).

Ответы на достаточно абстрактный вопрос о важности партнерских взаимоотношений в современной жизни вписываются в общую картину отношения людей к межличностному партнерству. Достаточно важными (8 – 10 баллов) партнерские взаимоотношения считают 65,4%, скорее важными (5 – 7 баллов) – 21,5 % опрошенных, 13,1% респондентов не придают этому особого значения (1 – 4 баллов). Этот показатель имеет явно выраженную взаимосвязь с ценностью партнерских взаимоотношений лично для респондента ($r=0,791$; $p=0,000$), т.е. с его отношением к межличностному партнерству.

Перейдем к рассмотрению ведущих ценностных ориентаций. В данном исследовании нами анализировались наиболее обобщенно

значимые мотивационные блоки ценностей в соответствии с методикой Ш. Шварца: успех, статус, престиж, доминирование (самовозвышение); доброта, понимание, благополучие других (самотрансцендентность); удовольствие от жизни, наслаждение (гедонизм); самостоятельность, новизна переживаний (открытость изменениям); традиции, безопасность, консерватизм (консерватизм).

Мы выделили две группы респондентов в соответствии с их оценками ценности партнерских взаимоотношений. Одна группа, представителям которой это важно ($mean=9$, $N=178$); другая – для которых такие отношения скорее не представляют собой ценности ($mean=3$, $N=30$). Респонденты, для которых ценность партнерских взаимоотношений невысока, значимо чаще ($p=0,006$) ориентированы на самовозвышение, полагая, что наибольшую ценность для них лично представляют: успех, статус, престиж, доминирование. Этот результат согласуется с пониманием межличностного партнерства как взаимодействия на равных, с формированием паритетных партнерских взаимоотношений.

Итак, более чем для 90% респондентов партнерские взаимоотношения имеют определенную ценность или действительно очень важны. В настоящее время партнерские взаимоотношения могут рассматриваться как самостоятельная ценность, востребованная в современном обществе в разных сферах жизни человека.

Литература

1. *Вавакина Т.С.* Проблема исследования партнерства в социальной психологии // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2018. Т. 25. С. 38-50.
2. *Вавакина Т.С.* Партнерство как реализация горизонтальных связей в социальном взаимодействии // В сборнике: Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти М.Ю. Кондратьева. Москва, 2020. С. 105-107.
3. *Карандашев В.Н.* Методика Шварца для изучения ценностей личности: Концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004.

Особенности супружеских взаимоотношений в совместно проживающих и дистантных семьях

*Великородова Е.А., Красило Т.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
e.vel2109@mail.ru, tkrassilo@yandex.ru*

В настоящее время существует понятие дистантной семьи, когда один из супругов вынужден работать и проживать в отдаленных от семьи местах. Такую роль на себя берет глава семьи, с целью обеспечить семье материальное благополучие и лучшие условия жизни [2]. Несмотря на специфику дистантных семей, не следует забывать о том, что такие семьи — это те же самые полноценные семьи, просто в данный момент времени они претерпевают небольшие изменения.

Поэтому полезно сконцентрировать свое внимание на удовлетворенности браком в данных семьях. В свою очередь, под удовлетворенностью браком подразумевается внутренняя субъективная оценка супругами своих взаимоотношений [1].

Целью нашего исследования являлось изучение особенностей удовлетворенности браком в дистантных семьях.

Основная гипотеза исследования: уровень удовлетворенности браком в дистантных семьях ниже уровня удовлетворенности браком в семьях, совместно проживающих.

В работе использовались следующие методики:

- опросник удовлетворенности браком (В.В. Столин, Т.Л. Романова, Г.П. Бутенко),
- опросник «Понимание, эмоциональное притяжение и авторитетность (уважение)» (А.Н. Волкова, модификация В.И. Слепковой),
- методика диагностики уровня субъективного ощущения одиночества (Д. Рассел и М. Фергюсон),
- методика на определение особенностей распределения ролей в семье (Ю.Е. Алешина, Л.Я. Гозман, Е.М. Дубовская).

В проведенном исследовании удовлетворённости браком, по версии женщин, 33% из совместно проживающих и 20% из дистантных семей оценивают свой брак как благополучный; неблагополучным брак считают только 13% женщин из дистантных семей. Мужчин из совместно проживающих и дистантных семей, которые оценили свой брак как благополучный в обеих группах

оказалось по 50%; 10% из дистантных семей считают брак неблагополучным.

При изучении субъективного ощущения одиночества со стороны женщин высокий результат показали оба вида семей, где 83% совместно проживающих и 60% дистантных семей оцениваются высоким уровнем одиночества. Тогда как у мужчин 90% из совместно проживающих семей имеют высокий показатель одиночества, а 77% из дистантных семей имеют средний уровень одиночества.

В исследовании понимания, эмоционального притяжения и авторитетности (уважения) результаты женщин и мужчин из совместно проживающих и дистантных семей по всем показателям показали высокий уровень.

Изучение особенностей распределения ролей в семье показало, что женщины из совместно проживающих и дистантных семей считают, что роли должны распределяться одинаково у обоих партнеров. Так же это оценили и мужчины из совместно проживающих семей, а по версии мужчин из дистантных семей, исполнение ролей должно лежать на женщине.

Для сравнения результатов по методикам в дистантных и совместно проживающих семьях мы использовали U-критерий Манна-Уитни.

По методике удовлетворённости браком анализ результатов показал наличие значимых различий в уровне удовлетворенности браком между двумя исследуемыми группами, а именно респонденты из совместно проживающих семей имеют более высокий уровень удовлетворённости по сравнению с дистантными семьями ($p < 0,000$), при этом мужчины показали более высокие баллы, чем женщины. Это может означать, что в дистантных семьях из-за условий раздельного проживания есть определенные трудности во взаимоотношениях между супругами, что влияет на удовлетворённость в их отношениях.

В исследовании субъективного ощущения одиночества были получены результаты, демонстрирующие наличие значимых различий между исследуемыми типами семей: в дистантных семьях, по сравнению с совместно проживающими семьями, уровень ощущения одиночества выше ($p < 0,000$). Это может говорить о том, что, находясь порознь, супруги не имеют возможность заниматься домашней деятельностью вместе, следовательно, всё это ложится на одного супруга и это может привести к ощущению чувства одиночества.

При изучении понимания, эмоционального притяжения и авторитетности (уважения) было обнаружено, что по показателю авторитетности совместно проживающие семьи имеют более высокий уровень, чем дистантные семьи ($p < 0,001$). Это говорит о том, что в

дистантных семьях супруги испытывают трудности в восприятии друг друга как личностей и могут не разделять профессиональные интересы, из-за которых им приходится жить на расстоянии.

Анализ данных по методике особенностей распределения ролей в семье показал, что эмоциональная, материальная роли и роль организации развлечений в дистантных семьях распределяются иначе, чем в совместно проживающих семьях ($p < 0,005$).

На основе результатов, полученных в ходе проведенного исследования, можно сделать следующие выводы.

В дистантных семьях уровень удовлетворенности браком ниже, чем в семьях совместно проживающих.

Субъективное чувство одиночества в дистантных семьях выше, чем в совместно проживающих семьях, мужчины в дистантных семьях испытывают чувство субъективного одиночества больше, чем женщины.

Степень понимания друг друга в дистантных семьях ниже, чем в совместно проживающих семьях.

В отличие от совместно проживающих семей, где эмоциональную роль, роль организации развлечений выполняют оба супруга, в дистантных семьях супруги считают, что эти роли должны лежать на женщине.

Литература

1. *Котельникова Ю.С.* Удовлетворенность брачно-семейными отношениями в молодых семьях//Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches. 2017, Vol. 6, Is. 2A.
2. *Семенов Ю.И.* Происхождение брака и семьи: монография/Ю.И. Семенов. М.: КРАСАНД, 2010. 307 с.
3. *Stafford, L. (2010).* Geographic distance and communication during courtship. Journal of Communication Research, 37(2).

Проблема использования аудиовизуального материала в межкультурном обучении

Верченова Е.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,

katept@bk.ru

Происходящие процессы глобализации требуют сосредоточения внимания на развитии культурной компетентности личности, развитии

навыков эффективного взаимодействия с культурно разнообразными группами людей, а также формировании представлений индивидов о культурных особенностях, различиях и сходствах. Таким образом, для решения возникающих вопросов необходимо способствовать развитию межкультурной компетентности как основной цели межкультурного образования. В данной статье мы рассмотрим один из наиболее эффективных способов межкультурного обучения, а именно использование аудиовизуального материала.

Обзор литературы показывает, что многие авторы акцентируют свое внимание на использовании аудиовизуального материала в образовательной среде. Kusumarasdyati K. отмечает, что аудиовизуальный контент вовлекает учащихся в процесс, который позволяет им не только освоить иностранный язык, но также лучше понять культурные особенности других, увидеть противопоставление двух культур, повысить их осведомленность о разнообразии, существующем в этих культурах. Kusumarasdyati K. отмечает, что использование видео должно быть аккуратным, поскольку некоторые аудиовизуальные материалы могут быть наполнены культурными проблемами.

S. Arif, B. Cryder, J. Mazan, A. Quiñones-Boex and A. Cyganska в своей работе показали, что использование смоделированных видеоматериалов с интерактивным семинаром улучшило понимание студентов фармацевтических факультетов и повысило их уровень комфорта благодаря навыкам межкультурного общения и может быть полезным инструментом для обучения культурной компетентности в учебной программе [1]. В исследовании участники просматривали видеовиньетки, объединяющие множество невербальных и вербальных межкультурных коммуникативных барьеров, отображая при этом реалистичные клинические сценарии.

Проведенный обзор исследований показал, что многие авторы акцентировали свое внимание на выборе возможных тем в межкультурных учебных программах с использованием аудиовизуального материала. Спорным темам в учебных заведениях уделяется мало внимания из-за их запретного характера, но постоянного воздействия табуированных тем невозможно избежать в современном мире [2]. По мнению De Vincenti G., Giovanangeli A., Ward R., если такие темы и дальше будут игнорироваться, они сохраняют свою запретную природу, и это не приведет к формированию представлений о другой культуре и, тем более, к развитию умений и навыков эффективного взаимодействия с представителями другой культуры. Говоря о необходимости освещать скрытые темы, важно принять во внимание предупреждение Martinez D. о том, что педагоги

должны деликатно использовать аудиовизуальный материал на запретные темы с учениками, а также внимательно следить за обсуждением и формой подачи материала, чтобы предотвратить возможную чрезмерную реакцию [5].

Проведенный обзор литературы позволил нам спланировать и провести исследование, выявляющее эффективность использования аудиовизуального материала в межкультурном обучении по теме табу (на примере табу индонезийской культуры).

В исследовании принимали участие 109 российских студентов в возрасте 19-25 лет, обучающиеся в МГППУ на факультетах: социальная, клиническая психология и психология образования. Среди респондентов 47 студентов отвечали на вопросы, оценивающие полезность, информативность и внятность изложения после просмотра обучающего материала по теме табу в формате лонгрида, 62 студентов – после просмотра мультипликационного ролика.

Для сравнения показателей «полезность используемого материала», «информативность» и «внятность изложенного материала», полученных при обследовании российских студентов, мы провели сравнение средних значений. Эти показатели могли принимать значения от 1 до 5, т.е. от «удовлетворительно», до «неудовлетворительно». В табл. 1 представлено сравнение средних.

Таблица 1.

Сравнение показателей полезности, информативности, внятности среди российских студентов, просматривающих лонгрид и видео

Показатели	Лонгрид	Видео
Полезность	3,68	3,73
Информативность	3,91	4,06
Внятность	4,45	4,60

Полученные результаты позволяют увидеть, что средние значения выше после просмотра видеоматериала. Информативность видеоролика оценивается по 5-балльной шкале как «хорошо», а после просмотра лонгрида как «удовлетворительно». Показатель «полезность» оценивается на «удовлетворительно» и показатель «внятность» оценивается на «хорошо» как после просмотра лонгрида, так и после просмотра видеоролика.

Однако значимых различий между первой группой студентов, просматривающих видеоролик, и второй группой, просматривающих лонгрид, не было выявлено. Полученные результаты подразумевают дальнейшее исследование с увеличением выборки исследования.

Литература

1. Arif S., Cryder B., Mazan J., Quiñones-Boex A., Cyganska A. Using Patient Case Video Vignettes to Improve Students' Understanding of Cross-cultural Communication // *American Journal of Pharmaceutical Education* / 2017. Vol 81. № 3. pp. 1-11.
2. Evans R.W., Avery P.G., Pederson P.V. Taboo Topics: Cultural Restraint on Teaching Social Issues // *The Clearing House* / 2000. Vol 73. № 5. pp. 295-302.
3. Kusumarasdyati K. The Use of Movie Videos to Enhance Cross-cultural Understanding / Paper presented at the The 16th Biennial Conference of Asian Studies Association of Australia / 2006. pp. 1-13.
4. Project READY: Reimagining Equity & Access for Diverse Youth. <https://ready.web.unc.edu/section-1-foundations/module-8/>
5. Tshelska M. (2006). Teaching politically correct language // *English Teaching Forum* / 2006. Vol 1. pp. 20-32.

Особенности переживания внутренних конфликтов юношами и девушками с различной степенью занятости в период ранней взрослости

Витко Д.Д., Смирнова Ю.С.

*Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
vitkodasha1505@gmail.com, smiry@bsu.by*

Ранняя взрослость – период освоения выбранной профессии и начала реализации профессионального пути. Эта сфера жизненной активности может быть сопряжена с переживанием внутренних противоречий. Причем характер этих переживаний может быть разным в зависимости от того, насколько субъект вовлечен в процесс профессионализации. Некоторые представители данной возрастной группы уже включены в трудовую деятельность и активно реализуют свою профессиональную идентичность, некоторые еще только получают профессиональное образование, не пытаясь совместить этот процесс с трудовой занятостью. С целью выявления особенностей, переживаемых в период ранней взрослости внутренних конфликтов, было проведено эмпирическое исследование. В рамках данной публикации мы остановимся на результатах сравнения внутренних конфликтов респондентов с различной степенью занятости.

Для сбора данных использовались методики системы «Диагностика внутреннего конфликта» Е.Б. Фанталовой [1]. Внутренний конфликт трактуется как «состояние, когда ценностный объект малодоступен или не доступен совсем, «желаемое» не совпадает с «реальным», значимые потребности и ценности находятся в состоянии блокады» [1]. В исследовании приняли участие 100 человек в возрасте от 18 до 25 лет. 47% опрошенных не работали на момент заполнения анкеты, остальные отметили, что работают (29%) либо подрабатывают параллельно с учебой в университете (24%). Для статистической обработки данных использовались непараметрические Н-критерий Крускала-Уоллиса, U-критерий Манна-Уитни, таблицы сопряженности и критерий χ^2 для установления различий в распределении признака.

Статистически значимых различий в показателях дезинтеграции мотивационно-личностной сферы, уровня дискомфорта и количества переживаемых внутренних конфликтов у субъектов с различной степенью трудовой занятости обнаружено не было. Статистически значимые различия были обнаружены по показателям расхождения между ценностью и доступностью здоровья ($p=0,024$), интересной работы ($p<0,001$) и наличия хороших и верных друзей ($p=0,040$). Наиболее внутренне конфликтной сфера здоровья является для студентов, которые учатся и подрабатывают, сфера дружеских отношений – для тех, кто уже окончил учебу и имеет полную занятость, сфера интересной работы – для студентов, которые еще не работают, что является вполне закономерным. В период ранней взрослости внутренний конфликт в связи с ценностью и недоступностью интересной работы переживают 27,7% неработающих респондентов и лишь 3,4% работающих (различия в частоте переживания этого конфликта статистически значимы ($p=0,004$)).

Мы также сравнили состояния, переживаемые работающими и неработающими респондентами в связи с расхождением ценности и доступности желанных для них объектов. Статистически значимые различия были обнаружены в переживании внутреннего конфликта в связи с высокой ценностью и малой доступностью свободы как независимости в поступках и действиях. Такой внутренний конфликт характерен для 18% респондентов. Причем ощущение внутренней напряженности, разлада с самим собой в связи с этим противоречием является более выраженным у тех, кто подрабатывает параллельно с учебой ($p=0,047$). В переживании других состояний в связи с внутренним противоречием ценности и доступности того или иного объекта различий между работающими и неработающими респондентами обнаружено не было.

Поскольку гендерные установки транслируют разные предписания мужчинам и женщинам относительно построения профессионального пути, мы решили провести анализ отдельно для юношей (39% респондентов) и отдельно для девушек (61%). Было обнаружено, что уровень переживаемого дискомфорта ниже всего у работающих юношей, самый высокий – у подрабатывающих студентов ($p=0,008$). У девушек таких различий обнаружено не было. Мы также обнаружили, что работающие юноши, в отличие от студентов, совсем не переживают конфликт в связи с недоступностью уверенности в себе ($p=0,034$).

Таким образом, переживание внутренних конфликтов в период ранней взрослости различается у юношей и девушек с различной степенью трудовой занятости. Такие различия могут быть обусловлены высокой значимостью профессиональной сферы для самореализации в этот возрастной период, а также наличием стереотипных предписаний относительно построения профессионального пути мужчинами и женщинами.

Литература

1. *Фанталова Е.Б.* Диагностика ценностей и внутренних конфликтов в общей и клинической психологии [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2013. Том 2. № 1. URL: <https://psyjournals.ru/psyclin/2013/n1/58926.shtml>.

Особенности самоотношения у юношей и девушек, занимающихся боксом

Волков Р.С., Сачкова М.Е.

РАНХиГС, г. Москва, Россия

volkov.roman@inbox.ru, sachkova@list.ru

Поиск ответа на вопрос, как самоотношение влияет на поведение подрастающего поколения, для социальных психологов в последнее время становится все более актуальным. Особого внимания специалистов данная проблема требует в сфере спорта высоких достижений. Например, за последние десять лет количество девушек, предпочитающих условно мужские виды спорта (бокс, борьба, каратэ и др.), в России резко выросло. Как правило, в такие секции родители отдают своих детей в раннем возрасте (с 7-10 лет), что в свою очередь

может влиять на формирование самооотношения и поведение юных спортсменок, а у педагогов и тренеров вызывать трудности в процессе их обучения.

Влияние самооотношения на становление личности в юношеском возрасте исследовалось в работах многих психологов [2; 6]. Однако наиболее детально разработанной, на наш взгляд, является концепция самооотношения В.В. Столина, который описал данный феномен как процесс, в котором «Я» человека оценивается через потребность в самореализации [5]. О.В. Беляева, опираясь на работы В.В. Столина, позднее доказала, что самооотношение можно рассматривать в контексте эмоционально-ценностного компонента, входящего в структуру личностной идентичности индивида [1]. Существуют также исследования, которые показывают влияние спорта на формирование различных аспектов личности. Так, например, в исследовании С.В. Жилина было установлено, что через занятия спортом можно оказывать воздействие на развитие Я-концепции в зависимости от демографических (пол, возраст) и социальных (спортивная квалификация) показателей [3]. Однако нам не известны исследования, в которых изучалось бы различие в компонентах самооотношения у спортсменов юношеского возраста, занимающихся таким видом спорта, как бокс.

Проведенный теоретический анализ позволил предположить, что могут существовать различия между компонентами самооотношения (самоуважение, самоинтерес, аутосимпатия и отношение других) у юниоров и юниорок, занимающихся боксом. В исследовании приняли участие юноши-спортсмены (30 человек, возраст 17-18 лет) и девушки-спортсменки (30 человек, возраст 17-18 лет), занимающиеся боксом.

В исследовании использовалась методика «Тест-опросник самооотношения» (ОСО) В.В. Столина и С.Р. Пантिलеева [4]. Математико-статистическая обработка данных осуществлялась с помощью методов количественного анализа в программе SPSS. Проверка выборки на нормальность распределения по критерию Колмогорова-Смирнова не позволила использовать для сравнительного анализа полученных данных параметрический коэффициент, поэтому был применен непараметрический U-критерий Манна-Уитни.

В ходе сравнительного анализа было обнаружено, что существует статистически значимое различие между юношами (ю) и девушками (д) по 9 шкалам из 12. По шкале *S* глобальное отношение ($M_{ю}=19,6\pm 3,2$; $M_{д}=21,5\pm 2,1$; $U_{э.}=295,0$; $p=0,021$) юниорки имеют более высокий балл, чем юниоры, это может говорить о несколько

завышенной самооценке и веру в свои силы в значимой для девушек деятельности. На наш взгляд, это связано с более низкой конкуренцией у девушек, чем у молодых людей в соревнованиях по боксу. По *шкале I самоуважение* юниорки также имеют более высокий балл ($M_{ю}=10,4\pm 2,1$; $M_{д}=11,5\pm 1,9$; $U_{э.}=301,0$; $p=0,022$), чем юниоры, так как они более последовательны и лучше понимают себя, о чем свидетельствуют баллы по *шкале 4 саморукводство* ($M_{ю}=4,1\pm 1,0$; $M_{д}=4,6\pm 0,9$; $U_{э.}=301,0$; $p=0,02$) и *шкале 7 самопонимание* ($M_{ю}=3,3\pm 1,1$; $M_{д}=4,3\pm 1,3$; $U_{э.}=274,0$; $p=0,006$). По *шкале II аутосимпатия* баллы у юниорок чуть выше, чем у юниоров, что говорит о более позитивном отношении девушек к своему внутреннему «Я». По *шкале III ожидаемое отношение других*, у юниорок баллы также значимо выше ($M_{ю}=9,6\pm 2,3$; $M_{д}=10,7\pm 0,9$; $U_{э.}=315,0$; $p=0,039$), что говорит о более ярком желании юниорок проявить себя в важной для себя деятельности и получить высокую внешнюю оценку. И, наконец, по *шкале IV самоинтерес* баллы юниорок также значимо выше, чем у юниоров, это говорит о том, что девушкам более интересно собственное «Я» и то, что они делают.

Таким образом, в ходе исследования были выявлены значимые различия в компонентах самоотношения (самоуважение, самоинтерес, аутосимпатия и ожидаемое отношение других) у юниоров и юниорок, занимающихся боксом. Оказалось, что юниорки более высоко оценивают веру в свои силы и положительно к себе относятся, чем юниоры. Мы считаем, что это связано с тем, что бокс становится удобным способом для многих девушек с точки зрения построения успешной карьеры, так как в данном виде спорта пока еще не сформировалась настолько высокая конкуренция, как в мужском направлении. Многие же юноши в этом возрасте, наоборот, теряют к боксу интерес, и им приходится принимать решение продолжать или заканчивать свою спортивную карьеру.

Литература

1. *Беляева О.В.* Динамика личностной идентичности в подростковом возрасте: Дис. канд. психол. н. Москва, 2001.
2. *Бернс Р.* Развитие Я-концепции и воспитание. М.: Прогресс, 1986.
3. *Жилин С.В.* «Особенности Я-концепции личности спортсменов»: Автореф. дис. ... канд. психолог. наук. СПб., 2003.

4. *Пантилеев С.Р., Столин В.В.* Тест-опросник самоотношения // Практикум по психодиагностике. Психодиагностические материалы. Практикум по психодиагностике. М.: МГУ, 1988. С. 123–130.
5. *Столин В.В.* Самосознание личности / В.В. Столин, М., 1983.
6. *Эриксон Э.* Детство и общество. СПб: Фонд «Университетская книга», 1996.

Поддерживающая помощь в социальном контексте

Гаврилова Т.П., Селезнева А.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
tatpg9@rambler.ru, slzmv_a@mail.ru

Авторы – исследователи психологии помощи в аспектах теории, практики и обучения. В центре наших интересов – поддержка как форма помощи. Формы поддерживающей помощи людям, переживающим трудные ситуации, были апробированы нами в различных видах практики [1].

Изучение форм психологической помощи с необходимостью требует осознания психологами-практиками социокультурной ситуации в нашей стране. Социальными психологами, социологами эта ситуация определяется как аномия (размывание границ дозволенного и недозволенного, необязательность следования нормам права и морали). Социологи, культурологи, психологи всё чаще констатируют у людей апатию, депрессию, тревогу. Не удовлетворяются насущные потребности людей в свободе, уважении своего достоинства, справедливости.

Ситуация в стране и обществе переживается населением как напряженная стабильность при неопределённости перспектив ее развития; в общественном настроении парадоксально сосуществуют недовольство происходящим и еще более сильный страх каких-либо перемен. Ответственность за происходящее люди возлагают на власть, как это неизбежно происходит в культурах вертикального типа (особенно при значимости сырьевого сектора в экономике). Можно говорить о распространении в стране синдрома беззащитности: человек рассчитывает на помощь государства и не может сам постоять за себя. В ситуациях межличностных конфликтов люди переходят на взаимные обвинения, которые заканчиваются скандалами, разрывом отношений, что усиливает фрустрацию и враждебность.

Опрос студентов на тему поддержки, которую они оказывают сами и получают в семье, показал, что у них есть небольшой опыт поддержки близких; сами же опрошенные почти никогда не получают ее в семье. Чаще всего их поддерживают друзья, партнеры в отношениях. Реакция близких на трудности тех, кто ищет поддержку, нередко выглядит как насмешка, критика, отрицательная оценка их действий.

Сталкиваясь с обращениями к нам за помощью тех, кто в ней нуждался в условиях самоизоляции [1], мы пришли к выводу, что оказание помощи людям в форме поддержки стоит перед психологами как проблема. При этом обращения существенно различались в том, насколько инициаторы обращения понимали свой «запрос». Одни прямо сообщали, что им нужен совет, разъяснение, что происходит. У других запрос на получение помощи выражался косвенно – через описание своих переживаний, состояний, настроений. Это, вероятно, объясняется тем, что у обращающихся не было четкого понимания, какая именно помощь им нужна. Чаще всего люди нуждались в помощи в ситуациях преодоления тревоги и чувства одиночества, разрешения обострившихся конфликтов, прояснения для себя того, как адаптироваться к ситуации пандемии.

Мы проанализировали риски и ответственность того, как нам удавалось отвечать на обращения нуждающихся в помощи. Это привело нас к необходимости разработки модели поддерживающей помощи, обозначенной нами как действенное соучастие, поскольку исходная позиция психолога в такой поддерживающей помощи – это взаимодействие с инициатором контакта в режиме диалога («Я и Ты» по М. Буберу). Обращение к нам за помощью в период локдауна мы восприняли как вызов к нам как практикам на изучение поддерживающей помощи.

Поддержка в нашем понимании – коммуникативный акт, который осуществляет человек, вступая во взаимодействие со значимым другим, вовлекаясь в переживание им трудной ситуации, присоединяясь к его опыту. Поддержка направлена на повышение уверенности другого в том, что он справится с переживаемыми трудностями. Как формы помощи в трудной ситуации мы выделили утешение, сочувствие и три вида поддержки: сочувственная, подтверждающая, инструментальная [2]. В качестве поддержки также нередко выступают советы: развивающий и направляющий.

Поддержка адресована потенциалу человека: его индивидуальным особенностям – витальности, оптимизму, резильентности; его личностным свойствам – самоуважению, волевой регуляции, согласованности ценностей и смыслов, рефлексивности; его ресурсам

– взаимоотношениям со значимыми другими, жизненному опыту, успешности в избранной деятельности.

Разработанная нами модель строится на экзистенциально-гуманистической парадигме, в которой человек как уникальный индивид обладает способностью к самоопределению, трансцендированию и свободному осуществлению выбора. Цель помощи в описанной модели – в укреплении устойчивости человека, уверенности в том, что он может справиться с подобными ситуациями и найти способы совладания в ещё более трудных случаях. Важно подчеркнуть, что поддерживающая помощь не формирует у человека конкретного навыка преодоления, а побуждает его к самопознанию и личностному росту.

Особенности социальной ситуации в нашей стране ставят перед психологами важнейшую задачу: внедрение поддержки в культуру межличностного общения. Это позволит людям преодолеть отчуждение, усилить доверие друг к другу, и тем самым противостоять апатии, фрустрации и враждебности. Ввод поддержки в культурное пространство можно организовать через обучение лиц, широко вовлечённых в социальное взаимодействие: учителей, волонтеров и сотрудников благотворительных фондов, работников социальных служб помощи наименее защищённым слоям населения, психологов городских консультаций и т.д.

Литература

1. *Гаврилова Т.П., Селезнева А.С.* Риски и ответственность субъектов помогающего поведения в условиях самоизоляции / II Международная конференция по консультативной психологии и психотерапии, посвященная памяти Федора Ефимовича Василюка: сборник материалов [электронное издание] / под ред. Е.В. Букшиной, В.А. Земцовой. М.: ФБГНУ «Психологический институт РАО», 2020. С. 58-60.
2. *Гаврилова Т.П., Селезнева А.С.* Личностный потенциал человека как главный ресурс помощи в трудных ситуациях / Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 27 – 28 ноября 2020 г. М.: МГППУ, Издательский Дом «Бахрах-М», 2020. 592 с. С. 444-448.

К вопросу о социализации подростков из социально неблагополучных семей

*Глебов В.А.
АНО ВО МИТУ-МАСИ
vitjaglebov@gmail.com*

Проблема психологического развития подростков, обучающихся в закрытых учебных учреждениях, является магистральной в работах М.Ю. Кондратьева. Особенности развития и вопросы воспитания детей из социально неблагополучных семей близки данной проблематике, поскольку такие дети находятся в группе риска попадания в закрытые образовательные учреждения, а также сталкиваются со схожими социальными и психологическими трудностями: социальная депривация, неблагополучная среда, трудности интимно-личностного общения и задержки в развитии мотивационно-потребностной сферы, когнитивных функций и т.д. По данным Росстата, численность населения России с денежными доходами ниже прожиточного минимума составляет около 12% на протяжении последних 14 лет. Таким образом, огромное число детей оказываются сегодня в ситуации неблагополучия и требуют психологического внимания и помощи. Западная психология в рамках позитивистского подхода в основном ориентирована на развитие когнитивных функций: памяти, мышления, уровня интеллекта и т.д. [1]. В тоже время, исследования демонстрируют факт низкого влияния данных показателей на будущий экономический и социальный успех в длительной перспективе [3]. В рамках отечественной психологии куда более важным аспектом считается формирование некогнитивных способностей, в особенности навыков самоконтроля, и самодетерминации, так как любая функция окажется бесполезной, если человек не способен самостоятельно ею пользоваться. Помимо конкретных функций, весьма значительным является необходимость формирования мотивационной и ценностно-смысловой сфер личности. Такое развитие возможно только посредством включения ребенка в групповую деятельность [2].

С другой стороны, современный гуманистический подход демонстрирует свою несостоятельность и заставляет вернуться к идее М.Ю. Кондратьева о том, что образовательные программы должны вызывать дискомфорт, провоцируя ребенка на развитие. Современная практика работы с детьми из неблагополучных семей демонстрирует изъядны психологического понимания сути этой работы. Ярким

примером является стремление оградить детей от какого-либо физического труда. Программа «Московская смена», реализуемая в период с 2019 года по настоящее время, строится по принципу просветительской деятельности. В течение месяца дети от 7 до 15 лет посещают кинотеатры, музеи, различные развлекательные и спортивные мероприятия. Такой подход облегчает педагогическую задачу работникам социальной сферы, при этом не способствует развитию детей. Одновременно с этим, такой подход формирует позицию ровно противоположную субъектной – не активную жизненную позицию, но должностное и пассивное ожидание помощи и развлечений со стороны специалистов.

Альтернативой развлекательному подходу является педагогические программы, построенные на базе культурно-исторической психологии и теории деятельности с опорой на социально значимую деятельность, цели которой не сводятся к узкогрупповым интересам. В качестве примеров современного использования подхода можно привести многочисленные волонтерские мероприятия. Ежегодно в заповедник в Брыкином Бору приезжают школьники из московской гимназии. Их задачей является сбор мусора в заповеднике государственного значения, параллельно происходит знакомство с работой заповедника. Другим примером может являться коммерческая программа «Ребенок в городе». В рамках художественных занятий и урбанистических прогулок дети преобразовывают городское пространство. Например, в 2018 году в городе Никель дети, в сотрудничестве с художниками и в согласовании с местными властями, установили скульптуру в центре города, предварительно разработав ее концептуальную рамку. С точки зрения теории отраженной субъектности, такие акции способствуют удовлетворению важнейшей социально-психологической потребности – способности быть личностью, быть активно отраженным в других. Данные примеры ярко иллюстрируют мысль Л.С. Выготского об изменении психики человека через активное преобразование природы и мысль М.Ю. Кондратьева о развитии личности как «вживании индивида в социум» [2, с. 33]. К сожалению, современное наследие отечественной психологии получает развитие только на уровне локальных инициатив, в то время как на государственном уровне реализуется развлекательный подход к формированию личности детей из неблагополучных семей. Данные выводы имеют теоретическое основание и требуют эмпирической проверки.

Литература

1. Александров Д.А., Ахутина Т.В., Бугрименко Е.А. и др. Бедность и развитие ребенка. М., 2015.
2. Кондратьев М.Ю. Социальная психология закрытых образовательных учреждений. СПб., 2005.
3. Duckworth A., Gross J.J. Self-Control and Grit: Related but Separable Determinants of Success // Current Directions in Psychological Science. 2014. Vol. 23, no. 5.

Модель «позитивной культуры сверстников» в зарубежной психологии

Глумова Н.Д.

*ГОУ ВО МО МГОУ, Россия,
glumova.nd@mail.ru*

Современная молодежь сталкивается с новыми вызовами в мире, который становится все более глобальным, динамичным и сложным. Они всё чаще вынуждены преодолевать серьезные трудности в процессе обретения независимости. В прежние времена взрослые в семье, школе и других общественных институтах обучали подрастающее поколение ценностям и навыкам ответственного взросления, которые были проверены культурой и прошлыми поколениями. Сегодня многие молодые люди оторваны от взрослых и всё больше зависят от сверстников [1; 8].

Долгое время психологами изучалось пагубное влияние сверстников. А молодёжные сообщества рассматривались как факторы риска, способствующие процветанию антисоциального поведения и ценностей. Но в конце XX века развитие позитивной психологии позволило рассмотреть отношения со сверстниками как важный ресурс поддержки и возможность для роста [2].

Еще в 40-е годы XX века социальные психологи провели классические исследования, показывающие, что демократические детские группы создают климат сотрудничества и взаимного уважения [6]. Эти работы заложили основу для развития современного подхода изучения «позитивной культуры сверстников».

Позитивная культура сверстников – это подход, ориентированный на повышение жизнестойкости, разработанный Форратом и Брендтро для предотвращения или обращения вспять негативного влияния сверстников путем создания атмосферы заботы и уважения внутри группы сверстников [3; 7]. «Позитивная культура сверстников» –

понятие, которое применяется в различных условиях, включая программы реабилитации, альтернативные школы, ювенальную юстицию и молодежные лидерские группы.

В основе построения позитивной культуры лежат структурированные групповые встречи, на которых молодежь делится проблемами, встречающимися в повседневной жизни. Группа решает, какому члену группы помочь, обсуждает и размышляет над проблемой, а также предоставляет возможные решения и поддержку со стороны других членов группы.

Взрослый берёт на себя функции координатора: контролирует и направляет групповые взаимодействия для поддержания позитивного процесса, поскольку каждый из участников, безусловно, обладает потенциалом помогать сверстникам. Таким образом, позитивная культура сверстников опирается на сильные стороны, которые может проявить каждый молодой человек, несмотря на свои личные трудности.

В основу модели позитивной культуры сверстников также легла концепция А. Маслоу, который одним из первых выдвинул гипотезу о том, что большинство поведенческих, а также эмоциональных проблем являются последствием неудовлетворенных потребностей. Наиболее серьезные проблемы поведения среди детей и молодежи связаны с нарушением биосоциальных потребностей, которые имеют решающее значение для роста и благополучия. Исследователи из Питтсбургского университета Ли и Джулиан провели обзор исследований, показывающих, что активным компонентом любой успешной работы с детьми и молодежью — как сейчас, так и на протяжении всей истории человечества — являются развивающие отношения [5]. Согласно их определению, они включают в себя четыре основных элемента, которые соответствуют основным биосоциальным потребностям человека: эмоциональная связь (потребность в привязанности); повышение сложности задач (потребность в достижении); передача власти ученику (потребность в автономии); взаимность в отношениях (потребность в альтруизме) [5].

На основе этих потребностей были сформулированы ценности и главные принципы позитивной культуры сверстников: 1) принадлежность (развитие позитивных отношений со сверстниками и взрослыми); 2) мастерство (изучение стратегий достижения, решения проблемы и управление эмоциями); 3) независимость (развитие самоэффективности и принятия ответственных решений); 4) великодушные (развитие эмпатии и проявление заботы о других).

Позитивная культура сверстников предназначена для удовлетворения универсальных потребностей в развитии, достижениях, автономии и

альтруизме. Когда эти потребности удовлетворяются – дети процветают; когда потребности не удовлетворяются – патология становится все более распространенной [3].

Использование данной модели в образовательной системе имеет потенциал к созданию более здорового общества. Молодежь транслирует помощь сверстникам за пределы формальных групповых занятий на свою естественную среду и, таким образом, участвует в преобразовании более широкого сообщества, распространяя культуру заботы и поддержки.

Позитивная культура сверстников достигла формального статуса доказательной практики к 2010 году [3; 4; 7]. Последнее десятилетие в социальной практике на Западе происходит распространение молодежных программ, основанных на модели позитивной культуры сверстников. Оно служит как практическим целям, так и нацелено на подтверждение длительных позитивных изменений в молодежной культуре.

Литература

1. *Мудрик А.В.* Социально-педагогические проблемы социализации: монография. М.: МПГУ, 256 с.
2. *Нестерова А.А.* Разработка и валидизация методики «Жизнеспособность личности» // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 4. С. 93-108.
3. *Brendtro L.K.* Pathways from pain to resilience, *International Journal of Child, Youth and Family Studies*. 2019. Vol. 10(2-3). P. 5–24.
4. *Laursen E.* The evidence base for Positive Peer Culture // *Reclaiming Children and Youth*. 2010. Vol. 19(2). P. 37-42.
5. *Li J., Julian, M.M.* Developmental relationships as the active ingredient: A unifying working hypothesis of “what works” across intervention settings // *American Journal of Orthopsychiatry*. 2012. Vol. 82(2). P. 157–166.
6. *Lippitt R., White R.* The «social climate» of children's groups / In *R. Barker, J. Kounin, & H. Wright (Eds.), Child behavior and development: A course of representative studies* (pp. 485-508). New York, NY: McGrawHill, 1943.
7. *Steinebach Ch., Steinebach U., Brendtro L.K.* Positive Youth Psychology: Lessons from Positive Peer Culture. 2013., 21:4, P. 15–21.
8. *Vorrath H.H., Brendtro L.K.* Positive peer culture. New York, NY: Aldine de Gruyter, 1985.

Эмоционально-волевая регуляция как прогностический фактор успешности в обучении

Голубчикова В.В., Царева А.Д., Ячменёва Н.П.
ФГБОУ ВО РАНХиГС, Москва, Россия
glbchkvlera@yandex.ru, anastsareva91@gmail.com,
yachmeneva-np@ranepa

В 1970 году Уолтером Мишелем и Эббе Б. Эббесеном было проведено лонгитюдное исследование, посвященное изучению самоконтроля [2]. Результаты эксперимента показали, что у детей саморегуляция развивается довольно рано и ее высокий уровень развития положительно влияет в дальнейшем на академические показатели. Однако выводы данной работы часто вызывают научные споры о том, является ли в действительности саморегуляция самостоятельно предсказывающим будущую успешность фактором. В данной статье мы проанализируем несколько исследований, в которых найденные корреляции между саморегуляцией и другими факторами будут указывать на категоричность выводов, полученных в ходе зефирного эксперимента в контексте высокой академической успеваемости.

Эмоциональная саморегуляция — процесс, в ходе которого индивид поддерживает определенный курс действий для достижения цели в отсутствии внешнего наблюдения [5, с. 227]. Также саморегуляцию можно рассматривать как комплекс способностей, в который входит целеполагание, планирование, откладывание удовольствия и самоконтроль. Выраженность данной сферы можно рассматривать скорее, как предрасположенность, чем как устойчивую и строго генетически детерминированную диспозицию.

Если говорить о роли внешней среды, то одним из самых значимых аспектов будет являться влияние окружающих ребенка взрослых. В исследовании Селесты Кидд, Холли Палмери и Ричарда Эли [1] говорится о том, что дети из семей, где нет отца, берут предложенный зефир и не дожидаются второго, потому что им важнее получить реальное угощение сейчас, чем довериться экспериментатору. Он может и обмануть и тогда ребенок не получит никакого вознаграждения. Таким образом, определяющим фактором скорее является климат внутри семьи, в частности уровень доверия, который может влиять на эмоциональную саморегуляцию. Также были выявлены положительные корреляции способности к саморегуляции с уровнем достатком семьи ребенка [6].

Однако есть исследования, показывающие, что саморегуляция вносит больший вклад в будущую успешность, чем фактор семьи. Например, в исследовании Терри Моффитта [3] изучался уровень самоконтроля у сиблингов. Дети, жившие в одной семье и воспитывавшиеся одними и теми же родителями, впоследствии имели разный уровень самоконтроля. Показатели академической успешности во взрослой жизни у братьев и сестер тоже отличались: чем выше навык саморегуляции, тем выше были показатели.

Обращая внимание на «внутренние» факторы, можно сказать, что важное место в изучении саморегуляции уделяется онтогенетическим особенностям нервной системы индивида. Например, в исследовании Ромера Даниэла [4] делается акцент именно на том, что для понимания самоконтроля нужно учитывать особенности развития дофаминергической системы. Согласно исследованию, уровень дофамина положительно коррелирует со склонностью к риску, а склонность к риску имеет обратную связь со способностью к самоконтролю и откладыванию вознаграждения как части саморегуляторной системы. Кроме того, префронтальная кора является биологическим субстратом таких навыков саморегуляции как планирование, целеполагание, самоконтроль и т. д. Она развивается в течение третьего десятка жизни, поэтому и кора, и саморегуляторные навыки в большей мере подвержены влиянию окружающей среды.

Можно сделать вывод, что существуют множество различных сопутствующих факторов, которые могут повлиять на развитие саморегуляторной деятельности человека, отражением которой являют высокие академические показатели. Следовательно, нельзя утверждать, что показатели саморегуляции в раннем детстве, выявленные в лонгитюдном зефирном эксперименте и его репликациях, являются единственным прогнозирующим фактором.

Литература

1. *Kidd C., Palmeri H., Aslia R.N.* Rational snacking: Young children's decision-making on the marshmallow task is moderated by beliefs about environmental reliability. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0010027712001849>
2. *Mischel W., Ebbesen E.B., Zeiss A.R.* Cognitive and attentional mechanisms in delay of gratification. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/5010404/>
3. *Moffitt T.E., Arseneault L., Belsky D., Dickson N., Hancox R.J., Harrington H., Houts R., Poulton R., Roberts B.W.,*

- Rossa St., Searse M.R., Thomson W.M., Caspia A.* A gradient of childhood self-control predicts health, wealth, and public safety. URL: https://www.researchgate.net/publication/49781540_A_Gradient_of_Childhood_Self-Control_Predicts_Health_Wealth_and_Public_Safety
4. *Romer D., Duckworth A.L., Sharon S., Sunhee P.* Can adolescents learn self-control? Delay of gratification in the development of control over risk taking. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/20306298/>
  5. *Shaffer D.R.* (1994). Social and personality development (3rd ed.). Pacific Grove, CA: Brooks/Cole.
  6. *Watts T.W., Duncan G.J., Quan H.* Revisiting the Marshmallow Test: A Conceptual Replication Investigating Links Between Early Delay of Gratification and Later Outcomes. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0956797618761661>

Преимственность ценностных ориентаций внутри семьи

Гордеева Т.В., Ткаченко Н.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

mrs.gordeeva.tatyana@gmail.com, tkachenko_nv@bk.ru

Процесс трансмиссии культурных ценностей внутри семьи является важнейшей темой для исследований. Данная тема широко обсуждается в научной среде и проводятся исследования как среди зарубежных ученых – Кавалли-Сфорца Л.Л. [7], Д. Барни и коллеги [6], так и отечественных авторов – Дубров Д.И., Татарко А.Н. [1], Гришина Н.В., Лавренчук С.Ю. [3], Журавлева Н.А. [4], Алексеева И.Э., Ткаченко Н.В. [1].

Для того, чтобы социализация подрастающего поколения прошла успешно, необходимо, чтобы ребенок самостоятельно присвоил правила, обычаи и ценности родителей. Поскольку семья является основной средой, формирующей ценностные ориентации личности, важно определить, с помощью каких элементов внутрисемейного взаимодействия членов семьи – жестов, фраз, эмоциональных реакций и пр. – происходит процесс передачи. Представители разных поколений одной семьи могут принимать или отвергать ценностные ориентации друг друга. Также манифестируемые родителями социально одобряемые ценности могут в корне отличаться от реально транслируемых, что может привести к искажению сути ценностных

ориентаций, непониманию между детьми и родителями и, как следствие – конфликтным отношениям внутри семьи.

Информация о том, какие правила поведения, нормы и традиции заложены в самом процессе передачи этих ценностей. Ведь большая часть информации передается от родителей детям не столько в результате специально организованного процесса обучения, сколько через часто повторяющиеся неосознаваемые действия – характерные жесты, фразы, эмоциональные реакции и т.д.

Алексеева И.Э. и Ткаченко Н.В. отметили некоторые несоответствия в ответах при заполнении ценностного опросника Ш. Шварца и понимании сути ценностей. Д. Барни отмечает, что существуют различия между ценностями «социализации» и индивидуальными ценностями родителей [6]. Это подтверждает необходимость детального изучения процесса внутрисемейной трансмиссии.

Методики: для данного исследования была выбрана методика включенного наблюдения за семьей в естественных условиях проживания. Следуя теории Ш. Шварца, был использован Портретный ценностный опросник – Пересмотренный 2 (Portrait Values Questionnaire-Revised – PVQ2) Ш. Шварца, в переводе Т.П. Бутенко, А.С. Липатовой и Д.С. Седовой, адаптированный для применения в России. На его основе был составлен протокол включенного наблюдения за членами семьи в нескольких основных контекстах внутрисемейного взаимодействия – «Взаимодействие родителей», «Взаимодействие детей друг с другом», «Общая деятельность», «Досуг общесемейный», «Досуг детей», «Досуг взрослых», «Взаимодействие членов семьи с социальным окружением» и «Неопределенные параметры». В конце периода наблюдения все члены семьи должны заполнить ценностный опросник Ш. Шварца.

Предварительные гипотезы: 1) Ряд ответов, данных при заполнении ценностного опросника Ш. Шварца, и демонстрируемые в повседневной жизни действия, данные ценности характеризующие, могут не совпадать. 2) Ряд ценностных ориентаций (ценностное ядро семьи) будет поддерживаться всеми членами семьи.

Участники исследования: семья, проживающая в г. Москва, состоящая из кровных родственников – отец (44 г.), мать (42 г.), сын (21 г.), сын (17 л.) и дочь (14 л.). Также в наблюдение включаются эпизоды общения семьи с представителями старшего поколения: дедушка (75 л., Москва); дедушка (67 л.) и бабушка (65 л.) из г. Саров.

Метод анализа данных: внесенные в протокол наблюдаемые параметры анализировались с помощью тематического анализа.

Общие выводы: на основе первоначального анализа данных выделяются общие для всех членов семьи ценностные ориентации, которые формируют ядро ценностной структуры семьи. По приоритетности: 1) «Самостоятельность мысли», 2) «Благожелательность-забота» и «Благожелательность-чувство долга», 3) «Традиции».

Таким образом, можно сказать, что гипотеза о существовании ценностного ядра семьи подтверждается. При этом отметим, что выбор ценностей «Самостоятельность мысли», «Благожелательность-забота», «Благожелательность-чувство долга» и «Традиции» говорит о важности открытого общения внутри семьи, проявления заботы и сохранении важных для семьи правил и традиций.

Задачи для дальнейших исследований: 1) Провести серию включенных наблюдений за семьей с целью наблюдения за динамикой изменений ценностных ориентаций членов семьи и их приоритетности, 2) Исследование и более глубокий анализ межпоколенческого взаимодействия внутри семьи, 3) Выявление в ходе проведения включенного наблюдения механизма трансмиссии ценностных ориентаций внутри семьи и его описание.

Литература

1. *Алексеева И.Э., Н.В. Ткаченко* «Преемственность ценностных ориентаций внутри семьи», диссертация, МГППУ, 2019.
2. *Гришина Н.В., Лавренчук С.Ю.* Ценностные ориентации личности: семья и поколение // Вестник СПбГУ. Серия 12. 2008. №3. С. 113-124.
3. *Дубров Д.И., Татарко А.Н.* Межпоколенная трансмиссия ценностей в городской и сельской среде//Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13. №2. С. 299-309.
4. *Журавлева Н.А.* Динамика ориентаций молодежи на моральноэтические ценности – актуальная проблема современного российского общества. Психологический журнал 2013. Т. 34. № 5. с 46-57.
5. *Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С.* Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // 2012. Психология. Журнал Высшей школы экономики. Т. 9. №1. С. 43-70.
6. *Barni D., Danioni F., Coen S., Roshati R.* “The relationship between direct and indirect measures of values: Is social desirability a significant moderator?”. <https://ebs.mgppu.ru:5047/10.1016/j.erap.2020.100524>

7. *Cavalli-Sforza L.L., Feldman M.W.* Cultural transmission and evolution: A quantitative approach. //Princeton: Princeton University Press, 1981.

Особенности учебной деятельности в подростковом возрасте

Гордый М. В., Бабанин П.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, г. Москва, Россия
babaninpa@mgppu.ru

В современном стремительно развивающемся мире достаточно остро стоит проблема учебной мотивации школьников подросткового возраста. С одной стороны, создаются благоприятные условия для обучения, в частности, наличие свободного времени и ресурсов, доступ к всемирной сети Интернет, дистанционная связь с одноклассниками и учителями, разнообразие развивающих игр и обучающих платформ. А с другой стороны – многие учителя все чаще отмечают у школьников отсутствие интереса к учебе. У детей снижается желание и интерес к познанию окружающего мира и изучению нового, у них нет как таковой познавательной потребности. Зачастую дети ходят в школу с совсем другой целью. На первом месте для них стоит далеко не учебный процесс, а встречи с друзьями, всевозможные развлечения и т.д. Причем признаки школьной дезадаптации, которая является следствием отрицательной динамики мотивированного обучения, согласно исследованиям, можно проследить в любых классах школы.

В этой связи учителя и родители учащихся должны быть заинтересованы в том, чтобы интерес детей не ограничивался получением хорошей оценки, а был ценен самим процессом получения знаний. Если ребенок относится к учению равнодушно, без интереса и познавательной потребности, трудно ожидать от него хорошей учебы.

Показатель заинтересованности обучающихся в изучаемых ими дисциплинах, формировании мотивации учебной деятельности является также основой качественной реализации Федеральных государственных образовательных стандартов.

Мотивация учебной деятельности, которая является сложнейшим многокомпонентным и многофазным процессом, представляет собой «частный вид мотивации, включенный в учебную деятельность» [2, с. 21].

Исследуя особенности отношения школьников к учебной деятельности, Л.И. Божович делает вывод о том, что «совокупность мотивов, определяющих учебную деятельность школьников, выступает одним из ключевых моментов, характеризующих психологическую основу этого отношения» [1, с. 61-62]. При этом процесс и результат обучения для ребенка должен представлять, в первую очередь, ценность, что позволит ему регулировать самостоятельно свое отношение к познанию нового. Только в этом случае учебный материал будет самостоятельно изучен и качественно усвоен учеником. Возможно, существует некая взаимосвязь между мотивацией учебной деятельности и ценностными ориентациями, которые выступают как «обобщенный показатель направленности мотивов поведения, интересов, индивидуальных потребностей личности, социальной позиции и уровня духовного развития, соизмеримых с социальными нормами и запросами общества» [3, с. 201]. Незрелость ценностных ориентаций – это признак инфантилизма, что особенно ярко проявляется в подростковом возрасте.

Следует отметить, что сегодня окружающий мир особенно динамичен, постоянно изменяется, а по мере взросления у человека изменяется и характер взаимодействия с окружающим миром. На этом фоне у молодого поколения и формируются ценностные ориентации. На формирование ценностных ориентаций отдельно взятого человека существенно влияют системы его взаимоотношений и взаимодействий с миром в целом и в каждом отдельно взятом сегменте – экосистеме.

Существует пять экосистем, которые по степени условной удаленности от ребенка формируют его окружение (согласно теории У. Бронфенбреннера): Микросистема (собственно семья ребенка), Мезосистема (детский сад, школа, двор, квартал проживания), Экосистема (детские и взрослые социальные организации), Макросистема (культура), Хроносистема (исторические преобразования экологии первых уровней), Техносистема (взаимодействие ребенка с живыми людьми, электронными устройствами, интернетом, искусственным интеллектом). В каждой из систем существуют социально-психологические факторы, которые влияют на учебную мотивацию.

Особенно хочется отметить центральный фактор Макросистемы – это система ценностей. Именно система ценностей тесно связана как с развитием ребенка и его отношением к учебному процессу, так и с каждой Экосистемой, в частности. Что касается образования в целом, то можно смело говорить о ценности образования, ценности информации, ценности развития, ценности блага для науки и т. д.

Несмотря на то, что сегодня проблема мотивации учебной деятельности все чаще становится объектом психологических исследований, в том числе и во взаимосвязи с различными психологическими феноменами, исследования взаимосвязи мотивации учения и системы ценностных ориентаций применительно к подростковому возрасту немногочисленны.

В этой связи представляется значимым и актуальным выявление такой взаимосвязи, что позволит соотнести ценности подростков с учебной мотивацией, прогнозировать дальнейшее развитие личности и учебной деятельности школьников, наметить пути их совершенствования. Без сомнения, мотивация учебной деятельности – это фундамент для развития личности ребенка и его успешной социализации, ценностные ориентации также позволяют найти путь к развитию и становлению целостной и социализированной личности, что и является залогом благополучного общества в целом.

Литература

1. *Божович Л.И.* Проблемы формирования личности // Избранные психологические труды / под ред. Д.И. Фельдштейна. М., Воронеж: НПО «МОДЭК», 2008. С. 58-71.
2. *Зимняя И.А.* Педагогическая психология. М.: МПСИ, 2010. 360 с.
3. *Копылов А.А.* Факторы формирования системы ценностных ориентаций сотрудников силовых структур в условиях социально-политических трансформаций // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 16. С. 198-205.

Влияние родительской вовлеченности на социально-психологическую адаптацию детей-мигрантов

Грибкова С.В., Нестерова А.А.
ФГБОУ ВО МГОУ, Москва, Россия
skyblade@inbox.ru

Исследования социально-психологической адаптации детей мигрантов и влияние на него семьи являются на данный момент очень актуальными, особенно в нынешних мировых условиях, когда растет

безработица, падает уровень жизни, растет общий уровень стресса и закрываются границы в связи с пандемией COVID-19. Семьи мигрантов теряют возможность вернуться на Родину, что давит психологически, и они фактически «варятся в собственном соку» с имеющимися у них неразрешенными проблемами. В этой ситуации очень важно, чтобы дети-мигранты получали должную поддержку, как со стороны специалистов, так и со стороны собственных родителей.

Поскольку социально-психологическая адаптация детей из семей мигрантов к условиям принимающего социума, к новой культуре, во многом зависит не только от грамотного построения работы психологов, учителей, социальных работников и др., но и от действий самих родителей, такое понятие как родительская вовлеченность является одним из ключевых условий позитивного течения социально-психологической адаптации.

Родительская вовлеченность (parental involvement) – это сложная конструкция, которая очень часто определяется зарубежными и отечественными исследователями как «участие родителей в образовательном процессе и опыте своих детей» [3], также как «любые действия, предпринятые родителем, которые теоретически могут улучшить успеваемость или поведение детей» [5] или «проявление приверженности родителей к процессу образования своих детей» [2]. То есть мы можем увидеть, что чаще всего данное понятие используется в практических исследованиях как связанное именно с учебной деятельностью детей (в том числе детей-мигрантов).

В то же время современные реалии показывают необходимость расширения и уточнения данного понятия в рамках социальной психологии и относительно всех сфер жизни детей-мигрантов. То есть не только касательно общеобразовательного процесса, но и взаимоотношений со сверстниками, внешкольной жизни и досуга, физического и психологического благополучия и саморазвития. Кроме того, родительская вовлеченность здесь будет включать в себя не только и не столько физические действия со стороны родителей, отражающие «субъект-объектные» отношения (направленные на ребенка операционализации), но и сами взаимоотношения родителей и детей на более глубоком уровне, что отражает «субъект-субъектный» характер взаимодействия родителей и детей в рамках родительской вовлеченности.

По сравнению с «классическим» пониманием феномена родительской вовлеченности (в рамках школьного образования), где

центральным звеном на пути к успешной адаптации детей является взаимодействие категорий «школа-родители-ребенок», в нашем исследовании мы используем взаимодействие категорий «родители-ребенок-окружающий мир». То есть, если в первом случае ребенок был тем, на кого направлялись совместные усилия со стороны специалистов и родителей, то во втором случае родители и дети являются «компаньонами» на пути к успешной социально-психологической адаптации при взаимодействии с принимающим обществом в различных жизненных ситуациях. Родительская вовлеченность здесь будет являться более широким и обобщенным понятием, куда также будут включены категории совместного времени и любви в рамках детско-родительских отношений.

Поскольку на практике специалисты выбирают очень разные аспекты проявления родительской вовлеченности, это приводит к «непоследовательным» ее определениям в различных исследованиях. Тем не менее, стоит привести пример возможных физических операционализаций, связанных с пониманием «классической» родительской вовлеченности, но немного расширяющих ее. Так Уайлдер [7] перечисляет следующие операционализации: проверка и помощь в выполнении домашних заданий; приучение к домашнему порядку; интерес родителей к кругу общения детей; их ожидания относительно своих детей; участие в школьных и внешкольных мероприятиях; общение со специалистами (в том числе с учителями); чтение и другой досуг с детьми; общий стиль воспитания. Померанц [6] добавляет в этот список мотивацию и родительские убеждения. Баккер и Денессен [2] пишут об ограничении просмотра телевидения, установлении правил дисциплины, поощрении занятий спортом и организации культурных мероприятий. Все это остается актуальным, когда речь идет о родительской вовлеченности в семьях мигрантов, что в своих исследованиях подчеркивают такие деятели, как О.Е. Бредникова, Г.А. Сабирова, Д. Лопез и др. [1; 4].

Таким образом, мы видим, что родительская вовлеченность является необходимым элементом благополучия социально-психологической адаптации детей-мигрантов. Поэтому важно затронуть не только родительскую вовлеченность мигрантов в условиях образовательной деятельности их детей, но и в других сферах их жизни, которые могут быть значимы для благополучного течения социально-психологической адаптации в целом.

Литература

1. *Бредникова О.Е., Сабирова Г.А.* Дети в мигрантских семьях: родительские стратегии в транснациональных контекстах // Антропологический форум. 2015. № 26. С. 127-152.
2. *Bakker, J., & Denessen, E.* (2007). The concept of parent involvement. Some theoretical and empirical considerations // International Journal About Parents in Education, 1, pp. 188–199.
3. *Jeynes, W.H.* (2010). The Salience of the Subtle Aspects of Parental Involvement and Encouraging That Involvement: Implications for School-Based Programs // Teachers College Record. Vol. 112 (3), pp. 747-774.
4. *Lopez, G.R.* (2001) The value of hard work: Lessons pm parent involvement from am (im)migrant household. Harvard Educational Review, 71, 416-437.
5. *McNeal Jr, R.B.* (2014). Parent involvement, academic achievement and the role of student attitudes and behaviors as mediators // Universal Journal of Educational Research, 2(8), pp. 564-576.
6. *Pomerantz E.M.* (2007). The how, whom, and why of parents' involvement in children's academic lives: More is not always better, Review of educational research, 77, 3, pp. 373-410.
7. *Wilder S.* (2014). Effects of parental involvement on academic achievement: a meta-synthesis // Educational Review. № 66(3), pp. 377-397.

Особенности удовлетворенности трудом офисных сотрудников разного пола

Грибова-Веаструм В.В., Литвинова Е.Ю.
ФГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия
annetakosti@gmail.com, elen.litvinova@ya.ru

Актуальность исследования обусловлена потребностью компаний в повышении эффективности мотивации труда сотрудников. Трудовая деятельность и поведение в ней человека – многоуровневая система, так как обусловлена различными типами взаимоотношений, природно-технично-культурной средой и индивидуальными особенностями сотрудника. Пол, возраст, способности и состояние здоровья – основные психофизические факторы, влияющие на эффективность труда [3].

Одним из факторов трудовой деятельности человека является удовлетворенность трудом. Согласно современным представлениям, под удовлетворенностью трудом понимают интегральный показатель, отражающий отношение субъекта к выполняемой профессиональной деятельности и избранной профессии, а также совокупность позитивных и негативных чувств и установок, связанных с работой. Интегральная удовлетворенность трудом складывается из удовлетворенности сотрудников такими компонентами профессиональной деятельности, как условия труда, материальные и нематериальные поощрения, отношения с коллегами и с руководителем, режим работы, повышение профессиональных компетенций и др. [1]. Высокий уровень удовлетворенности трудом позволяет предположить, в частности, что система мотивации и условия труда, созданные работодателям, соответствуют потребностно-мотивационной сфере сотрудников [4].

Анализ ряда исследований отечественных психологов показал, что существуют различия в удовлетворенности трудом мужчин и женщин. Женщины в большей степени, чем мужчины, делают акцент на удовлетворенности взаимоотношениями в коллективе, мужчины же стремятся к удовлетворенности возможностью повышения по службе, уровнем оплаты и объемом работы, который они выполняют, условиями труда [1; 4]. Однако в последнее время в исследованиях особенностей различных аспектов трудовой деятельности представителей разного пола отмечены тенденции к усреднению показателей, в том числе относительно удовлетворенности трудом. Тенденция обусловлена ростом андрогинности выборок и стремлением женщин к профессиональному росту. В свою очередь респонденты-мужчины демонстрируют высокий уровень внешней отрицательной мотивации, что может быть объяснено тенденцией к феминизации мужчин [2]. Маскулинизация женщин и феминизация мужчин предположительно связана, в частности, с расширением возможностей женщин в трудовой сфере, выравниванием уровня оплаты труда, увеличением количества работающих женщин и др. [2; 5].

Нами было проведено эмпирическое исследование с целью выявления различий в интегральной удовлетворенности трудом офисных сотрудников разного пола. В качестве гипотезы выступило предположение, что существуют значимые различия в уровне интегральной удовлетворенности трудом у сотрудников офиса разного пола.

В исследовании принял участие 61 сотрудник офиса издательского дома, в том числе 27 женщин и 34 мужчины в возрасте от 23 до 52 лет.

В качестве методического инструментария использовался опросник «Интегральная удовлетворенность трудом» (А.В. Батаршев), который позволил определить как уровень общей удовлетворенности трудом, так и удовлетворенность отдельными составляющими трудовой деятельности.

Статистический анализ (коэффициент корреляция Спирмена) показал, что взаимосвязь между полом и удовлетворенностью трудом не является значимой в таких критериях, как интерес к работе, удовлетворенность достижениями в работе, удовлетворенность взаимоотношениями с руководством, уровень притязаний в профессиональной деятельности, предпочтение выполняемой работы высокому заработку, удовлетворенность условиями труда, профессиональная ответственность, общая удовлетворенность трудом. Исключение составила удовлетворенность взаимоотношениями с сотрудниками ($p=0,054$ на уровне значимости $0,05$).

У 55% женщин отмечен максимальный уровень удовлетворенности взаимоотношениями с коллегами, в то время как лишь 38% процентов респондентов-мужчин продемонстрировали те же результаты. Следовательно, удовлетворенность взаимодействием с сотрудниками выше у женщин, чем у мужчин, что не противоречит теоретическому анализу проблемы, однако демонстрирует тенденцию к сглаживанию различий.

Из проделанной научно-исследовательской работы можно сделать вывод о том, что работа с удовлетворенностью трудом персонала – сложный и многогранный процесс, в котором должны быть учтены индивидуальные потребности сотрудников, и необходимо дополнительное изучение взаимосвязи половой принадлежности и биологического пола для более тонкой дифференциации индивидуальных различий.

Литература

1. *Александрова Н.А.* Повышение степени удовлетворенности трудом как направление кадровой политики организации // Аграрное образование и наука. 2016. №2.
2. *Костюнина А.А.* Гендерные аспекты профессиональной и трудовой мотивации личности // Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания». 2010. №2(7).
3. *Лейни Ю.Г.* Методы и инструменты оценки мотивации в организациях // Наука и современность. 2016. №8(2).

4. Пономарева О. Я. Удовлетворенность трудом как показатель качества человеческого капитала организации в условиях цифровизации / О. Я. Пономарева, О. Ю. Никитина // Цифровая трансформация общества, экономики, менеджмента и образования: материалы Международной конференции (Екатеринбург, 05–06 декабря 2019 года). 2020. Том 2.
5. Труд и занятость в России. 2019: Стат.сб. / Росстат Т. 78 М., 2019.

К вопросу о современных технологиях группового обучения в рамках социокультурного образовательного обмена между Италией и Россией

Григорьева Т.Н.

*Институт экзистенциального развития личности, Верона, Италия.
tgpsicoterapia@gmail.com*

Вопрос о применении новых технологий в образовании всегда актуален. Это не только новые технические средства, но и новые формы и методы преподавания, новый подход к процессу обучения. Уже сегодня за непродолжительную профессиональную карьеру вчерашние студенты успевают овладеть несколькими профессиями. Как следствие, на первый план выходят универсальные навыки: умение учиться, работать с легкодоступной и избыточной информацией и быстро осваивать новые технологии, способность критически мыслить и творчески подходить к решению задач. Перед образовательными учреждениями стоит непростая задача развивать эти навыки у студентов, параллельно давая им узкопрофессиональные знания по выбранной специальности и создавая новые стратегические ресурсы повышения конкурентоспособности России с учетом процессов глобализации и открытости образовательной системы. Сегодня обучение должно быть не только процессом передачи накопленных знаний, но и возможностью для активных школьных и студенческих связей и обменов, обеспечения реальной мобильности как одного из элементов интернационализации.

Опыт работы в рамках социокультурального образовательного международного проекта между Associazione culturale LiveArt (Институт экзистенциального развития личности, г. Верона, Италия) & Associazione sportiva X-adventure (ассоциация экстремального спортивного туризма) & Accademia musicale Aronne и образовательными учреждениями из городов Воронеж, Муром,

Москва, Санкт-Петербург явился итогом и обозначил новые средства предоставления обучения школьников и студентов в новой культурной языковой среде летних лагерей в Италии в виде стажировок, мастер-классов, семинаров и тренингов. Подобный подход в обучении является комплексным и предполагает изучение гуманитарных наук и искусства в новых, психологическом и культурологическом, аспектах. Проведенная работа с 2011 года по 2020 год в рамках долгосрочных проектов продемонстрировала эффективность и ценность гуманистического подхода в обучении малых школьных и студенческих групп от 8 до 15 человек в форме трех- и пятидневных семинаров и тренингов по личностному росту, в основу которых заложен метод, разработанный итальянской школой экзистенциальной аналитической психотерапии, известной как София-анализ, в дальнейшем дополненный и получившей название Weekend Креативного Интеллекта и Evolution Training Days. В качестве основных инструментов в работе использовались технологии критического мышления, проектные, обучения в экстремальной ситуации, кинематография, йога и медитация.

Подобный подход позволяет воспитать в участниках их личную заинтересованность в приобретаемых знаниях, которые могут и должны пригодиться им в жизни. Просмотр фильма приводит к неосознаваемому переживанию связи между увиденным и личным опытом, помогает вызвать и ускорить глубинные психологические процессы, облегчить защитные механизмы и подготовить участников к работе в группе. Технологии критического мышления и проектного подхода в условиях экстремальной ситуации обеспечивают быструю актуализацию имеющихся знаний, определение целей, систематизацию и осмысление информации, осознанность, способность рефлексировать и интегрировать информацию за малый период времени. Было отмечено, что участие в проектах, в основу которых были заложены принципы гуманистической направленности, значимо отразилось на уровне различных компетенций участников, а именно социокультуральной, коммуникативной, здоровьесберегающей, ценностно-смысловой, и проявилось в **личностных достижениях участников**, в степени их индивидуального прогресса в освоении умений, развитии личностных качеств. Мониторинг обратной связи на разных этапах выявил у участников положительную оценку познания и опыта в сфере национальной и общей культуры, духовно-нравственных основ жизни личности и общества в целом, культурологических основ семейных, социальных, общественных явлений и традиций, компетенции в бытовой и культурно-досуговой сфере другой страны. Были выявлены

большая заинтересованность и осознание значимости изучения новых языков, способов взаимодействия с окружающими людьми и событиями, требующих навыков интеркультуральной компетенции; освоение навыков работы в группе, коллективе, владения различными социальными ролями. Участники группы проявили возрастающую заинтересованность в возможностях физического, духовного и интеллектуального саморазвития; эмоциональной саморегуляции и самоподдержке, заботе о внутренней экологической культуре, способах безопасной жизнедеятельности.

Формирование самооценки дошкольника в зависимости от отношений с отцом

Гринберг К.В., Бабанин П.А.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
tyapple23@mail.ru, babaninpa@mgppu.ru*

Семья – важнейший институт развития личности ребенка, первая ячейка жизни ребенка в обществе. Семья может разрушить или создать идентичность, которая может улучшить или подорвать психическое здоровье ребенка.

Отцы оказывают огромное влияние на процесс развития личности ребенка. Психологами отмечается, что самооценка человека значительно влияет на такие характеристики, как особенности поведения, активность и особенности общения человека. Поэтому в современной психологии проблема формирования самооценки личности и ее связь с особенностями детско-отцовских отношений, стилями семейного воспитания постоянно привлекает внимание различных ученых.

Проблема детско-отцовских отношений рассматривается в работах Ю.В. Борисенко, М.В. Бутаева, Т.А. Куликовой, Ю.А. Латышевой, В.С. Мухиной, С.А. Осинской, М.В. Пастуховой и других. Они предоставляют убедительные доказательства того, что чувство собственного достоинства может стимулировать и подавлять человеческую деятельность. Чувства тревоги, беспокойства, отрицательных эмоций и переживаний, потеря самооценки, болезненное отношение к неудачам связаны с низкой самооценкой. Подозрительность, упрямство, агрессия, недоверие, необоснованность, жестокость, чрезмерное влияние, конфликты, нетерпимость мнений – признаки высокой самооценки.

При формировании самооценки ребенка дошкольного возраста взгляды и поведение отца являются решающим социально-психологическим фактором. Благодаря правильной позиции отца у ребенка формируется определенное мнение о себе, формируется самооценка.

При авторитарном стиле отношений отца со своим ребенком, воспитывается в ребенке дошкольного возраста чувство ответственности, умение преодолевать трудности. Но недостатком являются чрезмерно высокие требования к личности, выполнение которых требует максимальной мобилизации всех умственных и физических возможностей. Ребенок обязан добиваться успехов в различных сферах, что становится для него самоцелью. Формируется неадекватно заниженная самооценка [2].

При либеральном стиле детско-отцовских отношений резко снижается способность ребенка дошкольного возраста самоутвердиться. Ожидание неудачи становится постоянным. В большинстве случаев личность ребенка характеризуется отрицательным отношением к учебе и низким уровнем учебной мотивации. Они формируют неадекватную самооценку [3].

Неустойчивый стиль взаимоотношений отца к ребенку характеризуется непредсказуемостью эмоциональных реакций отца, что провоцирует у ребенка повышенную тревожность, неуверенность в себе, неадекватную самооценку, а в сложных ситуациях – социальную дезадаптацию [4].

Демократический стиль отношений отца к ребенку считается оптимальным для отцовского воспитания личности, поскольку в этом случае отец верит в успешную самостоятельную деятельность ребенка и осуществляет адекватный контроль. У таких детей, как правило, высокий уровень адаптации, и у них развивается адекватная самооценка [5].

В нашем исследовании мы рассмотрели определение взаимосвязи формирования самооценки дошкольника в зависимости от отношений с отцом.

Мы предположили, что особенности детско-родительских отношений оказывают непосредственное влияние на процессы формирования самооценки у ребенка дошкольного возраста, а именно проявление положительных отношений к ребенку со стороны отца будет способствовать формированию у дошкольника адекватной самооценки; проявление негативного отношения к ребенку со стороны отца может привести к возникновению нарушений в развитии, формированию негативной самооценки.

Для исследования нами были выбраны методики: опросник «Взаимодействие родитель-ребенок» (И.М. Марковская); тест «Кинетический рисунок семьи» (Р. Бернс и С. Кауфман); тест «Лесенка» (В.Г. Щур).

В результате анализа мы выявили прямую и довольно сильную взаимосвязь между такими показателями, как заниженная самооценка и: «требовательностью отцов» (коэффициент корреляции $r=0,757$ при уровне значимости здесь и далее $p<0,05$), «строгостью отцов» ($r=0,689$), «контролем со стороны отцов» ($r=0,673$), «отвержением отцами своих детей» ($r=0,784$), «отсутствием сотрудничества отцов с детьми» ($r=0,812$), «последовательностью отцов во взаимодействии с детьми» ($r=0,614$), «чувством неполноценности ребенка из-за отношений с отцами» ($r=0,855$), «тревожностью в отношениях с отцами» ($r=0,865$), «враждебностью в отношениях с отцами» ($r=0,850$), «конфликтностью в отношениях с отцами» ($r=0,854$).

То есть, чем больше проявление со стороны отцов чрезмерной требовательности, строгости, излишнего контроля, непринятия детей отцами, нежелания сотрудничать со своими детьми, непоследовательность действий в отношениях, тем больше у ребенка чувство неполноценности, конфликтность, враждебность и тревожность во взаимоотношениях со своими отцами, что способствует формированию у дошкольников заниженной самооценки.

Также была положительная связь между такими показателями: адекватная самооценка и «Наличие эмоциональной близости с детьми» ($r=0,788$), «Авторитетность отцов» ($r=0,796$), «Удовлетворенность взаимоотношениями» ($r=0,811$), «Благоприятная ситуация в семье» ($r=0,709$).

Когда отцы склонны принимать своих детей, сотрудничают с ними, они эмоционально близки с детьми, авторитетны для них, то это повышает возможности формирования у ребенка адекватной самооценки личности.

Таким образом, мы пришли к выводам, что выдвинутая нами гипотеза о том, что особенности детско-родительских отношений оказывают непосредственное влияние на процессы формирования самооценки у ребенка дошкольного возраста, подтверждается.

Литература

1. Безрукова В.С. Педагогика. Рн/Д: Феникс, 2014.
2. Зимняя И.А. Педагогическая психология. М.: Логос, 2014.

3. Куликова Т.А. Семейная педагогика и домашнее воспитание. М.: Академия, 2014.
4. Липский И.А., Сикорская Л.Е. Социальная педагогика. М.: Дашков и К, 2016.
5. Мардахаев Л.В. Социальная педагогика. Люберцы: Юрайт, 2016.

Рефлексия переживания кризиса и изменение ценностно-смысловой сферы женщин

Гурова М.А., Пащенко А.К.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
marie.n@mail.ru, a.k.pashchenko@mail.ru*

В последнее время существенно возросла событийная насыщенность и концентрация социально-информационных преобразований, что привлекает внимание к проблемам социокультурного развития личности взрослого человека, актуализирует проблемы переживания ценностно-смыслового значения как в научном дискурсе, так и в социально-психологической практике [2].

В социально-психологической науке проблема кризиса ценностно-смысловой сферы личности рассматривается в контексте осмысления ценностей, субъектности, личностных ценностей, смысловых образований и направленности личности [1; 3; 4].

В действительности с каждым возрастным витком человек переживает кризисы изменения ценностно-смысловой сферы [5]. В нашем исследовании мы предположили, что рефлексия переживания кризиса зависит от наличия идеала, который способен влиять на ценностные ориентации, ценностное отношение и личностные смыслы. Переживание кризиса и изменение ценностно-смысловой сферы будет способствовать выбору идеала и проектированию жизненных планов, а также развитию личностных качеств женщин среднего возраста.

Участие в исследовании приняли 63 женщины от 21 до 35 лет. По семейному положению: 30 замужем, 19 не замужем и 14 женщин разведены. 44 женщины работают, 17 учатся и 2 являются домохозяйками. Нами была проведена диагностика на определение значимости терминальных и инструментальных ценностей у женщин по методике «Определение сформированности ценностных ориентаций» Б.С. Круглова. После определения важных ценностей мы

приступили к выявлению качественных показателей смысложизненных ориентаций респондентов. Далее было проведено исследование ценностно-смысловой сферы по методике Д.А. Леонтьева (СЖО). Исследование системы идеальных ценностей и смыслов, осознаваемых респондентами, было проведено по методике Л.М. Попова «Интервью с самим собой».

На основе анализа результатов мы пришли к выводу, что у всей выборки респондентов достаточно сформирована общая система ценностей. Наиболее значимыми целями в жизни респондентов являются: материальная обеспеченность, удовольствия в жизни, самостоятельность в собственных суждениях и оценках, независимость в поступках и действиях. Для женщин характерны высокие показатели общей осмысленности жизни, что свидетельствует об их удовлетворенности бытием в целом, что свойственно самоактуализирующимся людям. Также было выявлено, что уровень осознанности жизни в описываемых группах находится в динамике, совершенствуясь на протяжении жизнедеятельности. Более половины респондентов проявляют положительное отношение к идеалу, считают, что он должен быть, а менее половины респондентов проявляют негативное отношение к идеалу, отвергают его, что указывает на превалирование индивидуалистических тенденций, сужение становления ценностно-смысловой сферы личности и связанных с ней взглядов, убеждений, жизненных принципов, поведения в будущем. Анализ ответов респондентов позволил выделить внешние источники формирования идеалов: обобщенные социально-значимые образы, референтные родные и близкие члены семьи, значимое близкое социальное окружение, известные личности. В результате исследования был сделан вывод, что в сфере самосознания находится важное ценностно-смысловое образование – хорошо осознаваемая сфера личностных идеалов, которая неоднородна и включает нормы, должное и желаемое, когнитивные образования, эмоционально насыщенные образы.

Основываясь на проведенном исследовании, для определения путей смягчения кризиса была предложена программа организации социально-психологического тренинга, который основан на применении элементов художественно-эстетической экзистенциальной игры, направленных на переживание женщинами зрелого возраста рефлексии ценностно-смысловой сферы в процессе создания ситуаций, которые активизируют акты самопознания и познания окружающего мира. Ключевыми моментами использования тренинговых упражнений определяются процессы внутриличностной

динамики смысловых образований: смыслообразования, смыслоосознания, смыслопостроения [4].

Литература

1. *Виллонас В.* Психология развития мотивации: соврем. и клас. исслед. науч. дан. и жизн. примеры / В. Виллонас. СПб.: Речь, 2006. 457 с.
2. *Дьячкова О.А.* Смысложизненные ориентации деловой женщины в современном российском обществе / О. А. Дьячкова О.А. Харьков // Инновационная наука. №7, 2020. С. 96-100.
3. *Романова И.Е.* Кризисы женской идентичности и пути их преодоления / И. Е. Романова // Вестник Угроведения. №3 (10), 2012. С. 78-86.
4. *Хухлаева О.В.* Групповое психологическое консультирование : учеб. пособие для бакалавриата и специалитета / О.В. Хухлаева, О.Е. Хухлаев. М.: Изд-во Юрайт, 2019. 195 с.
5. *Хухлаева О.В.* Кризисы взрослой жизни: книга о том, что можно быть счастливым и после юности / О. В. Хухлаева. М.: Генезис, 2009. 205 с.

Использование метода проблемно-деловой игры при разработке программы обеспечения психологической безопасности школы

Даниленко О.В.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
olgapositive@yandex.ru*

Проблема обеспечения безопасности школьного образования имеет высокую актуальность, и все большее значение в ней начинает приобретать психологическая составляющая [1].

Сложность разработки программы по безопасности образовательной среды заключается в том, что сама безопасность – сложный многомерный феномен, в котором сочетается множество субъективных и объективных факторов и который требует участия в них различных специалистов (педагогов, психологов, медиков, юристов, правоохранителей, управленцев разного уровня, политиков и т.д.), а также учеников и их родителей. Участие в Мониторинговых исследованиях образовательных достижений и личностных результатов обучения, проводимых в различных регионах страны

совместно с Центром оценки качества образования ИСРО РАО, позволят констатировать, что каждый участник образовательного пространства решает собственные задачи и рассматривает безопасность со своей позиции [2].

Обеспечение безопасности должно учитывать картину рисков со стороны всех субъектов образовательного процесса, важно сопоставление картины эмоционального благополучия и защищенности глазами детей, учителей, родителей, администрации, технического персонала школы. Важно, чтобы каждый участник образовательного процесса был готов рассматривать свою деятельность с позиции безопасности. Без этого возможно формальное выполнение, перекалывание ответственности на коллег. Например, психологическая безопасность в большинстве случаев воспринимается как задача работы психолога, а педагоги, администрация, технический персонал школы не видят в ней своей профессиональной ответственности, существует традиционное перекалывание ответственности за безопасность ребенка между семьей и школой. Все заинтересованы в повышении уровня защищенности ребенка в образовательном пространстве, но у каждого своя точка соприкосновения с образовательным пространством, что затрудняет целостное восприятие проблемы, понимание своего уникального вклада в общее дело. Это может приводить к тому, что важные факторы, которые могут быть сигналами риска и даже формирующейся угрозы, будут не замечены. Важно донести до педагогов и родителей, до всех работников школы понимание, что безопасность образовательной среды обеспечивается только совместной работой всех участников образовательного процесса.

Для решения этих задач нами разработана проблемно-деловая игра «Шаг навстречу» для представителей администрации школы, педагогов, психологов, социальных педагогов, школьников, родителей, которая позволяет сформировать представление у всех участников об общей ответственности и личной причастности каждого к вопросам безопасности, обнаружить реальные противоречия в представлениях участников и адекватно сформулировать различные аспекты проблемы. Игра была апробирована на Всероссийском Форуме молодых учителей в 2019 году на секции «Психологическая безопасность образовательной организации». Игра позволила ее участникам в течение кратчайшего времени погрузиться в проблему психологических аспектов безопасности, рассмотреть ее со своей профессиональной позиции и с точки зрения других участников образовательного процесса, а также выработать общий язык описания феномена безопасности и связанных

с ним проблем. Отзывы участников и рефлексивный этап работы позволяют также констатировать повышение чувства общности перед лицом общей проблемы, осознанности по отношению к своим профессиональным действиям и их последствиям в виде личностного отклика других участников образовательного процесса, повышение мотивации к сотрудничеству в вопросах безопасности.

Этот опыт показал большой потенциал использования модели проблемно-деловой игры для активизации работы по обеспечению психологической безопасности в конкретной школе. Выработанные в ходе ПДИ решения могут быть положены в основу программы после необходимой последующей доработки. Чувство личной причастности повышает мотивацию к последующему участию в программе.

Литература

1. *Баева И.А., Гаязова Л.А.* Психологическая безопасность образовательной среды школы и ее психолого-педагогическое сопровождение // Электронный журнал «Психологическая наука и образование» www.psyedu.ru
2. *Даниленко О., Ермакова И.В.* Цена адаптации и как ее снизить // Народное образование. 2009. № 4.

Исследование структуры учебной мотивации младших школьников

Даниленко О.В.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
olgapositive@yandex.ru*

Исследование становления учебной мотивации является одним из ключевых направлений в психологии развития и образования.

В процессе обучения в младшей школе происходит активное развитие личности учащихся, важнейшим компонентом которого становится формирование личного отношения к учебе. У ребенка формируется мнение о том, что означает школьная жизнь и учеба лично для него. Позитивное развитие мотивации позволяет ребенку быть полноценным участником учебного процесса, активно взаимодействовать с учителем.

Данное исследование развития мотивационной сферы выполнено на материале мониторинговых исследований образовательных достижений и личностных результатов обучения в младшей школе,

проведенных в различных регионах страны Центром оценки качества образования ИСРО РАО.

Инструментарий для мониторинга должен быть компактным, позволяющим использовать его при массовых обследованиях, выделять проблемные зоны для последующего углубленного исследования. В данном мониторинге используется анализ учебной ситуации с точки зрения всех участников образовательного процесса: ребенка, родителей и учителя. Мотивация исследовалась с помощью анкетирования самих учащихся, их родителей и учителей. Анкеты специально разрабатывались для проведения данного мониторинга.

Кроме того, была разработана методика, доступная для использования в условиях мониторинга и направленная на анализ структуры школьной мотивации, позволяющая выделить отдельные группы мотивов. В методику заложены следующие виды мотивации: внутренняя мотивация, внешняя мотивация и познавательные (процессуально-содержательные) мотивы.

В разработке инструментария использована опора как на фундаментальные концепции мотивации А.Н. Леонтьева [1], так и на исследования отдельных групп мотивов учебной деятельности Н.А. Мосина, Т.В. Казакова, Т.В. Захарова [2], а также материалы международных сравнительных исследований качества общего образования (PIRLS, TIMSS).

В мониторинге приняли участие свыше 40 тысяч учащихся и родителей, более 3 тысяч учителей в 12 регионах России.

Производилось сопоставление данных оценки мотивации родителями, учителями и результатов анкетирования самих учащихся на протяжении пяти лет обучения с первого по 5 класс.

Выводы показывают, что учителя и родители у большинства детей отмечают желание учиться, но число высоко мотивированных детей уменьшается от класса к классу. В целом оценки родителей и учителей довольно согласованны, однако учителя выделяют больше учеников, не желающих учиться, чем родители.

Анализ структуры мотивации с помощью разработанной методики показывает, что до 75% учащихся первого класса демонстрируют высокий уровень учебной мотивации, им нравится учиться и узнавать новое на уроках. Высокую представленность имеет и мотив достижения, в среднем до 65% учащихся стремятся к высоким достижениям, но с каждым годом становится меньше тех, кто радуется трудным заданиям, все больше детей выбирают стратегию избегания риска, отдавая предпочтение более простым заданиям и урокам, на которых учитель рассматривает знакомый материал.

От 40 до 60% семей в разных регионах используют поощрение как прием повышения мотивации. При этом чаще всего в этих семьях практикуются разрешения ребенку за хорошие отметки заняться любимым делом (прежде всего – использовать телефон или другой гаджет), несколько в меньшей степени практикуются подарки.

Значительное распространение имеет мотив принуждения (избегания неприятностей и наказания), высокую выраженность этого мотива демонстрируют до 65% учащихся в зависимости от региона.

Самый выраженный мотив для большинства учащихся – это «стремление получить одобрение». При этом первостепенное значение имеет одобрение родителей – свыше 80%, но и одобрение учителя также значимо – около 60% учащихся указывают на это. Достаточно драматично данные показатели выглядят при сопоставлении с числом учащихся, которые указывают, что им трудно получать такие оценки, каких ждут от них родители – до 60%. Это становится причиной тревоги у детей, страха совершить ошибку, а также острых эмоций в ситуации, когда успех ниже ожидаемого.

Анализ структуры мотивации показывает проблемные моменты в развитии мотивационной сферы, особенности стратегий учителей и родителей по формированию мотивации детей. Он является важной частью мониторинга образования, помогая выявить особенности субъективного отношения учащихся к учебному процессу. Данные мониторинга использованы в разработке рекомендаций для родителей и учителей, участвующих в проекте и позволяют углубить работу по развитию мотивации младших школьников.

Литература

1. *Леонтьев Д.А.* Понятие мотива у А.Н. Леонтьева и проблема качества мотивации. // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2016. №2.
2. *Мосина Н.А., Казакова Т.В., Захарова Т.В.* Особенности учебной мотивации у младших школьников с разным уровнем успеваемости // Научное обозрение. Педагогические науки. 2017. № 6-2. С. 290-301; URL: <https://science-pedagogy.ru/ru/article/view?id=1726> (дата обращения: 02.05.2020).

Особенности социальных представлений об образовании у российских студентов, обучающихся в РФ и за рубежом

*Данилова Е.А., Александрова Е.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
DanilovaLiza2012@yandex.ru*

В связи с возрастанием интереса к получению высшего образования за границей в среде современных российских студентов, данная тема приобретает актуальность. Для определения степени готовности индивида к обучению за рубежом и уровня коммуникативных способностей в научный язык введено понятие «академической мобильности» [1]. Специфика данного термина в его широком применении, связанном с возрастанием числа людей, отправляющихся за рубеж, и с характеризующими их социальные представления вводными данными (знание языка и культуры той страны, в которую они отправляются, подверженность стереотипам, индивидуальные характеристики личности и т.д.). Количество иностранных студентов в России увеличивается, что стимулирует к изучению социальных представлений об образовании и анализу феномена академической мобильности.

Наравне с увеличением интереса российских студентов к обучению за границей, растет число людей, скептически относящихся к высшему образованию на территории РФ. Проведенная нами работа помогает сформулировать проблемы, связанные с качеством отечественного образования.

Цель работы: выявление социальных представлений об образовании у студентов, обучающихся в РФ и у студентов, обучающихся за рубежом.

Гипотезы работы, сформулированные ниже, подразумевают сравнительный анализ, призванный определить и доказать существование разницы между социальными представлениями обозначенных групп об образовании в РФ и об образовании за рубежом.

Гипотезы исследования.

1. Социальные представления об образовании в РФ разнятся с социальными представлениями об образовании за границей.
2. Российские студенты либо негативно, либо крайне отстраненно относятся к российскому образованию.
3. Число студентов, желающих получить образование за границей, увеличивается.

В проведенной нами работе были использованы обширная теоретическая база (Г.М. Андреева, Э. Дюркгейм, С. Московичи и пр.) [2; 3; 4], а также описанные ниже инструменты диагностики социальных представлений и методы их исследования.

Целью проведения экспертного интервью стало выявление страхов, влияющих на студентов, собирающихся обучаться за рубежом, а также на выявление позитивных аспектов такого образования. Интервьюируемые указали и на причины повышения интереса молодых людей к этой теме. Экспертами (т.н. специальными респондентами) в данном случае были выбраны О.Е. Хухлаев и Н.А. Байковская, которые являются авторами программы «Евротренинг», направленной на длительную работу со студентами-бакалаврами, заинтересованными в стажировках за границей. База исследования: интернет-анкетирование, захватившее большое количество респондентов – в созданном на базе Google Form Web-опросе приняло участие 155 человек, среди которых оказалось 116 женщин (74,8%) и 39 мужчин (25,2%) в возрасте от 17 до 26 лет. В их числе как те, кто не имел опыта стажировок или обучения за рубежом (39,4%), так и те, у кого такого опыта не было на момент проведения опроса (60,6%). Полученные результаты были зафиксированы в форме таблиц и диаграмм, которые стали основой для проведения прототипического анализа по П. Вержесу.

Основные выводы.

1. Анализ исторических основ феномена социальных представлений показал, что разработка разнообразных методик работы с ними остается актуальным предметом исследования социальных психологов.

2. Гипотеза, предполагающая разницу в социальных представлениях об отечественном образовании и социальных представлениях об обучении за границей, подтвердилась прототипическим анализом по П. Вержесу. Это можно определить и по разнице в частоте выявленных ассоциаций, и по неоднородному для двух видов представлений рангу понятий.

3. Частота негативных ассоциаций, связанных с российской системой образования, обусловлена фактом подверженности большей части опрошенных стереотипам, относящимся к отечественным тенденциям в обучении. Тем не менее, согласно результатам анализа, большое количество выделенных студентами отрицательных сторон российского образования свидетельствует об их отстраненном, либо крайне негативном отношении к нему, что подтверждает вторую из высказанных нами гипотез.

4. Экспертное интервью, проведенное со «специальными респондентами», подтвердило гипотезу, утверждающую повышение внимания российских студентов к возможности обучения за рубежом;

Мы уверены, что, исследуя взаимосвязь академической мобильности и тенденций, связанных с интересом студентов к учебе в иностранных вузах, а также с той настороженностью, которую они испытывают к российским образовательным учреждениям, возможно предсказать (и, возможно, преодолеть) влияние разнородных стереотипов на процесс выбора места их будущего обучения.

Литература

1. *Андреева Г.М.* Психология социального познания: Учеб. пособие для высших заведений. М., 2005.
2. *Галичин В.А.* Академическая мобильность в условиях интернационализации образования. М., 2009.
3. *Дюркгейм.Э.* Социология: ее предмет, метод, предназначение. М., 1995.
4. *Московичи С.* От коллективных представлений к социальным // Вопросы социологии. М., 1992. Т. 1. № 2.
5. *Vergès P.* (1992) L'Evocation de l'argent: une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation // Bulletin de psychologie. Т. XLV. No 405.

К вопросу о влиянии личности руководителя на характеристики организационной культуры

Дворецкий С.А.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
Rayin92@gmail.com*

В современном мире трудно переоценить важность организационной культуры. И хотя многие авторы спорят о её специфике, все они сходятся в том, что она может быть важнейшим инструментом развития компании, мотивации персонала и повышения производительности организации. Именно по этой причине специфика развития организационной культуры и способы влияния на неё постоянно изучаются.

Личность руководителя можно считать одним из важнейших факторов развития и изменения организационной культуры. По сути, организационная культура начинается с учредителя, с его видения

организации, его идеального образа [3]. Руководитель, приходящий в уже сложившуюся организацию со своей организационной культурой, имеет чуть меньшее влияние, но его фигура все еще остается очень значимой. Именно руководитель устанавливает рабочие стандарты, решает, что важно, оценивает деятельность организации и конкретных работников. Даже в таких вещах, как расположение офиса и выбор рабочей формы, последнее слово за руководителем. Все это во многом зависит от предыдущего опыта и образования управленца, но важную роль здесь играет и его мотивационно-целевая сфера личности [1]. Причем без специальных исследований фактор личности руководителя может оказывать неочевидное влияние и действовать достаточно непредсказуемо. В некоторых случаях он может положительно влиять на развитие организационной культуры, а иногда, наоборот, негативно [2].

Таким образом, для повышения мотивации персонала и улучшения качества работы организации становится актуальным вопрос изучения влияния мотивационно-целевой сферы личности руководителя на организационную культуру [3].

Цель данного исследования:

- 1) установление различий в представлениях об организации у сотрудников разных подразделений (с разными управляющими) одной организации;
- 2) выявление взаимосвязи между ценностями руководителей и представлениями об организационной культуре у их подчинённых;
- 3) выявление взаимосвязи между ценностями руководителей и расхождением между текущим и желаемым состояниями организационной культуры в их подразделениях.

Для этого в исследовании используются три опросника. Один предназначен для выявления ценностей руководителей и два – для анализа представлений подчиненных об организационной культуре в подразделениях организации. Для анализа ценностей руководителей используется пересмотренный портретный ценностный опросник Шварца (PVQ-R2). Для изучения организационной культуры используются опросники «Уровень организационной культуры» и OSAI (опросник Куинна и Камерона).

В исследовании принимают участие 10 руководителей и 77 сотрудников в десяти подразделениях организации.

Исследование показывает наличие значимой взаимосвязи между такими ценностями руководителя, как власть, традиции, забота о других, репутация, и представлениями сотрудников об организации. Также удалось выявить значимость не только отдельных ценностей, но личностной направленности руководителей. Самую высокую

оценку организационной культуры дают сотрудники с руководителями, направленными на «сохранение». Эта направленность включает в себя такие ценности, как: правила, традиции, конформизм, безопасность. Самую низкую оценку поставили сотрудники с руководителями, направленными на «самоутверждение», включающее в себя: власть, доминирование, достижения, гедонизм. Представления сотрудников разных подразделений об организационной культуре статистически значимо различаются.

Подводя итог, можно сказать, что мотивационно-целевая сфера личности руководителей является важным фактором в формировании и развитии организационной культуры. Данные, полученные в нашей работе, могут быть использованы специалистами по персоналу и организационными консультантами для улучшения качества работы организации, повышения мотивации и удовлетворенности трудом у сотрудников.

Литература

1. *Базаров Т.Ю.* Технология центра оценки персонала: процессы и результаты (практическое руководство). М.: Кнорус, 2011.
2. *Магура М.* Эффективное управление компанией // Управление персоналом. 2006. №4 (134).
3. *Шейн Э.Х.* Организационная культура и лидерство / Пер. с англ. под ред. В.А. Спивака. СПб: Питер, 2002.
4. British Library Cataloguing in Publication Data Hofstede, Geert Cultures and organizations: software of the mind. 1. Culture. Related to Organizations I. Title 306.

Представления старших дошкольников об использовании ими цифровых устройств

Денисенкова Н.С., Тарунтаев П.И.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
nataliya-denisenkova@yandex.ru, taruntaev.pavel@mail.ru

В последнее десятилетие значительно увеличилось число детей, которые используют цифровые устройства: компьютеры, ноутбуки, планшеты, смартфоны, игровые приставки и др. Около половины российских дошкольников являются пользователями смартфонов и планшетов, имеют доступ к цифровым устройствам родителей [2; 3; 4;

5; 6; 7; 8]. В связи с этим актуальность изучения взаимодействия ребенка с цифровыми устройствами очевидна и бросает серьезный вызов родителям и специалистам, работающим в сфере проблем детства [3].

Целью нашего исследования было выяснить, имеют ли дети представление о том, как они пользуются цифровыми устройствами. Мы предположили, что старшие дошкольники могут адекватно описать свое взаимодействие с цифровыми устройствами.

Исследование проводилось на базе двух детских садов г. Москвы. Выборка состояла из 71 ребенка 5-7 лет (41 мальчика и 30 девочек) и их родителей.

С детьми проводилось модифицированное полуструктурированное интервью (А.Н. Веракса и др.) [2]. Оно включало в себя вопросы о том, какие устройства используют дети, как часто, и с какой целью. Кроме того, мы спрашивали детей, как родители отслеживают и регулируют использование ими гаджетов. В качестве референтных судей выступали родители. Они заполняли модифицированный опросник «Регламент использования ребенком гаджетов» (Борцов М.В., Некрасова С.Д.), вопросы в котором были сопоставимы с теми, которые задавались детям [1].

Проанализировав ответы детей и родителей, мы пришли к выводу, что в подавляющем большинстве случаев ответы детей совпадают с мнением родителей.

Дети и родители практически идентично указывали используемые детьми цифровые устройства, в основном – смартфоны и планшеты. В 90% случаев можно отметить полное совпадение, в 10% – частичное.

Цели использования, наименования игр, мультфильмов, приложений совпадали в 78% случаев. Хотя дети указывали гораздо меньшее количество наименований, чем родители.

В 80% случаев дети и родители идентично оценивали совместное использование цифровых устройств. Только 20% детей отмечали, что используют устройства самостоятельно, в то время как родители указывали только совместное использование.

Ответы о правилах использования цифровых устройств совпали в 63% случаев. 22% детей говорили об отсутствии правил и контроля со стороны взрослых, в то время как родители утверждали обратное. Оставшиеся 15% детей, наоборот, рассказывали о существовании правил в использовании цифровых устройств, а их родители утверждали, что правил не существует. Интересно, что 57% от общего числа детей говорили, что периодически нарушают установленные ограничения.

Ответы об использовании цифровых устройств в качестве средства воспитания совпали в 66% случаев. 18% детей рассказывали, что гаджеты используются в качестве наказания и поощрения, в то время как их родители говорили, что нет. 16% детей, напротив, утверждало, что в качестве наказания и поощрения цифровые устройства не используются. Их родители не соглашались с этим.

Мы выяснили, что дети могут достаточно дифференцированно описать, чему они научились, используя гаджеты. 26% детей говорили, что научились играть в компьютерные игры; 22% ничему не научились и ничего нового не узнали; 14% учили с помощью гаджетов английский язык; 14% узнали многое о дружбе, честности, «хорошем поведении»; 11% познакомились с новыми монстрами и «страшилками», которые пугают их по ночам; 10% научились пользоваться цифровыми устройствами в целом (установка приложений, настройки и т.д.); 3% использовали сюжеты и персонажей, с которыми они познакомились в гаджетах, в сюжетно-ролевых играх.

Полученные данные позволяют говорить о том, что наша гипотеза подтвердилась. Мнения детей и родителей по поводу использования гаджетов в большинстве случаев совпадали. Таким образом, можно говорить о том, что дети адекватно представляют себе, какие устройства они используют, как часто и насколько активно родители осуществляют мониторинг этой деятельности и применяют гаджеты как средство воспитания. Кроме того, дошкольники смогли описать, что нового они узнали, используя цифровые устройства.

Литература

1. *Борцова М.В., Некрасов С.Д.* Ребенок и гаджеты: практикум. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2020.
2. *Веракса А.Н., Бухаленкова Д.А., Чичинина Е.А., Алмазова О. В.* Особенности использования цифровых устройств современными дошкольниками // Социологические исследования. 2020. № 6.
3. *Денисенкова Н.С., Красило Т.А.* Развитие дошкольников в эпоху цифровой социализации // Современное дошкольное образование. 2019. №6 (96).
4. Ежегодный доклад «Дети. Медиапотребление. 2017» / Институт современных медиа. 2018. URL: http://https://cyberpsy.ru/articles/children_media_2017_momri/
5. *Красило Т.А.* Взаимосвязь между частотой использования электронных гаджетов, включенностью в игровое

- взаимодействие и креативностью у дошкольников // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 1.
6. *Przybylski A.K., Weinstein N.* Digital Screen Time Limits and Young Children's Psychological Well-Being: Evidence From a Population-Based Study // *Child Development*. 2017. Vol. 90, No. 1.
  7. *Radesky J.S., Christakis D.A.* Increased Screen Time: Implications for Early Childhood Development and Behavior // *Pediatric Clinics of North America*. 2016. Vol. 63. No. 5.
  8. *Tandon P.S., Zhou C., Lozano P., Christakis D.A.* Preschoolers' Total Daily Screen Time at Home and by Type of Child Care // *The Journal of Pediatrics*. 2011. Vol. 158. No. 2.

Особенности копинг-поведения детей подросткового возраста

Добычина А.И., Зайцев Г.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
dobychina.alena@mail.ru

В наше время повышенное внимание уделяется изучению вопроса эффективной социально-психологической адаптации в условиях сложных социальных ситуаций. В этом ключе актуальность проблемы выбора продуктивной стратегии поведения, так называемого копинг-поведения сохраняется. Рассматриваемый термин появился в тридцатые годы XX века и впервые был использован Г. Гартманом. Понятие «копинг» активно применялось с 1960-х годов для описания особенностей поведения личности при стрессе [1]. Копинг, с точки зрения ситуационного подхода, рассматривается как совладание с трудностями, возникающими в различных ситуациях. Р. Лазарус и С. Фолкман утверждали, что стресс возникает при наличии противоречий как внешних, так и внутренних. Чтобы решить данные противоречия, необходимы поведенческие, когнитивные и эмоциональные ресурсы, формирующие копинг-поведение. По мнению авторов, такое копинг-поведение направлено на смягчение, приспособление или уклонение от проблемы [2]. В системе социально-психологической адаптации понятие «копинг» занимает одну из ключевых позиций.

В рамках нашего исследования использовалась категоризация Р. Лазаруса и С. Фолкмана, где рассматривается совладающее поведение, направленное на проблему и на эмоции. По мнению авторов, наиболее конструктивными являются стратегии

планирования, поиска социальной поддержки и положительной переоценки ситуации, когда подросток не способен что-либо поменять в сложившейся ситуации. При выборе подростками стратегии, направленной на проблему, происходит изменение ситуации в лучшую сторону, что является более продуктивным решением. Однако отмечаются и неадаптивные стратегии: дистанцирование, то есть отдаление от окружения и от самой проблемы, конфронтация, то есть проявление агрессии в межличностном взаимодействии, и бегство-избегание как отрицание самой проблемы. Отмечается выбор копинга, направленного на эмоции, в виде наличия переживаний и личностной тревоги.

Сегодня педагоги-психологи уделяют большое внимание методам формирования таких личностных качеств, как стрессоустойчивость и способность справляться с трудностями. Адаптивность в подростковом возрасте становится необходимым личностным новообразованием, если учесть тот факт, что современная молодежь испытывает трудности в коммуникации, предпочитая общаться онлайн, виртуально. Трудности в установлении контакта лежат в основе адаптации в коллективе, низкого уровня самооценки, появления невротических реакций, девиантного поведения и т.п.

Проблемы копинг-поведения изучали зарубежные и отечественные исследователи (Р. Лазарус, С. Фолкман, Ч. Карвер, Э. Фрайденберг, Е. Льюис, Ф. Александер, Дж. Амирхан, Г. Басович, Г. Вейлант, Е. Локке, Л.И. Анциферова, Р.М. Грановская, С.К. Нартова-Бочавер, Т.Л. Крюкова, И.М. Никольская, В.М. Сирота и др.). Проанализировав эмпирические исследования других авторов, можно сделать выводы о наличии взаимосвязи адаптивных копинг-стратегий с определенными личностными качествами. Такими личностными качествами являются: экстраверсия, высокий уровень самооценки, творческое мышление, рефлексивность, ощущение собственной значимости, оптимизм. Важной особенностью копинг-поведения в подростковом возрасте оказалось наличие желания получать удовольствие. В данный возрастной период происходит активное развитие совладающего поведения в ситуации социального взаимодействия [1; 3]. Также на копинг-стратегию влияет успеваемость ребенка в школе. Для большинства подростков наиболее стрессогенной является учебная деятельность.

Целью нашего исследования было изучение особенностей копинг-стратегий поведения в подростковом возрасте. В рамках гипотезы исследования мы предположили, что существуют различия в копинг-стратегиях поведения у просоциально адаптированных и девиантных

подростков. В пилотном исследовании приняли участие 64 школьника в возрасте от 13 до 16 лет. Из них 29 участников – девиантные подростки, состоящие на внутришкольном учете и в «группе риска». Группа подростков с просоциально адаптированным поведением насчитывала 35 респондентов. В качестве диагностического инструментария использовались следующие методики: «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (Р. Лазарус и С. Фолкман, в адаптации Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк и М.С. Замышляевой), авторский опросник.

По результатам нашего пилотного исследования была выявлена взаимосвязь (при использовании коэффициента корреляции г-Спирмена) между высоким уровнем успеваемости и копингом «разрешение проблем». Стратегия «поиск социальной поддержки» выражена в меньшей степени, и никак не выражена «избегание». В поведении подростков, менее успешных в учебной сфере, можно наблюдать такие копинг-стратегии, как «поиск социальной поддержки» и «разрешение проблем», наименее выражено «избегание проблем». У подростков, демонстрирующих девиантное поведение, наблюдаются следующие копинг-стратегии: игнорирование или избегание. Анализ полученных данных с применением статистических критериев (U-критерий Манна-Уитни) позволил выявить статистически значимые различия в ситуации учебной деятельности: социально адаптированные дети сильно тревожатся в ситуации оценивания со стороны педагогов и сверстников, в то время как подростков, проявляющих девиантное поведение, тревожит неуспешность в конкретной сфере.

Литература

1. *Бодров В.А.* Психологический стресс: развитие учения и современное состояние проблемы. М., 2015.
2. *Лазарус Р.* Стресс, оценка и копинг. М., 1984.
3. *Фоминова А.Н.* Возрастные особенности совладающего поведения // Материалы Международной научно-практической конференции «Психология совладающего поведения». Кострома, 2007. С. 157–160.

Гендерные особенности мотивации вступления в брачные отношения

*Дубовая А.А., Орлов В.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
Aubovaya@mail.ru, vladimirorlov@bk.ru*

Брак – регулируемая обществом и фиксированная в государственных органах семейная связь между людьми, в результате которой возникают права и обязанности между партнерами, а в последующем – и по отношению к их детям [4]. А семья, основанная на браке, является социальным индикатором состояния социума.

В современном российском обществе наблюдаются изменения социальных институтов, ролей мужчины и женщины. Снизилась значимость семьи и, как следствие, уменьшилось количество регистрируемых браков. Получила распространение субкультура *childfree*, наблюдается рост разводов, увеличился средний возраст брачующихся, в большей степени допускаются альтернативные формы брака. Возросла тенденция повышения разводов, связанная с личностным кризисом середины жизни [3].

Чтобы разобраться в причинах наступившего кризиса института семьи, необходимо обратиться к первоисточникам: установить факторы, которые движут индивидуумом и влияют на решение вступить в брачные отношения и создать семью.

М. Вебер считает, что мотив – это социальное действие, ориентированное на других и, в том числе, учитывающее их ожидания [1]. Поэтому мотивация вступления в брачные отношения во многом социально детерминирована.

А. Маслоу мотивом называет актуализированные потребности разного уровня, начинающиеся с физиологических и достигающие вершины иерархической структуры – уровня самореализации личности. Полная, гармоничная семья, ядром которой является брачная пара, может выступать в качестве наиболее оптимальной общности, для реализации всего спектра таких потребностей.

Так или иначе, мотив является осмысленным побуждением к действию, возникающим вследствие осознания своих потребностей.

В свою очередь, осознанность действий возможна лишь вследствие достижения психологической зрелости, в т.ч. «психологической готовности к браку». Что являет собой совокупность нескольких параметров, по которым возможно определить, готов индивидуум сделать выбор и вступить в брачные отношения или нет.

К показателям психологической, личностной зрелости относятся такие аспекты, как способность поддерживать межличностные отношения, нравственные представления о брачно-семейных отношениях и ценностях, готовность принять партнера и его мировоззрение [5].

Психологическая готовность к вступлению в брак рассматривалась также Л.С. Выготским и Г.С. Костюком, которые описали момент принятия решения вступить в брак как целостный процесс, в котором задействованы разные параметры: мотивация, ценности, чувства, интеллектуальные навыки [2].

Таким образом, под психологической готовностью индивида к семейным отношениям понимается зрелое интеллектуальное, социально активное отношение к себе как участнику таких отношений, восприятие своего внешнего окружения, осознанное восприятие роли и значения семьи в жизни.

Готовность к браку играет важную роль в создании семьи и ее сохранении, развитии и поддержании отношений внутри семьи и, как следствие, поддержании общества.

Осознанному восприятию желания создать семью препятствует инфантильность и эгоизм, страх потерять собственную свободу, нежелание принять на себя ответственность за другого человека, гипертрофированное стремление к повышению своего статуса или материальному положению.

На основании опросника С.И. Голода, нами в апреле 2021 г. проведено исследование среди жителей мегаполиса в возрастном диапазоне от 20 до 60 лет для установления основных мотивов вступления в брак.

Респондентам было предложено выбрать 3 наиболее важных для них мотива из предложенных: любовь, общность взглядов и интересов, чувство одиночества, достижение определенного возраста, чувство сострадания, незапланированная беременность, материальная обеспеченность, наличие жилья, желание иметь детей, желание уйти из-под опеки родителей или предложить собственный вариант [2].

По результатам исследования получены следующие показатели.

Выборка респондентов составила 141 человек, из которых: 73 женщины (51,8%) и 68 мужчин (48,2%).

Возраст респондентов: в диапазоне от 20 до 30 лет – 26 человек (18,4%); от 30 до 40 – 79 человек (56%); свыше 40 – 36 человек (25,5%).

Семейное положение респондентов: состоят в браке 62 человека (44%), холост / не замужем – 47 человек (33,3%), состоят в

гражданском браке / романтических отношениях 17 человек (12,1%); разведены 15 человек (10,6%).

Мотивы среди респондентов распределились следующим образом: любовь выбрали 133 испытуемых (94,3%), общность взглядов и интересов – 94 (66,7%); желание иметь детей – 67 (47,5%); материальную обеспеченность – 17 (12,1%); наличие жилья – 12 (8,5%); достижение определенного возраста – 11 (7,8%); чувство одиночества – 8 (5,7%); незапланированную беременность – 7 (5%); оставшимся мотивам отданы единичные голоса.

Полученные показатели на сегодняшний день говорят о том, что индивидуумы в большинстве принимают решение вступить в брак осознанно, действуют исходя из осмысления установленных для себя ценностей и личных потребностей, совершают выбор, достигнув личностной зрелости.

Осознанность действий и мотивов является залогом надежной и счастливой семьи.

Однако тема, связанная с гендерными особенностями мотивации вступления в брачные отношения, продолжает сохранять свою актуальность ввиду трансформации функций и форм семьи, родительства и супружества.

Возможное исследование формирования самих мотивов в будущем позволит определять положительный или отрицательный потенциал взаимоотношений. И, как следствие, сократить количество неосознанных браков и последующих разводов, сохранив здоровый психологический климат в обществе.

Литература

1. *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
2. *Голод С.И.* Стабильность семьи: социологические и демографические аспекты / Под ред. Н.М. Романенковой. Л., 1984.
3. *Заславская М.А., Орлов В.А.* Особенности представлений женщин о брачных отношениях в период кризиса среднего возраста // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти М.Ю. Кондратьева (12–13 мая 2020 г.). М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2020.
4. *Клокоцкий С.С.* Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб., 1890-1907.

5. *Шапиро Б.Ю.* Психологические аспекты подготовки молодежи к семейной жизни. М.: Центр, 1983.

Специфика эмоционального интеллекта субъектов с разным типом лидерства

Дятлов Д.А., Дмитриева Ю.А.

*Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия
dmitrii.dyatlov@mail.ru, dmitrieva.julia.86@mail.ru*

Тему лидерства в современных условиях можно рассматривать по разным классификациям. К одной из таких классификаций можно отнести дихотомию лидерства в условиях стабильности и неопределенности в организации. К лидерству в условиях стабильности относятся подходы транзакционного (Дж. Бернс) и опосредованного лидерства (Р. Фишер; А. Шарп) [2; 7]. Смысловым ядром такого подхода к лидерству является взаимодействие лидера с субъектами группы, удовлетворение потребностей субъектов группы в обмен на достижение поставленных целей [1; 3]. К лидерству в условиях неопределенности относятся подходы трансформационного лидерства (Б. Аволио) и инновационного лидерства (В.Г. Грязева-Добшинская) [2; 3]. Главной особенностью таких подходов является формирование положительного отношения последователей к изменениям, интеграция творческих последователей в группу [2; 3].

Если в ситуациях стабильности лидерство предполагает коммуникативные и организаторские навыки, то в ситуациях неопределенности лидерство предполагает чувствительность к эмоциональным состояниям своих последователей, т.е. развитый эмоциональный интеллект. Это доказано связью трансформационного лидерства и эмоционального интеллекта в исследованиях П. Хармса, Дж. Селтзера и Б. Басса [8; 9].

Одной из современных концепций эмоционального интеллекта является подход Д.В. Лусина, включающий межличностный и внутриличностный эмоциональный интеллект [6]. Эмпирических исследований, посвященных специфике эмоционального интеллекта в разных подходах к лидерству в настоящее время нет. Актуальность связана с недостаточной изученностью особенностей эмоционального интеллекта у разных типов лидеров.

Цель исследования: выявить различия в уровне компонентов эмоционального интеллекта у реальных лидеров, выбранных группой в ситуации неопределенности, и социометрических лидеров в повседневных ситуациях.

Гипотеза: различия в уровне компонентов эмоционального интеллекта у реальных лидеров, выбранных группой в ситуации неопределенности, и социометрических лидеров в повседневных ситуациях связана со спецификой эмоционального интеллекта.

Выборка исследования: студенты ЮУрГУ в количестве 137 человек, в возрасте от 17 до 23 лет, из них 65 мужчин и 72 женщины.

Для исследования была создана экспериментальная ситуация, моделирующая неопределенность оценивания в соревновательной учебной деятельности. В результате экспериментальной ситуации, во всей выборке были выделены социометрические лидеры (на основе социометрии), и реальные лидеры, т.е. студенты, которые были выбраны группами в качестве их лидера. Количество социометрических лидеров – 7 человек, количество реальных лидеров – 6 человек.

Для выявления социометрических лидеров использовался метод социометрии Я.Л. Морено [4]. Для исследования особенностей эмоционального интеллекта лидеров использовалась методика «эмоциональный интеллект» Д.В. Люсина [6]. Для сравнения эмоционального интеллекта реальных лидеров и социометрических лидеров, использовался статистический критерий U Манна-Уитни.

По результатам сравнения уровней компонентов эмоционального интеллекта были выявлены статистически значимые отличия между группами реальных и социометрических лидеров по показателю «межличностное понимание». По остальным компонентам эмоционального интеллекта различий между группами лидеров нет.

Таким образом, нами были рассмотрены подходы к лидерству в контексте стабильности и неопределенности в организации или группе. Одним из главных компонентов, отличающих лидерство в стабильно развивающейся организации, от лидерства в условиях неопределенности, является эмоциональный интеллект. Реальные лидеры отличаются от социометрических лидеров по компоненту эмоционального интеллекта – «межличностное понимание». В соответствии с концепцией эмоционального интеллекта, реальные лидеры лучше способны понимать эмоциональное состояние других субъектов группы, чем социометрические лидеры.

Литература

1. Глухов П.С. Стили лидерства в инновационной деятельности: феноменология и эмпирические исследования» Психология. Психофизиология, в. 6, №. 4, 2013, с. 53-60.

2. *Грязева-Добшинская В.Г.* Инновационное лидерство: моделирование тенденций активности менеджеров предприятия / В.Г. Грязева-Добшинская // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2010. Вып. 9. С.9–17.
3. *Дафт Р.Л.* Уроки лидерства. М.: Эксмо. 2006. 480 с.
4. *Кондратьев М.Ю., Ильин В.А.* Азбука социального психолога-практика. М., 2007.
5. *Ларина А.Т.* Эмоциональный интеллект // АНИ: педагогика и психология. 2016. №3 (16). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnyy-intellekt> (дата обращения: 10.04.2021).
6. *Люсин Д.В.* Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн / Д.В. Люсин // Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 3–22.
7. *Филонович С.Р.* Теории лидерства в менеджменте: история и перспективы // Российский журнал менеджмента. 2003. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teorii-liderstva-v-menedzhmente-istoriya-i-perspektivy> (дата обращения: 15.04.2021)
8. *Harms P.D.* Emotional Intelligence and Transformational and Transactional Leadership: A Meta-Analysis / P.D. Harms, M. Crede // Journal of Leadership & Organizational Studies. 2010. P. 5–17.
9. *Palmer, Benjamin & Walls, Melissa & Burgess, Zena & Stough, Con.* (2001). Emotional Intelligence and Effective Leadership. Leadership & Organization Development Journal. 22. 5-10. 10.1108/01437730110380174.

Социально-психологическая адаптация, профессиональное выгорание и отношение к смерти у людей с различной частотой наблюдения смерти

Елисева М.С., Кочетков Н.В.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
mariya.hoba@gmail.com, nkochetkov@mail.ru*

В 2019-ом году ВОЗ внесла эмоциональное выгорание в 11-й пересмотр Международной классификации болезней как фактор, влияющий на состояние здоровья населения. Большинство исследований в этой области посвящены выгоранию людей помогающих профессий. Исследуются такие факторы развития

выгорания, как высокий уровень ответственности и эмоциональная нагруженность профессиональной среды, неопределённость в оценке работы.

Одним из факторов профессионального стресса у отдельных групп медицинских работников является наблюдение смерти пациентов. Учитывая табуированность проблематики смерти, можно предположить, что люди могут испытывать сложности при наблюдении умирания.

Нами было проведено исследование с целью определить, существуют ли различия в особенностях выгорания, социально-психологической адаптации (СПА) и отношения к смерти у людей с различной частотой наблюдения смерти в профессиональной деятельности.

Онлайн-анкетирование включало 114 человек (21-56 лет), которые являются действующими преподавателями или медицинскими работниками различных направлений.

В результате попарного сравнения групп мы выявили, что люди, наблюдающие смерть несколько раз в неделю, имеют более низкий уровень «приближающего принятия» смерти, чем люди, которые встречаются со смертью раз в несколько лет ($p=0,028$). Для наблюдающих смерть часто, не характерно верить в жизнь после смерти, рассматривать её как позитивную возможность встретиться со своими родными и пребывать в вечном блаженстве. Этот тип принятия характерен для верующих людей. Мы предлагаем следующее объяснение этого результата: вероятно, в среде медицинских работников, оказывающих экстренную помощь, меньше верующих, поскольку направление их деятельности связано с естественно-научной областью знания. Возможно, также регулярное наблюдение страданий и разрушения организма несколько препятствует допущению существования идеального посмертного мира.

Другая особенность касается людей, наблюдающих смерть несколько раз в месяц. Результаты этой группы по «избавляющему принятию» оказались значимо выше, чем у тех, кто видит смерть несколько раз в год ($p<0,01$). Показатель «избавляющее принятие» отражает отношение человека к смерти как к возможности избавиться от боли, психологических или физических страданий.

Респонденты из этой группы — сотрудники реанимационных и хирургических отделений, которые часто наблюдают страдание, людей, находящихся в тяжёлом или коматозном состоянии. Можно предположить, что подобное отношение выступает адаптационным механизмом. Медики испытывают сложные эмоции, чувство вины из-

за потери пациента, иногда отчётливо осознают, что ничего нельзя было изменить. Тогда представление о смерти как об избавлении от страдания становится фактором, способствующим снижению тревоги, вины или печали.

В пользу этого объяснения говорит умеренная обратная связь ($r=0,37$, $p<0,01$) интегрального уровня СПА и «избавляющего принятия». Частично дезадаптированные медики ищут опору и способ принять потерю пациентов через рационализацию смерти, приписывание ей позитивной коннотации «спасителя от страдания». В то же время «нейтральное принятие» смерти выступает в качестве слабого, но прямого коррелята уровня адаптации ($r=0,045$), когда специалист находится в уравновешенном состоянии и не нуждается в рационализации смерти, чтобы справиться с ситуацией.

Это явление не было характерно для группы респондентов, которые сталкиваются со смертью несколько раз в неделю. При такой экстремальной частоте наблюдения смерти, начинается тенденция к дезадаптации, и у человека закрепляются отношения и убеждения, которые будут описаны ниже. У людей из данной группы сильнее выражен уровень деперсонализации (цинизма) в сравнении с теми, кто практически не сталкивается со смертью ($p=0,014$). Таким образом, можно считать высокий уровень деперсонализации, характеристикой, условно отличающей «типы выгорания» медицинских работников и педагогов.

Деятельность медика более предполагает воздействие на пациента, как на объект, нежели деятельность педагога предполагает подобное в отношении обучаемого ребёнка. Эмоциональные нагрузки на медиков являются запредельными для человеческой психики и вынуждают специалиста эмоционально отдаляться и субъективно снижать ценность человеческой жизни. Отстранённость помогает врачу точнее проводить диагностику и способствует снижению переживаний за жизнь и здоровье другого.

Заклучим, что частое наблюдение смерти в профессиональной деятельности является одним из факторов, сопряжённых с профессиональным выгоранием, а также может вызывать интенсивные переживания и становится точкой формирования отношений личности к жизни, другим людям, себе и собственной деятельности.

Литература

1. *Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания. Диагностика и профилактика: практ. пособие. М., 2018.*

2. *Налчаджян А.А.* Социально-психологическая адаптация личности (формы и стратегии). Ереван, 1988.
3. *Wong P.T.P.* From death anxiety to death acceptance. Taiwan, 2002.

Культурная специфика стилей лидерства в Казахстане

Еналиева Э.Р., Хухлаев О.Е.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
Elmira.enalieva@yandex.ru, Huhlaevoe@mgppu.ru

Изучение лидерства является актуальным не только на микроуровне семейных отношений, но и на уровне межорганизационных и межгосударственных отношений, в частности отношений между Россией и Казахстаном [2; 4]. Лидерство – это способность оказывать такое влияние на других людей, чтобы они успешно выполняли поставленными перед ними задачи [5]. Лидер – это человек, эффективно осуществляющий формальное и неформальное руководство коллективом и всеми процессами, прямо или косвенно влияющих на деятельность экономического субъекта.

Были изучены основные психологические теории лидерства, которые играют важную роль в анализе объективных факторов при создании гармоничного микроклимата в рабочей группе. Был проведен концептуальный анализ таких основных концепций лидерства, как теория черт, ситуационная теория лидерства, классификации К. Левина [1], Р. Бейлса, Дж. Бернса и Б. Басса [5]. В науке концепции лидерства как способа осознания роли и функций данного социального явления могут быть разделены в зависимости от их теоретических оснований на три группы. К концепциям первой группы относят концепцию Е. Холландера, который ввел такое понятие, как «кредит доверия» лидера перед членами группы.

Степень доверия определяется социальным статусом, компетентностью, моральными ценностями и другими качествами лидера. К концепциям второго уровня относят осознание лидерства как синонима руководства и управления. Рассмотрена концепция Ж. Блонделя, который писал о том, что лидерство по своей сути и по форме есть феномен власти, потому что оно состоит в способности одного или нескольких лиц, находящихся на вершине, заставлять других делать то, что позволит достичь лидерских целей, при этом в обычной жизни люди могли бы этого и не делать. К концепциям третьего уровня относят осознание лидерства как специфического

явления общественной жизни, которое не сводится ни к психологическим, ни к экономическим, ни к правовым принципам. К концепциям второй группы относят осознание через призму результатов исследования одного из основоположников социальной психологии в России Б.Д. Парыгина, который выделил типы лидеров в зависимости от характера деятельности, от содержания лидерских начал, от стилей руководства. К концепциям третьей группы относят осознание феномена лидерства с точки зрения масштабности решаемых задач: бытовой тип лидерства, социальный тип лидерства, политический тип лидерства. Классификация и типологизация культур проводится специалистами, в сферу научных интересов которых входит организация и проведение кросскультурных исследований.

Проведен анализ многообразия подходов к исследованию культуры, которые были сгруппированы в следующие типологические группы. В основу типологизации культуры в рамках первой группы относят предметную, ценностную, символическую и текстовую теории. Они разделяют типы культур через стратегические характеристики. Вторую группу образуют подходы, суть которых раскрывается через деятельностную, технологическую, игровую и коммуникативную теории. Они описывают культуры с точки зрения их движения и динамики. Третью группу подходов к исследованию феномена культуры составляют теории, в которых определяющим фактором является личность лидера.

В данной работе мы представили анализ проведённого в 2004 г. исследования GLOBE [3]. В рамках исследования были изучены и раскрыты такие фундаментальные вопросы, как влияние культуры на ожидаемые в обществе виды лидерского поведения, проведен анализ различных компонентов лидерского набора качеств генерального директора и изучено их влияние на процесс становления успешной организации, а также изучена важность соответствия реального поведения руководителей компании ожиданиям лидеров в обществе.

Был проведен сравнительный анализ специфики деловой культуры Казахстана, России, Китая и США. Анализ модальной разницы значений показал, что по ключевым показателям она не превышает 1 балла, что говорит об общей мировой тенденции к сотрудничеству.

С точки зрения нашего исследования важно определить культурную специфику лидерства в Казахстане в контексте особенностей национальной культуры, которая представляется следующими основными характеристиками и их причинно-обусловленными факторами. Степень, в которой коллектив поощряет и вознаграждает членов группы за повышение производительности и превосходство, в Казахстане на уровне 3,57 балла, при среднем

значении GLOBE в мировом рейтинге 4,1. Это обусловлено стремлением к коллективизму, равнодушному отношению к межличностной конкуренции. Это подкрепляется количественным выражением показателя настойчивости, который отражает степень, в которой люди проявляют напористость, конфронтацию и агрессивность в своих отношениях друг с другом. Для Казахстана данный показатель имеет значение 4,46 балла при среднемировом 4,14. Показатель немного выше среднемирового, что обусловлено наличием в деловой среде факта отстаивания своей позиции и точки зрения казахами в отношении партнеров. Степень лояльности к формальным социальным институтам, ориентация на их помощь и содействие в их функционировании в Казахстане имеет значение 4,29 балла, что совпадает со среднемировым показателем. Это обусловлено стремлением к сотрудничеству, компромиссам, гармонии, сохранению и развитию отношений, повышению качества личных отношений. Тактичность и деловой плюрализм также являются отличительной чертой ведения бизнеса в Казахстане, и это также проявляется в отсутствии гендерного неравенства в деловой среде казахов. Так, показатель степени минимизации гендерного неравенства зафиксирован на уровне 3,84 при среднемировом показателе 3,37.

К особенностям национального характера Казахстана относят настойчивость, высокий уровень адаптации к постоянно изменяющимся условиям, чувство сплочённости, а также стремление избегать конфликтов. Гостеприимство и общительность прослеживаются не только в обыденной жизни, но и при ведении бизнеса. Для казахского стиля управления и лидерства характерен тип лидерства «Дипломат», что говорит о том, что деловые отношения построены на доверии, взаимопонимании, родственных и дружеских отношениях руководителей компаний. Особенностью также является наличие высокого уровня компетентности и профессионализма сотрудников, что обеспечено высоким уровнем образования и системой повышения квалификации, чувством соучастия в отношениях руководителей с подчиненными.

Таким образом, на культурную специфику лидерства в Казахстане большое влияние оказывают такие факторы, как особенности менталитета, образ мышления и поведения народов Казахстана. При этом понимание особенностей лидерства трансформируется под воздействием культурной и политической глобализации, глокализации и других процессов мирового масштаба.

Литература

1. *Лифинцев Д.В., Серых А.Б., Лифинцева А.А., Рягузова А.В.* Понятие психологических границ: от Курта Левина до современности // Глобальный научный потенциал. 2016. № 11 (68).
2. *Назаров Р.Р.* Межэтнические отношения и модель этнической политики Казахстана // Мир Большого Алтая. 2017. №3 (3). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhethnicheskie-otnosheniya-i-model-etnicheskoy-politiki-kazahstana> (дата обращения: 20.03.2021).
3. Официальный сайт Globe 2020. URL: <https://globeproject.com/results#list>
4. *Шамионов Р.М., Султаниязова Н.Ж.* Ценности и отношение к этнической культуре и традициям как предикторы субъективного благополучия русских и казахов // Российский психологический журнал. 2018. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennosti-i-otnoshenie-k-etnicheskoy-kulture-i-traditsiyam-kak-prediktory-subektivnogo-blagopoluchiya-russkih-i-kazahov> (дата обращения: 20.03.2021).
5. *Щербак Т.О.* Концепция трансформационного лидерства // Интернаука. 2018. № 47-1 (81).

К вопросу оценки психологической компетентности будущих водителей

Ершов С.В.

*ФГАОУ ВО РУТ (МИИТ), Москва, Россия
psypdd@gmail.com*

Анализируя существующие в России проблемы в области безопасности дорожного движения, можно констатировать тот факт, что показатели количества аварий и ДТП, согласно данным официальной статистики, продолжают оставаться очень высокими.

Очевидно, что современные условия дорожно-транспортной среды предъявляют очень высокие требования к компетентности и культуре водителя. Требования к физическим и психофизиологическим качествам современного водителя определяются во многом исходя из анализа особенностей и специфики водительской деятельности. Следовательно, в рамках процесса обучения вождению в автошколах у обучающихся должна быть в полной мере сформирована

компетентность, представляющая собой интегральное профессионально-личностное образование, позволяющее будущему водителю конструктивно решать задачи накопления опыта безаварийного вождения, а также задачи совершенствования своего профессионального мастерства по управлению транспортным средством.

Одной из важнейших задач при формировании психологической компетентности является изучение (диагностика) начального уровня степени сформированности компетентности, а также определение степени сформированности после целенаправленного воздействия на процесс обучения.

Постановка такой задачи выглядит особенно актуальной в тех случаях, когда речь заходит об обучении слушателей автошкол и начинающих водителей. Комплексная оценка психологической компетентности безопасного вождения является одной из важнейших составляющих в профессиональной подготовке водителей автотранспортных средств различных категорий. Так как психологическая компетентность безопасного вождения представляет собой интегрированную совокупность отдельных компетенций, можно предположить, что уровень ее развития и степень сформированности обуславливается уровнем развития входящих в нее отдельных компонент. При рассмотрении компетентности в таком «разрезе», можно отметить, что отдельные компетенции определяют содержание анализа, а их аспекты – средства измерения.

Делая обзор различных методов диагностики сформированности психологической компетентности к вождению и ее отдельных компонентов, необходимо, безусловно, обратить внимание на надежность и валидность тех диагностических инструментов, которые используются для того, чтобы выбрать:

- 1) инструментарий для качественного определения уровня развития психологической компетентности обучающихся автошкол в соответствии с требованиями их надежности и валидности;
- 2) инструментарий для определения уровня развития отдельных компетенций, входящих в состав общей компетентности к вождению.

Литература

1. *Еришов С.В.* Компетентностный подход в обучении водителей различных категорий // *Материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции «Современная психология образования:*

проблемы и перспективы» (20-22 октября 2016 г.). Воронеж, 2016.

2. *Ершов С.В.* Психологическая компетентность выпускника современной автошколы // *Материалы II Ежегодной студенческой научно-практической конференции «Социальная психология: вопросы теории и практики»* (10-12 мая 2017 г.). М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2017.

Изучение социальных представлений молодежи о психологической помощи (из опыта преподавателя-исследователя)

Есинов М.А.

МГОУ, Москва, Россия

Scientia76@bk.ru

Преподаватели высшей школы имеют уникальную возможность совмещать педагогическую деятельность с проведением научных исследований в стенах одного учебного заведения. Процедуры сбора эмпирических данных могут осуществляться в ходе изучения социально-гуманитарных дисциплин, в том числе авторских курсов и факультативов, содержание и структура которых предполагает известную долю самостоятельности со стороны педагога. Научно-исследовательская работа студентов помогает им в самопознании, формирует у молодежи уважительное отношение к науке и научной работе, способствует лучшему пониманию различных аспектов будущей профессиональной деятельности [4].

Большой вклад в развитие гуманитарного знания вносит теория социальных представлений, которая служит методологической основой отечественных и зарубежных исследований в области психологии и социологии [3; 9], при этом основные положения данной теории достаточно часто изучаются на студенческой выборке [1; 2].

В предыдущих публикациях [5; 6] нами изложены промежуточные результаты исследования социальных представлений студенческой молодежи о психологической помощи. Мы использовали авторские опросники, различные тестовые методики, а также метод трансимволического анализа (ТСА) для изучения ментальных репрезентаций. Данный метод помогает выявить аффективный, когнитивный и деятельностный компоненты символической триады, складывающейся у отдельного человека или группы в отношении какого-либо феномена [7].

В исследовании приняли участие 358 студентов университета ($19,69 \pm 1,79$ лет), а также 50 респондентов в возрасте средней и поздней взрослости ($40,24 \pm 6,87$ лет), составивших группу сравнения [8]. Сравнительный анализ результатов на основе непараметрического критерия Манна-Уитни показал, что представители студенческой молодежи в большей мере информированы о потенциальных возможностях психологической помощи и имеют менее ригидные представления о ней, чем респонденты из группы сравнения ($p < 0,01$). Также студенты испытывают большее доверие к психологу и меньше стигматизируют психологическую помощь, в отличие от людей более зрелого возраста, которые считают, что обращаться за такой помощью «стыдно» и «неловко». Среди целей обращения за психологической помощью у молодых респондентов преобладают «получение поддержки» и «лучшее понимание себя», в то время как возрастные участники исследования чаще обращаются за конкретным советом и в целях обучения новым способам поведения ($p < 0,05$).

Важно отметить, что на формирование социальных представлений о психологической помощи также влияют социально-демографические характеристики респондентов. Так, для девушек более значимыми являются внешние, коммуникативные качества специалиста, формирующие атмосферу его общения с клиентом; юноши же больше обращают внимание на такие важные свойства психолога, как его доброта, адекватность, образованность, ответственность ($p < 0,01$). Более позитивные представления о психологической помощи отмечаются у студентов, обучающихся по гуманитарным специальностям, а также у тех, кто ранее имел опыт обращения к психологу ($p < 0,05$) [6].

Литература

1. *Байбекова Г.П.* Роль социальных представлений в развитии личности студента: дис. ... канд. психол. наук. Астрахань, 2003.
2. *Бовина И.Б.* Обыденные представления молодежи о России в современном мире / И.Б. Бовина, Т.Г. Стефаненко, О.А. Тихомандрицкая, Н.Г. Малышева, Е.О. Голынчик // Знание. Понимание. Умение: Информационный гуманитарный портал. 2010. № 2. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/605513/> (дата обращения: 22.03.2021).
3. *Емельянова Т.П.* Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества: дис. ... д-ра психол. наук. М., 2006.
4. *Есинов М.А.* Возможности психологического просвещения в работе со студенческой молодежью // Актуальные вопросы

- науки: сборник материалов 46-й Международной научно-практической конференции. М.: Спутник+, 2018.
5. *Есинов М.А.* Представления молодых россиян о психологической и медицинской помощи: проблема разграничения понятий // Социальная психология: вопросы теории и практики: сборник материалов V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти М.Ю. Кондратьева. М.: МГППУ, 2020.
  6. *Есинов М.А.* Феномен психологической помощи в ментальных репрезентациях студенческой молодежи // Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология. 2019. Т. 29.
  7. *Нестерова А.А., Суслова Т.Ф.* Ментальные репрезентации как фактор миграционного процесса // Социологические исследования. 2017. № 9.
  8. *Bromley D.B.* The Psychology of Human Ageing. L.: Penguin Books, 1966.
  9. *Rateu P., Moliner P., Guimelly Ch., Abric J.-C.* Social Representation Theory // Handbook of Theories of Social Psychology. Jan. 2021.

Взаимосвязь социально-психологической адаптации и ценностного отношения студентов к будущей профессии

Жеглова Я.Д., Орлов В.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
soul2020@mail.ru, vladimirorlov@bk.ru

Условия современной реальности находятся в постоянном потоке смены задач, которые вынужден решать каждый индивид в процессе жизнедеятельности. Социализируясь в культурном пространстве, человек использует такой механизм, как социально-психологическая адаптация. В.А. Петровский рассматривал феномен адаптации как особую фазу в становлении человека, от которой зависит характер его дальнейшего личностного развития [1]. Также вопросом социально-психологической адаптации занимались Л.С. Выготский, В.С. Мухина, К. Роджерс, Р. Даймонд. Проблема изучения отношения личности заложена в работах А.Ф. Лазурского, Л.И. Божович, А.Н. Леонтьев, М. Рокич, В.М. Мясищев и др. М.И. Бобнева выделяла такие механизмы адаптации, как социальное воображение, социальный интеллект, реалистичную направленность сознания, ориентировку на должное [4].

Для современного студента очень важно понимать свое ценностное отношение к будущей профессии. Человек предполагает успешный результат своих действий и если ожидания оправдываются, то индивид успешно приспосабливается к окружающей действительности и условиям профессиональной среды. На этот процесс влияют потребности, мотивы, установки и личностные качества, а также ценностное отношение. Очень важно в современном обществе иметь высокий уровень адаптивности к условиям бытия, особенно в профессиональной среде. Студент, находясь на стадии получения образования, формирует свое личное ценностное отношение к будущей профессии, что в будущем поможет ему социализироваться в выбранной профессиональной сфере.

Для изучения данной проблемы было проведено теоретико-эмпирическое исследование, целью которого являлось выявление взаимосвязи между социально-психологической адаптацией и ценностным отношением студентов к будущей профессии. А также выявление у студентов 1-4 курса различий между ценностным отношением и уровнем адаптивности. Выборку составили студенты московских вузов в количестве 133 человека (первый курс – 23%, второй – 20%, третий – 26%, четвертый курс – 31%). Опрос проводился онлайн.

В эмпирическом исследовании использовался «Опросник терминальных ценностей» И.Г. Сенина (ОТеЦ-2) [2] и опросник социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонд [3].

На основе проведенного исследования были сделаны следующие выводы:

1. Существуют значимые различия у студентов разного уровня обучения (1-4 курс обучения в вузе) в таких ценностях, как «престиж», «активные социальные контакты», «развитие», «индивидуальность», «образование и общество».

2. У первокурсников выделяются различия в ценностях «социальные контакты» ($p=0,071$) и «индивидуальность» ($p=0,016$). У второго курса «духовное» ($p=0,094$), «удовлетворение» и «индивидуальность» ($p=0,032$), у третьего – «высокое материальное положение» ($p=0,009$) и у студентов четвертого курса – различия по ценности «креативность» ($p=0,01$).

3. Из полученных значений по шкале «ценностные сферы» у студентов 1-2 курса выделяется сфера «обучение и образование», на втором месте «профессиональная сфера». Для данной категории студентов важно получение качественного образования и ценных знаний по выбранному направлению. Ценность «увлечения» у них находятся на последнем месте.

4. На первом месте у студентов старшего, 4 курса оказалась ценность «высокое материальное положение», что говорит о том, что на последнем курсе человек больше уделяет свое внимание финансовому вопросу.

5. Младшие курсы показывают меньшую выраженность ценностного отношения к профессии (1 курс – $\alpha = 0,034$; 2 курс – $\alpha = 0,000$), чем старшие курсы (3 курс – $\alpha = 0,670$; 4 курс – $\alpha = 0,262$). Из этого следует, что ценностное отношение к будущей профессии у обследованных студентов формируется поэтапно и зависит от уровня обучения в вузе, то есть от 1 к 4 курсу.

Полученные результаты могут быть использованы педагогами, социологами и психологами в образовательной и профессиональной сфере, а студентам они могут помочь в развитии своего профессионального самоопределения. Учебные учреждения на основе рекомендаций могут усовершенствовать программы для эффективной адаптации студентов к новым условиям социальной среды, что, в свою очередь, заложит хороший фундамент к формированию позитивного отношения к своей будущей профессии.

Литература

1. *Петровский В.А.* Личность в психологии: парадигма субъектности. Р-н-Д., 1996.
2. *Тихомиров А.В.* Метод дифференциации профессиональных выборов в практике профконсультирования // Персонал-проfi Екатеринбург, 2001. Вып. 2, часть 1.
3. *Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М.* Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., 2002.
4. *Шорохова Е.В., Бобнева М.И.* Психологические механизмы регуляции социального поведения, 1979.

Психологические условия удовлетворенности браком женщин в период кризиса «среднего возраста»

Заславская М.А., Орлов В.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
obmen-ss@ya.ru, vladimirorlov@bk.ru

Кризис «среднего возраста» или «середины жизни» женщин – это нормативный кризис развития, который чаще всего происходит в возрасте 39-45 лет. Это переходный период, когда значительная часть

ранее сформированных целей и планов уже реализована или находится в стадии реализации, достигнуто определенное социальное и профессиональное положение, и можно говорить о подведении промежуточных итогов жизни, но еще остается достаточно времени, чтобы изменить что-либо в ней [2; 10].

Кризис среднего возраста затрагивает все сферы жизни женщины, в том числе и сферу семейно-брачных отношений. В этот период женщина может принять решение о прекращении брачных отношений, рождении еще одного ребенка, вступлении в повторный брак, смене приоритетов с семьи на карьеру и т.д. [11]. При этом одной из характеристик кризиса является неудовлетворенность своей жизнью и сниженный фон настроения, которые приводят и к снижению удовлетворенности семейно-брачными отношениями [1; 3; 6; 7].

Целью нашего исследования было выявление взаимосвязи удовлетворенности браком с другими психологическими особенностями в период кризиса середины жизни. В соответствии с целью было сформулировано предположение о том, что удовлетворенность браком связана с условиями протекания кризиса середины жизни, особенностями межличностных отношений и ценностными ориентациями личности.

Для проверки гипотезы исследования был проведен опрос с использованием методик: «Удовлетворенность браком» (В.В. Столин с соавт.) [9], «Субъективная оценка межличностных отношений» (СОМО С.В. Духновского) [5], «Оценка кризисной идентичности» (ОКИ Н.В. Дмитриевой с соавт.) [4] и «Ценностный опросник Ш. Шварца» [8].

В исследовании приняли участие 108 состоящих в браке женщин в возрасте 39-45 лет.

Исследование проходило в два этапа. На первом этапе испытуемые были разделены на две подгруппы: не удовлетворенные браком (37 человек, показатель по методике «Удовлетворенность браком» – 28 и менее баллов) и удовлетворенные браком (71 женщина, 30 и более баллов). Было проведено сравнение (с использованием непараметрического U-критерия Манна-Уитни) у этих групп выраженности кризиса середины жизни (методика «Оценка кризисной идентичности»), гармоничности межличностных отношений (методика СОМО) и ценностного профиля.

В результате анализа полученных эмпирических данных были сделаны следующие основные выводы.

1. У женщин, неудовлетворенных браком, сильнее выражены такие показатели кризисной идентичности, как «детско-родительские

отношения» (уровень напряженности отношений с родителями в детстве, который влияет на личность и во взрослом возрасте); «эмоциональный аспект» (наличие внутренней напряженности, неуверенности, хронической усталости, беспомощности); «поведенческий аспект» (невротическая неуверенность в себе, стремление к уходу в изоляцию и использованию психологических защит, повышенная чувствительность к замечаниям); «межличностные и профессиональные отношения» (скованность, неуверенность и конфликтность в отношениях с окружающими); «стрессовые факторы» (уровень стрессовой нагрузки, переживаемый личностью); «общий уровень кризисной идентичности». То есть, женщины, удовлетворенные браком, имеют более благополучные отношения с родителями, испытывают меньше негативных эмоций, более уверенно себя чувствуют в межличностных и профессиональных отношениях, у них ниже уровень стресса и ниже выраженность признаков кризиса в целом.

2. Статистически значимо выше у женщин, не удовлетворенных браком, уровень напряженности отношений (эмоциональной сосредоточенности на отношениях) и дисгармонии в отношениях (методика СОМО).

3. Для женщин, удовлетворенных браком, более значима ценность «доброта» (благополучие окружающих).

На втором этапе исследования был проведен анализ взаимосвязей между удовлетворенностью браком, выраженностью кризисной идентичности, субъективной оценкой межличностных отношений и ценностями (был использован непараметрического коэффициента корреляции Спирмена).

Проведенный анализ показал, что чем выше удовлетворенность браком, тем менее выражены эмоциональный ($r=-0,335$) и поведенческий ($r=-0,472$) аспекты кризисной идентичности, напряженность в детско-родительских отношениях ($r=-0,389$), уровень стрессовых факторов ($r=-0,334$), общая оценка кризисной идентичности ($r=-0,452$), напряженность ($r=-0,497$) и дисгармония в отношениях ($r=-0,345$). Чем выше напряженность в отношениях, тем более выражены эмоциональный ($r=0,507$), поведенческий ($r=0,570$), ценностный ($r=0,429$) и межличностный ($r=0,572$) аспекты кризиса среднего возраста, напряженность в детско-родительских отношениях ($r=0,444$), уровень стрессовых факторов ($r=0,487$) и общая оценка кризисной идентичности ($r=0,658$). Также для женщин с высоким уровнем напряженности в отношениях более значима (по методике Ш. Шварца) ценность «достижения» ($r=0,314$).

Литература

1. *Алешина Ю.Е.* Цикл развития семьи: исследования и проблемы // Психология семьи: хрестоматия / Ред. Д.Я. Райгородский. Самара: Бахрах-М, 2007.
2. *Анцыферова Л.И.* Поздний период жизни человека: типы старения и возможности поступательного развития личности / Л.И. Анцыферова // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 6.
3. *Баландина Л.Л.* Удовлетворенность браком в системе родительско-детских и супружеских отношений // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия №1. Психологические и педагогические науки. 2014. №1.
4. *Дмитриева Н.В., Перевозкин С.Б., Перевозкина Ю.М., Самойлик Н.А.* Разработка и психометрический анализ методики «Опросник кризисной идентичности» (ОКИ) // МНКО. 2011. №4-1.
5. *Духновский С.В.* Диагностика межличностных отношений. Психологический практикум. СПб.: Речь, 2010.
6. *Евтух Т.В.* Удовлетворенность браком и ассортативность супругов в группах с разным стажем брака // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия №1. Психологические и педагогические науки. 2016. №1.
7. *Заславская М.А., Орлов В.А.* Особенности представлений женщин о брачных отношениях в период кризиса среднего возраста // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы V Всероссийской научно-практической международной конференции памяти М.Ю. Кондратьева (12–13 мая 2020 г.). М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2020.
8. *Карандашев В.Н.* Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство СПб.: Речь. 2004.
9. *Карелин А.А.* Психологические тесты. М., 2001. Т.2.
10. *Манукян В.Р.* Нормативные кризисы развития в период взрослости / В.Р. Манукян // Вестник СПбГУ. Серия 12: Социология. 2010. № 1.
11. *Kuther T.L.* A Life Span Developmental Perspective on Psychosocial Development in Midlife / T. L. Kuther, K. Burnell // *Adultspan Journal*. 2019. Vol. 18.

Взаимосвязь мотивации учения и профессиональной идентичности у студентов колледжа

*Зверовская Я.П., Крушельницкая О.Б.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
yzverovskaya@bk.ru, social2003@mail.ru*

Преподаватели колледжей нередко сталкиваются с проблемой сниженной мотивации учебно-профессиональной деятельности студентов (М.В. Овчинников, Е.Л. Афанасенкова, Т.О. Гордеева и др.) [2]. При этом сами обучающиеся зачастую не задумываются о связи между отношением к образовательному процессу и успешностью своей будущей профессиональной деятельности. В то же время, формируемая профессиональная идентичность представляет собой систему отношений, возникающих в процессе становления личности, в том числе как профессионала, востребованного в социуме. Как показывают результаты исследований (У.С. Родыгина, П.В. Смирнова, Е.Е. Трандина, Л.Б. Шнейдер и др.), успешность будущего специалиста во многом зависит от сформированности его профессиональной идентичности на этапе подготовки в колледже или вузе [4; 5]. Следовательно, необходима целенаправленная психолого-педагогическая работа, построенная с учетом современных научных данных о характере связи мотивации учения и параметров профидентичности студента.

С целью выявления особенностей взаимосвязи между учебной мотивацией и профессиональной идентичностью студентов мы выполнили эмпирическое исследование, участниками которого стали 80 студентов старших курсов одного из московских колледжей в возрасте 18-19 лет.

Для изучения мотивации применялись методика на определение мотивации профессионального обучения (В.Г. Каташев) и тест учебно-профессиональной мотивации студентов колледжа (Г.В. Резапкина) [3]. Для оценки показателей профидентичности – методика «Личный профессиональный план» (Е.А. Климов, адаптация Л.Б. Шнейдер) [5, с. 39] и опросник профессиональной идентичности (У. Родыгина) [4].

Результаты исследования показали, что у большинства студентов колледжа преобладают средние и сниженные показатели мотивации учения. Респонденты характеризуются преобладанием положительных эмоций, связанных с удовлетворенностью своим профессиональным выбором.

С помощью критерия Спирмена были установлены положительные корреляции между выраженностью показателей учебной мотивации и профессиональной идентичности. В частности, чем более сознательным является отношение студентов к проблемам учения (результаты получены с помощью методики В.Г. Каташева), тем выше сформированность личного профессионального плана (по Е.А. Климову и Л.Б. Шнейдер) ($r=0,341$, $p\leq 0,05$). Чем больше характеризующая мотивацию учения сознательность, тем выше такие показатели сформированности профидентичности студента, как активность его отношения к приобретаемой профессии (методика Родыгиной, $r=0,445$, $p\leq 0,01$). Общий уровень мотивации также положительно связан с показателем активности ($r=0,357$, $p\leq 0,05$). Соответственно уровень пассивности студентов в отношении к приобретаемой профессии находится в обратной корреляции с осознанностью ($r=-0,376$, $p\leq 0,05$) и общим уровнем мотивации учения ($r=-1,325$, $p\leq 0,05$). Выявлена тенденция положительной связи между общим уровнем мотивации учения и сформированностью профессионального плана студентов.

Г.В. Резапкина обращает внимание на то, что мотивация учения студентов колледжа может существенно различаться в зависимости от локализации внутреннего контроля личности в процессе освоения учебно-профессионального материала. В нашем исследовании выявлена положительная корреляция между интернальностью мотивации и показателем активности отношения к приобретаемой профессии в структуре профидентичности студентов ($r=0,329$, $p\leq 0,05$). Иными словами, чем больше студент способен самостоятельно и ответственно решать значимые для его учения задачи, тем больше сформирована у него профессиональная идентичность. С помощью критерия Манна-Уитни также было подтверждено различие в показателях сформированности профессиональной идентичности у студентов с разным уровнем мотивации учения ($p\leq 0,01$).

Сопоставление показателей сформированности личного профессионального плана и особенностей мотивации (преобладания сознательного либо эмоционально-физиологического отношения к проблемам учения) студентов с помощью таблиц сопряженности позволило сделать вывод: на 5%-м уровне значимости невыраженная профидентичность свойственна студентам с низкой мотивацией («эмоционально-физиологическое восприятие различных видов деятельности»), а выраженная профидентичность – студентам с высокими уровнем мотивации «сознательное отношение к проблемам учения» (коэффициент Пирсона $\chi^2 = 7,269$).

На основании результатов нашего эмпирического исследования можно сделать вывод, что профессиональная идентичность студентов колледжа как показатель успешности их профессионального становления связана главным образом с сознательностью их отношения к проблемам учения. Значимых связей других рассмотренных нами показателей мотивации (эмоционально-физиологическое восприятие различных видов деятельности, тревожность, мотивация достижения успеха и избегания неудач) с профидентичностью студентов нами не выявлено.

На основании полученных нами данных можно рекомендовать психологам и педагогам обратить внимание на то, что особую важность для формирования профидентичности студентов колледжа имеет осознанность в структуре мотивации их учения. С целью совершенствования профессиональной идентичности как средства оптимизации подготовки эффективных специалистов со средним специальным образованием следует актуализировать в сознании студентов колледжа необходимость их осознанного отношения к учебе, понимание того, как их сегодняшняя учебная деятельность связана с будущей трудовой успешностью. Также необходимо способствовать формированию интернальности мотивации обучающихся и создавать условия (задачи, ситуации и т.п.), в которых студенту будет необходимо брать на себя ответственность в решении профессиональных задач.

Литература

1. *Каташев В.Г.* Исследование мотивации профессионального обучения // Разработка модели системы воспитания в высшем учебном заведении (на опыте Казанского государственного университета): отчет о научно-исследовательской работе. Казань, 2002.
2. *Крушельницкая О.Б.* Социально-психологические факторы мотивации учения // Социальная психология образования: учебное пособие / ред. О.Б. Крушельницкая, М.Е. Сачкова, Л.Б. Шнейдер. – Москва: Вузовский учебник: Инфра-М, 2017. 320 с. С. 230–246.
3. *Куторго Н.А.* Опыт работы с учебно-профессиональной мотивацией студентов колледжа // Роль и место образовательной организации в профессиональном самоопределении детей и молодежи на уровне городских и поселковых муниципальных образований: материалы //

- ОГАОУ ДПО ИИПКРО; отв. ред. О.Г. Кондратьева. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 353 с. С. 16-21.
4. *Родыгина У.С.* Психологические особенности развития профессиональной идентичности студентов – будущих психологов, автореф. канд. дисс. Киров, 2007.
  5. *Шнейдер Л.Б.* Экспериментальное изучение профессиональной идентичности. М.; ООО «Принт», 2000, 128 с.

Взаимосвязь уровня психологической безопасности и использования интернета у российской молодежи

Зеленев И.А.

*Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,
Москва, Россия
Zelenev@yandex.ru*

Исследование проведено в рамках гранта РФФИ «Социальная стратификация и социализация российской молодежи в постсоветский период» (проект №20-011-00285А).

Психологическая безопасность общества включает в себя, помимо прочего, уровень субъективного благополучия и удовлетворенности жизнью населения, а также уровень социального доверия. Доверие оказывает важное влияние на личностный потенциал и субъективное благополучие индивида в обществе [1].

Эмпирическая основа предлагаемой публикации – материалы исследования «Социальная стратификация и социализация российской молодежи в постсоветский период», целью которого было получение информации о поведении, взглядах и установках российской молодежи. Далее представлены результаты обработки некоторых данных онлайн-опроса, прошедшего в июне 2020 г. по заранее подготовленной электронной анкете. Анкета заполнялась респондентами самостоятельно, без участия интервьюеров, при помощи интернет-сервиса. Объем номинальной выборки – 2000 чел. (погрешность: 2,2%), разделенных на 2 когорты по 1000 чел. Выборка внутри когорты строилась на основе следующих критериев: пол, возраст, образование, федеральный округ, тип населенного пункта. Когорта №1 включает в себя респондентов в возрасте 18-24 лет, когорты №2 – 25-34 лет.

Для обработки из базы данных взяты ответы респондентов на следующие вопросы: 4 вопроса – на тему субъективного благополучия (об удовлетворенности жизнью, о том, насколько респондент счастлив и т.п.; а также о субъективной оценке респондентом уровня дохода своей семьи); два – о межличностном доверии. Кроме того, ответы на вопросы: «Как часто Вы заходите в интернет - не важно, с какой целью и с какого устройства?»; «Насколько Вы лично доверяете или не доверяете следующим источникам новостей и другой информации?»; «Бывает ли такое, что Вы совершаете следующие действия в социальных сетях или Вы никогда этого не делаете?»; «Если у Вас возникают тяжелые жизненные ситуации, проблемы, которые трудно решить в одиночку, к кому Вы обычно обращаетесь за советом, поддержкой?».

При факторном анализе (методом главных компонент; полная объясн. дисп. – 64%; КМО = 0,7; Sig.=0,000) ответов на вопросы о субъективном благополучии и о межличностном доверии, 6 факторизуемых переменных сгруппировались в главный фактор, который интерпретируется как «Психологическая безопасность».

На основе корреляционного (по Спирмену) и регрессионного (линейная регрессия, пошаговый метод) анализа, для каждой возрастной когорты нами выявлены особенности взаимосвязи «Психологической безопасности» – с ответами на оставшиеся (то есть, без шести первых), из вышеперечисленных, вопросы.

В когорте №1: заходят в интернет «Каждый день» – 83,1% респондентов, «Большинство дней» – 8,5%; ответили: «Несколько раз в неделю» и «Лишь изредка» – по 4,2%. Чем выше уровень «Психологической безопасности», тем больше 18-24-летние доверяют (в порядке убывания модуля стандартизованного Beta-коэффициента, все Sig.<0,01): печатной прессе, газетам, журналам (B=0,18); разговорам с родственниками, друзьями, знакомыми (B=0,13); телевидению, не через интернет (B=0,12). Соответственно, те из когорты №1, у кого уровень рассматриваемого показателя низкий – не доверяют трем указанным источникам информации. Примечательно, что «благополучные» публикуют собственные тексты, публикации/ посты в социальных сетях (B=0,1) и не обсуждают в интернете (в чате, на форуме) возникающие у них тяжелые жизненные ситуации, проблемы (B=-0,1); тогда как «неблагополучные» – наоборот: не публикуют тексты и обсуждают в интернете свои тяжелые жизненные ситуации. Это не удивляет, если учесть, что первые (то есть, «благополучные») при возникновении тяжелых жизненных ситуаций, проблем, которые трудно решить в одиночку – обычно обращаются за советом, поддержкой к: родственникам, членам семьи (B=0,12); любимому человеку (B=0,12); друзьям (B=0,09); в то время, как вторые ответили, что «Не

нуждаются в посторонней помощи или стимуляторах, самостоятельно ищут выход из сложных ситуаций» ($B=-0,1$) и «Ни к кому не обращаются, ищут утешение в алкоголе, табаке» ($B=-0,1$).

В когорте №2: заходят в интернет «Каждый день» – 87,2% респондентов, «Большинство дней» – 7,1%, «Несколько раз в неделю» – 3,8%, «Лишь изредка» – 1,9%. Чем «психологически благополучнее» 25-34-летние, тем реже они заходят в интернет ($B=-0,11$); больше доверяют мессенджерам ($B=0,14$); печатной прессе ($B=0,1$); телевидению ($B=0,1$). В тяжелых жизненных ситуациях они обычно обращаются за советом к любимому человеку ($B=0,1$), а «неблагополучные» отвечают, что «Ни к кому не обращаются...» ($B=-0,13$) и «Не нуждаются в посторонней помощи...» ($B=-0,11$).

Для интерпретации результатов вспомним введенное Б. Риме понятие «социальное разделение эмоций» [2]. Как видим, чем обширнее возможности для подобного разделения эмоций у индивида, тем выше у него уровень «психологической безопасности», и наоборот. Предпочтительнее, чтобы такие возможности имели место в реальной, а не виртуальной жизни.

Литература

1. Донцов А.И., Перелыгина Е.Б., Зотова О.Ю., Тарасова Л.В., Веракса А.Н., Рикель А.М. Доверие и субъективное благополучие как основание психологической безопасности современного общества. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2018.
2. Rimé B. Le partage social des émotions. Paris: Presses Universitaires de France, 2005.

Направленность на социальное взаимодействие и стрессоустойчивость летчиков

Зеленова М.Е., Лекалов А.А., Лим В.С., Костенко Е.В.
ФГБНУ ИП РАН, Филиал № 1 ФГКУ МО РФ, Москва, Россия
mzelenova@mail.ru, lek150@yandex.ru; 7cvkag@mail.ru,
costenko.lena@yandex.ru

Работа выполнена по ГЗ № 0159-2021-0001.

Среди научного наследия М.Ю.Кондратьева большое место занимают труды, посвященные исследованию механизмов регуляции межличностного взаимодействия на основе «отношений межличностной значимости» [3]. Данный подход, базирующийся на

теории деятельности, имеет особое значение для исследований в области социальной психологии труда. Результативность труда во многом зависит от личностных характеристик и мотивационной направленности субъекта деятельности, от того насколько эффективно реализуется в трудовом процессе взаимодействие профессионалов. Это положение актуально в отношении летной деятельности: современные экипажи включают до 12 человек, а полетные задания предполагают как непосредственное общение членов экипажа, так и взаимодействие экипажей сразу нескольких летательных аппаратов [4].

Целью представленного исследования выступило выявление личностных характеристик, влияющих на стрессоустойчивость летных специалистов. *Выборку* составили военные летчики, $n=107$. Обследование проходило в госпитале ГВКГ им. акад. Н.Н. Бурденко МО РФ и включало диагностику уровня стресса и индивидуально-типологических характеристик летных специалистов.

Методы исследования. Для диагностики стресса применялись «Шкала психологического стресса» (PSM-25) Л. Лемура, Р.Тесье, Л. Филлиона; «Шкала стрессогенности событий» (ШСС) Т.Х. Холмса, Р.Х. Раге; Шкала «Стресс» (ИС) опросника «Дифференцированная оценка состояний сниженной работоспособности» (ДОРС) А.Б. Леоновой, С.Б. Величковской. Индивидуально-типологические особенности выявлялись с помощью «Индивидуально-типологического опросника» (ИТО) Л.Н. Собчик, имеющего шкалы: «экстраверсия (социальная активность)», «спонтанность», «агрессивность (стеничность)», «ригидность», «тревожность», «сензитивность», «интроверсия (социальная пассивность)», «лабильность». *Статистическая обработка* включала корреляционный анализ (k -Спирмана), сравнительный анализ (T -Стьюдента).

Результаты исследования.

1. По результатам корреляционного анализа были выявлены достоверные взаимосвязи между уровнем стресса и такими шкалами ИТО как «интроверсия» ($k=0,33$; $P\leq 0,05$) и «тревожность» ($k=0,4$; $P\leq 0,01$). Установлено, что уровень соматического здоровья находится в обратной связи с «ригидностью» ($k=-0,3$; $P\leq 0,05$). Социально-демографические характеристики «возраст» и «стаж» коррелируют с уровнем «интроверсии» ($k=0,4$; $P\leq 0,01$).

2. Сравнение групп летчиков с высоким и низким уровнем стресса позволило выявить значимые различия относительно таких характеристик как «агрессия», «интроверсия» и «тревожность». Установлено, что чем больше значения индекса стресса PSM-25, тем

сильнее выражены в профиле ИТО перечисленные индивидуально-типологические характеристики. Летчики с более высоким уровнем шкалы «тревожность» испытывают больший стресс на рабочем месте ($P \leq 0,05$). Сравнение стрессонаполненности жизни летчиков (индекс ШСС) не обнаружило различий

Заключение.

Таким образом, сопоставление индивидуально-типологических характеристик летчиков с разным уровнем стресса позволяет говорить о структурных различиях в профиле ИТО, обнаруженных относительно таких «ведущих тенденций личности» (по Л.Собчик) как «интроверсия (социальная пассивность)», «агрессия (стеничность)» и «тревожность». Данные показатели не выходят за рамки тестовых норм, что позволяет при интерпретации результатов сделать вывод о большей подверженности стрессу летчиков, являющихся «социально пассивными» по сравнению с летчиками, ориентированными на социальные взаимодействия, социально открытых, более контактных и направленных на общение. Связь тревожности и стресса в контексте методики ИТО свидетельствует об осторожности в процессе принятия решений у более тревожных летчиков. Различия в уровне агрессивности (стеничности) в типичном профиле респондентов позволяют говорить о летчиках ВКС как о лицах с выраженной тенденцией к самоутверждению, социально активных, направленных на самореализацию и решительное отстаивание своих интересов. Полученные факты хорошо соотносятся с результатами других исследований [1; 2].

Полученные данные о взаимосвязи стресса и индивидуально-типологических характеристик – шкал опросника ИТО – могут быть использованы в ходе ВЛК при оценке резистентности летчиков к воздействию стресс-факторов.

Литература

1. *Алдашева А.А., Зеленова М.Е., Рунец О.В.* Толерантность к неопределенности и доверие к себе у профессионалов экстремальных видов труда // Институт психологии Российской академии наук // Организационная психология и психология труда. 2020. Т. 5. № 3.
2. *Зеленова М.Е.* Социально-психологические факторы регуляции профессионального здоровья летчиков // Социальная психология и общество. 2014. №1.
3. *Кондратьев М.Ю., Кондратьев Ю.М.* Психология отношений межличностной значимости. М. : ПЕР СЭ, 2006.

4. Пономаренко В.А. Теоретические и экспериментальные данные о профилактике безопасности полета. М.: Когито-Центр, 2014.

Взаимосвязь эмоционального интеллекта и лидерства у студентов

Зими́на Н.А., Чибако́ва Е.А.

*ФГБОУ ВО ННГАСУ, Нижний Новгород, Россия
n.a.zimina@yandex.ru; chibakova.k@gmail.com*

Конкурентоспособность выпускников вуза – актуальная проблема современности. Для достижения успеха в профессиональной деятельности, зачастую, помимо специальных знаний, нужна еще и личностная установка на достижение цели, уверенность в себе, коммуникативные навыки. В целом можно отметить, что все это свойственно лидерам, которые благодаря своим универсальным личностным навыкам, умеют выстраивать рабочий процесс, эффективнее находить решения в кризисных ситуациях, устанавливать и сохранять отношения с коллективом.

Студенты, обучающиеся в Нижегородском государственном архитектурно-строительном университете по специальности «Строительство уникальных зданий и сооружений» (СУЗ), рассматриваются как будущие руководители, главные инженеры проектов. Развитие в ходе обучения у них лидерских качеств будет только способствовать в дальнейшем успешной профессиональной карьере. В связи с этим, мы решили определить наличие лидерских качеств у студентов СУЗа. Также в данной работе мы предположили, что лидерские качества связаны с эмоциональным интеллектом. На наш взгляд умение студентов распознавать и интерпретировать свои и чужие эмоции, возникающие в процессе деятельности, регулировать и использовать их для решения управленческих задач являются неотъемлемой составляющей лидерства.

Для изучения уровня проявления лидерства в совместной деятельности была использована методика Фетискина Н.П., Козлова В.В., Мануйлова Г.М. [1]. С целью определения уровня эмоционального интеллекта у студентов было проведено тестирование по методике Н. Холла [1]. Для выявления силы взаимосвязи между уровнем эмоционального интеллекта и уровнем проявления лидерства у опрошенных студентов был применен метод подсчета ранговой корреляции Спирмена. В исследовании приняли участие 35 студентов 2 курса направления Строительство уникальных зданий и сооружений Нижегородского государственного архитектурно-строительного

университета. Среди респондентов 51,4% студентов мужского пола и 48,6% женского.

Итак, было выявлено, что высокий уровень проявления лидерства свойственен 66% респондентов, средний уровень – 31%, низкая склонность к проявлению лидерства установлена лишь у 1 студента (0,44%). Также мы выяснили, что 51% опрошенных имеет низкий уровень эмоционального интеллекта, 29% – средний уровень и только 20% респондентов имеют высокоразвитый эмоциональный интеллект. Наиболее развита у студентов способность ориентироваться в своих эмоциях и понимать их причины (среднее значение 11,2); далее эмпатия (9,9); распознавание эмоций других людей (8,7); самомотивация (7,4) и умение управлять своими эмоциями (1,7).

Корреляционный анализ данных выявил, что наибольшую связь с лидерством имеет эмпатия (0,527; $p \leq 0,01$); способность распознавать эмоций других людей (0,501; $p \leq 0,01$); самомотивация (0,353; $p \leq 0,05$); управление своими эмоциями (0,309; $p \leq 0,1$) и эмоциональная осведомленность (0,296; $p \leq 0,1$).

В целом, сравнение данных, полученных при выполнении двух методик, позволяет говорить о том, что существует положительная взаимосвязь между эмоциональным интеллектом и лидерскими качествами, т.е. студенты с более развитым эмоциональным интеллектом склонны к большему проявлению лидерства. При этом наибольшую связь обнаруживает эмпатия (способность эмоционально настраиваться на другого человека) и умение распознавать эмоции других людей.

Литература

1. *Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М.* Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., 2002.

Особенности социального поведения подростков, проявляющих эмпатию

Зотова Л.Э., Сидячева Н.В.
ГОУ ВО МГОУ, Москва, Россия
Zolar@yandex.ru, Sidna@bk.ru

В подростковом возрасте особую роль приобретает эмпатия как необходимое условие успешных межличностных отношений. В ряде исследований изучалось место и роль эмпатии с характеристиками

социального поведения подростков (С.М. Ситяева, Е.Н. Курилина, Я.А.Мазуренко, А.Б. Холмогорова, Е.Н. Клименкова, Н.В. Сидячева, Л.Э. Зотова, С. Steinebach, A. Langer, V. Schulte и др.) [1; 2; 3; 4]. Однако поведенческие характеристики подростков, проявляющих эмпатию, изучены не в полной мере.

Целью исследования явилось выявление особенностей социального поведения подростков, проявляющих эмпатию.

Для достижения цели были поставлены следующие *задачи*:

1. Выявить корреляционные связи эмпатии с характеристиками социального поведения подростков.

2. Описать гендерные и региональные различия в проявлении эмпатии и социального поведения подростков.

Был использован следующий диагностический инструментарий:

Шкала «позитивные отношения» опросника психологического благополучия К. Риффа в адаптации Л.В. Жуковской, Е.Г. Трошихиной; шкалы «проблемы во взаимоотношениях со сверстниками» и «просоциальное поведение» опросника «Сильные стороны и трудности» Р. Гудмана, в адаптации Е.Р. Слободской; шкалы «готовности к помощи» и «агрессия в классе» опросника Сальдерна, Литтига «Landauer Skalen zum Sozialklima».

В исследовании приняло участие 338 подростков 13-15 лет школ Москвы и Московской области. Из них 56 % девочек и 44 % мальчиков. 26 % школьников проживают и учатся в Москве, 74 % - в Московской области.

Для решения *первой задачи* был проведен корреляционный анализ эмпатии с показателями социального поведения школьников. Был применен метод линейной корреляции Пирсона.

Выявлено, что эмпатия положительно коррелирует с позитивным отношением к другим ($r=0,358$, $p=0,01$). Чем выше эмпатия подростков, тем они более открыты и позитивны в межличностном взаимодействии, тем больше они получают удовольствия от теплых и доверительных отношений.

Эмпатия положительно коррелирует с просоциальным поведением школьников ($r=0,253$, $p=0,01$) и их готовностью оказывать помощь одноклассникам ($r=0,230$, $p=0,01$). Чем выше показатели эмпатии подростков, тем в большей степени они соблюдают моральные нормы во взаимодействии с другими, сотрудничают и приходят на помощь сверстникам.

Выявлены отрицательные взаимосвязи эмпатии с агрессивным поведением подростков ($r=-0,139$, $p=0,05$) и поведенческими проблемами ($r=-0,143$, $p=0,01$). Что означает, что школьники с высоким уровнем эмпатии реже проявляют агрессию по отношению к

одноклассникам и характеризуются поведением, при котором не нарушаются права других людей, а также нормы и правила, позволяющие устанавливать корректные взаимоотношения с окружающими.

Для решения *второй задачи* применялся Т-критерий Стьюдента.

Выявлено, что девочки-подростки проявляют эмпатию в большей степени, чем мальчики ($t=4,78$; $p=0,00$). Вероятно, это связано с гендерными стереотипами поведения мальчиков и девочек в обществе. Полученные нами данные подтверждаются результатами исследований С.М. Ситяевой, Е.Н. Курилиной и др. авторов [1], указывающих на гендерные различия в проявлении эмпатии подростками.

Выявлены также гендерные различия в проявлении социального поведения. Девочкам, по сравнению с мальчиками, в большей степени характерны позитивные, доверительные отношения с другими ($t=2,75$; $p=0,006$), они чаще проявляют просоциальное поведение по отношению к сверстникам ($t=3,82$; $p=0,00$), мальчики же чаще испытывают проблемы во взаимодействии с ними ($t=4,64$; $p=0,00$).

Различия в проявлении эмпатии школьниками Москвы и Московской области не выявлены. Различия в проявлении социального поведения обнаружены только по одному параметру – «позитивные отношения». Школьники Москвы в большей степени выражают привязанность к другим, более гибки в отношениях, быстрее устанавливают доверительные контакты с социальным окружением. Вероятно, это связано с жизнью подростков в мегаполисе и с обширной практикой включения в множество малых групп (учебных, спортивных, по интересам и т.д.), что позволяет подросткам – москвичам иметь обширную практику установления позитивных взаимоотношений с другими.

Таким образом, подростки, характеризующиеся высоким уровнем эмпатии, более успешны в межличностных контактах, склонны ценить и уважать нормы взаимодействия с другими, в меньшей степени характеризуются поведенческими проблемами. Девочки-подростки более эмпатийны по сравнению с мальчиками.

Литература

1. *Зотова Л.Э., Сидячева Н.В.* Взаимосвязь осознанности (mindfulness) подростков и характеристик социального климата в школьном классе // *Материалы V Всероссийской научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева.* Москва, 2020. С. 247-251.

2. *Ситяева С.М., Курилина Е.Н.* Психологические особенности эмпатии подростков // Амурский научный вестник. 2013. № 3. С.151-158.
3. *Холмогорова А.Б., Клименкова Е.Н.* Общение в интернете и эмпатия в подростковом и юношеском возрастах [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2016. Том 8. № 4. С. 129–141.
4. *Steinebach Ch., Langer A., Schulte V., Zotova L.* Mindful peers: mindfulness-based and peer-related interventions in positive environments. XVI European congress of psychology. 2019. с. 417.

Сравнительный анализ различных подходов к обучению вождению

Зубова Я.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

Milayana1@yandex.ru

Сегодняшние задачи, сформулированные в документе «Стратегия безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018-2024 годы», обуславливают острую необходимость поиска комплексных решений, направленных на решение важнейшей государственной проблемы: снижение уровня аварийности дорожно-транспортной среды и обеспечение безопасности на дорогах нашей страны [1]. Совершенно очевидно, что при разработке этих комплексных решений нельзя не учитывать так называемый «человеческий фактор», поскольку каждый из нас априори является участником дорожного движения. В этой связи особое значение приобретают вопросы, связанные с целеполаганием подходов к обучению вождению, основанных на передовой модели целей безопасной водительской деятельности, представленных в “GDE-Matrix” (Goals for Driver Education) [3] и поиске приоритетных факторов, способных обеспечить снижение количества аварий и дорожно-транспортных происшествий.

Существенную роль в реализации обучения, основанного на прогрессивных технологиях, могут играть современные автошколы, которые относятся к системе дополнительного (профессионального) образования [2]. Однако приходится констатировать отсутствие реализации в автошколах комплексного подхода к обучению вождению, направленного на достижение полного спектра целей,

необходимых для осуществления безопасной водительской деятельности, что является серьезной проблемой при оценке эффективности образовательной организации.

Представляется целесообразным обратиться к обзору различных подходов к обучению вождению, практикуемых в России и за рубежом. Новизна подобных исследований может представлять не только академический интерес, но и практический. Изучение, например, влияния самосознания обучающегося (осознания им границ и мер своих возможностей и ответственности при управлении транспортным средством) на его поведение при вождении позволит педагогам и инструкторам автошкол использовать комплексный подход к обучению, направленный на формирование целей высшего порядка по иерархии “GDE-Matrix”, определяющих безопасность при вождении. Под комплексным подходом мы будем понимать совокупность методов обучения, относящихся к традиционному, прогрессивному, этно-методологическому и мета-когнитивному подходам, каждый из которых направлен на реализацию целей различного уровня иерархии “GDE-Matrix”, но применяемые совместно, они будут отвечать всем целям модели.

Методы каждого подхода имеют четкую направленность на достижение целей и реализуются в иерархическом порядке.

Так, в начале курса обучения практическому вождению перед обучающимся стоит цель освоения навыков управления транспортным средством. Для ее достижения тренер будет придерживаться традиционного подхода, давая четкие инструкции по предметным действиям. По мере развития знаний, умений, навыков и накопления опыта обучающимися, тренеру целесообразно переходить к применению прогрессивного подхода и использованию методов коучинга. Для продвижения по пути социализации начинающего водителя в дорожно-транспортной среде тренер проводит практические занятия с применением этно-метода, направленные на развитие социальной перцепции и повышение уровня социальной компетенции ученика. Такие занятия представляют собой социально-психологический анализ поведения других участников дорожного движения и направлены на снижение уровня ситуативной тревожности водителя-новичка.

Формирование у обучающихся ценностей самоопределения, как безопасных водителей, целесообразнее проводить на теоретических занятиях посредством метакогнитивного метода. Однако, как отмечает ряд исследователей [3], тренеру по вождению не стоит ограничиваться только одним методом в одном занятии. Даже на начальном этапе обучения тренер может использовать этно-метод при возникновении

соответствующей дорожной ситуации совместно с инструкциями по управлению транспортным средством. В процессе обучения тренеру по вождению необходимы развитые мета-компетенции, позволяющие ему осуществлять диагностику различных индивидуально-психологических характеристик личности обучающегося (психосоциальных, психодинамических, психофизиологических) и, в случае необходимости, своевременной коррекции программы обучения, способов подачи информации для отслеживания полученных знаний и определения сформированности навыков.

Анализ теоретических подходов к обучению вождению, на наш взгляд, позволяет проанализировать мировой опыт применения методов и методик широкого спектра в передовой тренерской практике по обучению вождению.

Такой анализ позволит поставить вопрос о необходимости пересмотра широко применяемого в РФ традиционного подхода, решающего крайне узкий спектр задач при обучении вождению, не подразумевающего формирование компетенций обучающихся. Внедрение комплексного подхода могло бы существенно помочь преподавателям и инструкторам автошкол в расширении представлений о формировании самоопределения личности водителя, как безопасного участника дорожного движения, а также выстраивать их поэтапную подготовку, обеспечивая высокую эффективность обучения вождению и в дорожно-транспортной среде. Для опытных водителей проведение дополнительного обучения с применением комплексного подхода позволит повысить осмысление их самоопределения как безопасных участников дорожного движения. В свою очередь, проведение психологических исследований в системе дополнительного профессионального образования (автошколы) могло бы способствовать решению важнейшей государственной задачи – снижению аварийности на дорогах России.

Литература

1. Стратегия безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018-2024 годы. URL: <http://government.ru/docs/31102/>
2. Федеральный Закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ». URL: <https://rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html>
3. *Hatakka M.* From control of the vehicle to personal self-control; broadening the perspectives to driver education / Hatakka M.,

К вопросу проведения сравнительного анализа социально-психологических особенностей команд разного типа

Иванов М.А., Погодина А.В.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
michaelivn@mail.ru; allavan@yandex.ru*

С пандемией COVID-19 мир изменился основательно. Из офисных сотрудников мы превратились в онлайн-персонал, работающий в домашних тапочках. Из работников, которых контролировали по времени прихода в офис, мы перешли в категорию тех, от кого в первую очередь ожидают результат. Руководители стали уделять больше внимания постановке задач и контролю результатов, мотивации и разрешению конфликтов.

На первое место во многих компаниях с высокой степенью информатизации вышло умение и готовность сотрудников, руководителей работать в дистанционном формате, долго поддерживать собственную мотивацию на высоком уровне и обеспечивать высокий результат.

Отдельные компании и команды до пандемии тоже работали в удалённом режиме. Однако массовый переход в online и переосмысление сути бизнес-процессов, исходя из результативности и эффективности деятельности, начался в России в марте 2020 года.

Вопрос, который требует ответа с точки зрения практики, звучит следующим образом – чем виртуальная (удалённая) команда отличается от контактной (офисной)? И есть ли разница в управлении такими командами?

Тема удалённой работы относительно новая, несмотря на отдельные примеры работы компаний и команд в «допандемийный» период времени.

Несмотря на то, что командам начали плотно уделять внимание в 1980-х годах, научные исследования, где проводилось бы сравнение социально-психологических особенностей удалённых и контактных команд, отсутствуют. В бизнес-литературе встречаются советы, где авторы опираются только на свой частный практический опыт.

Для эффективной работы удалённой команды практики рекомендуют следующее [1; 2; 5].

- Требуется договориться об используемой терминологии, так как в режиме дистанционной работы может быть большее недопонимание между участниками команды.
- На первоначальном этапе создания команды требуются очные встречи для обсуждения общей миссии, целей и правил работы.
- Лидер должен тратить дополнительные усилия для развития в команде атмосферы доверия и сотрудничества.
- Постоянная периодичность информационных встреч для обмена новостями.
- Каждому важно найти свой круг общения за пределами рабочей жизни – неформальные группы в месте проживания.
- Четкое разграничение рабочего и личного времени, так как на работе есть эффект прихода и ухода из офиса, а дома такого нет.
- Организация эргономичного рабочего места.
- Четкое выполнение менеджером своих функций: целеполагание, планирование, контроль, обратная связь, мотивация. С каждым сотрудником обязательно проводится периодическая беседа в течение часа.
- Наличие плана коммуникаций. Обязателен канал для неформального общения: фотографии из отпуска, домашние животные и т.п.
- Эффективное использование технологий.
- Повышение культуры открытости.
- Создание и поддержание единого информационного поля для всей команды.

Цель нашего исследования заключается в сравнении социально-психологических особенностей виртуальных (удалённых) и контактных (офисных) команд для последующей выработки рекомендаций по управлению удалёнными командами.

Проблемой исследования, в широком смысле, можно назвать скорость изменений в моделях управления командами, переход от офисных моделей к дистанционным. В узком – отсутствие научных данных по различиям команд разных типов, и как следствие – отсутствие научно обоснованных практических рекомендаций для руководителей.

В качестве характеристик, по которым планируется проведение сравнительного анализа команд различного типа, нами были

выделены следующие: социально-психологическая сплоченность, социально-психологическая эффективность, противоречия, доверие, идентичность, приверженность. В соответствии с этими характеристиками был сформирован методический инструментарий исследования:

- методика изучения предметно-деятельностной и социально-психологической сплоченности группы и подгрупп;
- методика изучения социально-психологической эффективности группы и подгрупп;
- методика изучения социально-психологических противоречий в группе и подгруппах;
- методика изучения межличностного доверия в группе и подгруппах;
- методика изучения межличностной идентичности в группе и подгруппах.

Пять методик разработаны А.В. Сидоренковым с участием Н.С. Горбатенко, Е.С. Коваль, Е.А. Локтевой, А.А. Мкртчян, А.Л. Мондрус, И.И. Сидоренковой, Н.Ю. Ульяновой [4]. Методика изучения приверженности разработана Л. Портером и адаптирована М. Магурой. При этом приверженность изучаем по отношению ко всей организации, а не к отдельно взятой команде, так как команда является частью большего, и люди, с законодательной точки зрения, устраиваются на работу именно в организацию, далее попадая в ту или иную команду.

В исследовании принимают участие члены виртуальных (удалённых) и контактных (офисных) команд из среды информационных технологий, работающих по модели Agile. Сферы деятельности компаний, в которых находятся команды, различны.

Наше исследование даст возможность переосмыслить существующие модели управления в практике менеджмента в самой динамично-развивающейся сфере – информационных технологиях.

Литература

1. *Джейсон Ф. Remote. Офис не обязателен / Ф. Джейсон, Д.Х. Хенссон. М.: Манн-Иванов-Фербер, 2014. 288 с.*
2. *Катценбах Д. Командный подход. Создание высокоэффективной организации / Д. Катценбах, Д. Смит. М.: Альпина-Паблишер, 2018. 376 с.*
3. *Литвинова Е.Ю., Киселева Н.В. Вовлеченность в профессиональную среду и ее значение для непрерывного*

образования // Социальная психология и общество. 2017. Том 8. № 2. С. 5–20. doi:10.17759/sps.2017080201

4. *Сидоренков А.В.* Социально-психологическая диагностика малых групп. Методический инструментарий. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2014. 296 с.
5. *Шароватов Ю.М.* Дистанционный менеджмент. Как управлять сотрудниками на удалёнке. М.: Альпина Паблишер, 2020.

Взаимосвязь профессиональных склонностей и ценностных ориентаций студентов с различными статусами профессиональной идентичности

Иванова А.С., Фофанова Г.А.

*Факультет философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь
ivanovaannapsy@gmail.com*

Процесс становления профессиональной идентичности динамичен и не имеет определенных временных рамок, начинается с дифференциации мира профессий, находит продолжение в профессиональных склонностях, овладении знаниями, а также сопутствует профессиональной деятельности человека. Выбор и последующая профессиональная деятельность сопряжены с профессиональными склонностями на этапе выбора предпочитаемой трудовой деятельности, учреждения образования, а также с ценностными ориентациями личности, выступающими надситуативными детерминантами поведения человека, которые в свою очередь во многом определяют особенности становления личности как профессионала, закрепления в профессии [5].

Профессиональная идентичность – результат процессов профессионального самоопределения, персонализации и самоорганизации, проявляющийся в осознании себя представителем профессионального сообщества [3]. Становление профессиональной идентичности неотъемлемо связано с индивидуальным мотивационным комплексом личности, включающим в себя различного рода ценностные ориентации, направленности, склонности и т.д. В процессе профессионализации в период обучения происходит трансформация мотивационного комплекса, что в свою очередь может влиять на успешность как учебной, так и последующей трудовой

деятельности, субъективному переживанию психологического благополучия, процессу становления профессиональной идентичности. Так, индивидуальные особенности во многом могут определять характер становления профессиональной идентичности.

Гипотезой исследования являлось предположение о том, что существует статистически значимая связь профессиональных склонностей и ценностных ориентаций студентов с различными статусами профессиональной идентичности. Выборка исследования составила 120 студентов различных факультетов и специальностей Белорусского государственного университета.

Для определения статусов профессиональной идентичности была использована методика изучения профессиональной идентичности Л.Б. Шнейдер. Статусом преждевременной идентичности обладает 19,2% респондентов, диффузной идентичности – 24,2%; моратория – 21,7%; достигнутой идентичности – 10%, псевдоидентичности – 25%. Так, можно наблюдать активную фазу становление профессиональной идентичности студентов, ознакомление с новыми ролями поведения [4].

Для определения профессиональных склонностей студентов была предложена методика определения профессиональных склонностей Л. Йовайши в адаптации Г. Резапкиной [1]. Так, наиболее выражена профессиональная склонность к работе с людьми (35% респондентов имеют данную склонность в качестве доминирующей), также наиболее выраженными являются склонности к интеллектуальной и эстетической деятельности (22,5% и 19,2% соответственно). Наименее выраженными являются склонности к практической, экстремальной и плано-экономической деятельности (3,3%, 9,2%, 10,8% соответственно). Существуют статистически значимые различия выраженности профессиональных склонностей у представителей различных специальностей, студентов с различным опытом работы, а также среди мужчин и женщин.

Для определения ценностных ориентаций был использован Ценностный опросник Ш. Шварца в адаптации В.Н. Карандашева [2], позволяющий определить ценностные ориентации индивидуального и нормативного уровней. Так, самые высокие значения ценностных ориентаций на нормативном уровне имеют такие ценности как «Самостоятельность», «Гедонизм», «Безопасность» и «Достижения». А самые низкие значения имеют ценностные ориентации «Власть», «Традиции» и «Конформность». Такие ценностные ориентации, как «Стимуляция», «Универсализм» и «Доброта», являются для студентов средне-значимыми. На индивидуальном уровне преобладают ценностные ориентации «Самостоятельность», «Гедонизм»,

«Универсализм» и «Доброта», а ценностные ориентации «Традиция», «Власть», «Конформность» и «Стимуляция» оцениваются как менее значимые. Следовательно, ценностные ориентации на нормативном и индивидуальном уровне отличаются

В ходе корреляционного анализа были выявлены статистически значимые связи профессиональных склонностей и ценностных ориентаций студентов с различными статусами профессиональной идентичности. Так, наиболее значимыми и сильными связями являются: отрицательная связь профессиональной склонности к интеллектуальной и исследовательской работе и ценностной ориентацией «Универсализм» нормативного уровня среди студентов со статусом достигнутой позитивной идентичности, положительная связь ценностной ориентации «Самостоятельность» нормативного уровня и склонности к эстетической деятельности среди студентов со статусом преждевременной идентичности, отрицательная связь ценностной ориентации «Традиции» нормативного уровня и склонности к планово-экономической деятельности среди студентов со статусом диффузной идентичности, а также множество других.

Таким образом, можно говорить о специфической картине личности при различных статусах профессиональной идентичности, обусловленных особенностями учебных программ, моделируемой профессиональной деятельности, а также имеющимся опытом работы. Полученные данные могут быть применены для оптимизации образовательного процесса, а также в индивидуально-консультационной работе со студентами.

Литература

1. *Йовайша Л.А.* Проблемы профессиональной ориентации школьников / Л.А. Йовайша. М., Педагогика, 1983. 48 с.
2. *Карандашев В.Н.* Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004. 70 с.
3. *Шнейдер Л.Б.* Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики / Л. Б. Шнейдер. М.: МПСИ, 2007. 128 с.
4. *Шнейдер Л.Б.* Профессиональная идентичность: структура, генезис и условия становления. М. : МПСИ, 2001. 228 с.
5. Toward a theory of universal content and structure of values: Extensions and cross-cultural replications / Schwartz S. H., Bilsky W. // *Journal of Personality and Social psychology.* 1990. Vol. 58. P. 878-890.

Эмоциональное состояние студентов колледжа в условиях дистанционного обучения

*Иванова Л.В., Адаскина А.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
ludmila.1509@mail.ru, aadaskina@mail.ru*

Происходящие во всем мире изменения опосредуют трансформацию целевых установок в образовании. На данном этапе развития общества приоритетным становится конкурентное информатизированное обучение, внедрение современных, передовых образовательных технологий [1]. Формируется механизм непрерывного обучения, прослеживается рост интереса к дистанционному обучению (Ю.В. Балашова, В.П. Голубева, Демкин В.П., Можяева Г.В. и др.). Посредством дистанционного обучения обеспечивается доступность и непрерывность качественного обучения для любого человека, потому что оно открыто для партнерства, новаторства и направлено на индивидуализацию развития обучающихся [4]. На данный момент психологические основы дистанционного обучения только разрабатываются и формируются. Несмотря на то, что исследователи стали уделять внимание данной проблеме, как правило, предметом их исследований становятся лишь отдельные аспекты [2; 3].

Для того, чтобы проверить гипотезу о том, что существуют особенности эмоционального состояния студентов колледжа в условиях дистанционного обучения, было проведено исследование среди 84 студентов колледжа в возрасте от 15 до 18 лет, из которых 43 студента колледжа обучаются в традиционной очной форме, а 41 студент колледжа обучается дистанционно, в г. Москве и Московской области.

При проведении эмпирического исследования использовались следующие методики: опросник исследования тревожности у старших подростков и юношей (Ч.Д. Спилбергер, адаптация А.Д. Андреевой), опросник САН (Тест дифференцированной самооценки функционального состояния (Доскин В.А., Лаврентьева Н.А., Мирошников М.П., Шарай В.Б.)), методика субъективного ощущения одиночества (Д. Рассела и М. Фергюсона) и авторская анкета на предмет выявления отношения студентов колледжа к дистанционному обучению (Иванова Л.В., Адаскина А.А.).

На основании проведенного анализа результатов эмпирического исследования можно утверждать, что студенты колледжа, обучающиеся очно, в процессе коммуникации с преподавателями и

другими студентами колледжа удовлетворяют потребность в общении, что положительно сказывается на их самочувствии и настроении. Дистанционное обучение опосредует у студентов колледжа рост уровня ситуативной тревожности, личностной тревожности, субъективного ощущения одиночества и активности. Прослеживается динамика по показателям ситуативной и личностной тревожности в зависимости от курса обучения в колледже. На первом курсе высокие показатели по данным шкалам можно обосновать сменой социального статуса, поступлением в колледж, адаптацией к новым требованиям. А на третьем курсе, что студенты начинают строить перспективные планы на будущее и начинают осознавать важность обучения в колледже.

Результаты, которые были получены, подтверждают выдвинутую гипотезу о том, что существуют особенности эмоционального состояния студентов колледжа в условиях дистанционного обучения.

Выявлены и изучены недостаточно рассмотренные прежде особенности эмоционального состояния студентов колледжей обучающихся очно и дистанционно; впервые исследовано влияние дистанционного обучения на эмоциональное состояние студентов колледжа.

Изучение эмоционального состояния студентов колледжа в условиях дистанционного обучения позволит использовать полученные результаты при коррекционной работе психологов со студентами колледжей, в разработке учебных курсов по психологии телекоммуникаций, социально-психологическим последствиям информатизации, а также спецкурса психологии интернет-коммуникаций.

Литература

1. *Айсмонтас Б.Б., Уддин М.А.* Психологическое образование на основе дистанционных технологий: опыт, проблемы, перспективы // VIII Всероссийская научно-практическая конференция «Психология образования: модернизация психолого-педагогического образования». М., 2013. С. 3-8.
2. *Балашова Ю.В.* Когнитивные и личностные особенности студентов очного и дистанционного обучения // дисс... канд. психол. наук. Москва, 2011. 180 с.
3. *Голубева В.П.* Компетентностно-ориентированная технология дистанционной подготовки менеджеров в колледже // дисс... канд. пед. наук. Иркутск, 2011. 194 с.

4. Демкин В.П., Можяева Г.В. Технологии дистанционного обучения. Томск: Изд-во Том.ун-та, 2010. 106 с.

Кросс-культурный подход в исследовании детско-родительских отношений

Иванова О.И.

*МГОУ, Московская обл., Мытищи, Россия
ivanovanrcki@gmail.com*

Изучение детско-родительских отношений рассматривается многими учеными как важный компонент развития и социализации ребенка [1; 2; 6.]. Социальные изменения в обществе, культурные особенности социальной среды политические и исторические изменения – есть важные аспекты в изучении детско-родительских отношений [3; 4]. Эмпирические исследования зарубежных ученых дают представления о факторах риска для развития членов семьи, как происходит межпоколенческое взаимодействие под влиянием социально-экономических и культурных изменений.

Большинство исследований о взаимоотношениях родителей и детей проводилось за рубежом (Северная Америка, Африка, Европа, Юго-восточная Азия и Япония). Эмпирические данные кросс-культурных исследований указали на влияние культурных факторов в детско-родительских диадах [1; 6].

Например, исследовалась реакция матери на основные потребности ребенка в разных культурах [6]. В Японских диадах мать-ребенок отмечается проактивная чувствительность матери, т.е матери проявляют активную реакцию по отношению к ребенку еще до того, как как ребенок просигнализировал о дистрессе, а немецкие матери реагируют в такой ситуации только после того, как ребенок продемонстрировал дистресс. Обе стратегии взаимодействия различны, но каждая из них успешна и приводит к успокоению ребенка.

Межкультурные исследования показали, что разное воспитание может иметь одно и то же значение в разных культурах [6]. В работе приводятся данные о том, что в традиционных китайских семьях приветствуется суровое наказание, что в западных культурах – считается вредным. Исследования подростков из разных культур продемонстрировали, что немецкие дети по сравнению со своими сверстниками из Японии нуждались в большем контроле со стороны родителей, а японские дети чувствовали себя отвергнутыми своими

родителями, когда испытывали низкий родительский контроль [6]. Аналогичные результаты были получены и в корейских семьях, проживающих в Северной Америке и в Республике Корея [7]. Таким образом, характеристики и функции детско-родительских отношений не совпадают в различных культурах.

Trommsdorff и Kohnadt описывают взаимодействия между матерью и ребенком при противоречивых целях в немецкой и японской диадах [6]. В японских семьях это заканчивается уступкой матери, однако в немецких семьях преобладает конфликт. Такое поведение есть следствие специфических взаимоотношений между родителями и детьми, которые сформировались на базовых культурных убеждениях и ценностях предшествующих поколений данной культуры. В Японии преобладает ценность взаимозависимости и поддержки гармонии, тогда как в Германии больше ценится независимость. Данное исследование взаимоотношений матери и детей в Японии и Германии проясняет различное культурное значение этих отношений в процессе социального развития.

При исследовании детско-родительских отношений О.А. Карабанова обращает внимание на двухфакторность психического развития в онтогенезе, выражаемой известной формулой «среда/воспитание – наследственность». Ученые рассматривают кросс-культурные исследования как путь к пониманию роли наследственности и среды, ключ к решению поставленной в прошлом веке задачи – выяснить, наконец, чему равно «Х-единиц наследственности и Y-единиц среды» [1, с.16]. Вопрос о том, что составляет «хорошие» отношения между родителями и детьми, связан с вопросом о воспитании, развитии и социальном функционировании. Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо учитывать культурно-специфические значения этих понятий. Таким образом, изучая детско-родительские взаимоотношения, необходимо учитывать контекст различности культур, принимая во внимание родительские убеждения, цели воспитания, этнотеории и родительские убеждения.

Литература

1. *Карабанова О.А.* Детско-родительские отношения и практика воспитания в семье: кросс-культурный аспект [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2017. Том 6. № 2. С. 15—26. doi: 10.17759/jmfp.2017060202
2. *Шабельников В.К.* Функции семьи в психологических напряжениях современного общества // Педагогическое образование в России. 2015. №11.

3. *Cooney T. M., Uhlenberg P.* Support from parents over the life course: The adult child's perspective // *Social Forces*, 1992. Т.71, 63-84.
4. *Elder C.H.* The life course as developmental theory. // *Child Development*, 1998. Т. 69, 1-12.
5. *Kenneth H., Ock Boon Chung (eds.)*. Parenting beliefs, behaviors, and parent-child relations. A cross-cultural perspective // New York: Psychology Press, 2006, P. 143-183.
6. *Trommsdorff G., Kornadt, H.-J.* Parent-child relations in cross-cultural perspective. // *Handbook of dynamics in parent-child relations*. 2003. P. 271-306. London: Sage.
7. *Trommsdorff, G.* Parent-adolescent relations in changing societies: A cross-cultural study // *Psychological responses to social change: Human development in changing environments*. Berlin: De Gmyter 1995. P. 189-218.

Структурно-содержательные характеристики семейной идентичности мужчин и женщин

Ильиных Ю.В.

*ФГБОУ ВО РГГУ, Институт психологии им Л.С. Выготского,
Москва, Россия
yulechka335@mail.ru*

В период интенсивного развития информационного пространства проблема формирования множественной идентичности становится наиболее актуальной. Это касается и вопроса семейной идентичности [2]. Относительная семейная идентичность создается именно в семейных отношениях, постоянно трансформируясь в соответствии с меняющимися супружескими договоренностями. Для описания структурно-содержательной характеристики семейной идентичности мужчин и женщин было проведено исследование, предполагающее разработку шкал семантического дифференциала. Выборку составили 251 человек, из них 118 мужчин, и 133 женщины, возрастом не младше 18 лет. Исследование проводилось с целью разработки тестовых шкал семантического дифференциала. Основную выборку составили 163 человека, из них 91 мужчина, и 72 женщины. Все испытуемые имеют опыт супружеских отношений. После проведения теста BSRI, выборка была разделена на группы, по гендерному признаку. Всего в методике задействовано пять элементов, рассортированных на триады: Я, Дети, Родители, Супруга и Сиблинги.

Каждый элемент, по итогам анализа всей совокупности ответов, получал свой балл по вышеуказанным шкалам.

Себя мужчины считают наиболее самостоятельными среди всех членов семьи, и наименее причастными к семейной жизни. Часто встречались высказывания, что понятие «Я» необязательно относится к семье, в то время как прочие наименования имеют прямое отношение к ней. Себя и супругу они считают равными по положению в семейной иерархии; очевидно, родители и сиблинги не играют в их семьях большой роли, так как им отведены меньшие места по шкале «Иерархия». Это наблюдение, в очередной раз, подтверждает тезис о нуклеарности современной семьи, т.е. важности для её членов только супружеских и детско-родительских отношений. Дети ожидаемо оказались наиболее младшими, по оценкам мужчин, членами семьи, а также наиболее поддающимися контролю, наименее самостоятельными, и занимающими наименьшее место в семейной иерархии. Мужчинами родители признаны ближайшими кровными родственниками, они также не поддаются контролю, и чаще всего независимы от других членов семьи. Родители признаются как данность, т.е. они являются абсолютно безальтернативными членами семьи, которых нельзя изменить или выбрать. Супруга признана потенциально сменяемым членом семьи, очевидно, из-за возможности с ней развестись, а также предварительно выбрать её. По этой же причине, супруга более всех относится к семье, созданной мужчиной, поскольку она выбрана им. Ожидаемо, кровная связь с супругой заняла последнее место по шкале, поскольку супруга не является кровным родственником. Сиблинги оказались наиболее далёкими и незначимыми родственниками для мужчин, не имеющими отношения к их семьям, и живущими независимо от них.

Для женщин, как и для мужчин, характерно представление о собственной самостоятельности и необязательной причастности к семье. По шкале «Отношение» они также поставили себя на первое место. Дети, по мнению женщин, оказались наименее самостоятельными, и самыми последними в семейной иерархии, хотя и признаётся их значимость. Как и мужчины, женщины придерживаются мнения о подчинённом и зависимом положении детей, их нужде в попечительстве взрослых. Женщинами признаётся значимость родителей, а также их место в семейной иерархии (второе после супруга). Можно сделать предположение, что родители являются более важными людьми для женщин, чем для мужчин, которые ориентированы больше на созданную семью. Как и мужчинам, женщинам свойственно представление о сменяемости супруга, его выборности. Ими признаётся главенство мужчины в

семейной иерархии, но по шкале «Отношение» супругу отведено самое низкое место. Вероятно, родственные связи для женщин важнее супружеских. Женщинами, как и мужчинами, признаётся низкая значимость и близость общения с сиблингами – они чаще всего живут своей жизнью, независимо от респондента. В то же время, женщины считают сиблингов наиболее близкими кровными родственниками, и данными безальтернативно. С ними признаётся наибольшее взаимопонимание. Можно сделать предположение о том, что принадлежность к одному поколению, наличие общего опыта жизни в семье становится наиболее важным фактором достижения взаимопонимания [1].

Таким образом, структурно-содержательные характеристики семейной идентичности мужчин и женщин представляют собой гендерно специфическое интегративное образование, обусловленное субъективным опытом и социальными представлениями.

Литература

1. *Разов П.В.* Молодая семья в современном российском социуме: образ и качество жизни: монография / П.В. Разов, И.В. Преснякова-Осипова, С.А. Юшкова. М.: ИНФРА-М, 2021. 210 с.
2. *Ижванова Е.М.* Проблемы мужского и женского в современном мире. Гендерные роли, стереотипы и идентичность / Ижванова Е.М., 2-е изд., стереотипное. М., 2016. 118 с.

Взаимосвязь эмоционального интеллекта подростков с особенностями детско-родительских отношений

Ильиных Ю.В., Бородачева О.В.

*ФГБОУ ВО РГГУ, Институт психологии им. Л.С. Выготского,
Москва, Россия
Ok888@list.ru, yuil2020@mail.ru*

Ребенок начинает испытывать на себе влияние детско-родительских отношений еще до своего появления на свет. Ощущения будущей мамы, ее психологическое состояние, предвкушение материнства, а также забота, внимание и защита будущего отца оказывают свое воздействие здоровье и развитие даже еще

неродившегося ребенка. В дальнейшем все взаимодействие ребенка с окружающим миром во многом происходит через призму семейных ценностей и стилей воспитания. Создание конструктивных детско-родительских отношений было обосновано А. Адлером и в последствие рассматривалось в трудах многих психологов, в том числе и отечественных. Особое место занимает в этом вопросе теория привязанности Дж. Боулби, дополненная П. Криттенденом и М. Эйнсворт.

Подходя к подростковому возрасту, ребенок должен решить для себя задачу: как отделиться от родителей и стать взрослым, то есть самоактуализироваться, при этом сохраняя близкие отношения с родителями и возможность быть понятым и принятым семьей в любых ситуациях, то есть опираться на привязанность? Именно в этот период подростку крайне необходим развитый эмоциональный интеллект. Понятие «эмоциональный интеллект» было впервые использовано П.Сэловеем и Д.Мэйером в 1990 году [3, с. 186].

С целью изучения особенностей детско-родительских отношений и их взаимосвязи с эмоциональным интеллектом нами было проведено исследование, в котором участвовали 8 юношей и 13 девушек в возрасте от 11 до 18 лет. Были использованы следующие методики: опросник ЭИИн Д.В. Люсина [1] и опросник «Взаимодействие родителя с ребенком (ВРР)» подростковый вариант И.М. Марковской [2]. При исследовании эмоционального интеллекта (ЭИ) анализировалась способность к пониманию и управлению собственными и чужими эмоциями [1]. В результате получены данные по четырем видам ЭИ: межличностный ЭИ (МЭИ), внутриличностный ЭИ (ВЭИ), понимание эмоций (ПЭ) и управление эмоциями (УЭ). По всем шкалам ЭИ показатели говорят о среднем уровне развития ЭИ. Средние показатели по шкалам МЭИ, ВЭИ и УЭ у девочек незначительно, но превышают показатели мальчиков. А по шкале ПЭ средние показатели у мальчиков выше, чем у девочек. Взаимодействие родителя и ребенка оценивалось по параметрам: уровень требовательности родителя, строгость мер и правил, контроль родителем поведения подростка, эмоциональная близость, принятие подростка, наличие сотрудничества, согласие подростка с родителем, последовательность требований и мер, родительский авторитет и степень удовлетворенности отношениями. По результатам нашего исследования отмечается более требовательное отношение у родителей к девочкам, чем к мальчикам. Контролирующее поведение по отношению к девочкам выражено значительнее, чем к мальчикам. Поведение родителей ощущается мальчиками как более принимающее

их как личность, хотя показатели по этой шкале у девочек тоже довольно высокие. В то же время, сотрудничество и согласие между родителем и ребенком преобладает у девочек. Одним из важнейших параметров взаимодействия ребенка с родителем является последовательность родителя, постоянство в его требованиях. Данный показатель выше у мальчиков. Следовательно, мальчики оценивают поведение родителей как более постоянное, стабильное. Для девочек родитель авторитетнее, но мальчики более удовлетворены отношениями с родителями.

Следует отметить, что у тех исследуемых подростков, у которых во взаимодействии с родителями наблюдается нетребовательное отношение к ним, излишняя мягкость со стороны родителя, автономия и вседозволенность, то мы можем наблюдать низкие показатели по шкалам межличностного ЭИ, понимания эмоций и управления ими. В то же время, если между родителями и подростками близкие отношения, если подростки приняты родителями как личность, если высокий уровень сотрудничества между ними, если родители последовательности в своих требованиях, если высокая авторитетность у родителей и подростки удовлетворены этими отношениями, то и показатели ЭИ по всем шкалам возрастают.

Таким образом, если родители заинтересованы в эффективной социализации своего ребенка в окружающем мире, что, в свою очередь, возможно при развитом ЭИ, то им во взаимодействии с подростком необходимо: проявлять достаточную требовательность, умеренную строгость и контроль, но при высокой эмоциональной близости, принятии, сотрудничестве и последовательности в своих требованиях.

Литература

1. *Люсин Д.В.* Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М., 2012.
2. *Марковская И.М.* Тренинг взаимодействия родителей с детьми. СПб., 2000.
3. *Salovey P., Mayer J.D.* Emotional intelligence // *Imagination, Cognition, and Personality.* 1990.

Осознанное родительство у супругов с различной толерантностью к неопределенности

Ильиных Ю.В., Воронаева Н.А.

*ФГБОУ ВО РГГУ, Институт психологии им. Л.С. Выготского,
Москва, Россия
Ms.vna@inbox.ru, yuil2020@mail.ru*

Новые жизненные обстоятельства, такие как пандемия, оказали сильное влияние на психическое благополучие человека. Нынешнее время сопровождается такими понятиями, как: неопределенность, сложность, противоречивость, непредсказуемость, неконтролируемость и изменчивость. Современный кризис дает ощущение «подвешенного» состояния и затрагивает сильные изменения общественного поведения.

Подобная ситуация перманентной угрозы, соотношения хаоса и порядка очень сильно влияет на жизнестойкость личности в целом, видоизменяя самосознание и «Я-концепцию» родителя [2]. Актуальностью данной статьи является изучение феномена осознанного родительства на надындивидуальном уровне, через призму сознательной социальной зрелости, регуляции, устойчивости мировоззрения, гибкости, адаптивности и терпимости [3]. Кроме того, семья может направить свои ресурсы на положительные перемены и саморегуляцию. Родительство можно считать одной из самых наивысших ценностей, которая дает духовную стойкость, помогающую справиться с тяжелыми жизненными испытаниями [1]. И.С. Кон упоминал, что родительство определяется как система взаимосвязанных явлений. Именно оно транслирует свое влияние на психическое развитие детей и задает социальные перспективы развития общества. Это система отношений, в которой родитель пребывает ежедневно, поэтому толерантность к неопределенности – одно из важных жизненно необходимых качеств личности, которое поможет ему справиться со стрессогенными ситуациями и противоречиями.

Переживание родителя представляет субъективное отражение мира, это внутренняя сонастройка родителя, в результате которой он воспринимает окружающую его действительность. Через категорию переживания человек может осмысливать свои возможности и поведение [5].

Неопределенность представляет собой меру личной уверенности в себе, она может восприниматься и отражаться в широком спектре таких эмоций, как паника, дискомфорт. Любой человек, ощущая этот дискомфорт, попытается уменьшить ее или найти какое-то внутреннее согласование. [4].

На этапе написания исследовательской работы было проведено исследование представлений о родительстве среди супружеских пар, в качестве метода исследования использовался опросник «Сознательное родительство», разработанный М.О. Ермихиной. В опросе участвовало 40 человек: 20 мужчин и 20 женщин. Средний возраст опрошенных респондентов составляет 34,37. Минимальный возраст респондента 23 года, максимальный 45. Мужчины в выборке в среднем старше опрошенных женщин. Большинство опрошенных пар имеют 1 ребенка. На основе полученных результатов и сравнения средних величин можно отметить, что статистически значимые различия есть по 2 шкалам: родительские установки/ожидания и семейные ценности. У мужчин значительно ниже показатели, чем у женщин, средние показатели по шкалам: 15,3 против 20,4 и 14,2 против 22,3.

Вторым диагностическим методом исследования была «Шкала толерантности к неопределенности» Д.МакЛейна (валидизация Е.Н. Осина). На основе полученных результатов применения критерия Манна-Уитни выяснилось, что для ряда шкал нет различий между полами (отношение к новизне, отношение к неопределенным ситуациям, предпочтение неопределенности, для этих шкал $p > 0,05$), в то время как для общего показателя толерантности и отношения к сложным задачам имеются значимые различия. У мужчин статистически выше показатели для этих шкал. Для общего показателя толерантности для мужчин среднее значение 92,4 против 84 у женщин, а для соотношения к сложным задачам – у мужчин 26,15 против 23,30 у женщин.

Таким образом, можно отметить низкие баллы по общему показателю толерантности к неопределенности у женщин, мужчины более благосклонно принимают сложность и непредсказуемость, а женщины чувствуют дискомфорт перед существующими проблемами. Что касается осознанного родительства, то родительские установки/ожидания и семейные ценности у мужчин ниже, чем у женщин, женщины более осознанно подходят к распределению супружеских ролей в семье, ролевых ожиданиях в браке. У женщин наблюдается более активная родительская позиция в браке.

Литература

1. Психология личности: пребывание в изменении : монография / под ред. Н. В. Гришиной. Санкт-Петербург : СПбГУ, 2019. 576 с.
2. Семья, брак и родительство в современной России : сборник статей / под ред. Т.В. Пушкаревой, М.Н. Швецово́й, К.Б. Зуева. Москва : Когито-Центр, 2014. 280 с.
3. Психология семейных отношений : монография / под ред. А.В. Литвиновой. 3-е изд., стер. Москва : ФЛИНТА, 2020. 262 с.

Экзистенциальное одиночество как социальная проблема нового времени

Ильиных Ю.В., Прохорова А.С.

*ФГБОУ ВО РГГУ, Институт психологии им. Л.С. Выготского,
Москва, Россия*

Alisaparamonova2008@mail.ru, yuil2020@mail.ru

Волна негативных событий мирового масштаба выдвинула на передний план глубинную, внутриличностную проблему – осознание собственной изоляции и экзистенциального одиночества. Переживания подобного уровня всегда происходили на периферии сознания в рамках индивидуальности, но сейчас эта проблема вышла на поверхность в виде коллективной волны паники, неустойчивости, страхов, замкнутости, переоценки смыслов жизни, чувства неопределенности, конфронтации со смертью собственной или потенциальной утратой близкого человека. Собственная экзистенциальная ситуация заставляет отодвинуть повседневность и глубоко посмотреть внутрь своих переживаний [4].

Психологическое поле современной личности стало тревожным и неоднородным. Ритм мегаполиса уже с конца двадцатого века установил высокий темп и динамично сменяющую друг друга картинку реальности. Пандемия и общемировой кризис послужили триггером резкой и внезапной перестройки всего социального пространства. Жизнь внешняя остановилась, но жизнь внутренняя, психологическая, продолжала хаотичное и резкое перестроение: как видно из источников социальных исследований, высокий показатель разводов, проявления насилия, самоубийств, обострений различного

генеза, в том числе патологических, послужил резким и переломным моментом для личности современного города.

Нарушение привычного гомеостаза бытия подтолкнуло к более частой рефлексии себя в мире и мира в себе. Столкновения с пониманиями и понятиями экзистенциального порядка происходят непрерывно, так как подразумевают деятельный путь становления зрелости личности. Но на сегодняшний день то, что решалось на уровне индивидуальности и личностного запроса, теперь предъясняется коллективно и порой одновременно друг к другу – «В чем истинный смысл..., что будет завтра..., чего я хочу настоящему..., я одинок? А была ли свобода..., если это конец жизни, то, чего я достиг..., кто я?». Подобное размышление упомянуто в повести Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича», где главный герой, осознавая свой скорый уход, задается вопросом: «Может быть, я жил не так, как должно?» [1, с.125]. В психологической практике происходят качественные изменения как в индивидуальной, так и в групповой терапии. Люди чаще стали искать смысл жизни. В текущей ситуации неопределенности все чаще и важнее становится понять собственное содержание и свою само значимость, осознать свое одиночество от рождения и вернуть путь к себе. На уровне общесоциального явления наблюдается процесс ускоренной зрелости, речь идет о поиске и преобладании более духовных и нравственных ценностях, об осознании скоротечности жизни, переоценке себя и своей предъясняемой идентичности. Рассматривая новую ситуацию экзистенциальной зрелости, очевидна смена «молодости» общества с тенденцией ориентации на будущее [3], ожидания настоящей жизни, которая начнется, как только... (вырастут дети, и прочее), на взрослость, касающейся именно настоящего времени личности, ее самореализации и отдачи «здесь-и-теперь».

На первом этапе исследования магистерской диссертации был проведен первичный опрос отношения к экзистенциальному одиночеству среди супругов. В качестве метода исследования использовался дифференциальный опросник переживания одиночества Д.А. Леонтьева и Е.Н. Осина [2]. В опросе участвовало 53 человека, две независимые выборки: 22 мужчины и 31 женщина. Средний стаж супружества: 14,3 лет в браке. Используя непараметрический критерий U-Манна–Уитни, был получен предварительный вывод: отсутствие различий по мужской и женской выборке по шкале общее одиночество и зависимость от одиночества; выявлены различия в переживании позитивного одиночества между мужчинами и женщинами ($p=0,03$). Переживание одиночества по мужской выборке: при $\sigma=36,22+-9,78$, средний показатель 25,4;

зависимость от одиночества при $\sigma=32,88+-9,67$, средний показатель 32,36; позитивное переживание $\sigma=31.62+-5,44$, средний показатель 26,9. По женской выборке: общее переживание при $\sigma=33,84+-9,88$, средний показатель 25,16; зависимость от одиночества при $\sigma=33.93+-8,93$, средний показатель 28,45; позитивное переживание $\sigma=31,80+-5,34$, средний показатель 31,74.

Таким образом, отмечаются низкие балы по общему переживанию одиночества среди мужской выборки. Где затронуты субшкалы изоляции и отчуждения, низкие показатели позитивного одиночества. В женской выборке более позитивный и устойчивый фон отношения к одиночеству.

Литература

1. *Гришина Н.В.* Экзистенциальная психология: учебник. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2018. 494 с.
2. *Леонтьев Д.А., Осин Е.Н.* Дифференциальный опросник переживания одиночества (ДОПО). М.: Смысл, 2016. 88 с.
3. *Сапогова Е.Е.* Экзистенциальная психология взрослости. М.: Смысл, 2013. 767 с.
4. *Ялом И.* Экзистенциальная психотерапия. М.: Независимая фирма «Класс», 2019. 576 с.

Образ мигранта из Средней Азии в российских средствах массовой информации

Иноземцев А.С.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
andinomobile@gmail.com*

Согласно данным ООН, по числу мигрантов Россия находится на четвертом месте в мире. В этих условиях особую актуальность приобретает изучение как отношения к мигрантам со стороны коренного российского населения, так и дискурса о мигрантах в средствах массовой информации, учитывая ту роль, которую играют СМИ в формировании образа мигранта в общественном сознании принимающего населения [1].

В данном исследовании ставилась цель сосредоточиться на исследовании транслируемого с помощью СМИ образа мигрантов из

Средней Азии, которые составляют основную массу трудовых мигрантов в России.

Использовался метод контент-анализа публикаций в средствах массовой информации, который позволяет делать заключения о социальных феноменах, исследуя большой текстовый массив и выделяя в нем информационные аспекты, не лежащие на поверхности [2]. Для выявления неявных смыслов содержания и представления основных тем публикаций в количественных параметрах использовалось кодирование. Вывод о характере отношения к мигрантам делался исходя из смысла и эмоционального фона публикации.

Исследование проводилось на материалах федеральных печатных СМИ.

Было выбрано четыре издания со значением индекса цитируемости в СМИ выше 10000 пунктов по версии компании «Медиалогия». Это газеты «Известия», «Коммерсант», «Российская газета», «Ведомости».

Анализировались публикации за период с 20 февраля 2019 года по 20 февраля 2021 года. Такой период был выбран для того, чтобы иметь возможность сравнения контента до и после начала пандемии.

В процессе исследования было проанализировано 55 публикаций. Из них в 32 (или 58,2%) публикациях наблюдается отрицательное отношение к мигрантам, в 18 (32,7%) – нейтральное отношение и в 5 (9,1%) публикациях – положительное отношение.

За период с 20 февраля 2019 года по 30 марта 2020 года было проанализировано 36 публикаций. Из них отрицательное отношение к мигрантам выявлено в 23 (63,9%) публикациях, нейтральное отношение – в 11 (30,6%) и положительное отношение – в 2 (5,5%) публикациях.

За период с 30 марта 2020 года по 20 февраля 2021 года было проанализировано 19 публикаций. Из них отрицательное отношение к мигрантам наблюдается в 9 (47,4%), нейтральное отношение – в 7 (36,8%) и положительное отношение – в 3 (15,8%) публикациях.

В 32 публикациях, содержащих отрицательное отношение к мигрантам, можно выделить два основных контекста, в которых упоминаются мигранты из Средней Азии, – это публикации о различных правонарушениях и рынке труда.

Если рассмотреть подробнее контекст правонарушений, то внутри него можно выделить следующие темы, в связи с которыми упоминаются мигранты из Средней Азии: нелегальная миграция, различные преступления, фиктивные браки, массовые беспорядки, терроризм, многоженство, оставление младенцев, незаконная торговля, дорожно-транспортные происшествия (см., напр., статьи

«Подкидыш на снегу» в Российской газете, «Рожденная изоляцией. Мигранты пробуют силы в наркоторговле» в газете «Известия»).

Нейтральных упоминаний мигрантов из Средней Азии в выбранных газетах в исследуемый период насчитывается 18.

Среди тем, в связи с которыми нейтрально упоминаются мигранты, присутствуют пандемия, законодательство, рынок труда, ксенофобия, национализм, прирост населения (см., напр., статьи «Давайте рождаться», «Отбились от рабочих рук» в «Российской газете»).

Положительные упоминания мигрантов встречаются лишь в 5 публикациях: в двух публикациях до объявления пандемии и в трех – после. Положительно мигранты упоминаются в связи с проблемой прироста населения, пандемией, рынком труда и проблемой рабства (см., напр., статьи «Три-четыре миллиона жителей Москвы исповедуют ислам» в газете «Известия», «Как выживают мигранты в кризис» в газете «Ведомости»).

По результатам нашего исследования можно сделать следующие выводы.

В период пандемии внимание к теме мигрантов со стороны СМИ значительно снизилось. За похожий период мы наблюдаем почти вдвое меньшее число публикаций: 36 публикаций до объявления пандемии и 19 – после объявления пандемии.

В целом публикации в СМИ формируют отрицательный образ мигранта. Он воспринимается как человек, незаконно находящийся и работающий в стране, склонный к различным правонарушениям и преступлениям, низкоквалифицированный работник, отбирающий работу у местных жителей.

Кроме того, даже если контент носит семантически нейтральный характер, в эмоциональном отношении во многих случаях преобладает отрицательное отношение к мигрантам. Это транслируется через заголовки, оговорки, упоминания возможной угрозы, исходящей от мигрантов.

В публикациях наблюдается объективизация мигранта, отношение к нему как к инструменту для решения определенных экономических, реже социальных задач. Всего две публикации за исследуемый период рассматривают мигранта как личность, говорят о его чувствах и переживаниях.

Литература

1. *Ефременкова М.Н., Гриценко В.В.* Анализ дискурса о миграции соотечественников в Россию в средствах массовой

- информации // Психология и Психотехника. 2015. № 11. С.1105–1115. DOI: 10.7256/2070-8955.2015.11.16791
2. Ньюман Л. Социология за рубежом. Неопросные методы // Социологические исследования. 1998. № 2. С. 121.

Развитие творческих возможностей младших школьников в дополнительном образовании

Исаев Е.И., Боложинская Н.Е.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
isaevei@mgppu.ru, natalidecorcafe@gmail.com

В последние годы уделяется большое внимание дополнительному образованию, кружковой деятельности и внеурочной работе с детьми. При этом образовательная задача основного и, главное, дополнительного образования – развитие творческих возможностей школьников – в приоритете направлений. Важная часть – развитие индивидуальных творческих навыков, к которым можно отнести креативность, эмоциональный интеллект, знание культуры и искусства, интеграция творческих способностей, необходимых для сферы креативных индустрий. И именно художественное образование предоставляет возможность решить эти задачи через вовлечение учащихся в творческий процесс.

Последние российские и зарубежные научные исследования показывают, что важным фактором, влияющим на развитие творческих возможностей, является возраст, а наиболее сенситивным – дошкольный и младший школьный период. Навыки, сформированные в этом возрасте, положенные на приобретенный опыт, потом максимально эффективно используются во взрослой жизни.

Также психологи отмечают особую важность художественно творческой деятельности детей, поскольку это помогает соединить их чувственный опыт, развивать восприимчивость к оригинальности, иметь доступ к различным средствам и материалам, а значит развивать любые формы мышления и выражения. Художественно-творческая деятельность уникальна и ее можно квалифицировать как инструмент развития когнитивных способностей, которые в современных подходах к образованию рассматриваются как центральный элемент образовательных результатов и иногда их называют «правильные привычки ума» [1]. Так, например, занятия изобразительным и декоративно-прикладным творчеством могут научить:

- искать подход к решению творческой задачи через эксперименты с формами, структурами, материалами, понятиями, техниками, жанрами;

- выдвигать гипотезы и находить решения для любой задачи разными способами;

- относиться к ошибкам и неудачам как к естественному этапу творческого поиска решения;

- размышлять, пересматривать и перерабатывать свои творческие решения, развивая через практику способность к конструктивной критике;

- понимать и оценивать себя и других;

- находить баланс между экспериментами и безопасностью, свободой и ответственностью и т.п.

В связи с этим очень важно создать для детей свободную творческую атмосферу с различными видами материалов.

Материалоемкость занятий является ключевым фактором для решения вышеуказанной задачи. Чем с большим количеством разнообразных материалов знакомится и работает ребенок, чем больше у него возможностей проявить самостоятельность, тем лучше будут развиваться его творческие возможности. В творческой среде, через огромное разнообразие художественных, природных и декоративных материалов ребенок получает возможность экспериментировать с формами, структурами, сочетаниями материалов, техниками и жанрами, познавать новый, доселе неизведанный мир, искать нестандартные решения творческих задач, учиться взаимодействовать и работать в большой и малой группе, развивать свои умственные способности, художественный вкус, мышление и воображение.

В процессе эксперимента, апробируя авторскую программу по развитию творческих возможностей и креативного мышления младших школьников в дополнительном образовании «АРТ-Мечта», детям предлагался широкий спектр разнообразных видов материалов, в том числе полифункциональных материалов, в свободном игровом пространстве, которые можно рассматривать с неожиданных сторон, знакомиться с их свойствами, пробовать, моделировать и комбинировать новые сочетания для создания необычных образов, развивать способность к анализу и синтезу. Такие действия дают широкий диапазон для творческих решений и составляют когнитивный компонент мышления и воображения или креативности.

В экспериментальной программе педагог постоянно мотивирует инициативность, творческий подход, привлекает детей к различным видам художественной и проектной деятельности, коллективной

работе в малых группах, обсуждает и дискутирует с ними. Создает условия для непринужденного включения детей в художественно-творческую деятельность, с опорой на близкие детскому мышлению образы, стимулирует самостоятельное мышление ребенка в системе заданий от простого к сложному.

По итогам эксперимента можно сделать выводы о том, что процесс стал эффективным (успешным) при создании следующих педагогических условий:

- свободного игрового пространства (непринужденного включения детей в художественно-творческую деятельность);
- самоопределении младших школьников в виде коллективной творческой деятельности;
- материалоемкости – насыщенности различными природными и имитационными материалами для развивающей художественно-творческой деятельности.

В программе учитывались сформированные в игровой деятельности первичные формы воображения и развивающаяся у детей потребность в творческой деятельности. Принцип теории учебной деятельности в этой программе реализован с учетом специфики самого предмета и особенностей развития творческих возможностей младших школьников.

Успешность овладения общими способами творческой деятельности связана с организацией сотрудничества детей друг с другом на занятиях – это и совместное обсуждение, и оценка творческих работ друг друга, и групповое сотрудничество в ходе выполнения коллективных работ [2; 3].

Литература

1. *Выготский Л.С.* Психология развития ребенка. М.: Эксмо, 2013. 508 с.
2. *Давыдов В.В.* Психическое развитие младших школьников. М., 2012. 160 с.
3. *Давыдов В.В.* Теория развивающего обучения. М., 1996.
4. *Зинченко В.П., Назаров А.И.* Размышления об искусственном интеллекте // О человеческом в человеке. М., 1991.
5. *Эльконин Д.Б.* Интеллектуальные возможности младших школьников и содержание обучения // Возрастные возможности младших школьников / Под ред. Д.Б. Эльконина, В.В. Давыдова. М., 1966.
6. *Эльконин Д.Б.* Психология обучения младших школьников // Избранные психологические труды. М., 1989.

7. *Kashekova I.* Interdisciplinary concept of “Image” in the Cross-cultural Pedagogical Technology of “ART+” The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. ISSN: 2357-1330. С.300-306
8. *Torrance E.P.* The Torrance Test of creative thinking: Technical-norm manual. III, 1974.

К вопросу изучения учебной мотивации старшеклассников

Кадурина Ю.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

Kadurina_Julia.1997@mail.ru

Как показывает практика преподавания в современной школе, мотивированные школьники обычно активно и спонтанно участвуют в учебной деятельности и находят процесс обучения приятным, не ожидая каких-либо внешних вознаграждений. При этом обучающиеся, демонстрирующие низкий уровень мотивации к учебной деятельности, ориентированы на постоянное получение различного рода поощрений [5], побуждающих их активно участвовать в занятиях, которые им не нравятся [2].

В современных исследованиях, которые проводятся в педагогической психологии, фокус внимания сосредоточен не только на когнитивном развитии и обучении школьников, но и на их мотивации к изучению определенных дисциплин, освоение которых способствует достижению высоких учебных результатов в отдельных предметных областях [3].

В исследованиях отечественных авторов подчеркивается, что отсутствие мотивации – серьезный барьер на пути к успеху в учебе – проявляется в чувствах разочарования и раздражения, которые испытывают старшеклассники, что снижает продуктивность в процессе образовательной деятельности. Обучающиеся, которые верят, что могут добиться успеха, с большей вероятностью достигнут своих целей. Так, мотивированные школьники обычно анализируют препятствия, которые могут возникнуть на пути к успеху, и могут составить план относительно того, как двигаться вперед.

Мотивация может быть оправдана ожиданием вознаграждения, будь то в форме хороших оценок или общественного признания [6]. На уровень мотивации в обучении влияют несколько факторов, таких

как способности, задатки, поощрения со стороны родителей или педагогов, внутренняя удовлетворенность учебными успехами.

Основываясь на теоретических представлениях о мотивации школьников, следует подчеркнуть, что в ряде из них существенное внимание уделяется изучению самооффективности [1] как ключевой переменной, определяемой как «вера человека в свою способность организовывать и осуществлять действия для достижения желаемых достижений и результатов» [4, с.65]. Несмотря на наличие значительных доказательств, подтверждающих прямое влияние убеждений в самооффективности на академическую успеваемость, исследований, посвященных изучению мотивационного механизма, который опосредует взаимосвязь самооффективности и достижений, не так много, но они необходимы для понимания того, как и почему самооффективность влияет на мотивацию обучающихся [4].

Что касается взаимосвязи между самооффективностью и удовлетворенностью учащихся, то сильное чувство эффективности улучшает человеческое благополучие; например, убеждения в самооффективности влияют на чувство беспокойства и состояние стресса, которые обучающиеся образовательных организаций испытывают, когда они участвуют в какой-либо деятельности.

В упоминаемых исследованиях также выявлено значительное и существенное прямое влияние самооффективности обучающихся на академические ожидания. Так, по мнению некоторых авторов, старшеклассники с высокой самооффективностью имеют более высокие академические ожидания и демонстрируют лучшую академическую успеваемость, чем при низкой самооффективности. Другими словами, самооффективность предшествует ожидаемому результату, т.к. они зависят главным образом от суждений людей о том, насколько хорошо они могли бы действовать в данной ситуации. Следовательно, предполагается, что самооффективность (определяемая как воспринимаемая способность выполнять заданное поведение) влияет на ожидаемые результаты поведения, но не наоборот [7].

Таким образом, представляется целесообразным обратиться к изучению характера взаимосвязи самооффективности и мотивации учебной деятельности старшеклассников. Рассмотрение данной проблематики может способствовать созданию условий для эффективного психолого-педагогического сопровождения и целенаправленной работы психологической службы образовательной организации с обучающимися.

Литература

1. *Бандура А.А.* Самоэффективность: Осуществление контроля / Пер. с английского. М.: ЕВРАЗИЯ, 2005.
2. *Божович Л.И.* Изучение мотивации поведения детей и подростков / Под ред. Л.И. Божович и Л.В. Благонадежной. М.: Владос-пресс, 2001.
3. *Давыдов В.В.* Теория развивающего обучения. М.: Академия, 2010.
4. *Ерзин А.И., Епанчинцева Г.А.* Самоэффективность, проактивность и жизнестойкость в обучении (влияние на академические интересы и достижения студентов) // Современное образование. 2016. № 2. С. 65–83.
5. *Ильин Е.П.* Мотивация и мотивы. Санкт-Петербург: Питер, 2013. 508 с.
6. Современная психология мотивации / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002.
7. *Atkinson J.W.* An introduction to motivation. Princeton, N.Y.: Van Nostrand, 1964.

Трудности межличностного взаимодействия представителей fashion-индустрии

Калинина Н.В.

*ФГБОУ ВО «Российский государственный университет
им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)»
kalinina-nv@rguk.ru*

Индустрия моды (fashion industry) стала сегодня интенсивно развивающейся отраслью приложения сил молодежи. Ее привлекательность связана как с интенсивностью новизны впечатлений, которые представляются в этой сфере, так и с возможностями самопрезентации, самореализации, творческого проявления личности. Профессиональные группы fashion industry достаточно специфичны, они широко освещаются в средствах массовой информации (чаще в связи с громкими скандалами), однако с социально-психологических позиций остаются малоисследованными.

Учитывая стремление молодых людей к принадлежности к социальным группам в fashion industry и тот факт, что существующие исследования [2; 3; 4; 5] подчеркивают трудности социальной

адаптации представителей данных групп, нам представляется актуальным изучение особенностей межличностного взаимодействия моделей, которое позволит создать научные основания для психологической поддержки при трудностях адаптации.

В исследовании были изучены трудности межличностного взаимодействия и стили межличностных отношений представителей модельного бизнеса – моделей. В исследовании приняли участие 30 моделей (18 девушек и 12 юношей) модельного агентства. В качестве методов исследования использовались: авторская анкета по выявлению трудностей межличностного взаимодействия и методика диагностики межличностных отношений Т. Лири. Анкета направлена на изучение субъективного мнения респондентов о трудностях взаимодействия и включает в себя обобщенные на основе эмпирических исследований [1; 4] формулировки содержания трудностей взаимодействия (в восприятии и понимании партнера, интерпретации смысла сообщения, понимания невербальной составляющей коммуникации, использовании средств передачи собственных мыслей и чувств), среди которых респондентам предлагалось отметить трудности, с которыми встречаются они. Эмпирическая проверка осуществлялась на основе внешнего критерия – экспертной оценки выраженности проявлений трудностей взаимодействия профессиональными психологами. Корреляция диагностической оценки анализируемых признаков и экспертной оценки показала высокий уровень достоверной связи ($r=0,78$).

Результаты исследования показали, что все представители группы моделей сталкиваются с трудностями в межличностном взаимодействии. Наибольшие трудности связаны с интерпретацией эмоциональных проявлений другого человека. При этом, девушки-модели чаще, чем юноши, сталкиваются с проблемами в понимании мотивационного содержания общения, мотивов и целей партнера, в понимании поведенческих и когнитивных проявлений другого человека и в передаче собственных поведенческих и когнитивных проявлений. Юноши чаще сталкиваются с проблемами в понимании ситуационных условий взаимодействия, смысла и содержания коммуникации, в понимании эмоциональных проявлений другого человека и передаче собственных эмоциональных проявлений, испытывают трудности в дружеском общении и во взаимодействии с незнакомыми людьми. Однако юноши-модели успешнее справляются профессиональными коммуникациями, чем девушки.

Доминирующими стилями у исследуемых представителей модельного бизнеса являются подозрительный (14,7), подчиняемый (10,9), эгоистичный (9,8), дружелюбный (9,4). Это показывает, что

модели достаточно обидчивы, скептически, часто жалуются и злопамятны (подозрительный стиль); склонны искать опору в окружающих людях, уступают другим, слабовольны, пассивны (подчиняемый стиль); однако достаточно уверены в том, чем занимаются, самовлюбленны, расчетливы (эгоистичный стиль) и в то же время стремятся к принятию со стороны, «быть хорошим» для всех (дружелюбный стиль).

Доминирующие стили общения у юношей и девушек-моделей значимо различаются. Юноши значимо чаще обидчивы, скептически, чаще жалуются и более злопамятны (подозрительный стиль); самоуверенны, самовлюбленны, расчетливы (эгоистичный стиль), стремятся к доминантности и лидерству (авторитарный стиль). Девушки-модели значимо чаще склонны искать опору в окружающих людях, уступают другим, слабовольны, пассивны (подчиняемый стиль); стремятся к принятию со стороны, «быть хорошим» для всех (дружелюбный стиль).

В качестве возможных факторов преобладания у юношей авторитарного, подозрительного и эгоистичного стилей можно обозначить менее высокую конкуренцию как при отборе (в модельном бизнесе юношей значительно меньше, чем девушек), так и при осуществлении профессиональной деятельности. Говоря о причинах высокой выраженности у девушек-моделей подчиняемого, зависимого и дружелюбного стилей в межличностном взаимодействии, можно предположить, что сам характер модельной работы может провоцировать виктимное поведение как одну из стратегий достижения своих целей [2].

Полученные в исследовании данные дают основания выделить «мишени» психологической коррекции стилей общения, выработки способов преодоления трудностей межличностного взаимодействия и могут быть использованы в работе психолога с представителями данных профессиональных групп.

Литература

1. *Куницина В.Н., Казаринова Н.В., Погорьша В.М.* Межличностное общение. СПб.: Питер, 2001. 544 с.
2. *Михайлюк Е.Б., Михайлюк А.Н.* Психологические аспекты виктимизации в модельном бизнесе // Евразийский союз ученых. 2015. № 3-7 (12). С. 85-86.
3. *Свами В., Шмигельска Э.* Проблемы имиджа профессиональных моделей моды: действительно ли они

- относятся к группе риска? // Психиатрические исследования. 2013. Т. 207. № 1-2. С. 113-117.
4. Психология моды. Коллективная монография. /Под общ.ред. И.В. Антоненко, И.Н. Карицкого. М.: РГУ им А.Н.Косыгина, 2019, 234 с.
  5. Meyer B. et al. Счастье и отчаяние на подиуме: потребность в удовлетворении, благополучии и адаптации личности моделей моды // Журнал позитивной психологии. 2007. Vol. 2. № 1. С. 2-17.

Школьные чаты как неотъемлемый процесс онлайн-коммуникаций в учреждении образования

Калита О.В., Русецкая А.М.

*БГПУ имени Максима Танка, Минск, Беларусь
olka.kalita@mail.ru, svetilenamr@mail.ru*

Современные средства общения между людьми набрали значительный оборот. Многие классные руководители создают так называемые школьные чаты в социальных сетях или мессенджерах. Проблема нарушений онлайн-коммуникации была выявлена в связи с ростом использования данного вида общения и обмена информацией. Особенно данная проблема распространена среди педагогов, учащихся и их родителей. Школьники, забывая рамки приличия, нарушают цифровой этикет. Родители, в том числе, зачастую пользуются вседозволенностью онлайн-коммуникаций, оскорбляя и выясняя отношения в чатах класса.

По определению Ефремовой А.А., «онлайн-коммуникации – это такие методы общения, при которых передача информации происходит по каналам Интернета с использованием стандартных протоколов обмена и представления информации в различной форме – голос, видео, документы, мгновенные сообщения, файлы» [1].

Можно выделить наиболее распространённые разновидности электронных коммуникаций, такие как: электронная почта, блоги, форумы (веб-форумы), видеосвязь, интернет-пейджеры (мессенджеры), социальные сети, веб-сайты [3].

Формами онлайн-коммуникации в образовательном процессе являются: чат-занятия, телеконференция, телеприсутствие [2].

В современном мире IT-технологии развиваются с моментальной скоростью, предоставляют собой огромный перечень инструментов для онлайн-коммуникаций преподавателей с учениками и их

родителями не только в учебное время, но и за стенами школ. Это особенно актуально для классных руководителей, которые ищут новые, нестандартные методы сплочения своего класса, повышения авторитета в глазах детей, установления дружественной связи со своими воспитанниками [4].

Рассмотрено несколько таких нестандартных способов коммуникации: группа класса «ВКонтакте», аккаунт класса в Twitter, блоги школьников и/или учителя, аккаунт на YouTube, аккаунт в Instagram, мобильные приложения для управления классом [5].

Исследование нарушений онлайн-коммуникаций проводилось нами на базе государственного учреждения образования «Средняя школа № 215 г. Минска». Выборку для исследований составили 60 учащихся из 10 «А» и 10 «Б» классов. Возраст испытуемых – 15-16 лет.

На основании теоретической части исследования были выделены следующие критерии для составления анкетирования:

Наличие беседы в социальных сетях или мессенджерах с (или без) классного руководителя. 100% респондентов ответили, что есть две беседы – с классным руководителем и без него.

Выбираемые социальные сети или мессенджеры. 100% респондентов постоянно используют ВКонтакте, 40% учащихся предпочитают Viber, 15% опрошенных пользуются Instagram для школьных коммуникаций. Ни один из респондентов (0%) не выбрал варианты Skype, WhatsApp, Facebook, Twitter, Одноклассники.

Причина выбора социальных сетей или мессенджеров. Вариант «Возможности пересылки файлов различного типа» выбрали 70% респондентов, также этот процент учащихся отмечают, что выбирают приложения и мессенджеры, где есть возможность голосового общения. 45% школьников выбирают приложения для общения, где есть возможность видеосвязи, 20% учащихся делают выбор в пользу отличного набора емоѝ в мессенджерах. Возможность создавать групповые чаты отметили 15% респондентов, и 10% выбирают за красивый интерфейс и возможность персонификации аккаунта.

Причины использования школьных чатов. 25% респондентов ответили, что нужно для решения сугубо школьных вопросов, 10% учащихся используют чат только для учебы, 15% респондентов таким образом отдыхают и общаются с друзьями, 50% оценивают важность и учебы, и общения в дружьями в школьных чатах.

Причины трудностей во взаимодействии в онлайн-чатах. Затруднения у учащихся в онлайн-коммуникациях вызваны тем, что 25% респондентов имеют плохие отношения с участниками чата, 15% считают, что есть трудности со знанием норм этикета. 40%

школьников столкнулись с проблемой скованности и невозможность преодолеть психологический барьер в онлайн-коммуникациях, 20% не испытывают никаких трудностей в общении. Никто их участников анкетирования не выбрал вариант «Технические трудности».

Разработана программа социально-педагогической профилактики нарушений онлайн-коммуникаций в учреждении образования на основе проведенного диагностического исследования. Программа «Ты онлайн» для учащихся 10 «А» и «Б» класса государственного учреждения образования «Средняя школа № 215 г. Минска», возраст респондентов 15-16 лет.

Задачи программы

1. Формирование норм этикета, культуры общения и общечеловеческих ценностей (определение жизненных ценностей учащихся, изучение цифрового этикета).

2. Проработка и анализ конфликтных ситуаций в онлайн-коммуникациях (основные стратегии решения конфликтных ситуаций в школьных чатах, анализ конфликтов в чате, пути их решения).

3. Информирование о последствиях нарушений онлайн-коммуникаций в рамках законодательных актов (иллюстрация своего поведения в Интернет пространстве, изучение законодательных актов по теме).

4. Составление правил для школьных чатов на основе проделанной работы (составление правил для школьного чата, разработка дизайна для информационного стенда).

Рекомендации для родителей: не выяснять отношения публично, не «спамить» в деловой переписке, проявлять терпение, уважать свое и чужое время и т.д.

Методические рекомендации для педагогов: объяснить учащимся правила онлайн-коммуникаций, рассказать о мерах, принимаемых к нарушителям, ответственности за нарушение правил поведения в сети, совместно с учащимися сформулировать правила поведения в случае нарушения онлайн-коммуникаций, приучать несовершеннолетних уважать права других людей как в реальной жизни, так в общении онлайн, проявлять интерес к «виртуальной» жизни своих учеников, при необходимости сообщать родителям о проблемах их детей, проводить мероприятия, на которых рассказывать о правилах и нормах коммуникаций в сети, стать примером для своих учеников.

Литература

1. *Ефремова А.А.* Интернет-коммуникация как средство мобилизации общества // Международный студенческий

- научный вестник. 2017. № 1 URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=16861>
2. *Красная Е.М.* Учитель – ученик – родитель: взаимоотношения // Молодой ученый. 2017. № 7 (141).
  3. Разновидности электронных коммуникаций. Общение в сети Интернет. Форумы, чаты, блоги, интернет-пейджеры. Социальные сети. Меры безопасности и правила этикета при общении в сети Интернет. URL: <http://inf.bkatk.by/dotd/inform/pz14.htm>
  4. Современные способы онлайн коммуникации учителей и школьников URL: https://habr.com/ru/company/shkolnaya_karta/blog/376933/
  5. *Шерстобитова И.В.* Педагог и родители: взаимодействие посредством сети Интернет. Социальная сеть «ВКонтакте» как одна из современных форм взаимодействия педагога с родителями. URL: <https://ped-kopilka.ru/blogs/irina-vladimirovna-sherstobitova/pedagog-i-roditeli-vzaimodeistvie-posredstvom-seti-internet.html>

Смысложизненные ориентации и отчуждение от учебы у студентов различных специальностей

Каракаш А.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

Alex_Karakash@mail.ru

Одной из характеристик современного мира можно назвать отчуждение. Анализируя это понятие, выделяют следующие его составляющие: внутреннее отдаление, утрата ценностей и смыслов, потеря ощущения контроля над собственной жизнью, несовпадение актуального существования с потенциальным. Субъективно отчуждение переживается как неудовлетворенность жизнью, подавленность, бессмысленность, чуждость собственной жизни и самого себя. Об отчуждении говорят применительно к различным сферам жизни: это может быть отчуждение от работы, от общества, от собственной личности, семьи. Любая деятельность и жизнь в целом является отчужденной, если она не является для человека личностно значимой [3].

Понятие отчуждения тесно связано со смыслом жизни. Смысл является динамическим процессом, который отражает актуальные отношения индивида во внешней и внутренней деятельности и

выполняет регулятивную функцию [4]. Для каждого человека он уникален и играет важную роль в процессах мотивации личности. Смысл представляет собой объективно сложившуюся направленность жизни и не вырабатывается интеллектуально. Он представляет из себя систему, отдельные связи и элементы которой проявляются в различных формах, на разных уровнях психики и регуляции деятельности [2].

Целью нашего исследования является изучение выраженности составляющих смысложизненных ориентаций и отчуждения от учебы студентов различных специальностей. Респондентами выступили студенты московских вузов (n=92). Среди них были обучающиеся творческим специальностям (художники), психологии и физической культуре. Их выбор обусловлен типом объектных систем, с которыми взаимодействует человек в своей профессии. В данном случае нас интересуют типы: человек-человек и человек-художественный образ. В первом случае предметом является человек или социальные системы (студенты-психологи). Во втором случае, предмет – это факты художественного представления реальности (студенты-художники). Поскольку каждая профессия может характеризоваться в разной мере несколькими признаками разных типов, то мы можем отнести студентов-спортсменов как к типу человек – человек, так и к типу человек – художественный образ. Это объясняется тем, что их профессиональная деятельность включает в себя как взаимодействие с группами людей, так и непосредственно деятельность в рамках какого-либо спорта [1].

Методиками исследования послужили тест смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева и опросник субъективного отчуждения С. Мадди в адаптации Е.Н. Осина.

Проведя эмпирическое исследование, мы получили следующие результаты. Выраженность жизненных целей и уровень отчуждения студентов-психологов ниже, чем у остальных двух групп. Мы предполагаем, что подобная закономерность может быть вызвана тем, что студенты-психологи имеют личностный смысл в изучении психологии, как минимум, как прикладной дисциплины, гармонизирующей актуальную жизнь. В связи с этим показатели отчуждения от учебы у них ниже. Однако отсутствие понимания четких перспектив в данной профессии приводит к сниженным показателям по шкале целей в жизни. Низкие баллы по данной шкале возможны даже наряду с общим высоким уровнем осмысленности жизни. Это будет говорить об отсутствии осмысленности будущего и концентрации на настоящем и прошлом.

Локус контроля-Я у студентов-спортсменов выражен больше, чем у студентов-психологов и художников. Это дает основание

предположить, что спортсмены, в силу специфики данной области обладают более развитыми волевыми качествами, что дает ощущение полного контроля над своей жизнью и возможность строить ее в соответствии со своими целями и смыслами.

На основании полученных результатов можно дать рекомендации психологам, осуществляющим процесс сопровождения образовательного процесса – для снижения уровня отчуждения необходимо формировать понимание общих целей учебной деятельности, ее личностный смысл.

Литература

1. *Климов Е.А.* Введение в психологию труда. Учебник. М., 1998.
2. *Леонтьев Д. А.* Психология смысла: Природа, строение и динамика смысловой реальности. М., 2003.
3. *Осин Е.Н., Леонтьев Д.А.* Смыслоутрата и отчуждение // Культурно-историческая психология. 2007. Т. 3. № 4.
4. *Осин Е.Н.* Категория отчуждения в психологии образования: история и перспективы // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 4.

Использование ресурса тренинговой группы для решения психологических проблем ее участников

Караяни А.Г.

ФГКУ «ВНИИ МВД России», Москва, Россия

karayani@.ru

Личностное развитие участников социально-психологического тренинга невозможно без разрешения их актуальных и болезненных личных проблем. Многие участники идут на тренинг именно в надежде найти ответы на эти проблемы.

Между тем, формат тренинга, его базовые принципы (особенно понятие не совсем верно) могут затруднять решение этой задачи. Так, принцип «здесь и сейчас» может постоянно перенацеливать участников с их личных проблем на обсуждение событий, происходящих в тренинговой группе. Если тренер в начале тренинга не сформировал банк личных проблем участников и не трансформировал их в обезличенные ролевые игры, упражнения, психодраматические сценарии, то такие проблемы обречены на забвение.

Другой тренинговый принцип, который часто называют принципом «антисоветизма» ограничивает участников в выдаче советов нуждающимся.

Безусловно, опытные тренеры перед началом тренинговых сессий в анонимном режиме собирают информацию о проблемах беспокоящих участников, планируют их проработку, используя самые разные тренинговые процедуры. Для оптимизации этого процесса А.Г. Караяни и Ю.М. Караяни [2] разработана специальная ролевая игра «Вавилонский базар».

Игра создана на основе сюжета, описанного Геродотом в его «Истории». Геродот утверждает, что в Вавилоне существовала традиция в случае заболевания члена семьи обращаться за советом к окружающим. Для этого больного размещали на базаре или около дома и проходящие горожане, уяснив симптомы болезни, давали больному свои советы. Как утверждается, такой способ диагностики и лечения был весьма эффективным [1]. Что-то наподобие этого происходит и сегодня, когда в случае возникновения каких-либо проблем мы обращаемся к мудрости интернет-пользователей.

Цели игры — перевести проблемную ситуацию «там и тогда» в тренинговую ситуацию «здесь и теперь»; обеспечить надежную анонимность заявителя проблемы; раскрепостить участников тренинга в отношении обсуждения проблемной ситуации анонима и в части формулировки советов и рекомендаций.

Схема игры предусматривает следующие этапы. *На первом этапе* участникам развешиваются цели, возможности, условия и формат игры. Роли распределяются следующим образом: анонимный заявитель выступает в роли больного, участники тренинга выполняют роли вавилонян, тренер играет роль члена семьи, информирующего горожан о симптомах болезни страдающего.

На втором этапе (если проблемы участников не были собраны тренером ранее) участники формулируют свою проблему, записывают ее на одинаковых листочках бумаги печатными буквами, не подписывая, складывают листочки и опускают их в специально подготовленную емкость (коробку, пакет, шапку и т.п.).

На третьем этапе тренер, перемешав листочки, достает их в случайном порядке зачитывает описание проблемы того или иного участника. Оглашенная проблема подвергается групповому обсуждению. Участники, стараясь не оценивать ситуацию в терминах «плохо» или «хорошо», «правильно» или «неправильно», предлагают свои варианты ее решения.

После того, когда все проблемы участников будут обсуждены, ведущий может получить от группы обратную связь о степени их проработки. Он просит участников закрыть глаза, поднять вверх руку

и по пятибалльной системе с помощью пальцев показать, на сколько баллов он оценивает помощь группы в осмыслении собственной проблемы и путей ее разрешения.

Для снятия у участников ощущения уникальности и особой драматичности их проблем, тренер предлагает участникам подумать, кто из них хотел бы теоретически поменять свою жизненную проблему на любую из обсужденных проблем. Ответ на этот вопрос можно получить анонимно (поднятием руки желающего поменять свою проблему при закрытых глазах членов группы) или открытым голосованием, называнием той проблемы, на которую хотелось бы поменять свою или оставлением ее неназванной.

Опыт показывает, что, как правило, никто из участников не желает поменять свою проблему на чужую. Это является прекрасным поводом для последующей групповой дискуссии.

Игра «Вавилонский базар» выводит участников на осознание того, что их жизненные проблемы не уникальны и не всегда «самые страшные» и что эффективной стратегией их решения является обращение к опыту других людей [3; 4].

Литература

1. *Геродот*. История // Геродот. Фукидид. Ксенофонт. Вся история Древней Греции. М. : АСТ ; Астрель, 2010.
2. *Караяни А.Г., Волобуева Ю.М., Дубяга В.Ф.* Социально-психологическая интеграция в российское общество инвалидов боевых действий. М., 2007.
3. *Караяни Ю.М., Караяни А.Г.* Тренинговые технологии гармонизации Я-концепции инвалидов боевых действий // Инвалиды и общество. 2014. № 2 (14). С. 17—26.
4. *Караяни А.Г.* Психологическая реабилитация участников боевых действий (психология боевого стресса и стресс-менеджмента). 2-е изд. М. : Юрайт, 2020.

Моделирование жизненных ситуаций как технология личностного роста в процессе социально-психологического тренинга

Караяни Ю.М., Караяни А.Г.

*Военный университет; ФГКУ «ВНИИ МВД России», Москва, Россия
karayani@.ru*

Достижение личностного роста в социально-психологическом тренинге – задача чрезвычайно сложная. Ю.Н. Емельянов

подчеркивает, что здесь «любые педагогические притязания, чтобы быть реалистичными, должны быть более скромными» [1, с. 54].

Вместе с тем, тренинг обладает уникальными ресурсами и механизмами, позволяющими включать такие пусковые механизмы личностного роста, как получение обратной связи, осознание собственных достоинств и ограничений, ознакомление с эффективными стратегиями разрешения жизненных проблем, тренировка успешного поведения и т. д.

Опыт показывает, что одним из наиболее эффективных способов включения названных механизмов является моделирование в ходе тренинга ситуаций, которые буквально «открывают глаза» участникам на важные обстоятельства их жизни.

Моделирование в ходе тренинга таких «просветляющих», «инсайтных» ситуаций может осуществляться с помощью многих тренинговых форм: групповых дискуссий, ролевых игр, психотехнических упражнений, кейсов и т. д.

Главными требованиями к моделируемым ситуациям, должны быть психологическая безопасность, валидность (способность порождать психологические феномены, характерные для реальной ситуации), побуждающий потенциал (создание у участников мотивации к осмыслению ситуации и ее обсуждению с другими участниками).

Опыт тренерской работы свидетельствует о том, что модель ситуации должна включать ролевую игру, отражающую внутреннюю структуру проблемной жизненной ситуации, и групповую дискуссию.

Для создания моделей некоторых ситуаций можно использовать уже существующие игры и упражнения. Например, если дополнить известную социально-психологическую игру «Мафия» [3] дискуссией по теме «Особенности мафиозного поведения», то можно использовать ее для более глубокого осознания участниками особенностей взаимодействия преступников на зримой модели.

Однако целесообразно применять специальные психотехнические средства, которые целенаправленно созданы для решения конкретной задачи. В качестве примера такого подхода можно привести известное психотехническое упражнение «Потерпевшие кораблекрушение» [4], моделирующее процесс принятия группового решения.

Для моделирования эффектов влияния социального окружения на поведение человека А.Г. Караяни и Ю.М. Караяни разработана ролевая игра «Сон в летнюю ночь» [2]. В основу игры положен сюжет из одноименного произведения В. Шекспира.

Цель игры состоит в том, чтобы сделать зримыми процессы влияния социального окружения на поведение человека, запустить у участников тренинга рефлексию данных процессов и усилить интернальные тенденции в детерминации их социальной активности.

Схема ролевой игры включает следующие роли: разыгрываемый, разыгрывающие, зрители, режиссер.

Тренер выполняет роль режиссера и может корректировать процесс ролевой игры на любом его этапе. Из группы выбирается один человек, который будет выполнять роль разыгрываемого и 3-5 человек, выполняющие роли разыгрывающих (шутников).

Группа шутников договаривается (за пределами аудитории), кого они будут «лепить» из разыгрываемого. Это может быть статус (например, царь, президент, нищий, бомж и т. д.), конкретный известный человек (например, Ленин, Меркель, Киркоров и т.д.), литературный герой (например, Карлсон, Змей Горыныч, Илья Муромец и т.д.) и др.

По команде тренера-режиссера разыгрываемый «засыпает». Шутники возвращаются в аудиторию, будят разыгрываемого и ведут себя по отношению к нему, как по отношению к выбранному персонажу. При этом их поведение невербально не должно содержать прямых намеков на этого персонажа.

Задача разыгрываемого состоит в том, чтобы, отвечая своим поведением на действия окружающих, понять, какая роль ему предписана.

Зрители, наблюдая за представлением, должны определить роли его участников и адекватность их исполнения.

Тренер останавливает действие тогда, когда поймет, что все участники игры разобрались в своих ролях. Затем он организует групповое обсуждение. При этом акценты делаются на обсуждение впечатлений и ощущений разыгрываемого от навязывания несвойственной ему социальной роли, мыслей и чувств шутников, связанных с игрой, наблюдения зрителей, опасности и пути «защиты» от манипулирования со стороны социального окружения.

В одном из проведенных нами тренингов 64% участников указали на то, что сделали для себя открытия относительно стратегий самовосприятия и их влияния на поведение. 60% участников с экстернальным локусом уровня субъективного контроля отметили, что задумались о том, как правильно оценивать собственную роль в своей судьбе и ответственность за события собственной жизни [2].

Литература

1. *Емельянов Ю.Н.* Активное социально-психологическое обучение. Л.: ЛГУ, 1985.
2. *Караяни Ю.М., Караяни А.Г.* Тренинговые технологии гармонизации Я-концепции инвалидов боевых действий // *Инвалиды и общество.* 2014. № 2 (14). С. 17-26.
3. *Петров С.В., Холопова Е.Н.* Невербальная коммуникация. Развивающие ролевые игры «Мафия» и «Убийца»: Учеб.-метод. пособ. Калининград: КВШ МВД России, 1998.
4. *Рудестам К.* Групповая психотерапия. Психокоррекционные группы: теория и практика: Пер. с англ. /Общ. ред. и вступ. ст. Л.А. Петровской. М.: Прогресс, 1990.

Возможности применения коучинговых технологий при изучении иностранного языка

Карнова М.А., Фарба Е.О.

*НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа», Москва, Россия
ka-mariya@hotmail.com, eofarba@mail.ru*

В современном мире знание иностранных языков является одним из важнейших инструментов культурного, информационного и технического обмена. Развитие цифровых технологий, появление возможности работать в разных странах, становление тенденции непрерывного развития на протяжении всей жизни (lifelong learning) вызывают необходимость повышения лингвистических компетенций среди взрослого населения. По мере развития современных технологий появились многочисленные варианты получения информации и знаний, что в свою очередь привело к трудности выбора подходящего варианта обучения. За последние годы вопрос поиска наиболее результативных методов изучения иностранного языка в кратчайшие сроки оказывается в фокусе исследовательского внимания. Одним из эффективных методов можно выделить коучинговые технологии, которые широко применяются в различных сферах деятельности человека и обладают рядом преимуществ.

Особенность и эффективность коучингового взаимодействия отражает объединение инструментов и методов на основе теорий отдельных авторов, учитывая их взгляды и собственный опыт. Одним из первых, кто стал развивать технологии коучинга стал Т. Голви, раскрыв способы повышения эффективности деятельности человека и

его внутреннего потенциала [1]. Постепенно внедряясь в различные направления жизнедеятельности человека, коучинг стал применяться при изучении иностранных языков, повышая интенсивность обучения и самостоятельность обучающегося, работая с его мотивацией.

Проблема мотивации часто обсуждается в языковой андрагогике, являясь одним из ключевых элементов, влияющих на достижение результата в овладении иностранным языком. Мотивация является важным элементом овладения иностранным языком, обеспечивающим эффективность и достижение нужного результата. Распространенным является мнение, что мотивация представляет субъективную сторону личности. Она определяется потребностями и побуждениями человека, которые и формируют конечную цель обучения [2]. Психолог Р. Гарденер, рассматривая мотивацию изучения иностранных языков как комплексный элемент, выделил базовые критерии: стремление к достижению цели, готовность овладеть иностранным языком, положительное отношение к цели [3]. М. Райхельт, в свою очередь, выделил две группы мотивов: внешние (желание обучающегося утвердиться в обществе, получить хорошую отметку, уклониться от негативного внешнего давления) и внутренние (личное отношение к изучаемому материалу и методам обучения, желание коммуникаций на иностранном языке) [5].

Осознание человеком вышеуказанных мотивов происходит в процессе коучингового процесса, когда коуч применяет различные методы и инструменты. Для исследования стратегии и целей обучения можно предложить использовать модель мотивации к обучению ARCS [4]. Данная модель содержит четыре элемента: внимание (Attention), значимость (Relevance), уверенность (Confidence) и удовлетворение (Satisfaction). Сохранение внимания позволяет клиенту раскрыть себя и продумать новые шаги. Значимость подкрепляет важность результата в обучении за счет ориентации на конечную цель и способствует повышению самостоятельного поиска и усвоения информации. Уверенность достигается благодаря построению первоначального плана действий, конкретизации шагов. Удовлетворенность возникает на последнем этапе применения модели ARCS, снижая сомнения обучающегося и создавая итоговое понимание, как с помощью новых навыков и знаний прийти к желаемому результату.

Как было отмечено выше, наличие и осознание цели обучения влияет на мотивацию. Технологии коучинга позволяют правильным образом сформулировать цель, используя модель SMART. Модель используется для проверки цели по следующим критериям: конкретность, измеримость, достижимость, актуальность,

ограниченность во времени. Технология SMART способствует конкретному представлению конечного результата, что облегчает движение к цели.

Важным аспектом применения коучинг является принятие ответственности за конечный результат. В процессе взаимодействия у обучающегося формируется понимание, что достижение поставленной цели зависит только от него, присутствует полная ответственность за получение новых навыков и знаний.

Всё вышесказанное дает нам возможность сделать следующие выводы. Применение коучинговых технологий при изучении иностранного языка будет актуально для решения таких вопросов как: повышение мотивации к обучению, развитие навыков самостоятельного поиска информации и методов получения новых знаний, усиление стремления к достижению конечного результата.

Литература

1. *Голви Т.* Работа как внутренняя игра. Раскрытие личного потенциала = *The Inner Game of Work: Focus, Learning, Pleasure, and Modility in the Workplace*. М.: «Альпина Паблицер», 2012.
3. *Ибрагимова Ш.Т.* О преподавании иностранных языков взрослым // Молодой ученый. 2017. №1. С. 454-456.
4. *Gardner R.C.* Attitude/Motivation Test Battery: International AMTB Research Project (English version). London, Ontario, Canada: The University of Western Ontario, 2004. URL: <http://hyxy.nankai.edu.cn/jingpinke/buchongyuedu/Motivation%20measurement-AMTB.pdf>
5. *Keller, J.M.* Motivational design for learning and performance: The ARCS model approach. Springer Science & Business Media, 2009.
6. *Reichelt M.* Motivation und Förderung von Lernleistung im universitären Fremdsprachenunterricht // Melnitschuk, D.O. (Hrsg.): Wissenschaftliche Nachrichten der Serie „Pädagogik. Psychologie. Philosophie“ der Pädagogischen Fakultät der Nationalen Universität für Bioressourcen und Umweltwissenschaften der Ukraine, Kiew. Kiew, 2013. Band 192 (2). S. 96–102

Восприятие своей группы молодёжью молдаванами: временной аспект

Кауненко И.И.

*Центр Этнологии, Институт культурного наследия, Кишинёв,
Республика Молдова
irina.caunenco@gmail.com*

Временные категории сегодня играют всё более существенную роль в формировании групповой идентичности, адаптации к новым социальным изменениям. В исследованиях больших социальных групп было установлено, что «позитивное отношение членов группы к коллективному прошлому, настоящему и будущему связано с позитивной групповой идентичностью, просоциальными установками и доверием к социальным институтам» [2, с. 304].

Целью исследования было изучение восприятия своей группы во временной перспективе (в прошлом, настоящем, будущем) у молодёжи молдаван.

Характеристика выборки: возрастной состав и образовательный статус – студенты (19-25), молдаване. Общая выборка составила: 200 респ. Период исследования – 2019 г.; регион – г. Кишинёв.

В процессе исследования культурных ценностей молодёжи молдаван [1] нами был включен в исследование проективный вопрос: «Кто такие молдаване: вчера, сегодня, завтра?».

Нами был проведён первичный контент-анализ, и были выделены следующие категории: временная перспектива (прошлое, настоящее, будущее), сильные/слабые качества; отношение к своей этнической группе; ценностные ориентации. Мы остановимся на описании выделенных нами групп, на основе восприятия своей группы молодёжью молдаванами в прошлом, настоящем и будущем.

Нами были выделены подгруппы, которые мы условно объединили в две группы на *основе позитивного (негативного) отношения к будущему*. *Первая группа*, включала респондентов, позитивно воспринимающих будущее своей этнической группы (43%), и мы её обозначили как «оптимисты». В данную группу молодёжи молдаван вошли следующие подгруппы:

1.1 Позитивное восприятие своей этнической группы в прошлом, настоящем и будущем – 19%. 1.2. Позитивное восприятие в прошлом, будущем, и негативное восприятие в настоящем – 14%. 1.3. Негативное восприятие в прошлом, настоящем и позитивное в

будущем – 3%. 1.4. Негативное восприятие в прошлом, позитивное в настоящем и в будущем – 7% .

Вторая группа включала респондентов, негативно воспринимающих будущее своей этнической группы, и мы её обозначили как – «пессимисты» (29%). В данную группу молодёжи вошли следующие подгруппы: 2.1. Негативное восприятие своей этнической группы в прошлом, настоящем и будущем – 7%. 2.2. Позитивное в прошлом, негативное в настоящем и будущем – 17 %. 2.3. Негативное в прошлом, позитивное в настоящем, негативное в будущем- 2%. 2.4. Позитивное в прошлом, настоящем и негативное в будущем – 3%.

В *третью группу* вошли респонденты, которые затруднились ответить -18%; в *четвёртую группу* вошли респонденты, которые ответили абстрактно, либо амбивалентно – 10%.

Выводы

1. Эмпирическое исследование особенностей восприятия своей группы во временной перспективе у молодёжи молдаван, выявило большую вариативность: от «оптимистов», которые составили 43%, до «пессимистов» – 29%, что, по нашему мнению, является отражением социокультурных трансформаций, происходящих в молдавском обществе.

2. Общим для подгрупп молодёжи молдаван, входящих в выделенные нами группы «оптимистов» и «пессимистов», является то, что в прошлом своей группы они позитивно оценивают (вызывает гордость) её культурное наследие (традиции, обычаи, язык и т.д.). *Представляется, что это является мощным ресурсом для жизнеспособности группы и сохранения позитивной этнической идентичности.*

3. Требуют отдельного исследования выделенные подгруппы молодёжи, относительно восприятия временной перспективы своей группы, так как необходимо понять, какие именно факторы способствовали формированию как *сбалансированной временной перспективы* (позитивное прошлое, настоящее, будущее), так и наоборот (негативное прошлое, настоящее, будущее, с разными вариантами).

Перспективы исследования

Представляется перспективным проведение кросс-культурного исследования на других этнических группах молодёжи, для сравнения и понимания как общих психологических особенностей восприятия

своей группа во временной перспективе, так и уникальных для каждой этнической группы.

Литература

1. *Кауненко И.* Культурные ценности молодежи молдаван: маркеры эпохи перемен // «Patrimoniul cultural: cercetare, valorificare, promovare». Materialele conferinței Ediția a XII-a, Chișinău, 28–29 mai 2020, p.264-270
2. *Нестик Т.А., Журавлёв А.Л.* Психология глобальных рисков. М., 2018.

Связь креативности и когнитивной гибкости с уровнем удовлетворенности жизнью в юношеском возрасте

Качанова П.А., Масленникова Е.С.
ФГБОУ ВО СНИГУ им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия
Lemenortem@gmail.com, me0010546@gmail.com

Исследование направлено на анализ таких интегральных качеств, как креативность и когнитивная гибкость личности, через выявление их связи с удовлетворенностью жизнью. Общей отличительной характеристикой креативности, как способности личности, признается направленность личности на поиск и осмысление принципиально новых идей, на создание творческого продукта. Проблеме диагностики и развития креативности посвящаются многие современные психологические и педагогические исследования. Важным компонентом креативности является когнитивная гибкость, интерес к которой в последнее время значительно возрос. Когнитивная гибкость рассматривается как ментальная способность, характеризующая умение индивида преобразовывать когнитивные установки в ответ на изменяющиеся условия его жизнедеятельности [2].

Другое понятие, которое стоит рассмотреть в рамках данной работы, это удовлетворенность жизнью. Удовлетворенность жизнью, понимаемая как осознанная оценка своей жизни в целом, является основным когнитивным компонентом личного благополучия [1].

В своем исследовании мы исходим из гипотезы, что и креативность, и когнитивная гибкость связаны с уровнем удовлетворенности жизнью человека, а также с конкретными составляющими его параметрами. Данная гипотеза построена на

предположении о том, что категории, обозначающие различные стороны субъективного благополучия связаны с уверенностью человека в своих творческих способностях и его самоотчетом о возможности существования альтернативных решений и стратегий поведения. Помимо этого, нами была выделена дополнительная статистическая гипотеза о существовании гендерных различий в показателях шкал исследуемых явлений.

Цель данного исследования: изучить связь между когнитивной гибкостью, креативностью и уровнем удовлетворенности жизнью. Объектом выступило явление креативности как свойство мышления. Предмет исследования: содержательное ядро в системе креативности – когнитивная гибкость.

Методической основой послужили: опросник когнитивной гибкости (CFI); шкала удовлетворенности жизнью (ШУДЖ), валидизированная Д.А. Леонтьевым и Е.Н. Осиним; шкала субъективного счастья (ШСС) Любомирски; Опросник «Удовлетворенность жизнью» (УДЖ), разработанный под руководством Мельниковой Н.Н. [3], и вторая часть батареи креативных тестов Ф. Вильямса «Оценка творческих способностей».

Эмпирический базис составили 67 студентов различных вузов г. Саратова, из них 51 девушка и 16 юношей.

Распределение выборки по большинству шкал не отличалось от нормального (критерий Шапиро-Уилка, $p > 0,05$), после чего были определены методы дальнейшей статистической обработки: для обнаружения связи между феноменами – корреляция Пирсона, для оценки значимости различий – t -критерий Стьюдента для независимых выборок.

Далее был произведен корреляционный анализ с целью подтверждения или опровержения основной гипотезы исследования. Статистически достоверная положительная корреляция была обнаружена между показателями шкалы «Контроль» и результатами по шкалам удовлетворенности жизнью и субъективного счастья ($r=0,782$ и $r=0,463$). А также между шкалой «Контроль» и следующими шкалами: «Жизненная включенность» ($r=0,626$), «Разочарование в жизни» ($r=-0,472$), «Усталость от жизни» ($r=-0,648$), и «Беспокойство о будущем» ($r=-0,503$). Полученные результаты можно интерпретировать следующим образом: люди, склонные к восприятию трудных жизненных ситуаций как контролируемых, зачастую характеризуются наличием ощущения насыщенности и полноты жизни и общим высоким уровнем жизненной активности. Также для них будет характерна значительно более высокая удовлетворенность деятельностью и реализацией своих планов,

отсутствие или слабая выраженность ощущения отсутствия результатов и перспектив.

В остальных случаях значимой связи между исследуемыми шкалами не было обнаружено. Основная гипотеза исследования подтвердилась частично.

Также была выполнена оценка значимости различий шкал в зависимости от половой принадлежности. Низкая статистическая значимость ($p > 0,05$) обнаруженных различий не позволяет сделать вывод о наличии гендерных различий в показателях шкал. Дополнительная гипотеза также была опровергнута.

Ограничением данной работы стала небольшая выборка. Дальнейшие исследования будут направлены на уточнение места когнитивной гибкости в структуре комплексного свойства креативности.

Литература

1. *Мельникова Н.Н.* Диагностика социально-психологической адаптации личности: Учебное пособие. Челябинск. 2004.
2. *Меренкова В.С., Солодкова О.Е.* Исследование феномена «удовлетворенность жизнью» // Комплексные исследования детства. 2020. Т. 2, № 1.
3. *Осаволок Е.Ю., Кургина С.С.* Когнитивная гибкость личности: теория, измерение, практика // Психология. Журнал НИУ ВШЭ. 2018. Т. 15. № 1.

Социальные представления российских студентов о китайцах применительно к разработке межкультурного тренинга

Кведер М.В., Александрова Е.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

mashkamashka@yandex.ru, aleksandrova.elenaandreevna@mail.ru

Ввиду важности развития межкультурной компетентности у студентов, а также укрепления диалога с Китаем, исследовано социальное представление русских студентов о китайцах.

Число иностранных студентов в России, в том числе граждан Китая, быстро растет. Это даёт возможность российским студентам развивать такое важное личностное качество, как межкультурная компетентность, а значит, и усложнение когнитивных моделей, повышение успеваемости и адаптивности, разнообразие стратегий

решения социальных задач [6]. Данные о социальных представлениях целевой аудитории помогут обозначить точки приложения усилий при разработке межкультурного тренинга, а также для измерения его результатов (при условии достаточного размера выборки). Измерение результатов тренингов представляется отдельной важной задачей.

Целью нашего исследования стало измерение социального представления студентов российских вузов о жителях Китая, диагностика готовности учащихся к межкультурному диалогу и обогащение базы данных для создания межкультурного тренинга.

Для измерения социального представления российских студентов о китайцах использована методика свободных ассоциаций Верджеса. Иерархизация элементов социального представления позволяет более точно прогнозировать, за счёт каких из них происходит трансформация социального представления (периферия), а какие будут сопротивляться изменениям (ядро). Опрос проводился в феврале-апреле 2020 года.

Размер выборки: 281 человек в возрасте 17-39 лет. Собрано 1405 ассоциаций. Согласно методике, в обработку вошли ассоциации, упоминаемые не менее чем у 10% респондентов.

Ядро образовано ассоциациями из категорий «еда» («вкусная еда», «странная еда», «ест всё»), «коронавирус» («карантин», «маски») и «узкие глаза» («косоглазые», «эпикантус») В ядро входят наиболее часто и раньше всех возникающие ассоциации. То, что в него вошёл элемент «коронавирус», показывает, насколько быстро формируется социальное представление о масштабном кризисном явлении [1; 5]. Ассоциация с едой может отражать восприятие самого поверхностного культурного различия (в отличие от русских, китайцы «едят всё»). Категории «еда» и «коронавирус» в ядре представления являют собой яркий контраст очень старой и очень свежей ассоциаций. «Узкоглазость» выделяет расовое различие между русскими и китайцами. Обратная сторона этой ассоциации — «все на одно лицо». То, что категория «культура» вошла в первую периферию, может указывать на то, что студенты не воспринимают китайцев в первую очередь как носителей древней культуры, хотя достаточно осведомлены о ней (у этой категории высокая частотность 133, но и высокий ранг 3,3).

Результаты исследования ставят задачу и дают материал для создания тренингов в форме игр-симуляций [4], упражнений на воспроизведение когнитивных и эмоциональных процессов, активизирующихся во время межкультурного общения, стимулирующих формирование новых понятий и реакций, осознание

этнокультурных особенностей и механизмов их стереотипизации, формирование установок и навыков толерантности [3; 4].

Литература

1. *Гриценко В.В., Ефременкова М.Н., Муращенкова Н.В.* Психология социальных представлений студентов об эмиграции и эмигранте // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Том 5. № 4(20). URL: <http://soc-econom-psychology.ru/cntnt/bloks/dop-menu/archive/n2020/t5-4.html> (дата обращения 20.03.2021).
2. *Рот Ю., Контельцева Г.* Межкультурная коммуникация: теория и тренинг : учеб.- метод. пособие для студентов, обучающихся по гуманитар. и соц.-экон. специальностям. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006.
3. *Хухлаева О.В., Хакимов Э.Р., Хухлаев О.Е.* Поликультурное образование: учебник для бакалавров. Москва: Юрайт, 2014.
4. *Hirshorn, Jessica.* Rocket: A Simulation on Intercultural Teamwork – Lessons from the International Space Station Program. Intercultural Press, 2009.
5. *Howarth, Caroline.* Connecting Social Representation, Identity and Ideology: Reflections on a London “riot” // Papers on Social Representations. 2014. Vol. 23. № 1. P. 4.1-4.30. URL: <http://psr.iscte-iul.pt/index.php/PSR/article/view/294>. (дата обращения: 20.03.2021).
6. *Zaldana, Celestial J.* «Multicultural Education: What is it and Does it Have Benefits?» Senior Theses 64. United States, California, Claremont, 2010. URL: https://scholarship.claremont.edu/cmc_theses/64 (дата обращения: 20.03.2021).

Взаимосвязь копинг-стратегий и перфекционизма у студентов высших учебных заведений

Кляхина П.Р., Кондратьев М.Д.
ФГБОУ ВО РАНХиГС, Москва, Россия
polina.klyakhina@gmail.com, mdkondr@gmail.com

В последнее время количество перфекционистов среди студентов возросло [2]. Н.Г. Гаранян определяет перфекционизм как стремление к идеалу, установление высоких требований к окружающим и к себе,

постоянное сравнение с другими и мышление по типу “всё или ничего”. Наиболее современными считаются когнитивные модели, использующие категориальный подход, в котором выделяются неперфекционисты, адаптивные и дезадаптивные перфекционисты. Такая точка зрения предполагает, что данная характеристика имеет позитивные стороны.

В нашем исследовании за основу взята классификация копингов Р. Лазаруса. Также в качестве способа совладания мы рассматриваем прокрастинацию, то есть откладывание дел на потом, выполнение менее значимых действий. Н.А. Гараян в своем исследовании отмечала связь прокрастинации и перфекционизма у студентов, а в модели Р. Слейни прокрастинация является структурным элементом перфекционизма [1; 3].

Стресс может вызывать перфекционистские стремления, но и перфекционизм, особенно дезадаптивный, ведет к фрустрации в связи с недостижимостью идеалов и повышает количество стрессоров.

Целью нашего исследования – изучение связи между перфекционизмом и совладающим поведением, в том числе прокрастинацией. Мы предположили существование значимой положительной взаимосвязи.

Выборка состояла из 492 студентов 1-2 курса вузов (382 девушек и 110 юношей). Студенты-психологи в исследовании не участвовали.

Был использован опросник Н.Г. Гараян и А.Б. Холмогоровой для определения уровня общего, социально предписываемого (концентрация на внешних оценках), Я-адресованного перфекционизма (личные стандарты) и перфекционистского когнитивного стиля (дихотомическое мышление по типу “всё или ничего”, фиксация на неудачах). Для измерения прокрастинации применялась шкала S. Lay в адаптации О.С. Вендикер. Для определения копингов использовалась методика WCQ в адаптации Т.Л. Крюковой. Опросники были представлены в гугл-форме. Затем была проведена статистическая обработка в SPSS.

Выборка показала нормальное распределение по общему перфекционизму. По критерию Стьюдента обнаружены значимые различия между мужчинами и женщинами. Три остальных вида перфекционизма показали отличное от нормального распределение. По критерию Манна-Уитни значимые различия между группами обнаружены в социально предписываемом перфекционизме и перфекционистском когнитивном стиле. Во всех случаях, где обнаружены значимые различия, уровень перфекционизма выше у девушек.

Далее был проведен корреляционный анализ. Были рассмотрены результаты с коэффициентом выше 0,370 при двусторонней значимости 0,000. В двух выборках когнитивный стиль, общий и социально предписываемый перфекционизм связаны с копингом «принятие ответственности». У мужчин и женщин перфекционистский когнитивный стиль коррелирует с прокрастинацией и бегством-избеганием. Я-адресованный перфекционизм связан с положительной переоценкой.

Анализ результатов привел нас к следующим выводам. Во-первых, существует связь между отдельными копингами и перфекционизмом. Обнаружена сильная значимая корреляция трех видов перфекционизма с копингом «принятие ответственности». Это можно объяснить склонностью перфекционистов связывать результат работы с личными усилиями. Я-ориентированные перфекционисты склонны прибегать к положительной переоценке. Причиной может быть стремление становиться лучше, то есть рассматривать удачу и неудачу как опыт, способный помочь в достижении идеала.

Во-вторых, когнитивный перфекционистский стиль связан с прокрастинацией. В отличие от других типов перфекционизма, направленных на результат работы и его оценку, данный тип связан с концентрацией на негативных моментах и предположением, что позже работа будет сделана идеально. Человек анализирует предыдущие проигрыши и откладывает актуальные задачи на потом, прокрастинирует. Также это подтверждается значимой положительной корреляцией с копингом «бегство-избегание».

Перспективой развития данной темы видится интеграция установленных фактов в систему психологического сопровождения студентов.

Литература

1. *Гараян Н.Г., Андрусенко Д.А., Хломов И.Д.* Перфекционизм как фактор студенческой дезадаптации // Психологическая наука и образование. – 2009. – Т. 14. – №. 1. – С. 72-81.
2. *Холмогорова А.Б., Гараян Н.Г., Цацулин Т.О.* Динамика показателей перфекционизма и симптомов эмоционального неблагополучия в российской студенческой популяции за последние десять лет: когортное исследование // Cultural-Historical Psychology. – 2019. – Т. 15. – №. 3.
3. *Ясная В.А., Ениколопов С.Н.* Современные модели перфекционизма // Психологические исследования: электронный научный журнал. – 2013. – Т. 6. – №. 29. – С. 1-1.

Феномен хикикомори как форма эскапизма

Кичман Д.Н., Нестерова А.А.

МГОУ, Москва, Россия

mankich@mail.ru

В современном мире все большее место занимает процесс интернет-социализации, а само интернет-пространство становится едва ли не основным местом коммуникации для отдельных групп людей. Находя возможности для реализации потребностей, недостижимых в реальном мире, подобные люди все сильнее дистанцируются от социума, разрывают контакты и почти перестают выходить из дома. Более 20 лет назад такой феномен впервые получил имя – хикикомори [4].

Хикикомори – это лица, не посещающие ни работу, ни школу, избегают социального взаимодействия и находятся в состоянии подобной социальной изоляции более полугода, а также название самого состояния [5]. По существу – хикикомори представляют собой специфичный комплекс поведенческих паттернов и личностных изменений, которые реализуются в самоизоляции и избегании социальных контактов.

Принимая самоизоляцию хикикомори как уход в собственный, альтернативный мир, мы можем сделать предположение о сопричастности феномена острой социальной самоизоляции и феномена эскапизма, который в последние десятилетия так же активно стал исследоваться во всем мире.

Эскапизм, согласно О.И. Теславской [3], «с одной стороны, проявляется в виде процесса погружения в воображаемый мир, с другой, не может рассматриваться без учета деятельностной составляющей, то есть специфики конкретной формы данного погружения». Таким образом, Теславская понимает эскапизм как *форма активности личности, которая возникает вследствие рассогласования реальных и желаемых ценностных структур разного уровня в целях его уменьшения и реализуется путем погружения в субъективно альтернативную реальность.*

Процессуальная сторона эскапистской активности характеризуется через расщепление действительности в сознании индивида на субъективно реальную и субъективно альтернативную, которую понимают как систему образов и взаимосвязей между этими образами. В субъективно альтернативной реальности осуществляется погружение, которое означает актуализацию иного личностного контекста [2]. Основаниями для выделения различных миров для

субъекта являются его образы Я. Таким образом, создание и погружение в альтернативную реальность всегда подразумевает трансформацию образа Я личности.

Как было показано выше, эскапизм сам по себе представляет активность субъекта, направленную на минимизацию ценностно-смысловых рассогласований, с созданием субъективно альтернативной реальности. Являясь, по словам Додонова [1], первое время компенсаторной функцией, субъект получает в свое распоряжение альтернативную реальность, регулируемую воображением, в которой ему доступны инструменты достижения цели, недоступной в «обыденной» реальности. Известно, что в случае успешного использования полученных инструментов, состояние эскапизма позволяет минимизировать рассогласования, что дает возможность выбраться из альтернативного мира. Так же известно, что в случае неуспешной реализации этого инструментария возможно обострение рассогласования.

Мы предполагаем, что при обострении рассогласования длительность пребывания в состоянии эскапизма увеличивается на неопределенное время. Компенсаторная функция ухода продолжает работать, и субъект становится заложником своего собственного мира, так как внутри него у субъекта есть инструменты взаимодействия и цель, к которой он стремится и которую он осознает. Его образ Я трансформируется, увеличивая рассогласование, что, таким образом, не позволяет ему вернуться в «реальный» мир, где его ждет болезненное разочарование.

Сталкиваясь с трудностями в жизни, имея большой разрыв между представлениями об образах Я – идеального и Я – реального, в какой-то определенный момент субъект создает субъективную альтернативную реальность, которая остро ограничена в пространстве и представляет собой, фактически, собственную комнату. Запираясь в комнате и исключая любые социальные контакты, у субъекта снижается эмоциональное напряжение, так как в альтернативном мире деятельность субъекта направлена на реализацию его целей доступными в этом мире инструментами.

Эта активность изменяет образ Я субъекта, еще сильнее увеличивая ценностно-смысловое рассогласование. Минимизации не происходит, состояние изоляции в собственной комнате-реальности затягивается, что еще сильнее трансформирует образ Я. Таким образом субъект попадает в замкнутый круг, где, единожды попав в свой собственный мир, из него уже крайне трудно выбраться самостоятельно.

Исходя из рассуждения выше, мы можем дать определение хикикомори как *реактивная затяжная форма эскапистской активности, характеризующаяся остро ограниченной субъективно альтернативной реальностью*. В рамках выдвинутых нами предположений и определения феномена, мы можем описать генез и динамику хикикомори, а также у описанной модели имеется заметный прогностический потенциал.

Выведенное нами определение не противоречит с имеющимися ныне дефинициями зарубежных коллег, оно лишь уточняет психологическую суть феномена, определяя его место в рамках психических явлений.

Литература

1. *Додонов Б.И.* Эмоция как ценность. М.: Политиздат, 1978.
2. *Королева Н.Н.* Психосемиотика субъективных реальностей личности: Автореферат дисс. д-ра психол. наук. СПб., 2006.
3. *Теславская О.И.* Эскапизм как предмет исследования в современной научной психологии. / Психологический журнал. 2017. №6 (36).
4. *Saitō Tamaki.* Hikikomori: Adolescence Without End. Trans. Jeffrey Angles. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2013
5. *Uchida Yand Norasakkunkit V.* (2015) The NEET and Hikikomori spectrum: Assessing the risks and consequences of becoming culturally marginalized. Front. Psychol. 6:1117.

Взаимосвязь синдрома эмоционального выгорания и стратегий преодоления стресса у сотрудников бюджетных организаций

Клочкова Т.В., Расходчикова М.Н.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
korolekkk2611@list.ru, raskhodchikovamn@mail.ru

Настоящее время характеризуется тотальными информационными, социальными и научно-техническими преобразованиями. Всемирная глобализация привела к ускорению темпа жизни современного человека. Действительность диктует необходимость в быстром реагировании на изменения, происходящие в мире, способствующие приспособлению, а также нивелированию негативных процессов, поэтому в данный момент вопрос изучения стресса остается актуальным.

Современный человек постоянно сталкивается со стрессом, затрагивается и профессиональная сторона жизни человека. Стресс является причиной так называемого профессионального выгорания, характеризующегося изменениями в эмоциональной сфере, полученными при длительном нахождении в напряженном состоянии, связанным с выполнением профессиональных обязанностей. Поэтому профессиональное выгорание называют эмоциональным. Проблемы безработицы, высокой конкурентности на рынке труда, инфляции и финансовой нестабильности заставляет людей оставаться на своих рабочих местах даже в условиях эмоционального выгорания. Чтобы выполнять трудовые обязанности необходимо в таких условиях выработать стратегии преодоления стресса. Становится понятным, что вопросы эмоционального выгорания и стратегий преодоления стресса остаются актуальными для современного общества.

Данная работа посвящена изучению синдрома эмоционального выгорания и стратегий преодоления стресса у сотрудников бюджетных организаций. Мы предположили, что существует связь между синдромом эмоционального выгорания и стрессоустойчивостью у работников бюджетной сферы. Бюджетные организации находятся в более невыгодном положении по сравнению с коммерческими с точки зрения вопроса эмоционального выгорания. В коммерческих организациях вопрос эмоционального выгорания решается креативнее в силу большей заинтересованности в эффективном функционировании работников, поэтому формирование стратегий преодоления стресса или способов совладающего поведения (копинг-стратегий) предпочтительнее изучать на примере бюджетных организаций.

Вопросами эмоционального выгорания и совладающего поведения занимались многие исследователи: В.В. Бойко, В.Е. Орел, Н. Е. Водопьянова, Е. С. Старченкова, В.В. Лукьянов, А.Б. Леонова, А.А. Обознов, А.С. Чернышева, Ф.К. Гемешлиев, А.В. Либина и И.Г. МалкинаПых, Е.Н. Ашанина, В.Ю. Рыбников В.А., Шамис, Р. Лазарус и др. [1; 3; 4].

Эмоциональное выгорание взаимосвязано со стратегиями преодоления стресса, однако такая взаимосвязь устанавливалась в работах, рассматривающих два исследуемых феномена в условиях профессиональной деятельности, в которой стрессовые факторы являются частью профессиональной задачи, выполняемой работником. В нашей же работе взаимосвязь исследовалась на примере работников, напрямую никак не связанных с такими факторами. Важным было определение особенностей синдрома эмоционального выгорания у данных работников, стратегий

преодоления стресса, характерных для них. Р. Лазарус говорил, что не существует более или менее эффективных стратегий совладающего поведения [2], и по итогам нашего исследования можно говорить, что определенный уровень эмоционального выгорания взаимосвязан с определенной стратегией преодоления стресса.

Данная работа позволяет спрогнозировать процессы выгорания и создавать профилактические мероприятия, позволяющие обучить персонал бюджетного учреждения оптимальным стратегиям преодоления стресса, возникающего в процессе выполнения профессиональных задач.

Литература

1. *Гарбер А.Н.* Совладающее поведение: аналитический обзор зарубежных исследований / А.Н. Гарбер // Актуальные вопросы современной психологии: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, февраль 2015 г.). Челябинск: Два комсомольца, 2015. С. 17-19.
2. *Лазарус Р.* Теория стресса и психофизиологические исследования Эмоциональный стресс: физиологические и психологические реакции. М., 2006. 167 с.
3. *Осадчая Е.А.* Особенности копинг-стратегий педагогов / Е. А. Осадчая. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2018. № 30 (216). С. 154-157. URL: <https://moluch.ru/archive/216/52189/> (дата обращения: 07.03.2021).
4. *Перре М., Лайрейтер А.Р., Бауман У.* Стресс и копинг как факторы влияния. Клиническая психология. СПб.: Питер, 2007. 312 с.

Отношения детей-сирот со взрослыми и сверстниками как фактор их психологического самочувствия

Ковалев П.А.

*ГОУ ВО МО МГОУ, Москва, Россия
Pavelkovalev0611@gmail.com*

Несмотря на сформированный социальный запрос на формирование зрелой личности выпускника государственного учреждения для детей-сирот, до сих пор недостаточно изученными

остаются факторы, определяющие эффективность социализации этих детей в разных условиях. В целом ряде работ анализируются вопросы социализации детей-сирот в условиях детского дома, приемной семьи, центра содействия семейному воспитанию [1; 3; 4]. При этом до сих пор уделяется недостаточное внимание проблеме социализации сирот в детских оздоровительных лагерях (далее – ДОЛ), куда они регулярно отправляются на отдых. Именно в этих условиях дети получают возможность оказаться в новой среде семейных сверстников. Отметим, что в существующих исследованиях также уделено недостаточное внимание психологическому самочувствию детей-сирот как внутреннему фактору, преломляющему воздействие внешних условий ДОЛ [2].

На первом этапе исследования нами было обнаружено, что психологическое самочувствие сирот в смешанных отрядах (с семейными сверстниками) значительно более негативно, чем в обособленных (только дети из ЦССВ). В связи с этим одной из задач исследования стало определение влияния системы отношений детей-сирот со взрослыми и семейными сверстниками в ДОЛ на их психологическое самочувствие в ДОЛ. В исследовании приняли участие 106 воспитанников ЦССВ, находящихся на отдыхе в смешанных отрядах ДОЛ.

Для определения показателей психологического самочувствия использованы опросник «Самочувствие. Активность. Настроение» (В.А. Доскин, Н.А. Лаврентьев, М.П. Мирошников, В.Б. Шарай), шкала тревоги (Ч.Д. Спилбергер, адаптация Ю.Л. Ханина), для определения характеристик отношений со взрослыми и сверстниками применена проективная проба «Мои отношения в лагере», разработанная на основе метода семейной социогаммы (Э.Г. Эйдемиллер).

Изучение взаимоотношений сирот с вожатыми показало, что подростки воспринимают их как значимых авторитетных взрослых, стремятся к сокращению дистанции с ними, описывают отношения чаще как положительные или амбивалентные. Семейных сверстников сироты воспринимают чаще как малозначимых, ориентированы на полное дистанцирование с ними или поддержание отношений на средней дистанции. Отношение к семейным сверстникам чаще описывается как негативное или амбивалентное. Тем не менее, у части детей-сирот обнаружено стремление к установлению близких отношений с семейными сверстниками и восприятие их как авторитетных.

Было проведено соотнесение показателей психологического самочувствия сирот (самочувствие, активность, настроение,

ситуативная тревожность) и характеристик их отношений с водителями и сверстниками (принятие-отвержение, доминирование-подчинение, дистанция, модальность отношений).

Обнаружено, что высокая степень привязанности к водителям при восприятии их как значимых субъектов приводит к повышению уровня тревоги подростков-сирот, что сильнее всего проявляется в ситуациях, предполагающих конкуренцию с семейными сверстниками (конкурсы, игры и пр.). В этих условиях подростки-сироты обеспокоены тем, какое впечатление они произведут на значимого взрослого (водителя), смогут ли проявить себя наравне со сверстниками и семей.

Отрицательное психологическое самочувствие подростков-сирот обусловлено их отношениями со сверстниками из семей только в том случае, если сироты испытывают к ним чувство привязанности и воспринимают их как авторитетных. Можно предполагать, что обнаруженные факты связаны с тем, что многие подростки-сироты склонны к быстрому возникновению поверхностных недифференцированных привязанностей, в том числе, к новым сверстникам. Семейные сверстники же, в свою очередь, более разборчивы в возникновении подобных привязанностей, и могут не проявлять принятия по отношению к сиротам и не признавать их как значимых для себя.

Таким образом, негативное психологическое самочувствие сирот, проявляющееся в повышении тревоги и снижении показателей активности и настроения, в условиях смешанных отрядов ДОЛ формируется на фоне чрезвычайно сильных привязанностей к водителям и сверстникам и их высокой значимости и усугубляется создаваемыми в период пребывания в ДОЛ конкурентными ситуациями.

Литература

1. *Ослон В.Н., Семья Г.В., Прокопьева Л.М., Колесникова У.В.* Операциональная модель и инструментарий для изучения субъективного благополучия детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Психологическая наука и образование. 2020. Том 25. № 6.
2. *Холондович Е.Н.* Психологическое самочувствие человека как психологическая проблема // Социальная и экономическая психология. 2018. Том 3. № 4 (12).

3. *Шевякова Н.А.* Социализация детей старшего возраста в условиях центра содействия семейному воспитанию // Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4. № 4.
4. *Шульга Т.И.* Особенности социализации воспитанников интернатных учреждений // Социальная психология и общество. 2011. № 1.

Реклама в социальных сетях как один из способов воздействия на массовое сознание

Ковыльникова Е.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

kovylnikovaea@mgppu.ru

Реклама все чаще внедряется в жизнь человека и общества в целом, управляя ими на осознаваемом и бессознательном уровнях, воздействуя на психику человека, внедряя новые ценности и идеи в сознание населения, способствует формированию определенной модели жизни [3]. В связи с этим, остро встает вопрос информационной безопасности, который имеет комплексный характер и затрагивает все сферы нашей реальности. Использование новейших технологий, высокоэффективных средств и методов воздействия на сознание и подсознание позволяет искусственно формировать как политические симпатии, так и антипатии, создавать общественное мнение и манипулировать людьми.

Социальные сети чрезвычайно популярны, общение в них стремительно развивается. В наши дни они постепенно приобретают роль основного средства массовой информации, когда новости, звучащие по радио, с экранов телевизоров и тем более из газет, интересуют людей все меньше и меньше, а интернет становится основным путем для манипуляции человеческим сознанием. А реклама по телевидению или радио не только не интересует зрителя, а еще и очень часто просто его раздражает.

Способы рекламы в социальных сетях отличаются от тех, которые используются традиционно в прессе, по радио, или на телевидении. Последние обычно являются пассивными носителями рекламы, а социальные сети требуют активного участия человека.

Большинством психологических воздействий в рекламной деятельности являются те или иные формы манипулирования. Цель манипуляции – поменять направление активности у другого человека (внедрения в сознание каких-либо целей, намерений, желаний или установок) и при этом сделать весь процесс незамеченным для него. Тут большую роль играет взаимодействие манипулятора и человека,

использующееся для внушения в сознание каких-либо намерений, целей или желаний, не совпадающими с его, на тот момент имеющимися, установками [2]. Это можно легко использовать внутри целевой аудитории какой-то группы в социальной сети просто найдя тему, которая важна и интересна для большого количества ее участников. Таким образом, при рекламе будет реализован принцип целенаправленности.

Количество пользователей интернета в целом и социальных сетей в частности во всем мире растет год от года. По данным многих авторов, большую часть посетителей глобальной сети составляют молодые люди [1]. Аудитория социальных сетей настолько велика, что было бы странно не использовать ее в рекламных целях. Потому различные компании активно используют этот ресурс для продвижения своего продукта или идей. Реклама в социальных сетях оперативно решает проблемы узнаваемости, привлечения аудитории, получения обратной связи и многие другие. Главным, на наш взгляд, является возможность выстраивания непрерывной коммуникации с целевой аудиторией, позволяющей оказывать на нее влияние в нужном направлении. Зная цель какой-то группы в социальной сети, вы можете эффективно использовать это в своем плане продвижения чего угодно: товара, услуги, идеи.

Литература

1. *Есина Г.К.* Социальные представления старшеклассников о высшем образовании // Высшее образование сегодня. М. 2019. № 9. С. 50-54.
2. *Крушельницкая О.Б., Маринова Т.Ю.* О научном наследии М.Ю. Кондратьева // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 1. С. 9–22.
3. *Маринова Т.Ю.* О восприятии телевизионной рекламы детьми и их родителями // Социальная психология и общество. 2013. Т. 4. № 1. С. 155–162.

К проблеме буллинга у младших подростков

Кожухарь Г.С., Гладиллина О.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
gsk04@mail.ru, luna.181@mail.ru

Травля детей сверстниками (буллинг) является сегодня одной из наиболее актуальных проблем современной российской школы. По

данным Е. Л. Болотовой, «ежедневно подвергаются психологическому насилию от 2,5% до 16,2% людей» [1, с. 57]. При этом примерно пятая часть всех случаев буллинга происходит в системе образования, о чем свидетельствуют результаты многочисленных исследований. Так, например, Г.Р. Ярулиной и Н.Н. Савиной установлено, что «проявления насилия в образовательной среде составляют 78,8% со стороны сверстников и 20,7% со стороны учителей» [4]. В этой связи очевидно, что проблема буллинга требует глубокого как теоретического, так и эмпирического изучения.

Участников буллинга подразделяют на жертв, преследователей (или буллей) и свидетелей.

Изучение Л.И. Тепловой индивидуально-типологических особенностей жертв буллинга показало, что они отличаются большей интровертированностью, сензитивностью, тревожностью [3]. Жертвы обладают внешним локусом контроля, оценивают себя как не способных и не готовых проявлять активность в жизни, они закрыты в общении, нередко испытывают чувство одиночества и безразличия, беспомощности, отчаяния, стыда [8]. Им свойственны низкий уровень самоуважения, заниженная самооценка [5; 6].

Свидетели буллинга подразделяются на три основные группы в зависимости от роли, которую они берут на себя в ситуации травли, а именно: 1) наблюдатели, которые предпочитают не ввязываться в ситуацию, оправдывая себя и свое поведение различными причинами; 2) защитники жертв, проявляющие сострадание к жертвам буллинга и предпринимающие какие-либо действия в их защиту в стремлении облегчить их участь; 3) помощники буллей, которые любыми способами поддерживают и одобряют действия буллей [1].

Защитники жертв травли характеризуются адекватно высокой самооценкой, высоким уровнем развития эмпатических способностей, а также умением четко и оперативно решать возникающие проблемы [8]. При этом чаще всего это хорошо успевающие школьники, которые не конфликтуют с учителями и поддерживают с ними хорошие отношения, так же как со сверстниками.

Очень часто в роли защитников выступают те подростки, которые в прошлом оказывались в роли жертвы, особенно часто это происходит, если инициатором травли в данной ситуации является тот же подросток [7].

При этом участие в школьной травле негативно отражается на всех ее участниках. Жертвам буллинга наносится психологическая травма, которая будет определять уровень его самооценки и детерминировать социальную адаптацию. Инициаторы травли и их помощники получают искаженное представление о способах эффективного

решения возникающих проблем в общении и о нормах и правилах социального взаимодействия, в целом. Наблюдатели также получают психологическую травму, справедливо полагая, что они в любой момент могут стать жертвой насилия. Они постепенно разочаровываются в одноклассниках, ощущая свое бессилие и понимая, что атмосфера, где возможна травля одного человека другим, ненормальна.

В ходе предпринятого эмпирического исследования, в котором приняли участие 35 испытуемых – подростков в возрасте 12-13 лет, из них 16 девочек и 19 мальчиков, были использованы две методики: Опросник риска буллинга с обобщенным названием «Опросник атмосферы в школе» (А.А. Бочавер, В.Б. Кузнецова и др.) и «Буллинг-структура» (Е.Г. Норкина).

Анализ полученных результатов показал, что большинство младших подростков оценивают сложившуюся атмосферу в школе как благополучную, а в ситуациях буллинга выступают в роли защитника. При этом достаточно большой процент школьников (19%) занимают позицию жертвы. Инициаторы и помощники составляют около трети всех испытуемых, а в роли наблюдателей выступает наименьшее число подростков – 14%.

В ходе корреляционного анализа установлено, что чем не безопаснее атмосфера в школе, чем выше подростки оценивают риск различных дезадаптивных способов совладания с тревогой, что приводит к негативному взаимодействию среди одноклассников, негативизму, раздражительности, разобщенности и подозрительности в общении, тем чаще в ситуациях травли они принимают на себя роль обидчиков, обладая высоким потенциалом общей агрессивности. Кроме того, чем позитивнее психологическая атмосфера в школе и в классном коллективе, она характеризуется высоким качеством отношений и соблюдением норм и правил эффективного общения друг с другом, тем реже подростки в ситуации травли оказываются в роли жертвы.

Таким образом, гипотеза о том, что существует взаимосвязь между атмосферой в школе как фактором, связанным с буллингом, и особенностями распределения структуры ролей, принимаемых учащимися, вовлеченными в буллинг, нашла свое подтверждение.

Литература

1. *Болотова Е.Л.* Правовые механизмы противодействия насилию в образовании // Народное образование. 2012. № 1. С. 56-61.

2. *Волкова И.В.* Характеристики субъектности и психологического благополучия у подростков-защитников в ситуации буллинга в школе // Психология человека в образовании. 2019. Т. 1. № 2. С. 110-116.
3. *Теплова Л.И.* Психологические характеристики подростков, подвергающихся буллингу в школе // Известия Балтийской государственной Академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. 2020. № 4 (54). С. 196-203.
4. *Ярулина Г.Р., Савина Н.Н.* Способы противодействия психологическому насилию над подростками в школе. Научная дискуссия современной молодежи: педагогика и психология // Сборник материалов научно-практ. конф. Пенза, 2016. С. 43-46.
5. *Dukes R., Stein J., Zane J.* Effect of relational bullying on attitudes, behavior and injury among adolescent bullies, victims and bully-victims // *Social Science Journal*. 2009. Vol. 46. № 4. P. 671-688.
6. *Egan S. K., Perry D. G.* Does low self-regard invite victimization? // *Developmental Psychology*. 1998. Vol. 34 (2). P. 299-309.
7. *Huitsing G., Snijders T., Van Duijn M., Veenstra R.* Victims, bullies, and their defenders: A longitudinal study of the coevolution of positive and negative networks // *Development and Psychopathology*. 2014. Vol. 26 (3). P. 645-659.
8. *Olweus D.* Victimization by peers: Antecedents and long-term outcomes // *Social withdrawal, inhibition, and shyness in childhood* / К. Н. Rubin, J. Н. В. Asendorf (eds). Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1993. P. 315-341.
9. *Yang S.A., Kim D.H.* Factors associated with bystander behaviors of Korean youth in school bullying situations: A cross-sectional study // *Medicine*, 2017. Vol. 96 (32). [Код доступа] URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5556233/> (дата посещения: 15.03.2020).

Особенности структуры ценностей студентов из России и Китая

Колтунов Е.И.

ФГАОУ ВО «ЮУрГУ (НИУ)», Челябинск, Россия

koltunovei@susu.ru

Структура ценностей и их иерархия являются одним из важных аспектов, поддерживающих функционирование любого общества. В отличие от норм, они не сдерживают личность, но побуждают ее к

деятельности [3]. В условиях современного мира эти ценности подвергаются воздействию множества факторов, которые в результате могут вести к их трансформации. К одному из таких факторов относится феномен поликультурности современного мира – в условиях большей мобильности общества и более частого пересечения представителей различных культур все более актуальным становится необходимость понимания специфики культурных особенностей разных народов с целью лучшего прогнозирования взаимодействия их представителей как на индивидуальном, так и на общественном уровне.

В данном контексте для отечественной психологии особую значимость представляет сравнительное рассмотрение структуры ценностей России и Китая, являющегося нашим соседом и важным экономическим партнером. Данное сотрудничество естественным образом ведет к установлению новых общественных взаимоотношений между представителями обеих культур, и влияние ценностно-смысловой структуры на данные взаимоотношения требует тщательного рассмотрения.

В целях исследования данного вопроса в текущей работе был проведен факторный анализ структуры ценностей студентов из России и Китая. Выборку составили 129 студентов из России и 53 студента из Китая, приехавших на обучения в Россию. Для анализа структуры ценностей использовались мультисубъектная методика рефлексивного выбора В.А. Петровского и методика С. Шварца для изучения ценностей личности [1; 2].

В результате сравнительного анализа структуры ценностей студентов из России и Китая было установлено наличие ряда значимых характерных особенностей, уникальных для каждой из исследуемых групп. Конфликтующие структуры в системе ценностей представлены биполярными факторами, в которых значимость реализации одних ценностей противопоставляется другим. У студентов из России ценность реализации образования и саморазвития противопоставлено значимости реализации ценностей любви, финансового успеха и дружбой. У студентов из Китая на противоположных биполярных полюсах оказываются значимость реализации ценностей любовь, познания и творчества с одной стороны, и реализации ценности карьеры и власти – с другой. Так же у студентов из Китая отмечает противопоставление реализации ценностей финансового успеха и саморазвития, образования.

Основную нагрузку факторной структуры ценностей китайских и российских студентов представляют два фактора, включающие нормативные ценности и индивидуальные приоритеты личности,

специфические для каждой группы. У студентов из России их поведение в реальных социальных ситуациях в отношении большинства ценностей коррелирует с их принятыми нормативными приоритетами. В то время как у студентов из Китая нормативные ценности и реализация индивидуальных приоритетов в конкретных ситуациях выступают как две обособленные, мало связанные друг с другом структуры.

Таким образом, если российский студент, назвав какую-то ценность важной, более склонен в реальной ситуации поступить соответствующим ей образом, студент из Китая может называть одну иерархию ценностей как свою идеальную, в то время как реализовывать иную. Студенты из Китая принимают требуемые от них идеалы как номинативные нормы, но не всегда следуют им. Это может быть связано с тем, что в Китае огромное значение играет уважение к порядку, традициям и подчинение авторитету, даже в том случае если ты лично с ним не согласен. Полученные данные представляют большой интерес для дальнейшего изучения специфики социального взаимодействия представителей российской и китайской культур.

Литература

1. *Карандашев В.Н.* Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004. 70 с.
2. *Петровский В.А.* Мульти субъектная персонология // Сборник трудов конференции Института экзистенциальной психологии и жизнотворчества. М., 2004.
3. *Петровский В.А.* Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010. 559 с.

Роль информационных технологий в формировании позитивных копинг-стратегий лиц с ОВЗ

Комолов О.Е.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

komolov1993@yandex.ru

В ряде исследований показаны различные стратегии преодоления трудных ситуаций, так называемые копинг-стратегии. Под копингом понимаются любые действия, совершаемые человеком для

противодействия стрессу. Впервые этот термин был использован в психологической литературе в 1962 году. В 1966 году Р. Лазарус использовал его для описания осознанных стратегий совладания со стрессом и с тревогой [3].

Отдельную группу людей, использующих копинг-стратегии, составляют люди с ОВЗ. Особенность этой группы людей состоит в том, что стандартные задачи развития человек с ОВЗ решает в более сложных условиях, по сравнению с человеком с нормотипическим уровнем здоровья, зачастую в условиях дефицита ресурсов.

Как и у всех людей, копинг-стратегии лиц с ОВЗ бывают позитивные и негативные. К первым могут быть отнесены различные виды профессиональной, творческой и учебной деятельности, социальное взаимодействие, культурные и когнитивные практики. Ко вторым могут быть отнесены неприятие своего заболевания, общая пассивная позиция человека, отсутствие мотивации, избегание ответственности, вредные привычки. Согласно исследованию В.Н. Поникарповой и Ю.Ю. Алексиной, продуктивные копинг-стратегии составляют 25,2% от общего числа копинг-стратегий у лиц с ОВЗ, относительно продуктивные – 30,5%, непродуктивные – 44,3% [2].

Отдельная категория копинг-стратегий людей с ОВЗ связана с темой использования информационных технологий и сети Интернет в их социализации, с одной стороны, и для решения задач преодоления стресса, с другой. М. Александрова и А. Живайкина пишут, что интернет в жизни людей с ОВЗ может выполнять следующие функции:

- площадка для общения;
- образовательный ресурс;
- источник информации;
- площадка для трудовой деятельности [1].

Тема использования информационных технологий людьми с ОВЗ и роль этих технологий в их социальной адаптации уже много лет поднимается в зарубежной науке. Еще в 2009 году Дж. Симпсон (США) провела исследование роли инклюзивных информационных и коммуникационных технологий в жизни людей с ОВЗ [5]. Отсутствие доступа людей с ОВЗ к технологиям определяется автором как «цифровой разрыв». Как правило, «цифровая пропасть» для людей с ограниченными возможностями проявляется в нескольких формах, таких как:

- различия в физических возможностях;
- возрастные изменения;
- последствия травм и болезней;
- особенности мелкой моторики;

– материальный доход.

Дж. Симпсон приводит данные о том, что в настоящее время Интернетом пользуются менее 30% лиц с ограниченными возможностями в возрасте старше 15 лет, по сравнению с 60% лиц без инвалидности. Вероятнее всего, показатели в других странах мира могут быть еще ниже. В целом автор приходит к выводу, что для инфраструктуры современных информационных технологий важно учитывать интересы и возможности людей с ОВЗ. Эти нюансы должны учитываться уже на самом раннем этапе разработки электронных ресурсов. В противном случае, без дополнительной модернизации, люди с ограниченными возможностями так и останутся вне цифрового прогресса.

Группа исследователей из Бангладеш в 2013 году провела исследование роли информационно-коммуникационных технологий в жизни людей с ОВЗ в своей стране. Авторы отмечают, что удовлетворение потребности в цифровой интеграции и уменьшение цифрового разрыва между людьми с ограниченными возможностями и людьми с нормотипическим уровнем здоровья в развивающихся странах реализуются с помощью различных вмешательств в области ИКТ. Но далеко не все из этих вмешательств оказываются успешными. В частности, по мнению авторов, наибольшие трудности могут быть связаны с языковым барьером [5].

Исследования показывают, что в случае отсутствия позитивных копинг-стратегий их место начинают занимать негативные, причем в разных странах их набор несколько различается. Что же касается развития позитивных копинг-стратегий, то, судя по всему, наиболее распространенными их вариантами могут являться дистанционные способы обучения компьютерным технологиям и разного рода формы консультирования по этим вопросам.

В пробных экспериментах, проведенных нами в 2021 году, гипотеза о роли информационных технологий в формировании позитивных копинг-стратегий у лиц с ОВЗ частично подтвердилась. В дальнейшем мы предполагаем верифицировать эту гипотезу в развернутом экспериментальном исследовании.

Литература

1. *Александрова М., Живайкина А.А.* Роль Интернета в социализации людей с ограниченными возможностями здоровья. // Бюллетень медицинских Интернет-конференций 7 (1), с. 48-49.
2. *Поникарова В.Н.* Содержание и основные направления

- формирования продуктивного копингповедения у лиц с ограниченными возможностями. // Международный студенческий научный вестник. 2015. № 5. С. 412–414.
3. *Frydenberg E.* Beyond Coping. Meeting goals, visions and challenges. Oxford University Press, 2002. P. 272.
  4. *Simpson J.* Inclusive Information and Communication Technologies for People with Disabilities. // Disability Studies Quarterly Winter 2009, Volume 29, No.1.
  5. *Zahid A.J., Ashraf M., Malik B.T., Hoque R.* Information Communication Technology (ICT) for Disabled Persons in Bangladesh: Preliminary Study of Impact / Outcome. // Y.K. Dwivedi et al. (Eds.): TDIT 2013, IFIP AICT 402, 2013, pp 652-657.

Различия этнической идентичности у подростков с когнитивными нарушениями в сравнении с их нормотипичными сверстниками

Кондратьюк П.В., Лейбман И.Я.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

kondratyuk_pv@sch73.ru, irina.leybman@gmail.com

В последнее время в России всё больше внимания уделяется исследованиям формирования этнической идентичности, а также создаются и реализуются национальные проекты по формированию положительной этнической идентичности у детей и подростков. Однако в подобных исследованиях чаще всего принимают участие нормотипичные дети и подростки, мало внимания оказывается детям с особыми возможностями здоровья, например, с когнитивными нарушениями.

В связи с этим возникает потребность более подробно изучить данную тему, проанализировать особенности этнической идентичности у детей с когнитивными нарушениями в сравнении с нормотипичными сверстниками.

Целью проведённого исследования является выявить отличительные особенности в формировании этнической идентичности у подростков с когнитивными нарушениями (в том числе с задержкой психического развития).

Исследование проводилось в ноябре-декабре 2021 года, т.к. с 05 октября 2020 года по 18 января 2021 года все обучающиеся г. Москвы находились на дистанционном обучении, принято было решение провести онлайн-опрос среди школьников 14-16 лет (7-9 класс специальной (коррекционной) школы и 8-9 класс обычной школы). В

опросе приняли участие 44 обучающихся из коррекционной школы и 40 обучающихся из обычной школы. Онлайн-опрос был сформирован из сокращённой версии теста «Кто я?» М. Куна, Т. Макпартленда (использовалось только 10 вопросов, вместо 20, т.к. учитывались особенности концентрации внимания у подростков с ментальными нарушениями), составлен по методике Дж.Финни, измеряющей выраженность этнической идентичности и модификации теста И. А. Снежковой.

В ходе исследования было выявлено, что среди обучающихся с когнитивными нарушениями в тесте «Кто я?», на первых позициях обучающиеся чаще всего указывали свои социальные роли (дочь/ сын, ученик/ученица, отличник/троечник, царь, тик-токер и др.), реже указывали свои инициалы, но не указывали свою национальность. В отличие от них, большинство нормотипичных сверстников на первые позиции ставили свою этническую идентичность, порой указывали мифических существ (троль, эльф). Можно предположить, что указывание мифических существ как для подростков без ментальных нарушений, так и для детей с нарушениями, скорее будет являться некоторым подростковым протестом, респонденты таким образом хотели выделиться из общего числа респондентов привлечь к себе внимание. Подобные выводы можно опираясь на последующие ответы респондентов, где они указывали национальность родителей, и в данном случае «эльфы», «тролли» и «цари» более не появлялись. Различие в ответах подростков с особенностями развития и их сверстниками, могут указывать на то, что для школьников с когнитивными нарушениями этническая идентичность в структуре социальной идентичности оказалась не актуализированной. Иными словами, она не является для них столь важной и значимой, по сравнению со школьниками без когнитивных нарушений.

Больше сходств в ответах респондентов обеих групп было выявлено по результатам опросника Дж.Финни, измеряющего выраженность этнической идентичности. Согласно полученным данным, в большинстве случаев подростки с когнитивными нарушениями и без них могут определить свою этническую идентичность, обладают некоторыми знаниями о своём этносе (знают традиции, обычаи, к какой культуре относятся их родители). Однако у одной трети респондентов с когнитивными нарушениями отмечается, что ученики путают понятия «национальность» и «название жителя города/государства», поэтому, как следствие, отвечая на вопросы, касающиеся определения национальности подростки отвечали: «москвич», «московский житель», «россиянин». Подобные ответы встречались и когда вопрос относился к родителям респондента

(«Национальность матери/отца»). На наш взгляд, это демонстрирует дефицит знаний у респондентов об этнической идентичности, о разности понятий «этнос», «нация», «гражданин государства» и т.д.

Анализируя полученные данные по опросу И.А. Снежковой, мы можем констатировать, что обучающиеся с когнитивными нарушениями и без них в большинстве обладают позитивной этнической идентичностью. Респонденты обеих групп проявляют интерес к своей культуре и культурам других народов (хотя знания о других культурах несколько сужено. Например, отвечая на вопрос «Перечисли, люди каких национальностей живут в твоём городе?», респонденты обеих групп в среднем называли 3-4 национальности), их устраивает принадлежность к своей этнической группе и не рассматривают смену своей национальности.

Таким образом, можно предположить, что обучающиеся с когнитивными нарушениями в отличие от своих сверстников меньше интересуются своей этнической идентичностью и меньшее значение придают этому. Вероятно, это связано с дефицитом знаний в данной области, т.к. у подростков формируется неполное представление о своей национальной принадлежности или несколько искажённое. Либо это может быть обусловлено тем, что для подростков с ментальными нарушениями менее важна и значима их этническая идентичность, по сравнению с их нормотипичными сверстниками, как следствие первые могут не до конца осознавать значимость данного явления из-за имеющихся ментальных нарушений.

Литература

1. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология, М., 1999.
2. *Татарко А.Н., Лебедева Н.М.* Методы этнической и кросс-культурной психологии. М., 2011.

Взаимосвязь эмоционального интеллекта и тревожности у старшекласников и учащихся колледжа

Кононыхина В.Б., Сачкова М.Е.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
ФГБОУ ВО РАНХиГС, Москва, Россия
vkononykhina09@gmail.com, sachkova@list.ru

В современном мире избыток информации и увеличение темпа жизни приводят к повышенной тревожности людей. С другой стороны, выявление взаимосвязи эмоций и когнитивных способностей

человека на сегодняшний момент становится все более актуальной целью для научных исследований. На этапе ранней юности личность подвергается физическим, социальным и психологическим изменениям. Несомненно, умение контролировать и понимать свои и чужие эмоции в этот период становится очень важным. Известно, что тревожность выражается через эмоциональные переживания. Следовательно, через понимание эмоций человек может научиться контролировать и уровень тревожности.

В научной литературе понятие «эмоциональный интеллект» описано в работах зарубежных (П. Сэловей, Д. Мэйер, Д. Карузо, Д. Гоулман, К. Изард, Р. Бар-Он и др.) и отечественных (Д.В. Люсин, М.А. Манойлова, Э.Л. Носенко и Н.В. Коврига и др.) исследователей. Интерес к теме настолько велик, что подталкивает авторов создавать свои модели эмоционального интеллекта. Так первая и основная модель была создана П. Сэловеем, Д. Мэйером и Д. Карузо, в основу ее легли когнитивные способности [3]. В последующих концепциях к когнитивным способностям добавились различные личностные характеристики, модели стали носить смешанный характер.

Феномен тревожности нашел свое отражение в работах С. Кьеркегора, Ч.Д. Спилбергера, К. Изарда, А.М. Прихожан, Е.П. Ильина, И.Н. Андреевой, Ф.Б. Березина, В. М. Астапова. Ч.Д. Спилбергер рассматривал тревожность через личностные свойства, К. Изард – через эмоции, В. М. Астапов и А.М. Прихожан – через ситуативные и личностные характеристики, И.Н. Андреева – через самоактуализацию [1; 2]. При этом следует отметить, что тревожность и ее связь с эмоциональным интеллектом в период ранней юности на сегодняшний день является проблемой малоизученной. Так, не раскрыта определенная соотношенность этих двух переменных, не установлена направленность их взаимосвязи – прямая она или обратная.

Целью нашего исследования стало выявление взаимосвязи эмоционального интеллекта и тревожности у старшекласников и учащихся колледжа.

В работе выдвигались следующие гипотезы:

– существует обратная взаимосвязь эмоционального интеллекта и тревожности у старшекласников и учащихся колледжа,

– у девушек – учащихся школ и колледжей выше уровень тревожности, а у юношей выше эмоциональный интеллект.

В исследовании использовался комплекс социально-психологических методик: опросник «ЭМИн» Д.В. Люсина, «Шкала социально-ситуационной тревоги» Кондаша, «Шкала реактивной

(ситуативной) и личностной тревожности» Ч.Д. Спилбергера-Ю.Л. Ханина.

В исследование приняли участие 80 учащихся 10 классов школ (45 девушек и 35 юношей) и 71 учащийся 1 курсов колледжей (50 девушек и 21 юноша) г. Москвы и г. Красногорска Московской области. Возраст респондентов составил от 15 до 17 лет.

У большинства учащихся был выявлен средний уровень выраженности эмоционального интеллекта по разным компонентам. Школьная, самооценочная, межличностная тревожность оказались также на среднем уровне. При этом реактивная тревожность, в основном, соответствовала низкому показателю, что свидетельствовало о том, что респонденты на момент исследования не испытывали тревогу или стрессовое состояние.

В результате проведения эмпирического исследования были сделаны следующие выводы.

1. Существует обратная взаимосвязь эмоционального интеллекта и тревожности у старшеклассников и учащихся колледжей: чем выше уровень эмоционального интеллекта, тем ниже уровень тревожности. Для проверки гипотезы применялся коэффициент корреляции Спирмена. Было обнаружено, что особые тесные связи тревожности с компонентами внутриличностного эмоционального интеллекта. Так «Самооценочная тревожность» отрицательно коррелирует с «Управлением своими эмоциями» ($r = -0,553$ при $p < 0,01$); «Общая тревожность» с «Управлением своими эмоциями» ($r = -0,520$ при $p < 0,01$); «Реактивная (ситуативная) тревожность» с «Пониманием своих эмоций» ($r = -0,507$ при $p < 0,01$) и с «Управлением своими эмоциями» ($r = -0,610$ при $p < 0,01$). Таким образом, первая гипотеза подтвердилась полностью.

2. Зафиксированы различия в уровне тревожности и эмоционального интеллекта у девушек и юношей. Проверка гипотезы проводилась с помощью U-критерий Манна-Уитни. Уровень школьной, самооценочной, межличностной, общей и реактивной тревожности у девушек выше, чем у юношей (при $p < 0,05$). Исследование также показало, что есть различия между учащимися разного пола, но только в части компонентов внутриличностного эмоционального интеллекта. Другими словами, юноши лучше понимают, управляют и контролируют своими эмоциями, а компоненты межличностного эмоционального интеллекта у девушек и у юношей находятся на одном уровне. Вторая гипотеза подтвердилась частично.

Таким образом, подводя итоги, отметим, что юношам и девушкам важно уметь понимать, управлять и контролировать свои и чужие

эмоции, что, в том числе, может снижать уровень их тревожности, а это, в свою очередь, позволит учащимся более уверенно чувствовать себя в любой жизненной ситуации.

Литература

1. *Андреева И.Н.* Эмоциональный интеллект как феномен современной психологии. Новополюк, 2011.
2. *Прихожан А.М.* Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. М., 2000.
3. *Mayer J.D., Salovey, P., & Caruso, D.* Models of emotional intelligence. // R. J. Sternberg (Ed.) Handbook of intelligence. Cambridge University Press, 2000. p. 396–420.

Выбор копинг-поведения и коммуникативная компетентность у людей зрелого возраста

Королькова И.П., Кожухарь Г.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
isok_irina@mail.ru

В современном мире взросление личности часто ассоциируют с увеличением стрессовых ситуаций, требующих обращения к копинг-стратегиям для решения текущих проблем. Несмотря на то, что вопрос о феномене копинг-стратегий поведения изучен довольно широко, в данной области еще остаются вопросы, которые нуждаются в дополнительных исследованиях. Так, вопрос о взаимосвязи выбора копинг-стратегий поведения и выраженностью коммуникативных качеств у людей зрелого возраста пока недостаточно изучен и остается открытым. Актуальность данного вопроса обусловлена тем, что недостаточный уровень коммуникативной компетентности и выбор неадаптивных копинг-стратегий поведения может стать причиной дезадаптации в следующем за зрелостью возрастном периоде - пожилом возрасте (такие люди будут острее переносить выход на пенсию, изменения интенсивности и количества социальных связей). Потребность в коммуникации указывается и в иерархии потребностей, разработанной А. Маслоу. Она способна влиять на психическое здоровье человека, быть ресурсом или наоборот причиной дистресса [2].

В изучение феномена коммуникативной компетентности большой вклад внесли такие ученые как А.А. Бодалев, Л.А. Петровская, В.Н.

Куницына, Ю.М. Жуков, Ю.Н. Емельянов. В зарубежной психологии данный феномен подробно изучен такими авторами как К. Данцигер, Б. Спидберг., Р. Селман, А. Маслоу и многие другие.

Основой изучения копинг-стратегий (совладающего поведения) в научной психологии послужили работы таких отечественных исследователей, как С.К. Нартова-Бочавер, А.В. Суховой, С.В. Коваленко, Е.Н. Носов [1], а так же зарубежных ученых: С. Фолкмана, Р. Лазаруса и Г. Селье и других.

К сожалению, на сегодняшний день исследований, посвященных взаимосвязи выбора способов копинг-поведения и выраженности коммуникативных качеств у лиц зрелого возраста, в литературе описано недостаточно.

Для более детального рассмотрения данной темы было проведено исследование на выявление копинг-стратегий людей зрелого возраста и их коммуникативных возможностей. Для этого были использованы методики, направленные на определение стратегий преодоления стрессовых ситуаций и моделей поведения в них; на исследование интерактивной компетентности человека с несколькими интегративными критериями, влияющими на качество коммуникативного процесса; на диагностику коммуникативного потенциала личности через несколько составляющих его элементов: навыки, обеспечивающие понимание партнера по общению, умение осуществлять адекватный самоанализ (рефлектировать), устанавливать границы с окружающими и адекватно передавать смысл в вербальной форме [3]. Использовался корреляционный и регрессионный анализ. В ходе исследования были обнаружены значимые взаимосвязи между выбором копинг-поведения в стрессовой ситуации и компонентами коммуникативного потенциала. В частности, наличие прямой корреляционной связи с вероятностью 99% ($r=0,28$) между ассертивными действиями и социальной автономностью, вступлением в социальный контакт и взаимопониманием ($r =0,32$), а так же наличие обратной взаимосвязи с вероятностью 99% между поиском социальной поддержки и общим показателем эффективности общения ($r= -0,9$), избеганием и умением понимать собеседника ($r =-0,38$).

В результате данного исследования, выявление прямой взаимосвязи между индексом конструктивности, интерактивной компетентностью и большинством элементов коммуникативного потенциала, позволяет нам сделать вывод о том, что конструктивная направленность копинг-стратегий поведения позволяет предсказывать высокий уровень выраженности коммуникативных качеств, а

деструктивная направленность будет обеспечивать прогноз наличия низкого уровня коммуникативной компетентности.

Литература

1. *Большунов А.Я., Киселева Н.И., Марченко Г.И., Новиков А.В., Тюриков А.Г., Чернышова Л.И.*, Деловые коммуникации: учебник для бакалавров / Под редакцией Л.И. Чернышовой. М.: Финансовый университет, Департамент социологии, 2018. 338 с.
2. Психологическая диагностика коммуникативного потенциала личности / Н.А. Зимина Н. Новгород, 2015. 22-27 с.
3. *Суховой А.В., Коваленко С.В., Носов Е.Н.* Копинг-ресурсы и копинг-стратегии как единая система воздействия в поведении личности // Проблемы современного педагогического образования. 2018. №58 (1). С. 363–368.

Удовлетворенность браком в мусульманских полигамных семьях

Корчагина А.В., Павлова О.С.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

anastasia.v.korchagina@gmail.com, pavlovaos@mgppu.ru

За последние тридцать лет в научном психологическом сообществе увеличился интерес к брачным отношениям, организации внутрисемейного взаимодействия представителей разных этнических и религиозных культур.

Одной из таких культур является ислам, законодательство которого допускает полигамную (полигинную) форму брачных отношений при соблюдении определенных условий [4; 11; 16].

Такие браки имеют место не только в традиционно мусульманских государствах, но и в тех, где мусульмане составляют меньшинство населения [11; 15; 16; 17]. По результатам исследований около 14% браков мусульман являются полигамными [1].

Подобное положение накладывает отпечаток на благополучие семейных отношений и удовлетворенность браком.

Несмотря на значительный интерес специалистов к проблеме благополучия в браке и многочисленные научные публикации по этой теме, в отношении непосредственно полигамных браков нет достаточного объема эмпирических данных, чтобы можно было

делать объективные выводы о влиянии специфики полигамных отношений на уровень удовлетворенности браком [8].

Большая часть исследований относится странам ближневосточного региона и северной части Сахары, где мусульмане составляют большую часть населения [3; 13; 17].

В качестве факторов, влияющих на степень удовлетворенности браком, психологи-исследователи выделяют демографические факторы, такие как место жительства (город/сельский регион), возраст, социальный статус женщин (первая жена/вторая жена), количество детей, уровень образования [5].

Полигамные браки более характерны для сельских регионов, где высока потребность в уходе за хозяйством. Уровень образования супругов в полигамных браках ниже, чем в моногамных. Удовлетворенность вторых жен определяется более высокими показателями, чем у первых жен. Большое число детей является фактором большего семейного благополучия [3].

Не менее значимым фактором удовлетворенности браком является уровень религиозности. Некоторые результаты исследований подтверждают гипотезу о том, что религиозность оказывает положительное влияние на уровень счастья, благополучия и удовлетворенности жизнью людей [9]. Однако не все исследователи разделяют подобное утверждение [15].

Большой интерес представляют исследования в области личностного взаимодействия супругов: любовь, сексуальное удовлетворение, личностные качества, взаимоотношения с родственниками, стрессовые ситуации и коммуникативные навыки [8]. Факторы, влияющие на степень удовлетворенности супругов полигамным браком, меняются от страны к стране.

При всей внешне благополучной картине полигамных отношений, имеется значительный опыт консультирования супругов полигамных браков, проводятся качественные и количественные исследования, демонстрирующие наличие традиционных и специфических проблем в отношениях, следствием которых является психологическое неблагополучие как самих супругов, так и детей [2; 6; 10].

В России подобные исследования только начинают проводиться. Изучена лояльность мусульман к полигамным бракам. Большинство мужчин как в полигамных, так и моногамных браках считают их допустимыми при определенных условиях, рассматривают на равне с моногамными браками, одобряют и поддерживают. Женщины менее лояльны, чем мужчины. И в целом более 50% респондентов рассматривают такую форму брачных отношений как допустимую [1].

Литература

1. Корчагина А.В. Полигамные браки в России и за ее пределами: кросс-культурный анализ //Ислам: личность и общество. 2020, № 4. С.91-104.
2. Al-Krenawi A. Family therapy with a multiparental/multispousal family //Family process. 1998. Т. 37. №. 1. С. 65-81.
3. Al-Krenawi A., Graham J.R. The story of Bedouin-Arab women in a polygamous marriage //Women's Studies International Forum. Pergamon, 1999. Т. 22. №. 5. С. 497-509.
4. Al-Krenawi A., Graham J.R. Marital therapy for Arab Muslim Palestinian couples in the context of reacculturation //The Family Journal. 2005. Т. 13. №. 3. С. 300-310.
5. Al-Krenawi A., Graham J.R., Al Gharaibeh F.A comparison study of psychological, family function marital and life satisfactions of polygamous and monogamous women in Jordan //Community mental health journal. 2011. Т. 47. №. 5. С. 594-602.
6. Al-Krenawi A., Lightman E.S. Learning achievement, social adjustment, and family conflict among Bedouin-Arab children from polygamous and monogamous families //The journal of social psychology. 2000. Т. 140. №. 3. С. 345-355.
7. Al-Shamsi M.S. A., Fulcher L.C. The impact of polygamy on United Arab Emirates' first wives and their children //International Journal of Child & Family Welfare. 2005. Т. 18. №. 1. С. 46-55.
8. Al Tamimi N. Predictors of marital satisfaction in arranged marriages in Saudi Arabia: University of York, 2009.
9. Ayten A. The Relationship between helping behaviors, religiosity and life satisfaction. A case study on Turkish Muslims //Yakin Doğu Üniversitesi İslam Tetkikleri Merkezi Dergisi. 2017. Т. 3. №. 2. С. 7-25.
10. Daoud N. et al. Polygamy and poor mental health among Arab Bedouin women: Do socioeconomic position and social support matter? //Ethnicity & Health. 2014. Т. 19. №. 4. С. 385-405.
11. Dow M.M., Eff E.A. When one wife is enough: A cross-cultural study of the determinants of monogamy //Journal of Social, Evolutionary, and Cultural Psychology. 2013.Т. 7. №. 3. С. 211.
12. Gwanfogbe P.N. et al. Polygyny and marital life satisfaction: An exploratory study from rural Cameroon //Journal of Comparative Family Studies. 1997. Т. 28. №. 1. С. 55-71.

13. *Lander I.* Expanding the Horizons of Forgiveness Therapy: A Cross-Cultural Application with a Bedouin-Arab Woman //Clinical Social Work Journal. 2014. T. 42. №. 4. C. 395-407.
14. *Tiliouine H.* Measuring satisfaction with religiosity and its contribution to the personal well-being index in a Muslim sample //Applied Research in Quality of Life. 2009. T. 4. №. 1. C. 91-108.
15. Countries Where Polygamy Is Legal 2020 <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/countries-where-polygamy-is-legal>
16. Polygamy in laws and religion <https://www.pewforum.org/2019/12/12/household-patterns-by-region/#polygamy>
17. Polygamy is rare around the world and mostly confined to a few regions <https://pewrsr.ch/2VQAQHm>

Effects of a Resilience Workshop Intervention on Perceptions of Work-Life Balance for Technical Leaders in the Pandemic

Kotar L., Zoghi B., Hook B., Norton M.
Texas A & M University, USA
elizabethkotar@gmail.com

Many organizations have noticed an increase in stress and decrease in coping during the pandemic with their employees. An increase of uncertainty and managing work-from home has created stress in the sphere of work-life balance.

The present pilot study investigated the effects of a resilience workshop on perceptions of work life balance which took place during the pandemic. Six professional technical leaders were given a pre-program diagnostic based on 60 metrics in an online platform. The diagnostic measures physiological, physical, emotional and cognitive factors from both strength and risk perspectives.

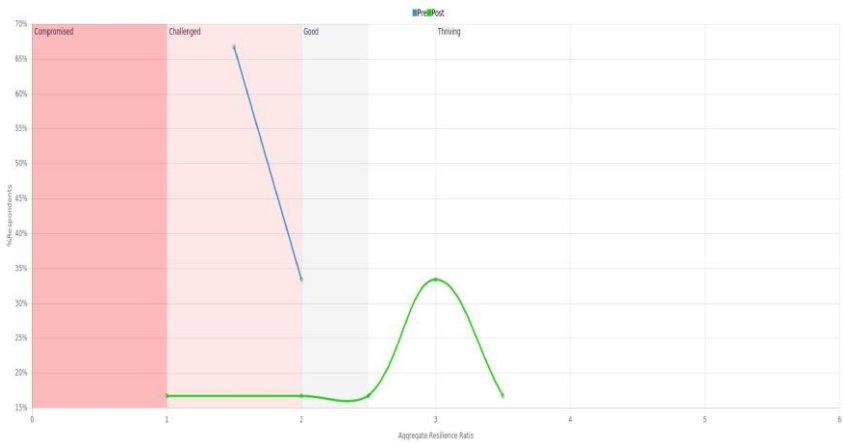
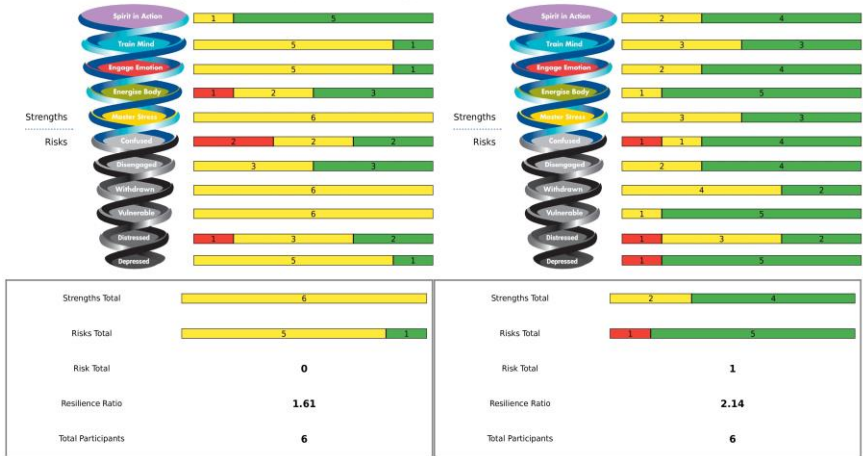
Participants then learned the basics of resilience in a four-week workshop held remotely. The post-program assessment was followed by a phone interview to understand perceptions of work-life balance after the course.

Findings in the post-program assessment correlated with the interviews include an increase in positive coping such as tactical calm and bouncing

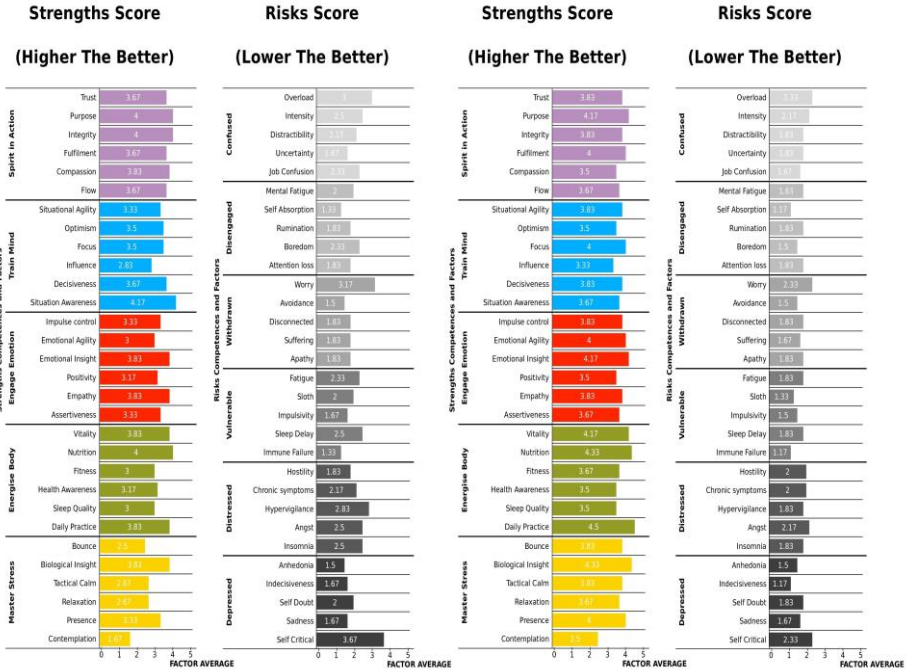
back from stress. The majority of participants, with the exception of one participant, claimed that perceptions of work-life balance were more stable and balanced after the resilience program.

This suggests that there is a positive effect on perceptions of work-life balance after receiving resilience education.

Program: Resilience Diagnostic (v4) | Org: Texas A&M; Group: Engineering 2020; Type: Pre-Program
 Program: Resilience Diagnostic (v4) | Org: Texas A&M; Group: Engineering 2020; Type: Post-Program

Top 10 Strengths Increases

Name	Percent
Bounce	53.33%
Contemplation	50%
Tactical Calm	43.75%
Relaxation	37.5%
Emotional Agility	33.33%
Fitness	22.22%
Presence	20%
Influence	17.65%
Daily Practice	17.39%
Sleep Quality	16.67%

Top 10 Risks Decreases

Name	Percent
Self Critical	-36.36%
Boredom	-35.71%
Hypervigilance	-35.29%
Sloth	-33.33%
Indecisiveness	-30%
Job Confusion	-28.57%
Insomnia	-26.67%
Sleep Delay	-26.67%
Worry	-26.32%
Overload	-22.22%

Figure 1. The effects of a resilience workshop on perceptions of work life balance.

Интернет как пространство персонализации

Кочетков Н.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

nkochetkov@mail.ru

Теория персонализации, психологическая суть которой была вскрыта А.В. и В.А. Петровскими несколько десятилетий назад, нечасто попадает в качестве методологического фундамента в фокус зрения современных психологов. Тем не менее, хочется отметить стройность построения этой теории, ее эвристичность. Концепция персонализации пришла на смену так называемому «коллекционерскому» подходу в изучении личности [3], согласно которому она является совокупностью тех или иных психических процессов и включена в «экосистему» психологической теории коллектива А.В. Петровского. Дополняя мысль А.Г. Асмолова о том, что индивидом рождаются, а личностью становятся, Петровские вслед за Л.С. Выготским говорят, что это возможно только при включении человека в пространство межличностных отношений только тогда, когда он является социальным субъектом, частью коллектива [4]. Быть личностью, с этой точки зрения, означает быть репрезентированным в другом человеке, менять его поведение. Отдельно хочется отметить немаловажную деталь рассматриваемой теории – быть личностью является социогенной потребностью человека.

Эта потребность реализуется многими способами – через профессиональную деятельность, рождение детей, межличностные отношения и т.п. Хорошей площадкой реализации потребности быть личностью является интернет с его многочисленными сервисами. Если в реальной жизни для персонализации необходимо задействовать большое количество ресурсов, то в виртуальной реальности это возможно сделать с куда меньшими затратами и при этом с большей эффективностью. Так, например, персонализация в рабочем коллективе ограничена количеством его членов и минимизирует возможность персонализироваться еще где-то в силу того, что количество реальных референтных групп у человека физически ограничено. В рассматриваемой нами плоскости рассуждений интернет отличается от реального мира тем, что дает возможность быть включенным в большее количество социальных групп. Следовательно, потребность быть личностью может быть

удовлетворена куда в большей степени. Надо заметить, что в некоторых случаях интернет может оказаться вообще единственным способом получения субъектности – например, при ограниченных возможностях здоровья.

В контексте вышесказанного можно логично объяснить, например, фаббинг, понятие о котором попало в психологический лексикон относительно недавно. Фаббинг относится к тем явлениям, которые возникают в результате «гаджетизации» [1] и могут быть охарактеризованы отвлечением на смартфон во время реального общения [2]. Большинство исследований отмечает негативную роль фаббинга [5], однако не такое большое их количество уделяет место его психологической интерпретации, которая окажется довольно лаконичной при опоре на концепцию персонализации. Исходя из нее, можно было бы сказать, что частота отвлечения человека на смартфон будет зависеть (исключение составляет компульсивное использование) от степени представленности данного человека в «живом» собеседнике и количества потенциальных возможностей персонализироваться в виртуальном мире. В том случае, если интернет будет предоставлять нам большее количество людей, для которых мы можем выступать в качестве «значимого другого», отвлечение на гаджет, дающий доступ к онлайн-сервисам, будет почти неизбежным.

Литература

1. *Захаркина Т.Н., Исакова И.А.* Гаджетизация: эффекты влияния на общественные процессы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019, № 3.
2. *Крюкова Т.Л., Екимчик О.А.* Фаббинг как угроза благополучию близких отношений // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 3.
2. *Петровский А.В., Петровский В.А.* Категория личности (к построению онтологической модели личности) // Развитие личности. 2014. №2.
3. Психологическая теория коллектива / Под ред. А. В. Петровского. М., 1979.
4. *Nazira T., Buluta S.* Phubbing: a phenomenon that is mending social relationships // Сибирский психологический журнал. 2019. № 74.

К вопросу о феномене гелотофобии

*Кочетков Н.В., Султанова Д.И.
ФГБОУ МГППУ, Москва, Россия
sultanova.dilyara@yandex.ru*

В условиях современного общества как никогда раньше чувствуется актуальность проблемы социальной тревожности. Если в прошлые столетия тревога возникала при возникновении физической опасности, то сейчас характер угрозы корнями врастает в социальную, межличностную сторону жизни. Одним из перспективных и быстро развивающихся в контексте социальной тревожности направлений является изучение феномена гелотофобии, определяемого в научной литературе как страх выглядеть смешным и боязнь быть осмеянным.

Недостаточно изученным аспектом в поднимаемой проблеме остается определение нормы и патологии. В каких случаях проявление социальной тревожности и признаков гелотофобии можно считать обыкновенной застенчивостью, а в каких – проявлением расстройства невротического спектра.

Феномен гелотофобии впервые был описан М. Титцем в 1996 году. Именно он определил его как особую форму проявления социальной тревожности. Описываемый Титцем механизм возникновения у человека гелотофобии был представлен в психоаналитическом ключе [6]. Так, по его мнению, остро переживаемый подростком пубертатный период и испытываемые в это время кризисы совместно с проявлениями гиперопекающего поведения со стороны родителей могут спровоцировать возникновение гелотофобии.

Однако широкой общественности первыми представили это явление ученые Университета Цюриха в 2008 году [4]. Ими было проведено масштабное исследование, участие в котором приняло 22 тыс. человек. Они пытались определить разницу между неуверенными в себе людьми, и патологически нездоровыми исследуемыми. Выяснилось, что тревожность по отношению к смеху окружающих возникает и у первой, и у второй группы испытуемых.

Предложенный позднее Р. Пройером и В. Рухом опросник, диагностирующий гелотофобию [5], позволил более основательно подойти к оценке проявляемых нездоровой и здоровой группой страхов насмешки.

Клинические проявления гелотофобии крайне редки [3]. Однако и у психически здоровой группы людей могут проявляться те или иные формы патологических проявлений. Возникает проблема разработки

диагностических критериев различения уровней «норма» и «патология». В. Рухом были выделены следующие:

- не имеющий причину страх выглядит смешным;
- интенсивность физиологических симптомов;
- длительность проявления страха.

Сложность диагностирования связана с индивидуальными различиями и постоянно возрастающими общественными стандартами. Встречающиеся противоречия в требованиях социокультурной парадигмы (с одной стороны общество диктует «быть смелым», с другой - «стараться не выделяться») предопределены неадаптивными когнитивными схемами и порождают в индивиде страх быть отвергнутым и чувство неполноценности, мешающее реализации. Сюда же можно отнести и негативную оценку общества на те или иные действия индивида, проявляющуюся в лучшем случае в безобидных, на первый взгляд, насмешках, в худшем - в откровенном глумлении [1].

В мультикультурном исследовании гелотофобии были задействованы испытуемые из 73 стран. В результате было выявлено, что гелотофобия в том или ином виде распространена во всех культурах. Так, в Камбодже и Туркменистане был получен максимальный результат по негативной оценке смеха со стороны окружения. К избегающему поведению в ответ на смех других людей чаще обращались жители Египта, Ирака и Иордании. А наименьшую подозрительность к смеху выразили украинцы и шотландцы [3].

Адаптированный для российского общества опросник показал, что как минимум легкая степень выраженности гелотофобии есть у 7.41% испытуемых (в исследовании приняло участие около 200 человек) [2]. Однако говорить об однозначности полученных данных не приходится. Специфика проявления тех или иных сторон гелотофобии предположительно связана с национальным культурным кодом.

Литература

1. Сагалакова О. А., Труевцев Д. В. Психология социального тревожного расстройства. - Томск, 2018.
2. Стефаненко Е.А. Диагностика страха выглядеть смешным русскоязычная адаптация опросника гелотофобии // Психологический журнал. 2011. Т. 32. N. 2.
3. Proyer R.T. et al. Breaking ground in cross-cultural research on the fear of being laughed at (gelotophobia): A multinational study involving 73 countries // Humor: International Journ. of Humor Research. 2009. Issue 22-1/2.

4. *Ruch W., Proyer R.T.* The fear of being laughed at: Individual and group differences in Gelotophobia // *Humor: International Journ. of Humor Research*. 2008. Issue 21(1).
5. *Ruch W.* Fearing humor? Gelotophobia: The fear of being laughed at Introduction and overview // *Humor: International Journ. of Humor Research*. 2009. Issue 22-1/2.
6. *Titze M.* Gelotophobia: The fear of being laughed at // *Humor: International Journ. of Humor Research*. 2009. Issue 22-1/2.

Динамика предпочтений выбора проэкологического способа передвижения в условиях Covid-19

Кочетова Т.В.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
kochetovatv@gmail.ru*

Сегодня является бесспорной констатация факта, что использование транспорта вносит существенный вклад в климатические изменения, поскольку количество выброса CO₂ постоянно увеличивается по мере развития транспортных систем и транспортной инфраструктуры [1]. Вместе с тем, приходится признать, что потребность человека в мобильности и передвижении не может быть блокирована по мере развития общества.

Представляется логичным рассмотрение вопросов об изменении поведения людей, связанного с выбором способов передвижения (паттернов), а также о трансформации на индивидуальном уровне психологических установок относительно определения наиболее оптимального соотношения приоритетов в контексте «личный транспорт – общественный транспорт».

Возможно, в связи именно с этим обстоятельством в последние годы появляется все больше специализированных психологических исследований, где фокус внимания сосредоточен на изучении динамики предпочтений индивида при выборе проэкологического способа передвижения [3]. Так, ряд авторов, работающих в этом направлении, подчеркивают, что необходимо лучше изучить мотивы человека, лежащие в основе его предпочтений относительно общественного или личного транспорта, а также найти способы убедить его выработать такой способ передвижения, который в наименьшей степени способен оказывать влияние на глобальные климатические изменения [2; 3].

Ситуация 2020 года, связанная с пандемией коронавируса, может рассматриваться в качестве показательного примера того, как человек, оказавшийся в условиях изоляции (с полной или частичной блокировкой потребности в мобильности), выстраивает свои приоритеты относительно выбора способа передвижения. Очевидно, что особую остроту эта проблема приобретает в современных мегаполисах.

В связи с этим, нами была предпринята попытка изучения динамики предпочтений выбора способа передвижения в условиях COVID-19¹ в 13 странах (в том числе России). Дизайн исследования включает в себя три последовательные фазы: 1) оценка респондентами предпочитаемых способов передвижения в условиях мегаполиса до начала пандемии; 2) оценка респондентами выбора предпочитаемого способа передвижения в условиях пандемии и 3) оценка выбора предпочитаемого способа передвижения после пандемии (пока не проводится).

Согласно предварительным данным, полученным в ходе анализа результатов по первым двум фазам исследования, наблюдается некоторое изменение предпочтений индивидов (в разных социальных и возрастных группах) в пользу использования личного автотранспорта (увеличивается частота его использования) для передвижения. Так, например, в РФ ответ на вопрос: «Насколько для Вас важно было использовать личный транспорт до ситуации с Covid-19?» набрал 3,5 (из 5 возможных баллов) по сравнению с вопросом об использовании общественного транспорта (3,7). Однако в ситуации пандемии те же респонденты ответили, что чаще предпочитают использовать личный транспорт (3,8) по сравнению с общественным (2,02), причем привлекательность использования общественного транспорта существенно различается в разных странах.

Конечно, в настоящий момент (в силу незавершенности исследования) трудно делать какие-либо прогнозы о том, как именно в дальнейшем будут изменяться предпочтения жителей мегаполисов в пользу общественного или личного транспорта, это требует детального и тщательного анализа. При этом сама по себе ситуация пандемии, безусловно, накладывает определенный отпечаток на эти предпочтения. Однако проводимое исследование уже сегодня позволяет ставить вопрос о том, как предпочтения того или иного

---

¹ Исследование было инициировано группой психологов Traffic Psychology International, партнером в исследовании с российской стороны выступает Московский государственный психолого-педагогический университет, факультет социальной психологии.

вида транспорта могут варьироваться в зависимости от степени его привлекательности для жителей современных больших городов, и как в ситуации повышенного риска (риска заражения) может изменяться поведение человека при выборе проэкологичного способа передвижения.

Литература

1. *Grazi, F.; Bergh, J.C., Ommersen, J.* An Empirical Analysis of Urban Form, Transport, and Global Warming. *Energy J.* 2008, 29
2. *Urban Transport and Climate Change.* The World Bank. 2012. Available online: <https://www.worldbank.org/en/news/feature/2012/08/14/urban-transport-and-climate-change> (Accessed by: 3 March, 2021).
3. *Risser R., Sucha M.* Start Walking! How to Boost Sustainable Mode Choice – Psychological Measures to Support a Shift from Individual Car Use to More Sustainable Traffic Modes. *Sustainability* 2020, 12, 554; doi:10.3390/su12020554

Психологическое благополучие молодежи в ситуации самоизоляции в период пандемии

*Краева М.Ю., Сафронова О.М.
ГОУ ВО МО МГОУ, Мытищи, Россия
SafronovaOK@gmail.com*

Каждое поколение людей имеет свои особенности. Нестабильность в стране и в мире, изменение ритма и образа жизни, появление новых технологий и видов деятельности, изменения в семейной системе – все это оказывает влияние на людей и их отношение к жизни. Также в мире иногда происходят глобальные изменения, которые затрагивают всех людей и все сферы жизни, сейчас такие изменения вызвал карантин во время пандемии COVID-19. Данная работа посвящена описанию результатов исследования показателей психологического благополучия молодежи после выхода из карантина. Нами было изучено отношение к жизни в целом и отдельным ее сферам.

В нашем исследовании приняли участие 80 человек, в возрасте от 18 до 24 лет, среди них 65 девушек и 15 юношей, все они учатся в университете либо уже имеют высшее образование. Для исследования психологического благополучия современных молодых людей нами

был использован Опросник «Шкала психологического благополучия» К. Рифф в адаптации Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко. Он позволил нам оценить общий показатель психологического благополучия, характерный для данной группы, а также отношение человека к разным жизненным сферам и удовлетворенность ими. Характерным и значимым в данном исследовании оказалось то, что респондентов с низким уровнем благополучия в данной выборке больше (20 %), чем с высоким (менее 10%). Это может быть результатом сложившейся обстановки в обществе или же особенностью молодых людей данного времени.

Если перейти к анализу отдельных шкал или же отдельных сфер жизни, то здесь результаты схожи. По шкале «Положительные отношения с другими» низкие значения наблюдаются у более чем 40% респондентов, что говорит об ограниченном количестве доверительных отношений с окружающими, сложностях в проявлении положительных чувств в межличностных взаимоотношениях. И менее 10% обладают высоким уровнем и имеют удовлетворительные, доверительные отношения с окружающими. По шкале «Автономия» низкие значения чуть менее 15% человек, что означает зависимость от мнения и оценок окружающих, несамостоятельность в принятии важных решений и склонность к конформизму. Высокие результаты имеют более 25%, что свидетельствует о самостоятельности и независимости, способности противостоять мнению большинства и самостоятельности в регуляции собственного поведения.

Низкие результаты показателя «Управление окружением» имеет 25% респондентов, что говорит о сложности в организации повседневной деятельности, чувстве неспособности изменить или улучшить складывающиеся обстоятельства, отсутствии чувства контроля над происходящим вокруг. И лишь 5% людей имеют высокие результаты – чувствуют способность влиять на происходящее и использовать свои ресурсы для изменения ситуации. Низкие значения по шкале «Личностный рост» имеют менее 5% опрошенных, а высокие – более 25%, что говорит о стремлении к развитию, восприятию себя «растущим» и направленным на самореализацию, о желании изменяться в соответствии с собственными познаниями и достижениями.

По шкале «Цель в жизни» низкие значения имеют более 25% молодежи, что говорит об отсутствии четкого смысла в жизни, целей или намерений. Высокие же результаты имеют не более 5%. Низкими баллами по показателю «Самопринятие» обладают более 15% респондентов, что свидетельствует о недовольстве собой,

разочаровании в своем прошлом и беспокойстве по поводу некоторых личных качеств.

Можно подвести итог, что для современных молодых людей сейчас характерен невысокий уровень психологического благополучия. В сложившихся на данный момент обстоятельствах в стране и в мире у молодых людей ограничено количество доверительных контактов и близких отношений с другими людьми. Больше выражена склонность к автономии, самостоятельному решению проблем. Молодые люди испытывают чувство неопределенности и бессилия, они не чувствуют в себе способности изменить сложившуюся ситуацию, но вместе с тем стремятся к развитию и имеют желание расти, узнавать новое, реализовывать себя. Вместе с тем у них отсутствует четкая цель, нет ориентиров в будущем, и они также испытывают недовольство собой, своим прошлым, хотят измениться или быть кем-то другим. Будем надеяться, что со временем ситуация изменится.

Литература

1. Джидарьян И.А. Психология счастья и оптимизма / И.А.Джидарьян. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 268 с.
2. Кроник А.А., Ахмеров Р.А. Каузометрия: Методы самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути. М.: Смысл, 2003. 284 с.

Исследование различий в уровне социальной адаптации женщин и мужчин гомосексуальной ориентации

Красило Т.А., Курсанова Н.В.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
tkrassilo@yandex.ru, nastakir65@gmail.com*

Гомосексуальные отношения не до конца легализованы и понятны в нашем современном обществе. Множество стереотипов и предрассудков по отношению к людям с гомосексуальной ориентацией создают дополнительные сложности для их жизни в социуме [1; 2], поэтому изучение проблемы социальной адаптации таких людей позволит приблизиться к поиску новых форм приспособления этой группы лиц к требованиям и ожиданиям

общества, позволит лучше их понять и оказать помощь в нормализации их психологического состояния.

Целью нашего исследования было изучение различий в уровне социальной адаптации женщин и мужчин гомосексуальной ориентации. В нашем исследовании мы использовали две методики: 1) МЛО-АМ (А.Г. Маклаков, С.В. Чермянин) для диагностики адаптивных способностей респондентов и 2) методику МИС (С. Р. Пантелеев) для изучения самоотношения и его компонентов. Выборка составила 80 респондентов: 39 женщин и 41 мужчина гомосексуальной ориентации в возрасте 18–25 лет.

Анализ результатов по методике МИС показал, что по шкалам «замкнутость», «самоуверенность», «саморуководство», «самоценность», «самопринятие», «самопривязанность» и «самообвинение» наибольшая доля и мужчин, и женщин имеет средний уровень выраженности этих параметров. Однако при этом по шкале «самообвинение» 30% мужчин получили высокий показатель, это говорит о том, что в группе мужчин тенденция к самообвинению является достаточно высокой.

По шкале «отраженное отношение» у 100% женщин был зафиксирован средний уровень выраженности этого показателя, а наибольшая доля мужчин (54%) получила низкие показатели, что свидетельствует о наличии в группе мужчин неуверенности в позитивном отношении к ним со стороны окружающих людей. По шкале «внутренняя конфликтность» 95% женщин продемонстрировали средние показатели, а большинство мужчин – высокие. Это говорит о высокой внутренней напряженности, непонимании себя и внутренней противоречивости в группе мужчин гомосексуальной ориентации.

Анализ результатов с использованием U-критерия Манна-Уитни для независимых выборок позволил выявить ряд значимых различий между мужчинами и женщинами гомосексуальной ориентации в выраженности показателей самоотношения. Уровень «замкнутости» женщин значимо выше ($p=0,05$), чем у мужчин. По шкале «отраженное самоотношение» показатели женщин значимо ($p=0,01$) выше, чем показатели у мужчин. Уровень «самообвинения» мужчин значимо выше ($p=0,05$), чем у женщин гомосексуальной ориентации. По остальным шкалам: «самоуверенность», «саморуководство», «самоценность», «самопринятие» и «самопривязанность», – значимых различий не обнаружены. По шкале «внутренняя конфликтность» можно говорить о тенденции к принятию гипотезы о значимых различиях (асимптотическая значимость равна 0,078, что соответствует $p<0,1$) в проявлении данного показателя у изучаемых

групп респондентов, который (показатель) имеет более высокий уровень у мужчин по сравнению с женщинами.

С помощью Методики МЛЮ-АМ удалось установить, что у большинства женщин гомосексуальной ориентации (77%), показатели личностного адаптивного потенциала (ЛАП) имеют средний уровень, что говорит о нормальной адаптации. Среди мужчин равные доли респондентов получили средние и низкие показатели ЛАП (по 41%), что свидетельствует о менее успешной картине в адаптивной деятельности в целом по данной группе. У 72% женщин и 51% мужчин гомосексуальной ориентации выявили средние значения показателя нервно-психической устойчивости, что говорит об эмоциональной стабильности у большей доли респондентов обоих полов. По показателю коммуникативных способностей 49% мужчин и 54% женщин гомосексуальной ориентации получили среднюю степень выраженности, это свидетельствует о том, что большая часть людей в обеих подгруппах не испытывает существенных трудностей в установлении социальных контактов и не имеет высокой конфликтности. Моральная нормативность у большинства респондентов обоих полов также была зафиксирована на уровне средних значений данного показателя (у 61% мужчин и 95% женщин), что характерно для личностей, частично осознающих свое место в обществе и частично следующих принятым в нем нормам.

При помощи U-критерия Манна-Уитни нам удалось установить наличие значимых различий между мужчинами и женщинами гомосексуальной ориентации в выраженности параметров социальной адаптации. У женщин показатели нервно-психической устойчивости выше, чем у мужчин на уровне значимости 0,05. Уровень коммуникативных способностей и ЛАП также значимо выше (на уровне значимости 0,01) у женщин, по сравнению с мужчинами. По показателю моральная нормативность статистически значимых различий не обнаружено.

Проанализировав результаты, можно заключить, что женщины гомосексуальной более адаптированы, чем мужчины гомосексуальной ориентации, более эмоционально стабильны и коммуникативны.

Литература

1. *Bridge, L., Smith, P. A., & Rimes, K. A. Sexual orientation differences in the self-esteem of men and women: A systematic review and meta-analysis. Psychology of Sexual Orientation and Gender Diversity. 2019. <https://doi.org/10.1037/sgd0000342>*

2. *Lee I., Crawford M. Lesbians and Bisexual Women in the Eyes of Scientific Psychology // Feminism & Psychology. 2007. pp 109-127.*

К вопросу о мотивации и социально-психологических установках сотрудников частных и государственных образовательных учреждений

Красина Д.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

krasina-97@mail.ru

Изучение трудовой мотивации персонала представляет собой актуальную задачу для любой организации, в том числе и образовательной. Качество трудового поведения и социальной активности сотрудника зависит от множества факторов [2; 5], в том числе и от степени его заинтересованности в самом рабочем процессе, его мотивации. Немаловажную роль в этом играет соответствие системы стимулов организации потребностям и мотивам работника.

Некоторые исследования, посвященные сравнительному анализу сотрудников государственных и частных организаций, говорят о том, что работники частного сектора более мотивированы материальными вознаграждениями по сравнению с сотрудниками государственных организаций. Также у работников частных учреждений менее выражены мотивы помощи другим и общественной пользы. Кроме этого, общий уровень мотивированности у сотрудников государственных организаций ниже, чем у работников частного сектора [1].

Наш исследовательский интерес сосредоточен на изучении взаимосвязи мотивации и социально-психологических установок личности сотрудников частных и государственных общеобразовательных школ. В условиях постоянно развивающегося общества, внедрения инновационных технологий в образовательный процесс, очень важно стимулировать педагогов к продуктивной деятельности и повышению своего профессионального уровня. Именно поэтому необходимо совершенствовать всевозможные управленческие механизмы, в частности дифференцированный подход к системе стимулирования педагогов [2].

Как с точки зрения теории, так и практики, важным представляется разностороннее изучение особенностей мотивации педагогов частных и государственных общеобразовательных школ во взаимосвязи с

социально-психологическими установками личности. Такое исследование может помочь более комплексно и индивидуально подойти к решению проблемы мотивации педагогов [3]. А сравнительный анализ организаций «частного сектора» и «государственного сектора», поможет подойти к вопросу мотивации сотрудников каждого сектора более дифференцированно.

Цель нашего исследования заключается в выявлении взаимосвязи трудовой мотивации и социально-психологических установок личности работников частных и государственных образовательных организаций, а также последующей систематизации полученных данных для дальнейшей разработки рекомендаций по мотивации персонала.

Проведенный теоретический анализ позволяет нам предположить, что сотрудники частных и государственных образовательных учреждений характеризуются разными социально-психологическими установками: для сотрудников государственных организаций характерна ориентация на альтруизм, труд и процесс, в то время как для сотрудников частных организаций больше характерна ориентация на эгоизм, деньги и результат. Мы предполагаем, что существует прямая взаимосвязь между компонентами мотивационных профилей и некоторыми социально-психологическими установками личности: так, ориентации на альтруизм соответствует потребность в интересной, полезной для общества деятельности, ориентации на результат - потребность в достижении, ориентации на деньги – потребность в материальном вознаграждении, а ориентации на свободу – потребность в самосовершенствовании.

Методический инструментарий исследования включает в себя три опросника:

Диагностика социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере (О.Ф. Потемкина) демонстрирует уровень выраженности установок и содержит в себе 8 шкал. С помощью методики мы сможем определить, какие именно установки в большей степени представляются значимыми для сотрудника - процесс или результат, альтруизм или эгоизм, свобода или власть, содержание работы или деньги.

Опросник для определения источников мотивации (Дж. Барбуто, Р. Сколл) позволяет оценить выраженность пяти источников мотивации работника. Диагностика проводится в контексте взаимоотношений «человек-организация».

Опросник «Мотивационный профиль» (Ш. Ричи, П. Мартин) предоставляет возможность выявить потребности, которые наиболее и наименее важны для сотрудника организации.

В исследовании принимают участие 64 педагога в возрасте от 34 до 45 лет, из них 32 человека работают в частных общеобразовательных школах и 32 в государственных.

Любая современная развитая организация понимает всю значимость человеческих ресурсов в общей системе управления организацией. Для того, чтобы сотрудники были максимально продуктивны, необходимо правильно выстроить систему их стимулирования [4]. Однако, такая система может быть эффективной только при полноценном понимании потребностей и установок личности, анализ которых послужит средством к достижению эффективной профессиональной деятельности сотрудников.

Литература

1. *Божья-воля А.А.* Особенности мотивации работников в частном секторе и на государственной службе // ARS ADMINISTRANDI. 2013. №2.
2. *Евтушенко Н.В.* Мотивация профессионального развития педагогов как средство повышения эффективности деятельности образовательного учреждения: Дис. канд. психол. н., Тюмень, 2017.
3. *Иовенко Е.Ю.* Взаимосвязь мотивации профессиональной деятельности и социально-психологических установок личности в коллективе // Молодой ученый. 2014. № 18 (77).
4. *Ильченко С.В.* Мотивационный подход в обеспечении эффективной работы персонала организации // Бизнес и дизайн ревю. 2016. №3.
5. *Погодина А.В.* Культурологический подход в социально-психологических исследованиях образовательных учреждений // Психологическая наука и образование. 2010. №1. С. 41-47.

Теоретико-методологический анализ изучения копинг-стратегий студентов

Кретова Т.А., Лейбман И.Я.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
tanyahorenko@list.ru, irina.leybman@gmail.com

Каждый год происходит обновление студенчества, растет его мобильность, динамичность, изменчивость, подверженность влиянию

общественных изменений. Студенчество наиболее ярко и остро реагирует на любое изменение политической, экономической, социальной, культурной, общественной ситуации. В возрастном отношении студенчество охватывает юношеский возраст от 17 до 25 лет, который Л.С. Выготский охарактеризовал как «...начальное звено в цепи зрелых возрастов...» [1].

В городе Москве более 250 высших учебных заведений, мегаполис занимает уверенно лидирующее положение в России по числу студентов, обучение в столице престижно и соответствует всем новым запросам общества и основным тенденциям.

Для приезжающих на учебу в Москву студентов актуальна проблема социально-психологической адаптации, которая связана, в том числе, и с переменой места жительства. С адаптацией возникает процесс приспособления к новой для индивида среде, которая вначале является источником стресса, вынужденной адаптации, кризиса. Сознание студентов изменяется под влиянием факторов, спровоцированных попаданием в новую среду, происходит изменение привычного социального статуса и выход на новый уровень индивидуальной автономности, ответственности – как результат успешной адаптации. Для благоприятной образовательной среды и успешного получения профессиональных знаний и навыков, а также успешной социально-психологической адаптации студентов необходим один из важных факторов – психологическое благополучие и психофизиологическое здоровье.

По Г. Селье, стресс есть неспецифический ответ организма, индивида на любые предъявляемые к нему требования. Организм пытается сохранить гомеостаз и формирует ответную реакцию, которая направлена на борьбу со стрессом. Борьба является основной силой адаптационного синдрома [4]. Любые изменения в повседневной жизни могут быть причиной стресса. Студенты находятся в новой и непривычной для себя ситуации, начинают адаптироваться, применяют индивидуальные способы совладания-копинг.

Индивидуальные способы совладания связаны с множеством факторов: психологическими особенностями, личным опытом студентов, их бэкграундом, типом нервной системы, культурой и паттернами поведения, выбором из множества вариантов. Многочисленные способы реагирования по ряду признаков кластеризуются в характерные копинг-стратегии. Основная их функция направлена на адаптацию личности к новым условиям, выход из стрессогенной ситуации, минимизацию негативных внешних факторов, воздействующих на индивида. Поддержание

эмоционального равновесия путем совладания и преодоление стрессовой ситуации приводит к формированию положительного копинга, что благоприятно сказывается на дальнейшем развитии личности.

В зарубежной (Р. Лазарус и С. Фолкман, Ч. Карвер, Дж. Ормел и Р. Сандерман) и отечественной (Л.И. Анцыферова, В.А. Бодров, Т.Л. Крюкова) науке разработаны и достаточно подробно описаны основные подходы к изучению копинг-поведения (coping).

Большинство исследований основывается на концепции двух стратегий совладающего поведения, предложенных Р. Лазарусом и С. Фолкманом: копинг, ориентированный на проблему или эмоции. Отечественная психология придерживается позиции интегративного подхода к пониманию копинг-стратегий. Человек является активным субъектом, противостоящим внешним воздействиям. В своих работах Т.Л. Крюкова делает акцент, что человек выбирает способ действия в ситуации стресса на основе личных особенностей и способов, субъективных характеристик [2]. Способ совладания носит целостный вид, это синтез всех стратегий, индивидуальный для каждого человека, обусловленный спецификой ситуации и личными особенностями [3].

В исследованиях копинг-стратегий молодёжи применяются: «Опросник способов совладания» – адаптация методики WCQ, разработанная Р. Лазарусом) в редакции Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк; методика «Индикатор копинг-стратегий» Дж. Амирхана; методика «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» С. Нормана, Д.Ф. Эндлера, Д.А. Джеймса, М.И. Паркера (адаптация Т.Л. Крюковой) – для определения наиболее предпочитаемых студентами совладания в стрессовой ситуации; расширенный вариант классификации копинга методика COPE (Ч. Карвер, М. Шейер и Ж. Вентрауб, в адаптации Т.О. Гордеевой, Е.Н. Осина, Е.А. Рассказовой, О.А. Сычева, В.Ю. Шевяховой) и дополнительные методики для детального рассмотрения фактора выбора копинг-стратегии. Такие как: методика исследования коммуникативной толерантности В.В. Бойко, «Шкала принятия других» В. Фейя, опросник «Самоактуализационный тест» Э. Шострома – для оценки самоактуализационного потенциала студента, его ценностных и поведенческих характеристик, методика индивидуальных ценностей Ш. Шварца.

В первую очередь, в исследованиях копинг-стратегий студентов рассматривается влияние фактора стресса – экзамен, изучается зависимость выбора предпочтительной копинг-стратегии от пола (гендера), профессиональных различий («гуманитарий»/«технарь»), возраста (студенты 1-2 курсов/студенты 4-5 курсов), этнической

принадлежности степени выраженности личностных характеристик, например, коммуникативных навыков.

Многие исследования посвящены изучению адаптации, выбора копинг-стратегии иностранными студентами из КНДР, Узбекистана в сравнении с российскими студентами, адаптации иностранных студентов в общежитии. Изучение совладающего поведения и факторов влияния на выбор копинга позволяет контролировать и облегчать адаптационный процесс студентов, минимизировать трудности, вызывающие наибольший стресс, направленно формировать успешные формы преодолевающего поведения, повышающие потенциал преодоления стресса.

При многообразии проводимых исследований в области копинг-стратегий, актуальность изучения совладающего поведения студентов, приезжающих учиться в г. Москву из других регионов России, остается. В том числе недостаточно изучен выбор предпочтительных копинг-стратегий студентами московских вузов в зависимости от культурного фактора, что станет предметом нашего изучения в предстоящих исследованиях.

Литература

1. *Выготский Л.С.* Проблема возраста // Собр.соч.: в 6 т., т. 4. М: Педагогика, 1984. 432с.
2. *Крюкова Т.Л.* Человек как субъект совладающего поведения// Совладающее поведение: современное состояние и перспективы / под ред. А.Л. Журавлева, Т.Л. Крюковой, Е.А. Сергиенко. М: Изд-во ин-та психол. РАН, 2008. с. 55-67.
3. *Крюкова Т.Л.* Возрастные и кросскультурные различия в стратегиях совладающего поведения // Психологический журнал, 2005, т. 26, № 2, с. 5-15.
4. *Селье Г.* Очерки об адаптационном синдроме. М.: Медгиз, 1960. 255с.

Психологические особенности влияния стилей семейного воспитания на самооценку младших школьников (на примере Ставропольского края)

Кривоцова А.С., Акишева О.А.
ФГБНУ ИП РАН, Москва, Россия
edmond21@yandex.ru, oksana.iva.90@mail.ru

Младший школьный возраст является начальным этапом в формировании самосознания личности, поэтому в этот период

необходимо заложить основы для развития адекватной самооценки ребёнка.

Для развития ребёнка семья может являться не только благоприятным фактором, но и отрицательным. Положительный характер воспитания в семье заключается в том, что именно от родных ребёнок получает заботу, любовь, а также уклад жизненных ценностей. В то же время ни один другой социальный институт, как семья, не сможет нанести столько вреда в становлении личности младшего школьника особенностью воспитания, как показывают психологические исследования [3].

К сожалению, на сегодняшний день институт семьи стремительно меняется – перераспределяются его функции, роли и значение, как того требует развитие общества и современные технологии. В связи с этим наблюдается рост социальной дезадаптации детей [2], которая проявляется в потери связей с семьёй. Из этого вытекает важная для современного общества проблема, связанная с развитием психологически здоровой, коммуникабельной личности, которая является частью общества и культуры в целом [4].

Наше исследование было направлено на изучение психологических особенностей влияния стилей семейного воспитания на самооценку у детей младшего школьного возраста.

В связи с этим мы выдвинули гипотезу, что развитие самооценки младшего школьника и полноценное становление личности тесно связано со стилем семейного воспитания, а именно:

1. в семье с либеральным стилем воспитания у ребёнка чаще всего формируется завышенная самооценка;
2. в семье с демократическим стилем воспитания, как правило - адекватная самооценка;
3. заниженная самооценка формируется в семье с авторитарным стилем воспитания;

Для проверки гипотез нами были взяты три методики. Для родителей был организован онлайн-опрос изучения родительских установок PARI E.C. Шефера и P.K. Белла, касающихся разных сторон отношения родителей к ребёнку и жизни в семье.

Для детей младшего школьного возраста использовались:

1. Методика «Лесенка» В.Г.Щур;
2. Методика «Какой Я?» (по О.С.Богдановой);
3. Тест «Дерево с человечками» П. Уилсон.

Тест «Дерево с человечками» был использован в качестве дополнения к адаптированным методикам. Результаты данного теста позволили нам дополнительно выяснить, как ребенок с той или иной самооценкой чувствует себя в классном коллективе.

Выборку исследования составили 160 респондентов: 80 детей младшего школьного возраста (2-4 классы), 80 семей (родители детей).

В результате нашего исследования были получены следующие результаты: семьи с демократическим стилем воспитания составляют 54%, с либеральным – 31 %, а с авторитарным стилем – 15%.

Анализируя полученные результаты, в семьях с демократическим стилем воспитания у детей младшего школьного возраста отмечается адекватная самооценка. Дети с завышенной самооценкой, воспитываются в семьях с либеральным стилем. Авторитарный стиль воспитания, как самый сложный для развития ребенка, составил минимальный процент семей, но заниженная самооценка у таких детей подтвердилась исследованием.

Сравнивая результаты, определяющие самооценку ребенка, с проективной методикой «Дерево с человечками», мы пришли к выводу о том, что младшие школьники с адекватной самооценкой, проявляют себя в классном коллективе, как коммуникабельные личности, нацеленные на помощь друзьям, т.е., имеющие нормальную адаптацию к жизненной ситуации. Дети, имеющие завышенную самооценку в процессе воспитания, в классе требуют максимального внимания от одноклассников и претендуют на лидерство среди учащихся, а младшим школьникам с заниженной самооценкой свойственны низкая коммуникабельность, отмечается тревожность и замкнутость.

Итак, в ходе проведенного нами исследования, младшие школьники чувствуют себя успешнее в семье с демократическим стилем воспитания, где ребенок воспринимается как самостоятельная личность, что в дальнейшем способствует развитию коммуникабельной социально активной личности.

Современный мир требует от человека достаточно высоких умений и качеств личности человека, чтобы чувствовать себя комфортно и достигать успехов в своих целях, поэтому уже с младшего возраста родители и педагоги должны воспитывать у ребенка умения нормально воспринимать критику, правильно оценивать свои силы, выстраивать межличностные отношения с окружающими, что находит своё отражение в развитии ребенка с адекватной самооценкой.

Литература

1. *Варга А.Я.* Системная семейная психотерапия // Краткий лекционный курс. СПб.: «Речь», 2001. 143с.

2. *Лисина М.И.* Формирование личности ребенка в общении / М. И. Лисина. СПб.: «Питер», 2009. 320с.
3. *Петросян О.П.* Влияние детско-родительских отношений на самооценку детей младшего школьного возраста / *О.П. Петросян, М.Н. Миглей* // Молодой ученый. 2016. №11 (115).

Психологическое исследование семейных ценностей, ожиданий и притязаний в русско-индийском браке

Кривцова А.С., Батунова Н.И.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
edmond21@yandex.ru, navorutab@gmail.com*

Семья, на протяжении веков имевшая в своей основе союз мужчины и женщины с традиционным распределением гендерных ролей, в современном мире подверглась значительной трансформации [2; 8]. В результате для вступающей в брак молодежи не совсем понятно, на что опереться и как строить жизнь в новообразованной семье - особенно критично это проявляется в межкультурном контексте. Мы решили провести исследование брачных ожиданий и притязаний мужчин и женщин в двух культурах — индийской и российской, так как в связи с активным политическим и экономическим сотрудничеством Индии и России число индо-российских браков может возрасти [4], следовательно, необходимо понимать потенциальные проблемы в таком союзе.

За основу было решено взять опросник РОП А.Н. Волковой и адаптировать его согласно задачам исследования. В результате мы получили гендерно- и культурно нейтральный опросник, позволяющий измерить семейные ценности, а также ожидания и притязания по 7 шкалам. Для индийской стороны опросник был переведен на английский язык и валидирован экспертами индийского происхождения [1]. Для исследования качественного наполнения ожиданий и притязаний в браке опросник был дополнен незаконченными предложениями, где респондентам требовалось дописать свой ответ: «Люди создают семью, чтобы...», «Моими главными обязанностями в семье будут...».

Опрос был проведен онлайн в апреле–мае 2020 года. Верхней планки по возрасту установлено не было, основным критерием выборки было отсутствие опыта в браке как зарегистрированном, так и незарегистрированном. Этот критерий был взят из соображений

измерить ту базу представлений, с которой люди начинают свою семейную жизнь.

Нижней планкой был взят возраст совершеннолетия в обеих странах — 18 лет. Всего было опрошено 53 индийца (36 мужчин и 17 женщин), от 19 до 47 лет; россиян 84 человека (44 женщины и 38 мужчин), от 18 до 37 лет. Результаты опроса были подсчитаны в программе SPSS IBM. Материал, полученный при заполнении респондентами незаконченных предложений, был проанализирован методом семантических групп и представлен в таблицах.

Для начала мы сравнили шкалы ценностей у мужчин и женщин в Индии и России. У граждан Индии обнаружили различия по хозяйственно-бытовой шкале, как в притязаниях, так и ожиданиях, среднее значение которых значительно выше у мужчин. Возможно, это связано с тем, что образованные индийские женщины очень настроены на карьеру, а мужчинам более выгодна традиционная система [5].

У российских граждан отличие было выявлено по шкале идентификации с партнером в области притязаний. У женщин среднее значение притязаний выше, то есть они больше готовы вкладываться в партнера, жить его интересами и думать о том, что его волнует - это проявление традиционной женской гендерной роли [3].

У российских и индийских женщин отличие по критерию Манна-Уитни было выявлено по 3-м шкалам – интимно-сексуальной, родительско-воспитательной и эмоционально-психотерапевтической. По интимно-сексуальной шкале ожидания выше у индийских женщин. По-видимому, это связано с тем, что в индийской культуре считается, что у женщин выше уровень сексуальной энергии, а соответственно и выше сексуальные потребности, чем у мужчин [7]. По родительско-воспитательной шкале у индийских женщин выше притязания. В Индии эмансипация женщин началась позже, чем в России, и до сих пор очень малая часть женщин имеет возможность строить карьеру, и потому материнство для многих индианок – единственный путь самореализации [6]. По эмоционально-психотерапевтической шкале различие лежит в притязаниях, они выше у индийских женщин.

У российских и индийских мужчин больше различий — из 7 исследуемых шкал различий не было выявлено только по шкале внешней привлекательности. Это может быть связано с тем, что традиционная мужская гендерная роль в большей степени трансформировалась в российском обществе, чем в индийском. У индийских мужчин оказались выше значения притязаний по шкале идентичности с партнером, в ожиданиях и притязаниях по хозяйственно-бытовой шкале, в притязаниях по интимно-сексуальной

шкале, в притязаниях и по родительско-воспитательной шкале, в притязаниях и ожиданиях по шкале социальной активности, так и в притязаниях, в ожиданиях и притязаниях по эмоционально-психотерапевтической шкале.

Наиболее интересными результатами по таблице «Люди создают семью, чтобы...» является то, что индийские мужчины и женщины считают семью необходимым залогом полной жизни, а также то, что русские женщины – это единственная группа, в которой присутствует конструктор романтической любви.

В пуле ответов на вопрос «Моими главными обязанностями в семье будут...» бросается в глаза более детализированное представление россиян, особенно женщин, о семейных обязанностях, где более четко прописан функционал. И индийские, и российские мужчины указали лидерство как одно из своих притязаний, чего не отметили женщины. Россияне упомянули эгалитарность как желаемое устройство семейной жизни, чего не было найдено в ответах индийцев. Интересно также, что индийские женщины одной из своих обязанностей считают поддержание и укрепление связи двух породнившихся семей. И российские, и индийские женщины упомянули заработок как одну из своих семейных обязанностей, но эта категория традиционно смещена вниз в системе приоритетов

Мы считаем, что проведенное нами исследование показало следующие моменты:

- 1) ролевые ожидания и притязания в браке выше у индийцев из-за большей степени патриархальности и консервативности их культуры;
- 2) семейные ценности и ожидаемое распределение ролей в браке у индийцев более традиционно;
- 3) индийские мужчины имеют более высокий уровень семейных притязаний, чем российские.

Литература

1. Батурова Н.И., Кривцова А.С. Кросскультурные различия в ролевых ожиданиях и притязаниях в браке у россиян и индийцев//Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти М.Ю. Кондратьева. М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2020. С. 69-72.
2. Егорова Н.Ю. Трансформация супружества в контексте семейных ценностей. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsii-supruzhestva-v-kontekste-semeynyh-tsennostey>

3. *Клецина И.С., Иоффе Е.В.* Нормы женского поведения: традиционная и современная модели URL: http://ivanovo.ac.ru/upload/medialibrary/07e/JRO_2019-3.pdf
4. «Россия – Индия: надежное партнерство в меняющемся мире». Совместное заявление Президента Российской Федерации В.В.Путина и Премьер-министра Республики Индии Н.Моди. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5343/print>
5. *Bidisha Mahanta, Purusottam Nayak* Women Empowerment in India. URL: https://www.researchgate.net/publication/23795416_Women_Empowerment_in_India
6. Government of India India in Figures 2018 [Электронный ресурс] URL: http://mospi.nic.in/sites/default/files/publication_reports/India_in_figures-2018_rev.pdf
7. *Mahajan P.T., Pimple P., Palsetia D., Dave N. and De Sousa A.* Indian religious concepts on sexuality and marriage URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3705692/>
8. United Nations Women Progress of the World's Women 2019-2020: Families in a changing world [Электронный ресурс] URL: <http://www.onumulheres.org.br/wp-content/uploads/2019/06/Progress-of-the-worlds-women-2019-2020-en.pdf> (дата обращения 23.04.2021).

Формирование позитивной самооценки с помощью цифровой фотографии

Кривцова А.С., Рудзянская Е.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

Rudz.cats.1996@mail.ru, Edmond21@yandex.ru

Каждый день люди публикуют миллионы фотографий в социальных сетях. Фотография прочно укрепилась в нашей жизни, что мы не считаем ее чем-то необычным. И не смотря на популярность самих фотографий, фототерапия как подход в психологии пользуется куда меньшим интересом. Фотография как терапия впервые была использована доктором Томасом Киркбрайдом с больными в психиатрии, а как отдельный подход ее ввела канадский психолог и фотограф Джуди Вайзер [1]. Ее мастер-класс возбудил интерес к фототерапии и у других арт-терапевтов. Фототерапию мы рассматриваем как отрасль арт-терапии, которая в свою очередь

является частью экспрессивной терапии. Фототерапия основана на работе с образами, и эта работа может проходить в совершенно разных форматах. Это могут быть фотографии, найденные или созданные клиентом; фотографии клиента, сделанные другими людьми; автопортреты; фотоальбомы и фотопроекции. Отдельным видом работы можно назвать реконструирующую фотографию, в которой используются различные техники с целью воссоздания ситуации прошлого и разрешения проблем посредством фотографии и других арт-приемов.

В нашем исследовании мы остановились на фотографиях клиента, сделанных другими, в данном случае исследователем. Участие принимали девушки от 20-и лет, семейное положение и верхняя граница возраста значения не имели. Для данной работы мы исследовали разные схемы проведения фотосессий и выбрали оптимальный вариант. Основным способом фиксирования изменений самооценки стала методика Дембо-Рубинштейн в модификации П.В. Яньшина [2]. Мы замеряли самооценку до и после фотосессии в один день и после отбора и обработки фотографий в другой день. Процесс отбора и обработки фотографий тоже имеет ряд условий, которые мы установили. Это максимальное сохранение естественности внешности человека, отбор наиболее эстетичных на наш взгляд кадров, в которых подчеркиваются достоинства внешности человека и либо скрываются, либо отходят на второй план аспекты внешности, потенциально вызывающие неудовлетворенность собой. К таким аспектам мы относим наиболее распространенные поводы для женских комплексов: несовпадение фигуры с типичным в медиаконтенте идеалом, возрастные изменения, непредвиденные изменения внешности (сыпь, акне, синяки, царапины и т.д.). Также мы прислушиваемся к беспокойствам клиента о том, как он выглядит, и учитываем это в самой съемке и построении кадра. Нам важно сделать фотографию такой, чтобы человек себе понравился. И не менее важно создать такой процесс съемки, в котором клиент будет чувствовать себя комфортно. Во время съемки мы создаем необходимый положительный настрой, делаем комплементы внешности клиента, опираясь на реальные моменты, которые нам нравятся. Исключено говорить о том, что внешность клиента нам не нравится. В нашей работе мы опираемся на принцип безусловного принятия клиента, один из главных принципов в психологической практике, о котором говорил еще К. Роджерс [3]. Этот принцип работает с большим уклоном на принятие внешности, а также на принятие рассказа клиента о себе, о событиях, о чувствах, обо всем, о чем он считает нужным говорить во время съемки. Это могут быть и чувства дискомфорта от съемки, от одежды, которые мы не оставляем без

внимания. Быть услышанным и понятым для клиента во время терапевтической сессии очень важно. Другой важный принцип нашей работы – обеспечение чувства безопасности клиента. Перед началом сессии человек обязательно должен быть предупрежден о том, как и где она будет проходить, какие его данные будут требоваться, для каких целей и где. Должны быть проговорены права клиента и специалиста на использование фотографии.

По предварительным данным мы выявили позитивное терапевтическое влияние фототерапии на самооценку взрослого человека. Уровень актуальной самооценки повышался после фотосессии и в некоторых аспектах повышался после предъявления фотографий. Как пример, в случае шкалы «уверенность в себе» актуальная самооценка повышалась с каждым этапом: после фотосессии и после получения фотографий. Также повышался и уровень притязаний – то, какую уверенность в себе человек хотел бы иметь, его мечты стали более амбициозны. Повысился и субъективный возможный порог достижимого, то есть человек переоценил свои возможности и решил, что может добиться большего, чем считал ранее. Таким образом, уровень оптимизма относительно шкалы «уверенность в себе» тоже возрос.

Литература

1. *Вайзер Д.* Техники фототерапии: использование интеракций с фотографиями для улучшения жизни людей // В кн.: Визуальная антропология: настройка оптики. М., 2009.
2. *Яньшин П.В.* Практикум по клинической психологии. Методы исследования личности. СПб., 2004.
3. *Роджерс К.* Клиентоцентрированная терапия. М., 1997.

Методы профилактики и коррекции асоциального поведения школьников в работе учителя

Креницына А.В.

*МГОУ, ГБОУ «Школа № 121», Москва, Россия
Asdis-hildr@yandex.ru*

Одна из острых проблем, которая всегда актуальна для психологии и педагогики – проблема асоциального поведения. В меняющемся обществе, претерпевающем различные кризисы, эпидемии, учащаются

случаи отклоняющегося поведения школьников. Поэтому становится важной проблема поиска путей коррекции асоциального поведения.

В школе асоциальными проявлениями занимаются, в основном, психологи, социальный педагог, завуч по воспитательной работе, совет по профилактике правонарушений. Но наиболее значимым моментом является вопрос применения учителями-предметниками и классным руководителем технологий социально-психологической профилактики и коррекции асоциального поведения школьников. В арсенале работы классного руководителя, в основном, присутствуют беседы. Для предметника не всегда представляется возможность принимать участия в данной деятельности по преодолению асоциального поведения. Особую роль в формировании просоциального поведения играет учитель [4; 5]. Именно на учителя лежит ответственность за становление личности ребёнка в рамках школы. Задача педагога состоит в том, чтобы помочь создать детям дружный коллектив, где дети будут полноценно самовыражаться. Всё это отражается в формировании просоциального поведения и профилактике асоциального. Асоциальное поведение – это поведение, не соответствующее нормам и ожиданиям общества, включающее в себя социально-неодобряемое, девиантное, делинквентное и преступное [6].

В 2018-2021 гг. в МГОУ в ходе обучения студентов психологии будущим учителям были предложены технологии социально-психологической профилактики и коррекции асоциального поведения обучающихся 5-11 классов. В 2010-2021 гг. в ходе участия совета по профилактике правонарушений и работы с детьми в ГБОУ «Школа № 121» были выявлены методы работы со школьниками.

В качестве принципов можно выделить следующие:

1. Асоциальное поведение связано с ранней десоциализацией;
2. В основе формирования асоциальности - закономерности депривации, вытеснения, негативной идентификации.
3. Для диагностики асоциального поведения изучают: социальную ситуацию, негативные условия, способ развития поведения, медицинские, патологические условия, прогноз [4].

Выявлены наиболее эффективные методы коррекционной работы учителя по преодолению асоциального поведения школьников.

1. *Классные часы с элементами социально-психологического тренинга* в работе с подростками. Среди форм групповой работы нужно выделить: психогимнастику, группы арт-терапии, методики социально-психологического тренинга [8].

2. *Социально-педагогическое перевоспитание*. Мониторинг детей с асоциальным поведением, программу индивидуального

воздействия на школьника, среду, взаимодействие и преемственность у субъектов педагогической деятельности, контроля образа жизни подростков [7, с. 60-72].

3. *Методы коррекции подростковой асоциальности.* Опора на положительные качества, формирование устремлений, курирование проблемы досуга детей, развитие интересов, духовных ценностей [1].

4. *Методы педагогической коррекции в деятельности.* Вовлечение в общественно-полезную, спортивную, творческую, исследовательскую деятельность, игру. В течение внеурочных мероприятий им предоставляется возможность выразить интересы, осуществить потребности, способности, оценить себя, быть активным во внеклассной работе, найти способы отношений, выбрать просоциальную форму поведения [2].

5. *Переориентация направленности группового общения подростков.* Работа по переориентации и коррекции группового общения школьников всех возрастов [3].

6. *Прививать методы самовоспитания:* самопринуждение, самоопределение, самоподчинение, самооговаривание, самовнушение, самонаказание, самопоощрение, самоубеждение, самопринятие, самонапоминание и др.

Таким образом, наиболее эффективные результаты достигаются на основе комплексного подхода к проблеме. В целом, работа по преодолению асоциального поведения должна включать педагогические и социально – педагогические приёмы и методы воздействия учителей-предметников и классных руководителей.

Литература

1. *Беличева С.А.* Основы превентивной психологии. М.,1993. 204 с.
2. *Гонеев А.Д., Лифинцева Н.И., Ялтаева Н.В.* Основы коррекционной педагогики. М., 2002.
3. *Кондратьев М.Ю.* Социальная психология в образовании. М., 2008.
4. *Миляева А.К.* Социально-педагогические особенности формирования профессиональной идентичности студентов-выпускников в современных условиях // Педагогическое образование и наука. 2020. №3. С.95-97.
5. *Мысин О.И.* Сравнение мотивационно-ценностных ориентаций студентов факультета ИЗОИНР И ГЭФ // Социальная психология: вопросы теории и практики // Материалы V Всероссийской научно-практической

- конференции с международным участием памяти М.Ю. Кондратьева. М., 2020. С. 395-397.
6. *Плахов В. Д.* Социальная норма и отклонения / В. Д. Плахов // Социологические исследования. 1995. № 11. С. 131–134.
  7. *Социальная педагогика* / под ред. Галагузовой М.А., М., 2003. 415 с.
  8. *Хухлаева О.В.* Тропинка к своему Я. М., 2001. 203 с.

Взаимосвязь системы детско-родительских отношений с особенностями жизненной стратегии подростка

Кропачева Ю.П., Красилов Т.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, г. Москва, Россия
yuliya.tisen@gmail.com, tkrassilo@yandex.ru

Современное общество с увеличивающейся динамикой жизни, с появлением новых сфер деятельности, техническим прогрессом меняет не только социальные нормы общества, но и предъявляет все больше требований к принципам воспитания и сформированным в процессе воспитания личностным особенностям человека. Остро встает вопрос стратегии жизни и процесса ее формирования, который актуализируется в подростковом возрасте. Простроенный план будущего, осознанный выбор жизненной стратегии способствует реализации потенциала личности как в социальной, так и личной жизни человека.

Проблематика построения жизненной стратегии рассматривается не только психологами, но и социологами с разных точек зрения, затрагивая различные структуры личности человека.

Мы рассматриваем жизненную стратегию как индивидуальный способ проектирования жизненной программы, «сценария», во временной перспективе, реализуемый в различных жизненных областях, способствующий достижению целей с точки зрения смыслов и образцов жизни. Целью может быть желаемое состояние человека в будущем, например, иметь высокий социальный статус, занимать определенное место в обществе и т.д. Основным показателем ее реализации является общее чувство удовлетворенности или неудовлетворенности на всех этапах жизненного пути.

В основе построения жизненной стратегии лежит разрешение как внутренних противоречий между своими желаниями, ценностями, притязаниями, личными мотивами и социальными условиями, нормами, культурными особенностями и т.д., так и внешних

противоречий при взаимодействии с другими людьми. В этой связи, рассматривая противоречия как конфликт (внутренний или внешний), лежащий в основе построения жизненной стратегии, способ разрешения конфликтных ситуаций характеризует жизненную стратегию личности.

Наряду с «Я-концепцией», жизненная стратегия является внутренним образованием личности, входящим в систему ориентирования личности, и несет не только направляющую функцию, но и функцию регуляции жизни с точки зрения ее образа, смыслов, ценностей, норм и целей.

Основным «фундаментом» для развития личности человека является семья. В семье закладываются социальные образцы поведения, культурные особенности, под воздействием детско-родительских отношений формируется образ себя и другого, жизненная позиция, что подтверждено многочисленными исследованиями. В этой связи встает вопрос о взаимосвязи системы детско-родительских отношений с особенностями жизненной стратегии детей подросткового возраста.

С нашей точки зрения, стратегия жизни детей подросткового возраста подчинена характеру стратегии поведения в конфликтной ситуации и отражается на способе построения жизненных планов.

Нами было проведено исследование с целью выявления характера взаимосвязи типа привязанности и детско-родительских отношений с особенностями жизненной стратегии подростка. В исследовании приняли участие 60 человек в возрастном интервале от 12 до 16 лет. Методики исследования: «Стратегия поведения в конфликте» К. Томаса, «Опросник на привязанность к родителям для подростков» М.В. Яремчук и «Детско-родительские отношения подростка» (с изучением шкал: эмоциональные отношения, особенности взаимодействия, контроль) П. Троянговской.

Применяя статистические методы обработки данных и проводя корреляционный анализ с использованием критерия Пирсона, мы выявили взаимосвязь между особенностями жизненной стратегии подростков и системой детско-родительских отношений.

Результаты исследования по методике К. Томаса показали, что 42% респондентов применяют стратегию поведения соперничества, 25% – приспособления, 15% компромисс, стратегию сотрудничества используют 12% опрошенных, 6% – избегания.

Между типами привязанности и стратегиями поведения в конфликте у подростков были установлены значимые корреляционные связи. Так, надежный тип привязанности имеет высокую положительную корреляцию со стратегиями сотрудничества

и компромисса. Между тревожно-амбивалентной привязанностью и стратегиями соперничества и приспособления также была получена положительная корреляционная связь. И, в свою очередь, было установлено, что избегающий тип привязанности имеет прямую взаимосвязь со стратегией избегания.

Выявлена положительная корреляционная взаимосвязь эмоциональных отношений родителя и ребенка со стратегиями поведения подростка. Так, чем больше родитель проявляет позитивный интерес к ребенку и эмпатию, учитывает его особенности в воспитательном процессе, тем ярче выражена в поведении ребенка стратегия сотрудничества. В свою очередь характер эмоциональной дистанции имеет отрицательную корреляционную взаимосвязь со стратегиями поведения в конфликте, что может свидетельствовать о том, что тесная эмоциональная связь между родителем и подростком способствует развитию стратегии избегания.

Нами установлена положительная корреляционная взаимосвязь между характером взаимоотношений и стратегиями поведения в конфликте у подростков. Мы можем предположить, что совместное и равноправное выполнение заданий, учет интересов подростка в принятии решений, поощрение автономности, способность родителей урегулировать конфликтные ситуации позитивно отражаются на стратегии поведения сотрудничества, в противном случае у ребенка преобладают альтернативные стратегии поведения.

Отрицательная взаимосвязь выявлена между степенью контроля и стратегиями поведения подростка. Так, чем выше контроль и требования, предъявляемые к ребенку, чем жестче мониторинг деятельности подростка, тем меньше проявляется стратегия сотрудничества или компромисса.

Таким образом, рассматривая особенности жизненной стратегии с точки зрения способа разрешения конфликтной ситуации, мы можем предположить, что наиболее благоприятной стратегией для построения дальнейших жизненных планов является стратегия сотрудничества. Исследование показало, что особенности жизненной стратегией подростка имеют взаимосвязь с детско-родительскими отношениями и типом сформированной привязанности. Так, для стратегии поведения сотрудничества характерны теплые эмоциональные отношения между родителем и подростком, сотрудничество во взаимодействии с ним, адекватный контроль и сформированный надежный тип привязанности.

Представления об имидже успешного человека

*Крушельницкая О.Б., Асташина Е.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
social2003@mail.ru, ast-ea@mail.ru*

В современном мире все более востребованным становится эффективное самопредъявление личности и формирование имиджа, свидетельствующего о реальной или видимой успешности человека в значимых для него сферах жизни. При этом успешность понимается по-разному, в зависимости от личностных и групповых психологических особенностей реципиентов. Особенно важной становится задача формирования имиджа, характеризующего человека как успешного, в условиях общения, опосредованного дистанционными техническими средствами и виртуальной средой интернета. Реальный и социально-перцептивный образ воспринимаемого в виртуальной среде субъекта могут существенно различаться.

В социальной психологии существуют различные подходы к изучению имиджа. Рассматриваются его виды: имидж личности (например, конкретный политический лидер, известный артист); имидж социальной роли (педагог, чиновник, служащий), социальных групп (страна, город, общественная или коммерческая организация, семья); имидж науки, культуры, искусства; имидж товара или услуги; имидж идеальных структур (бренд и др.). Обобщая научные взгляды на феномен имиджа, можно сказать, что он может изучаться и как перцептивный образ – совокупность сложившихся в сознании членов большой социальной группы стереотипных представлений, и как результат самоощущения субъекта, и как его представление о себе, которое он формирует и транслирует окружающим. Все чаще в научных исследованиях имидж рассматривается в качестве вторичного психического образа-представления о личностном или групповом субъекте, которое может складываться стихийно или намеренно (по инициативе субъекта). Как правило, этот образ представления имеет характер стереотипа (М.В. Жижина, В.И. Змановская, Е.Б. Перельгина, Е.А. Петрова, Г.Г. Почепцов и др.).

В нашей работе имидж успешного человека рассматривается как стереотипный образ восприятия этой социальной роли в представлениях различных категорий респондентов.

С психологической точки зрения, понятие «успех» и «успешность» связаны с нормами и ценностями человека и общества (А.В. Петровский, М.Ю. Кондратьев, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн др.).

Понятие «успешный человек» является социокультурным маркером, имеющим свои особенности для людей разных поколений, разного пола, обладающих разными личностными особенностями. Феномен успешности – многогранное понятие, в которое каждый человек может вкладывать свое значение. В реальности люди, имеющие достаточно развитые способности и необходимые для выполнения их деятельности компетенции, в сходных социальных условиях не всегда оказываются успешными. Это может быть связано как с их личностными особенностями, так и с представлениями окружающих об имидже успешного человека.

С целью выявления особенностей представлений об имидже успешного человека нами было проведено эмпирическое исследование с участием 143 респондентов – 111 женщин и 32 мужчин разного возраста (35% опрошенных – в возрасте до 25 лет, 10,5% – 25-35 лет, 19,6% – 36-45 лет, 19,6% – в возрасте 46-55 лет, 15,4% – 55-65 лет). В работе проверялось предположение о том, что имидж успешного человека в представлениях испытуемых более зрелого возраста будет обладать преимущественно содержательными характеристиками (хорошее образование, социально значимые черты личности) и меньше ассоциироваться с внешностью и видимым материальным благополучием, чем в представлениях респондентов младшего возраста. Также проверялись гипотезы о том, что чем выше уровень коммуникативного контроля респондентов, тем больше внимания в имидже успешного человека они отдают его внешним характеристикам; социально значимые характеристики более значимы в имидже успешного человека для респондентов с высокой выраженностью социального «Я».

Исследование имиджа проводилось с помощью разработанной нами на основе результатов предварительного теоретического исследования анкеты «Успешный человек: какой он?». Анкета включает вопросы о демографических показателях стереотипно представляемого имиджа успешного человека (пол, уровень образования, социальный статус, семейное положение, материальный достаток); вопросы, построенные согласно критериям оценки имиджевых характеристик (по Е.В. Змановской), а также задание на свободные ассоциации к понятию «успешный человек».

Для оценки характеристик испытуемых использовались Тест двадцати высказываний «Кто я?» (М. Кун, Т. Макпартленд) и «Шкала социального самоконтроля» М. Снайдера. Кроме того, респонденты сообщали данные о себе (возраст, пол, уровень образования, семейное положение, регион проживания) и оценивали уровень собственной

успешности в различных сферах деятельности (семейной, профессиональной (трудовой), в своем хобби).

Контент-анализ ответов респондентов позволил выделить десять наиболее значимых характеристик имиджа успешного человека: ответственность, общительность, умение вызывать доверие к себе, оптимизм, трудолюбие, хорошие внешние данные. Возраст успешного человека составляет, по мнению 67,8% опрошенных, 36-45 лет, его пол не имеет значения. 44,8% респондентов считают, что это – семейный человек, а для 50,3% его семейное положение не имеет значения.

Далее были выявлены особенности представлений об имидже успешного человека у различных категорий респондентов. Высокий материальный достаток и развитая коммуникабельность наиболее характерны для имиджа успешного человека в представлениях самых молодых респондентов (до 25 лет). Высокое материальное богатство, внешность (одежда, прическа, стиль, манеры) и коммуникабельность имеют наибольшее значение для респондентов до 35 лет. Более старшие участники нашего исследования отметили обязательное наличие высшего образования, ответственность, совестливость (различия значимы на уровне 0,05, согласно критерию Краскела-Уоллиса). Лица, состоящие в браке, полагают, что это семейный человек с высшим образованием, средним или высоким уровнем материального достатка. Не состоящие в браке считают, что материальное богатство обязательно, а семейное положение успешного человека не имеет значения. Респонденты, проживающие в Москве и Московской области, реже называли богатство и высшее образование, чем респонденты из других регионов.

Оптимистичность, совестливость и коллективизм больше выражены в имидже успешного человека для тех респондентов, которые считают себя успешными в семейной и профессиональной (или трудовой) деятельности, а не в каком-либо хобби (критерий Краскела-Уоллиса, $p \leq 0,05$).

При сравнении представления об имидже успешного человека у респондентов с разными показателями самовосприятия оказалось, что социально значимые характеристики «совестливый» и «ответственный» имеют большее значение для респондентов с высокой выраженностью социального Я (критерий манна-Уитни, $p \leq 0,05$), чем для тех, у кого преобладает рефлексивное «Я» (для последних более значимы характеристики «бесконфликтность», «внешние данные» и «трудолюбие»).

Чем выше уровень социального самоконтроля, тем большее значение в имидже успешного человека имеют «внешние данные»

(критерий Спирмена $r=0,35$, $p=0,01$) меньше – «совестливость» и «альтруистичность» ($p \leq 0,05$).

Полученные результаты подтверждают выдвинутые нами гипотезы и позволяют заключить, что представления об имидже успешного человека содержат как общие – стереотипные особенности, так и специфичные для лиц, обладающих различными возрастными и социально-психологическим характеристиками.

Психологические особенности отношения старшеклассников к репетиторству и репетиторам

Крылова Н.Г.

*ФГБОУ ВО КГУ, Кострома, Россия
natkrulova@mail.ru*

В современном мире спрос на репетиторские услуги сильно возрос и сегодня услугами репетиторов пользуется большое количество учащихся [1]. Отношение к репетиторству старшеклассников связано с включенностью и характером участия школьника в этом процессе.

Цель нашего исследования состояла в изучении особенностей эмоционального отношения и восприятия репетиторства учащимися старших классов. Всего в исследовании приняли участие 342 человека 16-18 лет (средний возраст испытуемых 17 лет), из них 178 девушек и 164 юношей. 277 (79%) респондентов обращались к репетиторам – 1 группа, 65 человек (21%) не обращались – 2 группа. Методом случайной выборки группы были уравновешены по численности, в результате первая группа составила 22 человека, а вторая группа – 20 человек.

В исследовании была использована методика «Цветовой тест отношений» (ЦТО) А.М. Эткинда. В рамках проведения цветового теста отношений стимулом выступали параметры отношения учащихся к репетиторам и занятиям с ними. В основе ЦТО лежит теория отношений В.Н. Мясищева и конструкты Б.Г. Ананьева об образной природе психической структуры любого уровня и сложности [3].

Первая цветовая ассоциация была проведена с категорией «Репетиторство». Имея опыт дополнительных занятий с педагогом-репетитором, старшеклассники приобретали чувство спокойствия и уверенности, что часто не могли получить в школе. В этой группе респондентов наблюдалась амбивалентность в средствах достижения этих чувств, кто-то стремится активно включаться в процесс

дополнительных занятий с репетитором, а кто-то считал, что уже обращения к репетитору достаточно для получения чувства «защищенности и уверенности в том, что нужная цель будет достигнута». Отношение к репетиторству у группы учащихся, которая не имеет опыта занятий с ним, характеризовалась склонностью видеть в репетиторстве удовлетворение познавательной потребности и наличием, нередко, стереотипного представления о репетиторах, как о людях, которые «не переживают», «не болеют» за своего подопечного или даже «не качественно оказывает образовательные услуги», «они просто зарабатывают деньги». Чувства, которые возникают у них по отношению к репетиторству, являясь скорее нейтральными (интерес, спокойствие) либо негативными (тревожность и напряжение).

Вторая цветовая ассоциация была проведена с категорией «Мое отношение к педагогу-репетитору».

Следует отметить, что чем выше уровень эмоциональной привлекательности, близости, симпатии учащегося в отношении к личности педагога-репетитора, к их занятиям, тем с более предпочитаемым цветом он ассоциировался у школьников. Напротив, отвергаемый репетитор и отвергаемые занятия с ним ассоциируется с цветами, получившими наибольшие ранги в индивидуальной цветовой раскладке. В группе учащихся, не занимающихся у педагогов-репетиторов, отношения к репетитору более нейтральные, можно сказать, что отношение к репетитору характеризуется, при отсутствии собственного опыта, потенциальной заинтересованностью в возможных вариантах взаимодействия с педагогом-репетитором, а также определенной отстраненностью и безучастностью.

Третий вариант цветовой ассоциации был проведен с категорией «Мои занятия с педагогом-репетитором». Можно сказать, что в группе старшеклассников, занимающихся у репетитора, доминирующей эмоцией является спокойствие. Опыт занятий с репетиторством создает у школьников чувство спокойствия, помогает старшеклассникам в подготовке к экзаменам, и в целом в учебной деятельности. Учащиеся, посещающие занятия с репетитором, меньше переживают о том, что не смогут хорошо подготовиться к экзаменам и успешно сдать их. Можно говорить, о выраженности у школьников, занимающихся с репетитором, так же эмоции радости и утомления. Утомление, у старшеклассников этой группы, скорее всего, связано с большой нагрузкой, в связи с серьезными дополнительными занятиями учащихся.

В группе учащихся, не имеющих опыт занятий с педагогом-репетитором, доминирующей эмоцией является выраженное чувство интереса, то есть положительно окрашенный эмоциональный процесс.

Это можно объяснить тем, что старшеклассникам, возможно, интересно узнать больше о репетиторстве и приобрести свой собственный опыт в этом вопросе.

Проанализировав результаты цветового теста отношений, стало понятно, что отношения в двух рассмотренных нами группах значительно отличаются по эмоциональному компоненту отношений, по активности и включенности в феномен репетиторства. У старшеклассников, которые занимались у репетитора, эмоциональный компонент отношений представлен следующими эмоциями и чувствами: интерес, радость, спокойствие, огорчение и утомление. У старшеклассников, которые не обращались к репетитору, эмоциональный компонент отношений представлен тремя доминирующими эмоциями и чувствами: спокойствие, интерес и огорчение, пассивное отстраненное отношение.

Литература

1. *Брей М.* Частное дополнительное обучение (репетиторство): сравнительный анализ моделей и последствий //Journal of Comparative Education. 2006.V.36. No.4. PP. 515-530 (перевод с англ. Е. Фруминой).
2. *Кондратьев М. Ю.* Социальная психология образования: учебное пособие для вузов / М.Ю. Кондратьев. 2-е изд. Москва: Издательство Юрайт, 2020. 321 с.
3. *Мясищев В.Н.* Психология отношений. М.; Воронеж, 1973.

Какие личностные черты избирателей становятся предикторами отношения к политическому обману

Крюкова Т.Л., Бородулина С.В.
ФГБОУ ВО Костромской государственный университет,
Кострома, Россия
tat.krukova44@gmail.com, Djon_Snoy@mail.ru

На современном этапе в отечественной психологии наблюдается недостаточность и ограниченность в изучении психологии обмана в политической сфере [2; 6]. В новой общественной парадигме в эпоху постправды – «обществе переживания», основанном на идеале истинности, по мнению В.В. Знакова, фактическая истинность сообщений в человеческом общении не тождественна их правдивости [4]. Под постправдой имеются в виду обстоятельства, при которых

эмоциональные воздействия больше влияют на формирование общественного мнения, чем объективные факты. В «обществе переживания» существует немало сфер человеческой жизни, психологические и социальные основания которых строятся на сознательном отказе от истинных утверждений. Одна из традиционных – политический обман. Данный феномен издавна исследуется с точки зрения феноменологии внушаемости и психологии воздействия [1], личности лжеца, а особенности восприятия обмана в сопряжённости с различными чертами личности остаются практически без внимания.

В научных исследованиях выделены наиболее значимые индивидуально-личностные и социально-психологические с точки зрения предикции формирования отношения к обману. Таковыми являются: суггестивность/внушаемость, интернальность, макиавеллизм, отношение к различным видам лжи [1; 2; 3; 4; 6].

Одним из последних политических событий, содержащих в себе элементы обмана, является голосование по поправкам в Конституцию РФ. Обман был выявлен при сопоставлении сравнительной таблицы действующей Конституции РФ с учетом вносимых поправок и брошюры, взятых с официального сайта Государственной Думы РФ. Обман проявляется в предъявлении неполной информации в указанной брошюре.

Цель: исследование сопряжённости личностных особенностей избирателей разного возраста с их отношением к обману.

Проблемный вопрос: могут ли личностные черты избирателей разного возраста быть предикторами их отношения к обману в социально-политическом контексте?

В исследовании добровольно приняли участие 20 мужчин в возрасте от 20 до 40 лет ($m=26,9$; $SD=4,99$) и 38 женщин от 18 до 40 лет ($m=24,32$; $SD=5,47$). 34 человека в периоде ранней зрелости ($m=20,6$; $SD=1,3$) и 24 человека в периоде зрелости ($m=31,8$; $SD=3,5$). Основные методики: методика диагностики локализации контроля личности; методика «Внушаемость»; шкала макиавеллизма личности MACH-IV; опросники «Виды лжи» и «Отношение ко лжи» [2, 3, 5, 6].

Исследование показало, что избиратели разного возраста демонстрируют различия в сопряжённости личностных черт с отношением к обману ($p<0,01$), что установлено с помощью регрессионного анализа.

1. Отношение к голосованию при этом оценивается преимущественно как негативное.

2. Женщины более открыто выражают негативное отношение к информационным материалам по поправкам в Конституцию РФ ($p < 0,05$);

3. Частота просмотра политических передач, особенно по телевидению, не связана с отношением к обману.

4. У молодых взрослых сопряжённость личностных черт с отношением к политическому обману выражается в следующем: информация в рекламе воспринимается как ложная при её несовпадении с накопленными профессиональными компетенциями избирателей («процессуально-профессиональный аспект интернальности»: $R^2=0,443$; $p=0,02$); информационные материалы, предоставляемые на избирательных участках, оцениваются негативно при восприятии перемен как угрозы («интернальность в сфере здоровья»: $R^2=0,444$; $p=0,002$), а также при несамостоятельном поиске информации («профессионально-социальный аспект интернальности»: $R^2=0,526$; $p=0,029$).

5. У взрослых респондентов средней зрелости сопряжённость с отношением к обману проявляется в следующем: отношение к рекламе формируется с учётом собственной склонности к сокрытию истинной информации из опасения навредить окружающим («ложь во благо»: $R^2=0,470$; $p=0,000$), опосредованности результата собственными действиями («интернальность в профессиональной деятельности»: $R^2=0,624$; $p=0,000$), собственной мотивированности использовать ложную информацию («мотивы лжи»: $R^2=0,747$; $p=0,005$); информационные материалы, предоставляемые на избирательных участках, оцениваются негативно при неприятии ответственности за полученные результаты («отношение ко лжи-сплетне»: $R^2=0,483$; $p=0,036$) и недостаточной ознакомленности избирателей с представителями власти («интернальность в профессиональной деятельности»: $R^2=0,581$; $p=0,043$); отношение к голосованию формируется в умении анализировать информацию на предмет её истинности («отношение ко лжи-сплетне»: $R^2=0,515$; $p=0,003$).

Личностные черты, сопряжённые с отношением к обману, различны у избирателей разного возраста: в период возраста средней зрелости наблюдается большая выраженность и устойчивость предикции по сравнению с ранней зрелостью, большее влияние имеют субъективное отношение к неистинной информации и интернальность в профессиональной сфере. Получается, что социальная реальность не обеспечивает восприятие политической информации как достоверной.

Литература

1. *Бехтерев В.М.* Внушение и его роль в общественной жизни. М.: Питер, 2001. 256 с.
2. *Гарифуллин Р.Р.* Иллюзионизм личности как новая философско-психологическая концепция: Психология обмана, манипуляций, кодирования. Йошкар-Ола, Книга и К., 1997.
2. *Знаков В.В.* Психология понимания: Проблемы и перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. 448 с.
3. *Знаков В.В.* Психология возможного: Новое направление исследований понимания. М., «Институт психологии РАН», 2020. 257 с.
4. *Ксенофонтова Е.Г.* Исследование локализации контроля личности — новая версия методики «Уровень субъективного контроля» // Психологический журнал. 1999. Т.20. №2.
5. *Шкуратова И.П.* Отношение студентов к разным видам своей и чужой лжи / Индивидуальные различия в познании и общении. Ростов-на-Дону: Антей, 2007.

Социальные и личностные проблемы дистанционного обучения

Ксёнда О.Г.

*Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
olgaksionda@gmail.com*

В последние годы в вузах разных стран активно внедрялось дистанционное обучение (ДО), которое оказалось востребованным в период пандемии. Оно позволило без значительного ущерба для качества образования перевести учебный процесс в дистанционный режим работы в сложных эпидемиологических условиях, что вызвало ряд организационных, социальных и психологических проблем.

Психологическое сообщество и раньше исследовало особенности дистанционного обучения [1; 5], но в последний год это стало самой актуальной темой [2; 3; 4].

Мы также анализируем изменения в личностном и социальном аспектах, проводя письменные и устные опросы студентов об их восприятии дистанционного обучения. В данном случае респонденты – это студенты-психологи третьего года обучения (56 человек). Метод обработки данных – контент-анализ высказываний (вычленились слова, словосочетания и фразы, которые относились к социальным и личностным приобретениям и потерям, которые сопровождали ДО).

Частотный и корреляционный анализ были выбраны для статистической обработки данных.

Анализ результатов привел нас к следующим выводам. Студенты разделились на три группы с разными позициями.

Первая продемонстрировала полное принятие ДО и общее положительное его восприятие (18 человек, 32%). Отметим, что все студенты этой группы работают или параллельно занимаются на разных курсах. Они описывают ДО как «удобное» (частота встречаемости 100%), «экономное (не надо тратить ресурсы на перемещение)» – 67 %. Многие характеризуют себя как человека организованного, что и дало им возможность *«удачно вписаться в дистанционку»* (Вероника К.). Также они отмечают у себя проблемы публичных выступлений в очном режиме, поэтому считают, что именно ДО для них лучше: *«я никогда так много и хорошо не училась»* (Оксана М.); *«мне всегда было трудно отвечать на семинарах из-за моих проблем со здоровьем, поэтому теперь я все задания выполняю хорошо и сдаю их в срок»* (Юлия Л.); *«очень удобно выполнять задания тогда, когда ты их обдумал и проработал, а не по-быстрому на практических, чтоб сдать»* (Илья И.). Вместе с тем они отмечают, что ДО лишило их реального общения, что не способствовало развитию коммуникации и преодолению их природной стеснительности. В этой группе корреляционная связь при 1%-ной значимости была выявлена между низкой самооценкой и положительным отношением к ДО.

Вторая группа выразила неприятие и отрицательное отношение к ДО (10 человек, 18 %), охарактеризовав его как «безликое» (50%), «абстрактное» (40 %), отмечая невозможность отработки практических навыков. Здесь была выявлена корреляция между высокой коммуникабельностью и отрицательным отношением к ДО (уровень значимости $p=0,001$). Вот эмоциональные слова одного из студентов: *«Не помню ни одного дня, чтобы я испытывал положительные эмоции к дистанционному обучению... Надеюсь, я застану то время, когда можно будет снова увидеть живых людей на аудиторных занятиях»* (Егор А.).

В третьей группе оказалось большинство респондентов (28 студентов, 50%), которые продемонстрировали в целом позитивное отношение и понимание сильных и слабых сторон ДО. Первыми были названы экономия ресурсов, комфортные условия, доступность материалов, возможность работать в индивидуальном темпе. Вторые отражают определенные личностные и социальные потери. Личностные связаны с ограничением передвижения и комфортом, что приводит к расслабленному отношению к жизнедеятельности и учебе:

частота встречаемости слова «лень» 74%, «комфорт» (55%) и «расслабленность» (43%). К социальным потерям все студенты однозначно отнесли дефицит живого общения, который, однако, привел к развитию навыков онлайн-общения (отметили 68% студентов), способности высказываться понятно и красиво в письменной речи (16 %).

Наши данные согласуются с результатами других исследований [3; 4; 5].

Литература

1. *Андросова Л.М.* Особенности работы преподавателя со студентами дистанционной формы обучения // *Цивилизация знаний: проблемы и смыслы образования. Труды XIV Междунар. Науч. конф. Науч. ред.: В.А. Зернов. Москва, 2013. С. 133-135.*
2. *Видов Г.И., Капранов Г.А.* Особенности отношения студентов вуза к дистанционному обучению // *Теория и практика современной науки. 2020. № 6. С. 475-478.*
3. *Гаврильченко К.Э.* Особенности учебной мотивации у студентов в условиях дистанционного обучения // *Психология здоровья в образовательном процессе: материалы регион. Науч.-практ. Конф. Курск, 2020. С. 53-55.*
4. *Лифшиц М.В.* Особенности межличностной коммуникации студента и преподавателя в ситуации дистанционного обучения// *Дистанционные технологии в профессиональном психологическом образовании, психологии и психоанализе. Сб. науч. тр. Междунар. Науч.-практ. Конф. Под редакцией М.М. Решетникова. СПб, 2020. С. 22-27.*
5. *Соколов Г.А.* Особенности психоэмоциональных состояний студентов при дистанционной форме обучения // *Казанская наука. 2015. №5. С. 185-190.*

Возможности применения амплификации образа взрослости в пенитенциарных учреждениях

*Кудрявцев В.Т., Хохлатова Е.Ю.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
vtkud@mail.ru, eva@atma.ru*

М.Ю. Кондратьев отмечает, что вопрос межличностной значимости, а именно понятие «значимого другого» активно

разрабатывается и задействуется в практическом применении. «Значимый другой» оказывает влияние на детей, что выражается в качественном изменении и формировании смысловых образований и поведенческой активности.

«Первый из рассматриваемых А.В. Петровским критериев значимости другого – его оценка по шкале «референтность» для партнера, т.е. степень его идеальной представленности в сознании последнего в качестве лица, чье мнение значимо для него либо как информация к размышлению, либо как существенный ориентир для принятия решения, либо как прямое руководство, безоговорочное указание к действию в жизненно важной ситуации. Напомним, что речь идет не об анализе на интраиндивидуальном уровне каких-то индивидуально-психологических характеристик, якобы обеспечивающих субъективную значимость одного человека для другого, а о метаиндивидуальной репрезентации личности «значимого другого» [2, с. 1].

В 2020 году на конференции памяти Л.Ф. Обухова прозвучало мнение профессора В.Т. Кудрявцева, что современный взрослый, похоже, не может выступать как идеальная форма для ребенка.

В исследовании рассматривается этот феномен как вероятный момент культурно-исторического этапа и предполагается, что подросток может опереться в своем развитии не только на реального взрослого, а на воображаемый внутренний образ (в идеальном образе взрослого и зрелости), который формируется всегда через культуру, в отношениях, а в конкретном исследовании – в совместно-распределенной деятельности. Идеальное мы можем поискать и сконструировать из прошлого, настоящего, внося свои современные коррективы с помощью воображения. То есть амплифицировать существующий образ взрослого.

В исследовании «Воображение как детерминанта образа зрелости» разрабатывается методика работы с подростками для амплификации образа зрелости. В исследовании рассматривается образ зрелости как целостный живой организм, или психический орган, содержащий в себе образ взрослых и образ самого себя, как взрослого. «Взрослые другие» и «взрослый Я» – взаимодействующие и не имеющие четких границ части единого психического органа – образа зрелости.

Работа проводилась на выборке школьников средней городской школы, но имеет потенциально большое практическое значение для пенитенциарной психологии и педагогики в проблематике «значимого взрослого».

Работа о воображаемом герое была проделана Березиным С.В., Евдокимовой Ю.Б. на примере дошкольного возраста. «Особый интерес в этом смысле представляют воображаемые компаньоны, которых конструируют многие дети. Такие фантазии, по мнению Л.С. Выготского и А.Р. Лурия, характеризуют стадию примитивного восприятия мира и часто замещают ребенку действительность. Кроме того, как полагают Л. Эймс и Дж. Лирнд, создание таких персонификаций зачастую компенсирует ребенку, отсутствие теплоты и сердечности в реальной жизни. Такое восприятие характерно, на наш взгляд, и для социальных сирот. Для них свойственно замещение негативных родительско-детских отношений созданием в их воображении идеализированного образа родителей, не соответствующего реальному» [2, с. 36].

Это актуально не только для раннего этапа онтогенеза, эта форма справляться с трудной и дефицитарной социальной ситуацией развития актуальна и для подросткового возраста. Но она отличается тем, что подросток не будет на место идеального «значимого другого» ставить родителя, это должны быть другие герои. И задача взрослого, педагога поддержать этот процесс. В исследовании проведен формирующий эксперимент, который дает научные основания для поддержки процесса формирования образа идеального «значимого другого». Разработанные уроки могут быть использованы в пенитенциарной педагогике подростков не только для амплификации образа взрослости, как это актуально для подростков из семей, но и для создания идеального образа взрослости, на который можно опираться как на воображаемое компенсирующее дефицитарное реальное.

Методика работы заключается в совместно распределенной деятельности на основе постановки задач на размышление касающихся историй об известных людях. Материал работы – художественные фильмы.

До начала эксперимента была проведена игра «интервью», имеющая характеристики проективной методики диагностики образа взрослости. Детям было предложено представить себя человеком в преклонном возрасте и отвечать на заготовленные вопросы педагога-психолога играющего роль журналиста, который берет интервью у успешного человека. Вопросы раскрывают ситуацию актуального развития детей в области их видения взрослости. Дети давали ответы спонтанно, создавая свою роль непосредственно в процессе игры, спонтанно.

Эти вопросы были также заданы не только подросткам, но и небольшой выборке дошкольников и взрослым людям. С большой

долей уверенности можно говорить, что методика демонстрирует характерные ответы, соответствующие возрастам, при этом многие ответы были шаблонны, выражены как штампы речи и мысли соответствующего возраста.

Ответы подростков были распределены на категории: Активность – это ответы про активность, упорство, целеустремленность, действия. Этих ответов большинство. Поддержка – ответы про сотрудничество, взаимоподдержку или поддержку со стороны более старшего, сильного. Позитив – хороший настрой, вера в успех. Взаимоотношения – категория ответов о важности любви и отношений. Эти категории я предлагаю рассматривать как смыслы, выраженные в понятиях, необходимых для амплификации образа взрослости.

Проведен анализ ответов до и после эксперимента. Ответы не изменились тематически, категории те же, но ответы перестали быть шаблонными, стали длиннее и больше стали похожими на ответы юношей. Произошла амплификация образа взрослости.

На протяжении 5 занятий были представлены истории следующих исторических личностей: Эдисон, Яблочков, Тэтчер, Монтессори, Склифосовский. В конце работы на 6-ом занятии детям была предложена таблица чувств и предложено задание описать чувства, которые они испытывали в связи с рассматриваемыми историями о жизни известных людей. Детями были отмечены следующие переживания: горечь, восхищение, удивление, вдохновение, сопереживание. О значении чувств, а также связи аффекта и интеллекта пишет Л.С. Выготский, отмечая, что «динамической единицей сознания, т.е. полной, из которой складывается сознание, будет переживание» [1, с. 382]. В статье «Воспитание чувств» Лев Семенович пишет о важности опоры процесса обучения на чувства, а также обозначает принцип единства аффекта и интеллекта. Образ не может быть амплифицирован, если не было переживания, так как образ – это аффективно-мыслительный конструкт. Если переживания не было, то можно ненадолго что-то запомнить, но не сформировать психический орган каким является образ взрослости.

Для реализации единства аффекта и интеллекта в процессе эксперимента необходимо было создать условия совместно-распределенной деятельности с постановкой задачи на воображение, а также создать ситуацию противоречия. В процессе эксперимента ставились задачи на размышление, что может произойти с героем далее или в отдаленном будущем. Например: «Как может повлиять на жизнь и характер человека то, что его/ее называли «зубочисткой» в школе и явно недолюбливали». Дети давали разные ответы, потом мы

смотрели кусочек фильма, раскрывающим реальный факт. Данный эпизод касается детских лет Маргарет Тэтчер.

Результаты показали, что образ взрослости был амплифицирован в следующих категориях: активность, поддержка, взаимоотношения, а также по всем категориям вопросов.

Литература

1. *Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т., т. 4. М.: Педагогика, 1982-1984.
2. *Березин С.В., Евдокимова Ю.Б.* Социальное сиротство: дети и родители: Материалы к курсу «Педагогическая психология». Самара: Изд-во «Универс-групп», 2003.
3. *Зинченко В.П.* Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. М., 1997.
4. *Кондратьев М.Ю.* «Значимый другой»: слагаемые межличностной значимости // Социальная психология и общество. 2011. Том 2. № 2. с. 17–28.
5. *Кондратьев М.Ю., Ильин В.А.* Азбука социального психолога-практика. М., 2007.

Показатели субъективного благополучия у современных подростков

Кузьмина Л.В., Дагбаева С.Б.

ФГБОУ ВО ЗабГУ, Чита, Россия

lyudochka.shishmareva@mail.ru, soela@bk.ru

Проблема изучения субъективного благополучия у одного из сложного периода – подросткового возраста, не теряет своей актуальности. Активное воздействие цифровых технологий, деформации убеждений, идеалов и ценностей отражаются на психоэмоциональном состоянии детей, их субъективном благополучии.

Основу для негативных переживаний составляет стремительное формирование качественных новообразований психического развития. Зачастую у большей части подростков это влечет за собой антипатичное отношение к жизни, потерю интереса, низкую самооценку, неуверенность в себе, непонимание собственных истинных желаний [3].

Несмотря на многочисленные исследования в области изучения

содержания благополучия, на этот счет отсутствует единая точка зрения. Модель структурно-уровневой организации благополучия, представленной Н.А. Батуриным, С.А. Башкатовой, состоит из четырех факторов: внешние (биологические, социальные, материальные блага); внутриличностные (тип темперамента, характер, направленность); межличностные (социально-значимые достижения, благоприятные отношения); субъективно-личностные (когнитивный, аффективный компоненты) [2].

Одними из критериев субъективного благополучия выступают: индивидуальные особенности личности (тип темперамента, направленность, характер и т.п.); способы взаимодействия с окружающей средой (предпочтительно использование продуктивных стратегий) [1]

В своей работе вышеописанный термин понимается нами как социально-психологическое образование, интегрирующее эмоциональный, когнитивный и поведенческий компоненты. Именно в процессе активной позиции личности, включенности в социально-психологические отношения с объектами окружающей действительности, формируется благополучие индивида.

Цель нашего исследования – изучение особенностей показателей самоактуализации у детей подросткового возраста, как условие субъективного благополучия. Для проведения исследования мы использовали методику «САТ (Самоактуализационный тест)» Э. Шостром, в адаптации Ю.Е. Алешинной, Л.Я. Гозмана, предназначенной для выявления уровня самоактуализации субъекта через его отношение к жизни и к собственному потенциалу. Опросник состоит из 126 утверждений объединенных в 14 шкал.

В эмпирическом исследовании приняли участие подростки г.Чита в возрасте 14-16 лет, всего 72 человека. Мы предположили, что показатели самоактуализации у большей части подростков являются сниженными.

Интерпретация полученных данных показывает следующие результаты: 48% опрошенных имеют низкий уровень самоактуализации; средний уровень – 39%, высокий – 13%. Были проанализированы результаты испытуемых по каждой шкале. Блок *Межличностные чувства (шкала контактности)* у большинства подростков (45,9%) имеют высокий уровень, который свидетельствует о способности выстраивать доверительные отношения, проявляя интерес и эмпатию к другим.

В шкалах *«Ориентация во времени»* и *«Поддержка»* большая часть имеют низкий уровень самоактуализации 57,3% и 46,0% соответственно. У подростков, из-за дезориентации отрезков

временной шкалы возникают нереальные цели, отсюда чувство неполноценности; преобладает внешний локус контроля надвнутренним.

Особое внимание следует уделить низкому уровню (39,7%) в блоке «Ценности» (*шкала ценностных ориентаций и гибкости*). Респонденты не имеют представлений об идеалах, ценностях, по которым живет самоактуализирующаяся личность. Также не способны мобильно и адекватно реагировать на изменяющиеся условия социальной среды – это, в свою очередь, негативно сказывается на субъективном благополучии подростка.

Немаловажным показателем субъективного благополучия является самопринятие и самоуважение, которые входят в блок «Самовосприятие». Средний уровень показали 42%, что говорит о способности ценить свои достоинства, но при этом не принимать себя таким, какой есть.

Шкалы: «Представления о природе», «Синергичность» характеризуют респондента, склонного воспринимать природу субъекта в целом как положительную, но с пониманием того, что существуют антагонисты (71,4%). Аналогичное преобладание среднего уровня самоактуализации наблюдается по шкалам «Сензитивность к себе» и «Спонтанность» (*«Блок «Чувства»*) 67%.

При интерпретации результатов диагностики блока «Отношение к познанию» (*шкала познавательных потребностей и креативности*) выявлен низкий уровень у большинства испытуемых 60% и 52% соответственно, что говорит об отсутствии мотивации к приобретению знаний, невыраженной творческой направленности личности.

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют о том, что показатели самоактуализации являются сниженными у большинства подростков. Данный факт, очевидно, связан с переходом на новый возрастной этап, который приводит к переживанию стресса, внутриличностному конфликту, состоянию фрустрации. Мы предполагаем, что перечисленные выше характеристики подростка, а также интенсивность изменений в различных сферах человеческой жизни: динамичность, своевременный информационный поток о негативных тенденциях, чувство напряженности, искажение смыслов и ценностей, неуверенность в завтрашнем дне могут привести к нарушению субъективного благополучия, снижению эффективного функционирования организма в целом.

Результаты исследования демонстрируют необходимость психолого-педагогической работы, направленной на развитие, оптимизацию ресурсов, в частности, ценностно-смысловой сферы у

детей подросткового возраста, ведущих к повышению субъективного благополучия в изменчивом и противоречивом мире; проводить дальнейшее исследование в рамках рассматриваемой тематики.

Литература

1. *Андреевкова Н.В.* Сравнительный анализ удовлетворенности жизнью и определяющих ее факторов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 5 (99). С.189-215.
2. *Галиахметова Л.И.* Благополучие, субъективное благополучие, удовлетворенность жизнью: проблема взаимосвязи // Вестник Башкирского университета. 2015. С. 1114-1117.
3. *Дубровина И.В.* Психологическое благополучие школьников: учеб. пособие для вузов. М.: Юрайт, 2020.

Ситуация педагогической поддержки как источник личностного саморазвития

Кунавцев Т.С.

*Академия управления МВД России, г. Москва, Россия
kuranvzev22@yandex.ru*

В настоящее время способность человека к саморазвитию становится не только характеристикой его личностных качеств, но и требованием социальной и профессиональной среды. Способность саморазвития как совокупность личностных качеств и специфических знаний, умений и навыков выступает одним из системообразующих элементов системы образования и системы управления персоналом на предприятиях. Саморазвитие как характеристика современного специалиста на всех ступенях образования находит свое отражение при определении целевых ориентиров профессионального образования в виде универсальных и общепрофессиональных компетенций, закрепленных в федеральных государственных образовательных стандартах, а также в виде предъявляемых квалификационных требований к специалистам.

С позиции технократического подхода способность к саморазвитию позволяет человеку быть востребованным, своевременно компенсировать образовательные дефициты, в опережающем режиме осваивать новые технологии, новые способы

совершенствования отдельных профессиональных действий и деятельности в целом, обеспечивать свою конкурентоспособность, что, в конечном счете, способствует материальной стабильности, продвижению по карьерной лестнице, самореализации в избранном виде деятельности.

С позиции антропологического подхода ценность способности саморазвития личности фокусируется на личностном аспекте как главной детерминанты взаимодействия субъектов в среде жизнедеятельности (социальной, профессиональной и т.д.). Направленность саморазвития на получение личностного опыта, на обмен личностными смыслами между субъектами во взаимодействии, в конечном счете, способствует оформлению общего смыслового поля как событийной общности, как пространства возможностей для всестороннего развития человека. Именно личностные смыслы человека, его способность сопоставлять требования среды с личностными потребностями, способность адекватно оценивать свои возможности по отношению к среде, продуцировать личностные смыслы, становятся основой личностного саморазвития и развития в качестве субъекта профессиональной деятельности.

Таким образом, способность саморазвития как личностная функция формируется только при взаимодействии субъекта с другим субъектом. При этом ситуация взаимодействия как фрагмент взаимодействия личности со средой фокусирует в себе объективные характеристики среды и субъективные характеристики активности субъектов взаимодействия, их предпочтения и выбор средового контекста. Вне ситуации взаимодействия со средой субъект не может быть с ней связан. При ориентации ситуации взаимодействия на личностный аспект она приобретает характеристики ситуации личностного развития и является точкой встречи возможностей среды и личностного потенциала субъектов взаимодействия в среде.

Импульсом личностного саморазвития и порождения личностного смысла в образовательном процессе выступает образовательная ситуация, или любая ситуация среды жизнедеятельности, наполненная образовательным контекстом. Ситуация взаимодействия как образовательная ситуация выступает прежде всего, как проектируемый фрагмент социальной и профессиональной среды, когда новое может стать достоянием личности (прежде всего субъекта саморазвития) [4], что зачастую воспринимается как проблема пока не происходит самообоснование необходимости освоения средового контекста. И если представить проблемную ситуацию как некий ценностный и смысловой разрыв между имеющимся и необходимым (возможным), как некую «пропасть», которую можно преодолеть

только осуществив прыжок, скачок к новому, неизведанному но лично значимому, то педагогическая поддержка для развивающейся личности должна стать устойчивой опорой для скачка и надежной страховкой для безопасного преодоления разрыва, средством для открытия альтернатив и появления новых возможностей для раскрытия и развития личностного потенциала. Таким образом проблемная ситуация становится местом осуществления педагогической поддержки – ситуацией педагогической поддержки – ситуацией специфического взаимодействия между субъектом саморазвития и субъектом педагогической деятельности. Субъект педагогической деятельности в этом случае определяется не по профессиональной или социальной роли, а по личностной позиции в отношении субъектов среднего взаимодействия, которая выражается как помощь и поддержка в совершении личностного выбора и принятия нравственной ответственности за производимый выбор [2]. При этом позиция педагогической поддержки основывается на взаимоуважении, доверии, содействии, независимости и свободе, а также на реализации принципов свободоспособности, дополнительности и резонанса [1].

Для субъекта педагогической поддержки именно ситуация взаимодействия предоставляет возможность опосредованного влияния на процесс восполнения дефицитов, формирования (оформления) личностной позиции субъекта саморазвития, оформления проблемной ситуации как образовательной ситуации, что подтверждает тезис В. В. Серикова о том, что «... личность нельзя изменять по своей воле: мы можем создать ситуацию, в которой обнаружится неприемлемость прежних форм поведения, помочь ей увидеть противоречивость своего бытия, его несоответствие тем реальным возможностям, которыми она обладает, подвести к выбору и даже подсказать правильное решение, но все остальное – выбор, поступок, обретение опыта и т.д. – человек должен сделать сам» [3, с. 64].

Литература

1. *Газман О.С.* Неклассическое воспитание: от авторитарной педагогики к педагогике свободы / Сост. А.О. Зверев, А.Н. Тубельский. М.: МИРОС, 2002. 296 с.
2. *Купавцев Т.С.* Проектирование образовательного процесса как среды личностного саморазвития средствами педагогической поддержки // Образование и общество. 2020. № 4 (123). С. 103-109.

3. *Сериков В.В.* Развитие личности в образовательном процессе: монография. М.: Логос, 2013. 448 с.
4. *Ходякова Н.В.* Теоретические основы ситуационно-средового подхода к проектированию личностно развивающего образования // Образование и саморазвитие. 2013. № 1 (35). С. 55-60.

Социальные представления учителей о современной школе

Кушнир О.А., Толстых Н.Н.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
kushnirolga86@gmail.com, nnvt@list.ru

Актуальность изучения социальных представлений о школе обусловлена стремительной трансформацией учебного процесса, связанной с эпидемиологической обстановкой в мире, и необходимостью перевода части школьников на дистанционное обучение.

16 октября 2020 года российское правительство ввело ограничения, направленные на снижение распространенности COVID-19, а именно учеников 6-11 классов государственных школ перевели на дистанционный формат обучения [4].

Похожая ситуация происходила во всем мире, что способствовало активному исследованию зарубежными учеными и аналитиками влияния пандемии на процесс обучения, преподавания и благополучие детей и педагогов во времена хаоса и дезорганизации.

Так, например, в июне 2020 г. канадскими учеными было проведено исследование, показывающее влияние ограничений, вызванных пандемией COVID-19, на отношение к переменам, эффективность и выгорание канадских учителей. Было установлено, что эффективность работы учителей, отношение к изменениям и восприятие административной поддержки коррелировали с устойчивостью учителей и их эмоциональным выгоранием. В период пандемии канадские учителя демонстрировали все большую усталость и цинизм [6].

Целью нашего исследования стало изучение социальных представлений российских учителей о современной школе в период дистанционного обучения, связанного с пандемией COVID-19.

Согласно теории С. Московичи, социальные представления — это набор понятий, убеждений и объяснений, возникающих в повседневной жизни в процессе межличностных коммуникаций.

Данный подход фокусируется на том, как люди думают и создают свою разделяемую с другими реальность, а также на содержании их мышления [1].

Социальные представления активно исследуются в современной психологической науке [2; 3; 5]. В исследовании социальных представлений учителей о школе в 2018-2019 учебном году, было выявлено, что большая часть их социальных представлений о современной школе отражает их самочувствие и проблемы (нагрузка, завышенные требования, незащитность, снижение статуса профессии, претензии к администрации и т. д.) [5].

В нашем исследовании для анализа социальных представлений учителей о современной школе в период дистанционного обучения был выбран подход, предложенный П. Вержесом, который был использован и в исследовании, указанном выше [1]. В проведенном нами исследовании приняли участие 38 учителей государственных школ, не занимающих высоких мест в рейтинге. Процедура сбора данных осуществлялась следующим образом: учителям предлагалось написать 5 ассоциаций к словосочетанию «современная школа». При подсчете синонимичные и близкие по смыслу ассоциации объединялись. Например, такие слова, как «инновации», «технологии», «технический прогресс», «интернет» объединялись в ассоциацию «технологии». Далее для каждой ассоциации подсчитывалась частота ее встречаемости в выборке и средний ранг упоминаемости в списке из пяти последовательно написанных ассоциаций. Ассоциации, упоминаемые единожды, не учитывались. Затем в соответствии со стандартной процедурой выстраивалась структура социальных представлений, состоящая из четырех зон: ядро, две буферные и одна периферическая зона

Ядро социальных представлений (зона I) составляют ассоциации, связанные с технологиями: более 62% учителей упомянули данную ассоциацию. Помимо этого, часто встречающимися ассоциациями являются «ЭЖД» (34% учителей), а также «дистант», «знания» и «неуважение» (по 20%).

Обращает на себя внимание ассоциация «стресс» (ее упомянули более 51% учителей), «бюрократия» (26%), «отвлечение» (23%), попавшие в буферную зону III, в которую входят ассоциации, называемые часто, но не в первую очередь.

Лишь в периферическую зону (зона IV), куда относят ассоциации, называемые редко и в последнюю очередь, попали такие понятия, как «дружба», «творчество», «возможности».

Таким образом, согласно полученным данным, в первую очередь учителей сегодня волнует стремительное освоение современных

технологий (этого не было до пандемии COVID-19 [5]), в связи с чем, они испытывают большой стресс и нежелание работать в школе. Социальные представления учителей о современной школе в период дистанционного обучения практически не содержат положительно окрашенных ассоциаций, что вызывает большую тревогу и может служить мишенью для систематической работы с педагогами, в том числе и в плане психологического сопровождения.

Литература

1. *Емельянова Т.П.* Разработка понятия социального представления – новый этап в развитии концептуального аппарата социальной психологии // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 379-400.
2. *Емельянова Т.П., Дробышева Т.В.* Комплексное исследование коллективных переживаний социальных проблем: количественные и качественно-количественные методы // Социальная психология и общество. 2018. Том 9. № 3. С. 166-175. doi: 10.17759/sps.2018090316.
3. *Кондратьев М.Д.* Социальные представления об успешности подростков с разным интрагрупповым статусом и разным уровнем интеллектуальной успешности // Социальная психология и общество. 2017. Том 8. № 2. С. 116–130. doi:10.17759/sps.2017080208.
4. Приказ Департамента образования и науки города Москвы от 16 октября 2020 г. № 346 «О реализации указа Мэра Москвы от 14.10.2020 № 100-УМ «О внесении изменений в указ Мэра Москвы от 08.06.2020 № 68-УМ», 2020.
5. *Толстых Н.Н., Тер-Аванесова Н.В., Черняк Н.А.* Социальные представления о школе и учении в разных группах участников образовательного процесса // Психологическая наука и образование. 2019. Том 24. № 6. С. 5–15. doi:10.17759/pse.2019240601.
6. *Sokal L., Trudel E.L., Babb J.* Canadian teachers' attitudes toward change, efficacy, and burnout during the COVID-19 pandemic // International Journal of Educational Research Open. 2020. Volume 1. Article 100016 <https://doi.org/10.1016/j.ijedro.2020.100016>.

Личностные характеристики женщин-водителей

*Кхан А.Ю., Кожухарь Г.С.,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
khananna@gmail.com*

Стремительное техническое и экономическое развитие привело к тому, что каждый из нас стал участником дорожного движения: пешеходом, пассажиром, водителем автотранспортного средства. Безопасность дорожного движения стала одной из важнейших тем. Развитие транспортной психологии призвано решать задачу снижения аварийности на дорогах. Т.В. Кочетова отмечает, что «её актуальность объясняется, с одной стороны, необходимостью поиска новых психологических и психосоциальных технологий, нацеленных на снижение количества дорожно-транспортных происшествий, а с другой – изучением психологических механизмов, обеспечивающих поведение человека в условиях уникальной, искусственно созданной социальной системы – дорожно-транспортной среды» [5]. На сегодняшний день вопросы влияния личностных особенностей, гендера, возраста на вождение автомобиля рассматривается в рамках теоретических и практических направлений психологии дорожного движения. Исследованиями в этой области занимались зарубежные и отечественные учёные, такие как В. Винклер, Д. Клеббельсберг, Т. Вандербильт, Б. Шлаг, Т. Роттенгаттер, Г.Андервуд, М.А. Котик, А.Н. Романов, В.М. Мишурин, Г.М. Левигурович, В.Н. Ланина, В.Н. Арбузов и др.

Многие исследователи рассматривают водителя в качестве оператора целостной системы «Водитель – автомобиль – дорога – среда» [3; 7]. Эффективная и безопасная работа системы зависит от надёжности водителя, на которую в свою очередь влияют его физиологические и психологические свойства. Когда речь идёт о профессиональном водителе, то его надёжность определяется, подготовленностью, высокой работоспособностью и профессиональной пригодностью. Именно профессиональная пригодность включает в себя физиологические, психические, личностные особенности [7]. По статистике основной причиной ДТП является не среда или техника, а так называемый «человеческий фактор» [4]. Это подчёркивает важность изучения влияния индивидуально-психологических, социально-психологических, гендерных особенностей, а также стажа водителя на стиль его

вождения, т.е. на то, как водитель осуществляет водительскую деятельность. Новизна подобных исследований носит не только теоретический, но и практический характер, их результаты могут использоваться в процессе обучения вождению, в ходе просветительской работы психологов с преподавателями автошкол, в работе психологических служб и отдельных практических психологов.

Теоретическая основа исследования, касающаяся личностных характеристик – индивидуально-психологических и социально-психологических, – представлена работами А.В. Петровского и Г.М. Андреевой. Анализ психологической литературы показал, что часть исследователей не обнаруживают достоверных различий в стилях вождения автомобиля между полами, в то время как в реакциях на ситуации агрессии или стресса проявляются качественные отличия [6; 8]. Вместе с тем, большая часть исследований говорит об обратном. С точки зрения А.И. Кабалевской и А.И. Донцова, если рассматривать реальное поведение водителей, то в нем и проявляются гендерные особенности управления транспортным средством [2], Таубман-Бен-Ари утверждает, что стили вождения мужчин и женщин различаются, женщины менее агрессивны и склонны к терпеливому стилю вождения [9]; они характеризуются более точным соблюдением ПДД, а мужчины – излишней самоуверенностью [6]. Н.С. Астрейко приходит к выводу, что мужчины отличаются агрессивным стилем, предпочитают высокую скорость и опасный стиль вождения. В то время как женщинам присущ тревожный стиль, они терпеливы, проявляют осторожность и все эти качества свойственны им в большей выраженности, чем мужчинам [1].

В настоящем теоретическом исследовании основной целью стало выявление индивидуально-психологических и социально-психологических особенностей женщин-водителей в сравнении с мужчинами-водителями, а также женщин-водителей с разным стажем вождения.

В результате проведенного анализа литературы были сделаны следующие выводы:

1. женщины-водители обеспечивают более безопасное дорожное движение, поскольку они менее самоуверенны, агрессивны и менее склонны к риску, чем мужчины;
2. женщины с разным стажем вождения будут иметь различия в степени выраженности таких индивидуально- и личностно-психологических особенностей, как устойчивость внимания,

распределение внимания, ответственность за безопасность движения и за пассажиров транспортного средства.

Проведенный теоретический анализ говорит о необходимости дальнейшей психологической диагностики при подготовке водителей, о потребности в дифференцированном подходе к обучающимся в автошколах с целью обеспечения оптимальных результатов обучения управлению автомобилем.

Литература

1. *Астрейко Н.С.* Стиль вождения автомобиля: половые различия и психологические предикторы. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2019, 2, с. 101–107.
2. *Кабалевская А.И., Донцов А.И.* Особенности гендерного поведения водителей. Вопросы психологии. 2013, 4, с. 69-87.
3. *Клебельсберг Д.* Транспортная психология. М.: Транспорт, 1989.
4. *Котик М.А.* Беседы психолога о безопасности дорожного движения. М.: Транспорт 1987.
5. *Кочетова Т.В.* Предисловие редактора тематического выпуска // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 4. С. 5-7. doi: 10.17759/sps.2018090401
6. *Петрова М.И.* Социально-психологические особенности стереотипов восприятия женщин водителей. Ученые записки Российского государственного социального университета. 2011, 7, с. 239–243.
7. *Романов А.Н.* Автотранспортная психология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2002.
8. *Krahe V.* Predictors of women's aggressive driving behavior. *Aggressive Behavior*. 2005; 31(6). Pp. 537–546. DOI: 10.1002/ab.20070.
9. *Taubman-Ben-Ari O, Yehiel D.* Driving styles and their associations with personality and motivation. *Accident Analysis and Prevention*. 2012; № 45. Pp. 416-422. DOI: 10.1016/j.app.2011.08.007.

Особенности ценностных ориентаций сотрудников с разным неформальным статусом в организации

Лазарева Ю.И., Сачкова М.Е.

ФГБОУ ВО МГППУ, ФГБОУ ВО РАНХиГС, Москва, Россия

jlazareva81@mail.ru, sachkova@list.ru

В настоящее время наблюдаются различные динамические изменения в российском обществе, в том числе они касаются трансформации социальных установок и ценностных ориентаций. Таким образом, проблематика личностных и групповых ценностей не теряет актуальности и сейчас.

Достаточно большой объем исследований ценностей и ценностных ориентаций был проведен психологами на базе образовательных учреждений разного уровня с момента их зарождения, развития и «укрепления» в структуре личности [2; 3; 4; 5]. Важность анализа данных феноменов обусловлена тем, что система ценностных ориентаций, сформированная в процессе развития личности, предопределяет ее поведение затем и в будущей профессиональной деятельности. Кроме того, значимой может стать проблематика связи ценностных ориентаций с различными аспектами, проявляющимися в интрагрупповых отношениях личности. Так, открытым остается вопрос о том, насколько близки или различны ценностные ориентации членов группы, занимающих разные позиции внутри организаций.

Целью настоящего исследования стало выявление ценностных ориентаций у сотрудников с разным неформальным статусом в современной организации. В качестве основной гипотезы исследования выступило предположение о существовании различий в ценностных ориентациях у сотрудников, имеющих разный интрагрупповой неформальный статус в организации. В рамках дополнительной гипотезы было сделано предположение о том, что уровень ценностно-ориентационного единства (ЦОЕ) выше внутри статусных подгрупп, нежели выраженность общегрупповых показателей сплоченности подразделений в организации.

Исследование проводилось на базе городской компании, входящей в топливно-энергетический комплекс г. Москвы. Всего 223 человека выступили участниками данного эмпирического исследования. Был применен комплекс методик: социометрия, референтометрия, методический прием определения неформальной интрагрупповой структуры власти в контактном сообществе, методика определения степени ценностно-ориентационного единства группы (ЦОЕ) [1]. На основании обобщенных результатов первых трех методик был

определен интегральный внутригрупповой статус каждого работника. В результате были выделены три статусные категории: высокостатусные (лидеры) - 23 %, среднестатусные - 29 % и низкостатусные (аутсайдеры) - 48 %. В ходе проведения опроса с помощью методики ЦОЕ сотрудники организации выбирали те качества, которыми на их взгляд должен обладать такой работник, который может хорошо влиться в их коллектив.

По результатам статистического анализа посредством применения критерия углового преобразования Фишера была оценена достоверность различий между выбором ценностных ориентаций разностатусными сотрудниками внутри подразделений. Так, на уровне значимости $p=0,05$ было обнаружено, что:

- «честность» важнее для лидеров (41,2%), чем среднестатусных (30,6%) ($\varphi^*=2,046$);

- «умение работать в команде» для лидеров менее важно (43.1%), чем для аутсайдеров (58,8%) ($\varphi^*=1,843$);

- «неконфликтность» менее важна для среднестатусных (7,8%), чем для аутсайдеров (19,4%) ($\varphi^*=2,193$);

- «трудолюбие» важнее для лидеров (31,4%) и среднестатусных (29,4%), чем для аутсайдеров (15,7%) ($\varphi^*=2,207$ и $\varphi^*=2,143$ соответственно);

- «порядочность» в иерархии ценностей занимает более низкое место у среднестатусных (23,4%), чем у аутсайдеров (30,6%) ($\varphi^*=2,136$);

- «доброжелательность» реже выбирают лидеры (9,8%) и среднестатусные (3,1%), чем аутсайдеры (21,3%) ($\varphi^*=1,895$).

Было также установлено, что уровень ЦОЕ в разных подразделениях варьируется от 33% до 67%. При этом наиболее сплоченными внутри своих статусных категорий являются высокостатусные (68,5%), затем среднестатусные (60,82%) и в меньшей степени низкостатусные (50,92%) работники.

В исследовании был обнаружен интересный факт, выражающийся в том, что внутри статусных категорий уровень ЦОЕ выше, чем общегрупповые показатели соответствующих подразделений. Были установлены следующие статистически значимые различия уровней сплоченности (при применении U-критерия Манна-Уитни): лидеры более сплочены, чем аутсайдеры (при $p=0,013$), а также чем работники внутри подразделений (при $p=0,001$); среднестатусные более сплоченные, чем работники внутри подразделений (при $p=0,005$). Отличий при сравнении уровня сплоченности аутсайдеров с общегрупповым показателем ЦОЕ выявлено не было.

Итак, основная гипотеза была подтверждена, дополнительная гипотеза получила частичное подтверждение. В будущем планируется проанализировать также различия в ценностях разностатусных сотрудников, связанных с организацией в целом.

Литература

1. *Кондратьев М.Ю., Кондратьев Ю.М., Кочетков Н.В., Крушельницкая О.Б., Сачкова М.Е.* Социально-психологический диагностико-коррекционный комплекс для современных российских интернатных учреждений. Учебно-методическое пособие. М.: ГОУ ВПО «Московский городской психолого-педагогический университет», 2010.
2. *Крушельницкая О.Б.* Феномен референтности с точки зрения культурно исторической теории Л.С. Выготского// Культурно-историческая психология 2014. Т. 10. № 3. С. 30—37.
3. *Кутейникова В.Д.* Взаимосвязь системы ценностных ориентаций старших подростков со статусным положением в ученической группе// Электронный журнал «Психологическая наука и образование» www.psyedu.ru 2013 – №2.
4. *Сачкова М.Е.* Среднестатусный учащийся в образовательном пространстве. Монография. М.: Изд-во СГУ, 2011.
5. *Сачкова М.Е., Васькова О.В.* Взаимосвязь статусной дифференциации и сплоченности в ученических группах старших подростков// Социальная психология и общество. №1.2013, С. 92-102.

Особенности жизнеспособности человека в разных возрастных группах

Лактионова А.И.

*ФГБУН Институт Психологии РАН, Москва, Россия
apan@inbox.ru*

В условиях неопределенности, вызванных пандемией и связанного с ней экономического кризиса [3; 5; 6], возрастает актуальность исследований жизнеспособности человека, являющейся ключевым фактором способности справляться с трудностями, причем факторы риска, рассматриваемые как условие развития жизнеспособности, являются производными неопределенности [2; 4; 7].

Определяя жизнеспособность как метаспособность, мы относим к ее компонентам индивидуальные способности человека к сознанию и рефлексии, выступающих в качестве метапроцессуального регулятора активности – деятельностной, поведенческой, коммуникативной – и определяющие оптимальный/неоптимальный способ индивидуальной интеграции всех компонентов регуляции и регулирующих факторов социальной среды на разных уровнях организации психики (индивидуальном, личностном, субъектном) [1].

Цель исследования: изучение особенностей жизнеспособности человека в разных возрастных группах.

Участники исследования: работающие или учащиеся жители Москвы. Группа №1 – 18-25 лет (n = 43), группа №2 46-65 лет (n = 50).

В качестве компонентов индивидуальной жизнеспособности в данном исследовании рассматривались: дифференциальный тип рефлексии (системная, интроспекция и квазирефлексия), эмоциональный интеллект и формально-динамические характеристики.

В качестве внешних факторов жизнеспособности рассматривались восприятия роли физической и психологической семейной поддержки (семейная жизнеспособность); отношение респондентов к своей стране, профессии и образованию, принятию культурных традиций и религии (контекстная жизнеспособность).

Методики: Тест жизнеспособности взрослых CYRM-28; опросник «Дифференциальный тип рефлексии» (Д.А. Леонтьев, Е.М. Лаптева, Е.Н. Осин, А.Ж. Салихова); тест жизнеспособности взрослых CYRM-28; опросник эмоционального интеллекта «ЭМИН» (Люсин); методика изучения структуры темперамента PTS (Я. Стреляу).

Было обнаружено следующее.

1. Показатели семейной, контекстуальной и общей жизнеспособности выше у респондентов старшей группы, а показатели интроспекции и квазирефлексии - у представителей младшей группы.

2. Системная рефлексия является ресурсом индивидуальной жизнеспособности только в группе респондентов 18-25 лет. В свою очередь интроспекция и квазирефлексия - фактор риска для жизнеспособности в обеих группах.

4. Показатели уровня развития ЭИ в группе №1 (18-25 лет) положительно связаны с показателем системной рефлексии.

5. Недостаток общей активности на формально-динамическом уровне взаимосвязан с склонностью к навязчивым размышлениям в гр. №2 и ориентацией на состояние, а не действие в гр. №1.

6. Способность к торможению сильных возбуждений, отрицательно связана с квазирефлексией у респондентов младшей группы.

7. Чем выше показатель подвижности и динамичности процессов возбуждения и торможения, обуславливающие скорость перехода от пассивного состояния к активному, тем ниже показатели интроспекции у респондентов старшей группы.

8. Способность к системной рефлексии не определяется формально-динамическими характеристиками человека.

Литература

1. *Лактионова А.И.* Обусловленность жизнеспособности человека особенностями его темперамента и контроля поведения // Психология. Психофизиология. 2019. Т. 12. № 4. С. 24–33. DOI:10.14529/jpps190403
2. *Лактионова А.И.* Взаимосвязь дифференциального типа рефлексии и компонентов жизнеспособности человека в разных возрастных группах // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2020. Т. 5. № 4. DOI: <https://doi.org/10.38098/ipran.opwp.2020.17.4.008>
3. *Лебедев А.Н.* Психологическое состояние российского общества в свете макропсихологического подхода // Вестник Пермского университета. Серия: Философия. Психология. Социология. 2018. № 2(34). С. 243-251.
4. *Махнач А.В.* Жизнеспособность человека в условиях неопределенности // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2020. Т. 5. № 4. DOI: <https://doi.org/10.38098/ipran.opwp.2020.17.4.006>
5. *Нестик Т.А.* Влияние пандемии COVID-19 на общество: социально-психологический анализ // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 2(18). С.47-83. DOI:10.38098/ipran.sep.2020.18.2.002
6. *Юревич А.В.* Опыт эмпирической оценки психологического состояния современного российского общества (анализ данных статистики) // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 5. С. 84-96. DOI:10.31857/S020595920006077-0

7. Schwarz S. Resilience in psychology: A critical analysis of the concept // Theory & Psychology. 2018. V. 28(4). P. 528-541. DOI:10.1177/0959354318783584

Сравнительный анализ особенностей личностного и профессионального самоопределения старшеклассников

*Левина Е.И., Крушельницкая О.Б.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
sabo-23@mail.ru, social2003@mail.ru*

Старшие классы общеобразовательной школы – это время активного формирования личностного самоопределения обучающихся, которое является основой их дальнейшего профессионального пути или необходимого для этого обучения. Результаты исследований свидетельствуют о том, что личностное самоопределение юношей и девушек в старшем школьном возрасте связано с их ценностными и смысловыми ориентациями (Л.И. Божович, М.Р. Гинзбург, С.Л. Рубинштейн и др.). Профессиональное самоопределение старшеклассника характеризуется его готовностью совершить осознанный профессиональный выбор, а также сформированностью профессиональной идентичности (А.Г. Азбель, А.А. Грецов, Е.А. Климов, Э.Ф. Зеер, Н.С. Пряжников, А.П. Чернявская и др.) [1; 3; 4].

Чтобы углубить представление о связи между личностным и профессиональным самоопределением старшеклассников мы провели собственное эмпирическое исследование, участниками которого стали учащиеся 9, 10 и 11 классов одной из московских общеобразовательных школ (всего – 150 человек, из них 84 девушки и 66 юношей).

При разработке программы эмпирического исследования мы опирались на концепцию М.Р. Гинзбурга о ценностно-смысловой и пространственно-временной структурных составляющих личностного самоопределения [1]. В нашей работе изучалась ценностно-смысловая сфера личностного самоопределения старшеклассников. В качестве диагностических средств использовались шкала терминальных ценностей методики М. Рокича «Ценностные ориентации» и тест смысловых ориентаций (методика СЖО) Д.А. Леонтьева [5].

Профессиональное самоопределение рассматривалось с точки зрения готовности старшеклассников к профессиональному выбору, а

также как сформированность профессиональной идентичности. Использовались методика «Профессиональная готовность» А.П. Чернявской [6] и «Методика изучения статусов профессиональной идентичности» (А.А. Азбель, А.Г. Грецов).

Кроме того, мы сопоставили показатели личностного и профессионального самоопределения старшеклассников с особенностями их референтных отношений (использовалась диагностическая процедура О.Б. Крушельницкой) [2, с. 122].

Кратко представим результаты сравнительного анализа показателей личностного и профессионального самоопределения старшеклассников.

Выраженность смысложизненных ориентаций опрошенных школьников находится в пределах возрастной нормы. Однако результаты по шкале «Процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни» оказались значимо ниже у десятиклассников, по сравнению с остальными опрошенными. Десятиклассники и, особенно, 11-классники в большей мере воспринимают процесс своей жизни как интересный, эмоционально насыщенный, осмысленный, чем 10-классники, которые на данный момент менее удовлетворены своей жизнью. На наш взгляд, полученные результаты можно объяснить социальной ситуацией «выпускного» класса, которая мотивирует учащихся к активному осмыслению жизни.

Ценность «Интересная работа» наиболее значима для 9-классников, затем – для учащихся 11 класса, для 10-классников она имеет наименьшую важность (критерий Краскела-Уоллиса, $p=0,029$). При этом ценность «материально обеспеченная жизнь» больше, чем для других, значима для учеников 9 классов ($p=0,006$). В то же время ценность саморазвития более значима для учащихся 10 и 11 классов, чем для десятиклассников ($p=0,05$).

Представления школьников о своей профессиональной готовности также имеют особенности для учащихся разных классов. Так, 9-классники больше, чем их старшие товарищи, уверены в своей готовности принимать важные для профессионального выбора решения. У 10-классников и особенно у 11-классников преобладают автономность (самостоятельность профессионального самоопределения) и умение планировать свою профессиональную жизнь.

Наиболее сформированной профессиональной идентичностью ожидаемо обладают 11-классники. На втором месте по выраженности этого вида профидентичности находятся 9-классники, лишь затем (с большим отрывом) следуют ученики десятых классов. «Мораторий» и «неопределенная» статусы профидентичности наиболее выражены у

десятиклассников, а «навязанная профидентичность» – у девятиклассников (критерий Краскела-Уоллиса, $p \leq 0,05$).

На самоопределение учащихся не могут не влиять представители их референтного окружения. Результаты нашего исследования показали, что для всех опрошенных наиболее референтны родители и сверстники-друзья. Однако референтность родителей и учителей выше для 9-классников, чем для учеников 10 и 11 классов. На кумиров среди опрошенных школьников в большей мере ориентируются 10-классники.

На основании нашего исследования можно сделать вывод, что процесс личностного самоопределения наиболее активизирован у школьников 9 и 11 – то есть «выпускных» классов, социальная ситуация которых стимулирует становление их ценностно-смысловой сферы. 9-классники более других считают себя готовыми к принятию решений о профессиональном выборе, однако ориентированы преимущественно на ценности работы и заработка, а их старшие товарищи – главным образом на саморазвитие. При этом жизненно важные, в том числе профориентационные решения 9-классники чаще принимают под влиянием старших референтных лиц. Наименее сформирована профессиональная идентичность у учащихся 10 классов, социальная ситуация развития которых, по-видимому, в меньшей мере активизирует становление их личностного самоопределения, чем у школьников классов, завершающих этапы основного общего и среднего образования.

Литература

1. *Гинзбург М.Р.* Психология личностного самоопределения: Дисс... докт. психол.н., М., 1996. – 285 с.
2. *Крушельницкая О.Б.* Диагностика оценки особенностей референтных отношений учащихся со сверстниками и взрослыми // Социальная психология образования. Практикум: учебное пособие / под ред. О.Б. Крушельницкой, М.Е. Сачковой, Л.Б. Шнейдер. М.: ИНФРА-М, 2020. 261 с. С. 122-124.
3. *Крушельницкая О.Б., Лобанов М.В.* К вопросу о взаимосвязи личностного самоопределения и системы референтных отношений школьников // Социальная психология малых групп: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора А.В. Петровского. 25-26 октября 2011 г., М., МГППУ, 2011. С. 381–384.

4. Крушельницкая О.Б., Орлов В.А. Взаимодействие учащихся с референтным окружением как фактор их личностного развития // Электронный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» www.vestnik.mgou.ru / Серия «Психологические науки» № 1, 2013 г. С. 5-12.
5. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций. 2-е изд. М.: Смысл, 2000. 18 с.
6. Чернявская А.П. Психологическое консультирование по профессиональной ориентации. М.: Владос-Пресс, 2004.

Связь альтруизма с особенностями оказания помощи врачами-ординаторами

Леонова Е.Н.

*ФГБОУ ВО ИГМА, ФГБОУ ВО УдГУ, Ижевск, Россия
Leonova@psysmap.pro*

К категориям изучения социальной психологии относят «просоциальное поведение», «помогающее поведение» и «альтруизм». Исторически так сложилось, что данные категории изучались в зарубежной социальной психологии и социологии. Наиболее широким понятием является просоциальное поведение, которое «включает в себя целый ряд видов поведения, направленных на благо других, таких как помощь, участие, сотрудничество, утешение и пожертвования на благотворительность» [5, с. 162]. Помогающее поведение относится к «просоциальным действиям в диадических ситуациях, в которых один человек нуждается, а другой оказывает необходимую помощь для устранения потребности другого» [7, с. 140], являясь разновидностью просоциального поведения. Исходя из целей помощи, выделяют альтруистическую и эгоистическую мотивацию. Альтруизм понимается как «мотивационное состояние с конечной целью увеличения благосостояния другого» [4, с. 16], когда при эгоистической мотивации целью оказания помощи является улучшение собственного благосостояния.

В отечественных исследованиях А.А. Моисеевой альтруистическая мотивация выступает смыслообразующим компонентом альтруистической направленности личности [2]. М.И. Ясин вводит понятие альтруистической установки, понимаемой как «стремление приносить пользу другим, активно включаться в ситуацию, когда

другой человек страдает или испытывает трудности, тенденцию включаться в полезную для других деятельность» [3, с. 77].

В модели альтруистического инвестирования в социальный капитал группы рассматривается альтруизм второго уровня, направленный не на конкретного человека, а на общество в целом как приумножение социального капитала [1]. Альтруистическое инвестирование выражается в доброжелательном отношении ко всем людям, стремлении улучшить ситуацию для всех участников социума и осознанных действиях в интересах общего блага.

Современным представлением об альтруизме является его рассмотрение как поведения, «выходящего за рамки простой общительности или обязанностей, связанных с ролью (например, семьей или работой). Все альтруистические поступки, по определению, должны быть законными» [8, с. 711]. В связи с чем возникает исследовательский вопрос о проявлении альтруизма у представителей помогающих профессий, где оказание помощи является профессиональной обязанностью.

Цель исследования: выявление связи альтруистической установки с причинами оказания помощи у врачей-ординаторов.

Выборка исследования: врачи, обучающиеся в клинической ординатуре и работающие медицинским персоналом в учреждениях Удмуртии. В исследовании приняло участие 142 человека, из них 52 мужчины и 90 женщин.

В исследовании использовались «Методика измерения альтруистических установок» М.И. Ясина и анкета для выявления причин оказания помощи. Анкета содержала 14 утверждений о том, как принимается решение о помощи другим людям. Утверждения оценивались по шкале от 1 до 4, где 1 – реже всего, 4 – чаще всего.

Методы анализа данных. Данные обрабатывались с помощью IBM SPSS Statistics 25. В исследовании использовались корреляционный анализ Спирмена, поправка Бонферрони, методы описательной статистики, описание выборки.

Результаты и их обсуждение. Для множественной проверки статистических гипотез использовалась поправка Бонферрони, где граничное значение α составило 0,003. Произведена проверка 17 гипотез и выявлены статистически достоверные корреляционные связи альтруистической установки с причинами оказания помощи: «Помогаю даже незнакомым людям, потому что надо просто помочь другим людям» ($r = 0,59$; $p < 0,001$); «Получаю удовлетворение, что помог кому-то просто так, не ожидая ничего взамен» ($r = 0,55$; $p < 0,001$); «Мне просто нравится помогать другим людям, ничего не ожидая от них в ответ» ($r = 0,39$; $p < 0,001$); «Помогаю другим людям,

т.к. эмоционально включаюсь в ситуацию другого человека, встаю на его место» ($r = 0,26$; $p = 0,002$); «Помогаю только тем, кто нравится» ($r = -0,43$; $p < 0,001$); «Ожидаю что-то материальное или ценное для себя от того, кому помогаю» ($r = -0,35$; $p < 0,001$); «Помогаю только родственникам и знакомым мне людям» ($r = -0,34$; $p < 0,001$).

Врачам-ординаторам со сформированной альтруистической установкой свойственен трансфинитный альтруизм, предполагающий творение добра в мире, когда «надо просто помогать другим людям». Оказание альтруистической помощи не связано с уровнем родства или знакомства, личным отношением к другим людям. Альтруистическая мотивация помощи не предполагает ожидания поощрения взамен, как материального, так и чего-то ценного для себя. Эмоциональное удовлетворение от помощи другим людям является подтверждением теорий о связи ситуационной и диспозиционной эмпатии с альтруизмом [4; 6].

Таким образом, в проведенном исследовании выявлены связи альтруистической установки врачей-ординаторов с трансфинитными причинами оказания помощи, когда помощь направлена на общество в целом, а не на конкретного человека. У врачей-ординаторов со сформированной альтруистической установкой оказание помощи детерминировано внутренними побуждениями помочь другим людям, не ожидания ничего взамен, что выходит за рамки выполнения профессиональных обязанностей работы врачом.

Литература

1. *Марарица Л.В., Казанцева Т.В., Почебут Л.Г., Свенцицкий А.Л.* Вклад личности в социальный капитал группы: структура альтруистического инвестирования // Социальная психология и общество. № 1. 2018. С. 43-66.
2. *Моисеева А.А.* Альтруистическая направленность личности и ее формирование в семье: Автореф. дис. канд. психол. наук. Спб., 2007.
3. *Ясин М.И.* Методика измерения альтруистических установок // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 1. С. 77-85.
4. *Batson C.D.* Empathy-induced altruistic motivation / Mikulincer M., Shaver P.R. (Eds.). Prosocial motives, emotions, and behavior. Washington, DC: American Psychological Association, 2010. P. 15-35.
5. *Dovidio J.F., Penner L.A.* Helping and altruism / Fletcher G., Clark M.S. (Eds.). International Handbook of Social Psychology: Interpersonal Processes. Oxford: Blackwell Sci., 2001. P. 162-195.

6. *Eisenberg N., Eggum, N.D.* Empathic responding: sympathy and personal distress / Decety J., Ickes W. (Eds.). *The Social Neuroscience of Empathy*. Cambridge, MA: MIT Press, 2009. P. 71-83.
7. *Poepsel D.L., Schroeder D.A.* Helping and prosocial behavior / Biswas-Diener R., Diener E. (Eds.). *HKU PSYC2020, Fundamentals of Social Psychology*. Noba Textbook Series: Psychology. Champaign, IL: DEF Publishers, 2018. P. 141-158.
8. *Smith S.W., Smith S.L., Pieper K.M., Yoo J.H., Ferris A.L., Downs E., Bowden B.* Altruism on American television: examining the amount of, and context surrounding acts of helping and sharing // *Journal of Communication*. 2006. Vol. 56 (4). P. 707-727.

Ценность материального благополучия студентов во взаимосвязи с их отношением к себе и своей жизни

Леонова Т.И., Лесин А.М.

*ФГБОУ ВО РязГМУ, г. Рязань, Россия
ti1507@mail.ru, am170911@mail.ru*

Одной из тенденций современного общества становится возрастание его ориентации на материальные аспекты жизни, повышение значимости предметных ценностей, дифференциация людей по уровню экономического качества жизни [3]. Молодые люди зачастую наиболее чувствительны к общественным изменениям [2], поэтому изучение их отношения к ценности материального благополучия представляется особо актуальным, поскольку именно эти люди в неотдаленном будущем будут представлять активный социальный слой и сами воспитывать новое поколение. От них во многом зависит преобладание тех или иных ценностей в обществе.

Нами были исследованы значимость ценности хорошего материального благополучия в ее взаимосвязи с отношением к себе и своей жизни 100 студентов 1-6 курсов ФГБОУ ВО РязГМУ Минздрава России, с помощью методик: «Ценностные ориентации» О.И. Моткова и Т.А. Огневой, «Методика исследования самооотношения» С.Р. Пантелеева и «Тест диагностики удовлетворенности жизнью» А.Б. Белоусовой.

Установлено, что молодые люди, которые приняли участие в исследовании, имели средние уровни значимости и реализации ценности хорошего материального благополучия, которая уступала по этим параметрам ценностям саморазвития личности, теплых,

заботливых отношений с людьми, уважения и помощи людям, отзывчивости, любви к природе и бережного отношения к ней и только по реализации – ценности физической привлекательности, внешности. Это объясняется тем, что материальную сферу не принято декларировать как самую важную в молодежной среде, т.к. студенты еще не обладают достаточными успехами на профессиональном поприще и материальным достатком. Однако высокий уровень конфликта между значимостью и реализацией ценности хорошего материального благополучия, который уступал только уровню ценностей саморазвития и высокого социального положения, может указывать на большую личностную значимость [1] данной ценности. Это может свидетельствовать о том, что ценность хорошего материального благополучия является важным источником формирования мотивов на собственном личностном, а не декларативном уровне, которые в том числе определяют их сознательный выбор учебы в высшем учебном заведении.

При рассмотрении особенностей взаимосвязей уровня декларируемой реализации ценности хорошего материального благополучия и компонентов самоотношения студентов нами были выявлены положительные корреляции с самоуверенностью, саморуководством, самооценностью, отраженным самоотношением и самопривязанностью. Такое количество взаимосвязей может указывать на то, что возможность реализации данной ценности тесно связана с их уверенностью в себе и в своей способности оказывать сопротивление внешним негативным влияниям, склонностью высоко оценивать свою индивидуальность и чувствовать принятие со стороны окружающих людей, а также стремлением сохранить в неизменном виде свои качества и подобное видение себя.

Помимо этого, уровень декларируемой реализации ценности хорошего материального благополучия был положительно взаимосвязан с удовлетворенностью такими сферами жизни, как материальное положение, социальные контакты и дружеские отношения. Вероятно, современная молодежь во многом связывает успешность в межличностных и даже дружеских отношениях с материальными благами в противовес установлению искренних отношений, основанных на взаимном уважении и доверии.

Конфликт между значимостью и реализацией данной ценности оказался, наоборот, отрицательно взаимосвязан с самоуверенностью и саморуководством. Видимо, на личностном уровне ценность хорошего материального благополучия в их картине мира может выступать в качестве компенсации неуверенности в своих способностях и освобождать молодых людей от волевых усилий по преодолению внешних и внутренних обстоятельств.

Также нами были обнаружены отрицательные корреляции данного конфликта с удовлетворенностью студентов материальным положением и отдыхом, увлечениями. Это, вероятно, связано с тем, что личностно значимую ценность отличает подобная потенциальная недостижимость и как следствие малая удовлетворенность данной сферой жизни [1], которая, видимо, как мы уже отмечали ранее, действительно является важной для данных студентов, чрезмерное увлечение которой, однако, может снижать их творческую активность в сфере хобби и общения с друзьями, а также возможность творить и воспринимать прекрасное.

Таким образом, в ходе проведенного исследования нами было выявлено, что материальное благополучие, как ценностное представление, имеет средний уровень значимости для молодых людей. Однако установлено, что на более глубинном личностном уровне данная ценность обладает высокой значимостью для них, повышение которой сопровождается при этом ростом неуверенности в себе, которую студенты стремятся компенсировать с помощью материальных средств, в том числе и в сфере социальных контактов и дружеских отношений.

Литература

1. *Лесин А.М.* Определение личностной значимости и содержания ценностей // *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие.* 2020. №4.

2. *Леонова Т.И., Лесин А.М.* Ценностные ориентации студентов-волонтеров // *Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти М.Ю. Кондратьева (12–13 мая 2020 г.).* М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2020.

3. *Плотников С.Г., Шперлинь А.В.* Различия ценностных ориентаций в зависимости от уровня субъективного экономического благополучия // *Вестник Томского государственного университета.* 2014. №382.

Недирективная игровая терапия как метод коррекции страхов у детей дошкольного возраста

Леонтьева Е.С., Кочетова Ю.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
hle0888@gmail.com, julya25@mail.ru

Актуальность данной темы исследования определяется, с одной стороны, центральными задачами психолого-педагогической практики, которые формулируются на основании выдвигаемых

современным обществом требований к психическому, психологическому и психофизиологическому здоровью детей дошкольного возраста [1, с.16]. С другой стороны, теоретической и эмпирической значимостью проблемы страхов в индивидуально-личностном становлении детей дошкольного возраста, недостаточной изученностью отдельных причин возникновения страхов в данном возрасте, отсутствием набора надежных методик для своевременного его выявления и эффективных способов психопрофилактики [4, с. 154].

Детский организм, оказавшись в различных психотравмирующих жизненных обстоятельствах, остро реагирует на них в виде невротических расстройств, одним из которых является страх. На данный момент происходит постоянный рост количества детей дошкольного возраста, у которых фиксируется данное расстройство, которое детерминирует психоневрологический статус. Страхи влияют на функциональное состояние, изменяют у детей дошкольного возраста статусное положение в группе сверстников [2, с. 67].

В зарубежной и отечественной психологии проблемами страха, причинами его возникновения, способами коррекции занимались многие исследователи, но до сих пор мало исследований, направленных на исследование эффективности недирективной игровой терапии как метода коррекции страхов у детей дошкольного возраста [3, с. 86].

Проверка предположения о том, что недирективная игровая терапия способствует снижению уровня тревожности и количества страхов у детей дошкольного возраста, осуществлялась с помощью эмпирического исследования 20 старших дошкольников, посещающих подготовительную группу, в возрасте 6-7 лет.

При проведении эмпирического исследования использовались методики: тест А.И. Захарова «Страхи в домиках» (модификация М.А. Панфиловой), тест тревожности (Р. Тэмпл, М. Дорки, В. Амен) и проективный рисуночный тест «Нарисуй свой страх».

Возникновение страха у детей дошкольного возраста опосредуется завышенными требованиями, выдвигаемыми родителями и воспитателями по отношению к детям, которые формируют ситуации хронической неуспешности, сопровождающиеся регулярными упреками, служащими причиной возникновения у детей чувства вины. Также страх может возникать в тех случаях, когда родители сдержаны в проявлении своих чувств и строги по отношению к детям, при этом озвучивая детям бесконечное количество предостережений, опасностей и тревог.

Страх отражается на способностях детей дошкольного возраста реализовывать поставленные перед ними задачи в игре, что опосредует появление такого вида психологических защит, как агрессия, направляемая на окружающих. Другими реакциями, которые также характерны для детей, испытывающих страх, является отказ от коммуникации и избегание людей, потенциально опасных по той причине, что от них может исходить ожидаемая детьми «угроза». Все перечисленное способствует одиночеству, замкнутости и снижению активности детей. Они начинают создавать свой фантастический мир, в котором неразрешимые конфликты разрешаются, а неудовлетворенные потребности удовлетворяются.

Недирективная игровая терапия, как правило, используется для коррекции страхов детей дошкольного возраста в тех случаях, когда они стремятся выразить себя в игре и у них сформированы на достаточном уровне навыки самонаблюдения, необходимые для переработки разъяснений, которые им дает воспитатель, психолог в процессе игровой терапии. Следовательно, данный метод коррекции страхов может применяться с теми детьми дошкольного возраста, которые достигли 5-6-летнего возраста.

Были выявлены, конкретизированы существующие основные методы коррекции страхов детей дошкольного возраста в зарубежных и отечественных психологических исследованиях и как основной метод обозначен недирективная игровая терапия. Был разработан и апробирован комплекс занятий недирективной игровой терапии для коррекции страхов у детей дошкольного возраста и оценена эффективность недирективной игровой терапии как метода коррекции страхов у детей дошкольного возраста, посредством сравнительного анализа уровня страхов у детей дошкольного возраста до и после проведения недирективной игровой терапии.

Литература

1. *Бавина Т.В.* Детские страхи: Решение проблемы в условиях детского сада. М.: АРКТИ, 2016. 64 с.
2. *Захаров А.И.* Дневные и ночные страхи у детей. М.: Речь, 2015. 320 с.
3. *Костина Л.М.* Игровая терапия с тревожными детьми. СПб, «Речь», 2013 г. 205 с.
4. *Прихожан А.М.* Психология тревожности: дошкольный и школьный возраст. СПб.: Питер, 2012. 327 с.

Акультурация и психологическое благополучие этнического большинства и меньшинства Эстонии: идеальный VS реальный мультикультурализм

Лепшикова З.Х., Бульцева М.А.

НИУ ВШЭ, Москва, Россия

taimiris@yandex.ru, bulceva@mail.ru

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00268).

Пристальное внимание общественности к вопросам мультикультурализма обусловлено ростом культурного разнообразия в результате иммиграции и яркого проявления своей этнической и религиозной идентичности многими группами. Сегодня одним из главных сторонников мультикультурализма выступает известный канадский кросс-культурный психолог Д. Берри. Он опирается на понимание мультикультурализма, как гражданского устройства, при котором учитываются интересы и потребности многочисленных культурных групп (доминирующих, недоминирующих, коренных, иммигрантских), которые полностью включены как этнокультурные группы (а не «меньшинства») в жизнь большего общества через государственную систему социальных институтов. В результате чего все группы независимо от их размера и власти, обладают равными правами, и не должны ассимилироваться или становиться частью другой группы [3].

Тем не менее, мультикультурализму приписывают разнообразные значения и формы [2], в результате чего его реализация во многих странах различается. Иными словами, помимо прескриптивных установок по отношению к мультикультурализму (как *должны* жить этнические группы в одном обществе), существует еще восприятие реализации мультикультурализма в определенном обществе, или иначе говоря, дескриптивная сторона мультикультурализма (как *на самом деле живут* этнические группы в обществе). Установки в отношении того, как должны жить разные этнические группы в одном обществе, мы определяем как «идеальный мультикультурализм», тогда как оценка людей того как на самом деле живут этнические группы в их обществе как «реальный мультикультурализм», который является важным компонентом воспринимаемой инклюзивности социального контекста [1].

Идеальный и воспринимаемый мультикультурализм, как субъективное отражение социокультурного контекста на уровне

установок и восприятия, могут быть значимыми предикторами аккультурационных предпочтений и психологического благополучия представителей этнического большинства и меньшинства. Кроме того, их роль в аккультурации и психологическом благополучии может различаться, поскольку реальный мультикультурализм связан с конкретным социокультурным контекстом, тогда как идеальный мультикультурализм связан с абстрактными представлениями и установками о том, как должны жить разные этнические группы вместе.

Цель настоящего исследования: изучить роль идеального и реального мультикультурализма в выборе аккультурационных предпочтений представителями этнического большинства и меньшинства, а также в их психологическом благополучии.

Выборка исследования: исследование проводилось в Эстонии на 316 эстонцах (от 18 до 86 лет, средний возраст 37 лет; из них 148 женщин) и на 213 русских, проживающих в Эстонии (от 18 до 75 лет, средний возраст 31 год; из них 150 женщин).

Инструментарий исследования составили: шкала мультикультурной идеологии, модифицированная версия шкалы мультикультурной идеологии (реальный мультикультурализм), шкалы аккультурационных стратегий и ожиданий, шкалы самоуважения и удовлетворенности жизнью [4].

В результате регрессионного анализа обнаружилось, что у русских идеальный мультикультурализм не стал значимым предиктором аккультурационных предпочтений и психологического благополучия; тогда как реальный мультикультурализм стал позитивным предиктором стратегии интеграции и психологического благополучия; и отрицательным предиктором для стратегии сепарации. Получается, что в основе аккультурации и адаптации русских в Эстонии лежит реальный мультикультурализм, то есть восприятие реального социокультурного контекста Эстонии; а не абстрактные установки в отношении мультикультурной идеологии.

У эстонцев идеальный мультикультурализм стал значимым позитивным предиктором ожиданий интеграции и сегрегации русских и негативным предиктором ожидания ассимиляции русских; при этом с психологическим благополучием идеальный мультикультурализм значимо не связан. В то же время реальный мультикультурализм оказался значимым позитивным предиктором ожидания ассимиляции русских и психологического благополучия эстонцев.

Результаты проведенного исследования выявили колоссальную роль социокультурного контекста через реальный мультикультурализм в аккультурации и психологическом

благополучии как этнического меньшинства, так и этнического большинства Эстонии. Обращает на себя внимание разная роль идеального и реального мультикультурализма в акулльтурации и психологической адаптации этнического большинства и меньшинства.

Литература

1. *Лепиокова З.Х.* Воспринимаемая инклюзивность социального контекста, аккультурация и адаптация мигрантов из Северного Кавказа в Москве // *Общественные науки и современность*. 2020. № 3. С. 124-138.
2. *Паин Э.А.* Трудный путь от мультикультурализма к интеркультурализму // *Вестник Института Кеннана в России*. - М., 2011. № 20. С. 78-85
3. *Abella R.* An attack on the independence of a court anywhere is an attack on all courts. 2018. URL: <https://www.theglobeandmail.com/opinion/article-rosalie-abella-an-attack-on-the-independence-of-a-court-anywhere-is/>
4. *Berry J. W.* Mutual intercultural relations. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.

Общественное признание в структуре ценностей студентов

*Лесин А.М.,
ФГБОУ ВО РязГМУ, г. Рязань, Россия,
am170911@mail.ru*

Исследования ценностной сферы личности студентов всегда имеют значимость, поскольку в социальной группе молодых людей, которые выбрали учебу в вузе и активно устремлены к освоению профессии, наиболее ярко и четко проявляются тенденции современного общества [1]. Те ценности, которые сегодня формируются у молодежи, завтра будут определять состояние общества в целом [2]. Особое место в ценностной сфере занимает ценность общественного признания, выступая маркером тенденций социальной одобряемости и определяя популярный образ уважаемого человека. В этой связи несомненной актуальностью обладают исследования, посвященные взаимосвязям значимости ценности общественного признания с другими ценностями и ценностными карьерными ориентациями, которые позволяют уловить содержание и смысловое наполнение этой ценности и ценностной сферы в целом [3].

Нами были исследованы особенности взаимосвязей значимости ценности общественного признания со значимостью других ценностей и карьерных ориентаций 196 студентов Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, с помощью методик «Ценностные ориентации» (М. Рокич и О.И. Мотков, Т.А. Огнева), «Якоря карьеры» (Э. Шейн, перевод и адаптация В.А. Чикер, В.Э. Винокурова).

Значимость ценности общественного признания имела корреляции с карьерными ориентациями: положительная – с менеджментом, отрицательные – с профессиональной компетентностью и автономией. Это указывает на то, что современные студенты тесно связывают популярную управленческую деятельность с возможностью получить уважение со стороны окружающих, при этом интересно, что, по их мнению, реализация своих талантов и способностей в профессиональной сфере и независимость в работе не являются общественно необходимыми, а наоборот снижают социальное одобрение людей, которые стремятся проявить себя активно на профессиональном поприще.

Уровень значимости исследуемой ценности был положительно взаимосвязан с уровнем значимости терминальной ценности материально обеспеченной жизни и отрицательно – свободы, счастливой семейной жизни и творчества. Это, вероятно, говорит о том, что в картине мира студентов, которые приняли участие в исследовании, общественное признание и соответствующий статус во многом зависят от материальных ценностей. Чем больше студентов заботит социальное уважение, тем большую значимость имеют для них материальные конкретные блага. Однако, помешать процессу общественного признания, по их мнению, могут чрезмерная самостоятельность, оригинальность, а также построение брачных отношений, что характеризует образ уважаемого человека в глазах студентов как свободного от ответственности и эмоциональных привязанностей, но при этом конформного и приспособляющегося к окружающей действительности.

Также значимость ценности общественного признания была ожидаемо положительно взаимосвязана со значимостью инструментальной ценности высоких запросов. Очевидно, что чем больше студенты склонны ожидать общественное одобрение, тем более высокие требования они готовы предъявлять к себе и обладать высокими притязаниями.

Кроме того, уровень значимости изучаемой ценности имел положительные корреляции со значимостью ценности популярности и роскошной жизни, а отрицательные – с осуществлением ценностей уважения, помощи людям и творчества. Такие взаимосвязи указывают

на то, что общественное признание в картине мира современных студентов имеет тесную связь с известностью, а также с возможностью вести более чем комфортный образ жизни, что может определяться возрастающей ролью социального влияния интернет кумиров, которые могут за очень короткий срок стать популярными в социальных сетях с неперенной демонстрацией атрибутов роскоши, как маркеров высокого социального статуса. Определенная «механизация» и прагматизация этого «конвейерного» процесса популяризации способствует формированию мнения, что творческое проявление себя и чуткость по отношению к другим людям могут не просто не способствовать, а быть помехой на этом пути.

Таким образом, современные студенты соотносят ценность общественного признания с успешным обликом респектабельного управленца, не обремененного брачными узами, который не склонен к творческому проявлению себя и своей свободы, однако имеющего высокие притязания. Кроме того, студенты связывают ценность общественного признания с возможностью вести роскошный образ жизни, быть узнаваемыми не только в кругу своих знакомых, при этом считают, что излишняя творческая активность и человеколюбие могут быть помехами реализации такой ценности.

Литература

1. *Богданович Н.В., Щеткина Е.И., Борисова А.А., Шевцова Н.А., Моисеева Л.П.* Особенности ценностно-смысловой сферы у студентов в период обучения в вузе // Психология и право. 2019. Том 9. № 2. С. 232–249. DOI:10.17759/psylaw.2019090216
2. *Леонова Т.И., Лесин А.М.* Взаимосвязи между ценностями и самоотношением студентов // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти академика РАО А.В. Петровского «Социальная психология и общество: история и современность» (г. Москва, 15-16 октября 2019 г.). М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2019. С. 141-144.
3. *Лесин А.М.* Определение личностной значимости и содержания ценностей // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2020. Том 8. № 4 (31). С. 445-455. URL: <http://humjournal.rzgm.ru/art&id=460>. DOI:10.23888/humJ20204445-455

Изменение ценностных ориентаций и межкультурного интеллекта личности в контексте развития эмоционального интеллекта

*Лимонова Н.А., Ткаченко Н.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
limonova.n@gmail.com, tkachenkonv@mgppu.ru*

В современном мире люди вынуждены сосуществовать в поликультурных населенных пунктах и для комфортной жизни развивать межкультурную компетентность. Эти тенденции рождают потребность в инструментах тренировки навыков эмоциональной устойчивости в межкультурной коммуникации.

Проблема исследования состоит в том, что ученые изучают эмоциональный интеллект (ЭИ) с точки зрения его влияния на коммуникацию в целом, не делая акцент на коммуникации в межкультурной среде. В нашем исследовании мы ставили целью экспериментальным путем изучить изменение динамики межкультурной компетентности и ценностных ориентаций личности в условиях развития ЭИ.

Гипотезой исследования выступило предположение о том, что развитие ЭИ влияет на уровень межкультурной компетентности и изменение ценностных ориентаций.

Для достижения поставленной цели и проверки выдвинутой гипотезы в работе были поставлены следующие задачи.

1. Разработать тренинг по развитию ЭИ.
2. Провести пилотажный тренинг.
3. С помощью трех опросников измерить уровень ЭИ и межкультурной компетентности, а также определить индивидуальную иерархию ценностных ориентаций участников.
4. Провести тренинг.
5. Провести повторное анкетирование.
6. Обработать полученные данные.
7. Проанализировать результаты эмпирического исследования и сделать выводы.

В работе использовался следующий комплекс методов.

1. Методы сбора эмпирической информации:
  - 1) эксперимент;
  - 2) опросный метод (анкетирование): опросник на эмоциональный интеллект ЭИИн. Д.В. Люсина [2, с. 264], интегративный опросник межкультурной компетентности Хухлаева О.Е., Гриценко В.В., Макаrchук А.В. и др. [3], портретный ценностный опросник (PVQ) Ш. Шварца [1, с. 327].

2. Методы обработки результатов исследования: статистический анализ эмпирических данных с помощью статистического критерия Уилкоксона.

При проведении эксперимента выборка испытуемых составила 23 человека, но непосредственное участие приняли 18 женщин — по девять женщин в контрольной и экспериментальной группах. Возраст испытуемых варьировался от 28 до 52 лет. Большая часть респондентов в графе «Род деятельности» отметили «домохозяйка».

В ходе пилотажа были отработаны упражнения, проведен анализ трудностей, с которыми столкнулись участники и ведущий, изучено соответствие упражнений целям, которые они призваны достичь, а также собраны эмоциональные отклики участников после прохождения тренинга.

Эксперимент состоял из трех этапов: анкетирование — тренинг — анкетирование для экспериментальной группы и анкетирование — повторное анкетирование через неделю для контрольной группы.

Первое анкетирование для экспериментальной группы проводилось непосредственно перед тренингом до знакомства с ведущим и другими участниками. Для контрольной группы первое анкетирование проводилось онлайн.

Длительность тренинга составила шесть часов — два дня по три часа с перерывом в неделю. Тренинг включал в себя теоретическую часть об эмоциях и эмоциональном интеллекте, а также практическую часть, состоявшую из 12 психогимнастических упражнений, групповых дискуссий и рефлексии опыта участниками.

Повторное анкетирование проводилось сразу после тренинга в экспериментальной группе и онлайн в контрольной группе спустя неделю после первого анкетирования.

Результаты анализа данных показали значимые различия во внутриличностном эмоциональном интеллекте (ВЭИ) участников экспериментальной группы. После тренинга ВЭИ участников стал ниже, чем был до него. Это можно объяснить тем, что в ходе тренинга участники могли осознать, насколько на самом деле они понимают свои эмоции и умеют управлять ими.

В параметрах межкультурной компетентности значимых различий ни в контрольной группе, ни в экспериментальной зафиксировано не было.

Выявились значимые различия участников экспериментальной группы в одной из 19 ценностей — самостоятельности действий. Она после тренинга значительно снизилась. Это может быть вызвано запущенным процессом децентрации, когда человек рассматривает

явления не только со своей позиции, но и с позиции другого человека, учитывая мнения окружающих.

Можно сделать вывод о том, что развитие эмоционального интеллекта способствует не только большему пониманию собственных эмоций, но и тому, что люди начинают чаще действовать не только исходя из своих интересов, но и с оглядкой на другого, частично отказываясь от своей автономии.

Литература

1. *Лебедева Н.М.* Этнопсихология: учебник и практикум для академического бакалавриата / Н.М. Лебедева. М.: Издательство Юрайт, 2019. 491 с.
2. Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям / ред. Д.В. Люсин, Д.В. Ушаков. М.: Институт психологии РАН, 2009. 351 с.
3. *Хухлаев О.Е., Гриценко В.В., Макаrchук А.В. и др.* Разработка и адаптация методики «Интегративный опросник межкультурной компетентности» // Психология. Журнал высшей Школы Экономики, 2021. Т. 18. № 1. С. 71–91.

Молодежная субкультура киберспортсменов: социально-психологический анализ

Логвинова М.И.

*ФГБОУ ВО КГУ, Курск, Россия
landaurita@mail.ru*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Развитие субъектности подростков поколения Z в социально обогащенной среде дополнительного образования» № 20-013-00073 А.

В современных условиях остро стоит проблема воспитания подрастающего поколения. Несмотря на все усилия общества и государства, все еще значительное число подростков и юношей вовлечено в противоправную деятельность, склонно к аддиктивному поведению, социально-пассивно, погружено в виртуальное пространство [2].

Используемые ранее методы и работы с молодежью требуют, на наш взгляд, обогащения ввиду учета актуальных процессов, протекающих в молодежной среде. В частности, как мы полагаем,

особого внимания заслуживают молодежные субкультуры различной направленности. Выступая для их членов референтной группой, они могут существенным образом влиять на ценности, убеждения, взгляды и интересы представителей молодежного сообщества, способствовать дальнейшей успешной социализации молодежи [1]. Одной из распространенных молодежных субкультур среди подростков поколения Z является субкультура киберспорта. Это определило цель исследования – социально-психологический анализ молодежной субкультуры киберспортсменов.

Базой исследования выступил киберспортивный клуб «Олимпик», который реализует свою деятельность на основе грантовой поддержки. Он включает два направления подготовки (Dota 2 и Counter-Strike). Образовательный процесс выстроен как тренировочный и соревновательный. Общий объем выборки: 37 человек, все – мужского пола, средний возраст – 16,6 лет.

В ходе исследования нами было установлено, что у представителей субкультуры киберспортсменов доминирует коллективистическая направленность в восприятии группы, средний уровень благоприятности межгруппового взаимодействия, уровень развития психологического климата выше среднего, высокий уровень сплоченности.

Среди представителей субкультуры киберспортсменов наиболее значимыми индивидуальными ценностями выступили наличие хороших и верных друзей (ранг 1), здоровье (ранг 2), материально-обеспеченная жизнь (ранг 3), познание (ранг 4). К нейтральным ценностям респондентов относятся счастливая семейная жизнь (ранг 5), интересная работа (ранг 6), уверенность в себе (ранг 7), активная, деятельная жизнь (ранг 8). Наименее значимыми для подростков поколения Z стали любовь (ранг 9), творчество (ранг 10), переживание прекрасного в природе и искусстве (ранг 11), свобода (ранг 12).

Анализируя групповые ценности опрошенных, отметим, что к наиболее значимым ценностям были отнесены материально-обеспеченная жизнь (ранг 1), здоровье (ранг 2), уверенность в себе (ранг 3), интересная работа (ранг 4). Нейтральными групповыми ценностями для подростков поколения Z являются активная, деятельная жизнь (ранг 5), любовь (ранг 6), познание (ранг 7), переживание прекрасного в природе и искусстве (ранг 8). Наименее значимыми для киберспортсменов выступили свобода (ранг 9), счастливая семейная жизнь (ранг 10), наличие хороших и верных друзей (ранг 11), творчество (ранг 12).

Нами были предложены следующие рекомендации по работе с представителями молодежной субкультуры киберспортсменов:

1) Следует тактично и весьма осторожно касаться вопросов, связанных с групповой идентичностью неформала, стараясь как можно бережнее относиться к его пристрастиям и вкусам. Ни в коем случае нельзя демонстрировать неуважение к имиджу, ценностям, мировоззрению представителя молодежной субкультуры.

2) Посредством эмпатии стремиться как можно более глубоко проникнуть во внутренний мир представителя субкультуры, желательно понимать сленг неформала, маркирование тела, внешние и внутренние признаки отличия.

3) Среди разнообразных методов диагностики молодежи, принадлежащей к данной субкультуре, особое место занимают проективные тесты, так как практически исключается фактор социальной желательности получаемых ответов и дается простор для проявления творчества.

4) Представители молодежных субкультур досуговой направленности зачастую отличаются склонностью к фантазированию и уходу в выдуманный мир, поэтому необходимо чаще привлекать их к социально-полезной деятельности, в том числе добровольческой.

5) Результативна мобильная работа с молодежью. Этот подход интересен тем, что предполагает оказание влияния в привычном для нее окружении в местах неформальных встреч членов субкультурного сообщества.

Литература

1. *Логвинова М.И.* Молодежные субкультуры просоциальной направленности как ресурс развития социальной активности личности // Проблемы и перспективы развития современной гуманитаристики: педагогика, методика преподавания, филология, организация работы с молодежью. Материалы международного форума. 2020. С. 63-67.
2. Преступность по данным Росстат. URL: <https://rosinfostat.ru/prestupnost/#i-3>.

Связь самоощущения подростка на уроке с его учебной мотивацией

Лосинская Т.С., Толстых Н.Н.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
errmolka@yandex.ru, nnvt@lyst.ru

Учебная мотивация на протяжении многих лет активно изучается отечественными и зарубежными психологами, однако, несмотря на

множество исследований и публикаций, посвященных вопросам мотивации учения, тема не теряет своей актуальности. Американский психолог Р. Стернберг, описывая причины, мешающие людям с высоким уровнем интеллекта достигать выдающихся результатов, в качестве основной причины указывает на недостаток мотивации, который играет равноценную с показателями интеллекта роль в достижении успеха [5].

Т.О. Гордеева определяет учебную мотивацию, как «сложную динамическую систему, включающую иерархию внутренних и внешних мотивов, учебные цели, намерения, способы реагирования на трудности и неудачи, возникающие в процессе обучения, а также разного рода ожидания и представления, касающиеся оценки собственного потенциала и достижений» [1, с. 17].

За последние десятилетия образовательные стандарты неоднократно менялись и усложнялись, темп обучения стал интенсивнее. Академические знания часто не успевают адаптироваться под технологический прогресс. Учителям, педагогам и родителям необходимо иметь представление о методах повышения мотивации подростков, которые зачастую утрачивают интерес к школе и учебной деятельности. Формирование мотивации учения в школьном возрасте является одной из центральных проблем современной школы [2]. Это является крайне важным для всех участников образовательного процесса.

Зарубежные исследователи также продолжают уделять значительное внимание вопросу учебной мотивации. В настоящее время повышение вовлеченности учащихся в образовательный процесс, особенно на уровне средней школы, является одной из главных целей при реформировании школ, направленной на решение проблем, связанных с отчуждением подростков от образовательного процесса и низкой успеваемостью [4].

По результатам череды взаимосвязанных исследований мы планируем выявить социально-психологические факторы, характеризующие взаимоотношения подростка с учителями и сверстниками, которые значимы для формирования учебной мотивации подростков.

Цель нашего исследования – выяснить, насколько взаимосвязаны учебная мотивация и самоощущение подростка на уроке, так ли очевидно влияют на мотивацию к учебе самоопределение подростка в социуме, его взаимоотношения с учителем на уроке, отношения со сверстниками.

С практической точки зрения, данное исследование проводится с целью понять, какие именно можно создать дополнительные

благоприятные условия для подростков в учебной деятельности, на что следует обратить внимание педагогам, какие факторы полезно учесть при формировании собственной активной учебной мотивации в этот непростой для подростка период. Учебная мотивация в отрочестве носит порой парадоксальный характер. С одной стороны, многие ученые и практики фиксируют снижение этой мотивации, с другой – часть исследователей определяют этот период как наиболее благоприятный для формирования различных видов учебной мотивации [3].

В исследовании примут участие учащиеся государственных общеобразовательных школ в возрасте 13-16 лет.

Для выявления связи самооощущения подростка с его учебной мотивацией выбраны следующие методики: опросник В.С. Собкина, позволяющий определить самооощущение подростка на разных уроках; аутосоциометрический метод; методика «Индекс учебного интереса» для определения характера учебной мотивации подростков.

Полученные по результату проведенных исследований данные можно будет использовать для разработки методических рекомендаций для педагогов и родителей, а также для разработки тренинговых занятий, направленных на повышение учебной мотивации у подростков.

Литература

1. *Гордеева Т.О.* Мотивы учебной деятельности учащихся средних и старших классов современной массовой школы // Психология обучения №6, 2010. С. 17-32.
2. *Маркова А.А.* Формирование мотивации учения в школьном возрасте: Пособие для учителя // Редакторы А.И. Луньков, С.Д. Креков - М.: Изд-во «Просвещение», 1983. 96 с.
3. *Толстых Н.Н., Прихожан А.М.* Психология подросткового возраста: учебник и практикум для вузов. М.: Издательство «Юрайт», 2020. 406 с.
4. *Ming-TeWang, Jacquelynne S.Eccles.* Learning and Instruction // Elsevier, December 2013. P. 12-23.
5. *Sternber R.J.* Successful Intelligence // Simon &Schuster, New York, 1996. 400 p.

Особенности развития мышления младших подростков в различных системах обучения

*Лубовский Д.В., Алексеева Я.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
lubovsky@yandex.ru; 7548501@gmail.com*

В условиях цифровой эпохи меняются не только отношения в обществе, меняется и сам человек, в том числе его познавательная сфера. Изменяются требования к человеку и будущим профессиям, некогда востребованные компетенции становятся ненужными, другие, наоборот, становятся более востребованными, но они оказываются недостаточно развитыми в условиях школьного обучения. Роль школьного обучения в формировании компетенций, которые становятся востребованными сегодня и станут еще более необходимыми завтра, особенно велика.

Новый Федеральный стандарт (ФГОС) устанавливает требования к результатам освоения обучающимися основной образовательной программы основного общего образования. Наряду со сформированными предметными знаниями и умениями, результатом освоения программы должны стать метапредметные компетенции, включающие освоенные обучающимися межпредметные понятия и универсальные учебные действия (регулятивные, познавательные, коммуникативные), а также способность их использования в учебной деятельности. Проблема нашего исследования в том, каковы особенности мышления обучающихся младшего подросткового возраста в условиях обучения по разным программам основного общего образования и, соответственно, как система обучения влияет на формирование познавательных универсальных учебных действий и мышление младших подростков.

Следует отметить, что возраст 10–13 лет – особый период в развитии мышления, поскольку именно после перехода в основную школу дети впервые приступают к систематическому изучению основ наук (математики, физики, химии, биологии), где, в отличие от обучения в начальной школе, они осваивают научные понятия. На материале усвоенных понятий у школьников формируются умственные действия для успешного решения соответствующих задач, что в свою очередь служит основой становления развитого теоретического мышления.

Согласно теории развивающего обучения В.В. Давыдова – Д.Б. Эльконина, ребенок, усваивая теоретические знания через выявление в них исходных, генетических отношений путем теоретического

анализа, планирования и рефлексии, «становится для самого себя одновременно и предметом изменения, и субъектом, осуществляющим изменение самого себя» [4, с. 327].

Нами было проведено исследование уровня сформированности основных компонентов теоретического мышления: анализа, планирования и содержательной рефлексии. В исследовании приняли участие 42 обучающихся пятых классов (21 человек одной из школ (далее МБОУ СОШ) ближнего Подмосковья; 21 – обучающиеся ГБОУ школы г. Москвы). Для проведения диагностики познавательных универсальных учебных действий применена методика А.З. Зака «Перестановки». Предварительные результаты, приведенные в таблице 1, подтверждают существенные различия в сформированности УУД учащихся в зависимости от системы обучения.

Таблица 1.
Сформированность познавательных универсальных учебных действий обучающихся двух школ

Познавательные УУД	Кол-во решенных задач	Уровень сформированности УУД	МБОУ СОШ	ГБОУ школа г. Москвы
Анализ	Решено менее трех задач задания 2	Не сформировано	52%	33%
	Решены три задачи задания 2	Достаточная сформированность	48%	67%
Планирование	Не решено ни одной задачи	Не сформировано	43%	23%
	Решены одна или две задачи задания 3	Относительная сформированность	43%	48%
	Решены три или четыре задачи задания 3	Достаточная сформированность	14%	29%

Проведенное исследование выявило различия в сформированности действий анализа и планирования у обучающихся пятых классов. В МБОУ СОШ реализуется программа развивающего обучения по математике, но требования родителей к обучающимся, по словам педагогов, достаточно щадящие. В ГБОУ школе г. Москвы реализуется традиционная программа по математике, однако школа

имеет высокий рейтинг и требования к обучающимся высокие как со стороны родителей, так и со стороны учителей.

Э.В. Ильенков писал: «Надо организовать процесс усвоения знаний, процесс усвоения умственной культуры так, как организует его тысячи лет лучший учитель – жизнь. А именно так, чтобы в ходе этого процесса ребенок постоянно был вынужден тренировать не только (и даже не столько) «память», сколько способность самостоятельно решать задачи, требующие мышления в собственном и точном смысле слова, – «силы суждения», умения решать – подходит данный случай под усвоенные ранее «правила» или нет, а если нет — то как тут быть?» [№, с. 12]. Результаты нашего исследования показывают, что на формирование умственных действий школьников оказывает влияние не педагогическая система сама по себе, но образовательная ситуация в целом, в которой образовательные результаты обучающихся зависят также от социально-психологических характеристик образовательной ситуации.

Литература

1. *Давыдов В.В.* Теория развивающего обучения. М., 1996.
2. *Зак А.З.* Развитие и диагностика мышления подростков и старшеклассников /– М.; Обнинск: ИГ–СОЦИН, 2010.
3. *Ильенков Э.В.* Школа должна учить мыслить. 2-е изд., стер. МПСИ, 2009.
4. Оценка метапредметных компетенций выпускников начальной школы / Под ред. И.М. Улановской. М.: ГБОУ ВПО «МГППУ», 2015.

Психологические различия в восприятии измен мужчинами и женщинами

Любушина А.А., Чикер В.А.

СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

lyubushina_a_a@mail.ru, vchiker@yandex.ru

Согласно данным Росстата, за последние 70 лет в мире наблюдается заметное увеличение числа разводов – с 12% в 1950-е годы до 65% в наши дни. Причем, 90% семей разводятся по причине неверности одного из супругов.

Проблема измен стала пристально изучаться в XX веке и рассматривалась скорее с точки зрения морально-нравственной стороны (С.И. Голод, О.К. Лосева) или же на уровне межличностных отношений (Э. Фромм). Благодаря трудам психологов (Олифиревич Н.И., Перехов А. Я., Харли У.Ф, Целуйко В.М. и др.) и социологов (Голод С.И., Лосева О.К.) были изучены многие аспекты измен. Чаще всего под изменой понимается добровольное вступление лица, состоящего в браке, в сексуальную связь с лицом противоположного пола, в этом браке не состоящем, без согласия на то своего брачного партнера [2]. В проведенных ранее исследованиях мы встречаемся с некоторыми противоречиями. Исследование О.К. Лосевой выявило неприемлемость измены как таковой (75% опрошенных), в то время как другое её исследование обнаруживает, что измена имела место в жизни почти каждого человека (55% мужчин и 25% женщин) [1]. На этом примере видно, что проблема измены как психологического феномена все еще имеет недостаточную разработанность, чтобы ответить на все возникающие вопросы. Особенно нас интересуют убеждения и гендерные стереотипы в отношении измен современных мужчин и женщин, которые в широком социальном аспекте влияют на стабильность семейных отношений.

Цель нашего исследования – изучить психологические различия восприятия измен мужчинами и женщинами. Основные исследовательские вопросы сформулированы следующим образом: «Различается ли восприятие измен мужчин и женщин? Как связаны с восприятием измен психологические особенности личности респондентов? Каковы особенности социальной среды в связи с отношением к измене?»

Основная гипотеза исследования: существуют психологические различия в восприятии измен мужчинами и женщинами, обусловленные личностными свойствами и социально-психологическими особенностями среды.

Нами был сформирован план эмпирического исследования и подобран методический инструментарий: методика измерения установок в супружеской паре (Ю.Е. Алёшина, Л.Я. Гозман, Е.М. Дубовская) и тест-опросник личностной зрелости Ю.З. Гильбух. Кроме этого, нами были использованы авторская проективная методика на основе метода незаконченных предложений и анкета-опросник восприятия измен. Было опрошено 30 мужчин и 40 женщин, состоящих в браке более четырёх лет.

Математическая обработка результатов исследования, включала в себя анализ описательных статистик, анализ достоверности различий средних величин, корреляционный анализ, а также контент-анализ.

По результатам оценок средних величин мужчины отличаются от женщин чувством долга в социальных отношениях, ориентированностью на романтическую любовь и запретностью обсуждения значимых сексуальных отношений.

По результатам корреляционного анализа можно сказать, что у женщин наблюдаются тесные взаимосвязи показателей личностной сферы, в том числе включающие показатель отношения к измене. При этом показатель неприятия измен связан с такими базовыми характеристиками как личностная зрелость, сформированная Я-концепция, религиозность, отношение к семье (для каждой $p=0,01$) и оптимистическое представление о людях ($p=0,05$). У мужчин в центре плеяды находится показатель жизненных установок. Чем выше этот показатель, тем больше мужчина направлен на значимые цели, интересуется общественно – политической жизнью, на равных взаимодействует со своей избранницей и направлен на продолжительный брак ($p=0,01$). Показатель восприятия измен не включен в мужскую плеяду, что может свидетельствовать либо о приемлемости измен, либо об уходе от обсуждения этой темы.

В результате проведенного нами контент-анализа 63% мужчин считают измену «предательством», при этом у женщин таких ответов нет. Этот факт можно объяснить тем, что по словам респондентов, мужчины изменяют осознанно, тогда как женщина, скорее случайно. Проведенный нами анализ проблемы измен показал различие взглядов на измену в разные исторические периоды и ослабление строгости её наказания в наше время.

Таким образом, отношение к измене формирует культура, религия, личное пространство и социальное окружение. По нашим данным подвержены изменам «незрелая» личность, не различающая понятий любви и влюбленности и не способная взять на себя социальную ответственность за другого человека.

Литература

1. *Лосева О.* Секс?.. Не только, но... / Узы брака, узы свободы: Проблема семьи и одиночества глазами ученых. М., 1990. 222 с.
2. *Перехов А.Я., Думбай В.Н.* Семейно-сексуальные гармонии и дисгармонии. Ростов-на-Дону, 2007. 142 с.

Изменение психологических установок сотрудников по отношению к организации при переходе на дистанционный режим труда

*Люлюшина О.Н.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
onlyulyushina@mail.ru*

В последние несколько лет особенно часто возникает запрос у IT-компаний на проведение мероприятий по оптимизации бизнеса и трансформации бизнес-процессов бизнеса. В условиях быстро изменяющихся рыночных требований, бизнес-успех зачастую зависит от успешного применения IT-технологий [3] и быстрого реагирования на обратную связь пользователей. Согласно различным аналитическим отчетам, не последнюю роль в проведении цифровой трансформации в организациях России играют проблемы управленческого характера, в том числе, страх и неготовность персонала к изменениям [3]. В то же время IT-компании сегодня выдвигают особенные требования к гибкости сотрудников и соискателей, что делает толерантность к неопределенности чуть ли не важнейшим атрибутом сотрудника при приеме на работу. «Недостаточно закупить оборудование и программное обеспечение, скопировать цифровые решения, появляющиеся на рынке – инновации не принесут желаемых результатов, если люди не будут готовы к изменениям или будут сознательно сопротивляться новшествам» [5].

Психологическая установка трактуется как готовность или неготовность к совершению тех или иных действий, исходя из своих представлений [6]. По определению М. Смит, принято выделять три компонента установки: когнитивный компонент, содержащий представления и знания об объекте; аффективный компонент, содержащий эмоциональное и оценочное отношение к объекту и поведенческий компонент, содержащий готовность к определенному действию и поведению по отношению к объекту [7].

Ряд исследователей, занимающихся изучением установок, уделяют внимание вопросу о том, как связаны установки с социальным и эмоциональным интеллектом [2], которые могут определять успешность сотрудника, например, как руководителя – эффективного менеджера. Возможно, именно поэтому некоторые авторы рассматривают эмоциональный интеллект в качестве управленческого ресурса и конкурентного преимущества руководителя [5].

Для изучения взаимосвязи эмоционального интеллекта с установками сотрудников организации было проведено эмпирическое

исследование, в котором отдельной переменной выступало отношение сотрудников к ситуации неопределенности. Включение этой психологической переменной было продиктовано крайне неопределенными и трудно прогнозируемыми последствиями развития ситуации в организации в связи с переходом на дистанционный режим труда, вызванный пандемией коронавируса. В исследовании были использованы следующие методики.

1. Методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О.Ф. Потемкиной [3];

2. Опросник толерантности-интолерантности к неопределенности (Т.В. Корнилова) [1];

3. Методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн (Д.В. Люсин) [2].

В состав выборки вошли респонденты в количестве 61 человека (22 женщины и 39 мужчин) в возрасте 18-50 лет сотрудники ИТ-организации, представители двух категорий сотрудников: управленцы и участники команд разработки ИТ-продукта.

Среди опрошенных респондентов по методике О.Ф. Потемкиной результаты установок распределились следующим образом: среди всех участников исследования 36% имеют выраженные установки на процесс, 52% – на результат, 30% – на альтруизм, 6% – на эгоизм, 17% – на труд, 12% – на власть, 46% – на деньги и 6% – на свободу.

Таким образом, среди опрошенных респондентов, максимально выражены и преобладают установки «на результат», «деньги» и на «процесс». Сотрудники организации, более ориентированные на процесс, менее задумываются над достижением результата, зачастую пренебрегают сроками выполнения задачи, в то время как работники, ориентированные на результат, оказались наиболее надежными, способными достигать цели, не смотря на неудачи и организационные трудности. Для респондентов с выраженной ориентацией на «деньги» преобладает потребность к увеличению собственного благосостояния.

Разумеется, представленные результаты – это лишь основание для последующего анализа данных с использованием методов математической статистики, но они задают определенный вектор предстоящего анализа и ответа на вопрос, как выявленные типы установок могут быть взаимосвязаны с эмоциональным интеллектом и отношением к ситуации неопределенности, вызванной переходом на новый формат дистанционной работы.

Результаты, которые будут получены в ходе анализа данных, могут быть использованы для разработки рекомендаций для психологической службы персонала организации.

Литература

1. *Корнилова Т. В.* Новый опросник толерантности к неопределенности // Психол. журн. 2010. Т. 31, № 1. С. 74–86.
2. *Люсин Д.В.* Социальный и эмоциональный интеллект: от моделей к измерениям: учебное пособие. М., 2009.
3. *Озорнин С.Ю., Терлыга Н.Г.* Проблемы цифровой трансформации предприятий: управленческий аспект. Евразийский Союз Ученых (ЕСУ) # 4(73), 2020
4. *Райгородский Д.Я.* Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Учебное пособие. / Ред. и сост. Райгородский Д.Я. Самара, 2001. С.641-648.
5. *Смирнов Е.А., Рослякова М.В.* Эмоциональный интеллект как управленческий ресурс женщин в эпоху цифровой трансформации. Ивановский государственный университет, 2019.
https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41234836_47310616.pdf
6. *Узнадзе Д. Н.* Психология установки. СПб.: Питер, 2001.
7. *Smith M.B.* Attitude Change // International Encyclopedia of the Social Sciences. 1968. Vol. 1. P. 458.

Развитие рефлексия в процессе квазипрофессиональной деятельности как условие комплаентности специалиста

Майсак Н.В.

*ФГБОУ ВО Астраханский государственный университет,
Астрахань, Россия
n-maisak@mail.ru*

Рефлексия – процесс получения обратной связи – выступает механизмом развития личности и побудителем самопознания. Она проявляется в способности заглянуть вглубь себя, оценить свои профессиональные достижения и достоинства, а также степень деформации, возникающей в результате годами эксплуатируемых профессионально важных качеств. Целенаправленное развитие личностной и профессиональной рефлексии в процессе обучения специалистов позволяет скорректировать мыслительные способности, среди которых – широта, глубина, беглость, гибкость и критичность ума [2]; б) эмоциональный интеллект [1] и пластичность поведения; сформировать положительную мотивацию к деятельности; следовать

этико-профессиональной норме и профилактировать девиантные проявления в профессии. Н. Б. Москвина обращает внимание на возможности рефлексии в трансформации риска личностно-профессиональных деформаций в ресурс развития [3].

Использование нами деловой игры в условиях специально организованной квазипрофессиональной деятельности позволило выявить множество проблем среди ее участников. В состав тренинговых групп входили учителя и врачи (148 человек), игравших роли «учителя и ученика», «лидера и подчиненного». Целью игры было обучение специалистов гибким навыкам (soft skills): умению конструктивно общаться в паре, инструктировать/объяснять и следовать инструкции, спрашивая и уточняя для достижения наилучшего результата. По условиям игры пары должны были взаимодействовать, сидя спиной друг к другу. Инструкция была такова: «У Вашего партнера на листе бумаги должен получиться рисунок, точно совпадающий с имеющимся у Вас образцом». Итоги «делового» общения в парах показали, что 66,2% специалистов неуспешны в выполнении задания, абсолютную непродуктивность проявили 8,8% участников, относительно продуктивны 25% участвовавших специалистов, а полную успешность в выполнении задания не проявил никто.

Был сделан вывод о том, что испытуемые не успешны в навыках инструктирования и следования инструкциям, неэффективно взаимодействуют в парах в процессе совместной деятельности.

Анализ работы всех групп показал, что причина выявленных тенденций состоит в неразвитости антиципации как способности предвосхищать результат; в невнимательности и слабой мотивации к успешному достижению цели; в неумении планировать и контролировать деятельность другого и свою собственную, осуществляя организацию и управление деятельностью другого человека; в отсутствии поэтапного контроля; в несерьезном отношении к обучающей ситуации; в неадекватной (чаще завышенной) оценке своей работы; в использовании оправданий неуспеха и пр. Например, при абсолютном невнимании к размерам, форме и расположению на образце различных геометрических фигур участники исследования говорили: «Я лишь размеры не учла!»; «Ну и ладно! Подумаешь, не по диагонали расположил фигуры, а перпендикулярно...»; «Немножко влево-вправо спутала», «Но Вы же не сказали, что так нельзя!», «Зато мы так хорошо общались!» и пр.

С нашей точки зрения, непродуктивность профессионально значимых действий может быть обусловлена отсутствием целеполагания, низкой критичностью, слабой мотивацией,

неразвитостью антиципации и рефлексии, непродуктивностью мышления и способов действия специалистов, использованием защитных механизмов вместо конструктивных стратегий совладания.

Применение на последующих занятиях рефлексивного анализа позволило специалистам прорабатывать личностные проблемы, скорректировать признаки профессиональной деформации для преодоления критических явлений профессиональной жизни. Итогом групповой работы стала комплаентность, сущность которой состоит в способности следовать этико-правовым и организационным нормам, надлежащему выполнению действий в соответствии с профессиональным предназначением.

Итак, организация квазипрофессиональной деятельности в процессе обучения специалистов может стать эффективной стратегией их личностно-профессионального роста. Профессиональная рефлексия позволяет осознать неизбежно возникающие деформации, трансформировать их в акмеологическое развитие, развивать ответственность и компетентность в целом. Соотносимые с психолого-акмеологической нормой данные качества позволят специалистам оставаться конкурентоспособными на рынке труда и ценными для организации кадрами.

Литература

1. *Майсак Н. В., Тайсаева С. Б.* Креативная игра в коучинге персонала как инструмент развития эмоционального интеллекта // Современный тренинг и коучинг: новые возможности в бизнесе и образовании. Материалы по итогам V Международной научно-практической конференции. Москва, 23 октября 2019 г. / Отв. редакторы: Б.С. Васякин, Е.Л. Пожарская, Н.А. Дебердеева. – Саранск, Изд-во: ИП «Афанасьев В.С.», 2020.
2. *Матюшкин А. М.* Психология мышления. Мышление как разрешение проблемных ситуаций: учебное пособие / Под ред. А.А. Матюшкиной. М.: КДУ, 2009. 190 с.
3. *Москвина Н. Б.* Трансформация риска личностно-профессиональных деформаций учителя в ресурс развития: педагогическое обеспечение: Дисс. ... докт. пед. наук. Хабаровск, 2005. – 431 с.

Экологические ценностные ориентации современных подростков

Макишаква К.К., Егорова М.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

kuyu.povyshева.98@mail.ru, egorovаmа@mgppu.ru

Необходимость воспитания экологической культуры граждан обусловлена той ролью, которую играет жизнедеятельность человека в глобальной экологии. В сфере образования экологическое воспитание наиболее продуктивно, что неоднократно подчеркивается в таких важных документах как Конституция Российской Федерации и Федеральные Государственные образовательные стандарты [2; 3]. Подростковый возраст – наиболее сензитивный период для углубленного экологического воспитания, так как молодые люди, находящиеся на пути самоопределения, могут получать от взаимодействия с природным миром жизненные силы и эмоциональное спокойствие, и это напрямую связано с психологическим здоровьем подростка. Поэтому необходимо закреплять в сознании учеников личностную значимость природы, что в дальнейшем обеспечит их стремление защищать и совершенствовать её. Таким образом, актуальность развития экологической культуры граждан в сфере образования становится бесспорной.

Определенные ценности являются значимым звеном в становлении любой социальной группы. Богатство теоретической базы представляют различные ценностные теории и классификации ценностей, но в каждой ценности, которые обеспечивают духовное развитие общества и гармонизацию личности каждого человека, – это духовно-нравственные ценности. Духовность проявляется в мыслях и чувствах человека, в его словах и поступках, и предполагает отхождение материального мира на второй план. Благодаря нравственности люди соблюдают определенные требования и нормы, обозначенные обществом и способствующие его гармонизации и гуманизации. В целом, духовно-нравственные ценности регулируют поведение человека, представляя собой идеальные образы, одобренные обществом и наполненные личностным смыслом. Целью духовно-нравственных ценностей является развитие личности с активной жизненной позицией, осуществляющей общественно значимую деятельность. К духовно-нравственным ценностям относятся: хорошее отношение к окружающему миру, доброта, совесть, правда, мораль, этика и так далее. Поэтому в рамках образовательного процесса также важно уделить внимание

воспитанию у подрастающего поколения духовно-нравственных ценностей.

Наконец, именно усвоению духовно-нравственных ценностей обязано формирование и развитие экологического сознания личности. Экологические ценностные ориентации подразумевают: осознание человеком своего природного начала; субъективное отношение к природе; преданность природе; грамотное и разностороннее взаимодействие с природными объектами.

Целью нашего исследования стало выявление экологических ценностных ориентаций современных подростков. Мы предположили, что для современных подростков природа обладает высокой значимостью.

Выборку исследования составили 66 учеников 8-ых и 9-ых классов, из которых 44 юноши и 22 девушки. Исследование проводилось на базе ГБОУ города Москвы с помощью методики «Доминанта», авторы – С.Д. Дерябо и В.А. Ясвин [1].

По результатам методики мы выявили, что для учеников 8-ых классов значимыми являются следующие ценности: «Окружающие люди», составляющая 68% (23 выбора); «Учеба», составляющая 59% (20 выборов), и «Наука и искусство», составляющая 56% (19 выборов). Среди значимых ценностей учеников 9-х классов можно выделить: «Наука и искусство», составляющая 50% (16 выборов); «Учеба», составляющая 47% (15 выборов), и «Я сам», составляющая 44% (14 выборов). К менее значимым ценностям ученики как 8-х, так и 9-х классов отнесли: «Отношения», «Государство» и «Нравственность». Средний ранг в ценностной системе подростков занимают: «Материальные ценности», «Природа и животные». Относительно ценности «Природа и животные» были получены следующие результаты: 22% (11 выборов) и 32% (7 выборов) среди учеников 8-х и 9-х классов соответственно.

Данные проведенного исследования не подтверждают гипотезу о том, что для современных подростков природа обладает высокой значимостью. Если позаботиться об усвоении подростками духовно-нравственных ценностей, об их экологическом воспитании, то это положительно скажется как на их личностном развитии, так и на судьбе природного мира. Важно учитывать, что осознанное отношение к природе лучше всего воспитывается в деятельности, поэтому закрепление в сознании подростков личностной значимости природного мира, а именно положительных аспектов взаимодействия с ним, – важная психолого-педагогическая задача.

Литература

1. *Дерябо С.Д.* Экологическая психология: диагностика экологического сознания. М.: Московский психолого-социальный институт, 1999. 310 с.
2. Конституция Российской Федерации с изменениями, принятыми на Общероссийском голосовании 1 июля 2020 года / В. Обручев. М.: Эксмо, 2020. 64 с.
3. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования / М-во образования и науки Рос. Федерации. М.: Просвещение, 2011. 48 с.

Фриланс как форма профессиональной карьеры

Малахова А.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

ana.malakhova@mail.ru

Исследование разнообразных взглядов на формы профессиональной карьеры актуально, поскольку экономические изменения инициируют в современном российском обществе ряд требований к профессионалам, связанных, в том числе, с необходимостью новых инициатив личности в построении своей профессиональной траектории.

В настоящее время в своей профессиональной деятельности человек проходит несколько стадий саморазвития: обучение, устройство на предприятие (фирму), рост профессионального мастерства, саморазвитие и уход на заслуженный отдых. Данные этапы каждый работник проходит в определенной последовательности в одном или разных учреждениях. Существующие категории исследования форм профессиональной карьеры предусматривают представление их как неделимого образования, в которое входят мотивы и оценки работника, его эмоциональное состояние и стратегии поведения [1]. Наряду с этим, перемены в структуре занятости, отсутствие достаточного числа рабочих мест, гендерные стереотипы, узость карьерного пространства в некоторых профессиях выступают весомым препятствием для профессионального роста, сдерживают инициативность во время принятия мер для построения профессиональной карьеры. Появление и развитие таких форм карьеры как фриланс, способно изменить ситуацию в лучшую

сторону, и дать возможность многим людям найти свой профессиональный путь. На наш взгляд, необходимо направить внимание психологов на изучение нетрадиционных форм профессиональной карьеры, на создание современных подходов к их изучению. Предметом исследования зарубежной организационной психологии все чаще становятся различные аспекты таких форм карьеры, как фриланс (самозанятость), однако в отечественной психологии на сегодняшний день подобных исследований определено недостаточно.

Перемены в понимании профессиональной карьеры неотвратимо влекут за собой пересмотр предмета карьерных компетенций. Вместо устоявшихся профессиональных компетенций (высокой квалификации, экспертизе) возникают новые метакомпетенции (самоуправление, способность к быстрому обучению, адаптивность, принятие ответственности и т.д.). Кроме того, многочисленные исследования обнаруживают несвоевременность заявлений об утрате престижности традиционной карьеры и важности профессиональных компетенций.

Организационная психология обнаруживает различные подходы к изучению становления профессиональной карьеры. Учения и истекающие из них направления в профессиональной психологии разделяют на три основных сферы: феноменологические, согласовывающие подходы, а также подходы с позиции саморазвития и принятия решений. Представляет интерес изучение поливариативного подхода к выстраиванию карьеры, истоками которого являются умение приспосабливаться, способность к самоуправлению, индивидуальность и установка на свои собственные ценности. Задача изучения поливариативной карьеры состоит в обосновании и возникновении такой тенденции к построению профессиональной карьеры, когда работник берет на себя ответственность за свой профессиональный рост и, в результате, приобретает преимущество в увеличении собственной независимости и удовлетворения своей профессией. В виду того, что непременным для поливариативной карьеры становится деловой подход к выбору профессиональной карьеры, стоит отметить важность существования ценностно-смысловых и деятельных элементов карьерной компетентности [3].

Важно обратить внимание на тот факт, что фриланс, с одной стороны, является самостоятельной формой карьеры, а с другой – вполне успешно может сочетаться с работой по найму. Это все чаще можно наблюдать у российских профессионалов. Изучение этого феномена, вероятно, поможет специалистам сформировать целостную

картину карьерных установок и личностных особенностей фрилансера и трансформировать представление о современных формах профессиональной карьеры [2].

Динамично изменяющаяся экономика и общая эпидемиологическая обстановка обнаруживают важность активирования системы по оказанию помощи в построении карьеры за рамками фирмы. Пандемия стала причиной кардинальных изменений на рынке труда, что повлекло за собой уменьшение количества офисных служащих в сфере розничной торговли. Появилась необходимость обновить систему здравоохранения и прочие элементы социальной сферы; возникла необходимость в специалистах IT-отрасли. В связи с этим возникает необходимость оказывать помощь как молодым, так и опытным специалистам в формировании целостной картины карьерных планов, трансформации мировоззрения на профессиональную карьеру [4].

Видится целесообразным изучение как теоретико-методологических основ развития профессиональной карьеры, так и современных подходов к изучению ее форм. Подобные исследования открывают, в том числе, возможности для создания и наиболее гибких моделей построения профессиональной карьеры, и соответствующих им подходов и программ сопровождения специалистов в процессе их профессиональной жизни. Анализ и систематизация современных подходов к изучению различных форм профессиональной карьеры может способствовать исследованию профессионально-психологического потенциала личности, что, в свою очередь, поможет расширить и уточнить область существующих теоретических понятий о современных подходах к изучению различных форм профессиональной карьеры.

Литература

1. *Елисеева Л.Я.* Педагогика и психология планирования карьеры: учебное пособие для вузов. 2-е изд. Москва: Издательство Юрайт, 2020. 242 с. URL: <https://urait.ru/bcode/454309> (дата обращения: 20.02.2021).
2. *Литвинова Е.Ю.* Некоторые зарубежные исследования карьеры фрилансера // Социальная психология и общество: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти академика РАО А.В. Петровского. 2019. С. 354-356.

3. *Литвинова Е.Ю.* Поливариативная карьера: перспективы изучения // Современная зарубежная психология. 2013. № 2. С. 118-129.
4. *Панина С.В., Сорочинский М.А.* Формы и методы работы вуза по развитию карьеры будущих специалистов // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 8. С. 14-17.

Психологический климат в семьях с разновозрастными партнерами

Малинина П.Г., Феоктистова С.В.

АО РосНОУ, Москва, Россия

ma.linina.pg@mail.ru, svfeoktistova@mail.ru

В настоящее время семья играет ключевую роль не только на локальном уровне, но и на общественном, так как от ее стабильности и благополучия не только зависит психологическое здоровье и успех личности, ее социализация, но и развитие всего социума в целом. Именно поэтому вопросу изучения психологического климата в семье уделяется значительное внимание в трудах отечественных и зарубежных исследователей, среди которых необходимо отметить Д.Н. Бежаеву, О.А. Зиновенко, Ю.Т. Матасова, Д.Д. Ковалева, Г.Ф. Шакирову, Ю.В. Бессонову, В.Н. Бородину, Е.А. Ваккер, Л.А. Головей, Ю.Ю. Данилову, Н.М. Жданову, О.Н. Егорову, С.К. Летягину, Н.В. Егорушкину, Н.В. Сиврикову, Н. Ткаченко, Е. Овсянникова, О. Панич, С. Шкилев, Л. Владимировна, Н. Kim, А.М. Luebbe, D.J. Bell, B. Perelli-Harris, M. Styrс, E. Pirani, D. Vignoli, T. Phillips, Q. Sanri, R. Goodwin, J. Sbicigo, D. Dell'Aglio, S. Sahadev, S. Seshanna, K. Purani, K. Zilberstein и др., рассматривающих психологический климат в семье с разных точек зрения. Однако все исследователи сходятся во мнении, что его роль нельзя переоценить, так как он лежит в основе всего становления личности, оказывая определенное влияние на человека в процессе его социализации и интеракции с другими представителями социума [1].

Особое внимание уделяется вопросу негативного воздействия психологического климата в семье, которое может отражаться на проблемах взаимодействия как внутри семьи, так и за ее пределами, усложняя процесс социализации и налаживания межличностных отношений с другими людьми, что, как результат, может привести к более неблагоприятным последствиям как для самой личности, так и

для ее окружения. Изучение трудов отечественных и зарубежных исследователей позволяет констатировать противоречие между насущной необходимостью решения поставленного вопроса и его малой разработанностью в научной литературе. Именно поэтому представляется необходимым провести более глубокое теоретическое и практическое исследование психологического климата в семьях с партнерами с разницей в возрасте.

Современная семья переживает сложный этап эволюции, характеризующийся переходом от традиционной модели к новой. Изменяются виды семейных отношений, иными становятся система власти и подчинения в семейной жизни, роли и функциональная зависимость супругов, положение детей в семье [1; 2; 3].

Анализ состояния современной семьи указывает на многочисленные проблемы в ее становлении и развитии: снижение интегративности семьи, конфликтные отношения между супругами, нарушение эмоциональных связей между родителями и детьми; изменение условий жизни, переоценка общественных и личностных ценностей и т.п. Кроме того, общество в целом и каждая семья в отдельности переживают духовный кризис. Ценности, идеология общества, современная культура не способствуют возрождению традиционных духовных основ семьи.

На основании проведенного статистического анализа была подтверждена гипотеза исследования, позволяющая констатировать различия в психологическом климате в семье. Следовательно, можно утверждать, что семьи с партнерами без разницы в возрасте в меньшей мере ощущают неудовлетворенность браком, тогда как семьи с разницей в возрасте до 15 лет в большей мере не удовлетворены браком, что отражается на психологическом климате в их семьях, о чем свидетельствуют результаты авторского анкетирования. При этом результаты проведенного опросника «Психологический климат в семье» (В. Бойко) указывают на то, что семьи с партнерами без разницы в возрасте в большей мере ощущают удовлетворенность браком и характеризуются положительным психологическим климатом семьи, тогда как семьи с разницей в возрасте до 15 лет в большей мере характеризуются нестабильными отношениями внутри семьи.

Результаты проведенного теста супружеских отношений указывают на то, что семьи с партнерами без разницы в возрасте в меньшей мере сталкиваются с проблемами и их решением в супружеских отношениях, тогда как семьи с разницей в возрасте до 15 лет в большей мере с ними сталкиваются в супружеских отношениях. Результаты проведенного теста-опросника удовлетворенности браком

(ОУБ) (В. Столин, Т.Л. Романова, Г.П. Бутенко) указывают на то, что семьи с партнерами без разницы в возрасте более благополучны, чем семьи с разницей в возрасте до 15 лет, для которых более характерны признаки неблагополучия.

Для улучшения психологического климата в семье была разработана модель успешного и благополучного психологического климата в семьях, в особенности в семьях с разницей в возрасте до 15 лет, которая во многом видится в учете личностных качеств и интересов каждого партнера, понимании его возрастных и гендерных особенностей.

В рамках разработанной модели благополучный психологический климат в семье видится как единство сплоченности семьи и анализа и/или самоанализа с тем, чтобы члены семьи могли самостоятельно анализировать свое поведение в семье и поведение других членов семьи, что позволит лучше понять себя и других, сопоставить свои ожидания и действия с ожиданиями и действия своего партнера. В этой связи, сплоченность семьи охватывает общие цели, задачи, деятельность, проведение свободного времени вместе, поддержку и веру, учет личностных качеств партнера, обоюдное принятие важных решений. Анализ и/или самоанализ предполагает идентификацию и оценку удовлетворенности или неудовлетворенности партнера, что в свою очередь приводит к обсуждению проблем, недопонимания в семье с целью их устранения [2; 4; 5].

Дальнейшие перспективы исследования видятся в более глубоком изучении психологического климата в семьях с партнерами с разницей в возрасте для уточнения полученных результатов.

Литература

1. *Алешина Ю.Е.* Индивидуальное и семейное психологическое консультирование. 2-е изд. М.: Класс, 2014. 204 с.
2. *Андреева Т. В.* Психология современной семьи. М.: Речь, 2015. 436 с.
3. *Батурин Н.А.* Теоретическая модель личностного благополучия // Вестник ЮУрГУ. Серия: Психология. 2013. №4. С.414.
4. *Батюта М.Б., Пепеляева С.В.* Исследование жизненных смыслов и ценностных ориентаций зрелых людей // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 15-50.
5. Ссылка на ресурс Интернет *Бонкало Т.И., Маринова Т.Ю., Феоктистова С.В., Шмелёва С.В.* Диадические копинг-

стратегии супругов как фактор латентных дисфункциональных отношений в семье: опыт эмпирического исследования в условиях пандемии // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 3. С. 35–50
https://psyjournals.ru/socialPsy/2020/n3/Bonkalo_et_al.shtml

Проявление перфекционизма у педагогов в условиях дистанционного обучения

Малютина О.П.

ФГБОУ ВО ВГУ, Воронеж, Россия

Ok.malutina@yandex.ru

Успешность педагогической деятельности в определенной степени связана с тем, каков уровень перфекционизма конкретного педагога. Три года назад нами была предпринята попытка диагностики педагогов 12 образовательных организаций ВО ЦФО с помощью опросника «Многомерная шкала форм перфекционизма» П.Л. Хьюитта и Г.Л. Флетта [1]. После отмены дистанционного обучения в этом году мы провели повторную диагностику педагогов, работавших в режиме онлайн по той же методике. На первом этапе в опросе участвовало 415 человек, на втором – 411. Возраст и половозрастной состав в каждой из выборок был примерно одинаков. Возраст испытуемых – от 22 до 76 лет. Среди них лишь 12-13% мужчин. Если процент педагогов с низким интегральным показателем перфекционизма «до» и «после» «дистанта» практически не изменился – увеличился лишь на 3%, то группа со средним уровнем претерпела значимые изменения. До «дистанта» у почти половины испытуемых (53,0% от выборки) выявлен средний уровень интегрального показателя перфекционизма, а после лишь у шестой части испытуемых (16% от выборки). Все остальные трансформировались в группу с высоким показателем перфекционизма, которая увеличилась в два раза от 35 % до 69% в соответствующих выборках. Мы предполагаем, что это связано с резко возросшим числом электронных документов, требующих немедленной качественной обработки. Другим фактором является стремительный скачок безработицы в период пандемии, и, как следствие, страх потери работы.

Проанализируем результаты опроса отдельно по уровням шкал. Начнем со шкалы «Перфекционизм, ориентированный на себя». Если до дистанционной работы у половины опрошенных (47,0%)

наблюдался средний уровень, то после данный показатель уменьшился в четыре раза (11,6% от выборки). Причем ни по возрасту, ни по полу мы не обнаружили в данной группе испытуемых никаких различий. Если до «дистанта» была невелика категория респондентов с низким уровнем перфекционизма, ориентированного на себя (13,0% от выборки), то после она уменьшилась более, чем в четыре раза (3% от выборки). В группе с высоким уровнем перфекционизма, ориентированного на себя, оказалась существенная часть выборки (40,0%) до дистанционного обучения и выросло в два раза после (85,0%). В ней каких-либо возрастных особенностей также не выявлено. Следовательно, более чем в два раза увеличилось число педагогов предъявляющих завышенные и нереалистичные требования к собственной персоне. Разумеется, подобные установки по отношению к себе еще более накаляют эмоциональное пространство вокруг и без того эмоционально выгорающего педагога, особенно в период пандемии.

Результаты опроса по уровням шкалы «Перфекционизм, ориентированный на других» демонстрирует, что до дистанта у почти половины опрошенных педагогов (44,0%) наблюдается средний уровень, причем и после данный показатель лишь на 5% снизился (39,3 % от выборки). Иначе говоря, почти половина респондентов предъявляют к другим адекватные требования, терпимость, снисходительность. Мы выявили до пандемии достаточно заметное число респондентов (24,0% от выборки) с низким уровнем, а вот после дистанта произошел рост до 33%. В группе с высоким уровнем перфекционизма, ориентированного на других, характерны завышенные и нереалистичные требования, предъявляемые к окружающим. Однако в этой категории мы не выявили значимых изменений (32,0% до пандемии и 30,1% после дистанционного обучения). Анализируя показатели по данной шкале мы не обнаружили значимых различий, но заметили тенденцию на снижение уровня требований, предъявляемых к окружающим, в том числе и к студентам. Возможно, это связано с пониманием того факта, что на дистанционном обучении студенты получают менее качественное образование, чем офлайн.

Проанализируем результаты опроса по уровням шкалы «Социально предписанный перфекционизм». До дистанционного обучения более чем у половины опрошенных педагогов (54,0%) наблюдался средний уровень, который снизился почти на 15% (39,2% от выборки). В группе с высоким уровнем до дистанционного обучения оказался почти каждый пятый педагог (18,0% от выборки), а вот после уже у 25% выборки. Следовательно, после «дистанта» на 7% возросло

число педагогов, полагающих, что должны соответствовать высоким требованиям окружающих к себе, чтобы заслужить их одобрение и избежать негативной оценки.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что в структуре перфекционизма педагога после вынужденной работы в дистанционном формате произошли перемены, способствующие переходу от конструктивного перфекционизма к патологическому и как следствие возникли предпосылки для профессионального выгорания и снижения эффективности деятельности.

Литература

1. *Малютина О.П.* Влияние перфекционизма на успешность педагогической деятельности / О.П. Малютина, В.И. Косицина // Вестник научной сессии факультета философии и психологии Воронеж. гос. ун-та, 2019. С. 136-141.

Эмоциональные и поведенческие реакции на стресс у мужчин и женщин

Маринова Т.Ю., Суркова Ю.Г., Феоктистова С.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, АНО ВО «РосНОУ», Москва, Россия
marinovatu@mgppu.ru

В настоящее время исследования в области психологических проявлений и последствий стресса являются крайне актуальными. Прошедший 2020 год – год борьбы с пандемией COVID-19 подтверждает эту мысль. Неожиданно люди выяснили для себя, что если ранее залогом быстрого развития и улучшения жизни для большинства из нас было непосредственное взаимодействие с людьми, то в 2020 году, наоборот, залогом сохранения здоровья стала самоизоляция и минимальные контакты [3; 5]. Эти изменения неизбежно сказываются на интенсивности и характере стресса, который испытывают все без исключения члены современного общества. Отмечается рост агрессии, тревожности, панических атак, страхов, суицидальных настроений. К указанным проявлениям добавилась ситуация неопределенности, связанная с переосмыслением ценностей, личностной трансформацией и другими процессами, которые сопровождаются у человека стрессом, тревогой и волнением [1; 2].

Проблема эмоциональных состояний и особенностей переживания стресса является очень интересной и, тем не менее, недостаточно исследованной. Особенно мало внимания уделяется половым различиям, тогда как данный аспект является крайне важным. У людей разного пола различаются не только эмоциональные и поведенческие реакции на стресс, но и сами стрессоры могут быть разными [2; 4].

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) назвала стресс «эпидемией здоровья 21-го века», поскольку люди испытывают стресс, связанный с нагрузкой на работе, проблемами с деньгами (профессиональный и организационный стресс), собственным здоровьем и здоровьем близких людей (семейный стресс), с межличностными отношениями (стресс в индивидуальной жизни), плохим питанием, прессингом средств массовой информации, нарушениями сна и т.д. [5].

Проведенное нами исследование позволило сделать следующие выводы:

1. В группах как мужчин, так и женщин уровень переживания стресса является пороговым, то есть достаточно высоким. Показатели самочувствия и настроения находятся на среднем уровне в обеих группах.

2. Копинг-стратегии сильнее развиты у женщин, чем у мужчин. У женщин преобладают стратегии, связанные с поддержкой, эмоциональным переживанием ситуации и её принятием, а также мысленный уход от проблемы. Мужчины же прибегают к эмоциональной социальной поддержке только при плохом самочувствии и высокой неуверенности в себе.

3. Тревожность, и подавленность выше в группе мужчин. Можно предположить, что это связано с тем, что у них хуже развиты копинг-механизмы, в результате чего им сложнее справляться с негативными эмоциями. Ярче всего в обеих группах проявились такие эмоции как интерес, радость, горе и вина.

4. Мужчины чаще, чем женщины, склонны испытывать стыд, а женщины, в свою очередь, сильнее переживают чувство горя.

5. Переживание женщинами положительных эмоций способствует поиску конструктивных (или более позитивных) копинг-стратегий. У мужчин позитивное или спокойное эмоциональное состояние способствует поиску решения трудностей, тогда как переживание негативных эмоций мешает мужчине предпринимать конкретные шаги по поиску решения проблемы и заставляет избегать мыслей о них.

Литература

1. *Бабанин П.А., Бирюков Д.А., Ковыльникова Е.А.* Профессиональное выгорание у водителей // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы IV Ежегодной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева. М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2019. с. 451-453.
2. *Бабанин П.А., Кондратьев Ю.М.* К вопросу об оправданности использования парадигмы трансактного анализа Э. Берна в работе с синдромом эмоционального выгорания // Сборник: Молодые ученые – нашей новой школе. Материалы Межвузовской научно-практической конференции с международным участием. 2012. С. 101-102.
3. *Бонкало Т.И., Маринова Т.Ю., Феоктистова С.В., Шмелева С.В.* Диадические копинг-стратегии супругов как фактор латентных дисфункциональных отношений в семье: опыт эмпирического исследования в условиях пандемии // Социальная психология и общество. 2020. Т.11. № 3. С.35-50.
4. *Маринова Т.Ю.* Здоровый образ жизни в структуре жизнедеятельности современного человека // Сборник: Культурологические проблемы дошкольного образования в поликультурном регионе сборник научных статей ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева», 2011, с. 40-42.
5. *Феоктистова С.В., Васильева Н.Н., Маринова Т.Ю.* Психология // Москва, «Юрайт» (2 издание, исправленное и дополненное), 2017. с. 241.

Listening strategies: “fusion of horizons” for students at higher language level (ILR 2+/3 during the third semester)

*Matusevich E.,
Defense Language Institute, UEL, California, USA
elena.matusevich@gmail.com*

The purpose of this paper is to assess the current strategies for describing listening as an active language process. “Fusion of horizons” is one of these strategies. It refers to 'hermeneutics' and related to understanding and listening is what Gadamer [3] and Ricoeur [4] described as striking conversational context. Proficiency-based and student-centered approach is the main for the teaching of academic listening skills in the

classroom. The comparative analysis of messages are said to be comprehended through a meeting of two or more people's horizons shows promise for their development in face-to-face communication. The major fields of application are directed at the development of 'role-playing', speculating and self-examining. The main limitation of this study is that a very limited number of listening materials for ILR 2+/3 may serve as an aid for third semester students on their progress towards making sense of academic lectures. Perhaps for students at higher language level this strategy describes the listening as part of a larger hermeneutic process in which speakers and listeners meet and collectively create meanings. I would like to show how "fusion of horizons" as an approach could be useful in teaching cultural concepts in classroom and how this approach will apply to the topic of everyday life. The results presented here should help students to develop listening skills needed, understand the main principles of 'fusion of horizons' and the possibilities implementing them.

According to ILR Level Descriptions (<https://www.govtilr.org>), Level 2+ is based on more complex and sophisticated work-related tasks, language usage generally disturbs the native speaker. Student can handle with confidence, but not with facility, most normal, high-frequency social conversational situations including extensive, but casual conversations about current events, as well as work, family, and autobiographical information. Level 3 implies generally restrictions of the professional contexts of language use to matters of shared knowledge and/or international convention. Discourse is cohesive. Although cultural references, proverbs and the implications of nuances and idiom may not be fully understood, the individual can easily repair the conversation.

Perhaps the most powerful image from hermeneutics that can be related to understanding and listening is what Gadamer [3] and Ricoeur [4] refer to as the fusion of horizons. In this analysis, messages are said to be comprehended through a meeting of two or more people's horizons. Though it carries definite implications for more formal settings as well, this image is particularly striking in the context of conversational, face-to-face communication. Gadamer describes one's horizon as the range of vision embracing everything that can be seen from a particular vantage point. The horizon is the totality of one's awareness of the world. It includes the listener's background knowledge, prejudices, emotional states, ambitions, fears, assumptions, personal history and everything that defines him or her as an individual. Not only is the horizon carried along by the listener but it is fluid and changes as one comes into contact with the horizons of others. One investigator of second language acquisition has succinctly expressed this dilemma by pointing out that in the field of L2 instruction teachers have become better at testing listening comprehension than in developing

students' listening abilities through a clear understanding of underlying processes.

The hermeneutic position can be expressed concisely in the following way: to interpret an event is fundamentally a personal act [1]. Along these lines we recently have started to emphasize the roles played by prior knowledge and schemata in the comprehension process [2]. The products of one's listening are determined to a large extent by the information one contributes to the task of comprehending. Listening is part of a larger hermeneutic process in which speakers and listeners meet and collectively create meanings. Listening permeates our interactions with those around us as we gain experience in the give and take of interpersonal communication while learning more about the world in which we live. The products of listening are not pre-set or pre-determined but are contingent upon the commonly unexpected contributions of everyone engaged in any particular listening event.

Additional means for working with listening materials such as the ones mentioned above, the following model of listening strategies may serve as an aid for UEL students while they are learning to make sense of academic lectures. Students and teachers periodically might refer to it in order to develop a better sense of what could be taking place within a student's mind (intrapersonally) while listening in academic settings. Also, we need to provide the means for students to explore the process of listening first-hand. Once an exploration of the process has been initiated students need to be guided in the expansion of their strategies for listening, reviewing, integrating, and studying. Such activities will lead them to develop a more realistic appreciation for the nature of the listening process and can be tied to their development as readers, speakers, and writers.

References

1. A Poetics of second-language acquisition Robert Ochsner First published 1976. <https://doi.org/10.1111/j.1467-1770.1979.tb01052.x>
2. Carrell P.L. (1984). Schema theory and ESL reading: Classroom implications and applications. *Modern Language Journal*. 1968. Vol.4. Pp. 332–343. <https://doi.org/10.2307/328181>
3. Gadamer, H.-G. *Philosophical Hermeneutics*. Translated and edited by Linee D.E. 1976. Berkeley: University of California Press.
4. Ricoeur P. *Ricoeur hermeneutics and the human sciences*. 1981. New York: Cambridge University Press.

Связь ценностных ориентаций и религиозной идентичности узбекских подростков

*Махмудова А.А., Павлова О.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
mili1508@mail.ru, os_pavlova@mail.ru*

Система жизненных ценностей современных подростков отличается от той, которая еще совсем недавно была ориентирована на деятельность всей системы воспитания и образования [4, с. 47].

Актуальным становится вопрос, чем руководствуются современные подростки, формируя свою субъективную систему жизненных ценностей? Какие ценности доминируют в современном обществе, которое все больше ориентировано на накопление капитала, ожесточенную конкурентную борьбу и политическую нестабильность? [2, с.35].

Помимо жизненных ценностей, одной из важнейших составляющих сознания является отношение человека к религии, особенности которого влияют на поведение, деятельность, общение, построение коммуникации человеком и раскрываются в социуме. Обостренное религиозное чувство, религиозное сознание является отражением кризисов общества во всех его сферах и духовной жизни этносов [3, с. 179].

Религиозную идентичность подростков и религиозное сознание, когда подростки отождествляют себя с верующим человеком, с группой верующих является проблемой для психологического знания. Для психологической науки, как объект исследования, интересны процессы идентификации, развитие и формирование религиозной идентичности, их сильные и слабые стороны, которые на данный момент недостаточно изучены [1, с. 901].

Для проверки гипотезы, что существует связь ценностных ориентаций и религиозной идентичности узбекских подростков, было проведено эмпирическое исследование в школах Республики Узбекистан, г. Ташкента, Сергелийского района. В исследовании принял участие 91 узбекский подросток в возрасте от 15 до 18 лет (45 юношей и 46 девушек).

При проведении эмпирического исследования использовались: методика Ш. Шварца по изучению ценностных ориентаций, «Шкала религиозной ориентации», методика «Модель измерения индивидуальной групповой идентификации» К. Лича в адаптации Е.Р. Агадуллиной и А.В. Ловакова, Тест «Кто Я?» (М. Кун, Т. Макпартленд; модификация Т.В. Румянцевой).

Анализ полученных результатов показал, что ценности социального порядка, безопасности семьи, национальной безопасности, взаимного расположения, взаимопомощи; доброжелательность, сфокусированная на благополучии в повседневном взаимодействии с близкими людьми, самостоятельность мышления и выбора способов действия, а также потребность достижения социального статуса или престижа снижают потребность узбекских подростков в конфессиональной и религиозной идентичности. Чем для узбекских юношей актуальнее потребность в разнообразии и глубоких переживаниях для поддержания оптимального уровня активности и получения наслаждения, тем важнее для них этническая идентичность и восприятие себя членом какой-либо группы людей, ингрупповая гомогенность и принадлежность к определенной социальной группе, что снижает их ориентацию на родственные и дружеские отношения.

Когда узбекские юноши сдерживают и предотвращают действия, а также склонности и побуждения к действиям, которые могут причинить вред другим или не соответствуют социальным ожиданиям, они ориентируются чаще на свои фактические физические данные, конфессиональную принадлежность, личностные качества, особенности характера. При этом у них снижается потребность в учебно-профессиональной ролевой позиции.

Полученные результаты подтверждают выдвинутую гипотезу о существовании связи ценностных ориентаций и религиозной идентичности узбекских подростков.

Выявлены и изучены недостаточно рассмотренные прежде ценностные ориентации и религиозная идентичность узбекских подростков; впервые исследована связь ценностных ориентаций и религиозной идентичности узбекских подростков.

Изучение особенностей ценностных ориентаций и религиозной идентичности узбекских подростков позволит использовать полученные результаты в работе психологов с подростками, в разработке учебных курсов по психологии религии, этнопсихологии и этнопедагогике.

Литература

1. *Жураева Х. И.* Религия и духовность в Узбекистане сквозь века// «Молодой ученый», 2016. № 13. С. 900-903.
2. *Ильинский И.И.М.* Молодежь как глобальная проблема человечества. Молодежная политика как императив 21 века. М.: Голос, 2014. 168с.

3. *Соколовская И. Е.* Влияние религиозной идентичности на выбор ценностных ориентаций современной молодежи. // Психолого-педагогические технологии в контексте инновационных процессов в медицине и образовании: материалы международной междисциплинарной научно - практической конференции (29 апреля-7 мая 2013 г., Кемер, Турция) / Под ред. Чухровой М. Г.-Новосибирск: Архивариус, 2013. С. 179-181.
4. *Хайбулаева А. Г.* Динамика ценностных и смысложизненных ориентаций молодежи в полиэтнической образовательной среде// дисс... канд. психол. наук, Махачкала, 2015. 192 с.

The possibilities of using the Traffic Risk Evaluation Model for assessing behavior of drivers prone to risky driving

Meinhard G.

*NPO Estonian Traffic Behavior Development Centre, Tartu, Estonia
gunnar.meinhard@gmail.com*

The detailed traffic risk evaluation Model of the web application evaluates the risks of an individual in a traffic environment. The evaluation is based on the traffic risk questionnaire adopted from a doctoral dissertation written in the University of Bonn, which incorporates additional scientific questionnaires. The Model has been implemented in Traffic Offenders Prevention Programme in Estonia since 2014 [1].

This Model allows to find correlations between the knowledge and the current risk behaviour. Responses get evaluated personally by highlighting critical junctures and areas that need heightened attention. This is first and foremost an individual feedback method.

The aforementioned model can also be used in conducting prevention and rehabilitation work that includes trainings, focus-groups, groupwork, etc. Before such work “group picture“ is taken from a system scoring of individual responses.

This “group picture“ based on responses develops which can be used by trainers or moderators to bring out positive nuances during groupwork or for bringing out areas that need heightened attention and improvement, including critical areas. This allows to give feedback both in groups and individually or use it based on needs for different methodical solutions.

In addition, the detailed traffic risk evaluation model allows transport companies, including but not limited to freight companies, bus parks,

logistic centres et al., to evaluate traffic risks (human factor risks on the road) with greater accuracy. Where any risks are identified this then forms part of the overall training, which in turn increases knowledge, awareness and safety during traffic situations [2].

Participants can access the questionnaire <https://jkoolitus.eu/> [1]. It consists of multiple choice questions. Questions measure the knowledge, attitude, misconduct, alcohol consumption, behaviour in different traffic situations, et al., based on the responses an individual score is calculated by the system and the participant receives a personal display in the form of a report.

A text-based report contains an overall rating reflecting the potential and most important traffic risks and risk-taken behaviour of the participant as a feedback [3].

The tool is also used by professional logistic companies to detect drivers with higher traffic risk among their staff for further in-house training and advanced training.

All participants in either rehabilitation or prevention programs are required to complete the questionnaire. All responses are anonymous in the system without any reference to the personal data.

References

1. *Meinhard G.* “Klare Sicht...!?”; Evaluation der Wirksamkeit eines primärpräventiven Programmes zur Erhöhung der Verkehrssicherheit. Rheinischen Friedrich-Wilhelms- Universität zu Bonn. 2018. 141 p. Available at: <http://hss.ulb.uni-bonn.de/2019/5589/5589.htm>. Accessed 10.04.2021 (In Germ.).
2. *Meinhard G., Kaart T., Kochetova T.V.* Approbation of the model for evaluation of drivers prone to risky driving (Estonian and Russian samples). *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2018. Vol. 9, no. 4, pp. 119–133. doi:10.17759/sps.2018090411. (In Russ., abstr. in Engl.)
3. *Kochetova T.V., Meinhard G.* The Method for Evaluation of Driver's Risky Traffic Behaviour: Validation in the Russian Sample. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 3, pp. 196–210. doi:10.17759/sps.2020110313. (In Russ., abstr. in Engl.)

Взаимосвязь между удовлетворенностью качеством сна и особенностями социального познания

Мелёхин А.И.

*ФГБОУ ВО Гуманитарный институт имени П.А. Столыпина,
Москва, Россия
clinmelehin@yandex.ru*

В силу своей сложности социальное познание может быть подвержено влиянию множества факторов. Мощным, но в настоящее время недостаточно изученным фактором, который может оказать негативное влияние на множество аспектов социального функционирования, является *количество и качество сна*, получаемого человеком. Потеря сна, как острая, так и хроническая, ухудшает нормальное повседневное функционирование, включая бдительность, принятие решений, саморегуляцию и восприятие эмоций — все это может иметь прямые последствия для того, как мы обрабатываем социальную информацию [1]. Хроническая бессонница ухудшает способность подавлять неявные предубеждения со стороны другого человека, изменяет реакцию на потенциальную угрозу в лицевых сигналах. Это может препятствовать способности действовать надлежащим образом в различных сложных социальных ситуациях, приводящих к дискриминационному поведению и увеличивая риски стать жертвой мошенников [1; 2]. Большинство исследований, связывающие изменения во сне с социальным познанием, включая просоциальное поведение и принятие решений, показали, что существуют убедительные доказательства того, что недостаточный сон влияет на многие ключевые особенности социального познания как у детей [3], так и взрослых [2]. Однако остается неопределенным влияние качества сна на такой компонент социального познания как *способность понимать психические состояния другого* (модель психического – англ.: theory of mind).

Цель исследования: проанализировать влияние удовлетворенности качеством сна на способность распознавать эмоции по лицу, а также понимать обман со стороны другого человека.

Участники исследования: 190 женщин обратившихся к клиническому психологу по рекомендации врачей-терапевтов, неврологов с жалобами на бессонницу. Средний возраст женщин $33,1 \pm 10,3$ года; образование $12,5 \pm 3,8$ лет. Снотворные и другие препараты седативного действия не принимали.

Методики исследования: Индекс выраженности бессонницы (Insomnia Severity Index, ISI), Тест, направленный на оценку способности прагматической интерпретации жизненных событий Е. Виннер (Pragmatic interpretation short stories, Winner's Task), Пенсильванские онлайн субтесты для оценки распознавания (Penn Emotion Recognition Task-40) и дифференциации (Penn Measured Emotion Discrimination Task, Erwin, 1992) эмоций по лицу.

Результаты исследования. Выявлена значимая взаимосвязь между субъективной оценкой качества сна, задержкой наступления сна (сколько времени нужно, чтобы заснуть), эффективностью сна (процент времени, проведенного в кровати во сне) и распознаванием ($F(1,26)=4,1907, p=0,021, \beta =-0,325, R^2=0,091$), дифференциацией ($F(1,21)=4,315, p=0,012, \beta =-0,210, R^2=0,087$) эмоцией по лицу, но не с пониманием обман, задачей в меньшей степени зависящей от обработки эмоциональных сигналов по лицу. Эта взаимосвязь предполагает, что при ухудшении сна, способность человека распознавать эмоции по лицу прогрессивно ухудшается. Чтобы расширить приведенные выше результаты, мы сравнили участников с «легкими» (PSQI: 8-14 баллов) и тех, у кого «умеренные» (PSQI: 15-21 баллов) и «выраженные» (PSQI: 22-28 баллов) нарушения сна. Показано, что те, кто имеет редкие эпизоды плохого сна, значительно превосходили тех, кто имеет хроническую бессонницу по показателям распознавания ($F(1,29)=7,10, p=0,012, \eta^2=0,14$) и дифференциации ($F(1,27)=6,40, p=0,019, \eta^2=0,10$) эмоций по лицу. Таким образом, предварительные результаты этого исследования показывают, что плохой сон связан с изменениями в аффективном компоненте модели психического, т.е. восприятием эмоциональных сигналов по лицу другого человека.

Литература

1. *Brieann C., Adam C.R., William D. S.* Sleep in Social Cognition and Judgment/ Sleep, Personality, and Social Behavior Z. Križan (ed.), Springer Nature Switzerland. 2019.
2. *Erwin J.* The Effects of Sleep Quality on Theory of Mind. Undergraduate Honors Thesis. 2016. 28 p.
3. *Tesfaye R., Brown A.* The role of sleep on theory of mind development in typically developing children// Sleep. 2017. Vol. 40. № 1. P.4-7

Исследование феномена прокрастинации у учеников онлайн-школы

Мельникова О.Т., Нестерова Е.М.

*МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия
melnikova-o@yandex.ru, ekaterinanestea@gmail.com*

Сегодня онлайн-образование стало неотъемлемой частью нашей жизни, о чем свидетельствует широкая распространенность онлайн-курсов, онлайн-университетов и онлайн-школ. Увеличение числа публикаций, раскрывающих результаты поисков особенностей психологических аспектов онлайн-образования, является показателем растущего интереса исследователей к данной проблеме. Отдельного внимания заслуживают проблемы «хоумскулеров» – учащихся, получающих среднее общее образование в онлайн-школах.

В нашей работе мы рассматриваем феномен прокрастинации, высокая выраженность которого часто является причиной снижения успеваемости и учебной мотивации учащихся.

Цель нашего исследования: выявление особенностей выраженности феномена прокрастинации у учеников онлайн-школы. Объектом нашего исследования является феномен прокрастинации, а предметом исследования — особенности феномена прокрастинации у учеников онлайн-школы.

Сегодня ведется множество работ по адаптации и апробации различных зарубежных опросников, а также исследования, посвященные концептуализации феномена прокрастинации в российских условиях [1; 2, с. 39; 7]. С нашей точки зрения, изучение прокрастинации предполагает использование методов, демонстрирующих как количественное выражение, так и отражающих глубинные аспекты феномена. В связи с этим для достижения целей нашего исследования были использованы смешанные методы исследования (Mixed methods research), которые, благодаря сочетанию качественной и количественной информации, максимально полно отражают психологические аспекты социальных явлений [3, с. 3].

Процесс исследования проходил в два этапа: на первом этапе использовались количественные методы исследования, а на втором – качественные. Выбранная нами схема исследования соответствует принципу последовательных вкладов (sequential contributions) Д. Моргана [4, с. 45-62].

В результате исследования были выявлены особенности феномена прокрастинации у учеников онлайн-школы, а также была проверена гипотеза о том, что существуют различия в тенденции к

прокрастинации у учащихся онлайн-школы первого года и у учащихся, которые учатся в онлайн-школе больше года.

В результате количественного метода не было выявлено различий в выраженности феномена прокрастинации у учащихся онлайн-школы первого года и учащихся, обучающихся в онлайн-школе больше года, однако в результате качественного метода были получены результаты, которые отражают различия в выраженности феномена прокрастинации на качественном уровне. Использование стратегии смешанных методов позволило объяснить различия, полученные в результате использования качественных и количественных методов, которые заключаются в том, что на статистическом уровне мы не можем учитывать индивидуальные случаи, содержащие важную информацию об особенностях изучаемого феномена.

Литература

1. *Барабанщикова В.В.* Профессиональные деформации в профессиях инновационной сферы: дис. докт. наук: 19.00.03 / Барабанщикова Валентина Владимировна. М. 2016. 359 с.
2. *Ковылин В.С.* Теоретические основы изучения феномена прокрастинации // *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие.* 2013. №2.
3. *Hesse-Biber, Sharlene Nagy.* Mixed methods research: merging theory with practice/ Library of Congress Cataloging-in-Publication Data. 2010.
4. *Morgan D.* Integrating Qualitative and Quantitative Methods: a Pragmatic Approach. SAGE Publications, 2014.

Анализ образной составляющей социальных представлений подростков с помощью проективных методов

Мельникова О.Т., Савенков Д.Д.
ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
melnikova-o@yandex.ru, isavenkovdenis@me.com

Проблема исследования социальных представлений в наши дни является одной из ключевых и актуальных в социально-психологической науке как науке о массовых явлениях [4; 6]. В литературе можно обнаружить множество эмпирических работ, касающихся самых разнообразных сфер общественной жизни [3]:

науки, здоровья, этнических общностей, жизни в городах, стихийных бедствий, экономических состояний государства и проч. Тем не менее изобилие теоретических подходов к проблеме социальных представлений не позволяет очертить необходимого методического инструментария [1], с помощью которого мы с большей точностью способны зафиксировать и описать изучаемый феномен. Таким образом, в психологической науке возникает необходимость как адаптации существующих исследовательских техник, так и создания специфических для социальных представлений стратегий исследования.

Исходя из этого, мы обозначили цель нашего исследования как апробацию существующего проективного метода психологического рисунка [2] и его адаптацию к анализу структуры [5] социальных представлений. Основываясь на утверждениях о том, что одним из составляющих социальных представлений являются образы [7; 4], мы провели анализ рисунков и структуризацию полученных данных с целью выявления целостного содержания и структуры социальных представлений о мужчинах и женщинах.

Респондентам предлагалось изобразить с помощью восковых мелков свое представление о мужчинах и женщинах, не рисуя самих людей. Анализ собранного материала проходил с помощью схемы П. Вержеса, применяемой для вербальных ассоциаций [8]: в нашем случае учитывалась частота общих графических элементов, в соответствии с которой эти элементы были распределены между ядерным и периферийным компонентом социальных представлений и интерпретированы. Для проверки и сопоставления полученных данных дополнительно нами была использована методика свободных вербальных ассоциаций, обработанная по классической схеме [8]. Исследование проводилось на 42 респондентах-подростках в возрасте от 15 до 18 лет.

Результаты проведенного анализа позволили выделить содержание ядерной и периферической системы социальных представлений. Социальные представления о мужчине оказались достаточно оптимистичными и положительными: подчеркнулась его сила, мужественность, доброта, ориентация как на карьеру, так и на семейные отношения, его статус и стремление к власти; единственными явно отрицательными качествами оказались его неопрятность и любовь к алкоголю. Социальные представления о женщине развернулись вокруг ее внешности и семейной ориентации; также акцент делался на ее экспрессивность, яркость и привлекательность; несмотря на это, прослеживались и идеи, связанные с феминизмом и маскулинностью. Материал, полученный с

помощью рисуночной методики, не противоречил данным классической ассоциативной, что позволяет предположить возможность ее применимости для изучения социальных представлений. Помимо перечисленного, изобразительная методика позволила выделить те образные компоненты, которые не упоминались респондентами в словесной форме: например, появление алкоголя в представлениях о мужчине (рисунки бутылок и кружек с алкогольными напитками) и маскулинных атрибутов в представлениях о женщинах (рисунки машин и инструментов).

Литература

1. *Бовина И.Б.* Стратегии исследования социальных представлений // Социологический журнал. 2011. N3.
2. *Бусыгина Н.П.* Качественные и количественные методы исследований в психологии: учебник для бакалавриата и магистратуры. М., 2015.
3. *Емельянова Т.П.* Социальные представления. История, теория и эмпирические исследования. М., 2016.
4. *Московичи С.* Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. N1, N2.
5. *Abric J.C.* Central System, Peripheral System: their Functions and Roles in the Dynamics of Social Representation // Papers on Social Representation. 1993. Vol. 2(2).
6. *Moscovici S.* The phenomenon of social representations // Social representations. Cambridge, 1984.
7. *Jodelet D.* Représentation sociale // Grand dictionnaire de la psychologie. Paris, 1991.
8. *Vergès P.* L'Evocation de l'argent: Une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation // Bulletin de psychologie. 1992. Tome XLV. N405.

Взаимосвязь мотивации труда и субъективного благополучия

Мельничук А.С. Конькова Н.В.

*РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия
melnichook@rambler.ru*

В организационной психологии основное внимание уделяется «внутрипрофессиональным» факторам мотивации сотрудников.

Однако на уровень трудовых мотивов воздействуют и психологические факторы более широкого плана. В данном контексте продуктивно обратиться к такому явлению как субъективное благополучие. Под ним понимается интегративное переживание человеком своей жизненной ситуации (осмысленности и полноты жизни, соответствие её процесса и результата личным и социальным стандартам) [1; 2].

Субъективное благополучие – это значимый ресурс уверенности в жизни и работе. При его высоком уровне с большей вероятностью будет актуализирована мотивация труда, связанная с интересом к процессу деятельности, творчеством, самореализацией, независимостью (т.к. для реализации таких стремлений важно быть устойчивым к негативному отношению коллег и руководства, готовым к определенным материальным потерям ради воплощения своих идей.). Низкий уровень субъективного благополучия способен (при прочих равных условиях) актуализировать мотивы, которые позволят его повысить за счет выполняемой работы (обеспечить материальное благосостояние и стабильность положения, повысить статус, наладить значимые социальные отношения и т.д.).

Нами была найдена лишь одна публикация, где затрагивается связь удовлетворенности жизнью (как интегрального ощущения человеком своего благополучия) с мотивацией труда [3]. В этом исследовании оценка благополучия проводилась на основе обобщенного показателя, но оно также может рассматриваться и через оценку отдельных аспектов жизни. Кроме того, в рамках исследования изучались обобщенные виды мотивации (выделенные на основе их близости к внутренней или внешней), но не рассматривались более частные мотивы труда.

Исходя из сказанного, авторами статьи было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 52 сотрудника кадровой компании (46 женщин и 6 мужчин, средний возраст – 28,4 года). Диагностика субъективного благополучия проводилась с помощью методики Р.М. Шамионов и Т.В. Бесковой [4]. Для оценки мотивации применялся разработанный А.С. Мельничуком опросник, предполагавший «мягкое» ранжирование 20 завершений высказывания «Выполнять свою работу меня побуждает возможность...» (на каждый из 10 рангов следовало выбрать 2 близких по значимости формулировки; наиболее значимые мотивы имели ранг № 1).

По данным опроса, мотивирующая роль возможности проявлять самостоятельность в выборе путей выполнения деятельности будет выше, если сотруднику присущи воодушевленность и

оптимистичность, он убежден, что его усилия принесут намеченный результат и не переживает по поводу принятия действий окружающими. Это вытекает из прямой корреляции значимости данного побуждения с экзистенциально-деятельностным ($r=0,382$), эмоциональным ($r=0,300$) и социально-нормативным благополучием ($r=0,411$) (здесь и далее все $p<0,05$). Ранг побуждения «Заниматься интересным делом» обратно связан с уровнем эмоционального благополучия ($r=-0,282$) и эго-благополучия ($r=-0,362$). Таким образом, предпосылкой внутренней мотивации деятельности выступают удовлетворенность собой и уверенность в себе, а также достаточно устойчивое позитивное эмоциональное состояние.

Ранг побуждения «Трудиться в комфортных условиях в соответствии со своими собственными предпочтениями» прямо коррелировал с уровнем гедонистического благополучия ($r=0,290$), т.е. благоустроенность повседневной жизни позволяет человеку обращать меньше внимания на определенные неудобства на работе. Данный вид благополучия также обратно связан с рангом побуждения «Обеспечить стабильность жизни, уверенность в будущем» ($r=-0,277$). Вероятно, ощущение текущей безопасности, удовлетворенности материальным положением и условиями жизни способно повышать мотивирующую значимость стремления сохранить такое положение и в перспективе.

Таким образом, исследование подтвердило наличие связи мотивов труда с видами субъективного благополучия и важность учета специфики последнего для прогнозирования мотивации сотрудников.

Литература

1. *Бенко, Е.В.* Обзор зарубежных публикаций, посвященных исследованию благополучия // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2015. Т. 8. № 2. С. 5-13.
2. *Бочарова Е.Е.* Теоретико-концептуальные основания исследования проблемы субъективного благополучия // Вестник МГОУ. Серия «Психологические науки». 2012. № 2. С. 38-44.
3. *Осин Е.Н., Иванова Т.Ю., Гордеева Т.О.* Автономная и контролируемая профессиональная мотивация как предикторы субъективного благополучия у сотрудников российских организаций // Организационная психологи. 2013. Т. 3. № 1 С. 8-29. URL: <http://orgpsyjournal.hse.ru>
4. *Шамионов Р.М., Бескова Т.В.* Методика диагностики субъективного благополучия личности // Психологические

исследования. 2018. Т. 11, № 60. С. 8. URL:
<http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n60/1602-shamionov60.html>

Этническая идентичность во взаимосвязи с миграционными намерениями молодежи

*Миткина Н.Б., Гриценко В.В., Сингх Г.Г.
ФГБОУ МГППУ, Москва, Россия
natamitki@gmail.com, gricenkovv@mgppu.ru*

В современных условиях трансформации общества наблюдается, с одной стороны, актуализация этнической идентичности, а с другой – усиление эмиграционных настроений российской молодежи.

По определению Т.Г. Стефаненко, «этническая идентичность является частью социальной идентичности личности, психологической категорией, которая отражает осознание своей принадлежности к определенной этнической общности» [4, с. 238]. В структуру этнической идентичности включают два компонента – когнитивный (знания человека об истории о своей и других этнических группах) и аффективный (отношение к своей группе, чувство принадлежности к своей группе). Знания, способствующие укреплению этнического самосознания группы, основанные на позитивной оценке своей культуры, определяются как позитивная этническая идентичность. А четкое осознание и понимание принадлежности к своей этнической группе характеризуются как определенность этнической идентичности.

Этническая идентичность формируется под влиянием различных факторов: политических, социально-экономических, психологических, идеологических. Важным фактором, влияющим на формирование и состояние этнической идентичности, является моно- и полиэтничность социального окружения, а также духовная сфера жизни общества, как например, фольклор [1, с. 92–102].

Что же касается миграционных намерений молодежи, то изучение их дает возможность оценить ее миграционную мобильность и психологическую готовность к миграции. Тем самым можно спрогнозировать направления и объем миграционных потоков самой активной части населения.

Ученые активно изучают влияние на эмиграционные намерения различных факторов экономического и неэкономического характера:

социальные связи, мотивы, социально-психологические установки, ценности и убеждения личности [2, с. 358-366; 3, с. 106–118; 8, с. 21]. В то же время исследований, посвященных роли этнической идентичности в формировании эмиграционных намерений, недостаточно.

Цель нашего исследования – определить характер связи степени выраженности этнической идентичности и эмиграционных намерений молодых людей.

В исследовании приняли участие 128 человек, в возрасте от 18 до 30 лет, проживающие в Республике Бурятия (42 чел.), Иркутской области (39 чел.) и г. Москва (46 чел.). По этнической принадлежности выборку составили 43 бурят и 78 русских.

Степень выраженности этнической идентичности определялась с помощью методики Дж. Финни [5, с. 17], позитивность и неопределенность этнической идентичности оценивалась с помощью методики А.Н. Татарко и Н.М. Лебедевой [5, с. 15]. Изучение эмиграционных намерений личности было осуществлено с помощью анкеты С.В. Чувашова [6, с. 169–177], разработанной на основе теории планируемого поведения Айзена [7, с. 179–211].

По результатам исследования у представителей бурятской молодежи были выявлены более выраженные показатели этнической идентичности, чем у представителей русской молодежи. Так, средние баллы по шкалам выраженности когнитивного и аффективного компонентов этнической идентичности бурят равны 2,46 и 1,97, тогда как у русских, соответственно 2,99 и 2,44 (использовалась 4-х балльная шкала Лайкерта, где 1 – высокая, а 4 – низкая степень выраженности компонента). Достоверность различий по t-критерию Стьюдента $< 0,05$.

Степень позитивности этнической идентичности в исследуемых группах оказалась высокой: у бурят = 3,74 и у русских = 3,92 (различия статистически не значимы). В то время как степень неопределенности этнической идентичности у бурят оказалась меньше (2,33), чем у русских (2,80).

Анализ миграционных намерений показал следующее: представители бурятской молодежи выражают большее желание эмигрировать из России, чем русские. Так, средний балл по вопросу «Хотите ли Вы сейчас эмигрировать из России?» у бурят равен 4,02, у русских – 3,37 (использовалась 6-балльная шкала Лайкерта, где 1 – однозначно нет, а 6 – однозначно да). Средний балл по утверждению «Для меня идея эмиграции в течение ближайших пяти лет *глупая/неглупая*» у бурят равен 3,95, у русских – 3,39 (использовалась 6-балльная шкала Лайкерта, где 1 – глупая, а 6 – неглупая). Средние

значения по утверждению «Многие люди, которых я знаю, хотели бы эмигрировать из России в течение ближайших пяти лет» у бурят равно 4,14, у русских – 3,53 и по утверждению «Эмигрировать из России в течение ближайших пяти лет – это не в моих силах», у бурят равно 2,51, а у русских – 3,12 (использовалась 6-балльная шкала Лайкерта, где 1 – абсолютно согласен, а 6 – абсолютно не согласен).

Корреляционный анализ между компонентами этнической идентичности и эмиграционными намерениями молодых людей, независимо от их этнической принадлежности, выявил следующие взаимосвязи: когнитивный компонент имеет несколько связей с эмиграционными намерениями, а именно с утверждениями «Я хотел(а) бы начать готовиться к эмиграции в течение ближайших пяти лет» ($r=0,181$, $p<0,05$), «У меня есть идея, которая может служить основой для эмиграции из России» ($r = 0,202$; $p<0,05$) и «Разработка плана действий для эмиграции из России» ($r = 0,178$; $p<0,05$); аффективный компонент имеет связь с утверждением «У меня есть идея, которая может служить основой для эмиграции из России» ($r = 0,177$; $p<0,05$); неопределенность этнической идентичности имеет связь с утверждением «Эмигрировать из России в течение ближайших пяти лет – это не в моих силах» ($r = 0,177$; $p<0,05$). Т.е. чем больше и у русских, и у бурят знаний о своей этнической группе, чем выше чувство привязанности и принадлежности к ней, тем реже возникает стремление к эмиграции, планирование ее осуществления, размышления над этой идеей.

Таким образом, можно сделать вывод, что такие показатели, как высокая степень выраженности и определенности этнической идентичности связаны с низким уровнем стремления к эмиграции. Кроме того, позитивный образ своей этнической группы, осведомленность об истории и особенностях своей культуры, осознание отличия своей этнической группы от других в сочетании с позитивным образом других этнических групп и толерантным отношением к ним способствуют формированию желания остаться в своей стране.

Литература

1. Гриценко В.В., Орлова А.П. Фольклор в формировании этнической идентичности младших школьников (на примере российской и белорусской школы) // Искусство и культура. 2016. № 2 (22).
2. Гриценко В.В., Мураценкова Н.В., Ефременкова М.Н. Представления студентов г. Смоленска о мотивах эмиграции

- современной российской молодежи //Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2020. №4.
3. *Иванова Е. И.* Миграционные намерения современных поколений россиян: новая волна миграции // Проблемы прогнозирования. 2017. № 3.
  4. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология: Учебник. М.: Аспект Пресс, 2013.
  5. *Татарко А.Н., Лебедева Н.М.* Методы этнической и кросскультурной психологии. Учебно-методологическое пособие. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2011.
  6. *Чувашов С.В.* Социально-психологический капитал как фактор эмиграционных намерений молодежи // Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т.11. №2.
  7. *Ajzen I.* The theory of planned behavior // Organizational Behavior and Human Decision Processes. 1991. Vol. 50(2).
  8. *Dolores A., Johnson B.T., Zanna M.P.* The handbook of attitudes. 2005.

Опыт применения современных цифровых технологий в музыкальной школе: особенности коммуникации педагога и ученика

*Могилевская Я.В.,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
yanot@list.ru*

В условиях пандемии большинство учащихся перешли на дистанционное обучение. Учащиеся музыкальных школ столкнулись с дополнительными трудностями. Возникли проблемы чисто технического характера, а именно: микрофоны мобильных устройств не могут конкурировать с профессиональной аппаратурой, передача звука осуществляется с существенными помехами, особенно при исполнении произведений на духовых инструментах. Педагоги слышали только часть звуков, кроме того, часто происходила задержка звука. Возникли и коммуникативные проблемы. Педагоги музыкальных школ, как правило, занимаются с детьми индивидуально. В общеобразовательной школе педагог вынужден выстраивать отношения сразу со всеми детьми. При этом построить

действительно близкие отношения, доверительные довольно сложно. В этом вопросе педагог в музыкальной школе имеет некоторое преимущество, а именно возможность строить свои занятия, опираясь на психологическую связь с учеником, пытаясь в каждом ребенке делать ставку именно на его сильные стороны [2]. Особенно непросто пришлось детям первых двух - трех лет обучения. Взаимоотношения ученика с педагогом только начинают выстраиваться. Эмоциональный аспект занятий стал уходить на второй план, уступая место необходимости преодолевать техническое несовершенство аппаратуры и интернет связи. Педагогический процесс и связанная с ним коммуникативная деятельность предполагают применение тонких методов регуляции поведения ученика: уместность замечаний, их тон, соответствующую эмоциональную окраску, которые существенно искажаются в процессе дистанционного обучения. Это приводит к взаимному непониманию и ослаблению психологического контакта между учителем и учеником.

Однако были и положительные моменты, связанные с конкурсной деятельностью учащихся музыкальных школ. Большинство конкурсов проходило не в режиме онлайн, а на основе ранее присланных видеозаписей. Тот факт, что запись осуществлялась в домашней обстановке, при условии, что возможно было делать неограниченное количество записей и выбрать лучший вариант перед тем, как отправлять запись на рассмотрение комиссии, можно было рассматривать как фактор снижения тревожности, который отмечали, как сами дети, так и родители и педагоги. Вопрос о том, приживется ли такой вариант проведения конкурсов в долгосрочной перспективе на сегодняшний день остается открытым. По словам Петровского А.В. «самооценка...она может быть понята как потребность выяснить успешность или неуспешность персонализации». Также, с его точки зрения, «акты социальной перцепции становятся для него (человека) зеркалом, в котором он начинает видеть самого себя» [3, с. 104].

Именно экзаменационные и конкурсные выступления являются тренировкой для будущих музыкантов, возможностью на небольшой аудитории проверить свои исполнительские навыки, тренировать стратегии совладания со стрессом, или напротив принять решение о том, что данная деятельность не соответствует личностным особенностям или психологическому типу ребенка. К тому же долгое отсутствие возможности посещать «живые» концерты могло послужить ухудшению исполнительской деятельности, поскольку живое исполнение классического музыкального репертуара всегда считалось более эмоционально заряженным, чем любая аудио- или видеозапись. Однако доступность подобных записей, появившихся

особенно за период пандемии, и их высокое качество, позволит педагогам музыкальных и общеобразовательных школ расширить знания учеников.

В своей книге «Проблема теории учебной деятельности» В.А. Гуружапов приводит цитату В.В. Давыдова: «Мышление школьников, хотя и имеет некоторые общие черты, однако не тождественно мышлению ученых, деятелей искусства, теоретиков морали, права и религии. Школьники не создают понятий, образов, ценностей и норм общественной морали, а присваивают их в процессе учебной деятельности. Но при ее выполнении школьники осуществляют мыслительные действия, адекватные тем, посредством которых исторически вырабатывались эти продукты духовной культуры» [1, с. 10].

Однако современные учащиеся музыкальных школ, вовлеченные в исполнительскую деятельность, вступая в эмоциональную коммуникацию на концертах с публикой, сами являются источником духовных и эстетических смыслов, что требует от исследователей по-новому переосмыслить подходы к изучению данной категории школьников и уделить особое внимание разработке методик снижения тревожности у учащихся детских музыкальных школ. В этом вопросе существенную роль будет иметь осведомленность педагогов о подобных методах.

Также нельзя забывать о негативном влиянии на детей разных возрастов тревожных состояний близких взрослых, их общего эмоционального самочувствия, их самооценки. Чем увереннее и спокойнее родитель-взрослый, тем проще ребенку справиться с собственной тревожностью. Последнее утверждение становится особенно актуальным и очевидным в сложившихся новых, обусловленных пандемией условиях взаимодействия и коммуникации людей.

Литература

1. *Гуружапов В.А.* Проблемы теории учебной деятельности детей младшего школьного возраста. Москва, ФГБОУ ВО МГППУ, 2017.
2. *Красило Д.А.* Ориентирующий образ наставника в процессе реального самоопределения (период вхождения во взрослость) автореферат дис. ... кандидата психологических наук / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Москва, 2005.
3. *Петровский А.В.* Личность Деятельность Коллектив. Москва: Издательство политической литературы 1982.

Социально-психологический аспект тревожности в исполнительской деятельности учащихся музыкальных школ

*Могилевская Я.В.,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
yanot@list.ru*

Тревожность как феномен школьной жизни ребенка широко исследуется в психологической литературе. Школьник постоянно сталкивается с новыми вызовами, которые к нему предъявляет современное общество: это и успеваемость, и отношения с родителями, учителями, сверстниками, использование новых технологий в обучении и общении. При неблагоприятной социальной ситуации развития данные виды деятельности и коммуникации могут вызывать тревожность [3]. При рассмотрении темы тревожности необходимо учитывать специфику детей, являющихся учащимися музыкальных школ. Так в своих работах Б.М. Теплов уделял большое внимание проблеме одаренности и музыкальных способностей: «Музыкальная одаренность – высшее и крайне идеализированное проявление музыкальных способностей. Иначе говоря, блестящий музыкальный слух, феноменальная память, пластичный и прекрасно скоординированный двигатель «аппарат», невероятная обучаемость и титаническая работоспособность» [5, с. 328]. У учеников музыкальных школ появляется своего рода уникальная внутренняя позиция «ученик-исполнитель», которая также может являться дополнительным источником тревожности. При дальнейшем вхождении в профессиональную деятельность проблема тревожности и ее игнорирование может послужить серьезным препятствием для выражения таланта и способностей исполнителя.

Важно рассматривать вопрос тревожности в исполнительской деятельности учащегося с учетом социальных условий развития личности. Поскольку процесс вхождения в группу связан с первичным этапом адаптации, то каждый ребенок, так или иначе, сталкивается с необходимостью решать задачу «стать как все». Однако общие нормативы и требования в общеобразовательной и музыкальной школе несколько разнятся. И ребенок-музыкант, являющийся, «таким как все» в музыкальной среде, в общеобразовательной школе может оказаться «белой вороной». Фактически ребенку приходится

проходить сложный процесс адаптации к школьной среде в двойном объеме [1].

9 марта 2021 года прошел второе чтение президентский законопроект о внесении изменений в ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», в рамках которого детским школам искусств хотят дать особый статус. Помимо упрощения вопросов финансирования, для детских музыкальных школ это, в частности, будет означать, что им не придется больше конкурировать с кружками. Статус означает, что государство заинтересованно в оснащении органов культуры наиболее одаренными творческими кадрами. Для этих целей предполагается также ввести дифференцированную оценку результатов вступительных испытаний в училища творческой направленности, чтобы принимать на обучение по программам среднего профессионального образования в области искусств наиболее одаренных претендентов. Таким образом, вопрос тревожности учащихся музыкальных школ перестает быть исключительно личной проблемой ребенка, а приобретает в социально-психологическом контексте новое значение. Конечно, это не значит, что педагоги сразу начнут менять методики преподавания, или будут автоматически меняться отношения в семьях для того, чтобы снизить тревожность ребенка. Вопрос преодоления тревожности по-прежнему будет требовать комплексного подхода. Но что является действительно новым, так это возможность повысить у самого обучающегося внутреннюю мотивацию к преодолению тревожности. Здесь незаменимую роль играет фигура учителя-наставника, его личностные и профессиональные качества, которые создают условия для актуализации необходимых личностных ресурсов и способностей у обучающегося [2].

Спортивные достижения или волонтерская деятельность уже сейчас учитываются при поступлении в вузы, так что возможно в скором будущем обучение и окончание детской музыкальной школы будет частью личного портфолио, при решении поступать в вузы, отличные от творческой направленности. Результативность музыкально-исполнительской деятельности, как и любой творческой деятельности, не имеет четких критериев и носит несколько субъективный характер. Исполнение музыкального произведения не воспринимается как совокупность отдельных звуков, в отрыве от ритма или художественного смысла. В этой связи фактор тревожности должен учитываться педагогами музыкальных школ при подготовке обучающегося к выступлению для того, чтобы минимизировать возможность ухудшения качества исполнения.

Литература

1. *Кожухарь Г.С., Кочетков Н.В., Красило Д.А. и др.* Социальная психология образования. Практикум / Москва, 2020. Сер. Высшее образование: Бакалавриат.
2. *Красило Д.А.* Ориентирующий образ наставника в процессе реального самоопределения (период вхождения во взрослость). Автореф. дис. канд. психологических наук / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Москва, 2005.
3. *Прихожан А.М.* Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2000. 304 с.
4. *Радина Н.К.* Социально-психологический феномен «закрытости» М.Ю. Кондратьева: от «закрытой группы» – к «закрытому обществу» // Социальная психология и общество. 2016. Том 7. № 1. С. 45–58.
5. *Теплов Б.М.*, Психология музыкальных способностей // Избранные труды: В 2 т. М.: Педагогика, 1985. Т. 1.

Влияние проекта «Профсреда» на развитие учебной мотивации подростков

Мошенникова Д.В., Толстых Н.Н.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
moshennikova@mail.ru, nnvt@list.ru

В современном мире выбор профессии имеет важное значение. Современное образование одной из значимых задач своей деятельности выделяет подготовку старшеклассников к дальнейшей результативной профессиональной и социальной деятельности. Согласно внедряемому с сентября 2020 года Федеральному государственному образовательному стандарту среднего общего образования, данные задачи должны достигаться путем формирования у подростков осознанности в выборе профессии для реализации жизненных планов и значимости профессионального выбора для личности и государства [5].

Однако, как показывают результаты проводимого с 2012 года ВШЭ лонгитюдного исследования «Траектории в образовании и профессии» [3], выбор будущей профессии школьниками не всегда можно назвать осознанным. На данный выбор значительное влияние оказывает

социально-экономический статус семьи подростка и образовательные притязания родителей.

При этом уже в 9 классе перед школьниками ставится первая задача, связанная с профессиональным самоопределением: оставаться в старшей школе или поступать в профессиональное училище. Школьники старших классов выбирают экзамены для ЕГЭ, необходимые для поступления в высшие учебные заведения.

Успешная реализация поставленных задач напрямую связана со спецификой учебных мотивов. А.К. Маркова выделяет внешние и внутренние мотивы, влияющие на учебную деятельность школьников. При этом внешние мотивы реализуются при непосредственном участии педагогов и родителей, а внутренние связаны с наличием интереса к учебе школьника [1]. Желание родителей обеспечить ребенку образование, которое поможет получить высокооплачиваемую и престижную профессию, само по себе дальновидно и продиктовано заинтересованностью в будущем школьника, но это внешний мотив. Для формирования внутренних мотивов подростков необходимо уделять внимание задачам самоопределения исходя из их желаний и возможностей, а также стимулировать обучение и развитие школьников с позиции взрослого (активного), а не ребенка (пассивного) [2].

Для того, чтобы учитывались как способности и склонности самого школьника к профессиональной деятельности, так и возможности общества предоставить определенный выбор профессий, современная педагогическая психология предлагает проводить специальный комплекс мероприятий, называемых профориентацией. Эти мероприятия должны включать в себя знакомство с имеющимися на рынке востребованными профессиями, профессиональное консультирование, а также эмоциональное и когнитивное сопровождение школьника, способствующее принятию решений [4].

С 2013 года с целью повышения профессионального самоопределения московских школьников проводится комплекс профориентационных мероприятий «Профсреда». Школьникам предлагается как исследовать свои склонности и способности, так и опытным путем познакомиться с востребованными профессиями на мастер-классах.

Для изучения влияния комплекса профориентационных мероприятий «Профсреда» на учебную мотивацию подростков было проведено анкетирование учеников старших и средних классов, участвовавших в мероприятиях проекта «Профсреда» и учеников старших и средних классов, не участвовавших в мероприятиях проекта «Профсреда». В исследовании приняли участие 332 подростка, из них 214 девушек и 118 юношей. Для решения поставленной задачи были использованы следующие методики:

методика «Индекс учебного интереса» для изучения учебной мотивации и Тест для школьника о готовности к профессиональному самоопределению.

Результаты проведенного исследования показали, что участие в комплексе профориентационных мероприятий, включенных в проект «Профсреда», способствует развитию учебной мотивации у учеников средней и старшей школы. Эмпирическим путем было выяснено, что при помощи профориентационных мероприятий можно повлиять на следующие факторы учебной мотивации: социальная направленность, актуальная прагматичность, мотивация достижения, положительное отношение к школе (в средней школе); субъектность в познании, мотивация достижения, положительное отношение к школе, ценность образования (в старшей школе).

Литература

1. *Маркова А.К.* Мотивация учения и ее воспитание у школьников / Маркова А.К., Орлов А.Б., Фридман Л.М. М.: Дрофа, 2006.
2. *Моисеева Т. А., Санникова В. С.* Развитие внутренней мотивации учебной деятельности у подростков // Молодой ученый. 2018, №47 (233), с. 307-315.
3. Примерная основная образовательная программа среднего общего образования [Электронный ресурс]. URL: <https://mosmetod.ru/files/dokumenty/Primernaya-osnovnaya-obrazovatel'naya-programma-srednego-obshhego-obrazovaniya.pdf> (дата обращения: 20.02.2021).
4. Современный психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. Изд-во «Прайм-еврознак», 2008.
5. *Malik V.* The Russian panel study 'Trajectories in Education and Careers' // Longitudinal and Life Course Studies. 2019, Vol. 10. Pp. 125-144.

Психология отношений в разведенных семьях

Музафарова А.Т.
РАНХиГС, Москва, Россия
muzafarova@gmail.com

Поддержание детско-родительских отношений в условиях развода постепенно становится нормой современного общества. В большинстве случаев после развода один или оба родителя вступают в

повторный брак, и общий ребенок находится в такой семейной системе, где функциональную роль родителей исполняют две обособленные супружеские подсистемы. Особенности таких систем необходимо исследовать, поскольку, так называемые, бинуклеарные семьи на данный момент составляют значительную часть, имеющихся в обществе семей. Распад супружеской подсистемы и появление новых партнеров у разведенных родителей добавляет новых членов в семейную систему, что оказывает влияние и на каждого члена семьи в отдельности. Реструктуризация супружеской подсистемы при сохранении родительского ядра ведет к существенным изменениям, таким как смена социальных статусов, перераспределению ролей, образованию новых функций, а также изменению ценностных ориентиров, и когда все эти трансформации, появляется система нового уровня – бинуклеарная семья.

Супружеский холон является базовой подсистемой при образовании семьи и именно он определяет ее функционирование, таким образом, взаимное удовлетворение эмоциональных, сексуальных потребностей супругов, их стремление к личностному развитию и росту становится основой для более гармоничного существования всех членов семьи [1]. В бинуклеарной семье значение супружеской подсистемы сохраняется, за исключением того факта, что в этой системе становится несколько больше участников.

Как отметил С. Минухин, супружеская подсистема имеет жизненно важное значение для развития ребенка. «Она предоставляет ему модель интимных взаимоотношений, проявляющихся в повседневных взаимодействиях. В супружеской подсистеме ребенок видит примеры того, как выражать привязанность и любовь, как относиться к партнеру, испытывающему стресс, и как преодолевать конфликты на основе равноправия. То, что видит здесь ребенок, становится частью его ценностей и ожиданий, когда он вступает в контакты с внешним миром» [2]. Исследование К. Аронс показывает, что детско-родительские отношения с покинувшим семью партнером в значительной степени зависят от того, насколько благоприятно завершился развод и какие отношения сохраняют между собой разведенные супруги [3; 4].

На наш взгляд, изучение проблемы постсупружеского взаимодействия в контексте детско-родительских отношений, и выявление факторов, способствующих сохранению эмоциональной связи между детьми и родителями после образования повторных браков, а также увеличению гибкости семейной системы в период ее трансформации в бинуклеарную семью, является, безусловно, актуальной. Статистика последних лет и, в частности, 2018 года

показывает сверхраспространённость разводов (более 50 % от числа заключенных за год) и большую долю повторных браков, что явным образом доказывает высокую распространенность бинуклеарных семей в России. Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы выявить структурные характеристики бинуклеарной семейной системы, и разработать модель психотерапевтического воздействия на структурные характеристики семейной системы с возможностью коррекции детско-родительских отношений.

Мы предполагаем, что:

- семьи с более адаптивными функциональными характеристиками семейной системы демонстрируют более оптимальные детско-родительские отношения, и семьи с оптимальными отношениями имеют более функциональную структуру семейной системы, чем семьи с менее оптимальными отношениями;
- в результате психотерапевтического воздействия с использованием структурного подхода, направленного на оптимизацию структурных параметров семейной системы, происходит оптимизация детско-родительских отношений.

В ходе исследования будут применены следующие методики: опросник детско-родительских отношений, социометрия, «Образ семьи ребенка», шкала семейной адаптации и сплоченности (FACES – III), Д. Олсона.

В исследовании примут участие 100 бинуклеарных семей с одним и более ребенком, где как минимум один из супругов вступил в повторный брак и после развода прошло более 3-х лет.

Полученные результаты исследования могут применяться в консультировании разведенных родителей, семейной психотерапии, других видах психологической практики, направленной на формирование оптимальных детско-родительских отношений.

Литература

1. *Варга А.Я.* Системная семейная психотерапия. СПб.: Речь, 2001.
2. *Минухин С., Фишман Ч.* Техники семейной терапии. М.: Независимая фирма «Класс», 1998.– 304 с.
3. *Ahrons, C.R.* (2007). *Family Ties After Divorce: Long-Term Implications for Children.* San Francisco, CA.
4. *Ahrons, C.R., Tanner, J.L.* Adult children and fathers: Relationships 20 years after parental divorce. *Family Relations*, 2003. 52, 340–351.

Понятие эмоционального интеллекта и его роль в корпоративной среде

*Нажимидин А.И., Аймагамбетова О.Х.
КазНУ им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан
nazhimidin99@mail.ru*

Современная ситуация такова, что в мире все большее внимание уделяется именно человеческому ресурсу в развитии экономики. На это могло повлиять ухудшение экономического состояния, рост инфляции и повышение уровня безработицы не только в развивающихся, но и в развитых странах. Ввиду сложной экономической ситуации организации находятся в условиях жесткой конкуренции, пытаются различными способами сохранить устойчивое положение на рынке. Поэтому на данный момент на сотрудников в организации оказывается большая нагрузка. Сегодня профессионал в силу данных обстоятельств может испытывать сильный стресс, что может привести к синдрому выгорания на рабочем месте.

Американские психологи Дж. Мейер, Д. Карузо и П. Сэловей [2] сформулировали положение о том, что эмоциональный интеллект может быть рассмотрен как значимый личностный ресурс, развитие которого может обеспечить оптимальное функционирование личности, а также снижение риска проявления различных форм социальной дезадаптации.

Классическое определение интеллекта было предложено Д. Векслером, который представлял его как «способность индивида действовать целеустремленно, мыслить рационально и эффективно общаться с окружением». Более поздние концепции интеллекта подходят к его пониманию несколько иначе. К примеру, Х. Гарднер представил семь форм интеллекта, в которые, помимо классических логических и вербальных подвидов, входили также внутриличностная и межличностная формы интеллекта. Модель Х. Гарднера позволила разработать более интегрированный и одновременно более дифференцированный взгляд на природу и типы проявлений интеллекта. Его теория послужила основой первой концепции эмоционального интеллекта, сформулированной Дж. Мэйером, П. Сэловейем и Д. Карузо. Постепенное изменение взгляда на соотношение познавательных и эмоциональных процессов способствовало введению в научную парадигму термина «эмоциональный интеллект».

В психологии основные идеи, способствующие становлению термина «эмоциональный интеллект», были представлены в работах

Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева. Л.С. Выготский высказал предположение о существовании динамической смысловой системы, которая может быть охарактеризована как единство интеллектуальных и аффективных процессов. Согласно его исследованиям, отрыв интеллектуальной стороны человеческого сознания от его эмоционально-волевой стороны является одним из коренных пороков всей классической психологии. Л.С. Выготский указывал на то, что мышление при этом превращается в «автономное течение себямыслящих мыслей», т.е. оно отрывается от своей цельности и полноты. Также Д.Б. Эльконин говорил о том, что до настоящего времени одним из главных недостатков рассмотрения развития психики ребенка является разрыв между процессами личностного и умственного развития. С.Л. Рубинштейн в свою очередь развил идеи Л.С. Выготского и отметил, что мышление само по себе уже представляет собой единство рационального и эмоционального.

Современные исследования эмоционального интеллекта могут быть представлены в работах И.Н. Андреевой, С.М. Джакупова, Д.В. Ушакова, О.А. Гулевич, Д.В. Люсина и др. К примеру, И.Н. Андреева выявила, что уровень развития ЭИ в период юношеского возраста связан с индивидуальным проявлением самоактуализации. К тому же она указывает на то, что высокий внутриличностный интеллект обеспечивает естественность эмоциональных проявлений и положительной самооценки, которые, в свою очередь, предоставляют возможность установить более глубокие и крепкие взаимоотношения с окружающими [1].

Таким образом, можно определить эмоциональный интеллект как вид интеллекта, предполагающий интерпретацию, обработку и использование эмоциональной информации.

Многие исследователи отмечают, что повышение уровня эмоционального интеллекта способствует развитию и поддержанию эмоционального и физического здоровья работников, а также для повышения продуктивности его работы.

Дж. Левенштейн и Дж. Лернер, анализируя работу специалистов в организации, пришли к выводу о том, что сотрудники с высоким уровнем эмоционального интеллекта проявляют большую адаптивность и гибкость на рабочем месте, что позволяет им разумнее использовать свои эмоциональные ресурсы и получить социальную поддержку во взаимодействии с другими людьми. Согласно данным, полученным в исследованиях М. Сингх и С. Вудс, лица с высокими показателями эмоционального интеллекта меньше подвержены

стрессу в профессиональной деятельности, в большей степени удовлетворены и лояльны к своей работе.

Таким образом, согласно ряду исследований, повышение и развитие эмоционального интеллекта может послужить превентивным фактором деструкции личности и обеспечить не только успешность в профессиональной деятельности, но и оптимальное функционирование всего организма в целом.

Литература

1. *Андреева И.Н.* Эмоциональный интеллект как фактор самоактуализации / Социальный и эмоциональный интеллект: От процессов к измерениям / Под. ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М., 2009.
2. *Сергиенко Е.А.* Тест Дж. Мэйера, П. Сэловея, Д. Карузо / Эмоциональный интеллект (MSCEIT v. 2.0). М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2010. С.176.

Влияние фаббинга на качество романтических отношений молодых людей

*Нестерова А.А., Заигралина А.А.,
ГОУ ВО МО МГОУ, Мытищи, Россия
anesterova77@rambler.ru, zaigralina-98@mail.ru*

Исторически сложилось, что социальное взаимодействие и отношения людей почти всегда меняются под воздействием новых технологий, новых способов связи и коммуникации. Инновационные коммуникационные технологии влияют на то, как современный человек общается, обучается, проводит свой досуг и работает. И эти технологии влияют не только на способы современной коммуникации, но и на формирование определенных социальных норм общения, правил отношений, образа жизни в целом. Интернет-коммуникация оказывает огромное влияние на разные сферы жизни и личность молодых людей: отношения, самооценку, психологическое благополучие, обучение и развлечения [1].

Один из примеров влияния смартфонов и гаджетов на изменение характера отношений среди людей – появление такого явления, как фаббинг. «Фаббинг» – это проявление пренебрежения к партнеру по общению в непосредственном контакте с ним при предпочтении

«взаимодействия» с собственным смартфоном. Этот новый термин появился в работах западных социальных психологов, от слияния двух слов «Phone» (телефон) и «Snubbing» (пренебрежение) [3].

Большинство исследователей, в попытке изучить явление фаббинга, отмечают влияние данного вида поведения на близкие межличностные отношения [2]. Стабильные, здоровые романтические отношения являются важнейшим фактором, определяющим существование, как счастливых людей, так и гармоничных семей (романтических пар). При этом современные исследователи стали отмечать, что постоянное использование человеком гаджетов, смартфонов, постоянный мониторинг социальных сетей оказывают разрушающее влияние на романтические отношения [5].

В романтических отношениях для людей очень важным становится такой фактор как ощущение близости и присутствия. К. Леггет и П. Россоу определяют «присутствие» в отношениях как «...процесс, при котором мы остаемся открытыми и сосредоточенными на партнере без признаков внутреннего или внешнего отвлечения» [5, с. 49]. Таким образом, фаббинг становится основной причиной отвлечения от партнера, ощущения эмоционального отсутствия партнера при его физическом присутствии.

Социальный психолог Шерри Теркл в своей книге «Одинокие вместе» анализирует появление нового вида одиночества у современных людей. Автор делает неутешительный вывод, что люди часто бегут от одиночества в социальные сети, в компьютерные игры, в контакт с социальными роботами и цифровыми коммуникаторами, вдохновляясь тремя иллюзиями, которые дают нам цифровые технологии и интернет: 1) иллюзией полного контроля виртуального общения (чего нет при непосредственном «живом» контакте); 2) иллюзией того, что нас всегда услышат, поймут и не отвергнут; 3) заблуждением, что благодаря цифровым технологиям мы никогда не станем одинокими. Поглощая суррогат виртуального общения, по мнению Ш. Теркл, мы перестаем заниматься саморефлексией в отношениях, вкладываться в построение отношений с другими людьми, сознательно изолируем себя от близких контактов с реальными людьми и перестаем ценить «роскошь человеческого общения» [6].

То, что гаджеты и фаббинг негативно влияют на близкие межличностные отношения, может объяснить «гипотеза вытеснения», которая предполагает, что время, потраченное на виртуальное общение, может вытеснить (сильно сократить, уменьшить) время, потраченное на реальные отношения с партнером. Сара Койн и ее коллеги, проводя исследования удовлетворенности супружескими

отношениями, обнаружила, что партнеров раздражает не столько увлечение компьютерными играми или общением в социальных сетях супруга, сколько вызывает гнев и неудовлетворение то, что это время могло бы быть потрачено на совместные дела, на непосредственный супружеский контакт. Также было отмечено, что даже просто наличие смартфона в пределах видимости (например, когда телефон просто лежит рядом) при общении романтических партнеров снижает качество контакта и вызывает ощущение дискомфорта и неудовлетворенности [4].

При опросе 87 студентов (40 юношей и 47 девушек) мы выяснили, что 82% обижаются на партнера, когда во время романтического свидания или общения тот параллельно пользуется телефоном, просматривает социальные сети и т.п. При этом большинство опрошенных отметили, что фаббинг часто провоцирует конфликты, ревность, недовольство и нежелание продолжать общение.

Более развернутая беседа с респондентами показала, что молодые люди обижаются не столько на то, что партнер занят чем-то другим (компьютерной игрой, чтением блогов, просмотром фильмов и роликов в интернете), сколько на то, что партнер их «не замечает, игнорирует», ими «пренебрегает, не интересуется». Кстати, многие молодые люди делают на основе своих наблюдений фаббинга со стороны партнера выводы о том, что «их не любят», «они не так интересны, как информация, которую партнер просматривает», «их не выбирают и не предпочитают», «их просто не уважают».

Таким образом, проявление фаббинга в поведении действительно оказывает влияние на качество отношений, часто приводит к конфликтам и даже к их разрыву.

Литература

1. *Айсина Р.М., Нестерова А.А.* Киберсоциализация молодежи в информационно-коммуникационном пространстве современного мира: эффекты и риски // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 4.
2. *Крюкова Т.Л., Екимчик О.А.* Фаббинг как угроза благополучию близких отношений // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 3.
3. *Abeele M., Antheunis M., Schouten A.* The Effect of Mobile Messaging during a Conversation on Impression Formation and Interaction Quality Computers // Human Behavior. 2016. Vol. 62.
4. *Coyne S.M., Padilla-Walker L.M., Fraser A.M., Fellows K., Day R.D.* Media time ¼ family time: positive media use in families

- with adolescents // Journal of Adolescent Research. 2014. Vol. 29(5).
5. *Rossouw P.J., Leggett C.*, The impact of technology use on couple relationships: A neuropsychology perspective // International Journal of Neuropsychotherapy. 2014. Vol. 2(1).
  6. *Turkle S.* Alone together: Why we expect more from technology and less from each other. New York, NY: Basic Books, 2012.

Использование современными старшими дошкольниками гаджетов и отношение к этому родителей

Нечаева О.С., Денисенкова Н.С.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

olgane4aeva2020@gmail.com, nataliya-denisenkova@yandex.ru

Доступность для современного ребенка мобильных цифровых устройств в настоящее время очень высока. Планшеты, смартфоны, игрушки, управляемые через мобильные приложения, притягивают внимание ребенка, в том числе и потому, что окружающие его взрослые являются активными пользователями различных электронных устройств, проводя со смартфонами и планшетами значительную часть свободного времени [6; 7; 8]. Современные дети воспринимают гаджеты, подключённые к Интернету, как неотъемлемую часть их повседневной жизни и не имеют трудностей с использованием смартфонов в развлекательных целях [1].

Влияние использования информационных технологий на развитие психики ребенка попадает в фокус различных психологических и педагогических исследований, изучающих цифровизацию детства как неизбежный феномен современного воспитания и развития детей (Красило Т.А., Поливанова К.Н., Расказова, Е.И. Смирнова Е.О., Солдатова Г.У., Толстых Н.Н., Фельдштейн Д.И., и др.).

Детско-родительские отношения испытывают на себе влияние современных технологий, в том числе раннее использование цифровых устройств, изменение роли взрослого, размывание границ взрослости, сомнения в эффективности педагогических практик [3; 4]. Несмотря на большое количество исследований по проблеме детско-родительских отношений изучение взаимосвязи между характером детско-родительских отношений и интенсивностью использования дошкольниками гаджетов пока остается в тени. Особенно важным

представляется эмпирическое изучение частоты использования гаджетов современными старшими дошкольниками и позиции родителей по отношению к развитию и использованию гаджетов детьми, что и стало целью нашего исследования.

Мы предположили, что современные дети значительное время уделяют различным гаджетам, а родители активно используют гаджеты в воспитании, но полностью не доверяют развитие ребенка цифровым устройствам.

В исследовании принимали участие 80 испытуемых (40 детей старшего дошкольного возраста и 40 их родителей). Исследование проходило в 2020-2021 гг.

Для определения адекватности позиции родителей был выбран опросник Е.Л. Пороцкой, В.Ф. Спиридонова «Позиция родителей по отношению к психическому развитию дошкольника» [5]. Для изучения интенсивности и условий использования ребенком гаджетов и выяснения позиции родителей по отношению к использованию ребенком гаджетов были выбраны опросники «Регламент использования ребенком гаджетов» (Борцов М.В., Некрасова С.Д.) [2].

Мы выявили, что 32% детей ежедневно проводят за гаджетом от 30 мин до 1 часа, до 30 минут – 38%, приблизительно каждый четвертый ребенок (24%) проводит за гаджетом от 1 до 2 часов в день.

Чаще всего гаджеты используются родителями для просмотра мультфильмов, фильмов – 71%, значительно реже (25%) для обучения письму, счету, чтению или для поднятия настроения. При оценке влияния гаджетов на ребенка, 57% родителей считают, что гаджеты положительно влияют на развитие таких познавательных процессов, как внимание – 78%, память – 76% и мышление – 76%. При этом 58% считают, что гаджеты оказывают негативное влияние на эмоциональное состояние ребенка, и 54% отмечают недостаточное развитие моторики.

Для социализации дошкольника родители в подавляющем большинстве случаев не используют гаджеты. 84% родителей не дают детям гаджеты в игре со сверстниками и стараются, чтобы дети в свободное время играли с другими детьми.

Большинство родителей (85%) не доверяют развитие ребенка современным гаджетам, предпочитая организовывать совместную досуговую деятельность в виде совместных прогулок, чтения книг и настольных игр. Большая часть родителей играет с детьми в настольные игры.

Вместе с тем современные родители разрешают использовать гаджеты для просмотра мультфильмов и фильмов, при этом считают,

что гаджеты оказывают положительное влияние на развитие таких познавательных процессов, как память, внимание и мышление. Однако многие родители видят негативное влияние гаджетов на эмоциональное состояние ребенка.

Две трети опрошенных родителей демонстрируют адекватную родительскую позицию по отношению к развитию ребенка, то есть активную, с направленностью на амплификацию, поддерживают познавательный интерес и активность дошкольника. Неадекватная родительская позиция (пассивная с направленностью на акселерацию) выявлена у трети испытуемых.

Данные, полученные в ходе исследования, добавляют эмпирический материал в картину современного цифрового детства и помогут при составлении методических рекомендаций для педагогов и родителей, в психологическом консультировании и терапии.

Литература

1. *Баркан А.И.* Ультрасовременный ребенок. М., 2014.
2. *Борцова М. В., Некрасов С. Д.* Ребенок и гаджеты: практикум. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2020.
3. *Полыванова К.Н.* Детство в меняющемся мире [Электронный журнал] // Современная зарубежная психология. 2016. Том 5. № 2.
4. *Собкин В. С., Марич Е. М.* Социология семейного воспитания: дошкольный возраст: Труды по социологии образования. Т. VII. Вып. XII. М., 2002.
5. *Пороцкая Е.Л., Спиридонов В.Ф.,* Выявление представлений родителей о развитии дошкольника // Вопросы психологии, 2004. №4.
6. *Przybylski A.K., Weinstein N.* Digital Screen Time Limits and Young Children's Psychological Well-Being: Evidence From a Population-Based Study // Child Development. 2017. Vol. 90, No. 1.
7. *Radesky J.S., Christakis D.A.* Increased Screen Time: Implications for Early Childhood Development and Behavior // Pediatric Clinics of North America. 2016. Vol. 63. No. 5.
8. *Tandon P.S., Zhou C., Lozano P., Christakis D.A.* Preschoolers' Total Daily Screen Time at Home and by Type of Child Care // The Journal of Pediatrics. 2011. Vol. 158. No. 2.

Цели учебных достижений и направленность личности

Никитская М.Г.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

maria.nikitskaya@gmail.com

Еще первые отечественные исследования учебной мотивации, проводимые Леонтьевым А.Н., Божович Л.И., Морозовой Н.Г. и Славиной Л.С., содержат два основных вывода. Во-первых, учебная деятельность – это деятельность полимотивированная. Во-вторых, невозможно понять логику развития мотивов учения, не обращаясь к личности учащегося, особенностям его развития и социальному контексту обучения [4].

Современные зарубежные исследования учебной мотивации подчеркивают значимость эмоций, а также системы взаимоотношений между учеником, педагогами, сверстниками и родителями в учебной деятельности [3].

О влиянии широких социальных мотивов на учебную деятельность (наряду с учебными), связанных с взаимоотношением ребенка с окружающей средой, писала еще Божович Л.И.: «будучи порождены всем социальным контекстом, в котором протекает жизнь субъекта, они (широкие социальные мотивы – прим. автора) могут побуждать его деятельность посредством сознательно поставленных целей, принятых решений, иногда даже независимо от непосредственного отношения человека к самой деятельности» [1, с. 24].

Спустя много лет после указанных исследований Эндрю Джеймс Эллиот – профессор университета Рочестера (США), разработал иерархическую модель мотивации достижения в учебной деятельности, названную теорией целей достижения (Achievement Goal Theory), которая на сегодняшний день является одной из самых популярных на западе при изучении учебной мотивации. Согласно данной теории, учебная деятельность (успеваемость, учебные стратегии, вовлеченность в учебный процесс, эмоции, возникающие в процессе учебной деятельности и т.д.) регулируется теми целями учебных достижений, которые ставит перед собой ученик. Эти цели могут быть направлены на овладение предметом, повышение компетентности (цели мастерства), либо на произведение впечатления на окружающих (демонстрация результата), обусловленные социогенными потребностями. Особенность теории Эллиота заключается в том, что к изучаемым многими другими исследователями указанным группам целей он добавил направленность на достижение, либо избегание, создав, таким

образом, 2x2 модель целей учебных достижений, содержащую четыре направленности учебной деятельности в зависимости от конкретных целей учебных достижений [5].

Так, учащийся может стремиться к достижению мастерства, либо испытывать постоянную тревогу, что он что-то недоучил, не дочитал (направленность на избегание). Также он может стремиться производить хорошее впечатление, добиваться признания от окружающих, либо в первую очередь избегать ситуаций, в которых может обнаружиться его некомпетентность. И именно эти цели будут определять особенности учебной деятельности ученика.

В процессе постановки целей учебных достижений большую роль играет уровень притязаний учащихся. Причем для одних значимым будет то, как они справляются с задачей. А для других – что о них думают учителя или сверстники. Так же, как и в исследованиях направленности личности, начатых еще в лаборатории Божович Л.И., выделялись направленность на себя, на взаимодействие и деловая (добавлена позже), так и Эллиот с автором другой очень популярной западной теории (теории контроля и значимости эмоций достижения) профессором Мюнхенского университета Рейнхардом Пекруном, разделили цели учебных достижений (в следующей, 3x2 модели) на основании направленности на достижение либо избегание учебных целей, связанных с собой (справляться с заданием лучше или не хуже, чем справлялся раньше), с задачей (достигать решения задачи или избегать ситуации, в которой не получится ее решить) и с окружающими (справляться лучше или не хуже других) [5].

Гордеева Т.О., опираясь на теорию Эллиота при изучении целей достижения в мотивационной структуре учебной деятельности, писала, что «цели – ядро учебной мотивации, непосредственно направляющее и запускающее учебную активность школьника и их изучение крайне важно», однако отсутствие в отечественной психологии методик опросникового типа существенно тормозит исследования в этой сфере [2, с. 213].

Нами начат процесс адаптации и валидации опросника целей учебных достижений, в связи с планируемым исследованием связи целей учебных достижений с направленностью личности (в понимании Божович Л.И.), а также их связи с учебной мотивацией у российских подростков.

Литература

1. *Божович Л.И.* Проблема развития мотивационной сферы ребенка // Изучение мотивации поведения детей и подростков

- / Под ред. Л.И. Божовия и Л.В. Благоннадежиной. Москва, 1972.
2. *Гордеева Т.О.* Мотивация учебной деятельности школьников и студентов: дисс. д. психол. н. Москва, 2013.
  3. *Никитская М.Г., Толстых Н.Н.* Зарубежные исследования учебной мотивации: XXI век // Современная зарубежная психология. 2018. Том 7. № 2. С. 100–113. doi:10.17759/jmfp.2018070210
  4. *Толстых Н.Н.* Введение // Современная зарубежная психология. 2019. Том 8. № 2. С. 5–6. URL: <https://psyjournals.ru/jmfp/2019/n2/Tolstykh.shtml>
  5. *Elliot A.J., Murayama K., Pekrun R.* A 3x2 Achievement Goal Model // Journal of Educational Psychology. 2011. Vol. 103. № 3. P. 632-648. doi: 10.1037/a0023952

Зарубежный опыт исследований связи когнитивных искажений с агрессивным вождением

Николаева Л.В., Харченко М.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
Lunicom@mail.ru, Kharchenkoma@mgppu.ru

Большинство российских водителей часто проявляют агрессию с использованием своего автомобиля: «подъезжают вплотную к бамперу другого водителя, подрезают, увеличивают или сбрасывают скорость, мешают завершить начатый маневр» и т.п. [1, с. 114]. Такое дорожное поведение можно охарактеризовать как агрессивное вождение, то есть «управление транспортным средством без учета других участников движения, в спешке или в попытках отпугнуть их, которое непосредственно влияет на других водителей» [2, с. 119-120].

Пытаясь выяснить, как развивается такое поведение, зарубежные исследователи обратились к аффективно-когнитивно-поведенческим теориям. На их основе они предположили: эмоция гнева, возникшая в ответ на фрустрирующие ситуации, стимулирует агрессивное вождение, если его опосредуют определенные когнитивные искажения. Если их нет, снижается и вероятность такого поведения.

Среди часто исследуемых в этой связи когнитивных искажений – фундаментальная ошибка атрибуции или actor-observer bias («субъект-наблюдатель»), когда оценка поступка меняется в зависимости от того, кто ее дает – действующее или наблюдающее лицо. Субъект

склонен приписывать причину своего поступка внешним факторам (ситуации), наблюдатель – внутренним (личности).

В исследованиях 1980-90-х гг. более высокие уровни гнева и агрессии за рулем оказались связаны с приписыванием причины события внутреннему фактору (причем стабильному), например, умению индивида водить автотранспортное средство [3; 6]. Низкую склонность к возникновению гнева или более слабые его переживания демонстрировали те, кто объяснял причины маневров других водителей внешней ситуацией или временным (нестабильным) состоянием – дорожной обстановкой.

Однако такие выводы можно сделать далеко не всегда. В одном австралийском эксперименте испытуемые, исполнявшие роль «агрессоров» на дороге, объясняли свои действия чаще внутренними причинами, хотя и ссылались при этом на нестабильный фактор (ошибку) [5]. Тогда как «жертвы» демонстрировали «полную версию» искажения actor-observer: действиям «агрессоров» они приписали и стабильный, и внутренний факторы.

Исследования в данном направлении предлагается продолжать как перспективные для разработки мер по преодолению склонности к дорожной агрессии [4].

Еще в одном исследовании нашла подтверждение связь дорожной агрессии с иллюзией контроля (illusion of control) – тенденцией человека верить, что благодаря своим способностям он может влиять на события, которые объективно от него не зависят или зависят в гораздо меньшей степени, чем он полагает. Оценка ситуации водителем, который из состояния гнева переходит к агрессивным действиям, включает в себя веру, что он справится с возможными последствиями своих действий [7].

В том же исследовании была предпринята попытка установить связь агрессии с излишним оптимизмом (optimism bias), при котором человек недооценивает возможные негативные последствия своих действий, однако эта гипотеза не подтвердилась.

Литература

1. *Ермолаев В.В., Ткаченко О.Н., Четверикова А.И.* Когнитивные карты в стратегии поведения водителей по материалам опросников «Driving Anger Expression Inventory» («DAX») и «Dula Dangerous Driving Index» («DDDI») на российской выборке // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8, № 4. С. 107–122. DOI:10.17759/sps.2017080408.

2. *Кочетова Т.В., Погодина А.В., Харченко М.А.* Проблема исследования водительского поведения в современной зарубежной психологии // Современная зарубежная психология. 2020. Т. 9. № 3. С. 118–126. DOI:10.17759/jmfp.2020090311
3. *Britt T.W., Garrity M.J.* Attributions and personality as predictors of the road rage response. // The British Journal of Social Psychology. 2006. № 45 (Pt 1). С. 127-147. – DOI:10.1348/014466605x41355
4. *Kaiser S., Furian G., Schlembach Ch.* Aggressive Behaviour in Road Traffic – Findings from Austria // Transportation Research Procedia. 2016. Vol. 14. P. 4384–4392. DOI:10.1016/j.trpro.2016.05.360
5. *Lennon A., Watson B., Arlidge C., Fraine Gr.* «You’re a bad driver but I just made a mistake»: Attribution differences between the ‘victims’ and ‘perpetrators’ of scenario-based aggressive driving incidents // Transportation Research Part F: Traffic Psychology and Behaviour. 2011. Vol. 14. P. 209–221. DOI: 10.1016/j.trf.2011.01.001.
6. *Nemerovski R.A.* Anger in the car – An examination of the role of perspective-taking in the anger response while driving: doctoral dissertation. (Accession Order No. AAT 3394712) Berkeley, 2009. URL: <http://drnemerovski.com/roadragedissertation.pdf> (дата обращения: 12.02.2020).
7. *Stephens A.N., Ohtsuka K.* Cognitive biases in aggressive drivers: Does illusion of control drive us off the road? // Personality and Individual Differences. 2014. Vol. 68. P. 124-129. DOI: 10.1016/j.paid.2014.04.016.

Изменение отношения к цифровым образовательным технологиям у студентов в процессе пандемии COVID-19

Новикова И.А., Бычкова П.А.

РУДН, Москва, Россия

Novikova-ia@rudn.ru, bychkova.polina.97@mail.ru

Пандемия COVID-19, объявленная ВОЗ в начале марта 2020 г., стремительно и резко изменила жизнь всего человечества. Во многих странах мира был объявлен режим самоизоляции (lockdown), большинство сфер экономики перешли на удаленный режим работы, а

система образования – на дистант. Эта ситуация дала уникальную возможность для проведения квазиэкспериментов, в результате которых можно выявить динамику различных психологических феноменов до и после начала пандемии. Одним из таких феноменов стало отношение к использованию цифровых технологий в образовании. Этой проблеме было посвящено большое количество зарубежных и отечественных публикаций и до пандемии [4; 5], а после – начался «бум» исследований отношения к переходу на дистантное образование [1; 3; 7], и, соответственно, к цифровым образовательным технологиям (ЦОТ).

Целью эмпирического исследования, представленного в данной публикации, был ответ на вопрос: происходят ли изменения отношения к ЦОТ у студентов в процессе пандемии COVID-19 по мере перехода на дистанционные формы обучения. Поиск ответа на данный вопрос стал возможным благодаря тому, что в феврале 2020 г. мы начали исследование психологических факторов (мотивация и черты личности) отношения к ЦОТ у студентов разных направлений обучения [2; 6]. После перехода обучения в вузах на дистант, мы решили использовать сложившуюся ситуацию и продолжили исследовать отношение к ЦОТ. Таким образом, исследование состояло из трех этапов: 1) до начала пандемии (февраль – начало марта 2020 г.); 2) после 2-2,5 месяцев обучения в дистантном режиме (конец мая – начало июня 2020 года); 3) после 7 месяцев обучения в дистантном режиме (январь 2021 г.). В *выборку* вошли студенты РУДН, которые в 2019/20 учебном году обучались на втором курсе направления «Психология»: на первом этапе – 48 студентов (84% – девушки); на втором этапе – 55 студентов (85% – девушки); на третьем этапе – 53 студента (81% – девушки). Для определения отношения студентов к ЦОТ был использован авторский опросник, прошедший психометрическую проверку [2; 6] и включающий 4 шкалы: «Общая вовлеченность в использование ЦОТ»; «Вовлеченность в цифровое пространство»; «Использование цифровых технологий в образовании»; «Цифровая компетентность». На втором и третьем этапах в опросник было добавлено 5 вопросов для более конкретного определения изменения отношения к ЦОТ. Для статистической обработки применялся непараметрический U-критерий Манна–Уитни для независимых выборок (т.к. группы студентов совпадали лишь частично).

В *результате* сравнения показателей отношения студентов-психологов к ЦОТ на первом и втором этапах были выявлены статистически значимые различия ($p \leq 0,01$) *общей вовлеченности в использование ЦОТ и вовлеченности в цифровое пространство*, а

также различия на уровне тенденции ($p \leq 0,1$) в *использовании цифровых технологий в образовании и цифровой компетентности*. Т.е. после начала пандемии COVID-19 и перехода на дистантный режим обучения у студентов повысилась вовлеченность в цифровое пространство и использование ЦОТ, кроме того, незначительно выросло использование цифровых технологий в образовании и цифровая компетентность. Однако при сравнении показателей отношения к ЦОТ на втором и третьем этапах не было выявлено значимых различий, а различия между результатами первого и третьего этапов практически совпали с различиями между первым и вторым. Анализ ответов на дополнительные вопросы показал, что на третьем этапе больше студентов отметили, что их отношение к использованию цифровых технологий улучшилось (32,7% – 39,6%). Увеличилось как число студентов, считающих, что ЦОТ имеют больше преимуществ перед стационарным обучением (20,0% – 30,2%), так и тех, кто полагает, что такие технологии имеют больше недостатков (30,9% – 37,7%). В целом около половины опрошенных на втором и третьем этапах положительно оценивают свой опыт электронного обучения (43,6% – 47,2%). Следовательно, если в начале пандемии и вскоре после перехода на дистанционное обучение были выявлены сдвиги в отношении к ЦОТ, то в дальнейшем значимых изменений по показателям опросника обнаружено не было, хотя выявлена динамика в ответах на отдельные вопросы.

Литература

1. *Алешковский И.А., Гаспаривили А.Т., Крухмалева О.В. и др.* Студенты вузов России о дистанционном обучении: оценка и возможности // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 10. С. 86-100. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-10-86-100>.
2. *Бычкова П.А.* Психологические особенности студентов и их отношение к цифровым образовательным технологиям: ВКР магистра: 37.04.01. – Психология. М.: РУДН, 2020. 105 с.
3. *Cicha K., Rizun M., Rutecka P., Strzelecki A.* COVID-19 and Higher Education: First-Year Students' Expectations toward Distance Learning // Sustainability. 2021. Vol. 13. 1889. <https://doi.org/10.3390/su13041889>.
4. *De Martino M., Gushchina Y.S., Boyko Z.V., Magnanini A., Sandor I., Guerrero Perez B.A., Isidori E.* Self-organisation in lifelong learning: Theory, practice and implementation experience involving social networks and a remote format // RUDN Journal of

- Psychology and Pedagogics. 2020. Vol. 17. No. 3. P.373-389. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-3-373-389>.
5. *Guillén-Gámez F.D., Romero Martínez S.J., Ordóñez Camacho X.G.* Diagnosis of the attitudes towards ICT of education students according to gender and educational modality // *Apertura*. 2020. Vol.12. No. 1. <http://dx.doi.org/10.32870/Ap.v12n1.1786>.
  6. *Novikova I., Bychkova P., Zamaldinova G.N.* Personality traits and attitude towards digital educational technologies in Russian university students // *INTED2021 Proceedings. 15th International Technology, Education and Development Conference (March 8-9, 2021 – Valencia, Spain)*. Valencia: IATED, 2021. P. 9999-10005. <https://doi.org/10.21125/inted.2021.2087>.
  7. *Vladova G., Ullrich A., Bender B., Gronau N.* Students' Acceptance of Technology-Mediated Teaching – How It Was Influenced During the COVID-19 Pandemic in 2020: A Study From Germany // *Frontiers in Psychology*. Vol.12. 636086. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.636086>.

Агрессивность, курение и физическая активность: системно-функциональный подход

Новикова И.А., Канафина К.М.

РУДН, Москва, Россия

Novikova-ia@rudn.ru, 1032183701@pfur.ru

В отечественной и зарубежной психологии активно обсуждаются различные факторы агрессивного поведения и агрессивности личности: физиологические, психологические, социальные. Одним из таких факторов может выступать приверженность или неприверженность к здоровому образу жизни.

Под здоровым образом жизни в широком смысле понимается поведение, направленное на поддержание и укрепление здоровья в условиях взаимодействия с окружающей средой [6]. В данном исследовании как проявления здорового и нездорового образа жизни мы будем рассматривать уровень физической активности (ФА), а также наличие, либо отсутствие привычки табакокурения. Агрессивность изучается нами на основе системно-функциональной модели А.И. Крупнова [2; 3; 8], согласно которой личностные свойства включают целевой, мотивационный, когнитивный, продуктивный (содержательно-смысловая подсистема) и

динамический, регуляторный, эмоциональный, рефлексивно-оценочный (инструментально-стилевая подсистема) компоненты, каждый из которых содержит по 2 переменные [2; 8].

Исследования, выполненные на основе данного подхода, показывают, что различия переменных агрессивности между курящими и некурящими студентами сильнее выражены в женских выборках [4; 9]. Так, курящие девушки по сравнению с некурящими более склонны к проявлению физической и вербальной агрессии, чаще испытывают проблемы с управлением своим агрессивным поведением, трудности со сдерживанием агрессивности, а курящие юноши по сравнению с некурящими имеют менее существенные представления об агрессивности и менее склонны к принятию ответственности за свои агрессивные поступки и к контролю своего агрессивного поведения [4; 9]. В то же время сравнение переменных агрессивности у молодых людей занимающихся и не занимающихся современными латино-американскими танцами (сальсой), которые можно отнести к одному из видов ФА, показало, что «сальсерос», в целом, проявляют меньшую агрессивность, способны лучше ее контролировать, хотя в этом исследовании также были выявлены гендерные различия [5]. Проведенное нами ранее исследование подтвердило, что для студентов с более высоким уровнем ФА характерны менее выраженные значения основных переменных агрессивности [1].

Целью данного исследования являлось сравнение выраженности переменных агрессивности у курящих и некурящих студентов с учетом уровня их ФА. В исследовании приняли участие 152 студента (79% – девушки) в возрасте от 18 до 23 лет (средний возраст – 20 лет), обучающиеся в разных вузах России. Среди них: 81 некурящий студент (80% – девушки) и 71 курящий студент (79% – девушки). Для диагностики агрессивности использовался бланковый тест, разработанный А.И. Крупновым «Агрессивность» в модификации Т.В. Нечепуренко [3]. Уровень двигательной активности (ФА) студентов определялся с помощью международного опросника IPAQ [7]. Сбор данных осуществлялся с помощью анкеты в Гугл-форме. Для статистической обработки использовались методы описательной статистики и U-критерий Манна–Уитни.

На первом этапе обработки результатов мы разделили исследуемые выборки студентов на подгруппы по уровню ФА. Среди некурящих студентов 27 человек имеют высокий уровень ФА, 28 – средний и 26 – низкий, среди некурящих – 26, 24 и 21 человек соответственно. Можно отметить, что выраженность ФА достаточно равномерно

распределена в каждой из выборок, что дает возможность для дальнейшего сравнения подгрупп.

На следующем этапе мы сравнили выраженность переменных агрессивности у студентов с разными уровнями ФА как в выборке некурящих, так и курящих студентов. Больше статистически значимых различий было получено в выборке некурящих студентов: при этом самые низкие значения *социоцентричности, осведомленности, личностных и операциональных трудностей* выявлены в подгруппе студентов со средним уровнем ФА. В выборке курящих только *осведомленность* и *личностные трудности* значимо выше в подгруппе с низким уровнем ФА.

На заключительном этапе мы сравнили выраженность переменных агрессивности у некурящих и курящих студентов с аналогичными уровнями ФА. В подгруппах с высоким уровнем ФА выраженность *экстернальности, физической и вербальной агрессии, личностных и операциональных трудностей* значимо и значительно выше у курящих студентов. В подгруппах со средним уровнем ФА, аналогично, выраженность большинства переменных агрессивности (*социоцентричности, эгоцентричности, осведомленности, вербальной агрессии, рефлексивности, личностных и операциональных трудностей*) выше у курящих студентов. В подгруппах с низким уровнем ФА у курящих студентов выше выраженность *социоцентричности, вербальной агрессии* и *личностных трудностей*.

Таким образом, в целом мы подтвердили выводы предыдущих исследований о том, что у курящих студентов сильнее выражены основные переменные агрессивности, рассматриваемой на основе системно-функциональной модели А.И.Крупнова. При этом в выборке некурящих выраженность переменных агрессивности сильнее связана с уровнем ФА: самые низкие значения зафиксированы в подгруппе со средним ее уровнем.

Литература

1. *Канафина К.М.* К проблеме соотношения агрессивности и физической активности студентов: системно-функциональный подход // Мир и наука в XXI веке: глобальные вызовы и риски. М.: РАН РФ, 2020. С. 175-183.
2. *Крупнов А.И., Новикова И.А., Шляхта Д.А.* Комплексные исследования свойств личности: теория и практика: Учебное пособие. М.: РУДН, 2017. 220 с.

3. *Нечепуренко Т.В.* Гендерные различия в проявлениях агрессивности студентов: дис. ... канд. психол. наук. М.: РУДН, 2010.
4. *Новикова И.А., Новиков А.Л.* Особенности агрессивности и межличностных отношений курящих студентов // Наркология. 2015. № 5. С. 67-72.
5. *Новикова И.А., Толстова Д.А.* Психологические особенности молодых людей, увлекающихся социальными латиноамериканскими танцами // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2013. №1. С. 28-36.
6. *Петраш М.Д., Муртазина И.Р.* Понятие «здоровый образ жизни» в психологических исследованиях // Вестник СПбГУ. Серия 16: Психология. Педагогика. 2018. №2. С. 152-165.
7. *Craig C.L., Marshall M., Sjoström A.E. et al.* International Physical Activity Questionnaire: 12-Country Reliability and Validity // *Medicine & Science in Sports & Exercise*. 2003. Vol. 35. No. 8. P. 1381-1395. Doi: 10.1249/01.MSS.0000078924.61453.FB
9. *Krupnov A.I., Novikova I.A., Kozhukhova Y.V.* System-Functional Model of Personality Traits // *Academic Journal of Interdisciplinary Studies*. 2013. Vol. 2. No 9. P. 407-413. Doi:10.5901/ajis.2013.v2n9p407
10. *Novikova I.A., Novikov A.L.* Psychological features of aggressiveness of smoking female students // *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2014. No 2. P. 80-86.

Карьерные ориентации и качество жизни у студентов вуза

Новосельцева Е.В., Кожухарь Г.С.
 ФГБОУ ИО МГППУ, Москва, Россия
nvsltsv@gmail.com

В эпоху пандемии особо значимым становится влияние психологического здоровья сотрудников и членов организации на удовлетворенность качеством жизни и на выбор карьерных ориентаций, что в определенную очередь влияет именно на деятельность организации. Тема взаимосвязи таких компонентов как карьерные ориентации, психологическое здоровье, оценка качества жизни достаточно мало исследована в научном пространстве, однако имеет существенное значение для долгосрочного функционирования организаций, что и составляет её актуальность.

В настоящее время проблема психологического здоровья является главной проблемой для студентов любого возраста, поскольку может влиять на процесс освоения навыков и дальнейшее их использование, на реализацию профессиональных амбиций, а также на оценку качества жизни.

Э.Г. Шейн занимался научным изучением карьерных ориентаций. Этот исследователь разработал и представил научному миру якорную модель профессионального развития. Согласно этой модели, карьерные ориентации являются важной составляющей, отражающей выбранное человеком направление профессиональной реализации, основанное на его мотивах, интересах, потребностях.

Тема психологического здоровья была рассмотрена известными психологами А.В. Козловым, И.В. Дубровиной, Г.С. Никифоровым, В.А. Ананьевым, О.Е. Хухлаевой, А.М. Прихожан, В.С. Мухиной, А.Е. Личко, Т.В. Драгуновой, С.В. Кривцовой и многими другими отечественными, а также зарубежными исследователями, такими, как К. Роджерс, А. Маслоу, Г. Олпорт и др.

Исследования в области качества жизни проводили Э. Аллардт, К.А. Абульханова-Славская, В.Г. Асеев, Ш.А. Надирашвили, И.Т. Левыкин и другие.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что на современном этапе развития науки психологическое здоровье человека изучено недостаточно. В научной литературе психологическое здоровье часто сопоставляется с термином «психическое здоровье», и, следовательно, большинство исследований направлены на изучение взаимосвязей относительно второго термина – психического здоровья.

Методический инструментарий исследования состоит из трех тестов: методика «Индивидуальная модель психологического здоровья», опросник для оценки удовлетворенности качеством жизни, опросник «Якоря карьеры» Э. Шейна.

Разработкой и созданием методики «Индивидуальная модель психологического здоровья» занимался российский ученый А.В. Козлов в 2014 году в ходе психосемантического анализа понятия «психологическое здоровье». Согласно полученным данным исследования, «структура психологического здоровья представлена рядом сфер его реализации, а именно: духовное равновесие, просоциальная ориентация, физическое благополучие, гуманистическая позиция, стремление быть собой, творческое самовыражение, семейное благополучие, духовность, ориентация на цель, интеллектуальное совершенствование» [2].

Опросник для оценки удовлетворенности качеством жизни был разработан в США в Институте медицины стресса Р.С. Элиотом в 1993 г. Позже методика была адаптирована под социально-культурную среду России Н.Е. Водопьяновой. Адаптированная методика позволяет оценить уровень общей удовлетворенности качеством жизни, а также по отдельным 9 шкалам [1].

Опросник «Якоря карьеры», разработанный Э. Шейном, в России был адаптирован благодаря исследователям В.А. Чикер и В.Э. Винокуровой. Главный замысел опросника состоит в том, что респондент оценивает по шкале от одного до десяти своё согласие с тем или иным предложением. Каждое предложение обращено к карьере, к отношению к карьере, к возможностям, навыкам, а иногда и должностям. По завершении опросника составляется карта выраженности каждой карьерной ценности.

В исследовании принимают участие студенты различных курсов обучения из разных направлений подготовки в высших учебных заведениях.

Как итог, тема психологического здоровья, качества жизни и карьерных ориентаций – наиболее актуальна в эпоху пандемии и будет актуальна в эпоху постпандемии. Мы уверены, что с ростом количества исследований данной проблематики многие насущные проблемы современности будут переосмыслены или даже разрешены.

Практическая значимость работы состоит в том, что результаты, полученные в ходе исследовательской работы, могут быть применены в процессе психологического консультирования и психокоррекции личности студентов, сотрудников, а также будущих абитуриентов. Зная особенности влияния уровня психологического здоровья на жизнь человека, а именно на карьерные ориентации и на качество жизни, можно эффективнее помочь ему адаптироваться в новой социальной и культурной среде, а также помочь раскрыть его профессиональный потенциал.

Литература

1. *Водопьянова Н.Е.* Оценка удовлетворенности качеством жизни // Практикум по психологии здоровья / Под ред. Г.С. Никифорова. СПб.: Изд-во «Питер». 2005. С. 148-156.
2. *Козлов А.В.* Методика диагностики психологического здоровья // ПНИО. 2014. №6 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-diaagnostiki-psiologicheskogo-zdorovya>

Психологическая установка на активную личностную позицию обучающихся как фактор повышения их учебной мотивации

Орлов В.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

vladimirorlov@bk.ru

Проблема учебной мотивации школьников как в психолого-педагогическом аспекте, так и в педагогической практике всегда оставалась весьма актуальной. Как известно, эффективность любой деятельности всецело зависит от уровня мотивации к этой деятельности. Если брать школьный период обучения, то традиционно динамика учебной активности обучающихся, как известно, во многом зависит от типа их ведущей деятельности [2]. На этапе младшего школьного возраста, с его учебно-познавательной ведущей деятельностью у большинства обучающихся эффективность прохождения учебной программы в основном зависит от индивидуального уровня развития их когнитивных особенностей, овладения средствами учебной деятельности. При этом, безусловно, многое зависит и от уровня владения педагогом методикой преподавания в данном возрасте.

В среднем звене школы, с доминирующей интимно-личностной ведущей деятельностью у школьников резко падает учебная мотивация. Их в большей степени занимает свой внутренний мир, мир переживаний, связанный с межличностными отношениями. Позитивное отношение школьников к учебным предметам удается поддержать только тем учителям, которые умеют устанавливать оптимальные межличностные отношения с подростками и владеют социально-психологическими методами управления учебным процессом. В старшем школьном возрасте, с переходом на учебно-профессиональную ведущую деятельность у большинства школьников интерес к учебе проявляется в связи с устремленностью в свое будущее на основе феномена жизненного, личного и профессионального самоопределения. Взаимоотношения с учителем развиваются не только на личностной, но и на учебно-предметной основе. К сожалению, далеко не всем школьникам удается при переходе в старшие классы сменить ведущую деятельность. Многие «застревают» в подростковом возрасте, со всеми вытекающими из этого учебно-мотивационными последствиями [1; 4]. Кроме этого, нельзя не отметить тенденцию последних лет к снижению учебной мотивации во всех возрастных группах. Детям через сетевые каналы навязывается малозначимость получения хорошего образования и

овладения профессией. У них создаются установки на быстрое завоевание социальной популярности, легкое зарабатывание денег. Вместе с тем формируется так называемое «клиповое мышление» [3].

Нами разработана система социально-психологических тренинговых занятий для учителей в формате курсов повышения квалификации, задачей которых является овладение средствами педагогического общения, направленными на развитие у детей разных возрастных категорий психологических установок на активизацию личностной позиции как по отношению к учебной деятельности, так и, в целом, к жизненным ценностям. В процессе такого педагогического общения, который проходит в рамках предметных занятий, у школьников развивается критическое отношение к себе и к различным, в том числе асоциальным явлениям нашей действительности. Курс с педагогами проводится в форме тренинговых занятий, с использованием кейс-метода и включает 10 базовых тем:

- человек и его место на земле;
- зачем человеку другие люди;
- смысл жизни человека;
- зачем человеку семья;
- зачем человеку друг;
- нужна ли человеку мораль;
- что такое духовность;
- зачем были придуманы деньги;
- нужно ли человеку учиться;
- нужна ли человеку профессия и как ее выбрать.

Названия тем не всегда напрямую связаны с учебной мотивацией – они гораздо шире. Но по внутренней логике реализация каждой темы способствует через становление активной личностной позиции школьника развитию его учебной мотивации. Методические средства ведения педагогического общения на каждом онтогенетическом этапе проводятся учителем с учетом возрастных особенностей обучающихся.

Литература

1. Крушельницкая О.Б., Орлов В.А. Психологические ресурсы совершенствования образования и развития учащихся: методологический аспект // Актуальные проблемы социальной психологии: вопросы теории и практики. Сборник научных трудов. Москва, 2012. С. 7-23.

2. Кулагина И.Ю., Колоцкий В.Н. Возрастная психология: Полный жизненный цикл развития человека. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: ТЦ «Сфера», 2006. 464 с.
3. Старицына О.А. Клиповое мышление VS образование. Кто виноват и что делать? // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 2(23) С. 270-274.
4. Экслер А.Б., Орлов В.А. Особенности лидерства в школьных классах с различной учебной мотивацией // Социальная психология и общество: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти академика РАО А.В. Петровского (15-16 октября 2019 г.). М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2019. 506 с. С. 479-482.

Социальная идентичность мусульман. Коллективные действия

Оськин К.А., Хухлаев О.Е.

*ФБГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
jbgillet2@gmail.com*

Наряду с возрождением религиозной идентичности в современном обществе происходит процесс ее политической актуализации через различные «коллективные действия» членами различных больших социальных групп. Изучение этого процесса является одним из перспективных направлений в социальной психологии, которое в современной науке восходит к работам Г. Лебона и его изучению опыта французских революций. Лебон негативно относился к революционным событиям и полагал, что такое поведение иррационально. Вслед за Лебоном появились и другие ученые, которые пытались исследовать этот вопрос. Они дали начало области исследований, которая сейчас называется «психологией толпы», «психологией массового поведения» или «психологией стихийного поведения». Однако уже в 60-х годах исследователи, прежде всего психологи и социологи, переключились на изучение так называемого «коллективного поведения». А это совсем другой тип активности. Коллективное поведение, как его понимают сейчас, складывается из поступков, которые люди совершают, чтобы достичь общей цели – устранить несправедливость, существующую в обществе. Оно может вестись автономно, но в интересах группы. Таким образом,

коллективное поведение гораздо более рационально, чем массовое (или стихийное), которое описывал Лебон и его последователи. Если говорить более точно, то не всё коллективное поведение массовое и не все массовое поведение коллективное. Среди современных исследователей можно выделить Ван Зомерена, который выделяет три фактора, которые необходимы для коллективной активности: гнев в отношении людей, которые стали источником несправедливости; коллективная эффективность – вера в то, что коллективная активность позволит нам устранить несправедливость; социальная идентичность – осознание своей принадлежности к обиженной социальной группе.

Чтобы с точки зрения психологии объяснить мотивацию индивидов, в нашем случае – мусульман, лежащую в основе участия в коллективных действиях против коллективного неблагополучия (например, марши протеста), авторы исследования вводят динамическую двойную модель подхода к совладанию [1], которая объединяет многие общие объяснения коллективных действий (например, групповая идентичность, несправедливость, гнев, социальная поддержка и эффективность).

Эта модель концептуализирует коллективные действия как результат двух различных процессов [1]: эмоционально-ориентированного и проблемно-ориентированного подхода к совладанию. Первый подход вращается вокруг опыта группового гнева (основанного на оцененном ощущении внешней вины за несправедливость и коллективное неблагополучие). Проблемно-ориентированный подход вращается вокруг веры в эффективность группы (основанной на оцененном инструментальном потенциале преодоления социальных изменений). Эта модель является первой, которая ясно показывает динамический характер коллективных действий, объясняя, как принятие коллективных действий приводит к переоценке коллективного невыгодного положения, тем самым вдохновляя будущие коллективные действия. Авторы планируют дать эмпирическое обоснование модели, обсудить ее теоретические и практические последствия, а также определить направления будущих исследований и применения.

Таким образом, мы строим на наше исследование на модели Ван Зомерена [4], чтобы предложить более полный и богатый исследовательский отчет о том, как и почему групповой гнев и групповая эффективность способствуют коллективным действиям в ответ на конкретные события, вызывающие чувство несправедливости и гнев.

Воспринимаемая несправедливость или незаконность социального порядка также рассматривается как существенный antecedent

коллективного действия в социально-психологических теориях коллективного действия, таких, как «теория социальной идентичности» [1]. Но исследования показывают, что эмоциональные реакции на воспринимаемую несправедливость, особенно гнев, являются более близкими предикторами коллективных действий. Мы предполагаем, что групповой гнев опосредует связь между воспринимаемой несправедливостью по отношению к своей группе и ненасильственными тенденциями к коллективным действиям.

Ван Зомерен [3] объединили эти два подхода, предложив, что групповая эффективность и эмоциональные соображения образуют отдельные, но взаимодополняющие пути к коллективным действиям. Эта модель двойного пути получила эмпирическую поддержку в различных контекстах [4], но до сих пор изучалась только среди членов неблагополучных или притесняемых групп.

Мы также предполагаем, что существуют две основные функции коллективных действий, а именно: мобилизацию идентичности и/или консолидацию идентичности. Мобилизация идентичности включает в себя действия, направленные на улучшение положения ингруппы в социальной иерархии власти, в то время как консолидация идентичности включает в себя укрепление идентичности ингруппы, то есть утверждение, подтверждение или укрепление идентичности этой группы против идентичности других группы.

Литература

1. *Rim Saab, Nicole Tausch, Russell Spears and Wing-Yee Cheung* Running head: Acting in Solidarity. <https://core.ac.uk/download/pdf/96709176.pdf>
2. *Tajfel, H., & Turner, J.* An integrative theory of intergroup conflict. In W. G. Austin & S. Worchel (Eds.), 1979. *The social psychology of intergroup relations* (Pp. 33-47). CA: Brooks-Cole.
3. *Van Zomeran, M., & Leach, C., & Spears, R.* Protesters as “passionate economists”: A dynamic dual pathway model of approach coping with Acting in Solidarity collective disadvantage / *Personality and Social Psychology Review*, 2012. 20, 1-20. doi:10.1177/1088868311430835
4. *Van Zomeran, M. & Iyer, A.* Toward an integrative understanding of the social and psychological dynamics of collective action. *Journal of Social Issues*. 2009. V. 65, 645–660. doi:10.1111/j.1540-4560.2009.01618.

К вопросу о самоорганизации младших школьников

Овечкина Е.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

Ekatlina@gmail.com

Понятие «самоорганизация» получает все более широкое распространение в различных сферах и областях научного знания. Особая роль в этом процессе отводится возникновению и углублению синергетического подхода в науке [1; 6; 7].

В круг исследований социально-психологических проблем образования входит, в числе других, проблема синергетической самоорганизации учебных и профессиональных групп (А.Б. Купрейченко, С.В. Петрушин) [5]. Проблемы «значимого другого», статусно-ролевых отношений учащихся в образовательных учреждениях рассматривались в работах М.Ю. Кондратьева, А.В. Петровского, М.Е. Сачковой и других исследователей. Взаимосвязь личности и группы, личности и обществом изучается в рамках социальной психологии развития.

С.И. Дьяков подчеркивает, что спонтанная самоорганизация психики в жизни человека оформляется в процессе его взаимодействия в условиях природы и общества [3]. Личность может развиваться только через включение в социум, проходя сменяющиеся общности, среди которых школьная общность, трудовая и т.д. [4]. На саморегуляцию и самоорганизацию социального поведения каждой личности влияет неформальная организация социальной системы. Таким образом, повышение самоорганизации в поведении его членов возможно через воздействие общности.

Организация совместной деятельности и отдельных ее участников возникает еще во взаимодействии взрослого и маленького ребенка – взрослый, используя доступные для ребенка средства деятельности, старается организовать совместную деятельность, например, вовлечь ребенка в игру. Ребенок, в свою очередь, в коммуникации со взрослым начинает организовывать совместную деятельность, в дальнейшем переходя к самоорганизации. Коммуникация выступает здесь средством и формой организации не только чужой, но и собственной деятельности. «Они [вспомогательные стимулы] служат ребенку прежде всего средством социального контакта с окружающими людьми, а также начинают использоваться как средство воздействия на самого себя, как средство – автостимуляции, порождая таким образом новую, более высокую форму поведения» – указывает Л.С. Выготский [2, с. 25].

В тот момент, когда ребенок оказывается в начальной школе, он уже обладает определенными возможностями самоорганизации, но в дальнейшем самоорганизация отдельного субъекта начинает разворачиваться именно в ученическом коллективе – меняются статус и роль ребенка и взрослого, иначе выстраивается взаимосвязь личности ребенка и группы.

В младшем школьном возрасте самоорганизация учебной деятельности может проявляться как подготовка рабочего места, способ выполнения задания, организация времени на отдых и выполнение заданий. При этом коммуникация, возникающая в учебной деятельности, может рассматриваться в качестве одного из оснований становления системы самоорганизации. Ребенок, который напоминающий своему однокласснику убрать с прохода портфель, в дальнейшем начинает лучше организовывать собственную деятельность, как бы «напоминая» самому себе это сделать.

Коммуникация между участниками совместной деятельности, как правило, складывается спонтанно. Организация коммуникации в учебной группе способствует развитию психологических возможностей самоорганизации младшего школьника.

Литература

1. *Васильева О.В.* Психолого-акмеологическая сущность самоорганизации личности // Акмеология. 2012. 2. 42.
2. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений. В 6 т. Т.6: Орудие и знак в развитии ребенка / под ред. А.В. Запорожца. М.: Педагогика. 1984.
3. *Дьяков С.И.* Психическая самоорганизация человека как субъекта жизни. Семантический принцип // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2018. С. 23.
4. *Кондратьев М.Ю.* Социальная психология в образовании. М. 2008.
5. *Крушельницкая О.Б., Орлов В.А., Сачкова М.Е.* Социальная психология образования как отрасль научного знания // Психолого-педагогические исследования. 2013. №2. URL: http://psyedu.ru/journal/2013/2/Krushelnickaya_Orlov_Sachkova.phtml
6. *Милованов В.П.* Синергетика и самоорганизация: Социальная психология. 2013.

7. Яновская Т.Э. К вопросу о понятии «Самоорганизация» в психолого-педагогических исследованиях // Естественно-гуманитарные исследования. 2013. 2.

О ценностных ориентациях студентов вуза

Павлова К.Н.

*ФГБОУ ВО ЗабГУ, Чита, Россия
ushakova.ksusha2013@mail.ru*

В современном информационном обществе идет трансформация ценностных ориентаций, которые господствовали длительное время. Данные изменения непосредственно проявляются в образе каждой личности (Я-концепции). Известно, что формированию ценностных ориентаций предшествуют такие факторы, как воспитание в семье, общение с ровесниками, а также социально-психологическая среда. Это непосредственно связано с проблемой ценностных ориентаций.

Разработкой данного понятия занимаются представители различных наук. С точки зрения психологической науки «ценностные ориентации» – это особые психологические образования, которые представляют собой иерархическую систему и выступают элементами в структуре личности [4, с. 194].

По данным Р. Инглхарта значительные изменения происходят в базовых ценностях (семейных, религиозных, ценностях здоровья и т.д.) населения, которые выступают основой и фундаментом в иерархической системе ценностей. Данная трансформация взаимосвязана со сменой поколения, что существенно влияет на устоявшиеся ранее ценности [1, с. 41].

Студенческий возраст представляет собой особый период жизни и развития самосознания и личности. Данный возраст может захватывать как стадию юности, так и ранней взрослости. Психологической особенностью этого возраста является устремленность в будущее, а также становление образа-Я и формирование ценностных ориентаций [2, с. 374].

В нашем исследовании, целью которого стало изучение ценностных ориентаций студентов, приняли участие студенты (31 человек в возрасте от 18 до 22 лет), обучающиеся по направлению подготовки 44.03.02 «Психолого-педагогическое образование» (ФГБОУ ВО ЗабГУ, г. Чита). С помощью методики Р. Инглхарта (модификация М.С. Яницкого) нами были выявлены значимые и

незначимые ценности студенческой молодежи [3, с. 191]. Данная методика предназначена для изучения ценностей структуры массового сознания. Респондентам предлагалось выбрать наиболее важную ценность (от 1 до 3 вариантов) для себя из предложенных девяти.

Предложенные варианты ценностей в методике распределяются на три типа индикатора. Первый индикатор отвечает за ценности адаптации (1 – материальная обеспеченность, 4 – сохранение своего здоровья, а также переживание за здоровье близких людей, 7 – ответственность за несение порядка и стабильности в обществе). Второй тип направлен на ценности социализации (2 – семейное благополучие и сохранение семьи, 5 – направленность на престижную работу с карьерным ростом, 8 – уважительное отношение к окружающим, стремление обрести уважение от друзей, коллег, близких людей). Третий тип включает в себя такие ценности, как 3 – самореализация в интеллектуальной и творческой сфере, 6 – владение правами и свободы человека, 9 – гуманное отношение в обществе.

Обратимся к полученным результатам. Первый тип «адаптирующийся» – 29%; второй «социализирующийся» – 26% и третий тип «индивидуализирующийся» – 3%; 42% опрошенных были отнесены к промежуточному типу.

Проанализировав полученные данные, мы пришли к выводу, что 29% испытуемых руководствуются преимущественно такими ценностями, как финансовое благополучие, здоровый образ жизни, сохранение своего здоровья, а также небезразличное отношение к порядку и стабильности в социальном мире. Для 26% респондентов важными ценностями явились семейные отношения и их сохранение, карьерный рост и престижная работа, уважение к окружающим людям. На ценности индивидуализации ориентированы всего 3%. Как правило, у этих студентов отмечается высокая самореализация в творческой и интеллектуальной сфере.

По результатам исследования выявлено, что здоровье, карьера, материальный достаток, стабильность и порядок в обществе, уважение к людям занимают важные позиции в иерархии ценностей у большинства испытуемых. Наименее значимыми ценностями выступили права и свобода, самореализация, гуманность и терпимость в обществе.

Литература

1. *Инглхарт Р.* Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М., 2018.

2. *Шаповаленко И.В.* Психология развития и возрастная психология: учебник и практикум для среднего профессионального образования. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2021.
3. *Яницкий М.С.* Модификация методики Р. Инглхарта для изучения ценностной структуры массового сознания // Сибирская психология сегодня. Сборник научных трудов. Кемерово. 2002.
4. *Яницкий М.С.* Система ценностных ориентаций личности и социальных общностей: структурно-динамическая модель и ее применение в психологических исследованиях и психологической практике // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. т. 22. № 1 (81).

Цвет как индикатор ценностных ориентаций: кросс-культурный анализ

Павлова О.С., Мамонтова О.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
pavlova@mgppu.ru, rjn24@mail.ru

Красоту окружающего мира человек познает через цвет. Тема изучения природы цвета и его влияния на людей не потеряла актуальности со времён исследований Леонардо да Винчи. В работах Сепира-Уорфа рассматривался вопрос о влиянии цветообозначений на восприятие носителей языка. Ученые выделяют три периода истории изучения цветообозначений с точки зрения психолингвистики: релятивистский, универсалистский и современный. Ученые делают вывод о том, что хотя «восприятие и категоризация цвета – это одна из самых развитых областей, входящих в проблематику лингвистической относительности» [1, с. 308], однако и в настоящее время в этой области ведутся научные споры.

Учеными различных областей науки доказаны происхождение световых волн, физиологическое и психологическое воздействие цвета, связь цветовой картины мира с историческим и культурным прошлым. Однако нам не удалось обнаружить научных исследований, в которых определяется связь цветовых предпочтений с ценностными ориентациями этноса.

Целью настоящей работы было определение связей между цветовыми ассоциациями ценностных ориентаций представителей четырёх национальностей, проживающих на территории России (русских, татар, ингушей и чеченцев).

В ходе исследования также был проведен ассоциативный эксперимент по определению семантического значения цветов. В задачу данного эксперимента входило определение наиболее частых ассоциаций и эмоционального отношения к таким цветам, как: белый, чёрный, синий, красный и зелёный.

Дополнительно ставилась задача определения широты национальной лексики респондентов с помощью ответа на вопрос о перечислении наименований цветов на родном языке.

В этнопсихологическом исследовании приняли участие 131 человек в возрасте от 21-го до 83-х лет, из них: 38 русских, 37 ингушей, 28 татар, 28 чеченцев. Из общего количества респондентов, 32 человека исповедуют христианство, 89 – ислам, 10 человек – атеисты.

По результатам исследования был проведен сравнительный анализ ранговых оценок ценностей и их цветовых ассоциаций среди респондентов каждой этнической и религиозной, а также пар «русские-ингуши», «татары-чеченцы». Определены основные ценности и цвета, характерные для каждой из указанных групп, сформулированы причинно-следственные связи ассоциативных рядов.

Анализ семантических значений цветов проводился в каждой этнической группе. Результатом обработки ответов стало выделение наиболее часто встречающихся ассоциаций в каждой из групп, определение общего эмоционального радикала для каждого из цвета.

Анализ семантики цветовой лексики позволил определить широту цветовой культуры каждой из опрашиваемых этнических групп.

Литература

1. *Бородай С. Ю.* Язык и познание: Введение в пострелятивизм / отв. Ред. В.А. Лекторский, А. В. Смирнов. М.: ООО «Садра»: Издательский Дом ЯСК, 2020. 800 с.
2. *Сафуанова О.В.* Формы репрезентации цвета в субъективном опыте: Дисс. канд. психол. наук. М., 1994.

Изучение отношения к семье и браку в культуре с помощью языковой картины мира (на примере египтян)

Павлова О.С., Салех Ю.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
pavlovaos@mgppu.ru, yuliasaleh@yandex.ru

В настоящее время изучение специфики языкового сознания представителей различных культур находится в центре

этнопсихолингвистических исследований. Являясь частью психической реальности человека, языковая картина мира также рассматривается как важнейший контекст его деятельности [1].

Язык является важнейшим элементом в структуре различных идентичностей личности: этнической, религиозной, гражданской, региональной и многих других [2; 3]. В гуманитарной парадигме язык определяется в качестве одного из ведущих признаков этноса. Формируясь в сознании определенного социума, языковая картина мира сообщества, как совокупность представлений о мире, находит свое отражение в языке.

Изучение языковой картины мира открывает доступ к познанию важнейших социально-психологических особенностей представителей той или иной культуры, таких как ценностные ориентации, установки, базовые концепты и многое другое.

Также важен анализ языковой картины мира с практической стороны как фактор повышения успешности в межкультурной коммуникации в современных условиях. Изучение языковой картины мира повышает возможность понять собеседника правильно, что способствует диалогу культур.

Проведенное нами исследование было нацелено на изучение и описание национально-культурной специфики картины мира египтян, отраженной в языке.

Исследование проводилось на арабском языке с участием 40 человек, являющихся носителями египетского диалекта арабского языка. Исследованием было охвачено 40 человек в возрасте от 19 до 60 лет, 20 мужчин и 20 женщин. Использована методика свободного ассоциативного эксперимента, результаты применения которой позволили составить представление о глубинных связях слов, существующих в сознании носителей египетского диалекта, способствовало выявлению особенностей восприятия семьи и брака в данной культуре.

Анализ полученных результатов позволил сделать выводы о том, что такие концепты, как «семья» и «брак» занимают чрезвычайно важное место в языковом сознании данной группы информантов, видятся первостепенной ценностью, тесно ассоциируются с религией, традициями и определенными обрядами, сопровождающими вступление в брак, рождение детей и т.д. В сознании египтян семья представлена большой семейной группой, объединенной родственными связями. Родственные связи, в свою очередь, также ассоциативно связаны с браком, что указывает на существующую в Египте практику эндогамного брака. В египетском мировоззрении дети являются основой брака, устоями семейного счастья и жизни, об

этом говорит наиболее частая ассоциация, даваемая респондентами на слово-стимул «потомство» – «великий дар». Такие концепты, как «развод» и «полигамный брак», вызывают негативные ассоциации и связываются в сознании носителей египетского диалекта с разрушением, несправедливостью, грехом.

Литература

1. *Калашиников В.Г.* Языковая картина мира как психологический контекст // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. №5-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-kartina-mira-kak-psihologicheskii-kontekst> (дата обращения: 04.04.2021).
2. *Павлова О.С.* Язык в структуре этнической и религиозной идентичности чеченцев и ингушей // Социальная психология и общество. 2014. Том 5. № 2. С. 27–49.
3. *Павлова О.С.* Язык как маркер этнической, гражданской и религиозной идентичности народов Северного Кавказа // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ответственный редактор: Г.Ф. Габдрахманова. 2014. С. 184-189.

Психологическое благополучие мужчин среднего возраста с разным брачным статусом

Панькова Е.В., Авдеева Н.Н.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

pankovalena88@gmail.com, nnavdeeva@mail.ru

Для современного российского общества характерны постоянные изменения в социально-экономической, демографической и политико-правовой сферах. Эти изменения оказывают влияние на брачный статус мужчин, переживающих процесс трансформации и модификации своих функций [3, с. 74].

С точки зрения психологического благополучия исследуются взаимоотношения между детьми и родителями, социально-психологические аспекты отцовства и самореализации личности в семейной сфере. Изучались социальные проблемы мужского одиночества, психологические условия сексуального благополучия

мужчин, особенности эмоционального состояния и психологическое благополучие мужчин пенсионного возраста, ценностные детерминанты психологического благополучия у мужчин в период ранней зрелости. Также были выявлены психологические условия сексуального благополучия мужчин в устойчивых супружеских парах и психологическое благополучие мужчин-отцов, имеющих детей раннего возраста [1, с. 91].

На данный момент недостаточно изученным остается психологическое благополучие мужчин среднего возраста с разным брачным статусом, что и стало предметом предпринятого нами исследования.

Проверялась следующая гипотеза: психологическое благополучие российских мужчин среднего возраста связано с их брачным статусом и в целом связано с их психоэмоциональным состоянием. Однако, характер этой связи различается в зависимости от брачного статуса мужчины и наличия детей. В эмпирическом исследовании приняли участие 68 мужчин в возрасте 31-45 лет (32 человека состоят в зарегистрированном браке, 22 человека состоят в незарегистрированном браке и 14 человек не состоят в отношениях).

При проведении эмпирического исследования использовались следующие методики: опросник «Шкала психологического благополучия» К. Рифф, Методика «Шкала удовлетворенности жизнью» (SWLS) Э. Динер, Методика самооценки эмоциональных состояний А. Уэссман и Д. Рикс.

Мужчины среднего возраста, состоящие в законном браке, более целостно и реалистично, чем мужчины среднего возраста, состоящие в незарегистрированном браке, смотрят на жизнь, что сочетается с открытостью их к новому опыту. Менее выдержанны, сдержанны, терпеливы, невозмутимы и терпимы мужчины среднего возраста, состоящие в законном браке. Мужчины среднего возраста, состоящие в незарегистрированном браке, чаще оценивают себя как темпераментных, энергичных, раскрепощенных, живых, подвижных и бойких, чем мужчины среднего возраста, состоящие в законном браке.

Наличие убеждений, придающих смысл жизни и ощущение того, что настоящее и прошлое осмысленны, характерно для мужчин среднего возраста, состоящих в незарегистрированном браке.

Полученные результаты подтверждают выдвинутые гипотезы:

- психологическое благополучие российских мужчин среднего возраста связано с их брачным статусом;
- психологическое благополучие российских мужчин среднего возраста в целом связано с их психоэмоциональным состоянием, но

характер этой связи различается в зависимости от брачного статуса мужчины и наличия детей.

В исследовании расширено предметное поле исследований психологического благополучия мужчин среднего возраста с разным брачным статусом; обобщены теоретические представления о психологическом благополучии мужчин среднего возраста; выделена и описана типология, отражающая особенности психологического благополучия мужчин среднего возраста разного брачного статуса.

Литература

1. *Егорова Н.Ю.* Институционализация отношений сожительства // дисс...канд. психол. наук. Нижний Новгород, 2014. 126 с.
2. *Каранетян Л.В.* Психологическая концепция эмоционально-личностного благополучия // дисс...доктора психол. наук, Екатеринбург, 2018. 494 с.
3. *Роджерс К.* Брак и его альтернативы. Этерна, 2012. 320 с.
4. *Черепухин Ю.М.* Семейные установки одиноких мужчин// Социологический журнал, 2015. № 1. С.159-165.

Групповая субъектность семьи на этапах становления и завершения ее жизненного цикла

Пашкова Я.А., Гайдар К.М.

*ФГБОУ ВО ВГУ, Воронеж, Россия
matvienkoa@yandex.ru, marlen_lora@mail.ru*

Изучение жизненного цикла семьи сохраняет актуальность в связи с изменениями, происходящими с институтом семьи. Перспективной представляется разработка этой проблемы с позиции субъектного подхода к группе. У любой семьи есть начало и конец, между которыми она проходит жизненный путь, состоящий из ряда этапов. На каждом из них могут быть выявлены особенности развития семьи как группового субъекта. И это имеет не только важное теоретическое значение для лучшего понимания семейной психологии, но и для практики психологического сопровождения семей, в котором многие из них остро нуждаются в современных условиях.

Жизненный цикл семьи начинается с решения двух людей создать эту особую малую группу, по мере развития она обычно перерастает в большую разновозрастную семейную систему и в конечном итоге

вновь становится группой из двух пожилых людей. По мере того, как семья проходит каждый этап, особенности ее групповой субъектности меняются.

Этап зарождения семьи наступает с брака двух взрослых и продолжается до рождения первого ребенка (основная цель этапа – формирование семейной системы, ее задач, норм, правил, ролевой иерархии и т.д.), тогда как этап завершения жизни семьи описывается как период с момента выхода супругов на пенсию и до смерти одного из них (его основная цель – перестройка системы отношений поколений в рамках расширенной семьи с учетом возрастных изменений) [2].

Мы считаем, что основными характеристиками субъектности молодой семьи являются:

- совместная активность. Определяется становлением и организацией ее разных видов: деятельности, общения, взаимоотношений и др., а также формированием единых мотивов и целей взаимодействия, выработкой единых норм и правил, накоплением знаний, умений и навыков поведения семьи как единого субъекта;

- формирование «Мы-концепции». Обусловлено зарождением психологического единства, включающего когнитивные (осмысленность новой супружеской реальности), эмоциональные (сочувствие и сопереживание друг другу) и волевые качества молодой семьи (реализация совместного волевого потенциала в преодолении трудностей), осознанием семейной структуры и иерархии, становлением контуров семейной идентичности.

На завершающем этапе существования семья обладает следующими характеристиками групповой субъектности:

- сформированная способность к рефлексии и саморефлексии. Выражается в осознании себя целостным субъектом в эмоциональном, волевом, интеллектуальном и поведенческом планах, самоанализе групповой жизнедеятельности с момента создания семьи, оценке достижения семейных целей);

- развитая групповая самоидентификация. Представляет собой осознание семьей своей самотождественности и отличий от других семей;

- совместная активность. Заключается в реализации различных форм совместных поведения, деятельности, познания, в том числе в передаче знаний, умений, навыков, правил и видов совместной активности следующим поколениям [1].

При сравнении особенностей групповой субъектности на этапах зарождения и завершения жизни семьи одинаковых тенденций не наблюдается.

Во-первых, у молодой семьи имеют место не все особенности групповой субъектности, присущие семье, завершающей свой жизненный цикл (в частности, отсутствует групповая саморефлексия и самоидентификация), а только некоторые виды совместной активности и ситуативное проявление психологического единства, выступающего частным случаем способности к саморефлексии.

Во-вторых, поскольку групповая саморефлексия молодой семьи еще не сформирована, она не способна, в отличие от стареющей семьи, к полноценному самоанализу жизнедеятельности, построению планов саморазвития и самосовершенствования.

В-третьих, начальный этап развития семейной группы характеризуется адаптацией ее членов друг к другу, обычно здесь преобладает позитивный эмоциональный фон супругов, присутствует уверенность в будущем, но слабое представление о том, как это будущее себе обеспечить. Стареющая семья хорошо понимает способы и средства поддержания своего единства, однако внешние факторы могут помешать ей сохранить его (болезнь и смерть одного из супругов), что обуславливает разноmodalную эмоциональную атмосферу в ней.

В-четвертых, развитие молодой семьи идет в направлении укрепления ее субъектных характеристик, в то время как стареющая семья или сохраняет сформированными эти характеристики, или постепенно теряет их.

В перспективе мы планируем эмпирически проследить динамику групповой субъектности семьи на разных этапах ее жизненного цикла. Выявленные субъектные характеристики будут служить индикаторами семейной диагностики.

Литература

1. *Гайдар К.М.* Социальная психология жизнедеятельности группового субъекта (на материале исследования молодежных учебных групп): Дис. ... д-ра психол. наук. Воронеж, 2013.
2. *Карабанова О.А.* Психология семейных отношений и основы семейного консультирования. М.: Гайдарики, 2004.

Экзистенциальная исполненность как фактор толерантности к неопределенности в юношеском возрасте

Пеленчук Л.О., Нестерова А.А.

ГОУ ВО МО МГОУ, Мытищи, Россия

neuronnaft@gmail.com, anesterova77@rambler.ru

В юношеском возрасте происходит пробуждение внутренних ресурсов для продуктивного решения кризисных ситуаций, преодоления различных трудностей и свершения новых задач. Но также есть вероятность того, что молодые люди будут фиксироваться на своих эмоциональных переживаниях по этому поводу, снижая уровень осмысления ситуации, что может привести к неэффективному выбору выхода из неё. Молодой человек может и вовсе избегать осмыслять кризисную ситуацию, убегая от отрицательных эмоций, порождаясь данной ситуацией, путём сбрасывания с себя ответственности и не выдерживая фрустрации в ситуации неопределенности.

Экзистенциальная рефлексия в юношеском возрасте рассматривается как сложный системный феномен, интегрирующий другие виды рефлексии на разных уровнях жизненного пространства (личностном, профессиональном, этническом, духовном), а также в различных измерениях жизненного времени (прошлом, настоящем и будущем) [1]. В этот период онтогенеза становится более важным осознанность, осмысленность жизни, экзистенциальные характеристики человека, так как именно они часто определяют качество жизни и адаптивность юного человека.

Понятие осмысленности в концепции А. Лэнгле раскрывается через понятие экзистенциальной исполненности. Экзистенция – это наполненная смыслом, воплощаемая свободно и ответственно жизнь в создаваемом человеком мире, с которым он находится в отношениях взаимовлияния и взаимодействия, а также противоборства. Экзистенциальная исполненность отражает присутствие осмысленного в жизни человека, как часто он живет с внутренним согласием, а его поступки и решения отражают его суть. Этот феномен отражает способность человека привносить что-то хорошее в свою жизнь, как он это понимает [3].

Толерантность к неопределенности – это тоже очень важная характеристика человека на пути его взросления и обретения зрелости. Большое количество теоретических и эмпирических изысканий сегодня делают упор на то, что присутствует негативное

влияние между толерантностью к неопределенности и аффектом, качеством принятия решения и адаптивностью [2; 5].

А.В. Карпов относит толерантность к неопределённости к интегральным способностям, которые располагаются между общими и специальными, включая в данную группу способности к целеполаганию, прогнозированию, принятию решений и самоконтролю [4]. Автор определяет толерантность к неопределенности как устойчивость к действию фактора неопределенности внешней и внутренней среды, которая является одним из основных профессионально важных качеств руководителя. Определяется сочетанием когнитивных способностей к снятию неопределенности и эмоциональной тенденцией к восприятию неопределенных ситуаций как, хотя и трудных, но не психотравмирующих» [4].

Нами была выдвинута гипотеза о взаимосвязи между толерантностью к неопределенности и экзистенциальной исполненностью юношей и девушек. Гипотеза была проверена на выборке 75 человек. В исследовании использовалась Шкала общей толерантности к неопределенности Д. МакЛейна (адаптация Е.Г. Луковицкой) и Шкала экзистенции А. Лэнгле, К. Орглер (адаптация И.Н. Майниной).

В процессе исследования было установлено, что чем выше толерантность к неопределенности, тем выше такие характеристики личности, как самодистанцирование, самотрансценденция, свобода, ответственность. Люди с высокими показателями самодистанцирования способны отойти «в сторону» от происходящего и оценить ситуацию с точки зрения наблюдателя. При этом их аффективная составляющая становится более контролируемой, а когнитивный компонент выходит на передний план за счет способности к анализу сложившейся ситуации. Данная способность помогает в преодолении кризисных и непредвиденных ситуаций. Человек не застревает в них под лавиной эмоций, а может выстраивать общую схему происходящего и, исходя из этого, формировать план действий по преодолению сложившейся ситуации.

Молодые люди с высокими показателями самотрансценденции более глубоко чувствуют смысловые и ценностно-мотивационные основы своих действий и поступков. Они становятся ближе к окружающему их миру, людям и вещам в нем, воспринимая их глубже и отчетливее. С одной стороны, эти люди в кризисных ситуациях и ситуациях неопределенности склонны прислушиваться к себе, более четко улавливают внутренние предпосылки своих действий, следуют

своему собственному плану и реализуют свои действия в соответствии с собственными смыслами и мотивами. С другой стороны, они более детально воспринимают окружающую действительность, наполненную смыслами и символами, отталкиваясь от которых, человек лавирует в непростой ситуации, в которой ему пришлось оказаться.

Юноши и девушки с высокими показателями свободы демонстрируют способность поступать в кризисных ситуациях и ситуациях неопределенности взвешенно и прорабатывать свои действия в соответствии с иерархией своих мотивов и ценностей. Реализуя сформированный план действий, основанный на собственных предпосылках, человек получает возможность почувствовать себя свободным в данной реализации своих ценностей и мотивов. Люди с высокими показателями ответственности способны доводить свое решение до конца, что является, в какой-то мере, проявлением свободы. Такие люди будут проходить ситуации неопределенности и кризисные ситуации более уверенно и целеустремленно, не застревая в них. Движение к собственным целям и решение поставленных задач способствует продуктивному и четкому прохождению трудных ситуаций.

Литература

1. *Гринева О.М.* Психологические аспекты экзистенциального развития личности в юношеском возрасте //The unity of science: international scientific periodical journal. Издательство: Европейская ассоциация педагогов и психологов “Science” 2016. С. 72-75.
2. *Зайцева И.Б.* Изучение различных аспектов фактора толерантности к неопределенности // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2020. №1 (39). С. 159-165.
3. *Лэнгле А.* Воплощенная экзистенция. Развитие, применение и концепты экзистенциального анализа. Материалы для психотерапии, консультирования и коучинга. Харьков: Гуманитарный Центр, 2019. 462 с.
4. *Карпов А.В.* Психология менеджмента: Учеб. пособие. М.: Гардарики, 2005. 584 с.
5. *Hillen M.A., Gutheil C.M., Strout T.D., Smets E.M.A., Han P.K.J.* Tolerance of uncertainty: Conceptual analysis, integrative model, and implications for healthcare // Social Science & Medicine. 2017. С.1-29.

Crisis of covid-19: breakdowns and transformations of humans' trajectories in uncertain times

Pelletier P.^{1,2}, McLaughlin C.², Duteil-Mougel C.², Boespflug M.³, Lefort C.⁴

¹University of Paris, Laboratory of Social Psychology, Paris, France;

²University of Limoges, Research Center for Semiotics, Limoges, France;

³University of Poitiers, Research Center for Management, Poitiers, France;

⁴University of Limoges, CNRS UMR 7252, Xlim Research Institute,

Limoges, France

petra.pelletier@gmail.com, petra.pelletier@parisdescartes.fr,

petra.pelletier@unilim.fr

Funding: This research was conducted as a part of research program CoviZion, AMI FLASH Recherche et Innovations COVID of Nouvelle-Aquitaine, France.

Large-scale societal threats, such as the COVID-19 Coronavirus pandemic, are leading to the rupture of continuity between humans' usual expectations and the reality that became suddenly unpredictable and uncertain [5]. The SARS-CoV2 virus causing the Coronavirus disease remains invisible to laymen and these extraordinary circumstances tend to elicit a range of adaptive responses that allow laymen's adjustment to the collective upheaval. In line with the existentialists' assumptions [6] humans are innate meaning makers, therefore constructing the situational meaning allows them to overcome the overwhelming circumstances of the sanitary COVID-19 crisis. Indeed, meaningmaking remains central to humans' recovery from individual and collective traumas [4] wherein people tend to expand effort to reconstruct the current reality, live with uncertainty and project themselves towards a promising future.

The methodology of the current research has been adapted from qualitative field studies conducted in irradiated areas of Chernobyl in Ukraine where Chernobyl Nuclear Power Plant reactor exploded on April 26, 1986 [1]. In Chernobyl area, the radioactivity levels of invisible contamination with caesium-137 were dozen times higher than average which made the irradiated areas uninhabitable for next hundreds of years. The injured population has been obliged to live with uncertainty related to the current and future consequences for their health, deal with anxiety and reconstruct the meaning of the unprecedented nuclear accident. As the original study, the current research conducted within French context aimed to seize the specificities of breakdowns and transformations of humans'

trajectories in uncertain times, during the COVID-19 pandemic lockdown due to the invisible virus SARSCoV-2. The participants (N = 784), aged from 18 to 30 years, were asked to write an online essay about their ideas and feelings on the topic “Me: yesterday, today and tomorrow” describing their daily trajectories during the COVID-19 pandemic lockdown in 2020.

The automatized data analyses were conducted with software IRaMuTeQ version 0.7 alpha 2, and completed with semiotic analysis. The main results represented in Figure 1. demonstrated that the initial 2519 text forms are structured in 11 discourse clusters, wherein the main cluster is centered around the noun “Life” (vie). The multivariate technique of factorial correspondence analysis demonstrated 4 main discourse categories: Life change when the pandemic will end (28.84%), change, χ^2 (164, N = 102) = 108.93, $p < .001$; Confidence in information and public policies (25.93%), information, χ^2 (18, N = 17) = 44.91, $p < .001$; Enjoy time with family and friends (24.92%), enjoyment, χ^2 (82, N = 50) = 62.77, $p < .001$; Stress related to remote work and courses (20.31%), distance, χ^2 (35, N = 27) = 69.31, $p < .001$.

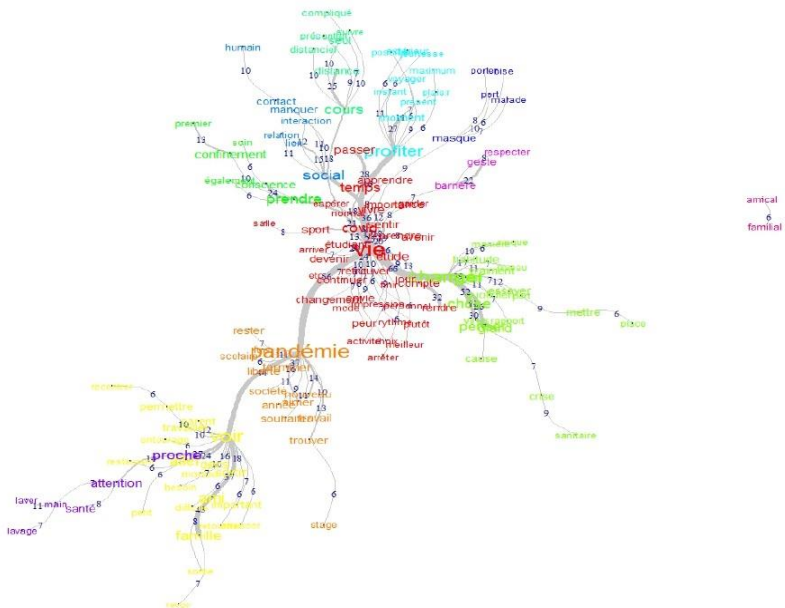

Figure 1. Graph of similarity analysis with the size of verbatims proportional to their frequency and the size of vertices proportional to the co-occurrence of verbatim.

The main results demonstrate that laymen express primarily a need for positive change in their lives when the COVID-19 pandemic will end. These results that are tainted by laymen's hope in promising future in uncertain times during the COVID-19 pandemic lockdown highlight the complementarity of global emotional orientations of fear and hope that transcend our societies [3]. A thorough analysis of these changes with dynamic model allows to make an evolving diagnosis of different stages [2] laymen are crossing nowadays, face-to-face with an invisible virus. Furthermore, hard sciences researchers are striving towards protocols that allow imaging the SARS-CoV-2 virion of 120 nm in diameter. These efforts that are crucial for identifying the precise biological representation of the SARS-CoV-2 virus and its infectious process might contribute to alleviate laymen's distress due to the currently invisible enemy.

References

1. *Abbott P., Wallace C. & Beck M.* Chernobyl: Living with risk and uncertainty. *Health Risk & Society*, 2006. 8(2). P. 105-121. doi: 10.1080/13698570600677167
2. *Bareil C.* Modèle diagnostique des phases de préoccupations : une approche utile dans la gestion du changement. [Diagnostic Model of the Concerns Phases: A Useful Approach in Managing Change]. *Interactions*, 1999. 3(1-2). P. 169-181.
3. *Jarymowicz M., & Bar-Tal D.* The dominance of fear over hope in the life of individuals and collectives. *European Journal of Social Psychology*, 2006. 36(3). P. 367-392. doi:10.1002/ejsp.302
4. *Park C.L.* Meaning making in the context of disasters. *Journal of Clinical Psychology*, 2016. 72(12). P. 1234-1246. <https://doi.org/10.1002/jclp.22270>
5. *Pelletier P., & Drozda-Senkowska E.* Meaning-Making and Rumour-Mongering in the Shadow of Terrorism: The Case of the Charlie Hebdo Attack in Paris. *Journal of Social and Political Psychology*, 2009. 7(2). P. 790-809. <https://doi.org/10.5964/jspp.v7i2.1127>
6. *Yalom I.* *Existential psychotherapy*. 1980. New York: Basic Books.

Особенности политического дискурса (на примере анализа текстов СМИ в период подготовки к выборам в Московскую городскую думу)

*Пенькова В.Н., Палагина А.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, ГК ФСК, Москва, Россия
Vika251267@yandex.ru, palaginanna@yandex.ru*

В последние десятилетия СМИ превратились в полноценного участника социально-политического процесса с огромным потенциалом психологического воздействия на аудиторию, особенно в предвыборный период: логика изложения событий и их оценка, расставленные акценты, способы подачи и тональность информации во многом определяют мнения и предпочтения электората, а значит, и перспективу политиков завоевать доверие людей и быть избранными [2; 3].

С целью выявления психологических особенностей предвыборного дискурса нами было проведено эмпирическое исследование доминантных коммуникативных стратегий и тактик, применяемых СМИ в период выборов в Мосгордуму 2019 года.

Основным методом исследования был выбран контент-анализ. В качестве категорий и субкатегорий контент-анализа выступили ведущие стратегии и тактики политического дискурса, выявленные в результате анализа лингвистических исследований, посвященных политической коммуникации.

Изучение коммуникативных стратегий предвыборного дискурса было построено на сравнительном анализе 638 публикаций двух отличающихся по идеологической направленности СМИ: интернет-издания «Медуза» и «Российской газеты». «Медуза» позиционирует себя как независимое средство массовой информации, в то время как «Российская газета» имеет статус государственного издания.

Анализ предвыборных текстов интернет-издания «Медуза» с помощью классификации О.Л. Михалевой [1] позволил выделить в них несколько крупных новостных блоков:

- недопуск независимых кандидатов к участию в выборах;
- аресты и обыски у независимых кандидатов и их сторонников;
- протестная активность: хроника, поддержка несистемной оппозиции со стороны населения и деятелей культуры;
- массовые задержания участников несогласованных и согласованных властями акций: аресты, административные и уголовные сроки, истории фигурантов «московского дела»;

- действия мэрии, избирательных комитетов и силовых структур: борьба с несистемной оппозицией, предвзятая система голосования, жесткие действия полиции.

В предвыборном дискурсе «Российской газеты» выявлены следующие блоки:

- слаженная и объективная работа московского избиркома и ЦИК, их готовность в законном порядке рассмотреть жалобы не допущенных к выборам оппозиционеров;
- статистика и сведения о зарегистрированных на выборы кандидатах;
- протестная активность и действия оппозиции: фальсификации подписей, несоблюдение формальных предвыборных процедур, малочисленность сторонников, предупреждения о незаконности несанкционированных митингов;
- тестирование новой системы электронного голосования и ее положительная презентация;
- выборы: подготовка, явка, информация о прошедших проверку кандидатах и их деятельности.

При изложении перечисленных новостных блоков в текстах обоих СМИ обнаружено использование следующих коммуникативных стратегий (Таблица 1).

Таблица 1.

Количество примеров применения коммуникативных стратегий в текстах СМИ (июль-сентябрь 2019 г.).

	«Медуза»	«Российская газета»
Стратегия на понижение (направленность на развенчание позиций оппонента)	70%	42%
Стратегия театральности (стремление произвести впечатление за счет эмоционально окрашенных образов)	25%	26%
Стратегия на повышение (намерение максимально повысить значимость собственного статуса)	8%	27%

Результаты эмпирического исследования позволили прийти к следующим выводам.

1. В июле и августе 2019 года политические события, связанные с выборами в Московскую городскую думу, более активно освещались «Медузой», о чем свидетельствует динамика публикаций – 400 статей против 143 публикаций в «Российской газете». В сентябре активность

этих источников существенно различается: наблюдается сравнительно резкое падение интереса к выборам со стороны «Медузы» и, напротив, интенсивное освещение «Российской газетой» как событий последней недели перед выборами, так и Единого дня голосования.

2. Тематика новостных блоков «Медузы» и «Российской газеты» практически одинакова и касается недопуска части самовыдвиженцев на выборы, протестной активности, действий избиркомов, мэрии, полиции, прокуратуры, внедрения новой системы электронного голосования. Однако одни и те же события освещаются под разным углом зрения.

3. Преобладающей в предвыборном дискурсе обоих СМИ является стратегия на понижение. В большинстве случаев она реализуется посредством тактики обвинения. Предметом критики в текстах «Медузы» выступает позиция избирательных комитетов, мэрии, полиции и «провластных кандидатов», в то время как материалы «Российской газеты» дискредитируют несистемных оппозиционеров, подчеркивая провокационность их действий, намерение дестабилизировать ситуацию в городе и факты фальсификации подписей избирателей.

4. С помощью тактик обличения и развенчания притязаний, в «Медузе», как правило, изобличаются факты коррупционных действий «единороссов» и сотрудников Московского избиркома, а также попытки мэрии отвлечь внимание людей от протестов. в «Российской газете» делается акцент на фальсификации подписей и пренебрежении формальными процедурами по регистрации на выборы. В материалах «Медузы» прослеживаются тактики оскорбления и угрозы, которые не встречаются в текстах «Российской газеты».

5. Стратегия на повышение чаще используется авторами «Российской газеты». Основной в данном случае является тактика презентации, за счет которой повышается имидж властных структур, силовых ведомств, системы электронного голосования и кандидатов, сумевших собрать необходимое число подписей. Для предвыборного дискурса «Российской газеты» также характерна тактика отвода критики.

6. Стратегия театральности в равной степени присутствует в публикациях «Медузы» и «Российской газеты». Наиболее часто она реализуется посредством тактики информирования. Также в материалах «Медузы» и «Российской газеты» встречаются тактики побуждения (прийти на выборы, поддержать или не поддержать определенных кандидатов), размежевания, обещания, прогнозирования.

7. Публикации «Медузы», как правило, имеют яркую визуализацию, а материалы преподносятся в разных форматах – новостей, заметок, интервью, расследований, событийных хроник, фотопроектов, игр и акций. Жанровая палитра «Российской газеты» более сдержанна: в ней преобладают новостные сообщения и интервью.

Литература

1. Михалева О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия. Иркутск, 2005.
2. Пенькова В.Н., Палагина А.А. Анализ социально-психологических подходов к изучению политических образов и представлений // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти М.Ю. Кондратьева. Москва, 2020. С. 437-441.
3. Пенькова В.Н., Палагина А.А. Символическая репрезентация выборов в сознании молодежи // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы III Ежегодной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева. Москва, 2018. С. 69-73.

Психологические особенности восприятия молодежью политических лидеров

*Петрова Е.А., Миллер М.А.
РГСУ, Москва, Россия
milena1miller@gmail.com*

Актуальность проблемы восприятия молодежью политических лидеров обусловлена тем, что психологические особенности такого восприятия позволяют проводить массовые манипуляции сознанием молодых людей. В современных условиях развития таких каналов информации как блогосфера, социальные сети, мобильные приложения для чатов возникает серьезный риск манипуляций сознанием молодежи, которые очень тонко рассчитаны на психологические особенности данной части общества. Примеров таких манипуляций в современной политике достаточно: избирательная кампания Д. Трампа в США; митинги в защиту А.

Навального в России, популизм Майдана в Украине, выборы в местные парламенты в Испании, популизм на парламентских выборах в Швеции и т.п.

Историография темы достаточно обширна. В частности, в отечественной политической психологии следует выделить работы таких авторов, как: Ю.В. Баджанова [1], Е.Б. Марин [2], Ю.Г. Миронова [3], Селезнева, И.С. Палитай [4], В.С. Собкин, М.А. Мнацаканян [5].

В зарубежной историографии интерес вызывают эмпирические исследования сравнительного характера, представленные работами таких авторов, как: М. Адоржан, Р. Риччиарделли, Д. Спенсер [6], С. Диздароглу [7], К.Л. Хойт, Б.Х. Де Шилдс [8]. А.У. Мурчиано, П.Т. Финсиас, С.С. Гонсалес [9], Б.В. Рапп [10].

При этом целый ряд исследований эмпирического характера показывает, что молодежь воспринимает политических лидеров не критически. Анализ научной литературы по теме исследования подтверждает данный тезис. В частности, в своей статье В.С. Собкин В.С., М.А. Мнацаканян приводят следующие результаты эмпирического исследования: «нравственный и интеллектуальный аспект при восприятии политических лидеров оказывается практически не значимым: сегодня при восприятии политика молодежь отдает приоритет силовым качествам и способностям, обеспечивающим возможность социального манипулирования» [5, с. 58].

Среди психологических особенностей восприятия молодежью политических лидеров на современном этапе исследователи выделяют следующие основные критерии восприятия:

- 1) восприятие информации о политических лидерах в Интернет;
- 2) психологическая зависимость от информации о лидерах в социальных сетях;
- 3) радикализм восприятия с опорой на конкретные личностные характеристики лидера, а не на его политическую программу;
- 4) отсутствие четкого представления о том, что такое политическое лидерство и чем оно отличается от шоу-бизнеса;
- 5) восприятие политики как игры;
- 6) отсутствие реального интереса к политическим заслугам или неудачам лидера;
- 7) ситуационное восприятие лидера в рамках конкретной «истории» СМИ;
- 8) персонализированное восприятие политических лидеров;
- 9) непонимание того, чем политическое лидерство отличается от блогосферы.

В целом, большинство исследователей отмечают крайне низкий когнитивный уровень восприятия по сравнению с высоким эмоциональным восприятием политического лидерства. В свете перечисленных особенностей, необходимо проведение более полного мониторинга молодежного восприятия политического лидерства как политического института в целом и конкретных политических образов в частности.

Литература

1. *Бажданова Ю.В.* Социально-психологические особенности восприятия образа лидера учащейся молодежью // Психолог. 2018. № 4. С.8-17.
2. *Марин Е.Б.* Образы российских политических лидеров в представлении молодёжи: семантическая реконструкция // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 2. С. 82-105.
3. *Миронова Ю.Г.* Образ политического лидера в оценках студенческой молодежи (на примере студентов АГУ) // Элиты и лидеры: стратегии формирования в современном университете. Материалы Международного конгресса. 2017. С. 232-235.
4. *Селезнева А.В., Палитай И.С.* Восприятие своей страны российской молодежью: ценностно-символический и политико-культурный аспекты // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10. № 2. С. 123-135.
5. *Собкин В.С., Мнацаканян М.А.* Особенности восприятия студенческой молодежью современных политических лидеров России // Экспериментальные исследования. 2015. № 2. С. 46-63.
6. *Adorjan M., Ricciardelli R., Spencer D.* Youth perceptions of police in rural Atlantic Canada. *Police Practice and Research*. 2017. Vol. 18(6). P. 1-14.
7. *Dizdaroglu C.* Moving Beyond Soliloquy: Youth Perceptions on Politics, Peace and Inter-Communal Contacts. Edition: Peace and Security/Publisher: Friedrich Ebert Stiftung and PRIO Cyprus Centre. 2021. Vol.1. P. 34-42.
8. *Hoyt C.L., De Shields B.H.* How Social-Class Background Influences Perceptions of Political Leaders. *Political Psychology*. 2020. Vol. 4. P. 28-37.
9. *Murciano Hueso A., Torrijos Fincias P., Serrate González S.* Youth Perception of Connectivity: Times and Uses. Conference:

TEEM'20: Eighth International Conference on Technological Ecosystems for Enhancing Multiculturality. 2020. Vol. 6. P. 65-72.

10. *Rapp B.W., Patitucci F.M.* Political Leaders. Chapter in the book: *Managing Local Government for Improved Performance.* 2019. P.35-57.

Личностные черты и мотивация лидерства

Е.Б. Петрушихина

ФГБОУ ВО РГГУ, Москва, Россия

elenapetr1902@gmail.com

Исследование мотивации лидерства имеет большое теоретическое и практическое значение. Длительное время основополагающими в этом плане были работы Д. МакКлееланда, выявившего мотивационный профиль эффективного руководителя. Как показали исследования, эффективные руководители характеризуются сильно развитой потребностью во власти, умеренно высокой потребностью в достижении и слабым стремлением к аффилиации [2].

В 2001 году К.Чан и Ф. Драсгоу предложили новую модель мотивации, включающую три компонента. Это аффективная мотивация, социально-нормативная мотивация и некалькулируемая мотивация.

Аффективная мотивация предполагает получение удовольствия от лидирования, руководства: люди могут реализовать лидерскую роль просто потому, что им это нравится. Социально-нормативная мотивация основана на чувстве долга и ответственности – в этом случае лидерство осуществляется в силу его важности и необходимости. Третий компонент может быть обозначен как некалькулируемая или нерасчетливая мотивация. Поскольку исполнение лидерской роли сопряжено со значительными издержками, с большей вероятностью в качестве лидеров будут выступать те члены группы, которые мало озабочены соотношением затрат и выгод, связанных с лидерством. Иными словами, чем менее расчетлив человек в вопросах лидерства, тем менее он хотел бы избегать лидерских ролей [4].

Для измерения мотивации лидерства авторами был разработан 27-пунктовый опросник, апробированный на выборке сингапурских и американских студентов, а также сингапурских военнослужащих.

Большое внимание К. Чан и Ф. Драсгоу уделили изучению предпосылок формирования мотивации лидерства, в частности, личностным чертам, концептуализируемым в рамках модели Большой Пятерки.

Так, оказалось, что экстраверсия непосредственно связана с аффективной мотивацией. В то же время открытость опыту влияет на аффективный компонент мотивации опосредованно, через лидерскую самооффективность.

Некалькулируемая мотивация в значительной степени определяется доброжелательностью и эмоциональной стабильностью.

Социально-нормативная МТЛ свойственна индивидам с высокими показателями доброжелательности и добросовестности.

В отечественной литературе не опубликованы работы, выполненные с опорой на трехкомпонентную модель мотивации лидерства. Однако крупные консалтинговые компании в России проводят оценку персонала, основываясь на подходе К. Чана и Ф. Драсгоу [3].

Исходя из вышесказанного, нами была сформулирована цель исследования – выявить связь между личностными чертами и различными компонентами мотивации лидерства.

Выборку составили 60 студентов юридических направлений, обучающихся в вузах Москвы, Ижевска, Ярославля, Махачкалы и Казани, из них 15 девушек, 45 юношей, средний возраст респондентов – 20,5 лет. Сбор данных осуществлялся через Google Form.

Мотивация лидерства выявлялась посредством опросника К. Чана и Ф. Драсгоу [4].

Личностные черты определялись при помощи короткого портретного опросника Большой Пятерки [1].

Корреляционный анализ по методу Пирсона показал, что теснее всего с личностными характеристиками связан аффективный компонент мотивации лидерства – все личностные черты за исключением добросовестности обнаружили значимые корреляции с изучаемым параметром. Иными словами, нравится лидировать людям общительным, доброжелательным, эмоционально стабильным, открытым к изменениям и преобразованиям.

Социально-нормативная мотивация лидерства обусловлена в целом такими же чертами, только связь нейротизма и мотивации не достигает значимого уровня.

Некалькулируемая мотивация лидерства оказалось связанной лишь с доброжелательностью.

Полученные результаты совпадают с данными К. Чана и Ф. Драсгоу частично: в их исследованиях доброжелательность связана с

двумя компонентами мотивации, в нашем – с тремя. Сходные зависимости обнаружены для аффективной мотивации и личностных особенностей. Несколько неожиданным оказался факт отсутствия корреляций сознательности, добросовестности и мотивации лидерства, что не согласуется с имеющимися данными. Можно объяснить это недостаточной и специфичной выборкой. По указанной личностной черте у респондентов были зафиксированы весьма высокие оценки при их небольшом разбросе, вследствие чего корреляционные связи и не могли быть обнаружены.

Думается, целесообразно продолжить исследования на более широкой выборке и, возможно, с использованием иных личностных опросников для получения достоверных данных. Это позволит не только более глубоко понять процессы развития лидерства, но и сформулировать практические рекомендации по отбору и обучению персонала.

Литература

1. *Егорова М.С., Паршикова О.В.* Психометрические характеристики Короткого портретного опросника Большой пятерки (Б5-10). Психологические исследования, 2016, 9(45), 9. <http://psystudy.ru>
2. *Кричевский П.Л.* Психология лидерства. М., 2007.
3. *Лурье Е.В., Попов А.Ю.* Potential in focus (PIF): комплексный тест оценки потенциала в организационном контексте // Современная психодиагностика России. Преодоление кризиса: сборник материалов III Всероссийской конференции. Челябинск. 2015. Т.1. С. 192-199.
4. *Chan, K. Y., & Drasgow, F.* (2001). Toward a theory of individual differences and leadership: understanding the motivation to lead. *Journal of Applied Psychology*, 86(3), 481-498.

Взаимосвязь осознанности личности и стрессоустойчивости в профессиональной сфере

Пилипенко Е.А.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
lenentsiya@gmail.com*

Современный мир стремительно меняется, скорость передачи информации увеличивается и вместе с этим растут вызовы к человеку - профессиональные и личностные. Интерес к исследованиям

профессионального стресса растет в первую очередь из-за усугубления неблагоприятного воздействия профессиональной деятельности на психологическое и физическое состояние сотрудников, которое, в свою очередь, влияет на их производительность, эффективность и качество работы.

В течение последних десятилетий в научной литературе отмечается устойчивый рост числа работ, посвященных разработке концепции осознанности. Наше исследование позволяет расширить представление о взаимосвязи осознанности личности и стрессоустойчивости в профессиональной сфере.

Анализ литературы по проблеме стрессоустойчивости показывает, что незначительные воздействия не вызывают развитие стресса, он возникает только в случае, если воздействия оказываются выше обычных приспособительных возможностей человека. Профессиональный стресс – это неспособность справиться с давлением на работе [3].

Исследователи выделяют положительный и отрицательный стресс [1]. Стресс, достигший минимально эффективного уровня, влияет на продуктивность, происходят изменения в физическом самочувствии и психическом состоянии: тело становится бодрым и сильным, внимание острым, повышается ясность и концентрация. Однако после определенного уровня стресс начинает приводить к множеству побочных эффектов, таких как нарушения внимания, апатия, депрессивные и тревожные состояния, снижение интереса к профессиональной деятельности, нарушения пищевого поведения, злоупотребление алкоголем и т.д.

Можно констатировать, что удержание стресса на положительном уровне важно для успешной профессиональной практики. Способствовать этому, по нашему мнению, может развитие осознанности у сотрудников: возможность замечать на ранних этапах возникновение перенапряжения (за счет развития чувствительности и внимательности к сигналам тела и развития самосострадания), возможность преобразовывать негативный стресс в позитивный (за счет способности действовать в соответствии с личными целями, зная свои реакции и уметь не поддаваться им импульсивно).

Высокий уровень осознанности личности характеризуется способностью намеренно направлять внимание на переживания и внешние события, удерживать внимание на том, что выбрано; наличием точных когнитивных представлений о ситуации [2]. В свою очередь в исследованиях отражено, что более точные когнитивные представления о реальности способствуют большей психологической устойчивости, из чего можно сделать вывод о возможном

благоприятном влиянии осознанности личности на стрессоустойчивость.

Важным компонентом осознанности называется возможность занимать метапозицию по отношению к тому, что человек замечает, наблюдает, чувственно проживает, к тому, о чем думает и какие образы возникают при этом. Мысли при таком подходе воспринимаются как ментальные события, не дающие точное представление о реальности. Этот процесс некоторые авторы также называют когнитивной гибкостью или децентрацией [6]. Предполагается, что такое отношение увеличивает способность человека к совладанию с негативными переживаниями, возможность обращаться к альтернативным аспектам опыта, отказываться от негативной оценки и излишней концептуализации нейтральных событий, возможность отвечать на негативные стимулы большим количеством ответов.

Важно отметить, что стрессорами могут быть не только реальные, но и надуманные психические раздражители, относящиеся к оценке ситуации, к предполагаемым, вероятностным событиям [4]. Иногда мысль о неблагоприятном событии вызывает вегетативные реакции сильнее, чем само это событие. Способность человека осознавать то, что внутренняя картина является субъективной, рассматривается исследователями как средство совладания с психологическим стрессом и сильными, захватывающими эмоциями. Такая способность повышает стрессоустойчивость в отличие от деструктивных стратегий совладания, таких как, например, избегание, подавление, излишнее внимание к вегетативным проявлениям, переживаниям, мыслям [7].

Хотя перечисленные стратегии и не являются продуктивными, они быстро закрепляются и автоматизируются, т.к. подкрепляются определенными убеждениями. В этой ситуации осознанность помогает увидеть подобные реакции и привычки реагирования и разомкнуть круг подкрепления этих дисфункциональных стереотипных реакций. Таким образом в исследованиях показано как работа с психологическим стрессом может происходить через сосредоточение на том, что происходит в данный момент, воспринимается человеком внутри и вокруг [5].

По итогам проведенного теоретического анализа научных источников была выявлена взаимосвязь уровня осознанности личности и стрессоустойчивости. Нам видится в обозначенных направлениях ресурс для дальнейшего исследования, позволяющего выделить особенности данной взаимосвязи и разработать мероприятия, способствующие развитию стрессоустойчивости

сотрудников компаний, что и является целью нашей будущей исследовательской работы.

Литература

1. *Бодров, В.А.* Психологический стресс: развитие и преодоление / В.А. Бодров. М.: ПЕР СЭ, 2006.
2. *Пуговкина О.Д., Шильникова З.Н.* Концепция mindfulness (осознанность): неспецифический фактор психологического благополучия [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2014. Т. 3. № 2.
3. *Солдатов С.В.* Особенности устойчивости к профессиональному стрессу // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 2. С. 23-31.
4. *Судаков К.В.* Индивидуальная устойчивость к стрессу. М., 1998.
5. *Clinical handbook of mindfulness / Didonna F. (Ed.).* New York: Springer, 2009.
6. *Mindfulness and reduced cognitive reactivity to sad mood: Evidence from a correlational study and a non-randomized waiting list controlled study / Raes F., Dewulf D., Van Heeringen C., Williams J.* // Behaviour Research and Therapy. 2009. Vol. 47.
7. *Nolen-Hoeksema S.* The role of rumination in depressive disorders and mixed anxiety/depressive symptoms // Journal of Abnormal Psychology. 2000. Vol. 109.

Этнические интергрупповые аттитюды, измеренные сублиминальным оценочным праймингом на разных SOA

Плотка И.Д., Блюменау Н.Ф.

*Балтийская Международная Академия, Рига, Латвия
irinaplotka@inbox.lv, nina.blum@gmail.com*

Аттитюд понимается как обобщенная оценочная информация об объекте аттитюда. Процесс актуализации аттитюдов может быть осознанным, контролируемым или, напротив, спонтанным, неосознанным, автоматическим. В первом случае речь идет об эксплицитных аттитюдах, во втором – об имплицитных. Имплицитные аттитюды – это оценочные тенденции, которые могут влиять на суждения и поведение, несмотря на то, что субъект не осознает этого

[1; 3]. ИмPLICITные аттитюды базируются, в основном, на ассоциативных процессах. Эксплицитные – на пропозициональных. Эксплицитные измерения позволяют адекватно измерять аттитюд в той степени, в которой индивид его осознает и готов публично выразить свое отношение.

ИмPLICITные измерения являются косвенными, автоматическими и неосознанными [2] и основаны, как правило, на регистрации времени реакции (RT). Когда участники выполняют различные задания, их внимание сфокусировано на выполнении заданий, а не на объекте аттитюда [4]. Одной из разновидностей имPLICITных измерений является процедура сублиминального эмоционального оценочного прайминга (ПСЭОП) с задачей аффективной категоризации [1; 3]. *Эффект прайминга* – это изменение способности идентифицировать или извлекать объект из памяти в результате конкретной предшествующей встречи с этим объектом.

В данном исследовании изучались этнические аттитюды участников двух этнических групп. Группы условно названы «*Латыши*» и «*Русские*». Они были основаны на принципе самоопределения участников и не обязательно были связаны с национальной принадлежностью.

Участник на мониторе компьютера сначала видел символ фиксации (крест). После чего визуально, на сублиминальном уровне, участнику предъявлялся либо один из *праймов* – слово, которое участник не мог видеть («РУССКИЙ» или «ЛАТЫШ»), либо пустой экран. Затем предъявлялась «маска», которая удерживалась на мониторе некоторый промежуток времени - интервал SOA. Потом появлялся *целевой стимул* - аффективно позитивное или негативное слово [5]. Участнику надо было, настолько быстро, насколько это возможно, нажать кнопку «Y» при появлении позитивного слова или кнопку «N» при появлении негативного слова. Регистрировалось RT. Процесс несколько раз повторялся, причем праймы, пустой экран, интервалы SOA и целевые стимулы предъявлялись в случайном порядке [1; 3].

Целью исследования стало изучение этнических аттитюдов, измеренных с помощью ПСЭОП на разных временах SOA для двух этнических групп. Были поставлены исследовательские вопросы: (I) На каких временах SOA в этнических группах наблюдается эффект прайминга? (II) Какую валентность имеют имPLICITные этнические аттитюды участников к своей и к альтернативной этнической группам при различных интервалах SOA?

Участниками стали 97 человек («*Русские*» - 52, «*Латыши*» - 45). Возраст: 18-34, *Mdn* = 28 лет. Аппаратура: IBM PC, *E-Prime 2.0*

Professional®. Были удалены наблюдения с неправильным решением задачи классификации, ответы участников, у которых ошибочные ответы превышали 25%. Оставлены наблюдения с $200 \leq RT \leq 1500$ мс.

Переменные были следующие: *Группа; Прайм; Целевой стимул; SOA; RT, переменная фасилитации-ингибиции R* [4], *переменная аттитюдов RR* [1; 3].

(I) Эффект прайминга при разных SOA

Этническая группа и прайм не совпадают. Наблюдается *эффект фасилитации* при *положительном* целевом стимуле:

«Русские»-«ЛАТЫШ»: при SOA 100 и 300 мс. «Латыши»-«РУССКИЙ»: при SOA 200 мс.

Этническая группа и прайм совпадают. При *отрицательном* целевом стимуле наблюдается только *фасилитация*:

«Русские»-«РУССКИЙ»: при SOA 300 и 500 мс. «Латыши»-«ЛАТЫШ»: при SOA 200 и 600 мс.

При *положительном* целевом стимуле наблюдаются как *фасилитация*, так и *ингибиция*.

«Русские»-«РУССКИЙ»: при SOA 200 мс фасилитация; при SOA 600 мс ингибиция.

«Латыши»-«ЛАТЫШ»: при SOA 600 мс ингибиция.

Все результаты статистически значимые, размеры эффектов Cohen's *d* между небольшими и средними.

(II) ИмPLICITные этнические аттитюды

Русские к русским. Положительные при SOA 100 ns и 400 мс, ns. Отрицательные при SOA 500 ($p = .060$) и 600 мс ($p = .084$).

Латыши к латышам. Отрицательные при SOA 600 мс. (Размер эффекта средний $p = .003$).

Русские к латышам. Положительные при SOA 300 мс, ns.

Латыши к русским. Положительные при SOA 200 мс, ns. Отрицательный при SOA 600 мс.

Размеры эффектов Cohen's *d* между небольшими и средними.

Небольшие эффекты различий в выраженности аттитюдов возникают за счет их разной валентности при SOA 200, 300, 400, 500 и 600 (мс). И только в этнической группе «Латыши» при SOA = 600 мс, в которой наблюдаются отрицательные этнические аттитюды как к русским, так и к латышам, проявляется эффект небольшого размера, который состоит в том, что негативный аттитюд к латышам более сильно выражен, чем негативный аттитюд к русским.

Настоящее исследование может восполнить дефицит данных о механизмах активации и отдельной обработки интрагрупповых и аутгрупповых имPLICITных этнических аттитюдов. В дальнейшем

планируется изучать нейронные корреляты интергрупповых имплицитных этнических аттитюдов.

Литература

1. *Плотка И., Игонин Д., Блюменау Н.* Оценка влияния контекстного фактора на результаты измерения имплицитных аттитюдов при разных SOA с помощью индекса имплицитного предпочтения // Активизация ментальных ресурсов субъекта: Теория и практика. Материалы IV Международного Симпозиума, 6-7 июля 2017, Латвия, Рига / Под ред. Г.В. Ожигановой и И.Д. Плотки. Рига, 2017. С. 62-73.
2. *Petty R. E., Fazio R. H., Brinol P.* Attitudes: Insights from the new implicit measures. New York: Psychology Press, 2009.
3. *Plotka I., Igonin D., Blumenau N.* Implicit Attitudes and Measurements: Effect of Context // International Business: Innovations, Psychology and Economics. 2016. V.7. No 2(12). P. 7-150.
4. *Rudman L. A.* Implicit measures for social and personality psychology. London: Sage, 2011.
5. *Schlosberg H.* The description of facial expressions in terms of two dimensions // Journal of Experimental Psychology. 1952. T. 44. С. 229-237.

Об особенностях общения пользователей Инстаграм и Фейсбук

Поверинова А. К., Кожухарь Г. С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
anastasiasmmdme@gmail.com

Социальные сети заняли огромную часть нашей жизни - знакомства, общение, лайки, фотоальбомы. Теперь для того, чтобы узнать новости из жизни друга нам не нужно назначать встречу, достаточно зайти в его профиль в социальной сети. За нашими профилями наблюдают супруги, друзья, коллеги, соседи.

В своей статье Е.П. Белинская и П.Ю. Прилуцкая говорят о том, что пользователи с высоким уровнем социального статуса имеют высокий уровень нарциссизма, а в Инстаграм данная связь увеличивается, так как в этой социальной сети есть больше возможностей для удовлетворения потребности во внимании и

позитивной оценке [1]. И.Б. Бовина и Н.В. Дворянчиков рассматривали поведение онлайн и офлайн. В результате исследования они сделали вывод о том, что онлайн поведение чаще зависит от групповых норм, чем от общих социальных [2].

В нашем исследовании участвовал 191 пользователь Инстаграм и Фейсбук в возрасте от 18 до 43 лет. В том числе 102 женщины и 89 мужчин. Из них 44 женщины и 53 мужчины являются пользователями только Инстаграм и 58 женщин и 36 мужчин являются пользователями только Фейсбук.

В нашем исследовании мы изучали различия в межличностном общении у пользователей Инстаграм и Фейсбук. Была выдвинута гипотеза о том, что между двумя разными группами будут обнаружены различия в поведении в данных сетях. Для понимания личных особенностей мы выбрали несколько методик:

- «Опросник Стефансона» для изучения представлений человека о себе. Выбор этой методики обусловлен тем, что этот метод позволяет нам понять реальное “я”, отбрасывая попытки подсознательно соответствовать общепринятым нормам;
- «Опросник межличностных отношений» (ОМО) для изучения коммуникативных особенностей личности;
- Тест Томаса-Килманна для изучения стратегий поведения в конфликтных ситуациях пользователей-испытуемых;
- Анкетирование для изучения общих принципов и отношения к социальным платформам у пользователей.

В результате исследования выяснилось, что отличия, действительно, существуют. Пользователи Инстаграм имеют более сильную зависимость от стандартов группы, в то время как пользователи Фейсбук не имеют этого признака. Обе группы достаточно осторожно устанавливают близкие контакты, комфортно чувствуют себя в коммуникации с другими людьми и стремятся к совместному времяпрепровождению, предпочитают контролировать других и приветствуют контроль над собой, так как это уменьшает ответственность в принятии решений.

Существенное различие было обнаружено в стратегиях поведения в конфликте. Доминирующим типом поведения у пользователей Инстаграм является соперничество, в то время как пользователи Фейсбук предпочитают решать конфликты с помощью компромисса.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что различия в межличностном общении и конфликтном поведении пользователей Инстаграм и Фейсбук, действительно, существуют. Это может быть

обусловлено различными личностными особенностями и социальным статусом пользователей, которые имеют важное значение при выборе социальной платформы для общения.

Литература

1. *Белинская Е.П., Прилуцкая П.Ю.* Взаимосвязь виртуального социального статуса и личностных особенностей пользователей социальной сети Инстаграм. [Электронный ресурс]. 2020. URL: <https://cyberpsy.ru/articles/belinskaya-instagram> (дата обращения: 09.04.2021).
2. *Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В.* Поведение онлайн и офлайн: две реальности или одна? // Психологическая наука и образование. 2020. Том 25. № 3. С. 101–115. doi:10.17759/pse.2020250309

К вопросу о социально-психологических аспектах работы сотрудника автоинспекции с детьми разного возраста по формированию навыков безопасного участия в дорожном движении

*Погодина А.В., Попова Е.А.,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
Katena-mng@yandex.ru*

Обучение детей безопасному поведению на дороге – это основа воспитания грамотного и законопослушного участника дорожного движения, поскольку модель поведения (в том числе и на дороге) закладывается в детстве. Однако в современной методической литературе по данной тематике внимание уделяется в основном содержательной стороне (чему учить). Вопрос же учета психологических особенностей восприятия детьми информации о дорожном движении либо не рассматривается вовсе, либо рассматривается вскользь. Между тем, учет возрастных, психофизиологических и индивидуальных особенностей поведения детей является одним из условий эффективности обучения [1].

Психологи уже давно установили, что дети в силу своих возрастных психологических особенностей не всегда могут правильно оценить мгновенно меняющуюся обстановку на дороге, часто превышают свои возможности. Причиной этому то, что детский

организм еще находится в состоянии развития, многие функции нервной деятельности у него только формируются.

Так, например, дети дошкольного и младшего школьного возраста не могут одновременно удерживать во внимании сразу несколько объектов. Применительно к ситуации на дороге это означает, что ребенок может увидеть один автомобиль, находящийся ближе всего к нему, но почти наверняка не заметит другой, который находится на некотором отдалении (и который, к примеру, может двигаться с гораздо большей скоростью). Кроме того, для принятия решения ребенку нужно больше времени, чем взрослому, а само решение не всегда бывает правильным, так как ребенок еще не научился оценивать все риски и предвидеть все возможные варианты развития событий [2]. Поэтому, попав в ситуацию, где нужно быстро принять решение, особенно если эта ситуация сопряжена с потенциальным риском, ребенок впадает в состояние полной растерянности.

Второй важный момент – зачастую, та информация по безопасному поведению в дорожно-транспортной среде, которая преподается детям в детском саду или школе, не соответствует возрастным потребностям ребенка. Например, в практике нередки случаи, когда дошкольники заучивают (!) знаки, которые актуальны только для водителей автотранспорта, и это происходит в ущерб той информации, которая действительно необходима детям (например, о том, как правильно держать взрослого за руку) [3; 4].

Также в литературе часто можно встретить рекомендации, сценарии и т.п., в которых подаваемая информация не соответствует возрасту детей. Этим грешат и сотрудники Госавтоинспекции, которые приходят в школы и детские сады с просветительскими беседами и которые стремятся «загрузить» в детей информацию, которая вряд ли пригодится ребенку определенного возраста.

И, наконец, третье – сотрудники Госавтоинспекции, которые занимаются работой с детьми, не являются педагогами, поэтому зачастую не владеют формами и методами работы именно с детской аудиторией. В частности, используют термины, формулировки, которые могут быть не понятны детям, злоупотребляют «лекционным» типом подачи материала, перегружают свое сообщение цифрами статистики и т.п. [2; 5].

Между тем, урок, проведенный сотрудником Госавтоинспекции – это важный и действенный инструмент воспитания культурного участника дорожного движения. Он не только позволяет учащимся «из первых рук» узнать о правилах безопасности на дороге и важности их соблюдения, но и побуждает почувствовать уважение к Госавтоинспекции и тем людям, которые там служат. Кроме того, профилактическая беседа, которую проводит инспектор ГИБДД – это

мощное «оружие» против непослушания, способ воспитать дисциплинированность и уважение к законам в целом. Особенно важен этот момент для профилактики нарушений Правил дорожного движения школьниками более старшего возраста. Не секрет, что подростки – это постоянная «головная боль» сотрудников Госавтоинспекции с точки зрения детской аварийности: они уже достаточно взрослые, чтобы самостоятельно принимать решения, но еще не могут адекватно оценивать опасность своих действий (а иногда и попросту игнорируют её). Инспектор может предостеречь ребят от опасных действий, аргументировано рассказать о таких негативных факторах дорожной аварийности, научить оценивать риски и последствия своих действий.

Эффективность деятельности по профилактике детского дорожно-транспортного травматизма в значительной степени зависит от личностных качеств инспектора. Сотрудник Госавтоинспекции, занимающийся работой с детьми, должен обладать развитыми коммуникативными навыками, умением удерживать внимание детей и – что немаловажно – личной харизмой. Также крайне желательно наличие педагогической подготовки, владение методами работы с детской аудиторией определенного возраста. Дети очень тонко чувствуют, когда перед ними «отбивают номер», поэтому для инспектора важны такие качества, как увлеченность профессией, умение интересно, ярко, увлекательно раскрыть тему простым языком и не перегружая детей непонятной для них терминологией [6].

В рамках данного исследования предполагается систематизировать подходы к обучению детей безопасному поведению на дорогах с учетом психологических и возрастных особенностей детей, что позволит создать более эффективный инструмент для обучения детей дорожной безопасности. Данное исследование будет способствовать повышению качества обучения детей основам безопасного поведения на дорогах и в конечном итоге – снижению детского дорожно-транспортного травматизма.

Литература

1. *Герман Т.А., Котельникова Е.В.* Обзор опыта организации работы по профилактике детского дорожно-транспортного травматизма в зарубежных странах // «STOP-газета». 2020. №11.
2. *Козлов В.В.* Как научить детей безопасному поведению на дорогах? // «Добрая Дорога Детства». 2012. № 23.
3. *Кузнецова Н.М., Прохорова А.М., Казанова Л.А.* Профессиональный отбор сотрудников подразделений

- Госавтоинспекции по пропаганде безопасности дорожного движения на основе психологических методов. Методические рекомендации. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России». 2019.
4. Кузнецова Н., Казанова Л., Котельникова Е., Герман Т. Методологические аспекты обучения несовершеннолетних правилам дорожного движения за рубежом // «STOP-газета». 2021. №2.
  5. Обучение детей правилам дорожного движения, обеспечение их безопасности при перевозке в транспортных средствах. Сборник методических рекомендаций по работе с родителями / Составитель – Л.В. Лащенко. М. 2020.
  6. Сборник нормативно-информационных материалов и методических рекомендаций по профилактике детского дорожно-транспортного травматизма в образовательном учреждении. Тамбов. 2012.

Цифровые девиации в подростково-молодежной среде

Погодина Е.К.

*БГПУ имени Максима Танка, Минск, Республика Беларусь
pogodinaek@mail.ru*

Современный этап развития общества характеризуется стремительными темпами информатизации всех сфер жизнедеятельности человека, вызывая при этом глобальные социальные трансформации. Новые информационные технологии сегодня выступают не только в качестве рабочего инструмента, посредника в процессе коммуникации, но и играют роль проводника в виртуальную реальность. Благодаря инновационным достижениям открываются неограниченные возможности для всестороннего и гармоничного развития личности, однако выявляются и негативные тенденции.

По данным отчета Digital 2021 информационного портала DataReportal, в среднем человек проводит в интернете почти 7 часов в день. Год назад этот показатель был равен 6 часов 43 минуты [2]. Среднестатистический пользователь социальных сетей проводит в социальных сетях 2 часа 25 минут каждый день, что соответствует примерно одному дню бодрствования в неделю.

Популярность интернета в Республике Беларусь подтверждается устойчивым ростом белорусской интернет-аудитории. На 9,5 миллионов жителей Республики Беларусь приходится 7,82 миллиона интернет-пользователей, что соответствует 82,8 % населения.

Виртуальное пространство становится неотъемлемой частью жизни современного человека. Наряду с этим перед обществом возникает проблема отчуждения личности, стандартизация образа жизни, засилие «массовой культуры»; наблюдается рост количества людей, страдающих интернет-зависимостью. Специалисты в области профилактики зависимостей отмечают тот факт, что чрезмерное использование интернета может стать причиной эмоциональной депривации, ухода от социальных взаимоотношений, неудач в учебе и привести к другим неблагоприятным последствиям.

Наряду с распространением цифровых технологий возрастает количество интернет-зависимой молодежи. Современная молодежь не расстается с техническими средствами, используя их не только в качестве рабочего инструмента для выполнения различного рода заданий, но и для виртуального общения, игр.

В последние годы появилась тенденция к увеличению времени, проводимого подростками в виртуальной среде, а также снижение возраста начала использования интернет-ресурсов. Исследование, проведенное среди учащихся 8-9-х классов учреждений среднего общего образования г. Минска, показало, что 56 % учащихся проводят в сети Интернет от 4 до 6 часов в день, а 17 % учащихся вообще не контролируют время, проведенное в сети. Подростки, в силу своей восприимчивости и несформированности психологических структур личности, недостаточной осведомленности в области информационной культуры, в условиях продолжительного, зачастую бесконтрольного, пребывания в глобальной сети, оказываются в группе риска формирования интернет-зависимости.

Такие подростки избегают прямых обязанностей, утрачивают важные связи, используют Интернет для ухода от проблем и плохого настроения, заменяют реальное общение со сверстниками на виртуальных друзей, утрачивают социальные связи. Для интернет-зависимых подростков характерен низкий уровень социально-психологической адаптации, низкий уровень принятия себя и других, низкий показатель эмоциональной комфортности, отсутствие интереса к мнению окружающих людей, эгоцентризм с агрессивной манерой самовыражения вразрез интересам окружающих, высокая тревожность, страх неприятия в обществе. Патологическое пристрастие существенно изменяет структуру и содержание досуга, оказывает негативное влияние на социально-психологическое здоровье молодежи. Основной задачей подросткового возраста является формирование навыков и умений конструктивного общения со сверстниками, а также со старшим поколением, но, в связи с вышеизложенным, данная задача не реализуется.

По мнению М.В. Костоломовой, в настоящее время можно говорить о формировании нового типа девиантного поведения –

цифровой девиации. Цифровая девиация или цифровое девиантное поведение – это совокупность нетипичных, отклоняющихся от социальных норм, эмоциональных, физических, социальных, интеллектуальных и мировоззренческих реакций человека на кардинальные изменения социальной реальности, вызванные влиянием цифровизации на все уровни человеческого бытия [1].

К основным типам цифрового девиантного поведения можно отнести: кибераддикцию (интернет-зависимость – веб-серфинг, игровую зависимость, зависимость от виртуального общения и др.); киберделикт (правонарушения и преступления в цифровой среде – секстинг, груминг, фишинг и др.); киберагрессию (кибербуллинг, кибермоббинг, троллинг, флейминг, хейтинг, харассмент и др.).

Распространенность девиантного поведения в киберпространстве среди подрастающего поколения обуславливает необходимость разработки научно-методического обеспечения деятельности социально-педагогических и психологических служб учреждений общего среднего образования по профилактике цифровых девиаций в подростково-молодежной среде.

Литература

1. *Костоломова М.В.* Цифровая девиация как феномен новой социальной реальности: методологические основания и концептуализация понятия // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 2. С. 41-53.
2. Digital 2021 Global Overview Report (January 2021). URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2021-global-overview-report>. (дата обращения: 09.04.2021)

Типы экономического самоопределения российских предпринимателей

Поддубный С.Е., Вавакина Т.С., Позняков В.П.
ФГБУН Институт психологии РАН
pozn_v@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-013-00230).

В докладе представлены результаты эмпирического исследования личностных факторов экономического самоопределения российских

предпринимателей. Теоретической основой исследования являются представления об экономическом самоопределении, разрабатываемые в Институте психологии РАН и представленные в работах А.Л. Журавлёва и А.Б. Купрейченко [1; 5 и др.]. Данное исследование продолжает традиции исследования социальной психологии российских предпринимателей, выполненных в Институте психологии под руководством А.Л. Журавлёва и В.П. Позняка [2]. Объектом эмпирического исследования явились российские предприниматели сферы малого и среднего бизнеса, проживающие и ведущие свой бизнес в Москве и Центральном регионе России. Выборка составила 120 респондентов, поровну мужчин и женщин в возрасте от 18 до 65 лет. Исследование проводилось в форме письменного опроса по стандартной программе. Для оценки показателей самоопределения использовались вопросы из авторской программы изучения экономического сознания предпринимателей Журавлёва и Позняка [2]. В качестве эмпирических показателей самоопределения использовались оценки деловой активности предпринимателей и её динамики, успешности предпринимательской деятельности и удовлетворённости её результатами, а также благоприятности экономических условий бизнеса и собственных возможностей в повышении успешности бизнеса (Подробнее см.: [6]). Личностные особенности респондентов исследовались с использованием методик Д.А. Леонтьева (тест смысложизненных ориентаций) [3] и С. Шварца (опросник индивидуальных ценностей) [4].

Полученные данные были подвергнуты статистической обработке с использованием процедур корреляционного, факторного, кластерного и дисперсионного анализа. Корреляционный анализ показал наличие многочисленных статистически значимых связей показателей экономического самоопределения и личностных особенностей (ценностных и смысложизненных ориентаций). Наибольшее число корреляций переменных, характеризующих экономическое самоопределение, показали индивидуальные ценности, объединённые Шварцем в блоки ценностей «открытость изменениям» (самостоятельность и стимуляция) и «самовозвышение» (власть и достижения), а также шкалы теста СЖО (смысложизненные ориентации) «Процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни» и «Локус контроля – жизнь или управляемость жизни». По результатам факторного анализа была получена двухфакторная модель переменных эмпирического исследования. В первый фактор, условно обозначенный как «удовлетворённость+успешность», вошли названные переменные с

весами 0,867 и 0,860 соответственно, а также оценка благоприятности экономических условий с весом 0,600. Процент объясняемой дисперсии 49,4. Во второй фактор, получивший название «активность» вошли оценки своей деловой активности (0,793) и динамики её изменения (0,901). Процент объясняемой дисперсии 17,3. Сочетание высоких и низких оценок по данным факторам позволило выделить четыре эмпирических типа. По результатам кластерного анализа были выделены эмпирические группы респондентов, различающихся значениями исследуемых эмпирических показателей, которые можно интерпретировать как типы экономического самоопределения. Результаты исследования подтверждают правомерность рассмотрения смысложизненных и ценностных ориентаций личности предпринимателей в качестве факторов их экономического самоопределения.

Литература

1. *Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б.* Экономическое самоопределение: теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
2. *Журавлев А.Л., Позняков В.П.* Социальная психология российского предпринимательства: Концепция психологических отношений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
3. *Карандашев В.Н.* Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Изд-во Речь, 2004.
4. *Леонтьев Д.А.* Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М.: Смысл, 2000.
5. *Купрейченко А.Б.* Нравственная детерминация экономического самоопределения. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
6. *Позняков В.П., Позняков П.В.* Ценностные и смысложизненные ориентации предпринимателей как факторы их экономического самоопределения // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2019. Т. 4. № 4. С. 161-180.

Аналитические заметки об отношениях с COVID-19

Поляков С.Д.

ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И.Н.Ульянова», Ульяновск, Россия
sdpolyakov@mail.ru

Ситуация с COVID-19 вызвала немало рассуждений, исследований, переживаний. Психологические аспекты covid-ситуации исследуются как с социально-психологической точки зрения [например, 3; 4], так и с точки зрения клинической психологии [1].

Источники наших аналитических заметок: неструктурированные наблюдения, повседневные разговоры, выборочные материалы из интернета (прежде всего материалы комментариев по поводу COVID-19), обсуждение и коррекция прорабатываемых типологий с экспертами (преподавателями кафедры психологии УлГПУ).

Содержание наших заметок - возможные типологии отношения с covid.

1. Типология отношений COVID-19.

- коронавирус не существует;
- существует, но «где-то там, не в моём мире»;
- существует, но это не про меня (вероятно, классическая психологическая защита типа отрицания);
- существует, но это что-то вроде обычного гриппа, поэтому «не стоит заморачиваться» (формулировка подсказана Н.С.Кривцовой);
- существует, опасение, страховка («хотя я с ним не встречался, я его опасаясь, поэтому расстояния, маски...»);
- страх с гиперстраховкой («не выхожу из комнаты, надеваю две маски, меняю их каждый час...»). Вероятно, психологическая защита невротического типа;
- страх, с отрицанием, отвержением факта своей болезни;
- «эффект коленной чашечки» (по «Трое в лодке, не считая собаки» К.Джерома) - нахожу признаки, которых нет.

2. Типология образов covid-ситуации.

- В комнате можно двигаться и дышать, но вокруг упругие, сопротивляющиеся полупрозрачные стены. Они не дают приблизиться к миру. Иногда эта упругая субстанция образует коридор, по которому выходишь на улицу, но это только коридор, с теми же упругими полупрозрачными стенами.

- В ZOOM люди присутствуют частично: надписью, картинкой-фото, картинкой-аватаром, видео в квадрате, значками реакций, строчкой в чате. То, что за этой частичностью – живые люди, это только гипотеза.

3. Типы «поведения» в фейсбуке.

- не обращают внимания на covid - «жизнь идёт»;
- защиты в форме «приколов» по поводу covid, дистантных форм работы и ZOOM;
- тревога в форме рекомендаций по здоровью и поведению;
- тревога в форме «страшилок» (реальных случаев, слухов, фейков).

4. Типология отношения к ZOOM и подобным программам.

- спокойное привыкание и восприятие как неплохой нормы деятельности;
- напряжение, скорее непринятие, но и освоение с мотивом «надо»;
- напряжение со стремлением освоить и развивать умения;
- непринятие со стремлением к минимальному, в пределе к нулевому использованию ZOOM.

Это «статическая» типология. Конечно, у многих была, есть и будет осознанная или «стихийная» динамика по этим позициям.

5. Типология соотношения covid-реальности и типов работы.

- те, кто «работает в реале» (сантехники, водители трамваев, маляры...). Для них covid чаще «на окраине жизни», он не затрагивает глубинные личностные структуры (если не коснулся в жёстком виде близких);

- кто работает чаще дистантно, но регулярно выходит в мир: гуляет, посещает магазины, занимается «на свободе» другими делами. Для этой группы работников covid ближе к личностному уровню существования, но не «вселяется» в ядро личности (в смысложизненные ориентации, в восприятие себя, в базовые ценности);

- те, кто «застрял» дома. В этом случае covid чаще «инициирует» страхи и негативные переживания, и он имеет большие шансы «прикоснуться» к ядру личности;

- те, кого covid коснулся лично (сам заболел в острой форме, заболели люди из ближнего значимого круга). Наибольшие страхи, вероятность центрации на covidных процессах, состояниях, информации; видение мира сквозь «призму» короновируса;

- работники covid-фронта (медики, но не только). Большая вероятность динамики смысложизненных ориентаций, установок, убеждений).

6. Типы эмоционально-личностных реакций на covid-ситуацию.

- реакция по адаптивному типу (конструктивная адаптация к ситуации с освоением способов действий и умеренным эмоциональным напряжением);

- маскировка - «я – о'кей», с ростом внутреннего напряжения;

-повышенная реактивность на основе высокой эмоциональной чувствительности;

- депрессивность;
- «срыв» в психоз.

7. Типология тактик выхода из COVID-19.

- скачком, разом;

- оглядываясь с отступлением («два шага вперед - шаг назад»);

- пошагово, по принятому, а может даже разработанному, алгоритму;

- дробно («остановиться - оглянуться и далее»);
- дробно по сферам (в разных жизненных сферах разные тактики);
- не заметил («а что, я уже вышел?»);
- застревание («я в домике, не трогайте, не зовите меня»).

8. Мнения по происхождению COVID-19 (по мотивам текстов Л. Каганова [2]).

- внешняя диверсия (целенаправленные действия «агентов» из зарубежных стран);

- внутренняя диверсия (целенаправленные действия «агентов» из собственной страны);

- ошибка создателей или испытателей вируса;
- новый, проявившийся естественный процесс;
- естественный процесс - и раньше был - не замечали.

Возможны и другие типологии отношений с COVID-19, например, типы отношений к возможности второй (и третьей) волне, типология реакций на первую (вторую, третью) волны, варианты послесовидного мира и пр.

Литература

1. Ениколопов С.Н., Казьмина О.Ю., Воронцова О.Ю., Медведева Т.И., Бойко О.М. Динамика психологических реакций на начальном этапе пандемии COVID-19 // Психолого-педагогические исследования. 2020. Т. 12. № 2. С. 108-126.
2. Каганов Л. <https://leo.me/dnevnik/2020/05/20> (дата обращения 12.04.2021).
3. Михеев Е.А., Нестик Т.А. Психологические механизмы инфодемии и отношения личности к дезинформации о COVID-19 в социальных сетях // Социальная и экономическая психология. 2021. Том 6. № 1(21). С.37-64.
4. Нестик Т.А., Дейнека О.С., Максименко А.А. Социально-психологические предпосылки веры в конспирологические теории происхождения COVID-19 и вовлеченность в сетевые

Механизмы влияния дисфункциональной родительской семьи на межличностные отношения во взрослом возрасте

Полякова И.С.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

Irene.poliakova@gmail.com

Настоящий исторический этап развития семьи как социального института характеризуется беспрецедентным ростом количества разводов, что указывает на тенденцию к девальвации семейных ценностей. Неизбежным следствием указанных тенденций является распространение в обществе самовоспроизводящихся паттернов дисфункциональных семейных отношений. Носителями данных паттернов становятся молодые люди, интериоризировавшие их из родительских семей, и репродуцирующие их в своих собственных семьях. Таким образом, проблема дисфункциональных семей является для российского общества крайне актуальной.

Понятие «дисфункциональная семья» основывается на положении о наличии семейных функций, к числу которых традиционно относят воспитательную (социализация), эмоциональную (психотерапевтическую), хозяйственно-бытовую, сексуально-эротическую, функцию общения и первичного социального контроля [5]. Функциональная семья посредством выполнения указанных функций обеспечивает удовлетворение как собственных потребностей, так и потребностей социума, одним из институтов которого она является. Дисфункциональная семья, в свою очередь, оказывается не в состоянии удовлетворить данные потребности, чем не только фрустрирует своих членов, но и закладывает в них самовоспроизводящийся паттерн семейной дисфункции, существенно снижая уровень социальной адаптации последних [5]. Следствием социальной дезадаптации такого рода является неспособность носителей семейной дисфункции в разной степени реализовывать позитивные социальные роли [1].

Дисфункциональные семьи неодинаковы как в способах проявления дисфункций, так и в самих ее видах, в связи с чем приняты соответствующие классификации. Так, Целуйко В.М. выделяет семьи внешне неблагополучные и неблагополучные «внутренне» [4]. Первая категория семей обычно представлена

асоциальными семьями, где их взрослые члены страдают от разного рода зависимостей и часто практикуют антиобщественный образ жизни. Потребности ребенка в такой семье, как правило, игнорируются, ребенок испытывает по отношению к себе жестокое обращение и отверженность, не получает должных поддержки и принятия, а также не перенимает конструктивных моделей родительских взаимоотношений. Ребенок стыдится такой семьи, его самооценка падает, а в перспективе нередко формируются эгоизм, жесткость, эмоциональная неуравновешенность. Для таких семей характерны непредсказуемость и отсутствие атмосферы безопасности [4]. Внутренне неблагополучные семьи характеризуются внешним благополучием при наличии выраженных внутренних факторов дисгармонии и дезадаптивных воспитательных установок.

Юстицкис В.В. выделяет «хитрую», «недоверчивую» и «легкомысленную» семьи, каждая из которых характеризуется соответствующими социальными установками, существенно снижающими уровень социальной адаптации и психологического благополучия своих носителей [5]. Выделяются и менее очевидные типы дисфункциональных семей, например, семьи, «ориентированные на успех ребенка», где чрезмерное навязывание успеха вызывает у него страх неудачи и, как следствие, неприятия со стороны родителей. Последнее существенно невротизирует ребенка, повышая уровень его тревожности и формируя восприятие собственной ценности исключительно через призму успеха [2]. Также выделяют «псевдовзаимные» семьи, вытесняющие проявление естественных негативных переживаний, и «псевдовраждебные» семьи, наоборот, отрицающие положительные эмоции [5].

Открытым остается вопрос о психологических механизмах формирования в дисфункциональных семьях неадаптивных стратегий межличностных отношений, переходящих во взрослый возраст. К таковым, на наш взгляд, относится механизм подражания, запечатлевающий дезадаптивные коммуникативные паттерны, транслируемые ребенку родителями. Механизм гомеостаза, в свою очередь, способствует закреплению дезадаптивного паттерна через отказ от усилий в направлении освоения альтернативных моделей взаимодействия. Механизм психологической травматизации и депривации базовых потребностей приводит к формированию устойчивых неадекватных представлений о семейных отношениях и соответствующих этим представлениям психологических защит. Механизм формирования созависимости как формы нарушения личностного функционирования приводит к стиранию границ и стремлению к слиянию с партнером [3]. Механизм формирования

социальной дезадаптации приводит к устойчивой неспособности гибко реагировать на изменения требований социальной среды. Механизм формирования склонности к аддиктивному поведению приводит к навязчивым компенсаторным реакциям, заменяющим здоровые паттерны межличностного взаимодействия патологическими, понижая тем самым общий уровень психологического благополучия как самого носителя дисфункции, так и всей его семьи. Все перечисленные механизмы приводят, на наш взгляд, к формированию искаженной структуры самосознания личности с дисфункциональными семейными установками, что обуславливает устойчивый характер их влияния на ее взаимоотношения во взрослой жизни.

Литература

1. *Варга А.Я.* Системная семейная психотерапия. Курс лекций. СПб, 2001.
2. *Красило Д.А., Красило Т.А., Залипаева А.Н.* Автономия и привязанность в отношениях с родителями в контексте реального самоопределения у студентов // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12. № 1. С. 113-125.
3. *Москаленко В.Д.* Зависимость: семейная болезнь. М., 2008.
4. *Целуйко В. М.* Вы и ваши дети. Психология семьи. Ростов-на-Дону, 2004.
5. *Эйдемиллер Э.Г., Юстицкий В.* Психология и психотерапия семьи. СПб, 1999.

Проблема нормативности в современной социальной психологии

Попович Ю.А.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
juliaropovichpsy@yandex.ru*

Понятие «нормативность» принято рассматривать как личностную характеристику, которая отражает процесс освоения социальной нормы, которая, в свою очередь, является значимым фактором существования личности в онтогенезе. Служит она для того, чтобы человек, у которого данная характеристика сформировалась, мог воспринимать, понимать и адекватно реагировать, решать нормативную задачу.

Обращаясь к трудам Л.С. Выготского, можно сделать вывод, что развитие нормативности как процесс, длящийся с раннего детства до юношеского возраста, имеет ряд возрастных особенностей и обуславливается усвоением социального опыта. Например, в раннем детском возрасте развитие нормативности имеет следующую специфику: поведение ребенка определяется ситуацией, в которую он попадает [3].

Также следует сказать и о дуализме нормы: норма объективна, социальна, но при этом она субъективна и индивидуальна. Для решения этой проблемы Н.Е. Веракса предлагает следующее решение – он не просто соединяет две характеристики, но и показывает содержательную сторону нормы, которую удалось выявить в его исследованиях. Учитывается сочетание факторов, обстоятельств и условий, исходя из которых, человеку и предписываются определенное поведение. Он называет это нормативной ситуацией [2].

Нормативная ситуация – это стандартная ситуация социокультурного взаимодействия с определенными правилами социального поведения. Из столкновения индивидуальных и групповых тенденций и складывается социальная норма. Этот подход снимает противоречие, которое заключается в создании новой нормы. Л.Ф. Баянова, говоря об этом, акцентирует внимание на том, что формирование новой нормы происходит на стыке биологического и культурного [1].

Всё это приводит к тому, что в ситуации неопределенности имеет место эмоциональное напряжение, которое базируется на том, что каждый человек – носитель собственных ценностей, но он должен действовать в рамках той нормативной системы, что предлагает ему общество. Это эмоциональное напряжение влияет на действия человека в итоге. Значит, можно сделать вывод, что субъект сам своими действиями определяет ситуацию, нормирует неопределённость данной ситуации (так как в поведении отражаются и культурные образования, и нормы, принятые в обществе). Следовательно, норма снимает и эмоциональное напряжение человека, и неопределенность конкретной ситуации.

В тоже время, если мы не знаем, какова нормативная ситуация, мы не можем выделить норму самой ситуации. А раз норма носит объективный характер, то и, рассматривая норму, мы имеем в виду и норму как таковую. Что приводит к причине неосознаваемости нормы, следовательно, норма персонифицируется в данной ситуации.

Но все это указывает на важность определения границы нормативной ситуации и перестройки одной ситуации в другую.

Можно разделить освоение нормативной ситуации на три уровня:

1. Импульсивный. Возникновение эмоциональной реакции на внешние условия ситуации. Если на этом этапе взрослый, как

носитель средства и меры переживания ситуации, не демонстрирует такого адекватного средства, то ребенок сталкивается с препятствием в своем нормативном развитии.

2. Полевой. Основную роль играют пространственные отношения, такие как время, место и действия, которые возможны в данной ситуации.

3. Ролевой. Появляется целенаправленный, непрерывный характер действия, оно становится легким для исполнения. Внешние признаки приобретают не только эмоциональный окрас, но понимается контекст взаимоотношения. Человек приобретает устойчивое поведение, которое будет характерно для конкретной группы.

Каждый уровень – этап становления личности в обществе. Если ему не удастся грамотно усвоить каждый из перечисленных выше уровней, то происходит деформация усвоения норм, человек не способен адекватно вести себя в группе. Благополучное освоение данных этапов подразумевает адекватность поведения человека в социуме и успешную интеграцию в группе [4].

Нормативная ситуация имеет свою структуру, которая строится на двух основных характеристиках: направленность детерминанты и осознаваемость условий взаимосвязи внешних признаков. Первая характеризуется внутренним напряжением, которое направлено на удовлетворение потребности. Вторая же строится на понимании конкретных взаимосвязей.

Всё вышеуказанное может найти применение в вопросе, касающемся успешной интеграции людей в тех видах деятельности, которые соответствуют их потребностям, способностям и возможностям. В этом случае, основной задачей психологов, работающих в этом контексте, будет поиск такой деятельности для личности, а не преобразование личности под заданную деятельность.

Литература

1. *Баянова Л.Ф.* Лекции по истории психологии. Бирск., 2005.
2. *Веракса Н.Е.* Личность и культура: структурно-диалектический подход // Перемены. Педагогический журнал. 2000. № 1.
3. *Выготский Л.С.* История развития высших психических функций. М., 2019.
4. *Нурмухаметов Э.А.* Постановка и анализ проблемы нормативности в онтогенезе // Психологическая наука и образование. 2013. № 2.

Проблемы социально-психологической адаптации личности с шизоидной акцентуацией

*Портнягина М.В., Кожухарь Г.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
maritaportnyagina@gmail.com*

Шизоидный тип акцентуации является одним из вариантов дисгармоничного развития личности. Официально в мире насчитывается от 1 до 2% шизоидов. Шизоиды привлекали внимание зарубежных (Г. Гантрип, Р. Фейрберн, А. Кемпинский, А. Лоуэн, Р. Лэнг) и российских (Н.И. Конюхов, Е.Н. Конюхова, А. Эгидес) психологов. Под акцентуацией понимается крайний вариант нормы, ярков выраженная черта характера, которая определяет качество взаимодействия человека с окружающей средой.

Шизоидная акцентуация появляется раньше всех остальных (до года) и характеризуется избеганием социального взаимодействия, ограничением диапазона эмоциональной экспрессии, низкой стрессоустойчивостью и неспособностью выстраивать близкие отношения с людьми. А.Е. Личко выделяет такие черты шизоида, как замкнутость, отгороженность, неспособность или нежелание устанавливать контакты, снижение потребности в общении, холодность и утонченную чувствительность, настороженность, недостаток интуиции, эмпатии, неспособность сопереживать, чувствовать других.

Если шизоидность не была скомпенсирована в подростковом возрасте, то взрослые шизоиды часто испытывают сложности в доверии и близости (физической и эмоциональной). Также они часто сомневаются в адекватности своих чувств и поэтому диссоциируются от них. У таких людей ярко выражен протест против контроля со стороны окружающих, возникают сложности с эмпатией, считыванием эмоций других и сопереживанием. Большой проблемой для лиц с шизоидной акцентуацией оказывается поддержание длительных контактов с другими людьми, что приводит к избеганию привязанности; возникает расщепление, т.е. восприятие других людей либо как плохих, либо как хороших. Особенно сложно им выстраивать отношения при столкновении с трудностями, при возникновении коммуникативных барьеров.

В качестве определяющих факторов становления шизоидной личности называют наследственность и подражание проявлению социально-эмоциональных черт окружающими [1]. Винникот подчеркивал, что они растут в ситуации покушающегося, сверхвовлеченного, сверхзаботливого типа воспитания, для них

свойствен противоречивый, дезорганизующий тип контакта со значимым взрослым, утрата, неспособность совладать с отвергающей матерью, эмоциональное отвержение личности в детские и подростковые годы [3].

Многие ученые сходятся во мнении, что шизоидная личность зарождается в контакте с гипо- или гиперопекающей матерью, в среде эмоциональной, вербальной, сексуальной и физической жестокости, при запрещении спонтанности и свободного выражения чувств. В целом, причина шизоидности кроется в ненадежной привязанности (избегающей, амбивалентной или дезорганизованной) [4].

Низкая мотивация принадлежности к группе шизоида может стать фактором, влияющим на усугубление аутизации, углубление в мир фантазий, появление внутреннего диалога и, в конечном итоге, может привести к выпадению человека из социума. Заостренная черта характера сама по себе задерживает психическое, психологическое, личностное и социальное развитие, привносит дискомфорт в межличностное и социальное взаимодействие.

Шизоидность влияет на социальное функционирование. Ярко выраженные аутистические черты накладывают отпечаток на способ контакта с другими людьми. Фиксация на внутренних переживаниях, оценка окружающей действительности через призму субъективного внутреннего мира, создает у шизоидов эффект искажения реальности и объективного хода вещей. Замкнутость и скрытность не дает окружающим проникнуть в специфику их мышления и еще более отчуждает их от шизоидов и их странного мира. Свободное время шизоиды с удовольствием проводят наедине, предпочитая чтение, обучение, саморазвитие, увлеченность хобби реальному контакту с людьми.

Вызовами современного мира для шизоида являются хорошо развитые коммуникативные навыки, эмпатия, понимание потребностей людей, психоэмоциональная конгруэнтность, эмоциональный интеллект, стрессоустойчивость.

По степени влияния на ведущий вид деятельности выделяют три подтипа шизоидов: успешно справляющиеся с деятельностью, не справляющиеся с деятельностью и промежуточный тип. В профессиональной среде они обычно держатся в стороне, часто принимают участие в общении формально. У коллег вызывают непонимание и дискомфорт. В процессе социальной адаптации люди с шизоидной акцентуацией проявляют пренебрежение нормами и правилами, а также склонность к креативному решению задач, что может быть на руку компаниям. Шизоиды ищут оригинальные, нестандартные пути решения рабочих задач, они незаменимы во время «мозговых штурмов». С другой стороны, именно эти черты делают

шизоида сложноуправляемым сотрудником, поэтому с ним нужно найти общий язык [3].

Успешно справляющийся с детальностью подтип шизоидов можно назвать скомпенсированным. Они справляются с функциями общения с окружающими. Обычно это творческие, развивающиеся, амбициозные, доводящие до логического конца дела личности, с нестандартным мышлением, достаточно гибкие и адаптирующиеся.

На компенсацию шизоидных черт влияет в первую очередь среда, во-вторых, психокоррекция. Именно поэтому очень важно исследовать адаптивные возможности шизоидного типа личности к социуму и разрабатывать программы повышения навыков взаимодействия с окружающими людьми через разные формы совместной, в том числе, творческой деятельности.

Литература

1. *Бойко В.В.* Трудные характеры подростков: развитие, выявление, помощь. М.: Союз, 2002.
2. *Винникотт Д.В.* Семья и развитие личности. Мать и дитя. М.: Литур, 2004.
3. *Ясникова Е.Е., Собенников В.С.* Характер. Акцентуации характера. Иркутск: ИГМУ, 2013.
4. *Bromberg P.-M.* On the occurrence of the Isakower phenomenon in a schizoid patient. *Warshaw, 1992. P. 257–279.*

Цифровизация общего среднего образования (по материалам комплексного наблюдения условий жизни населения)

Прохода В.А.

МГУ имени М.В. Ломоносова,

*Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия
prohoda@bk.ru*

Публикация подготовлена в рамках проекта «Социальная стратификация и социализация российской молодежи в постсоветский период» при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований № 20–011–00285 А.

Цифровизация образования привлекает внимание отечественных и зарубежных исследователей [1; 4]. Необходимость учета современных тенденций осознается на государственном уровне. Профильный

федеральный проект направлен на создание современной и безопасной цифровой образовательной среды, что подразумевает внедрение современных цифровых технологий в образовательные программы, обеспечение образовательных организаций интернетом с высокой скоростью соединения, создание сети центров цифрового образования и др. [2].

Процесс цифровизации образования представляет широкий спектр возможностей, позволяя упростить доступ к учебным материалам, облегчить контроль над учебным процессом, осуществлять дистанционные образовательные услуги [3], однако несет с собой ряд рисков и угроз. На таком фоне определенный интерес представляет выявление масштабов внедрения и применения цифровых технологий в российском общем среднем образовании.

Публикация базируется на материалах федерального статистического наблюдения «Комплексное наблюдение условий жизни населения», проведенного Росстатом в 2018 г. во всех субъектах России с охватом 60 тыс. домохозяйств (ДХ). Выборка осуществлена на основе принципов случайного отбора. Опросный лист для лиц в возрасте 15 лет и старше включал вопросы, касающиеся наличия в образовательной организации цифровой инфраструктуры, а также частоты ее использования.

Российский школьник в среднем упоминает о четырех доступных в образовательной организации технологиях. К числу технологий, получивших наиболее широкое распространение, относятся наличие: компьютерных классов (96,9%), доступа к сети Интернет (88,5%), электронных дневников учащихся (78,3%). Реже других технологий упоминаются наличие электронной библиотеки (29,1%) и программ с использованием дистанционных технологий (28,9%).

Отметим наличие определенного цифрового неравенства обучающихся в зависимости от места их проживания ($r=-0,20$) и денежного дохода в среднем на члена домохозяйства в месяц ($r=0,18$). Учащиеся из ДХ с низким доходом, а также, проживающие в сельской местности, в числе доступных упоминают меньшее количество технологий.

С использованием процедуры факторного анализа выявлено две модели внедрения цифровых технологий. К первой модели относится наличие в школе только базовых технологий - компьютерных классов и сети Интернет. Вторая модель включает в себя использование в рамках образовательного процесса электронной библиотеки, собственного сайта организации, программ с применением дистанционных технологий, электронного дневника учащегося,

интерактивных досок. Вторая модель характерна для школьников из городов ($r=0,22$) и сравнительно обеспеченных домохозяйств ($r=-0,20$).

Выделяют первичный и вторичный уровень цифровизации. первичный определяется наличием и доступностью соответствующей инфраструктуры, а вторичный интенсивностью ее использования. В числе наиболее используемых технологий оказались: электронный дневник учащегося, интерактивные доски и компьютерные классы. При высокой доступности компьютерных классов активно ими пользуется только немногим более половины школьников. Большинство школьников активно не используют официальные сайты образовательных организаций. Это может быть связано с получением информации из неофициальных Интернет-ресурсов, в том числе социальных сетей.

Различия в интенсивности использования технологий школьниками прослеживаются в зависимости от среднего дохода домохозяйства. В целом, чем он больше, тем активнее школьники используют упомянутые технологии за исключением компьютерного класса и электронной библиотеки. Все это свидетельствует о наличии в современной России некоторого неравенства в доступе школьников к цифровой образовательной среде.

Таким образом, можно констатировать, что масштабы распространения цифровых технологий достаточно дифференцированы. Проведенный анализ позволяет констатировать наличие определенного цифрового неравенства среди школьников.

Литература

1. *Гнатышина Е.В., Саламатов А.А.* Цифровизация и формирование цифровой культуры: социальные и образовательные аспекты // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 8. С. 19-24.
2. Национальный проект «Образование» [Электронный ресурс] // Минпросвещения России. URL: <https://edu.gov.ru/national-project> (дата обращения: 09.04.2021).
3. *Устюжанина Е.В., Евсюков С.Г.* Цифровизация образовательной среды: возможности и угрозы // Вестник российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2018. № 1. С. 3-12.
5. *Castañeda L., Selwyn. N.* More than tools? Making sense of the ongoing digitizations of higher education [Электронный ресурс] // International Journal of Educational Technology in Higher

Education. 2018. No 15. P. 1–10. URL: <https://doi.org/10.1186/s41239-018-0109-y> (дата обращения: 09.04.2021).

Зона ближайшего развития учебных действий младших подростков с ОВЗ

Прохорова В.С.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Ульяновск, Россия
vl-45.5_9@mail.ru*

В настоящее время особо актуальны психолого-педагогические исследования, направленные на изучение соотношения обучения и психического развития ребенка [1]. Многие исследования направлены на диагностику и расширение зоны ближайшего развития, выступающей индикатором перспектив развития ребенка в обучении [2; 3]. Однако, несмотря на большой объем проводимых исследований, пока недостаточно данных о ЗБР детей с ограниченными возможностями здоровья [4]. Исходя из этого, целью нашего исследования является изучение ЗБР универсальных учебных действий младших подростков с ОВЗ (на примере задержки психического развития как наиболее распространенного варианта ОВЗ).

Гипотезой исследования выступило предположение, что ЗБР универсальных учебных действий младших подростков с ОВЗ расширяется за счет значимо большего объема развивающей работы, нежели у их нормотипичных сверстников. Для проверки гипотезы нами был проведен формирующий эксперимент, в котором приняли участие 52 обучающихся пятых классов в возрасте 11 лет: из них 43 с нормативным развитием, 9 - с ОВЗ. Для проведения первичного и повторного исследований нами были разработаны варианты кейсовых заданий на материале русского языка. Процедуры проведения первичной и вторичной диагностики были основаны на методе параллельных срезов. Также нами была разработана программа из четырех развивающих занятий, направленных на формирование навыков смыслового чтения. Первое занятие было направлено на актуализацию знаний учащихся по теме «Виды и стили текстов» и знакомство с понятием «смысловое чтение», его видами и распространенными техниками. В ходе второго занятия учащиеся отработывали технику просмотрового чтения в рамках работы с

научными текстами. Третье занятие было направлено на обобщение знаний по теме «Художественный текст» и закрепление знаний и техник работы с лексическим словарем. В рамках завершающего четвертого занятия учащиеся познакомились с техникой ознакомительного чтения и работали с научно-публицистическими текстами.

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод о том, что для младших подростков с нормотипичным развитием для расширения ЗБР учебных действий достаточно процедуры первичного тестирования, поскольку при повторном тестировании их результаты были значимо выше. В то же самое время для детей с ЗПР серии из четырех развивающих занятий было недостаточно, и большинство показателей повторной диагностики не были значимо выше результатов первичной. При ответах на вопросы, направленные на понимание и осмысление учащимися прочитанного, в результате проведения повторной диагностики методом параллельных срезов наблюдается тенденция к увеличению ЗБР универсальных учебных действий у контрольной и экспериментальной групп, что говорит о достаточности процедуры первичного тестирования для развития действий структурирования. Однако недостаточность выборки экспериментальной группы не дает возможности говорить о достоверности полученных данных. Также следует отметить, что задания на материале русского языка ранее не использовались для диагностики ЗБР, что до некоторой степени затрудняло интерпретацию результатов [5]. В дальнейшем для повышения достоверности результатов необходимо увеличить как выборку младших подростков с ОВЗ, так и контрольную группу.

Литература

1. *Выготский Л.С.* Проблема обучения и умственного развития в школьном возрасте // Л. С. Выготский. Избранные психологические исследования. М., 1956.
2. *Зарецкий В.К.* Эвристический потенциал понятия «зона ближайшего развития» // Вопросы психологии, 2008. № 6. С. 13-25.
3. *Корепанова И.А.* Опыт исследования зоны ближайшего развития // Психологическая наука и образование. 2004. № 4. С. 11-17.
4. *Корепанова И.А.* Структура и содержание зоны ближайшего развития ребенка в процессе становления предметного действия: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2004.

5. *Лубовский В.И.* Общие и специфические закономерности развития психики аномальных детей // Дефектология. 1971, №6. С. 15-20.

Особенности организационной культуры и социально-психологического климата в организации при смешанной форме работы

Расходчикова М.Н., Филимонова Е.Н.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
elaelochka@gmail.ru

Организационная культура является значимым параметром для успешного функционирования организации. Организационная культура является стратегическим инструментом управления и развития, позволяющим ориентировать сотрудников на общие цели и задачи, согласованность действий, качество работы, мотивацию, проявление инициативы, личную эффективность [5]. Благоприятный социально-психологический климат, в свою очередь, позволяет выстроить продуктивное и положительное взаимодействие, желание и умение устанавливать и поддерживать деловые рабочие связи, сохранять кадры, придерживаясь своего собственного культурного кода, при этом формируя чувство приверженности каждого сотрудника [4]. В термин «культура» заложено основное содержание — это набор правил, традиций, норм и ценностей, которые предъявлены обществу, как базовые ценности, которые обуславливают поведение людей [6]. Примечательно то, что каждая организация имеет уникальную отличительную черту и обладает своим культурным кодом.

Особенную актуальность тема представляет именно сейчас, в период выстраивания новых организационных подходов, связанных с дистанционной коммуникацией, вместо привычной всем очной формы взаимодействия, в период продолжающегося кризиса коронавируса. В этой связи требуется понимание того, что представляет собой современная организация, возникает потребность выявления тех аспектов организационной культуры, которые обеспечивают позитивное влияние на социально-психологический климат в коллективе. Глубокое погружение в изучение существующей внутренней ситуации организации позволит распознать совокупность влияющих внешних и внутренних факторов, формирующие социально-психологический климат организации в целом, понять

уровень согласованности в организации между предпочитаемым и реальными типами организационной культуры, что позволит, в конечном счете, увидеть важность взаимосвязей между культурой и социально-психологическим климатом, разработать комплекс мероприятий и рекомендаций по адаптации к сложившемуся взаимодействию, и получить новые импульсы для эффективного развития [2].

Зачастую изменения в организации начинают поддерживаться после того, как произойдет осознание их актуальности, ожидаемых преимуществ и влияния. А когда структуры и процессы компании выровнены и поддерживают организационную культуру, то и климат в коллективах приходит к уравненному балансу. И все это вместе во взаимосвязи усиливает и укрепляет поведение всех иерархических уровней в организационной структуре, присущее желаемой организационной культуре.

Целью нашей работы является исследование взаимосвязи особенностей организационной культуры и социально-психологического климата организации при смешанной форме работы сотрудников в период пандемии. Первая гипотеза исследования: существует взаимосвязь между организационной культурой и социально-психологическим климатом организации. Вторая гипотеза исследования: существуют различия в социально-психологическом климате при различных формах работы в условиях пандемии. В исследовании приняли участие 89 сотрудников организации, работающие очно, находясь каждый день в офисе, дистанционно и при смешанном режиме, находясь на работе очно 1-2 раза в неделю. В качестве диагностического инструментария использовались методики: «Диагностика организационной культуры» (опросник OCAI К. Камерона и Р. Куинна); методика оценки психологической атмосферы в коллективе (по А.Ф. Фидлеру) [1; 3].

Таким образом, проведенное эмпирическое исследование показало, что существует взаимосвязь особенностей организационной культуры и социально-психологического климата в организации (коэффициент корреляции r -Спирмена). Также были выявлены различия в анализе социально-психологического климата сотрудниками при различных формах работы: наиболее благоприятная атмосфера была отмечена при очном посещении рабочего места, более неблагоприятный климат получился при дистанционном режиме.

Подводя итоги, можно сказать, что социально-психологический климат зависит от внешних и внутренних факторов и влияет на удовлетворенность трудом; существует взаимосвязь между организационной культурой и социально-психологическим климатом;

благоприятная атмосфера формируется в процессе совместной деятельности, которая действует как основа стабильного социально-психологического состояния; благодаря социально-психологическому климату формируется приверженность сотрудников организации.

Литература

1. *Камерон К., Куинн Р.* Диагностика и изменение организационной культуры / пер с англ. под ред. И.В. Андреевой. СПб.: Питер, 2001.
2. *Молчанов М.С., Расходчикова М.Н.* Взаимосвязь особенностей организационной культуры и социально-психологического климата // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы IV Ежегодной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева (13–14 мая 2019 г.). М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2019. С. 217–219.
3. *Парыгин Б.Д.* Социально-психологический климат коллектива. Л., 1981.
4. *Сандермоен Ш.* Организационная структура: Реализация стратегии на практике / Пер. с англ. М.: Альпина Пабlishер, 2020.
5. *Шейн Э.Х.* Организационная культура и лидерство / Пер. с англ. под ред. В.А. Спивака. СПб: Питер, 2007.
6. *Harvard Business Review (HBR).* Корпоративная культура, 2017.

Проблема табакокурения в современном мире

Решетко С.А.

*ФГБУН Институт Психологии РАН,
ГБОУ Школа №1542, Москва, Россия
swetlana.reshetko@yandex.ru*

В настоящее время проблема распространения табакокурения не теряет своей актуальности. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), повышенному риску осложненного течения заболевания COVID-19 подвергаются курильщики [2]. В соответствии с этим в конце прошлого года ВОЗ объявила о начале годовой кампании в 2021 году под названием «Пандемия COVID-19 – повод отказаться от табака» [2]. В рамках данного направления работы планируется создать виртуальные сообщества с целью социальной и

информационной поддержки людей, желающих отказаться от употребления табака. В число стран «с тяжелым бременем употребления табака» [2] входят как развивающиеся страны (Индонезия, Филиппины и др.), так и развитые страны (Германия, США, Китай и др.).

Исследования проблемы употребления табака условно можно разделить на 3 больших уровня [6]:

-макроуровень: влияние политики государства, СМИ на приобщение/отказ от курения;

-микроуровень: влияние ближайшего окружения, в которое входят родственники, друзья, учебный/рабочий коллектив;

-личностный уровень: индивидуально-личностные особенности человека (уровень самооценки, конформности, локуса контроля и т.д.).

Действующая Рамочная конвенция ВОЗ [5] по борьбе против табака достаточно эффективно реализована на макроуровне. В соответствии с ней в нашей стране принят закон 15-ФЗ от 2013г. «Об охране здоровья граждан от последствий потребления табака». В соответствии с принятым законом реклама и демонстрация сцен курения запрещена. Если еще в прошлом веке курение было свойственно практически всем героям как зарубежных, так и отечественных кинофильмов («Весна на Заречной улице», «Криминальное чтиво» и т.д.), то в настоящее время акцент смещается на пропаганду здорового образа жизни («Шаг вперед», «Выкрутасы» и пр.). В соответствии с результатами исследований реклама табака отличалась по своему содержанию и оформлению в зависимости от целевой группы. На данный момент активная прямая реклама табака по телевидению, на массовых мероприятиях запрещена. Реализация антитабачного закона показывает свою эффективность в виде снижения процента уровня распространения табакокурения, однако возрастает процент людей, курящих электронные сигареты, что ставит задачу ужесточения и совершенствования закона [1].

Исследования на микроуровне включают в себя изучение влияния родительской семьи, друзей, школьного коллектива на приобщение или отказ от курения [6]. Согласно результатам исследований в дисгармоничных семьях ребенок довольно часто приобщается к аддикциям, в частности к табакокурению. Отдельный блок исследований касается влияния школьного коллектива и непосредственно политики школы на приобщение к курению. Так в ситуации жестких запретов на курение внутри образовательного учреждения и на его территории в «группе риска» приобщения к курению могут оказаться «изгои» школы, отражающие через курение и нарушение норм свою протестную позицию. В настоящее время

большой акцент в образовательных организациях отводится реализации профилактических программ по предотвращению приобщения к ПАВ [4; 7]. Недавние исследования включают в себя анализ действующих программ профилактики и их эффективность [3].

Отдельный блок представляют исследования личностных особенностей курящих и некурящих людей. Так неадекватно низкая или высокая самооценка, конформность, внешний локус контроля рассматриваются как факторы, способствующие приобщению к курению.

В последнее время в мире наблюдается активная пропаганда здорового образа жизни и профилактика вредных привычек. Тем не менее, реализация профилактических программ подчас затрагивает лишь один уровень изучения факторов приобщения к табакокурению. Попытки комплексного подхода реализуются в программах ВОЗ, однако их реализация в каждой конкретной стране имеет свои особенности.

Литература

1. Антитабачному закону пять лет: результаты, проблемы, решения. URL: <https://tass.ru/obschestvo/4981945>. (дата обращения: 09.04.2021).
2. ВОЗ начинает годовую кампанию, чтобы помочь 100 миллионам человек отказаться от табака. URL: <https://www.who.int/ru/news/item/08-12-2020-who-launches-year-long-campaign-to-help-100-million-people-quit-tobacco>. (дата обращения: 01.04.2021).
3. Гусева Е.И., Петрова В.В., Орлов Ф.В. Интервенции по прекращению курения у молодёжи // Международный студенческий научный вестник. 2019. №1.
4. Корепанова Л.А., Шишкина К.И. Особенности профилактики табакокурения в младшем школьном возрасте // Аллея науки. 2019. Т.3. №1 (28).
5. Рамочная конвенция ВОЗ по борьбе против табака. URL: https://www.who.int/fctc/text_download/ru/. (дата обращения: 01.04.2021).
6. Решетко С.А., Багратиони К.А. Современное состояние психологических исследований проблемы табакокурения // Мир психологии. 2015. №2 (82).
7. Тимербулатова А.Ф. Пропаганда здорового образа жизни как средство профилактики табакокурения среди подростков // Цифровая наука. 2020. № 10.

Креативность как фактор, влияющий на удовлетворенность браком

Русанова М.С.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

rusanovam14@gmail.com

Проблема удовлетворенности браком всегда являлась важной и востребованной, с точки зрения практического применения, областью психологического исследования. Феномен удовлетворенности браком и влияющие на него факторы вызывают острый интерес со стороны множества исследователей и на данный момент этой теме посвящено большое количество исследовательских работ. В современной психологии активно изучаются условия и факторы семейного благополучия в различных жизненных ситуациях, исследуется психологическое здоровье семьи, рассматриваются альтернативные способы построения брачных отношений. В качестве причин, оказывающих влияние на уровень удовлетворенности браком, в психологии были выделены такие параметры, как: период супружеской жизни, материальное благополучие семьи, возраст вступления в брак, отношение со стороны близких и друзей и др. Безусловно, личностные особенности супругов рассматриваются среди наиболее значимых факторов, обуславливающих тот или иной уровень удовлетворенности брачными отношениями. Коммуникативные способности, уровень самооценки, локус контроля, уровень эгоцентризма и многие другие личностные особенности описываются в психологических исследованиях по данной проблематике как имеющие взаимосвязь с уровнем удовлетворенности браком [2; 4].

В нашем исследовании мы предположили, что удовлетворенность браком может иметь взаимосвязь с уровнем креативности человека. В арсенале семейной жизни существует много различных инструментов, с помощью которых регулируются внутрисемейные отношения, и одним из них может быть развитие креативности супругов. В супружеских отношениях креативное поведение каждого из супругов можно рассматривать как созидательное начало, как выход за пределы традиций, установок и норм, который, возможно, позволит преодолеть

возникающую обыденность отношений, ведущую к снижению удовлетворенности браком. Творческий подход в семейной жизни может помешать типичному ходу развития семейных отношений по преобразованию всего, что изначально приносит вдохновение и радость, в скучную рутину. Творческая личность в любых сферах деятельности испытывает неугасаемый интерес, ощущает свободу действий, имеет позитивное отношение к себе и миру, что позволяет ей любить жизнь, окружающих людей и переживать состояния наивысшей радости [3].

Изучение уровня удовлетворенности браком производилось при помощи двух методик: Ю.Е. Алешиной [1] и В.В. Столина [5]. Для выявления уровня креативности использовались три методики: тест креативности Э.П. Торренса, шкала Д. Джонсона, методика Е.Е. Туник [6]. В исследовании участвовали 42 человека в возрасте от 30 до 45 лет, находящиеся в браке более двух лет, жители Российской Федерации.

Исследование удовлетворенности браком показало схожие результаты по обеим методикам. Наибольшая доля респондентов продемонстрировала принадлежность к «благополучному» и «абсолютно благополучному» типам брака.

По уровню самооценки креативности (Е.Е. Туник) основная доля выборки (60%) получила показатель «повышенный». С помощью опросника Д.Джонсона было выявлено, что большинство респондентов (60%) имеют «высокий» уровень креативности. По показателю оригинальности (Э.П. Торренс) 60% респондентов продемонстрировали результат, соответствующий «нормальному» уровню и 20% выборки получили результат «несколько ниже нормы».

Подсчет корреляционной связи осуществлялся при помощи критерия Спирмена.

Между показателями удовлетворенности брака по методике Ю.Е. Алешиной и уровнем самооценки креативности (Е.Е. Туник) значимой взаимосвязи установлено не было, но можно говорить о наличии тенденции к принятию гипотезы о наличии взаимосвязи (на уровне значимости 0,056, что является $<0,1$). Значимая положительная взаимосвязь (на уровне 0,01) была установлена между удовлетворенностью браком (тест Ю.Е. Алешиной) и показателями креативности по оставшимся двум методикам (тест Э.П. Торренса и опосник Д. Джонсона).

Уровень удовлетворенности браком (методика В.В. Столина) имеет прямую значимую взаимосвязь (на уровне 0,05) с самооценкой

креативности (Е.Е. Туник). Значимой взаимосвязи между удовлетворенностью браком (методика В.В. Столина) и показателями креативности по двум другим методикам (тест Э.П. Торренса и опросник Д. Джонсона) установить не удалось, однако есть тенденция к принятию гипотезы о наличии положительной взаимосвязи (на уровне 0,083) удовлетворенности браком с уровнем оригинальности (тест Э.П. Торренса).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что гипотеза о наличии прямой взаимосвязи между удовлетворенностью браком и креативностью в целом получила эмпирическое подтверждение.

Литература

1. *Алешина Ю.Е., Гозман Л.Я., Дубовская Е.М.* Социально-психологические методы исследования супружеских отношений. М., 1987.
2. *Елфимова Ю.А., Красило Т.А.* К вопросу о факторах, влияющих на удовлетворенность браком // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти М.Ю. Кондратьева. М., 2020. С. 209-212.
3. *Красило Т.А.* К проблеме критериев творческой деятельности // Актуальные проблемы психологического знания. 2010. № 3 (16). С. 3-13.
4. *Красило Т.А., Паташури А.Г.* Взаимосвязь удовлетворенности браком с самоотношением личности // Материалы IV Ежегодной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» (13-14 мая 2019 г.). М., 2019. С. 115-118.
5. *Столин В.В., Романова Т.Л., Бутенко Г.П.* Опросник удовлетворенности браком // Вестник Московского Университета. Психология. М., 1984. Серия 14. № 2.
6. *Туник Е.Е.* Лучшие тесты на креативность. Диагностика творческого мышления. СПб., 2013.

О влиянии традиционных норм и ценностей на отношение к употреблению ПАВ

Рустамбекова К.С.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

camillakruspe@gmail.com

Современный высокий ритм жизни вызывает психоэмоциональные перегрузки, человек не способный с ними справиться «экологично», может прибегать к употреблению ПАВ, выступающим «спасителем» – они расслабляют и на какое-то время снижают тревогу, стресс, что приводит к быстрому формированию зависимости [3].

Серьезность и тяжесть последствий зависимости от ПАВ обуславливает интерес к факторам и предикторам их употребления, в число которых входят культурные и социальные (в том числе традиционные) особенности. Современная парадигма изучения формирования заболеваний отражается в биопсихосоциальной модели, согласно которой зависимость от ПАВ образуется при определенном сочетании биологических, психологических и социальных факторов.

Для того, чтобы сформировалась зависимость от ПАВ, должны быть последовательно подкреплены три условия (компонента) предрасположенности [6]:

1) когнитивный компонент – формирование мнения и убеждений относительно наркотиков, табака, алкоголя, при котором человек допускает для себя их употребление (лояльное или категоричное отношение к ПАВ);

2) средовой компонент – доступность психоактивных веществ;

3) физиологический компонент – вызывает ли употребление приятные ощущения, как организм реагирует на поступление вещества, что обусловлено совокупностью генетически детерминированных и приобретённых свойств организма и физиологических особенностей.

Большое значение имеют убеждения относительно ПАВ и их воздействия на организм, последствий и допустимости их употребления. Убеждения складываются в ходе формирования личного опыта человека: культура, окружение, социум, эмоциональные переживания влияют на становление отношения к употреблению. Предпочтения того или иного вида ПАВ связано с культурно-религиозными, социальными и даже климатическими факторами [2].

Семейные ценности и традиции во многом определяют отношение человека к употреблению ПАВ. Риск формирования зависимости у детей гораздо выше в дезорганизованных семьях, где нарушены внутрисемейные коммуникации, присутствует физическое, психологическое или сексуальное насилие, а родители сами употребляют ПАВ [3].

Характер употребления ПАВ может определяться религиозными традициями и нормами. Например, приемлемость алкоголя в христианстве коррелирует с высоким уровнем его злоупотребления, в то же время у народов исламского мира, алкогольная зависимость встречается гораздо реже, при этом может преобладать употребление других ПАВ (опий, каннабис и др.). Мощнейшее влияние на осуждение зависимости от ПАВ оказывает религиозность, однако её роль, как отмечает ряд авторов, у молодого поколения всё чаще перестаёт быть определяющей [5; 6].

Традиционные нормы показывают, что конкретная культура считает стандартным и приемлемым в отношении употребления алкоголя, табака и наркотиков, а также отражает поведенческие ожидания при употреблении ПАВ.

Социальные факторы, побуждающие употреблять ПАВ, связанные с нормами, принятыми в обществе, включают в себя экономическое расслоение общества, безработицу, низкий уровень образования. Мотиватором так же выступает направление молодежных субкультур на употребление ПАВ, а также доступность этих веществ. Культивация ценностей гедонизма и получения немедленного удовольствия, исполнения желаний, зачастую становятся предрасполагающими факторами аддиктивного поведения и стиля жизни. При этом у молодёжи может возникать диссонанс между традиционными и базовыми ценностями и нормами, заложенными в семье и иными приобретенными в социуме ценностями и идеями, поэтому важна внутренняя четкость и организованность иерархии ценностей личности [1; 4; 7].

Оказание помощи людям с зависимостью от ПАВ и профилактика данных состояний сопровождается рядом трудностей, связанных с личностными установками и зачастую не совсем адекватным отношением к проблеме. Факторами защиты от злоупотребления ПАВ являются приверженность традиционным ценностям: система позитивной семейной поддержки, позитивные отношения в семье, сильная привязанность; религиозность и высокий уровень образования.

Литература

1. *Балашова Е.О.* Ценностные ориентации как фактор риска употребления подростками психоактивных веществ. URL: <https://psyjournals.ru/icjp2011/issue/41788.shtml> (дата обращения: 01.04.2021).
2. *Грузд Л.В.* Ценностные ориентации наркозависимой личности. Автореф. дисс. канд. психол. наук. Казань, 2004.
3. *Илюк Р.Д., Громыко Д.И., Берно-Беллекур И.В.,* Особенности эмоционально-волевой сферы наркозависимых и их роль в прекращении потребления психоактивных веществ. Пособие для врачей и клинических психологов. СПб., 2009.
4. *Килина И.А.* Особенности ценностно-смысловых ориентаций личности подростков, употребляющих наркотические вещества. Дисс. канд. психол. наук. Иркутск, 2005.
5. *Патрикеева О.Н., Овчинников А.А., Соловьева И.Г.,* Мотивационный профиль потребителей синтетических каннабиноидов // Неврологический вестник. 2015. Т. XLVII. Вып. 2.
6. *Тимошилов В.И.* Наркопредрасположенность молодежи: факторы риска и оценка качества профилактики: монография. Курск, 2014.
7. *Чеверикина Е.А.* Ценностные ориентации студентов, склонных к зависимости от психоактивных веществ URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-orientatsii-studentov-sklonnyh-k-zavisimosti-ot-psihoaktivnyh-veschestv> (дата обращения: 01.04.2021).

Личностные особенности субъектов с различными типами реагирования на конфликт

Самосюк А.А., Смирнова Ю.С.

*Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
sashamosyuak@mail.ru, smiry@bsu.by*

Проблема конфликтного взаимодействия представляет собой актуальную область социально-психологических исследований. Одно из направлений таких исследований – анализ факторов, детерминирующих поведение участников конфликтов. В поле нашего внимания находятся личностные факторы конфликтного поведения.

Индивидуально-психологические детерминанты конфликтного поведения уже неоднократно выступали предметом анализа в психологических исследованиях [5]. Часто в фокусе внимания авторов оказывались так называемые конфликтные личности [1], именуемые на языке житейской психологии «трудными людьми» [4]. Исходя из идеи о том, что конфликтность обладает не только деструктивным, но и конструктивным потенциалом [3], мы выбрали в качестве предмета исследования личностные особенности людей, склонных различным формам поведения в конфликте, которые также могут быть охарактеризованы как конструктивные или деструктивные. За основу была взята типология реагирования на конфликт Кашапова М.М., включающая три основных типа: «уход», «агрессию», и «оптимальное разрешение» [2].

Для сбора данных использовались Фрайбургский личностный опросник (FPI) в адаптации А.А. Крыловой и Т.И. Ронгинского и методика «Диагностика ведущего типа реагирования» М.М. Кашапова и Т.Г. Киселевой. В опросе приняло участие 67 человек в возрасте от 18 до 25 лет. Из них 39 респондентов – девушки, 28 – юноши.

У большинства респондентов ведущим типом реагирования на конфликт является «оптимальное разрешение» (64,18%), для 29,85% – «уход», для 5,97% – «агрессия». Полученные результаты позволили описать личностные профили людей, склонных в конфликте к поиску оптимального разрешения или к уходу.

«Психологический портрет» человека, склонного к уходу в конфликте, включает в себя следующие личностные особенности: высокий уровень невротичности (среднее значение 7,40), депрессивности (7,30), застенчивости (7,05), раздражительность (6,60) и эмоциональную лабильность (6,50), средний уровень уравновешенности (5,60), открытости (5,85) и общительности (5,35), а также реактивной (5,60) и спонтанной (5,55) агрессивности, экстраверсии – интроверсии (4,75); протекание психической деятельности происходит преимущественно по «женскому типу» (2,85).

«Психологический портрет» человека, склонного к поиску оптимального разрешения конфликта, включает в себя следующие личностные особенности: высокий уровень общительности (7,84) и открытости (7,72), уравновешенность (6,90), средний уровень невротичности (6,49), эмоциональной лабильности (6,26) и раздражительности (6,14), застенчивости (6,23), депрессивности

(5,91), реактивной (5,47) и спонтанной (5,30) агрессивности, экстраверсии – интроверсии (5,02), маскулинности – феминности (4,02).

Поскольку респондентов, склонных к агрессивному типу реагирования на конфликт, было мало, нам не удалось описать их «психологический портрет». Приведем результаты корреляционного анализа. Чем в большей степени субъекту свойственны протекание психической деятельности по «мужскому типу» ($r=0,424$; $p<0,001$), раздражительность ($r=0,345$; $p=0,004$), реактивная ($r=0,312$; $p=0,044$) и спонтанная ($r=0,301$; $p=0,013$) агрессивность, экстравертированность ($r=0,301$; $p=0,013$), тем в большей степени он склонен к агрессивному типу реагирования на конфликт, и наоборот.

Таким образом, люди, склонные к уходу в конфликте, отличаются невротичностью, депрессивностью, застенчивостью. Поиск оптимального решения конфликта характеризует людей общительных, открытых, уравновешенных. Склонность к агрессивному типу реагирования в конфликте сопряжена с маскулинностью, реактивной и спонтанной агрессивностью, раздражительностью, экстравертированностью личности. Полученные результаты свидетельствуют о высоком эвристическом потенциале исследований личностных факторов конфликтного поведения.

Литература

1. *Богданов Е.Н., Зызыкин В.Г.* Психология личности в конфликте. СПб., 2004.
2. *Кашапов М.М., Башкин М.В.* Психология конфликтной компетентности. Ярославль, 2010.
3. Психология конструктивной конфликтности личности. Монография / Под ред. А.В. Карпова, М.М. Кашапова. Ярославль, 2013.
4. *Смирнова Ю.С.* «Трудные люди»: психологический смысл житейской категории // Актуальные проблемы психологии личности и социального взаимодействия / Под ред. А.В. Ракицкой, О.Г. Митрофановой. Гродно, 2018.
5. *Черняева Т.В.* Индивидуально-психологические детерминанты конфликтного поведения студентов вуза: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2008.

Микроклимат студенческой группы как фактор психологического благополучия субъекта

*Самохвалова А.Г., Вишневская О.Н.
ФГБОУ ВО «Костромской государственный
университет», Кострома, Россия
a_samohvalova@ksu.edu.ru, cherry14.88@mail.ru*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и КН РА
в рамках научного проекта № 20-513-05005\20.*

Несомненно, одной из важнейших задач государства является обеспечение психологического благополучия, защищенности и безопасности студенческой молодежи как главного человеческого ресурса развития общества в будущем. Особенно эта задача становится актуальной в эпоху больших вызовов (политических и экономических потрясений, масштабных миграционных процессов, стремительного развития киберпространства, цифровизации, распространения пандемий и др.).

С позиций гедонистического подхода психологическое благополучие человека понимается как результат переживания положительных эмоций и удовлетворенности своей жизнью (N.M. Bradburn, E. Diener, J. Czapinski и др.); а с позиций эвдемонистического подхода главным источником психологического благополучия является личностный рост человека (C.D. Ryff, A.S. Waterman, M. Richardson и др.). Оба подхода, на наш взгляд, подчеркивают важность позитивных взаимоотношений личности с другими людьми в социальном контексте, которые являются, с одной стороны, источником счастья, приятных эмоций, с другой – ресурсом самореализации и саморазвития субъекта в социальной группе. Причем проблема психологического благополучия – это проблема не воздействия на субъекта наличествующих условий и ситуаций, а субъективного отношения к ситуации и собственным возможностям, степени самореализованности, востребованности [2].

Студенческая группа – важнейшее пространство, которое определяет психологическое благополучие/неблагополучие субъекта. Благоприятный психологический климат создает чувство психологической безопасности, защищенности [1]; человеку в такой группе удобно выражать себя и быть собой, комфортно делиться своими проблемами и ошибками, не боясь смущения, стыда, насмешек или возмездия [4]. Неблагоприятный психологический климат студенческой группы вызывает субъективное ощущение личной

опасности, страх негативных последствий самовыражения, безынициативность, нежелание включаться в межличностные коммуникации [3; 5].

В исследовании, проводимом на базе Костромского государственного университета, проверялась гипотеза о влиянии микроклимата студенческой группы на психологическое благополучие субъекта. Выборку составили 289 студентов 18-20 лет ($M = 19,7$).

Для определения актуального уровня психологического благополучия и оценки его основных показателей (наличие цели в жизни, положительные отношения с другими, личностный рост, управление окружением, самопринятие и автономия) была использована методика К. Рифф «Шкала психологического благополучия» в адаптации Н.Н. Лепешинского; а также Шкала удовлетворенности жизнью (E. Diener, R.A. Emmons, R.J. Larsen, S. Griffin в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина). Исследование степени благоприятности психологического климата в студенческой группе проводилось с помощью методики В.М.Завьялова «Оценка микроклимата студенческой группы».

Результаты исследования показали, что студенты имеют среднюю (47%) и низкую (53%) степень психологического благополучия. При оценке отдельных показателей благополучия установлено, что студенты нередко испытывают беспокойство по поводу некоторых своих личных качеств, недовольны собой, у них возникают сложности в организации повседневной деятельности, постановке и выборе целей и намерений; некоторые из них чувствуют себя неспособными изменить или улучшить складывающиеся обстоятельства и отношения, а также не видят перспектив, определяющих смысл их жизни, т.е. недостаточно развиты когнитивный и конативный компоненты психологического благополучия. Вместе с тем, аффективный компонент более развит – большинство студентов (59%) удовлетворены собственной жизнью и лишь 16% отмечают неудовлетворенность жизнью.

Благоприятность психологического климата в группах оценивается студентами чаще на среднем уровне (69,5%), обучающиеся чувствуют себя весьма уютно, преобладает спокойное и жизнерадостное настроение, а трудности связаны, прежде всего, с распределением общественных поручений внутри коллектива и выполнением общих задач. Неблагоприятный микроклимат отмечают 8,3% студентов, чувствуя себя в группе дискомфортно, испытывая трудности самореализации, страх самовыражения.

Степень благоприятности климата в группе связана с уровнем актуального психологического благополучия студентов ($r=0,18$; $p<0,05$) и оценкой удовлетворенности собственной жизнью ($r=0,12$; $p<0,05$). Студенты в группах с благоприятным психологическим климатом отличаются адекватностью, гибкостью, умением контролировать внешнюю деятельность, проявляют умения улавливать или создавать условия и обстоятельства, подходящие для удовлетворения личных потребностей и достижения целей ($r=0,23$, $p<0,05$). Регрессионный анализ подтвердил влияние климата в группе на психологическое благополучие студентов ($\beta=0,2$; $p=0,005$). Атмосфера безопасности, комфорта, доверия и взаимопонимания способствует тому, что студенты более положительно относятся к себе, верят в себя, осознают и принимают свои положительные и отрицательные качества ($\beta=0,22$; $p=0,005$); стремятся к самореализации, развитию своих потенциалов, открыты новому опыту ($\beta =0,15$; $p=0,004$); готовы выстраивать доверительные отношения, заботится о благополучии других, сопереживать, идти на взаимные уступки ($\beta=0,21$; $p =0,005$).

Неблагоприятный микроклимат в студенческой группе препятствует развитию всех компонентов психологического благополучия субъекта ($p<0,02$).

Таким образом, результаты исследования доказали влияние микроклимата в учебных группах на уровень психологического благополучия студентов и удовлетворенность их собственной жизнью. Благоприятный климат способствует возникновению самоощущения целостности и осмысленности студентами своей жизни.

Литература

1. *Баева И.А., Гаязова Л.А., Кондакова И.В., Лактионова Е.Б.* Психологическая безопасность личности и ценности подростков и молодежи // Психологическая наука и образование. 2020. Т. 25. № 6.
2. *Бессонова Ю.В.* Психологическое благополучие профессионала в экстремальных условиях деятельности // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики / Под ред. А.А. Обознова, А.Л. Журавлева. М., 2018.
3. *Кондратьев М.Ю.* Социальная психология // Психологический лексикон: в 6 т. Т. 3. М., 2005.

4. *Torralba K.D., Jose D., Byrne J.* Psychological safety, the hidden curriculum, and ambiguity in medicine // *Clinical Rheumatology*. 2020. Vol. 39.
5. *Zeng H., Zhao L., Zhao Y.* Inclusive Leadership and Taking-Charge Behavior: Roles of Psychological Safety and Thriving at Work // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11.

Взаимосвязь между уровнем самооценки и склонностью к созависимости

Сардарян Е.Д., Ткаченко Н.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

lizaskovo@gmail.com, tkachenko_nv@bk.ru

На сегодняшний день проблема созависимости довольно распространённая, ей подвержены почти 98 % взрослого населения [4]. Созависимость является приобретенной формой дисфункционального поведения, которая формируется с раннего детства, когда не решаются задачи развития личности. На данный момент выяснено, что созависимость является корнем всех зависимостей: химической зависимости, зависимости от денег, еды, работы, секса и т.д. Опираясь на вышесказанное, несомненно, прослеживается, что вредоносное влияние созависимости ухудшает качество жизни человека и общества в целом.

Патологическая составляющая созависимого поведения проявляется на всех уровнях: физическом, эмоциональном, поведенческом, социальном и духовном. Происходит смещение фокуса внимания со своей личности, на эмоционально значимый субъект, дополненный контролирующим поведением. В результате у созависимой личности формируется адаптационное расстройство и возникают тревожные и депрессивные реакции [1]. Среди психосоматических заболеваний: язва, астма, головные боли и болезни сердца [2].

Созависимые люди только производят впечатление чрезмерной ответственности, но они одинаково безответственны за свое состояние, потребности и здоровье и полноценно не справляются с родительскими обязанностями. Из-за своей незащищённости созависимые нуждаются в заботе, в противном случае есть риск погрязнуть в собственных проблемах, или даже погибнуть от физических или психических заболеваний.

Основной характеристикой, на которой основываются другие свойства созависимой личности, является низкая самооценка. Люди с низкой самооценкой направляют свою деятельность вовне, не умеют заботиться о своих потребностях, в связи с чем ощущают зависимость от окружающих их людей. Был выявлен факт, что у созависимых возникает обесценивание собственных переживаний, подчинение собственных потребностей интересам других. Чем больше созависимые испытывают неприятные мысли и чувства, тем больше снижают их субъективную значимость и тем меньше способны вырабатывать стратегии разрешения проблемной ситуации. Это в свою очередь отрицательно сказывается на выработке здоровой самооценки и усугубляет ситуацию. Созависимые реагируют на проблемную ситуацию по типу уклонения, вытесняют чувства и мысли, связанные с проблемой – это усиливает тревогу. Они оказываются не способными пресекать переживания, вызванные неприятной ситуацией, при помощи логических установок.

Целью настоящего исследования стало выявление у людей с низкой самооценкой склонности к созависимости. В качестве основной гипотезы исследования выступает предположение о том, что есть статистически значимая взаимосвязь между уровнем самооценки и степенью созависимости.

Базой эмпирического исследования явились 3 организации из сферы автомобильного бизнеса. Исследованием было охвачено 120 человек в возрасте от 25 до 45 лет. Среди 120 респондентов 52 женщины составили 43%, 68 мужчин – 57%. Процедура проведения эмпирического исследования заключалась в тестировании респондентов по шкале созависимости Уайнхолд (The Codependency Self-Inventory Scale, CSIS) [3] и по методике Н.М. Пейсахова «Исследование самооценки личности» [4].

Результаты исследования выявили высокую обратную корреляцию между уровнем самооценки и степенью созависимости. Причем у женщин эта взаимосвязь более тесная. По результатам статистического анализа коэффициента была установлена взаимосвязь между уровнем самооценки и степенью созависимости (корреляции Спирмена (ρ) = 0,855 для респондентов женского пола и (ρ) = 0,797 для респондентов мужского пола).

Данная информация будет ценной для практикующих психологов и для людей, занимающихся саморазвитием. На основе этого можно выстроить стратегию работы с созависимыми клиентами и заниматься профилактикой созависимости.

Литература

1. *Меринов А.В., Шустов Д.И., Федотов И.А.* Современные взгляды на феномен созависимого поведения при алкогольной зависимости (обзор литературных данных) // Российский медико-биологический вестник имени академика И.П. Павлова, 2011. №3. С. 136 – 141.
2. *Малкина-Пых И.*, Психология поведения жертвы. М. «ЭКСМО», 2006.
3. *Столяренко Л.Д.* Основы психологии: Практикум. Тест «Самооценка». Ростов-на-Дону, 2003. С. 479-480.
4. *Уайнхолд Б., Уайнхолд Дж.* Освобождение от созависимости / Перевод с англ. А. Г. Чеславской М.: Независимая фирма «Класс», 2003.

Психология устойчивого города. Транспортный вопрос

Сауткина Е.В.

*НИУ ВШЭ, Москва, Россия
esautkina@hse.ru*

В современном мире все большее значение приобретают вопросы устойчивого развития городов, в частности его психологические аспекты. Устойчивое развитие определяется как развитие общества, которое удовлетворяет потребности настоящего без ущерба для возможности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности [1].

В городах сегодня проживает более 4,4 миллиарда человек, что соответствует более 55% населения планеты. Города, безусловно, являются центрами цивилизации, ее социальной, экономической и культурной жизни. Вместе с тем, городская среда с каждым десятилетием становится все более синонимична с высоким уровнем стресса, вызванного перенаселением, интенсивным движением транспорта, нехваткой зеленых пространств, загрязнением воздуха и шумом.

В психологии среды негативное влияние этих факторов на психику и здоровье человека исследуется с начала 1970-х годов, при этом постоянно подчеркивается важность вопроса улучшения качества жизни в городах [2].

Современные города безусловно изобилуют возможностями для устойчивого развития, многие из которых представляют взаимовыгоды. В частности, проблема чрезмерного использования личного транспорта в городах и, как следствие, нарушение экологического баланса, может решаться благодаря переходу на экологически благоприятные виды транспорта (как общественный, так и личный) и активный транспорт (подразумевающий также изменение дорожной инфраструктуры).

Такого рода изменения помогают улучшить показатели качества жизни в городе, связанные с экологией, здоровьем и психологическим благополучием. В частности, переход на электротранспорт помогает избежать токсичных выхлопов и загрязнения воздуха, а также снижает уровень шума в городе.

Активный транспорт способствует улучшению психологического и физического здоровья, одновременно положительно влияя и на экологические показатели [3; 4]. Кроме того, с ростом экологической осведомленности населения, пользование такими видами транспорта несет и вторичную благоприятную функцию, т.к. вовлечение в проэкологическое поведение связано с положительным образом себя и психологическим благополучием [5; 6].

В связи с вышеперечисленным могут быть рассмотрены теоретические основания «устойчивости» транспортного вопроса городов с точки зрения психологии среды, а также изучены конкретные кейсы из жизни современных российских городов в целом и мегаполисов, в частности.

Литература

1. *Brundtland, G.* Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future. United Nations General Assembly document A/42/427. Oslo, 1987.
2. *Honold, J., Beyer, R., Lakes, T. van der Meer, E.* Multiple environmental burdens and neighborhood-related health of city residents // *Journal of Environmental Psychology*. 2012. Vol. 32. Issue 4.
3. *Jarrett, J., Woodcock, J., Griffiths, U. K., Chalabi, Z., Edwards, P., Roberts, I., Haines, A.* Effect of increasing active travel in urban England and Wales on costs to the National Health Service // *The Lancet*. 2012. Volume 379. Issue 9832.
4. *Ward Thompson, C.* Activity, exercise and the planning and design of outdoor spaces // *Journal of Environmental Psychology*. 2013. Volume 34.

5. *Venhoeven L. A., Bolderdijk J. W., Steg L. Why Acting Environmentally-Friendly Feels Good: Exploring the Role of Self-Image // Frontiers in Psychology. 2016. Volume 7.*
6. *Taufik, D., Venhoeven, T. Emotions and pro-environmental behavior. Environmental psychology / L. Steg, M. de Groot (Eds.). Oxford, 2018.*

Психологический тренинг как методологическая технология обеспечения психического здоровья молодых сотрудников подразделений Росгвардии РФ

Сафронова Н.Л.

*ОВО по Георгиевскому городскому округу – филиал ФГКУ «УВО ВНГ России по Ставропольскому краю», Георгиевск, Россия
natalisafronova07@rambler.ru*

К написанию данных тезисов нас побудило стремление систематизировать обширный теоретический и практический материал с целью оказания действенной помощи психологам и работникам кадровой службы Росгвардии в работе с молодыми сотрудниками. Исследуя практическую работу психолога в структурах Росгвардии, мы вышли на актуальный в данный момент вопрос – работу с молодыми сотрудниками, только устроившимися работать в силовую структуру. Актуальность обусловлена, в первую очередь, изменением отношения сотрудников к труду и изменением требований к отбору кандидатов на должность.

Возникающие теории эмоционального отношения к труду, соответствия его процесса динамическим характеристикам деятельности конкретного человека, требования, предъявляемые процессом труда к индивидуальному когнитивному стилю, степень коммуникативной задействованности, обилие стрессов или, напротив, наличие монотонии, выраженный повседневный риск сотрудника Росгвардии, требующий повышенной осторожности, строгая иерархия соподчиненности и слепого выполнения указаний вышестоящего лица, нагрузки, связанные с необходимостью принятия самостоятельных решений в сложной обстановке – всё это далеко не полное описание профессиональной специфики, требующей индивидуально-личностной созвучности. Очень низкая информированность в современных изданиях о новых психологических проблемах аттестованных сотрудников

правоохранительных органов и способах их решения и их представленность в несколько искаженном виде в электронных источниках требует приведения всего этого многообразия к классификации и систематизации.

В статье обобщены результаты практического исследования по построению модели компетенций молодых сотрудников Отдела Вневедомственной Охраны по Георгиевскому городскому округу – филиала ФГКУ «УВО ВНГ России по Ставропольскому краю» (2019-2020г.).

В каждом виде трудовой деятельности есть своя специфика. В центре внимания психолога должны быть особенности модели компетенций конкретного вида профессиональной занятости. При этом изучению и выявлению подлежат не те внешние стороны проявления индивидуального поведения, которые звучат как характеристики, а та типологическая основа, на которой эти свойства должны базироваться.

Вот эта самая основа и становится моделью компетенций сотрудников, без которой трудно понять психологу, что же способствует лучшей по результативности и внутренней эффективности рабочей деятельности сотрудников.

Следуя циклу развития, необходимо сразу определить, как связаны выполнение задач, стоящих перед подразделением, с потребностью данной структуры. Существует четкая связь с потребностью всей организации (на данный момент потребность Росгвардии выглядит как стремление привести всё к четкому систематизированному упорядоченному плану) и эффектом от обучения (в первую очередь молодых сотрудников).

Чтобы выйти на обучение молодых сотрудников, на их развитие, необходимо: во-первых, определить компетенции, наличие которых можно предполагать у небольшого количества новых сотрудников; во-вторых, развить те из них, отсутствие которых, скорее всего, приведет к проблемам.

Развивая необходимые модели поведения, можно достичь видимого адаптационного эффекта за достаточный период времени во время стажировки молодого сотрудника. Поведение человека – это проявление его внутреннего мира, способ его коммуникации с внешним миром, его ответ на требования окружающей среды.

Исходя из его профиля, определяется возможность дальнейшего развития молодого сотрудника, выступающая как среда, предполагающая свободу выбора для субъекта, прежде всего, самореализовываться в выбранном направлении по развитию недостающих компетенций или нет. В этом и есть сущность субъект-

субъектного подхода, когда процесс и результаты определяются как процесс адаптации субъекта к требованиям социальной среды, заключенным в модели компетенций.

По результатам созданного профиля компетенций молодого сотрудника составляется программа обучения сотрудников, их психологического сопровождения и оценки развития корректируемых личностных особенностей.

Оптимально используемым методом развития является социально-психологический тренинг. В отличие от других форм обучения, тренинг предполагает обратную связь; проходит в специфически неформальной среде; предполагает активность / обмен опытом; обучение осуществляется на базе опыта.

Главное отличие тренинга от традиционного обучения – активность участников. В тренинге акцент ставится на получении практических навыков, необходимых в повседневной работе. Тренинги поддерживают активный ритм человека, помогают лучше разбираться в людях и понимать мотивацию их поступков, налаживают взаимоотношения в коллективе, повышают уровень ответственности сотрудников. Результативность тренинга в решающей степени зависит от соблюдения в группе общепринятых принципов. Основные из них: активность на занятиях; принцип открытой обратной связи; принцип «здесь и теперь»; доверительность в общении.

Целью нашей работы на базе ОВО по Георгиевскому городскому округу стала методическая разработка и внедрение гуманитарной субъект-центрированной парадигмы построения психологической практики в структурах Росгвардии для реализации практикоориентированных профилей в сфере обеспечения психологической адаптации молодых сотрудников, приходящих работать в ВНГ РФ. Таким образом, обеспечивается правоохранительная деятельность, безопасность личности, общества и государства, социальная помощь, организация деятельности психологических служб.

Литература

1. *Емельянов Ю.Н.* Активное социально-психологическое обучение. Л., 1985.
2. *Исмагилова Ф.С.* Основы профессионального консультирования. М., 2003.
3. *Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М.* Психология малой группы: теоретический и прикладной аспекты. М., 1991.

4. Куданкина И.А. «Психологическое сопровождение стажеров и молодых сотрудников». Йошкар-Ола, 2010.
5. Сидоренко Е. «Мотивационный тренинг. Практическое руководство». СПб, 2007.

Социальные представления об аутизме в двух группах

*Сачкова М.Е., Шпицберг А.И.
ФГБОУ ВО РАНХиГС, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
sachkova@list.ru, shpitsberg.nastya@yandex.ru*

Понятие «аутизм» является в достаточной степени известным и часто употребляемым. Однако восприятие данного явления у людей может различаться. Прежде всего, на формирование представлений влияние оказывают СМИ, а также те социальные группы, в которые человек входит или с которыми себя идентифицирует. Несомненно, фактором, детерминирующим различные взгляды на аутизм, может стать и наличие или отсутствие опыта взаимодействия с людьми, имеющими расстройство аутистического спектра (РАС).

На наш взгляд, наиболее адекватным и обоснованным в случае изучения подобного рода феноменов могло бы стать обращение к хорошо зарекомендовавшей себя как в западных странах, так и в России теории социальных представлений. Основы данной концепции были заложены во французской социально-психологической школе С. Московичи [2]. Важно, что социальные представления становятся необходимыми в ситуации, когда нужно объективно понимать происходящее вокруг и соответствующим образом реагировать, адаптируясь к процессам окружающей среды [1].

В нашем исследовании была поставлена цель выявить структуру и содержание социальных представлений об аутизме в разных социальных группах.

В связи с этим была выдвинута гипотеза о том, что представления об аутизме у двух групп респондентов (имеющих и не имеющих опыт взаимодействия с людьми с РАС) будут отличаться. А именно: 1. Социальные представления об аутизме будут более согласованы у респондентов, не имеющих опыт взаимодействия с людьми с РАС.

2. Представления респондентов, имеющих и не имеющих опыт взаимодействия с людьми с РАС, будут различаться по валентности составляющих их элементов.

Исследование социальных представлений осуществлялось посредством метода свободных ассоциаций (с последующим применением прототипического анализа П. Вержеса), оценки валентности ассоциаций осуществлялась по 7-балльной шкале (где от 1 до 3 – отрицательная, от 3 до 5 – нейтральная, от 5 до 7 – позитивная оценка). Всего в исследовании участвовали 136 человек: 35 мужчин в возрасте от 22 до 44 лет и 101 женщина в возрасте от 20 до 52 лет, из них 43% имели опыт взаимодействия с людьми с аутизмом, 57% такого опыта не имели.

На основе полученных результатов эмпирического исследования удалось выявить следующую структуру представлений респондентов об аутизме (в скобках указаны значения частоты и ранга ассоциации): в зону ядра представлений людей без опыта взаимодействия попала только одна ассоциация – *болезнь* (35; 2,6); к контрастирующим элементам относятся такие ассоциации, как *изоляция* (13; 2,3), *стереотипы* (12; 2,5), *гениальность* (10; 2,4), *агрессивность* (10; 2,5), *отстраненность* (8; 2,6); в первой периферической системе ассоциации *несоциальный* (39; 3,1), *трудности воспитания* (16; 3,9), *другой* (15; 3,2), *ребенок* (15; 3,3); во второй периферической системе *клеймо* (11; 3,2), *свой мир* (11; 3), *взгляд* (10; 3,1), *талантливый* (8; 3,2), *опасный* (8; 3,2). У группы респондентов с опытом были зафиксированы следующие результаты: в зону ядра попали ассоциации *несоциальный* (33; 2,6), *стереотипы* (17; 2,7), *отстраненный* (12; 2,2), *изоляция* (12; 2), *болезнь* (11; 2,3); в зоне контрастирующих элементов была зафиксирована одна ассоциация – *взгляд* (8; 2,4); в первой периферической системе также только одна ассоциация *чувствительный* (11; 3,4); во второй периферической системе понятия *особенный* (8; 3), *тяжелое поведение* (8; 3,2), *свой мир* (8; 3,1), *агрессивность* (8; 3,6), *неразговорчивый* (6; 3), *повтор действий* (6; 3,3), *эмоциональный* (6; 3,8), *нарушенное восприятие* (6; 3,2).

В результате прототипического анализа было обнаружено, что более согласованные представления у респондентов без опыта взаимодействия с людьми с РАС. Аутизм четко ассоциируется всегда с болезнью. На наш взгляд, это может быть связано с тем, что данное представление стереотипизировано. В обществе на данный момент доминирует широко представленная, прежде всего, в СМИ позиция, что аутизм – это неизлечимая болезнь, которая имеет большое распространение в современном мире. Свою роль может играть и отсутствие достоверной информации по данной теме. Согласно данным анкетного опроса было установлено, что в основном респонденты получают информацию об аутизме из таких источников,

как СМИ, кино и знакомые. По первой гипотезе были обнаружены различия в структуре и содержании представлений. Однако по второй гипотезе различия не достигли статистической значимости. Валентность элементов представлений в двух группах фиксировалась около значения 3, что свидетельствует о доминировании отрицательных, в меньшей степени нейтральных и отсутствии положительных ассоциаций при восприятии феномена аутизма.

Литература

1. *Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В.* Человек в цифровом обществе: объяснительный потенциал одной социально-психологической теории [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 143–157. doi:10.17759/psylaw.2020100310
2. *Московичи С.* Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. №1. С. 3–18.
3. *Алехина С.В.* Сопровождение, обучение и воспитание лиц с РАС: обзор зарубежного опыта. М.: ФРЦ ФГБОУ ВО МГППУ, 2016.

К вопросу изучения человеческого фактора как причины дорожно-транспортных происшествий

Свириденко И.Н., Расходчикова М.Н.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
innans@mail.ru

Дорожно-транспортные происшествия остаются важной социально-экономической проблемой в мире. Среди причин их возникновения выделяют «неисправности» компонентов системы дорожного движения, важнейшими из которых являются транспортное средство, дорожная инфраструктура, участники дорожного движения и их взаимодействие.

Большинство исследований по безопасности движения содержат вывод, что основной причиной аварий является человеческий фактор. При этом самыми уязвимыми участниками дорожного движения признаны пешеходы и водители, так как они не имеют необходимой защиты при передвижении [2, с. 46].

В исследовании, проведенном Л. Лиянаге [2], проанализировано 26263 записи о дорожно-транспортных происшествиях за 2018 год в Шри-Ланке с выделением четырех групп: только повреждение транспортного средства, нетяжелые травмы, серьезные травмы, смертельный исход. Установлено, что наибольшее количество аварий (69,6%) произошло при превышении скорости транспортного средства. Из общего числа несчастных случаев 72% повлекли за собой высокий риск причинения вреда здоровью и даже гибель людей.

Внимание было сфокусировано на трех независимых переменных: пол водителя / пешехода, возраст водителя / пешехода и тест на алкоголь. Анализ данных показал, что смертельный исход по вине водителя / пешехода женского пола в 1,2 раза выше, чем по вине водителя / пешехода мужского пола. Смертность от несчастных случаев среди участников движения в возрасте от 18 до 34 лет в 1,5 раза больше, чем в других возрастных группах ($p < 0,001$), а риск смертельного исхода из-за превышения допустимого уровня алкоголя в 1,25 раза выше в сравнении с ситуациями, когда водитель / пешеход вообще не употреблял алкоголь или его уровень ниже допустимого ($p < 0,001$).

В ходе индивидуальных интервью чешских психологов с участниками дорожно-транспортных происшествий, в которых хотя бы один участник обращался в больницу из-за полученных травм, оказалось, что наиболее частой психологической причиной аварий является невнимательность участников дорожного движения: в 40% проанализированных случаев именно невнимательность способствовала возникновению ДТП [1, с. 557]. В свою очередь невнимательность может быть вызвана перегрузкой внимания (35%), отвлечением (19%), монотонным вождением (13%) и др. Также чешские исследователи выявили статистически значимые различия между мужчинами и женщинами, молодыми водителями до 25 лет, водителями среднего возраста и пожилыми людьми старше 65 лет [1].

Дорожно-транспортные происшествия молодых водителей связаны с отсутствием достаточного опыта вождения, оценки скорости, расстояния, сложности маршрута или качества дорожного покрытия, переоценка своих навыков вождения. Причинами ДТП у пожилых водителей: снижение когнитивных и психомоторных функций, нарушения зрения и слуха, переоценка собственной способности управлять автомобилем. Факторы риска возникновения ДТП для женщин – паническая реакция и невнимательность, а для водителей-

мужчин – искажение дорожной ситуации, при это более 70% аварий происходят на регулярно пройденном маршруте.

По результатам опроса, проведенного Э. Пападимитриу, С. Лассаром, Дж. Яннисом [3], установлено, что от 15% до 35% пешеходов склонны рисковать, переходить дорогу по диагонали, совершать другие опасные действия. При этом, говоря о самих себе, большинство пешеходов считает, что они быстрее, безопаснее и более осторожны, чем другие пешеходы. Только 43% участников сообщили, что они никогда не пересекают дорогу вне установленных мест перехода. Пешеходы склонны к негативной оценке водителей, хотя и не считают, что основная вина в несчастных случаях лежит на них.

Таким образом, для изменения ситуации, связанной с безопасностью дорожного движения, необходимо комплексное изучение всех факторов, способствующих возникновению дорожно-транспортных происшествий, включая анализ поведения или состояния человека, которые могут привести к аварии или повлиять на ее причину. Результаты исследований поведенческих факторов могут быть полезны для составления различных образовательных программ в области дорожной безопасности, для обучения начинающих водителей, а также для разработки методических рекомендаций и предложений в законодательную базу в области безопасности дорожного движения.

Литература

1. *Bucsuházya K., Matuchová E., Zůvalaa R., Moravcováa P., Kostíkováa M., Mikuleca R.* Human factors contributing to the road traffic accident occurrence // *Transportation Research Procedia*. 2020. Vol. 45.
2. *Liyanage L.* The Effect of Human Factor on the Prevalence and Severity of Road Accidents // *American Research Journal of Humanities & Social Science (ARJHSS)*. 2020. Vol. 03.
3. *Papadimitriou E., Lassarre S., Yannis G.* Human factors of pedestrian walking and crossing behaviour // *Transportation Research Procedia*. 2017. Vol. 25.

Типы психологической виктимности группы матерей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью

Семенова Л.Э.

*ФГБОУ ВО ПИМУ, Нижний Новгород, Россия
verunehka08@list.ru*

Постоянный рост числа детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и инвалидностью приводит к закономерному увеличению количества воспитывающих их родителей как особой социальной группы, которая имеет специфические социально-психологические проблемы и, соответственно, нуждается в специальной психологической и психотерапевтической помощи.

По имеющимся данным, родители таких детей в абсолютном большинстве своем демонстрируют признаки психологического неблагополучия, среди которых состояние хронического стресса и отчаяния, чувство вины, страхи, депрессия, фрустрация потребности в безопасности и принятии, нарушение социальных связей, ограничение возможностей для самореализации, негативное самоотношение, переутомление, внутриличностные конфликты, невротическая и психосоматическая симптоматика и многие другие [2; 3; 4; 7; 8 и др.]. При этом в силу ряда социально-психологических факторов (общественное мнение, дифференциация отцовских и материнских функций, последствия женской и мужской социализации, распространенность монородительства женщин, в том числе воспитывающих детей с ОВЗ и инвалидностью и т.п.), как правило, в особо трудном положении оказываются матери детей с ОВЗ и инвалидностью.

Очевидно, что практически все вышеперечисленные особенности родителей (и, прежде всего, матерей) детей с ОВЗ и инвалидностью являются деструктивными и создают наряду с внешними (социальными) внутренние (психологические) препятствия для эффективного выполнения родительских функций в целом и для создания оптимальной коррекционно-развивающей семейной среды в частности. К тому же, не исключено, что реальные жизненные трудности матерей детей с ОВЗ и инвалидностью, которые столкнулись с болезнью или особым состоянием своего ребенка, и отсутствие у многих матерей личностных ресурсов для преодоления этих трудностей, их психологическое неблагополучие, становятся основой для развития и проявления виктимности. Однако фактов, подтверждающих это утверждение, пока недостаточно, поскольку в

современной психолого-педагогической литературе проблема виктимизации обсуждается преимущественно применительно к самим детям, подросткам и лицам молодого возраста с ОВЗ и инвалидностью [1; 9; 10].

С учетом изложенных выше обстоятельств целью своего исследования мы определили изучение характера психологической виктимности матерей, воспитывающих детей с ОВЗ и инвалидностью. В частности, мы выявляли тип ролевой виктимности личности женщин-матерей (по М.А.Одинцовой и Н.П.Радчиковой, которые помимо невиктимных личностей различают «игровую» и «социальную» виктимность, т.е. добровольную идентификацию себя с жертвой и роль жертвы, навязанную извне [5; 6]). При этом мы убеждены, что тип виктимности личности матерей детей с ОВЗ и инвалидностью может стать одним из основополагающих моментов для выбора стратегии и тактики необходимой им психологической помощи.

В качестве диагностического инструментария нами был использован опросник вышеуказанных авторов «Тип ролевой виктимности» [6].

В общей сложности в проведенном сравнительном исследовании приняли участие 228 матерей, из которых 107 воспитывают детей с ОВЗ и инвалидностью (группа 1) и 121 воспитывают детей без ОВЗ и инвалидности (группа 2); возраст детей 5-9 лет.

Согласно полученным результатам, невиктимный тип личности оказался присущ только 10% матерей из группы 1, тогда как в группе 2 невиктимных личностей было почти в три раза больше – 28% ($\varphi=3,55$; $p\leq 0,01$). Напротив, «социальная роль жертвы», как следствие стигматизации, складывающаяся на фоне трудных жизненных ситуаций под воздействием негативных внешних и внутренних факторов и приводящая к переживаниям собственной испорченности и ненужности, достоверно чаще встречалась в группе 1 ($\varphi=1,83$; $p\leq 0,05$). И только «игровая роль жертвы» или «аутовиктимный» тип личности, как следствие добровольной идентификации с жертвой с установкой на получение выгоды от своего положения и манипулирования другими, примерно в равной степени оказался характерен и для матерей группы 1 (40%), и для матерей группы 2 (34%).

Таким образом, как показало наше исследование, абсолютное большинство женщин-матерей, воспитывающих детей с ОВЗ и инвалидностью, относятся либо к числу «виктимных» личностей, в поведении которых доминирует социальная роль жертвы, либо к категории «аутовиктимных», для которых характерна игровая роль

жертвы со склонностью к зависимости, инфантильности и манипуляции, тогда как невиктимные составляют меньшинство. При этом по сравнению с матерями детей без ОВЗ и инвалидности в группе женщин-матерей, воспитывающих детей с ОВЗ и инвалидностью, невиктимных личностей на порядок меньше, а «виктимных», напротив, – значительно больше.

Литература

1. Горбунова Н.Е., Труфанова Г.К., Хлыстова Е.В. Анализ риска возникновения буллинга в психолого-педагогическом пространстве инклюзивной школы // Педагогическое образование в России. 2015. № 8.
2. Гринина Е.С. Особенности эмоционального состояния женщин, воспитывающих детей с нарушениями развития // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2019. Том 16. № 2.
3. Зарубина Н.И. Психологические особенности родителей, воспитывающих детей с ОВЗ и детей-инвалидов, их учет в педагогической деятельности // Вопросы педагогики. 2018. № 2.
4. Лысенко И.Н. Хронический стресс у родителей детей-инвалидов // Акмеология. 2016. № 51.
5. Одинцова М.А. Психологические особенности виктимной личности // Вопросы психологии. 2012. № 3.
6. Одинцова М.А., Радчикова Н.П. Разработка и стандартизация опросника «Тип ролевой виктимности» // Известия ПГПУ им. В.Г.Белинского. 2012. № 28.
7. Ткачева В.В. К психической травмированности членов семьи ребенка с ограниченными возможностями здоровья // Социальная психология семьи: сборник материалов международной научно-практической конференции / Под ред. Н.П.Болотовой, М.Ю. Чибисовой. М., 2019.
8. Токарева И.Ф. Психологические особенности родителей детей-инвалидов // Развитие профессионализма. 2015. № 3(55).
9. Фоминых Е.С. Семья как фактор виктимизации детей с ограниченными возможностями здоровья // Клиническая и специальная психология. 2014. № 4.
10. Фоминых Е.С. Психологический анализ рисков виктимизации студентов с ограниченными возможностями здоровья в профессионально-образовательной среде // Электронный

научно-познавательный журнал ВГСПУ «Грани познания». 2012. №2(16). URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1346216638.pdf> (дата обращения: 09.04.2021).

Особенности организации работы Московской службы психологической помощи населению в условиях пандемии

Серегина А.А.

*ГБУ МСППН, Москва, Россия
annseregina@mail.ru*

«Московская служба психологической помощи населению» Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы работает с 2003 года. Она создавалась для оказания психологической помощи людям, которые оказались в трудной жизненной ситуации, а также для предотвращения негативных последствий от этих ситуаций в целях сохранения социально-психологической стабильности нашего общества.

Одним из основных направлений деятельности, которое помогает решать данные задачи, является психологическое консультирование. Психологами службы проводится индивидуальное, семейное и детское консультирование.

В период пандемии коронавируса COVID-19 деятельность специалистов службы была особо востребована населением в связи с появлением у большинства обратившихся генерализованной тревоги, чувства страха за свою жизнь и жизнь близких людей в связи с пандемией, нестабильностью общества, потерей работы, конфликтами с родными и близкими, чувством одиночества и др.

Вся Московская служба психологической помощи населению и психологи службы, в частности, в этот непростой период смогли быстро принять новые условия жизни и деятельности, переориентироваться в условиях все новых появляющихся вызовов и проводить психологические консультации, расширив охват групп населения, с которыми велась работа. Так, консультации проводились не только с жителями Москвы, как было до пандемии, но и с гражданами всей страны, даже с гражданами России за ее пределами, проживающими в других государствах и оказавшимися отрезанными от Родины в связи с закрытием границ. Это стало возможно при переходе от очной формы работы к консультациям в формате онлайн, дистанционно. Так, консультации проходили в Skype, а групповые

формы работы – в Zoom. Такой вид консультирования позволил решать актуальные вопросы для населения своевременно. Востребованность такого рода консультаций показывает их важность и необходимость для населения, особенно в условиях самоизоляции.

Кроме того, в этот период проводилось консультирование по телефону. На телефон доверия службы (051) поступало огромное количество звонков. Параллельно с ним работал и телефон горячей линии по коронавирусу, куда круглосуточно поступали звонки людей в состоянии сильного стресса, паники, страдающие от одиночества в условиях самоизоляции и карантина, в состоянии острого горя. Психологи службы проводили консультации, помогая справляться людям с их проблемами. Многие психологи во время пандемии работали в штабе по коронавирусу, где, в том числе, оказывали консультативную помощь по телефону всем, кто в ней нуждался.

Важным достижением Службы в период первой и второй волны пандемии была организация психологических консультаций в чате DON'T PANIC. Такая возможность пообщаться с психологом через переписку в формате онлайн была предоставлена круглосуточно не только всем жителям России, но и тем, кто по различным причинам оказался за границей и при этом испытывал тревогу, стресс или просто находился в трудной жизненной ситуации. Эта форма связи с психологом имеет свое преимущество в том, что получить консультацию можно было моментально, без предварительной записи, не ориентируясь на возможные проблемы, связанные с особенностью телефонных переговоров. Психологи службы круглые сутки консультировали всех, кто имел в этом потребность.

Кроме этого, консультации проводились и с помощью электронной почты, когда общение осуществлялось при помощи переписки с различными промежутками времени. Для того, чтобы получить консультацию психолога, нужно было заполнить предложенную форму обратной связи, которая размещена на сайте МСППН, и описать свою проблему. В среднем через несколько дней психолог отвечает на это письмо.

В период пандемии психологи проводили и до сих пор проводят консультации в резервных госпиталях, находясь, в том числе непосредственно, в «красной зоне». К таким медицинским учреждениям, в которых работают специалисты службы, относятся: КВЦ «Сокольники», ледовый дворец «Крылатское», ГКБ №24 на ВДНХ и другие. Психологи работают с заболевшими, их родственниками и врачами. Так, ими было проведено около 7 тысяч консультаций. К психологам обращались с переживаниями, связанными со здоровьем, смертью родных и близких, гореванием, с

вопросами эмоционального и физического истощения медицинского персонала, с проблемой генерализованной тревоги и утратой смысла жизни, в связи со стрессовыми расстройствами и др.

Таким образом, период пандемии показал особую эффективность разнообразных форм работы с населением, продемонстрировал увеличивающуюся востребованность психологических консультаций населением нашей страны и позволил расширить спектр консультационных возможностей при сохранении их качества. Этот период также показал мобильность МСППН и готовность в экстремальных и трудных жизненных ситуациях решать важные для общества задачи.

Гендерные различия взаимосвязи коммуникативных способностей, проблемного использования интернета и увлеченности онлайн-играми

Синичкина В.Р.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
veta-sin@yandex.ru*

С появлением компьютерной сети в 1960-х годах общение и взаимодействие людей между собой сильно изменилось. Сейчас интернет объединяет миллионы пользователей во всем мире. Значимость интернета, социальных сетей очень высока для современного человека. Внедрение информационных технологий требует от человека определенных навыков и способствует появлению в его жизни психических новообразований. Активное взаимодействие в интернет-среде позволяет личности развиваться в самых различных направлениях [1; 2; 3].

Целью данной работы является исследование гендерных различий коммуникативных способностей геймеров и активных пользователей интернета.

Гипотеза: существуют гендерные различия взаимосвязи коммуникативных способностей, проблемного использования интернета и увлеченности онлайн-играми.

Для достижения заявленной цели мы использовали следующие методики: методика по определению коммуникативных и организаторских склонностей КОС-2; методика «Мотивация аффилиации» А. Меграбяна (в модификации М.Ш. Магомед-

Эминова); общая шкала проблемного использования интернета (GPIUS-3); методика диагностики гейм-аддикции.

В исследовании приняли участие 137 человек, из них 108 женщин и 29 мужчин.

Эмпирическое исследование показало, что как у мужчин, так и женщин значимые взаимосвязи (использовался коэффициент корреляции Спирмена) получились между выраженностью коммуникативных способностей и предпочтением онлайн общения (у мужчин $r=-0,595$, $p\leq 0,01$; у женщин $r=-0,533$, $p\leq 0,01$), между коммуникативными способностями и выраженностью негативных последствий использования интернета (у мужчин $r=-0,440$; $p\leq 0,05$, у женщин $r=-0,370$; $p\leq 0,01$). Интересно, что у женщин получилась значимая взаимосвязь между коммуникативными способностями и компульсивным использованием интернета ($r=-0,244$; $p\leq 0,05$), а также между коммуникативными способностями и проблемным использованием интернета ($r=-,251$; $p\leq 0,01$).

Значимые взаимосвязи мы обнаружили также между стремлением к принятию и предпочтением онлайн-общения (у мужчин $r=0,515$; $p\leq 0,01$, у женщин $r=0,307$; $p\leq 0,01$), а также между стремлением к принятию и выраженностью негативных последствий использования интернета (у мужчин $r=0,395$; $p\leq 0,05$, у женщин $r=0,261$; $p\leq 0,01$). При этом у женщин получилась значимая взаимосвязь между стремлением к принятию и регуляцией настроения ($r=-0,217$; $p\leq 0,05$), чего нет у мужчин.

Взаимосвязи стремления к принятию с составляющими проблемного использования интернета также различаются по полу. Так, у женщин значимые взаимосвязи между страхом отвержения и предпочтением онлайн-общения ($r=0,440$; $p\leq 0,01$), а также между страхом отвержения и регуляцией настроения ($r=0,198$; $p\leq 0,05$). Как у мужчин, так и женщин значимые взаимосвязи получились между страхом отвержения и когнитивной поглощенностью (у мужчин $r=0,595$; $p\leq 0,01$, у женщин $r=0,280$; $p\leq 0,01$), страхом отвержения и компульсивным использованием интернета (у мужчин $r=0,534$; $p\leq 0,01$, у женщин $r=0,357$; $p\leq 0,01$), а также между страхом отвержения и выраженностью негативных последствий использования интернета (у мужчин $r=0,528$; $p\leq 0,01$, у женщин $r=0,323$; $p\leq 0,01$), страхом отвержения и проблемным использованием интернета (у мужчин $r=0,601$; $p\leq 0,01$, у женщин $r=0,384$; $p\leq 0,01$).

Также у женщин, в отличие от мужчин, получилась значимая взаимосвязь между коммуникативными способностями и отношением к игре ($r=-0,325$; $p\leq 0,05$) и между страхом отвержения и отношением к игре ($r=0,284$; $p\leq 0,05$).

Можно заметить, что чем выше у мужчин и женщин коммуникативные способности, тем меньше выраженность негативных последствий использования интернета. При этом, в отличие от женщин, у мужчин нет значимой взаимосвязи между коммуникативными способностями и проблемным использованием интернета. У женщин чем выше коммуникативные способности, тем меньше проблемное использование интернета. Можно предположить, что женщины больше, чем мужчины ориентированы на живое общение.

Из этих данных можно сделать предположение, что стремление к принятию подталкивает к предпочтению онлайн-общения как мужчин, так и женщин. Для его доказательства необходимо провести дальнейшие исследования в русле этой проблематики.

Литература

1. *Арестова О.Н., Бабанин Л.Н., Войскунский А.Е.* Коммуникация в компьютерных сетях: психологические детерминанты и последствия // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 1996. № 4.
2. *Войскунский А.Е.* Социальная перцепция в социальных сетях // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2014. № 2.
3. *Чучкова Г.С.* Интернет–коммуникация как фактор личностного развития: на примере общения в чатах. Дис. канд. психол. наук. М., 2008.

Феномен конфликтного поведения личности и выбор стратегии реагирования в конфликтной ситуации

*Скавронская И. В., Кожухарь Г.С.,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
siena75@andex&ru*

Феномен конфликтного поведения изучали такие психологи, как М. Н. Руткевич, Ю. Запрудский, А. Здравомыслов, Р. Дарендорф, К. Маркс и многие другие. Они исследовали особенности конфликта и конфликтного поведения. На основе изученных особенностей конфликтного поведения, ими были созданы типологии конфликта. М.Н. Руткевич развивая идею К. Маркса, акцентировал внимание на

конфликтах между обществами, этническими и социальными группами [5]. Ю. Запрудский решил подразделять конфликты по нескольким основаниям, а именно, по причинам, наличию противоречий, длительности и по последствиям. А. Здравомыслов разделял конфликты по двум линиям, по основаниям для удовлетворения потребностей, интересов и ценностей, а также по сферам: экономические, политические, культурные. Субъектов конфликта он рассматривал в соответствии с этими двумя линиями. В качестве субъектов социальных конфликтов, А. Здравомыслов считал, могут выступать отдельные личности, группы, классы, этнические объединения, социальные институты и различные организации, политические союзы и т.д. Соответственно конфликты подразделяют на межличностные, межгрупповые, межклассовые, этнические, международные и т.д. [3].

Особенности типов поведения личности в конфликтной ситуации изучали такие психологи, как Н.Н. Мельникова, О.В. Бузовкина, К. Томас и Р. Киллман и др. Н.Н. Мельникова выделяла стратегии поведения личности в зависимости от направленности личности (на себя или вовне), контактности, избегания, активности и пассивности. [4] О.В. Бузовкина считала, что поведение личности в конфликтной ситуации зависит от личностных особенностей [1]. К. Томас и Р. Киллман выделили несколько возможных способов реагирования в конфликтной ситуации, а именно соперничество, приспособление, компромисс, избегание и сотрудничество [2].

В нашем пилотажном эмпирическом исследовании выборка составила 80 респондентов, в возрасте от 35 до 60 лет. Для диагностики личностных индивидуальных качеств (конфликтности личности) была использована методика Е.П. Ильина и П.А. Ковалева, для определения уровня конфликтности личности. Для диагностики индивидуального типа поведения личности в конфликтной ситуации применялась методика Томаса-Киллмана (в адаптации Н.В. Гришиной). Анализ результатов исследования выявил следующие взаимосвязи личностных особенностей и выбора типа поведения в конфликтной ситуации:

- 26% участников, имея высокие показатели по шкале «вспыльчивость» и средние по показателям бескомпромиссности, конфликтности и агрессивности, выбирали такие стратегии поведения в конфликтной ситуации как соперничество, редко избегание и приспособление;

- 29% респондентов с низкими показателями по вспыльчивости, напористости, обидчивости, конфликтности, агрессивности, редко

неуступчивости, отдавали предпочтение следующим стратегиям: сотрудничество и компромисс;

- 45% участников имели средние показатели по таким личностно-индивидуальным характеристикам, как вспыльчивость, проявление напористости, склонность к обидчивости, неуступчивости и бескомпромиссности в общении, конфликтности и агрессивности в поведении. Респонденты с низким уровнем выраженности таких характеристик как мстительность в поступках, терпеть не могут мнение другого человека, у них подозрительность к окружающим. При этом они предпочитали использовать такие типы поведения в спорных ситуациях, как избегание и приспособление, и редко компромисс.

На основе анализа полученных данных пилотажного эмпирического исследования, мы сделали вывод. Испытуемые, имеющие такие выраженные личностно-индивидуальные черты характера, как вспыльчивость в поступках и общении, бескомпромиссность и напористость, конфликтность и агрессивность, отдавали предпочтение (26%) типам поведения, которые включали элементы соперничества, и редко элементы избегания и приспособления. Участники с низкой (29%) и средней (45%) выраженностью таких личностных характеристик, как вспыльчивость, бескомпромиссность и напористость, конфликтность и агрессивность, проявляли неуступчивость и мстительность, нестерпимости к другому мнению, подозрительность, предпочитали сотрудничество и компромисс, избегание и приспособление как способ преодоления конфликтной ситуации.

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что личностные особенности играют немалую роль в определении типа ведущего поведения в конфликтной ситуации.

Литература

1. Бузовкина О.В. Выбор стратегии поведения в конфликте // Бюллетень клуба конфликтологов. Красноярск. 1994. № 3.
2. Виханский О.С. Менеджмент: Учебник. 3-е изд. М.: Экономист, 2003.
3. Запрудский Ю. Социальный конфликт: политологический анализ. Ростов-на-Дону: изд-во Ростовского ун-та, 1992.
4. Мельникова Н. Н. Диагностика социально-психологической адаптации личности. Учебное пособие. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2004.

5. *Сидоренков А.В.* Внутригрупповые противоречия, конфликты и эффективность групп в организации: монография. Ростов-на-Дону: Мини Тайп, 2017.

К вопросу о взаимосвязи между уровнем социальной рефлексии и самоотношением у взрослых людей

Смирнова А.Е., Кожухарь Г.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
aleksandrelle@gmail.com

Социальная рефлексия отражается на различных сторонах жизни современного человека в обществе. В первую очередь, этот процесс относится к целенаправленному формированию структуры личности, развитие которой происходит исходя из социальных условий, общечеловеческих ценностей и социальной востребованности, выступающих в качестве, существующих вне личности, общих паттернов. Наряду с этим, происходит образование индивидуальности человека, являющейся базисным проектом в структуре его личности. Где, в качестве базовых условий этого индивидуального проекта личности, предполагается, что потребности человека будут на максимальном уровне реализованы и произойдет полная самоактуализация взрослой личности.

Характер межличностных отношений в социуме чрезвычайно динамичен. Показатели отношений индивида с миром, который его окружает, очень разнообразны: каждый человек становится субъектом взаимоотношений, кроме того, целые группы вступают во взаимоотношения, из этого следует, что человек является субъектом многообразных и многочисленных отношений.

Исследования рефлексии широко представлены в отечественной и в зарубежной психологии, в качестве основного механизма, способствующего развитию самосознания (Н.А. Деева, М.О. Головина, М.В. Клементьева, А.В. Карпов, М. Грант и др.). Однако исследования в отношении значения социальной рефлексии в области самоотношения и межличностных отношений практически отсутствуют. Наряду с этим распространено представление о процессе рефлексии, являющимся одним из базовых механизмов, с помощью которого происходит достижение индивидом статуса автономности в сформированной личности (Н.А. Деева, М.О. Головина, И.С. Кон, А.К. Маркова, А. Fenigstein).

Для более подробного изучения данной проблематики было проведено исследование, которое включало в себя выявление взаимосвязи между социальной рефлексией, межличностными отношениями и отношением к себе у взрослых людей с помощью четырёх методик, направленных на определение самооценки (самоотношения), уровня эмпатии, уровня рефлексивности и качественный анализ межличностных отношений. В результате исследования были выявлены значимые корреляционные связи между показателями социорефлексии и самоуважения, социорефлексии и шкалой самообвинения, а также шкалой рационального канала эмпатии. Особое внимание стоит уделить выявленной отрицательной корреляционной связи между показателями (шкалами): «социорефлексия» и «самопонимание» ($r=0.262$, $p \leq 0,01$).

Зрелый возраст, рассматриваемый как этап закрепления сложившихся критериев оценочного и эмоционально-ценностного отношения человека, как к себе, так и к другим людям, и обществу в целом, сопровождается перманентной социальной рефлексией на разных уровнях сознания - от фонового и поверхностного до требующего глубокой сосредоточенности в зависимости от влияния различных социальных факторов.

Развитая способность к социальной рефлексии дает возможность человеку успешно существовать в обществе, развивать социальные связи, опыт и реализовываться в совместной деятельности с другими людьми, что невозможно без адекватного самоотношения и приемлемого отношения к другим людям.

В результате данного исследования при выявленной обратной корреляционной связи между показателями социорефлексии и самопонимания можно предположить, что люди с более высоким уровнем развития социальной рефлексии склонны больше сомневаться в своих собственных решениях и убеждениях, и наоборот. Выявленная положительная корреляционная связь между социорефлексией и шкалой самообвинения, укрепляет данное предположение. Выявленная положительная значимая корреляционная связь между социорефлексией и шкалой рационального канала эмпатии, позволяет предположить, что чем выше развита социорефлексия у взрослых людей, тем выше их спонтанный интерес к другим, открывающий возможность их эмоционального и интуитивного отражения. Социальная рефлексия может стимулировать человека к самореализации, к стремлению к осуществлению свободного выбора в постижении ценностей и норм общества.

Литература

1. *Анистратенко Т.Г.* Интегративный характер социальной рефлексии: монография. Ростов-на-Дону – Таганрог, Издательство Южного федерального университета, 2017.
2. *Чекушкина Е.Н., Родина Е.Н.* Социальная рефлексия, взаимодействие, коммуникация, идентификация – творческий диалог субъектов мысли и действия // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. Том 5. № 5А. С. 95-104.
3. *Шаповал И.А., Фоминых Е.С.* Самоотношение как феноменологическое поле диагностики психологических границ личности и ее здоровья / Клиническая и специальная психология. 2018. Том 7. № 1. С. 13–27.

Внутренняя картина здоровья у студентов медицинского вуза: социально-психологические особенности

Смирнова Э.В., Гайдар К.М.

*ФГБОУ ВО ВГУ, Воронеж, Россия
2012smirnova@mail.ru, marlen_lora@mail.ru*

XXI век перешагнул первое двадцатилетие. Малый срок по меркам человеческой жизни, а тем более в историческом масштабе. Но он уже останется в судьбе человечества как особое время пандемии коронавируса. Она максимально обострила и без того извечно актуальную проблему сохранения здоровья человека. В этих условиях лишь усилия ученых разных наук позволят найти оптимальные пути ее решения. Свой вклад призвана внести и социальная психология, решающая задачу обоснования вопросов, связанных со здоровьем. Считаем, что базовым понятием социальной психологии здоровья должно стать понятие внутренней картины здоровья (ВКЗ) как «целостной ... системы представлений, переживаний и установок человека в отношении своего физического, психического, психологического и социального ... здоровья» [1].

Важно изучить особенности ВКЗ у студентов медицинского вуза. Убеждены, что эффективность их работы в будущем будет зависеть не только от профессиональных компетенций, но и от отношения к здоровью. Исследовать этот вопрос помогает опора на разработанную нами типологию ВКЗ. В ее основе – критерий направленности

мотивации поведения, предметом которого является здоровье. Выделены типы ВКЗ:

1) конструктивный – субъект ориентирован на повышение уровня здоровья, на здоровый образ жизни, актуализирует необходимые для этого возможности;

3) деструктивный – человек культивирует нездоровый образ жизни, т.е. вредит своему здоровью непродуманными действиями, приверженностью вредным привычкам и гедонизму;

2) нейтральный – не считая здоровье ценностью, индивид относится к нему безразлично: намеренно не вредит ему, но и не стремится поддерживать его на должном уровне.

Эмпирическое исследование проходило на базе Воронежского государственного медицинского университета им. Н.Н. Бурденко с участием 128 студентов лечебного и педиатрического факультетов. Использовался авторский опросник «Типы внутренней картины здоровья». В условиях пандемии процедура опроса была смешанной: одной части студентов методика предъявлялась непосредственно, другой предлагалось ее выполнить в онлайн-формате.

Как показало исследование, среди будущих медиков конструктивный тип ВКЗ имеется у 37 человек (28,9% от выборки), нейтральный – у 76 (59,4%), деструктивный – у 15 студентов (11,7%). То есть более половины будущих врачей безразлично относятся к здоровью, не стремятся к регулярному поддержанию его приемлемого уровня, порой не могут отказать себе в удовольствии нарушить нормальный режим занятий и отдыха, не склонны отказываться от вредных привычек. Конструктивный тип ВКЗ, ориентирующий человека на постоянное сохранение и укрепление здоровья, преобладает менее чем у одной трети опрошенных студентов (28,9%).

Выявленные факты мы объясняем рядом причин. Во-первых, возрастным фактором: редко кто в юности чрезмерно сосредоточен на здоровье, проявляет о нем постоянную заботу, т.к. молодые люди считают, что данное им от природы здоровье – их неиссякаемый капитал. Во-вторых, могли сказаться микросоциальные факторы, а именно влияние на студентов их групп членства (семьи, учебной группы, друзей). Если в близком социальном окружении юноши здоровье не признано жизненной ценностью, он зачастую усваивает такое отношение, что отражается на его ВКЗ. В-третьих, мог повлиять и макросоциальный фактор, связанный с пандемией, приведшей к повышению уровня тревожности и депрессивных настроений в обществе, с одной стороны, и вызвавшей «социальную усталость» из-за многочисленных ограничений, избыточного объема негативной информации, более интенсивного рабочего режима (в который

оказались включены и студенты медвузов), с другой. В этих условиях у части студентов могла «сработать» психологическая защита. Декларирование безразличного отношения к своему здоровью позволяет не переживать чересчур сильные эмоции и опасения по его поводу.

Наше исследование высветило проблему слабой мотивации студентов-медиков на обеспечение должного уровня своего здоровья. Очевидно, что для формирования позитивной ВКЗ недостаточно лишь профессиональных знаний о здоровье и болезни. Требуется комплексная психопрофилактическая работа в целях выработки ответственного подхода будущих врачей к своему здоровью, проявлению активности для его защиты и укрепления.

Литература

1. *Смирнова Э.В.* Внутренняя картина здоровья и социальные ценности // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2020. № 3(55). URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/3727/. (дата обращения: 09.04.2021)

Гендерные особенности поведенческих стратегий в закрытых социальных группах (на примере курсантов военного вуза)

Снимщикова Э.В., Лукинова М.Г.

*ФГК ВОУ ВО «Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени Героя Советского Союза А.К.Серова»,
Краснодар, Россия
emiliviktorovna@yandex.ru, m.lukinova@mail.ru*

Коллектив курсантов как закрытая социальная группа имеет свою социально-психологическую структуру, сформированную на основе штатной организации подразделения с его особой системой руководства и общественной деятельности. Следовательно, межличностные отношения в таких коллективах могут иметь ряд специфических особенностей. Одними из задач психологической работы в процессе профессиональной социализации курсантских подразделений (как малых групп) в вузе является: поддержание устойчивого социально-психологического климата в воинских

коллективах; оптимизация взаимоотношений; предупреждение конфликтных ситуаций и др. [1].

С точки зрения отношений между субъектами социального взаимодействия, конфликт можно рассматривать как противоборство сторон на основе противоположно направленных мотивов (потребностей, интересов, целей, идеалов, убеждений) или суждений (мнений, взглядов, оценок). [2, С.13]

Возникновение и развитие конфликтов в курсантских коллективах обусловлено различными причинами, обозначим некоторые из них:

- конфликты на основе групповой конкуренции;
- конфликты между подчиненными и непосредственными начальниками;
- конфликты, возникающие в учебном процессе с учетом гендерных различий;
- межличностные конфликты в закрытых социальных группах.

Для проведения сравнительного анализа личностных особенностей респондентов мужского и женского пола применялся следующий диагностический инструментарий: методика диагностики предрасположенности личности к конфликтному поведению К. Томаса, адаптированная Н.В. Гришиной [3]; методика диагностики показателей и форм агрессии А. Басса и А. Дарки в адаптации А.К. Осницкого [3]. Анализ полученных эмпирических данных проводился с применением описательной статистики, Т-критерия Стьюдента для несвязанных выборок.

Выборку исследования составили 94 учащихся второго года обучения: 45 человек - курсанты женского пола в возрасте 18-23 года (среднее значение возраста = 18,4); 49 человек – курсанты мужского пола в возрасте 18-24 года (среднее значение возраста =19,2). Исследование проводилось в период 2018-2021 гг.

В ситуации возникновения конфликта у курсантов женского пола преобладающими тенденциями в поведении выступают такие стратегии как «компромисс» и «сотрудничество». При таких стратегиях участники конфликта ориентированы в большей части на решение спорного вопроса путем достижения взаимных уступок или на сотрудничество в коллективе, стремлению поиска альтернативных решений проблемных вопросов, удовлетворяющих интересы конфликтующих сторон.

У курсантов мужского пола в выборе доминирующей стратегией поведения наряду со стратегией «компромисс» отмечается также стратегия «соперничество», причем данные различия в исследуемых группах являются статистически достоверными. Поведение курсантов мужского пола в разрешении спорной ситуации может

быть направлено как на принятие взаимных соглашений, так и стремлении к удовлетворению собственных интересов в ущерб другой конфликтующей стороны.

Как известно стратегии «компромисс» и «соперничество» в социальных отношениях являются менее эффективными, потому как либо одна сторона оказывается в выигрыше, а другая проигрывает, либо за счет компромиссных уступок обе стороны проигрывают. Результатом чего возможно возникновение внутренней напряженности, агрессивности, которые могут проявиться в виде негативных поведенческих реакций. В связи с этим в исследуемых группах были проанализированы показатели состояния агрессии (А. Басса и А. Дарки). Полученные данные свидетельствуют о наличии в группах достоверных различий ($p < 0,05$). У курсантов мужского пола отмечаются достоверно выше показатели шкалы «физическая агрессия», тогда как у курсантов женского пола выявлены достоверно высокие значения по шкалам - «косвенная агрессия», «раздражение», «негативизм», «обида», «подозрительность», «вербальная агрессия», выражение негативных чувств может осуществляться в виде резкости речевых высказываний, вспльчивости, раздражительности, обидчивости, осторожности, недоверия к окружающим, оппозиционных форм поведения.

Исследование показывает, что курсанты мужского и женского пола при возникновении противоречий социального взаимодействия в основном склонны придерживаются компромиссного разрешения спорных вопросов, однако у курсантов женского пола обнаруживается большее разнообразие проявлений видов агрессивных реакций, что скорее связано с гендерными особенностями курсантов в процессе социализации в условиях военной социальной среды.

В ходе психологического и психофизиологического сопровождения курсантских групп для снижения напряженности, оптимизации психоэмоциональной сферы, предупреждения проявления негативных поведенческих реакций, повышения адаптивных способностей применяются тренинговые групповые формы работы, а также индивидуальное консультирование.

Литература

1. Военная психология: методология, теория, практика / Корчемный П.А., и др. М. Издательство: Воениздат., 2010.
2. Емельянов С.М. Практикум по конфликтологии учебное пособие. СПб.: 2009.

3. Практикум по дифференциальной психодиагностике профессиональной пригодности. Учебное пособие / Под общ. ред. В.А. Бодрова. М.: ПЕР СЭ. 2003.

Отношение учителей к ученикам: мнение подростков

Собкин В.С., Калашикова Е.А.

*Центр социологии образования ФГБНУ «ИУО РАО», Москва, Россия
sobkin@mail.ru; 5405956@mail.ru*

Отношение учащихся с учителем является важным показателем для оценки авторитета педагога. Социально-психологическим аспектам взаимодействия педагога и ученика, авторитету учителя специальное внимание уделял в своих работах М.Ю. Кондратьев [1; 2]. Особенности влияния социально-стратификационных факторов (успеваемость, статус среди одноклассников, материальный и образовательный статус семьи школьника и др.) на характер взаимодействия педагога и школьника посвящен и ряд наших публикаций [3-5].

В настоящей работе приведен анализ мнений 4 837 учащихся 7-11-х классов, полученных в ходе анонимного анкетного опроса, который был проведен в 2020 г. в различных регионах РФ. Ряд вопросов анкеты был посвящен выявлению позиции учителя в микросоциальном окружении подростка, характеристике стилевых особенностей его отношения к учащимся.

Анализ результатов показал, что «некоторых учителей» при ответе на вопрос «Есть ли в Вашем окружении люди, с которых Вы хотели бы брать пример?» отметили 14,1%. Для сравнения: мать указали 43,8%, отца – 35,3%, друга (или подругу) – 15,4%. Характерно, что с возрастом заметно увеличивается значимость друга подруги) с 12,9% до 19,3%. В то время как позиция учителя практически не меняется.

Выявлено влияние социально-стратификационных факторов. Учителя, в качестве примера, чаще указывают учащиеся с высокой успеваемостью по сравнению с теми, у кого успеваемость низкая (соответственно: 18,0% и 11,0%;). Мать и отец более значимы для школьников из семей с высшим образованием, по сравнению с учащимися из семей со средним уровнем образования (соответственно: 53,6% и 35,0%;). Аналогичная тенденция проявляется и зависимости от уровня материальной обеспеченности семьи (47,3% – среди высокообеспеченных, и 30,9% – среди

низкообеспеченных). И, наконец, учащиеся, родители которых имеют высшее образование, чаще выделяют в качестве личностного образца друга или подругу (соответственно: 16,1% и 8,1%).

Таким образом, учитель, в основной и старшей школе в качестве личностного образца оказывается значимым взрослым для каждого шестого ученика. При этом на позитивное отношение учащихся к учителю влияет более высокий уровень академической успешности.

Анализ мнений учащихся об отношении к ним учителей позволил выделить ряд моментов. Так, каждый второй (48,3%) отметил, что отношение учителей носит в основном «демократичный» характер.

При этом его чаще отмечают девочки по сравнению с мальчиками (соответственно: 51,2% и 46,5%). В то же время каждый десятый из опрошенных (9,1%) указал, что отношение учителей является «жестким, авторитарным». Причем с возрастом доля респондентов, указывающих «авторитарный стиль отношения» снижается (с 10,5% в 7-м до 6,5% в 11-м;).

Сравнение ответов учащихся о стилевых особенностях отношения учителей в зависимости от социально-стратификационных факторов показало, что «авторитарный, жесткий» характер отношения чаще отмечают учащиеся с низкой успеваемостью и низким статусом в классе: 10,3% среди учащихся с низкой успеваемостью (6,3% с высокой), 16,3% среди тех, кто имеет низкий статус в классе (11,3% – среди высокостатусных).

Сравнение ответов учащихся, склонных к девиациям, показало, что наиболее часто «авторитарный стиль» отношения со стороны учителя отмечают учащиеся, склонные к девиантным формам поведения. Так, среди употребляющих наркотики, доля подобных ответов 31,6%, а среди не употребляющих 9,0% среди курящих – соответственно: 18,2% и 8,3%; среди употребляющих алкоголь: 13,3% и 8,6%.

Аналогичная тенденция выявлена и при сравнении ответов учащихся, «участвующих» и «не участвующих» в драках: жесткое отношение к ученикам отмечают 11,2% среди дерущихся и 7,6% не участвующих в драках подростков.

Таким образом, на данном этапе педагог оказывается значимым взрослым лишь для каждого шестого ученика. Его отношение дифференцировано относительно пола, успеваемости и самооощущения школьника в коллективе класса. Помимо этого, самоощущение подростка к физической агрессии и девиациям является важным фактором, характеризующим авторитарный стиль отношения к ним учителей. Причина этого очевидна: учитель вынужден жестко реагировать (пресекать) девиантные формы поведения учащихся. В свою очередь это свидетельствует о том, что воспитательный процесс

строится, скорее, на основе контроля поведения учащихся, а не на развитии их мотивационно-потребностной сферы.

Литература

1. *Кондратьев М.Ю.* Взаимосвязь авторитета личности и авторитета роли учителя // Вопросы психологии. 1987. № 2. С. 99–103.
2. *Кондратьев М.Ю.* Слагаемые авторитета // Подписная научно-популярная серия «Педагогика и психология». № 4. М.: Знание, 1988.
3. *Собкин В.С., Адамчук Д.В.* Современный учитель: жизненные и профессиональные ориентации. Труды по социологии образования. Т. XVIII. Вып. XXX. М.: ФГБНУ «ИУО РАО», 2016.
4. *Собкин В.С., Адамчук Д.В., Курнешова Л.Е.* Социально-ролевые отношения «учитель—ученик» // Педагогика. 2015. № 8. С. 22–31.
5. *Собкин В.С., Калашикова Е.А.* К вопросу о педагогическом авторитете // Социальная психология и общество. 2016. Том 7. № 1. С. 88–107. doi:10.17759/sps.2016070107

Психологические механизмы конструирования стигматизирующих установок

Соколова И.В.

*ГОУ ВО МО МГОУ, ГБУ МСППН, Москва, Россия
Irinasokolova_psy@inbox.ru*

Стигматизирующие установки основаны на дихотомии «норма – патология», они могут быть актуализированными на любом уровне межгруппового взаимодействия. Стигматизирующая установка обладает трехкомпонентной структурой: аффективный компонент (гнев, тревога, раздражение), когнитивный компонент (суждение, что «все люди с ВИЧ-инфекцией ведут аморальный образ жизни») и поведенческий компонент (агрессия, насильственное поведение). Стигматизирующая установка, как и сама стигма имеет отрицательно окрашенное негативное свойство. В основе стигматизирующих конструкторов лежит аффективное восприятие социального объекта. Аффективно окрашенные структуры имеющихся знаний определяют

вербальное и невербальное поведение в конкретных ситуациях взаимодействия между представителями социальной группы. Наиболее распространенные формы стереотипизированных социальных суждений и представлений о «ненормальности» включают: идентификацию объекта исключения как меньшинства; миф о тесной корреляции стигматизированных групп с признаком асоциального, агрессивного поведения; утверждение о стремлении стигматизированных групп к латентности поведения [5]. Согласно теории А. Шюца, типизации жизненных ситуаций включают в себя клише и шаблоны, с помощью которых человеку удается поддерживать поведение в рамках повседневных норм и установленного в обществе определенного порядка. Стигма маркирует негативные типизации. В связи с дискомфортом при акцентировании внимания на собственной «непохожести» стигматизированный объект зачастую воспринимает стигму как оправдание неудач, помимо этого он также может использовать ее для получения выгоды. Механизм стигмы проявляется, когда обнаруживается ряд несоответствий общепринятым нормам и представлениям. Гофман описывает его в аспекте отношений между персональной и социальной идентичностью. Персональная идентичность включает в себя внутренние качества и индивидуальные, неповторимые характеристики индивида, в то время как «фиктивная» идентичность представляет собой сконструированный образ. В связи с тем, что феномен соприсутствия возникает вне зависимости от уровня включенности в общении лицом к лицу, основу повседневной интеракции составляет управление общим внешним впечатлением, которое производит действующий субъект. Единство персональной и фиктивной идентичности организуется, утверждается и воспроизводится посредством межличностной коммуникации [1, с. 381]. В ситуации, когда актуальный социальный образ не вписывается в рамки социальных ожиданий и представлений, происходит негативная, стигматизирующая идентификация личности конкретного индивида. Наличие признаков, которые отличают индивида от окружающих, вызывает у него желание к сокрытию, а также к демонстрации социально приемлемого поведения.

При анализе составляющих стигматизирующего конструкта представляется возможным отследить процесс его воспроизводства в системе социальных отношений. Стигматизация начинается на уровне эмоционального восприятия в межличностной коммуникации, в момент, когда возникает противоречие [3]. Стереотипы и мифы проникают в массовое поведение, преобразовываются в завершённый социальный конструкт, распространяются по различным

коммуникативным каналам и используются в повседневных взаимодействиях. Стигматизирующий субъект при этом имеет возможность избежать опасностей и возможности стать жертвой. В свою очередь, эмоциональное неприятие некоторых аспектов собственной личности вызывает внутренние конфликты, и как следствие, самостигматизацию, что в свою очередь способствует формированию низкой самооценки, а также провоцирует рискованное поведение индивида [4].

Среди самых значимых последствий этого процесса необходимо отметить проблему отчуждения представителей стигматизируемой группы, самоэксклюзию и, в некоторых ситуациях, обоюдно агрессивное отношение. Дискриминация и неприятие со стороны близких людей и представителей социальной группы в свою очередь провоцируют на потенциальное избрание опасного образа жизни, оказывая неблагоприятное воздействие на всю семейную структуру и социальный круг. Стигма вызывает негативное отношение или недоверие со стороны социального окружения, вследствие чего, стигматизированные группы применяют различные техники поведения для укрепления и восстановления собственной идентичности. Наиболее распространенная стратегия в коммуникативном поведении стигматизированных и эксклюзированных индивидов основана на использовании механизма управления впечатлением посредством сокрытия стигмы [2]. Сообщество стигматизированных индивидов становится единственным безопасным местом. Постепенно функцию защитного механизма берет на себя сообщество, позволяющее сохранить позитивное самовосприятие и обрести положительный статус.

Литература

1. *Гофман И.* Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: пер. с англ. М., 2004.
2. *Гофман И.* Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью. Глава 5. Отклонения и девиация // Социологический форум. 2000. №3–4. С. 12.
3. *Нестерова А.А., Айсина Р.М., Суслова Т.Ф.* Социальная стигматизация детей с расстройствами аутистического спектра и их семей: детерминанты и стратегии преодоления: монография. М.: Филин, 2020.
4. *Fung K.M., Tsang H.W., Chan F.* Self-stigma, stages of change and psychosocial treatment adherence among Chinese people with

- schizophrenia: a path analysis // *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*. 2010. Vol. 45. P. 561-568.
5. *Rusch N., Thornicroft G.* Does stigma impair prevention of mental disorders? // *The British Journal of Psychiatry*. 2014. Vol. 204 (4). P. 249-251.

Взаимосвязь склонности к отклоняющемуся поведению и отношению к сети Интернет у подростков

Соколова М.В.

*ГОУ ВО МГОУ, Москва, Россия
nott88@mail.ru*

Девиантный тип поведения характеризуется не соответствующим официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе (социальной группе) моральным и правовым нормам и приводящие нарушителя к изоляции, лечению, исправлению или наказанию. Изучением данного вопроса занимается множество авторов, среди которых Е.В. Змановская, Л.Б. Шнейдер и другие.

Однако еще до развития устойчивого девиантного поведения у несовершеннолетних, можно наблюдать определенную склонность к нему. Она может быть выражена в определенных высказываниях, повышенному интересу к отдельным, вредоносным, видам времяпрепровождения, а также в отдельных поведенческих девиациях, которые еще не полностью не соответствуют существующим в обществе нормам, но являются отдельными поступками, или их совокупностью, которые, без надлежащей коррекции, способны привести индивида к выше названным санкциям.

Кроме того, частью жизни современных подростков является использование сети Интернет. Этот факт является неоднозначным, поскольку при явной пользе некоторых аспектов использования сети, таких как учеба, существует риск того, что чрезмерная увлеченность сетью Интернет может способствовать развитию различных девиаций. Поскольку, проводя время в сети, подростки могут общаться, самовыражаться и получать необходимую информацию, можно сделать вывод о том, что получаемая информация влияет на ценностные ориентации современного поколения.

В текущий момент можно наблюдать тенденцию, при которой проявление психологического неблагополучия подростков изменилось: ранее оно выражалось в конфликтности, теперь, в

основном, – в дистанцировании несовершеннолетнего посредством большого количества времени, проводимого в сети Интернет [1; 3].

Более того, выявлено что личностные особенности подростков тесно связаны со структурой их профилей в социальных сетях [2].

В рамках эмпирического исследования мы постарались выявить, описать и проанализировать склонность к отклоняющемуся поведению и отношению к сети Интернет у подростков.

В исследовании приняли участие 20 человек, оно проводилось на базе ГБОУ г. Москвы «Школа № 1797 «Богородская». Возраст участников – 13-16 лет (средний возраст $15,0 \pm 1,0$ год).

Для выявления склонности к отклоняющемуся поведению мы использовали методику диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (СОП) А.Н. Орел. С помощью данной методики выявлялась предрасположенность подростков к реализации различных форм отклоняющегося поведения.

Для выявления установок по отношению к сети Интернет мы использовали опросник установок по отношению к Интернету (Р. Дэвис в адаптации Э. Губенко). С помощью данного опросника выявляется для чего, в основном, человек использует сеть Интернет. В него входят такие показатели, как использование сети для повышения социального комфорта, использование сети в результате чувства одиночества, из-за сниженного самоконтроля, для отвлечения от дел или проблем. Кроме того, есть общий показатель проблемного использования сети Интернет.

Далее были применены методы непараметрической статистики, в результате чего мы выявили взаимосвязи между исследуемыми показателями. На основе полученных данных мы выявили, что склонность к аддиктивному поведению связана с такими показателями, как сниженный самоконтроль, социальный комфорт и общая склонность к проблемному использованию сети Интернет. Кроме того, контроль эмоциональных реакций имеет взаимосвязь со сниженным самоконтролем в использовании сети Интернет.

Таким образом, изучение взаимосвязи склонности к отклоняющемуся поведению и отношению к сети Интернет у подростков показало, что существует прямая связь между предрасположенностью подростков к реализации некоторых форм отклоняющегося поведения и установками по отношению к сети Интернет.

Литература

1. Жукова Н.В. Сетевое интернет-общение как новая форма организации коммуникативного процесса в современном обществе [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2017. Т.6. № 4. URL: http://psyjournals.ru/jmfp/2017/n4/Zhuckova_Aismontas.shtml (дата обращения: 09.04.2021).
2. Рубцова О.В. Исследование взаимосвязи личностных особенностей подростков с их поведением в виртуальном пространстве (на примере социальной сети «ВКонтакте») // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 3. № 3.
3. Соколова М.В. Особенности подростковой аутоагрессии и отношения к сети интернет у подростков кадетского корпуса [Электронный ресурс] // Вестник МГОУ. Серия: Психологические науки. 2019. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-podrostkovoy-autoagressii-i-otnosheniya-k-seti-internet-u-podrostkov-kadetskogo-korpusa> (дата обращения: 09.04.2021).

Особенности профессионального отбора специалистов без опыта работы

*Степанова Ю.А., Литвинова Е.Ю.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
julia.a.stepanova@mail.ru , elen-litvinova@ya.ru*

В современном VUCA-мире (нестабильном, неопределенном, многозначном) способность компании, а значит, ее сотрудников адаптироваться к изменениям, быть готовыми к открытиям, нововведениям, быстро учиться чему-то новому, является критично важной для развития сотрудников и роста компании. Стремительный рост сферы бизнеса обусловлен изменением потребностей людей, темпами мирового развития экономики. Компании стремятся развиваться, наращивать потенциал, внедрять инновации, что позволяет им оставаться конкурентноспособными на меняющемся рынке.

Все больше российских компаний приходят к выводу, что развитие и обучение персонала необходимо внедрять не только для действующих сотрудников, в корпоративное обучение необходимо

вовлекать учащихся вузов и даже школьников. В последние годы работодатели все чаще приходят к выводу, что будущих сотрудников необходимо «взрачивать», а значит, необходимо вкладывать ресурсы в развитие и обучение молодого поколения [1; 2].

Если при подборе сотрудников используется анализ резюме и опыта работы, решение профессиональных задач, то в случае со школьниками и студентами опыт работы чаще всего отсутствует, и основой для будущего отбора кандидатов могут являться психодиагностические опросники (профориентационные, мотивационные, личностные, направленные на оценку эмоционального состояния и психологического благополучия и др.), а также ценностно- и личностноориентированные собеседования. Иными словами, в случае с кандидатами без опыта работы, акцент при оценивании делается на потенциал будущего сотрудника.

Все чаще при работе с молодыми кадрами (18-22 года), не имеющими опыта соответствующей профессиональной деятельности, используются профильные стажировки, в рамках которых проводятся следующие мероприятия:

- 1) выполнение упрощенных рабочих задач [3];
- 2) обучение для формирования необходимых навыков;
- 3) оценка профиля личности.

Эти мероприятия позволяют компаниям определять, какие кандидаты соответствуют ее профилю, ценностям и формировать список потенциальных кандидатов.

Мы предположили, что существует взаимосвязь между мотивацией выбора профессионального пути и некоторыми личностными характеристиками кандидатов на замещение вакантных мест с одной стороны, и успешностью прохождения ими обучающего этапа отбора в рамках стажировки с другой. Для предварительного сбора эмпирических данных было проведено пилотажное исследование в рамках обучающего этапа отбора персонала в крупной Госкорпорации.

В контексте пилотажного исследования были проведены групповые опросы в 4-х группах (общая численность 1 группы - 40-50 человек) и личные собеседования со студентами отборочного этапа (30 человек), направленные на выявление основных мотивов выбора той или иной профессиональной деятельности или должности. В частности, у респондентов спрашивали об отношении к новым видам деятельности, о целях и планах на будущее, о предпочитаемых отношениях в рабочем коллективе, о желательных и нежелательных аспектах будущей профессиональной деятельности т.д.

Анализ результатов опросов показал, что при выборе работы для выпускников важны следующие критерии (приведены доминирующие ответы):

В отношении профессионального развития для стажеров важно: наличие четких рабочих задач и указаний относительно их выполнения; наличие обратной связи (зачастую в форме признания за выполненную работу); наличие и поддержание доброжелательных отношений в коллективе.

По отношению к перспективам, связанным с профессиональной деятельностью, респондентов привлекают: надежда на будущее и позитивная перспектива; уверенность в положительном исходе любых начинаний и в том, что работа должна быть привлекательной и приносить удовольствие; быть разнообразной с отсутствием рутины.

С точки зрения Я-концепции, профессиональная деятельность должна быть источником поощрения и получения нового опыта, который изменит представление респондентов о мире и о себе. Вместе с тем, отмечается наличие нестабильной самооценки, зависимость от мнения окружающих, сочетающаяся с намерением не подчиняться действиям коллег.

Сравнение результатов пилотажного опроса с успешностью прохождения отборочного этапа при приеме на работу в компанию позволяет сделать предварительно следующий вывод. Значительно чаще получали предложения о стажировке в корпорацию респонденты со следующими характеристиками: стремление к стабильности и планомерности деятельности, возможность получать удовольствие от работы, оптимизм, желание пробовать новое, мечты о «светлом» будущем, нестабильная самооценка.

Результаты исследования могут быть использованы для разработки программы полноценного эмпирического исследования, направленного на создание рекомендаций по отбору потенциальных кандидатов из вузов, а также разработке материалов для тестирования соискателей на соответствие будущей роли при приеме на работу.

Литература

1. *Литвинова Е.Ю.* Непрерывное образование в контексте профессионального и личного развития // Социальная психология в образовательном пространстве: Материалы I Международной научно-практической конференции. М.: МГППУ, 2013. С. 32-33.

2. *Таловерова Л.Л.* Учебное пособие «Организация системы обучения и развития персонала. Адаптация персонала. Кадровый резерв». М.: УЦ Финконт, 2016.
3. *Brinkerhof R.* “High Performance leaning journeys”, the series of audio lectures. URL: <https://soundcloud.com/user-932210481/high-performance-learning-journeys-podcast-by-robert-brinkerhoff> (дата обращения: 09.04.2021).

Формирование волевых качеств в ходе тренинга и консультирования на основе индивидуального знака

Сумароков А.И.

*Международный независимый эколого-политологический университет, Москва, Россия
alexandre_sumarokov@rambler.ru*

В настоящих тезисах описан эксперимент, направленный на повышение уровня коммуникабельности студентов на основе индивидуального знака [5]. Гипотеза эксперимента заключается в том, что индивидуальный знак оптимизирует психическую деятельность человека. Под индивидуальным знаком мы понимаем любое психическое средство, с помощью которого может быть зафиксирована та или иная единица личностного опыта субъекта. Примером применения такого типа методики является эксперимент Н. Аха, описанный в работе Л.С. Выготского «Мышление и речь». Задание невозможно выполнить без использования искусственных лексических единиц, таких как «гацун», «фал», «рас» [2].

Заметим, что индивидуальные знаки похожи на «неизвестное» в алгебре. Так, например, буква «икс» может обозначать нечто существующее, но не совсем определенное. Делается это для того, чтобы зафиксировать само существование этого неизвестного и, кроме того, иметь возможность им оперировать. Принципиальным отличием является то, что на уроке алгебры объектом изучения является текст задачи, а в нашем случае – психика испытуемого. Таким образом могут быть опосредованы весьма разнообразные по своему содержанию концепты, которые по различным причинам имеют важное значение для испытуемого, например, приемы запоминания какого-либо материала, поставленные перед собой цели, сформированные на тренинге модели поведения и многое, многое другое.

В нашем эксперименте мы формировали у испытуемых оптимальные модели поведения в двух больших квазигруппах – в контрольной и экспериментальной, при этом в экспериментальной группе испытуемые опосредствуют индивидуальными лексическими единицами приобретаемые модели поведения, которые создаются на основе транзакционного анализа Э. Берна [1] и теории преодоления конфликтных и предконфликтных ситуаций К. Томаса [3]. Кроме того, каждая модель разрабатывалась индивидуально и в большей или меньшей степени предполагала использование различных невербальных средств общения.

Под «волевыми качествами личности» мы (в контексте данной работы) предполагаем, прежде всего, качества, описанные К. Томасом. Это «противоборство», предполагающее отстаивание собственной точки зрения, и «сотрудничество» – выработка вместе с партнером приемлемого для обоих варианта преодоления разногласий. Кроме того, в одной из наших работ мы отмечаем повышение внутреннего локуса контроля у прошедших тренинг [4].

На тренинговой площадке испытуемые не просто обучаются новым моделям поведения, но и приобретают привычку преодолевать свои недостатки, такие как нерешительность, неспособность противостоять откровенной агрессии и т.д. Важно уточнить, что такой тренинг всегда проводится в группе, поэтому успешное разрешение ситуации лучше закрепляется в сознании испытуемого.

Вторым после тренинга фактором, влияющим на формирование волевых качеств личности, является психологическое консультирование, в ходе которого мы используем методику индивидуальных знаков для опосредствования различных концептов субъекта. В ходе консультационной работы испытуемые проводят над концептами мыслительные операции и создают новые структуры, а некоторые «старые» исчезают. То, что в результате у испытуемых формируются волевые качества, доказывают следующие факты.

1. Во время контрольных сеансов проявляется тенденция к выбору моделей поведения, позволяющая, в случае необходимости, активно противостоять партнёрам на тренинговой площадке.

2. В ходе тренинга и консультирования испытуемые по собственной инициативе создают лексические единицы для опосредствования моделей поведения, требующих серьезных волевых усилий.

3. После тренинга испытуемые проявляют более высокую активность в решении своих личностных проблем.

Литература

1. *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М., 2008.
2. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. М., Лабиринт, 1999.
3. *Елисеев О.П.* Конструктивная типология и психодиагностика личности. Псков: издательство ПОИУУ, 1994.
4. *Сумароков А.И.* Изменение локус контроля в результате тренинга с применением методики индивидуальных знаков // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти М.Ю. Кондратьева (12-13 мая 2020 г.). М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2020.
5. *Сумароков А.И.* Формирование коммуникативных моделей поведения на основе индивидуальных знаков / Материалы I Всерос. конф. Межличностный контакт: теория, методология и практика внедрения в правоохранительной сфере. М.: Издательство РГСУ, 2015.

К вопросу о социально-психологических аспектах взаимодействия сотрудника автоинспекции и водителя в условиях дорожно-транспортной среды

Суражеская А.Д., Погодина А.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
kakora@yandex.ru

В процессе участия в дорожном движении водители взаимодействуют не только друг с другом, но и с сотрудниками Госавтоинспекции (точнее – с инспекторами дорожно-патрульной службы – далее ДПС ГИБДД), которая осуществляет надзор за дорожным движением. И от того, насколько конструктивным будет это взаимодействие, зависит не только мнение о Госавтоинспекции со стороны участников дорожного движения, но и состояние дорожной аварийности в целом. Несмотря на то, что в сознании обывателя сотрудники Госавтоинспекции и участники дорожного движения (в первую очередь, водители) представляются некими антагонистами, однако на самом деле, в философском, глобальном смысле они объединены одной целью – сделать так, чтобы все участники дорожного движения благополучно добрались до пункта назначения.

Таким образом, минимизация рисков при участии в дорожном движении – в интересах обеих сторон.

В психологии взаимодействие определяется как процесс непосредственного или опосредованного воздействия социальных объектов (субъектов) друг на друга, порождающий их взаимную обусловленность и связь. Кроме того, под взаимодействием также понимается непосредственная организация совместных действий [5].

Как отмечает П.Г. Андреев [1], взаимодействие сотрудников ДПС ГИБДД с участниками дорожного движения носит деловой характер, основанный на законодательстве РФ и их гражданских позициях. Эффективность взаимодействия определяется личностными качествами сотрудников автоинспекции и выбранными ими стратегиями взаимодействия. Одним из важных качеств является коммуникативная компетентность, то есть способность человека адекватно оценивать себя и свое место в обществе, правильно определять эмоциональные состояния партнеров по общению, прогнозировать проявления межличностных отношений, выбирать и реализовывать оптимальные способы общения с окружающими.

В психологической литературе стратегии взаимодействия подразделяются на продуктивные (конструктивные) и непродуктивные (неконструктивные, деструктивные). Первые направлены на установление доверительных взаимоотношений, направленных на достижение общих целей, раскрытие личностных потенциалов и достижение эффективных результатов совместной деятельности. Вторые не способствуют достижению оптимальных результатов совместной деятельности, так как базируются на доминировании одной из сторон.

А.В. Гайнулина определяет конструктивное взаимодействие сотрудников ДПС ГИБДД и участников дорожного движения как процесс, базирующийся на действующем законодательстве Российской Федерации, должностных инструкциях, гражданской позиции сторон и включающий в себя установление социально-психологического контакта между сотрудниками ДПС ГИБДД [4], с одной стороны, и участниками дорожного движения (в первую очередь, водителями и пешеходами) – с другой, в результате которого, содействуя друг другу, они способствуют достижению общесоциальных целей, связанных с безопасностью на дорогах [2; 3].

Для достижения конструктивного взаимодействия важны такие качества, как доброжелательное отношение к другой стороне, вежливость, тактичность, умение сглаживать конфликты, умение оценивать ситуацию, поставить себя на позицию оппонента, гибкость

в суждениях, умение взвешенно принимать предложенные аргументы и признавать свои ошибки.

Однако некоторые из ситуаций могут быть потенциально конфликтными.

Так, например, ситуация, в которой инспектор ДПС ГИБДД останавливает участника дорожного движения (водителя, пешехода), нарушившего ПДД. Источником конфликта здесь почти всегда служит нежелание участника дорожного движения нести заслуженное наказание. Для недопущения данной ситуации до конфликтной зачастую достаточно, чтобы автоинспектор спокойно и доходчиво разъяснил суть нарушений и, желательно, подкрепил свои слова данными фотовидеофиксации [6].

В ситуациях, когда сотрудники Госавтоинспекции проводят рейд, они, как правило, ориентируются на выявление определенного вида нарушений. Это также может стать источником конфликта, гражданин может посчитать, что его остановили напрасно, он потерял время и т.п. Для профилактики конфликтов важно, чтобы сотрудник Госавтоинспекции вел себя максимально предупредительно и тактично. Вежливый тон, спокойное и четкое объяснение причины остановки не вызовут у подавляющего большинства участников дорожного движения негатива, а наоборот дадут им понять, что об их безопасности заботятся.

Также конфликты могут возникать в момент оформления ДТП. Хотя эта ситуация также не обязательно конфликтная, но она однозначно является стрессовой для участника дорожного движения. Попавший в ДТП водитель может пребывать в состоянии шока, волнения, нервозности и, как следствие, демонстрировать излишнее возбуждение или, напротив, заторможенность реакций, непонятливость и рассеянность внимания, переживать целый спектр других эмоций: гнев, раздражение, злость, сожаление, страх, чувство вины, боль и т.д. Отличительная особенность этой ситуации в том, что все эти эмоции участник дорожного движения испытывает не по отношению к инспектору ДПС ГИБДД, а как ответную реакцию на сам факт ДТП.

В целом можно сказать, что взаимодействие сотрудника ДПС ГИБДД и участников дорожного движения отличается разноплановостью и многовариантностью. Часть этих ситуаций могут быть потенциально конфликтными, причем то, по какому сценарию будут развиваться события, зависит в равной степени от обеих сторон. Также значительное влияние на эффективность этого взаимодействия оказывают устоявшиеся (стереотипные) представления госавтоинспекторов и водителей друг о друге и представления,

сформировавшиеся на основании собственного прошлого опыта каждой из сторон. Все эти аспекты требуют дальнейшего изучения.

Литература

1. *Андреев П.Г.* Коммуникационное взаимодействие инспекторов ДПС ГИБДД и участников дорожного движения // Современное состояние и перспективы обеспечения безопасности дорожного движения. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. / Под ред. Ю.Н. Калюжного. Орлов, 2018. С.21-25.
2. *Борисова С.Е.* Коммуникативная компетентность инспекторов ДПС ГИБДД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 3.
3. *Борисова С.Е.* Психологические особенности деятельности сотрудников дорожно-патрульной службы ГИБДД // В сб. научных трудов «Научное обеспечение противодействия правонарушениям». М., 2010.
4. *Гайнуллина А.В., Линевич В.Л.* Психологические аспекты взаимодействия сотрудников ДПС ГИБДД с участниками дорожного движения // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 7.
5. *Крысько В.Г.* Психология. Курс лекций. Учебное пособие «Вузовский учебник» URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pedagog/krysko2/index.php (дата обращения: 09.04.2021).
6. *Козловская Е.А.* Профессиональное общение и разрешение конфликтных ситуаций в деятельности инспектора ГАИ с участниками дорожного движения // «Методические рекомендации». М. 1995.

Жизненные ценности студентов – представителей различных культур

Сысоева А.В.

*ГУО «Академия последипломного образования», Минск,
Республика Беларусь
alyona.sysoeva10@gmail.com*

Интеграция системы высшего образования Республики Беларусь в европейскую систему делает страну привлекательной для

542

иностранных студентов. В прошедшем учебном году в белорусских учреждениях высшего образования обучалось 15 тысяч 812 юношей и девушек из 102 государств мира (5,9 % от общего количества студентов). При включении граждан, прибывших из других стран, возможным становится то, что молодые люди сталкиваются с рядом проблем, обусловленных как очевидными, так и скрытыми особенностями взаимодействующих культур, различиями между ними.

Учитывая ситуации нестабильности и изменений, происходящих в обществе, особенно сложно приходится молодежи с ее еще не устоявшимся мировоззрением, подвижной системой ценностей.

Под жизненными ценностями мы понимаем «совокупность социальных установок человека относительно наиболее важных, значимых для него предметов и явлений действительности, образующих смысл жизни» [2, с. 3].

Для определения структуры жизненных ценностей респондентов (белорусы, россияне, украинцы, туркмены, китайцы), обучающихся в Республике Беларусь, был использован тест «Ранжирование системы ценностей», разработанный С. Шварцем и У. Билски [1, с. 269-277], в котором ценности культуры группируются вокруг трех осей измерения: Консерватизм – Автономия, Иерархия – Равноправие, Мастерство – Гармония, каждая из осей включает определенные ценности.

Статистический анализ результатов исследования, проведенный с помощью двухфакторного дисперсионного анализа, позволил установить особенности жизненных ценностей студентов, принадлежащих к различным культурам, обучающихся в Республике Беларусь:

- туркменские студенты имеют достоверно более высокие показатели по шкалам «традиционализм», «власть», «гедонизм», «достижения», «природная гармония», «мастерство», чем российские и белорусские студенты. Туркменская культура относится к традиционному обществу и поэтому у молодых людей формируется уважительное отношение к обычаям и идеям своей культуры, стремление к признанию и максимальному комфорту, к наслаждению жизнью, добросовестное отношение к себе и своим профессиональным обязанностям, соблюдение иерархических отношений в обществе и получение определенного социального статуса;

- белорусские студенты имеют достоверно более высокие показатели по шкалам «достижения» и «самостоятельность», чем студенты из России и Туркменистана. Белорусам традиционно характерны трудолюбие, дисциплинированность, честность, поэтому у

них формируется стремление к личному успеху через демонстрацию компетентности в соответствии с социальными стандартами, успешностью;

- российские студенты имеют достоверно более высокие показатели по шкале «самостоятельность», чем студенты из Беларуси и Туркменистана. Российским студентам в большей мере характерно преобладание самостоятельности в различных сферах жизни, так как в процессе исторических преобразований уклада жизни людей и нарастания процессов урбанизации российского общества возрос удельный вес индивидуалистического начала. Поэтому выходцы из этой культуры стремятся к достижению поставленных целей без посторонней помощи.

Итак, для туркменских и белорусских студентов приоритетной жизненной ценностью является достижения. Студенты из Беларуси и России имеют сходство по приоритетной жизненной ценности – самостоятельность.

Таким образом, выявленные особенности жизненных ценностей студентов, принадлежащих к различным культурам, обучающихся в Республике Беларусь, можно объяснять фактором принадлежности к определенной культуре и необходимостью адаптации к новой социокультурной среде.

Литература

1. *Почебут Л.Г.* Кросс-культурная и этническая психология: Учебное пособие. СПб., 2012.
2. *Черкасова А.А.* Жизненные ценности в представлениях студенческой молодежи России и США: социологический анализ // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. Т.3. № 1.

Полузакрытая группа как объект социально-психологического исследования: критерии и некоторые признаки

Тарасов С.В., Дробышева Т.В.

*ФГБУН Институт Психологии РАН, Москва, Россия
smentarasovvas@gmail.com, tdrobysheva@mail.ru*

Работа подготовлена в рамках Государственного задания № 0138-2021-0010 «Социально-психологические факторы поведения личности и группы в условиях глобальных изменений».

Современная ситуация в развитии общества, связанная с пандемией и введением локдауна, показала, что ограничение свободы

передвижения людей, замкнутость жизненного пространства, сокращение объема персонального пространства, - эти и другие факторы вынужденной изоляции негативно влияют не только на психическое и физическое здоровье населения, но и на характер семейных, межличностных отношений, социальных связей в целом. Сложившаяся ситуация стимулировала рост интереса современных исследователей к проблематике «закрытых» социальных групп.

Критерий «закрытости» в социально-психологических исследованиях часто определяется как «степень открытости, доступности группы влиянию окружающей ее социальной среды, общества» [4, с. 15]. Проблема исследования «закрытых» групп характеризуется поиском специфики внутригрупповых связей, групповой динамики, групповых отношений, лидерства и т.п., обусловленной ситуацией «изоляции» группы в социальной среде. Наиболее глубоко данный тип групп изучался М.Ю. Кондратьевым, его учениками и коллегами, обнаружившими такие особенности «закрытых» групп как травматизация и деформация самосознания членов группы, их ориентированность на прошлое, зависимость аттракции и референтности группы от фактора власти, жесткая иерархичность и ригидность групповой структуры [3, и др.].

В отличие от «закрытых», «полузакрытые» социальные группы отличаются меньшими ограничениями входа и выхода из группы. В качестве примера можно привести: учебные группы с интернатным проживанием (кадетские и частные школы, военные вузы, и т.д.), религиозные секты, группы политических активистов, организованные преступные группировки, фан-клубы. Критерий «полузакрытости» мы связываем со степенью свободы принятия решения любого члена группы о своей принадлежности к ней. Причем, если вход в группу часто носит добровольный характер, то выход из нее, как правило, осложнен. На входе группа воспринимается как референтная, т.к. механизм привлекательности – цели и задачи групповой деятельности. Однако в отличие от «открытых» групп кандидат проходит «вступительные испытания» на соответствие групповым ожиданиям, нормам, ценностям, и т.п. Так же, как и в «закрытых» группах, в «полузакрытых» предписания жестко закреплены в виде устных и письменно оформленных норм и правил поведения, которые не предполагают какого-либо отклонения от них членами группы; групповая структура иерархически организована и мало лабильна; доминирует императивный стиль общения. Сложность выхода из такой группы определяется разными факторами: нежеланием группы лишиться одного из своих членов, внутренними (психологическими) и внешними (социальными)

обязательствами перед группой, сложностью самой процедуры выхода по финансовым и др. обстоятельствам, и т.п.

Сопоставляя результаты эмпирических исследований межличностных отношений в «полузакрытых» [1] и «закрытых» группах [3], обнаружили, что, если в «закрытых» группах «фактор власти» (в терминах А.В. Петровского и М.Ю. Кондратьева) определяет привлекательность и референтность группы для ее членов, то в «полузакрытой» - потребность в принадлежности к ней. Результаты наших исследований показали, что «полузакрытые» группы обладают такими чертами «закрытых» групп как высокий уровень групповой сплоченности, приписываемая члену группы цель совместной деятельности, травматизация и депривация суверенности психологического пространства личности и др. Показано, что, для данного типа групп характерны проблемы социально-психологической адаптации, нарушений самоорганизации и самоидентичности, эмоциональной депривации в связи с ранней сепарацией от родителей, и др. [1; 2 и др.].

Оценивая современное состояние исследований в области «полузакрытых» социальных групп, отметим перспективность данной области исследований в направлении изучения групповых свойств, признаков субъектности данных групп, баланса между групповым и индивидуальным субъектом.

Литература

1. *Дробышева Т.В., Тарасов С.В., Сахарова Е.Ю.* Межличностные отношения подростков в разных условиях социализации (на примере кадетов и учащихся общеобразовательной школы) // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 4 (12). С. 108-127. URL: <http://socio-econom-psychology.ru/cntnt/bloks/dop-menu/archive/n2018/t3-4/s18-04-06.html> (дата обращения: 09.04.2021).
2. *Дробышева Т.В., Тарасов С.В., Войтенко М.Ю.* Факторы суверенности психологического пространства личности в учебных группах полузакрытого типа (на примере учащихся военного вуза) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2020. № 4 (56). С. 307-317. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/3837/ (дата обращения: 09.04.2021).

3. *Кондратьев М.Ю.* Особенности интрагруппового структурирования в сообществах несовершеннолетних правонарушителей в условиях принудительной изоляции // Социальная психология и общество. 2011. № 4. С. 50—70.
4. *Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М.* Социальная психология малой группы: Учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2001.

Взаимосвязь психического выгорания в супружеских отношениях и удовлетворенности профессией (на примере педагогов)

Терещенко А.А., Кочетков Н.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

a.tereschenko98@mail.ru, nkochetkov@mail.ru

Благополучная семья представляет собой основу для формирования здорового общества [3], а благополучие семьи напрямую зависит от степени выраженности психического выгорания супругов. Психическое выгорание является результатом совокупности психических переживаний и форм поведения, а также связано с длительными стрессами хронического типа, которые непосредственно воздействуют на все аспекты жизни человека [2], в частности, на семейные отношения, которые в большинстве случаев протекают на фоне профессиональной деятельности супругов. При ее изучении важно учитывать феномен удовлетворённости трудом, которая рассматривается как эмоционально оценочное отношение человека к проделанной работе и ее ситуациям [1].

В нашей работе мы поставили целью изучение взаимосвязи психического выгорания в супружеских отношениях и удовлетворенности профессией у педагогов. Мы предположили, что существует взаимосвязь между психическим выгоранием педагогов в браке и удовлетворенностью профессиональной деятельностью, и чем больше будет количество привлекательных факторов работы в педагогической деятельности, тем выше будет удовлетворенность браком. Для подтверждения гипотез нами было проведено эмпирическое исследование с использованием следующих методик: диагностика эмоционального выгорания К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н.Е. Водопьяновой, скорректирована под феномен психического выгорания в семейных отношениях, тест-опросник удовлетворенности браком В.В. Столина, Т.Л. Романовой, Г.П. Бутенко, методика «удовлетворенность профессией» В.А. Ядова,

модификация Н.В. Кузьминой, А.А. Реана. Для того, чтобы понять, действительно ли полученные закономерности являются характеристикой представителей именно педагогической профессии, мы взяли в качестве контрольной группы представителей других, несоциально-экономических, специальностей. Наша общая выборка составила 198 респондентов.

Результаты эмпирического исследования показали, что у женатых и замужних людей с увеличением непривлекательных факторов трудовой деятельности происходит увеличение уровня эмоционального истощения в браке ($r=0,160$, $p=0,05$). При возрастании уровня удовлетворенностью трудом уменьшаются значения деперсонализации ($r= -0,168$, $p= 0,05$) и общего уровня выгорания ($r= -0,184$, $p=0,05$), что может быть связано с потерей (или изначальным отсутствием) интереса к трудовой деятельности и многочисленными стрессами в ходе ее осуществления, которые приводят к возникновению конфликтов в семье и невозможности своевременно разрешить их и наоборот, а с увеличением уровня удовлетворенности трудом происходят изменения в эмоциональной сфере человека, приводящие к положительным изменениям в супружеских отношениях. При повышении уровня удовлетворенности трудом уменьшается эмоциональное истощение у замужних и женатых ($r= -0,187$, $p=0,05$), а также у тех, кто имеет романтические отношения без совместного проживания ($r= -0,237$, $p=0,05$). Для тех, кто состоит в «совместном проживании» без официально зарегистрированного брака с увеличением привлекательных факторов трудовой деятельности уменьшается эмоциональное истощение ($r=-0,460$, $p=0,01$) и деперсонализация ($r= -0,342$, $p=0,05$) в отношении между партнерами.

Также мы обнаружили, что привлекательных факторов трудовой деятельности достоверно меньше у пар, которых можно отнести к категории «неблагополучные» и выше всего выражены у «скорее благополучных» и «абсолютно благополучных» пар (для статистической проверки использовался критерий Краскала-Уоллиса).

Итак, проведенное нами исследование показывает, что существует взаимосвязь между психическим выгоранием в супружеских отношениях и удовлетворенностью профессиональной деятельностью, а также то, что наличие большого количества привлекательных факторов трудовой деятельности педагога приводит к высокому уровню удовлетворенности браком. Такую закономерность мы можем объяснить тем, что личность реализуется в обществе через профессиональную деятельность, соответственно, с увеличением ее успешности повышается шанс на успешность реализаций и других

форм деятельности, в том числе, и семейных отношений. Полученные результаты могут быть использованы семейными психологами-практиками с целью гармонизации межличностных отношений в семье или романтических отношений людей, не состоящих в браке.

Литература

1. *Давыдова И.А.* Профессиональный стресс и удовлетворенность работой преподавателей российских вузов // Вопросы образования. 2014. № 4.
2. *Орёл В.Е.* Структурно-функциональная организация и генезис психического выгорания. Дисс. доктора психол. наук. Ярославль, 2005.
3. *Стекольников Ю.Н., Ильинский С.В.* Эмоциональное выгорание супругов в зависимости от семейного стажа // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2013. № 2.

Самоэффективность как ресурсный компонент учебной мотивации

Тимофеева А.В., Толстых Н.Н.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
fancy56@mail.ru, nnvt@list.ru

На протяжении многих лет ученые размышляют на тему о том, что движет людьми в достижении поставленных целей. Многочисленные исследования показали, что такое качество личности, как самоэффективность, является одним из ведущих в достижении целей в различных областях и сферах деятельности.

В конце 70-х годов двадцатого века теория самоэффективности была предложена профессором Альбертом Бандурой [3]. Альберт Бандура стал первым ученым, который сформировал понятие самоэффективности и ввел его в научную психологию. По его мнению, самоэффективность – это уверенность личности в своих способностях, компетентности организовать и выполнить поставленную работу, которая поможет ему достигнуть успеха в определенной сфере деятельности. Помимо этого, Альберт Бандура максимально четко раскрыл это понятие и его роль в личностном развитии людей. По его мнению, «чем выше ожидания эффективности или мастерства, тем более активными становятся усилия» [1, с. 116].

Самое большое влияние на самооффективность, по А. Бандуре, оказывает успех в решении тех или иных задач [2].

Отдельного внимания заслуживают исследования мотивации. Много десятилетий мотивацию изучают зарубежные и отечественные ученые в рамках различных наук: психологии, социологии, биологии. Мотивация представляет собой совокупность побудительных процессов, которые подталкивают и направляют человека к достижению определенных целей.

В нашем исследовании рассматриваются результаты исследования самооффективности, как ресурсного фактора учебной мотивации, которое было проведено по итогам опроса студентов 1 курса Оренбургского института МГЮА в феврале 2020 года. Было опрошено 70 студентов бакалавров: 30 мужчин и 40 женщин. Возраст 18-20 лет.

По результатам исследования были выявлены четкие целевые установки учебной деятельности большинства первокурсников: 90% юношей и 95% девушек уверены в том, что главное в учебе – это получение знаний, которые можно будет применить в будущей профессии юриста. Хорошая учеба – это важнейший фактор самооффективности, поэтому 67% юношей и 70% девушек стремятся хорошо учиться для того, чтобы продолжить дальнейшее обучение в магистратуре. 90% опрошенных студентов хотели по-настоящему знать и понимать те предметы, которые изучаются в вузе. Хорошая учеба и качественные знания – это показатели собственного успеха. В нашем исследовании выявлен формальный парадокс. С одной стороны, 67% первокурсников желают хорошо учиться, так как это позволит продолжить учебу в магистратуре. С другой стороны, 64% студентов согласны с позицией, согласно которой, чтобы добиться успеха в жизни, совсем не обязательно хорошо учиться. По-видимому, более длительная перспектива (жизнь, а не учеба) и опыт других людей доказывает, что отличники не всегда успешны в жизни, в отличие от троечников. Поэтому 41% первокурсников согласны с утверждением о том, что успех в будущей жизни не зависит от того, как ты учишься: все зависит от удачи, помощи родителей. Почти 90% студентов утверждают, что в ситуации соревнования для них важно не оказаться последними.

На первый план в учебной мотивации выходит возможность в будущем получить высокооплачиваемую работу. Именно для этого 88% первокурсников стремятся хорошо учиться, то есть быть эффективными в учебе. Причем, если для преподавателей академическая успеваемость студентов – важнейший показатель эффективности, то студенты оценивают этот фактор иначе, 66%

опрошенных студентов не согласны с позицией, по которой показателем успеха в учебе является отметка.

В условиях цифровой эпохи 42% студентов согласны с тем утверждением, что сейчас столько доступной информации на любую тему, что совсем не обязательно посещать занятия, чтобы что-то узнать.

В ходе опроса выяснялись и другие внешние для личности факторы учебной мотивации, а именно, влияние престижа, высшего образования, семьи, будущей зарплаты, комфорта и уюта в процессе обучения в вузе.

Наше исследование подтвердило вывод Бандуры о том, что самым важным источником самоэффективности, является успех в решении тех или иных задач.

Для большинства первокурсников ОИ МГЮА факторы успеха (самоэффективности) в учебной деятельности являются определяющими. Другие факторы учебной деятельности больше мотивируют около от трети до 40% опрошенных студентов. Вместе с тем стремление к самоэффективности в целом выявлено более чем у 90% первокурсников, которые готовы приложить достаточно усилий, чтобы справиться с любой, даже самой сложной, проблемой, но эти проблемы могут быть не связаны с учебной деятельностью.

Литература

1. *Бандура А.* Теория социального научения. СПб. Евразия, 2000.
2. *Шварцер Р., Ерусалем М., Ромек В.* Русская версия шкалы общей самоэффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема // Иностранная психология. Москва.1996. № 7. С. 71-77.
3. *Bandura.* Social learning theory. Englewood Cliffs. NJ: Prentice. 1977.

Разновидности технологии веб-квеста в высшем образовании

Титовец Т.Е.

УО БГПУ, Минск, Республика Беларусь

t_titovets@mail.ru

В условиях цифровизации современного образования возрастает актуальность использования в педагогическом процессе технологий обучения, основанных на поиске и обработке информации в веб-сети. Одной из таких технологий является веб-квест – технология обучения,

предусматривающая вовлечение обучаемых в деятельность, средством для реализации которой служат ресурсы сети Интернет [1]. С этого времени веб-квесты были значительно модернизированы и появилось их большое количество разновидностей. Рассмотрим основные разновидности веб-квеста, которые можно использовать при проведении учебного занятия в системе высшего образования.

1) Традиционный (вопросный) веб-квест. При проведении традиционного веб-квеста преподаватель формулирует вопрос или несколько вопросов, связанных с темой занятия, и указывает ссылки на сайты или статьи, на которые можно найти ответ на этот вопрос. Чаще всего данный формат веб-квеста используется в соревновательном ключе – студент, который первым находит и озвучивает правильный ответ, зарабатывает определенный бонус. Таким образом, при веб-квестах используются элементы геймификации обучения.

2) Терминологический веб-квест. Данный формат используется при необходимости освоения и закрепления новых научных понятий. Так, прежде чем объяснить ключевое понятие, преподаватель просит студентов найти различные трактовки этого понятия в сети интернет, их сопоставить между собой, выделить общие существенные признаки. В этом случае ссылки на сайты можно не предоставлять, студенты работают с поисковой системой самостоятельно в течение регламентированного отрезка времени, чтобы потом обсудить найденные дефиниции и уточнить значение понятия на занятии.

3) Критико-ориентированный веб-квест. Преподаватель подготавливает ссылки на различные сайты, посвященные одной и той же теме, предмет изучения которой составляет тему занятия. Студентам предстоит критически осмыслить информацию на каждом из сайтов, оценить степень ее объективности, обосновать, на каком из сайтов представленная информация не соответствует изученным по данной теме научным закономерностям, т.е. противоречит теории.

4) Сравнительно-аналитический веб-квест. Студентам предлагается проанализировать аспекты изучаемого явления на конкретных примерах, представленных в сети.

5) Видео-веб-квест. Студентам заранее задаются вопросы дискуссионного характера, ответы на которые они могут найти после просмотра видео по ссылке. Как правило, для такого квеста преподаватель отбирает видеофрагменты учебных занятий, в которых наглядно показана обсуждаемая ситуация и представлен интересный опыт.

6) Многоаспектный (междисциплинарный) веб-квест. Студентам предлагается изучить какое-то явление, в исследовании которого

принимают участие разные учебные дисциплины либо явление с множеством аспектов изучения. Студенты делятся на команды. Каждая команда должна за небольшой период времени изучить интернет-источники, посвященные одному определенному аспекту изучаемого явления и четко сформулировать ответ, обосновывая его примерами, научными положениями. Затем каждая команда раскрывает свой аспект, таким образом, содействуя становлению целостного видения данного явления.

7) Дискуссионно-ролевой веб-квест. Студентам предлагается разделиться на две команды. Представители первой команды должны отыскать в интернет-источниках все аргументы в пользу принятия какой-либо идеи, найти яркие примеры, доказывающие ее эффективность. Представители другой команды должны взять роль скептика и отыскать все доказательства опасности применения данной идеи на практике.

8) Шифрованный веб-квест. Каждая статья, с которой студент знакомится на сайте, имеет свое буквенное обозначение – шифр (его присваивает преподаватель). При предоставлении ссылок, преподаватель оговаривает, какой буквой будет условно называться каждая ссылка на статью. После прочтения каждой статьи студенты должны соотнести ее со списком всех идей, и поставить напротив нужной идеи соответствующую этой статье букву.

Веб-квесты обычно являются краткосрочным методическим приемом, который не занимает всё учебное занятие. Но они значительно стимулируют мыслительную активность студентов, помогают установить связь между теорией и практикой, глубже понять суть явлений, прочнее освоить учебный материал. Преподаватель решает по своему усмотрению, предоставлять ли ссылки студентам или позволить им искать информацию самостоятельно, задавать работу с интернетом как домашнее задание или делать ее частью учебного занятия, делить студентов на команды или позволить им работать индивидуально, вести подсчет баллов за быстроту и правильность ответа или отказаться от геймификации. Применение веб-квеста делает занятие более интерактивным и интересным для студентов, повышая его образовательный потенциал.

Литература

1. Dodge B. Some Thoughts About WebQuests. Mode of access: http://webquest.sdsu.edu/about_webquests.html (дата обращения: 09.04.2021).

Психологический портрет лидера (на примере женщин-мусульманок)

Ткаченко Н.В., Бариева Н.Ю.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

tkachenkonv@mgppu.ru, natasha1024@mail.ru

Многочисленные модели и теории рассматривают лидерство как специфический набор личностных свойств, технологию поведения, взаимодействие указанных свойств и поведенческих реакций с ограниченным набором ситуационных переменных [2, с. 62].

В психологическом понимании лидерство стало механическим набором черт, реакций и переменных, за которыми теряется его внутреннее, психическое содержание – субъективность, где остается без внимания структура сознания, сложные психические процессы, способствующие развитию, накоплению и присвоению социального опыта, формированию общей картины мира [1, с. 27].

Эффективное лидерство требует способности адаптивно реагировать на возникающие динамичные и сложные ситуации. Данная способность зависит от готовности приобретать новые навыки и стратегии для преодоления сложностей и изменений [2, с. 83].

Необходимость создать комплексный психологический портрет лидера, содержащий описание внутреннего склада и возможных поступков в определенных значимых обстоятельствах, позволит более качественно представить личность лидера. На эту необходимость указывает и проведенное нами исследование, посвященное изучению особенностей гендерного и конфессионального лидерства на примере женщин-мусульманок.

Исследование проводилось с участием 52 человек, являющихся представителями различных конфессий и национальностей, средний возраст респондентов составил 32-35 лет. Применены методики диагностики ценностных ориентаций Ш. Шварца [4], многофакторный опросник лидерства (MLQ Form 5X-Short) Б. Басса и Б. Аволио [3].

Анализ полученных результатов позволил сделать выводы о том, что существуют гендерные и конфессиональные различия в реализации лидерских навыков и качеств. Так например, мужчина-мусульманин продуктивнее справляется с ролью лидера, чем женщина-мусульманка, а женщина не мусульманка в отличие от женщины-мусульманки решительна, позитивна, целеустремлена, использует различные формы взаимодействия с группой (поощрение и наказание, мотивацию, удовлетворение потребностей последователей в развитии и образовании); каждому лидеру вне зависимости от

гендерных и конфессиональных особенностей важно быть включенным в жизнедеятельность последователей, уметь организовывать процесс, а в случае необходимости принять непосредственное участие в работе группы.

Литература

1. *Адаир Д.* Психология лидерства. М.: Эксмо, 2006.
2. *Занковский А.Н.* Психология лидерства: от поведенческой модели к культурно-ценностной парадигме. М.: Издательство: Институт психологии РАН, 2015.
3. Психология современного лидерства. Американские исследования. *Psychology of Contemporary Leadership: American Researches.* / Под ред. Дж. Канджеми, К. Дж. Ковальски, Т.Н. Ушаковой. М.: Когито-Центр, 2007.
4. *Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Лунатова А.С.* Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2012. Т. 9, № 1. С. 43–70. URL <https://psy-journal.hse.ru/2012-9-2/53395751.html> (дата обращения: 01.04.2021).

Взаимосвязь стресс-факторов мегаполиса и личностных особенностей у мужчин и женщин

Трушкова С.В., Ким М.И.

*ФГБОУ ВО Московский автомобильно-дорожный государственный
технический университет (МАДИ),
Московский социально-педагогический институт (МСПИ)
SvetVTr@mail.ru, maria0458@yandex.ru*

Жизнь и деятельность человека в современном обществе неразрывно связаны с воздействием неблагоприятных экологических, социальных, профессиональных, а также ряда других стресс-факторов. Зачастую житель мегаполиса не владеет приемами и техниками снижения накапливающегося психологического напряжения, что приводит к повышению усталости, затруднениям при взаимодействии с окружающими, уменьшению эффективности выполнения профессиональной деятельности, и, как следствие, к формированию неудовлетворенности жизнью.

Зарубежные и отечественные исследователи связывают различия в реагировании на повседневные стрессоры с разной значимостью жизненных сфер для мужчин и женщин. Так, например, женщины реагируют на стрессовые события, связанные с семьей, наиболее тревожно и восприимчиво. Мужчины более эмоционально воспринимают стрессовые события, которые связаны, в первую очередь, с их деятельностью и финансами [2]. Кроме того, одним из основных факторов стресса является городская среда. Поэтому то, как мы реагируем на стресс, имеет большое значение для нашего общего жизненного благополучия [1].

Для изучения взаимосвязи стресс-факторов городской среды и личностных особенностей человека нами было проведено эмпирическое исследование. Выборку исследования составили 42 респондента, из них 25 женского пола и 17 мужского, в возрасте от 18 и до 57 лет, являющихся жителями московского мегаполиса.

Сбор эмпирических данных осуществлялся с помощью следующих методик.

1. Определение индекса качества жизни Р.С. Элиота (адаптация Н.Е. Водопьяновой).
2. Методика «Индикатор копинг - стратегий», Д. Амирхана (адаптация Н.А. Сироты и В.М. Ялтонского).
3. Опросник социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонд.
4. Шкала оценки уровня реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера (адаптация Ю.Л. Ханина).
5. Анкета для изучения стресс-факторов жителей мегаполиса.

Получены следующие результаты. Не выявлено возрастных различий в исследуемой выборке, что может свидетельствовать о том, что, с одной стороны, фактор возраста не играет ведущей роли по сравнению с факторами пола или размера населенного пункта, а с другой стороны, при анализе результатов дает возможность не разбивать выборку на возрастные группы. Вместе с тем проведенное исследование не претендует на законченность, ни по проведенному анализу влияния стресс-факторов, ни по объему выборки.

Анализ стресс-факторов жителей мегаполиса выявил следующие особенности. Преобладающими стресс-факторами у женщин являются:

- физиологические (смерть, здоровье, физиологические изменения, сексуальные проблемы);
- криминальные (опасность стать жертвой преступления);
- социальные (конфликты, перегруженность СМИ, социальное неравенство);

- личностные (страх остаться одинокими).
- У мужчин наиболее выраженными стресс-факторами являются:
- социальные (перегруженность СМИ, конкурентность на рабочем месте);
  - физиологические (смерть, физиологические изменения);
  - стресс-факторы окружающей среды (общественный транспорт).

Взаимосвязь личностных особенностей и стресс-факторов выявлялась с помощью рангового коэффициента корреляции Спирмена. У мужчин в выборке исследования выявлены отрицательные статистически значимые корреляции низкого уровня адаптации ($r_s = -0,745$; $p \leq 0,01$) и принятия других ($r_s = -0,698$; $p \leq 0,01$) со стресс-фактором «общественный транспорт». Также негативно связан стресс-фактор «общественный транспорт» у мужчин с высокими показателями реактивной ($r_s = 0,676$; $p \leq 0,01$) и личностной ($r_s = 0,613$; $p \leq 0,01$) тревожности.

У женщин с низким уровнем принятия других выявлена взаимосвязь со стресс-факторами «звуковой стресс» ($r_s = -0,407$; $p \leq 0,05$) и «многочисленные социальные контакты» ($r_s = -0,461$; $p \leq 0,01$). Со стресс-фактором «многочисленные социальные контакты» у женщин также коррелируют показатели высокой реактивной тревожности ($r_s = 0,382$; $p \leq 0,05$) и конфликтности ($r_s = 0,348$; $p \leq 0,05$).

Полученные результаты позволяют предположить сферы наибольшей стрессовой уязвимости у мужчин и женщин в мегаполисе и указывают на необходимость разработки программ психологической помощи для повышения качества жизни.

Литература

1. Schönfeld P., Brailovskaia J., Bieda A., Zhang X. C., Margraf J. The effects of daily stress on positive and negative mental health // International Journal of Clinical and Health Psychology. 2016. № 16. P. 1–10.
2. Patton W.A., Goddard R. Coping with stress in the Australian job network: Gender differences // Journal of Employment Counseling. 2006. V. 43. P. 135–144.

Организационные вызовы психологии корпоративной безопасности в условиях неопределенности

Тылец В.Г., Краснянская Т.М.

ФГБОУ ВО МГЛУ, Москва, Россия

АНО ВО МосГУ, Москва, Россия

tyletsvalery@yandex.ru, ktm8@yandex.ru

Неопределенность, понимаемая как условие существования и деятельности некоторых субъектов, объединений или структур, не поддающаяся адекватной оценке в силу полного или частичного отсутствия необходимой для этого информации, в настоящее время может рассматриваться одной из ключевых характеристик состояния многих организаций. Объективно возникшие ограничения социального взаимодействия способствовали усилению структурных и функциональных проявлений неопределенности в их деятельности. Усиливающаяся в условиях расширяющейся неопределенности конкуренция между товаропроизводителями, а также между субъектами рынка труда спровоцировала появление многочисленных вызовов корпоративной безопасности, образующих сферу интересов соответствующего предметного раздела организационной психологии.

Оформившаяся сравнительно недавно, психология корпоративной безопасности в настоящее время интенсивно развивается, благодаря запросам практики в разработке концептуальных подходов к обеспечению безопасности организационных структур в целом, и ее предметно-целевых разновидностей – в частности. На ее материале определены основные понятия, ограничено предметное поле, выделены и в общем виде охарактеризованы узловые вопросы [2]. Ядро проблематики психологии корпоративной безопасности на текущий момент составляет рассмотрение организационных феноменов, определяющих корпоративную безопасность (например, надежности персонала [5], симулякров психологической безопасности [3]), а также проявлений собственно самого феномена корпоративной безопасности (в частности, ее маркеров [4]). Изучение ядра проблематики обеспечивает базу для разработки практических подходов к обеспечению безопасности, исходя из специфики организационных условий и структур. Находясь в неразрывной связи с социальными процессами, корпоративная безопасность является динамичным явлением, требующим регулярных уточнений и корректировки своих базовых построений. Наряду с процессами глобализации [1], важнейшим для нее современным вызовом, порожденным последствиями пандемии ковид-19, нами видится

расширение условий неопределенности.

К важнейшим источникам неопределенности, образующим организационные вызовы корпоративной безопасности, отнесем модификацию системы востребованности товаров и услуг, изменения содержания, условий и режима деятельности сотрудников, их взаимодействия по «горизонтали» и по «вертикали», трансформацию традиционных блоков профессионально важных умений и навыков.

Узловыми организационными вызовами корпоративной безопасности в условиях неопределенности нами рассматриваются деградация субъектной позиции персонала и разрушение психологического пространства организации. Значимыми для корпоративной безопасности проявлениями деградации субъектной позиции персонала обозначим падение корпоративной сплоченности и корпоративной лояльности, вызываемое расширением дистанционной формы работы, снижающей интенсивность непосредственного взаимодействия персонала и возможность управленческой суггестии, появлением неуверенности в сохранности своего рабочего места. Данные организационные феномены повышают риски «текучности» кадров, «утечки» конфиденциальной информации и продажи коммерческой тайны конкурентам. Подобного рода риски провоцирует и разрушение психологического пространства организации в силу утраты в ней преемственности корпоративных легенд, обесценивания корпоративных традиций, отказа от корпоративного имиджа и т.п. В целом, условия неопределенности на всех уровнях создают новую организационную реальность, наполненную рисками корпоративной безопасности, которые требуют дополнительного теоретико-эмпирического изучения и концептуализации.

Литература

1. Гудименко Ю.Ю., Журавлева Е.А. Психология корпоративной безопасности в условиях глобализации // Субъект труда и организационная среда: проблемы взаимодействия в условиях глобализации. Тверь, 2019. С. 243-264.
2. Краснянская Т.М., Тылец В.Г. Проблемно-предметное поле прикладной психологии аудита безопасности организации // Прикладная психология и психоанализ. 2011. № 1. С. 2.
3. Краснянская Т.М., Тылец В.Г. Симулякры психологической безопасности в деятельности организации // Человек. Сообщество. Управление. 2015. № 1. С. 18-30.
4. Краснянская Т.М., Тылец В.Г. Социально-психологические

маркеры корпоративной безопасности // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 1 (17). С. 203-231.

5. *Яковлев В.А.* Надежность сотрудников организации как фактор корпоративной безопасности // Психология, образование: актуальные и приоритетные направления исследований. Материалы Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов, молодых ученых и их наставников. Тверь, 2019. С. 303-307.

Влияние сплоченности на успешность соревновательной деятельности команд девочек-подростков в волейболе

Умнов В.П., Веселова И.И.

*ФГБОУ ВО ПГУ, Петрозаводск, Россия
МБУДО ДЮСШ № 4, Петрозаводск, Россия
ivpp@mail.ru*

Практический опыт подсказывает, что успех или спад в соревновательной деятельности той или иной команды нередко связан со снижением сплоченности игроков команды. «Чисто интуитивно можно предположить, что чем выше уровень сплоченности, тем больше успехи команды» [5, с. 123]. Следует отметить противоречивость результатов, получаемых в социальной психологии по данной проблеме [2; 5]. Поэтому изучение ее не теряет своей актуальности и сегодня. Особенно в подростковом возрасте, когда механизмы волевой активности еще недостаточно сформированы, процесс полового созревания существенно изменяет нейродинамику, применение запрещающих санкций, основанных на соображениях морали, затрудняется [1].

Одним из способов оценки привлекательности команды для каждого ее члена является «Индекс групповой сплоченности Сिशора», адаптированный в ЛНИИФКе, и использованный в нашей работе. Итоговый показатель получают, суммируя отдельные оценки; он может находиться в диапазоне от 7 (очень неблагоприятная оценка команды) до 25 баллов (очень высокая степень привлекательности команды). Исходя из того, что в социально-психологических исследованиях в нашей стране и за рубежом большое распространение получило вычисление коэффициента сплоченности, нами

социометрические индексы определялись по шкале приемлемости Н.В. Бахаревой [2; 3].

Исследование проводилось на базе ДЮСШ № 4 г. Петрозаводска среди волейбольных команд девушек 13-14 лет. Участвовали две команды («А» и «Б» по 10 человек каждая). Обе команды являлись учебно-тренировочными группами 2-го года обучения. Возраст, стаж занятий, спортивный разряд, количество тренировочных часов у исследуемых были одинаковыми. Обе команды характеризуются высокой организованностью и работоспособностью. Исследование проводилось в три этапа: октябре, декабре и феврале (подготовительный и соревновательный периоды тренировочного цикла).

На первом этапе вычисленный уровень сплоченности по «Сишору» составил в команде «А» 21 балл, а в команде «Б» 19 баллов, а коэффициент сплоченности по Н.В. Бахаревой в команде «А» 0,28 единицы и в команде «Б» 0,19 единицы. То есть коэффициент сплоченности, высчитанный по двум различным методикам, оказался выше в команде «А». Но по результатам соревнований победу одержала команда «Б». Это не согласуется с литературными данными о положительном влиянии сплоченности команды на ее спортивный результат. Объяснение этому мы видим в том, что в команде «А» отсутствовала основная нападающая, что не позволило команде реализовать себя в нападении.

На втором этапе уровень сплоченности в команде «А» остался на прежнем уровне, а в команде «Б» чуть повысился, но не достиг уровня команды «А». Последняя команда в соревновательном турнире победила.

Результаты третьего этапа показывают, что сплоченность в команде «А» продолжает расти, в то время как в команде «Б» даже возвратилась к первоначальному уровню. В обоюдной встрече команда «А» одержала победу.

Таким образом, проведенное исследование подтверждает положение – повышение уровня сплоченности спортивной команды положительно сказывается на результатах ее соревновательной деятельности. Команды, отличающиеся наибольшей сплоченностью, характеризуются конвергирующим типом развития деловой (официальной) и эмоциональной (неофициальной) структур при доминировании деловой структуры [2; 4].

Анализ полученных социограмм позволяет заключить, что в команде «А» наблюдаются более тесные взаимосвязи между волейболистками, чем в команде «Б». Вместе с тем в обеих командах наблюдались определенные затруднения в межличностных

отношениях девушек, что, видимо, вызвано следующим. У подростков часто возникают сложности во взаимоотношениях и взаимодействии партнеров. Этот возраст характеризуется значительными изменениями в нейродинамике (увеличивается подвижность нервных процессов, при сдвиге баланса в сторону возбуждения), физическом и психическом развитии детей, их переоценкой взаимоотношений с окружающими. Поэтому при работе с детьми данного возраста тренеру следует знать особенности занимающихся и принимать их во внимание при комплектовании команд девочек-подростков для занятий игровыми видами спорта.

Литература

1. *Ильин Е.П.* Психология воли. СПб.: Питер, 2000.
2. *Ильин Е.П.* Психология спорта. СПб.: Питер, 2009.
3. *Марищук В.Л.* Психодиагностика в спорте: учеб. пособие для вузов. М.: Просвещение, 2005.
4. Психология физической культуры и спорта: учебник для студ. высш. учеб. заведений /под ред. А.В. Родионова. М.: Издательский центр «Академия», 2010.
5. *Уэйнберг Р.С.* Основы психологии спорта и физической культуры. Киев.: Олимпийская литература, 1998.

Об уровне психологического благополучия русскоязычных эмигрантов из Казахстана: опыт исследования

Уютнова К., Павлова О.С.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
kulushova.k@gmail.com, os_pavlova@mail.ru*

По материалам Отдела народонаселения Департамента ООН по экономическим и социальным вопросам, количество международных мигрантов по состоянию на 2020 год во всём мире достигло 281 миллиона человек [4, с. 7]. Около 30 миллионов из них – представители русскоязычной диаспоры, которая называется разными источниками второй по численности в мире после китайской [2; 3, с. 156].

Частью этой диаспоры являются и выходцы из Республики Казахстан – страны, для которой миграционные вопросы актуальны как в силу геополитического положения, так и в условиях

глобализации и «великого переселения народов» в поисках лучшей жизни.

На фоне бурного роста миграционных процессов тема психологического благополучия личности в условиях эмиграции становится особенно насущной. Так, субъективное благополучие мигрантов как «индикатор адаптации и включенности в различные системы отношений и взаимоотношений в новых условиях» значимо и актуально в рамках осуществления миграционной политики [1, с. 194].

Целью настоящего исследования стало изучение показателей психологического благополучия у эмигрантов из Республики Казахстан – носителей русского языка, покинувших страну за малоизученный период с 2000 по 2019 годы. Была сформулирована гипотеза о том, что этот уровень выше у казахстанцев, проживающих в эмиграции, чем у их соотечественников, проживающих на родине.

Для проверки этой гипотезы в 2020 году был проведен социально-психологический опрос, участниками которого стали 220 респондентов: русскоязычные казахстанцы разных национальностей, в возрастном диапазоне 18-60 лет, проживающие в эмиграции – 110 человек из 25 стран, проживающие в Казахстане – 110 человек. Им было предложено заполнить авторский опросник, а также методику «Шкала психологического благополучия» (RPWB) К. Рифф (версия Т.Д. Шевеленковой и П.П. Фесенко) и тест «Шкала удовлетворенности жизнью» (SWLS) Э. Динера (версия Д.А. Леонтьева).

Авторская анкета содержала вопросы о национальности, половой принадлежности, возрасте, образовании, семейном положении, актуальной стране проживания, а для респондентов-эмигрантов – дополнительно о стаже эмиграции и необходимости изучать иностранный язык после переезда.

С помощью инструментов статистического анализа (U-критерий Манна-Уитни, критерий корреляции рангов Спирмена) были изучены показатели по двум дифференциально-психологическим шкалам, наличие между ними взаимосвязи и выявлены различия в них.

Данные оценок эмигрантов по удовлетворенности жизнью и психологическому благополучию оказались выше, чем у проживающих на родине. Это можно объяснить тем, что их открытость всему новому, необходимость усваивать новую информацию, целеустремленность помогают наполнить жизнь смыслом и с большим позитивом относиться к себе. Проживающие на родине респонденты, как правило, больше недовольны собой,

испытывают недостаток в ощущении своих перспектив, в меньшей степени самореализованы.

Выявлена статистически значимая умеренная положительная взаимосвязь между возрастом эмигрантов и их стажем эмиграции ($r=0,420$; $p \leq 0,01$) – чем они младше, тем меньше этот стаж, и наоборот. Обнаружена значимая слабая отрицательная взаимосвязь возраста и оценок шкалы «Личностный рост» методики RPWB ($r=-0,249$; $p \leq 0,01$) – то есть чем младше респонденты, тем больше они развиваются, учатся новому и двигаются вперед, и наоборот.

В показателях всех респондентов исследования по шкалам методики RPWB «Управление средой», «Баланс аффекта», «Человек как открытая система» обнаружены отклонения от нормы, что может свидетельствовать о том, что они испытывают бессилие перед обстоятельствами своей жизни, не в силах на них повлиять и адаптироваться к текущей реальности. По всей видимости, полученные данные отражают общемировые тенденции – повсеместный стресс в период пандемии и новые вызовы во всех сферах жизни социума.

Результаты психодиагностического тестирования демонстрируют, что опыт эмигрантов и знания, полученные в результате его изучения, могут быть не только актуальными и интересными, но и прикладными для миграционной сферы.

Литература

1. *Шамионов Р.М.* Характеристики субъективного благополучия личности в условиях миграции // Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире: материалы 2-й Международной научно-практической конференции / отв. ред. В.В. Константинов. М., 2014.
2. Atlas of humanity: Russians. [Электронный ресурс] URL: <https://www.atlasofhumanity.com/russians> (дата обращения: 09.04.2021).
3. *Ryazantsev S.V.* The Modern Russian-Speaking Communities in the World: Formation, Assimilation and Adaptation in Host Societies // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6. No 3. S. 4.
4. United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division. International Migration 2020 Highlights. [Электронный ресурс] URL:

https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/undesa_pd_2020_international_migration_highlights.pdf (дата обращения: 09.04.2021).

Вежливость и производительность на работе: когда бесполезное оказывается полезным

Фоке-Алехин Ф. (Fauquet-Alekhine Ph), Блюзе Д. (Bleuze J.)
*SEBE-Lab, Department of Psychological & Behavioural Science,
London, UK*
Groupe INTRA robotics, Avoine, France
p.fauquet-alekhine@lse.ac.uk, julien.bleuze@groupe-intra.com

Субъективная доказательная этнография (SEBE) объединяет методы анализа деятельности, разработанные в практической этнопсихологии на основе аудио- и видеозаписей с точки зрения первого лица [12]. Эти методы широко распространены в социальных науках [1; 4] с успешным применением, например, в промышленности [9] или в образовании [5].

Группа «INTRA ROBOTICS» применяет методику цифровой этнографии [8] для анализа рабочей активности пилотов, которые дистанционно управляют роботами, привлекаемыми при радиационных авариях. Пилоты работают в группах и взаимодействуют напрямую друг с другом или с руководителями по мобильному или спутниковому телефону или по УКВ-радиосвязи. Наблюдения показали, что робототехнические команды используют «трехстороннюю» связь, позволяющую оперативно взаимодействовать военным группам, операторам промышленных систем высокого риска или операционным командам [6; 7; 2, с. 17]. Этот тип защищенной оперативной связи подразумевает использование только специальных терминов, описывающих желаемое действие в сообщении, доставленном от адресанта к адресату: какое действие, на каком объекте, кем, в какое время. Например, если пилот А хочет, чтобы пилот В оперативно переместил робота влево, сообщение может быть таким: «Переместите немедленно вашего робота влево». Тем не менее, наблюдения показали, что сообщения содержали определенные выражения, в которых нет необходимости для понимания ожидаемого действия (ненужное многословие). Эти наблюдения согласуются с другими

исследованиями, проведенными в атомной промышленности [7]. В частности, ненужное многословие вежливости сохраняется при речевом обмене. Таким образом, сообщение звучит так: «Не могли бы Вы немедленно переместить своего робота влево?». Этому можно дать несколько объяснений. В зависимости от культуры страны они, во-первых, появляются как естественная составляющая совместных вербальных взаимодействий [10], а, во-вторых, они могут происходить из конативной функции языка. Эта лингвистическая функция относится к действию, которое адресант хочет произвести над адресатом; т.е., используя вежливость в позитивном отношении к адресату, адресант ожидает, что возможные проблемы будут решены намного легче [11]. Вежливость используется как лингвистический смягчитель. Слова-смягчители относятся к лингвистическим процессам адресанта для смягчения обязательств, возникающих в результате речевого акта, воспринимаемого адресатом [13]. Вежливость также используется как этикет внешнего вида для создания благоприятного впечатления адресата об адресанте и поддержания хороших условий общения. Это фатическая функция языка [3].

По мнению опрошенных задействованных лиц, бесполезные многословия участвуют в выполнении коммуникации и, следовательно, помогают в выполнении трудовой деятельности. Стало быть, бесполезная вежливость может быть полезной. Таким образом, ненужное многословие, которое должно было бы исчезнуть из «трехстороннего» общения, чтобы сделать его эффективным, на самом деле способствует производительности на работе.

Литература

1. *Ле Беллу С., Лалу С., Носуленко В. и Самойленко Е.* Сохранение и воспроизведение характеристик профессионального жеста. // Технологии сохранения и воспроизведения когнитивного опыта. М., 2016. С. 382-403.
2. МАГАТЭ. Система управления для ядерных установок. Руководство по безопасности № GS-G-3.5. 2014.
3. *Стернин И.А.* Проблемы описания вежливости как коммуникативной категории // Коммуникативное поведение, 2003. 17. С. 22-47.
4. *Фоке-Алехин Ф., Лалу С.* Субъективная доказательная этнография и психология. // Материалы V Всероссийской

- научно-практической конференции с международным участием памяти М.Ю. Кондратьева, 12–13 мая 2020 г., М.: МГППУ. С. 535-538.
5. *Фоке-Алехин Ф., Мартинес П.* Повышение компетенций школьников на основе применения модели “воспринимаемый квадрат действия” // Социальная психология и общество: история и современность, 15-16 октября 2019, М.: МГППУ. С. 479-475.
  6. *Fauquet-Alekhine, Ph.* Надежность рабочего сообщения для операторов ядерных реакторов: изучение на тренажерах, анализ случаев и укрепление безопасности // Материалы XXXIIe Coll. Int. de Linguistique Fonctionnelle, 7-10 октября 2009, Минск, 2009. С. 207-210.
  7. *Fauquet-Alekhine Ph.* Psycholinguistic Analysis of Operational Communication (Part II): Prescribed Communication for Reliability in High Risk Industries. // European Journal of Language Studies, 2017. 4(2). P. 27-40.
  8. *Fauquet-Alekhine Ph.* Knowledge Management in High-Risk Industries – Coping with Skills Drain. London: Palgrave Macmillan, 2020.
  9. *Fauquet-Alekhine Ph., Lahlou S.* The Square of Perceived Action model (SPEAC model) applied in digital ethnography for work activity analysis: performance and workers’ perception. // Current Journal of Applied Science and Technology, 2017. 22.3. CJAST-34985.
  10. *Haugh M.* The co-constitution of politeness implicature in conversation // Journal of Pragmatics, 2007. 39. P. 84-110.
  11. *Hopp H., Rohrmann S., Hodapp V.* Suppression of negative and expression of positive emotions: Divergent effects of emotional display rules in a hostile service interaction // European Journal of Work and Organizational Psychology, 2012. 21(1). P. 84-105.
  12. *Lahlou S.* How can we capture the subject’s perspective? An evidence-based approach for the social scientist // Social science information, 2011. 50(3-4). P. 607-655.
  13. *Thaler V.* Mitigation as modification of illocutionary force. // Journal of pragmatics, 2012. 44(6-7). P. 907-919.

Вынужденная смена профессии как возможность смены жизненных ориентиров

Фордмен В.А.

*МГОУ, Мытищи, Россия
fordmen_veronika@mail.ru*

В процессе жизненного пути человек встречается со множеством изменений как личностного, так и профессионального (изменение должности, смена рабочего места, изменение условий профессиональной деятельности) характера. Профессиональная деятельность личности часто является основой социальной жизни человека и занимает значимую часть его времени и ресурсов. Вынужденное изменение ситуации в профессиональном поле становится причиной возникновения не только негативных эмоций и стрессовых состояний, но и может привести к смене жизненно важных ориентиров, которые преобладали ранее на жизненном пути человека. Расценивание негативной ситуации вынужденных профессиональных изменений как возможность позитивных изменений относительно важности и правильности изначально выбранных жизненных ориентиров может стать спасительным ресурсом для человека и привести к изменениям как характера деятельности, так и полному переосмыслению важности профессии в цикле всего жизненного пути человека. Освоение интернет-пространства и применение интернета в процессе поиска новой работы также становится причиной изменений образа мысли и жизненных ориентиров человека, открывая новые возможности для применения своих профессиональных навыков.

А.К. Осницкий и Т.С. Чуйкова еще в 1999 году описали, что ситуация потери работы связана с переживанием кризисных состояний личности, которые приводят к изменениям в ценностных ориентациях человека и деформацией его стиля жизни [1].

М. Schröder в своем исследовании по влиянию вынужденной потери работы на состояние здоровья людей однозначно пришел к выводам, что вынужденная потеря работы негативно влияет на здоровье как мужчин, так и женщин. В сравнении с теми людьми, кто никогда не сталкивался с ситуацией вынужденной потери работы, те люди, кто имел такой негативный опыт, демонстрировали явные и негативные изменения состояния физического здоровья, в частности, у мужчин было зафиксировано более частое появление депрессивного состояния, в свою очередь, у женщин в подобной ситуации происходили обострения хронических заболеваний и начинались проблемы с наличием избыточного веса [4].

D.M. Zimmer выявил в своем эмпирическом исследовании взаимосвязь между вынужденной потерей работы и ухудшением психического состояния человека. Автор отмечает, что потеря работы становится причиной ухудшения психического состояния и появления психических заболеваний человека, что в дальнейшем значительно усложняет поиск новой работы [5].

A. Bíró и P. Elek посвятили свое эмпирическое исследование проблемам взаимосвязи потери работы и увеличением количества запросов на получение инвалидности среди населения. Авторы также установили, что потеря работы является причиной увеличения расходов на здравоохранение, так как большое количество людей обращается за медицинской помощью в связи с ухудшением физического состояния здоровья. Потеря работы является причиной увеличения получения инвалидности среди граждан практически в 1,5 раза за 4 года [2].

Все большее количество людей прибегает к интернет-поиску работы в ситуации вынужденной смены профессиональной деятельности. P. A.T. Kircher рассматривает процесс поиска новой работы с учетом применения онлайн-пространства для ее поиска. Многообразие информации и предложений по профессиональной занятости в интернет-пространстве обеспечивает потребности большого количества людей в ситуации смены работы [3].

Вынужденная смена профессиональной деятельности может послужить катализатором для резкого изменения жизненных ориентаций человека. Проблемы с физическим, психологическим и психическим здоровьем человека, появившиеся вследствие неопределенности и незанятости в профессии, вносят мощные коррективы в жизненные ориентации личности, заставляя человека обращать на себя внимание. Новые возможности поиска работы, информации, занятости, подаренные человечеству в виде интернет-пространства, также могут стать причиной смены жизненных ориентаций личности и открыть качественно новый мир.

Литература

1. *Осницкий А.К., Чуйкова Т.С.* Саморегуляция активности субъекта в ситуации потери работы // Вопросы психологии. 1999. № 1. С. 92-104.
2. *Bíró A., Elek P.* Job loss, disability insurance and health expenditure // Labour Economics. 2020. Vol. 65.

3. *Kircher P. A.T.* Search design and online job search – new avenues for applied and experimental research // *Labour Economics*. Vol. 64. 2020.
4. *Schröder M.* Jobless now, sick later? Investigating the long-term consequences of involuntary job loss on health // *Advances in Life Course Research*. 2013. Vol. 18. P. 5-15.
5. *Zimmer D.M.* The effect of job displacement on mental health, when mental health feeds back to future job displacement // *The Quarterly Review of Economics and Finance*. 2020.

Особенности этнической идентичности молодёжи гагаузов и болгар в условиях трудовой миграции населения

Хорозова Л.Ф.

*КТУ, Республика Молдова
larisahorozova@yandex.ru*

Трудовая миграция в настоящее время в Молдове приобретает необратимый характер и «создаёт угрозу «распыления» этнической идентичности гагаузов и болгар» [3, с. 78], что обуславливает необходимость изучения её влияния на этническую идентичность населения страны – активного донора трудовой миграции.

Целью проведенного нами исследования [4] было изучение этнической идентичности молодёжи гагаузов и болгар в зависимости от их установки на включение в трудовую миграцию.

Выборка составила 329 человек. Это гагаузы и болгары 18-25 лет, студенты Комратского государственного университета. Регион исследования: АТО Гагауз Ери Р.М.

Методический инструментарий: «Диагностический тест отношений» – исследование эмоционально-оценочного компонента этнического стереотипа [2], авторская анкета «Выявление установок участия в трудовой миграции».

На основе выявления установок к процессу трудовой миграции молодёжи гагаузов и болгар, нами были выделены типы групп: «потенциальные мигранты» - положительная установка на включение в процесс трудовой миграции; «неуезжающие» - отрицательная установка на включение в процесс трудовой миграции и «неопределившиеся» - амбивалентная установка к процессу трудовой миграции. У молодёжи гагаузов (60, 7%) и болгар (64%) доминирует положительная установка на включение в трудовую миграцию.

Группы студенческой молодёжи гагаузов и болгар – «потенциальные мигранты», «неуезжающие», «неопределившиеся» – демонстрируют различные стратегии этнического самоопределения:

- у молодёжи гагаузов и болгар группы «потенциальных мигрантов» стратегии этнического самоопределения идентичны - у них актуализированная этническая самоидентификация и они биэтничны с группой русских на личностном и групповом уровнях;
- у студенческой молодёжи гагаузов и болгар группы «неуезжающих» в стратегиях этнического самоопределения выявляются общие и отличительные черты. Общие: актуализированная этническая идентичность, близость образа «Идеал» и самооценки, биэтничность с группой русских на личностном и групповом уровнях.

Отличия: молодёжь-болгары, в отличие от молодёжи-гагаузов, близки с этническими группами молдаван на личностном и групповом уровнях и с этнической группой гагаузов – на групповом уровне; у студенческой молодёжи гагаузов и болгар группы «неопределившихся» идёт поиск этнического самоопределения, который проявляется у группы «неопределившихся» гагаузов через сближение с этническими группами русских (на групповом и личностном уровнях), а у болгар - только на групповом уровне.

Для молодёжи гагаузов группы «неопределившихся» большее значение приобретает региональный фактор (близость гагаузов с болгарами). Слабо отрицательный гетеростереотип молдаван свидетельствует о дисгармоничном развитии молодёжи гагаузов группы «неопределившихся». Молодёжь-болгары группы «неопределившихся» близки с группами молдаван, гагаузов и русских на личностном и на групповом уровнях, что можно интерпретировать как поиск ими группы включения. Поэтому этническая идентичность студенческой молодёжи-гагаузов и болгар группы «неопределившихся» характеризуется нами как проблемная, требующая более детального изучения.

Результаты проведённого исследования вносят вклад в понимание генезиса и особенностей трансформации этнической идентичности этнических групп в условиях трудовой миграции, помогают систематизировать имеющиеся знания об особенностях их социализации в различных социокультурных контекстах.

Литература

1. Кауненко И.И. Этническое самоопределение молодёжи в

- трансформирующемся обществе (на примере Республики Молдова). // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. Чита: ЗабГУ, 2017. С. 135-141.
2. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряжённости. М.: «Смысл», 1998.
  3. *Субботина И.А.* Гагаузы: расселение, миграция, адаптация (вторая половина XX -начало XXI вв.). М.: Смысл, 2007.
  4. *Хорозова Л.Ф.* Этническая идентичность студенческой молодёжи в условиях трудовой миграции населения в АТО Гагауз Ери. Дисс. доктора псих. наук. Кишинев, 2018.

Связь идентичности и оценки психологического климата у сотрудников органа власти муниципалитета

Цаплин Е.В.

*Администрация городского округа города Тюмень,
Тюмень, Россия
caplin.evgeniy@mail.ru*

Актуальность исследования обусловлена сложностями во взаимодействии сотрудников структурного подразделения исполнительно-распорядительного органа власти муниципального образования города Тюмени. Поэтому проведено исследование социально-психологического климата в коллективе подразделения.

Социально-психологический климат рассматривают как психологическую атмосферу в коллективе или интегральное оценочное представление о совокупности межличностных отношений, осуществляемых в группе [2, с. 130; 3, с. 389]. В качестве примеров таких отношений приведём некоторые, рассмотренные в исследовании и синтезированные в оценку психологического климата: коллективизм, сплоченность, контактность, открытость, организованность, информированность, ответственность [3, с. 389-401].

Как одну из важных характеристик психологического климата рассматривают групповую идентичность. Идентичность изучают как установку на принадлежность к группе, проявляющуюся у человека по отношению к группе и определяющую его поведение в ней. Групповая идентичность рассматривается как состояние группы, при котором члены группы переживают готовность единения с группой: разделяют

её ценности, позитивно оценивают членство в ней, действуют сообразно стереотипам и прототипам группы [1, с.131-145].

Психологический климат и групповая идентичность имеют социально-психологическую природу, возникают и реализуются по отношению к группе, во время взаимодействия членов группы между собой.

При проведении исследования количество респондентов составило 21 человек. Респонденты разделены на 5 групп по выраженности групповой идентичности [4, с. 255]: невыраженная (0 человек), пассивная (1), выраженная активная (5), устойчивая (10), гиперидентичность (5). Групповая идентичность исследовалась с помощью методики «диагностика групповой идентичности» [1, с. 234-236]. Оценка психологического климата коллектива изучалась методикой «социально-психологическая самооценка группы как коллектива» [3, с. 389-401]. Статистическая обработка осуществлялась критериями г-Пирсона, Н Краскала-Уоллиса и U Манна-Уитни.

Обнаружена связь групповой идентичности и оценки психологического климата у сотрудников ($r=0,789$; $p<0,01$). Таким образом, готовность быть причастным к коллективу у сотрудников связана с позитивной оценкой межличностных отношений в группе.

При сравнении групп сотрудников с различной выраженностью групповой идентичности обнаружены различия в оценке психологического климата в коллективе у сотрудников (Хи-квадрат =12,01; $n1=0$, $Me=0$; $n2=1$, $Me=3$; $n3=5$, $Me=4$; $n4=10$, $Me=6,3$; $n5=10$, $Me=8,3$; $a=0,05$; $p<0,01$). Таким образом, удовлетворенность межличностными отношениями зависит от степени готовности сотрудников быть причастными к коллективу.

Обнаружены различия в оценке психологического климата у групп сотрудников с выраженной активной и устойчивой групповой идентичностью ($U =6,000$; $n3=5$, $Me=4$; $n4=10$, $Me=6,3$; $a=0,05$; $p<0,05$). Это связано с тем, что сотрудники, готовые быть причастными к коллективу умеренно позитивно воспринимают межличностные отношения в нём и удовлетворены ими, а сотрудники, не готовые быть причастными к коллективу, не удовлетворены отношениями в нём.

Обнаружены схожие различия в оценке психологического климата у групп сотрудников с выраженной активной и гиперидентичностью ($U =0,000$; $n3=5$, $Me=4$; $n5=5$, $Me=8,2$; $a=0,05$; $p<0,01$). Это свидетельствует о том, что сотрудники, не готовые быть причастными к коллективу менее позитивно воспринимают межличностные отношения в нём, а сотрудники, имеющие чрезмерно высокий уровень готовности быть причастными к коллективу (тяготеющие к состоянию зависимости от него) высоко позитивно оценивают межличностные отношения в нём.

Таким образом, групповая идентичность и оценка психологического климата в коллективе у сотрудников структурного подразделения органа власти муниципального образования города Тюмени взаимосвязаны, являются составляющими одного феноменологического поля и характеризуют взаимоотношения сотрудников в коллективе. Удовлетворенность сотрудников межличностными отношениями в коллективе определяет готовность сотрудников быть причастными к коллективу, определяет его единство и эффективность деятельности.

Литература

1. Сидоренков А.В., Коваль Е.С., Мондрус А.Л. Методики социально-психологического изучения малых групп в организации: монография. Ростов-на-Дону, 2012.
2. Почебут Л.Г., Чикер В.А. Организационная социальная психология: учебное пособие для академического бакалавриата. М., 2020.
3. Немов Р.С. Психология: учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений. М., 2001.
4. Шнейдер Л.Б. Психология идентичности: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. М., 2019.

Взаимосвязь между психологическим климатом и стратегией аккультурации (сохранение родной культуры) в группах китайских студентов в российских вузах

Чибисова М.Ю., Верченева Е.А.
ФГБОУ ВО МПГУ, Москва, Россия,
marina_jurievna@mail.ru, katept@bk.ru

Адаптация иностранных студентов является частью социальной ответственности вуза, направленной на обеспечение равных прав всех студентов. Даже в самых благоприятных условиях адаптации при вхождении в новую социально-коммуникативную среду, сталкиваясь с культурными различиями, оказываясь в новых социальных условиях, студенты обычно сталкиваются с различного рода трудностями. Для адаптации к обучению важен также социально-психологический климат студенческого сообщества как система определенных эмоционально окрашенных психологических связей на основе общих интересов, наклонностей, учебной деятельности.

Наличие данной проблемы подразумевает создание качественной системы поддержки иностранных студентов в российской системе образования. Для этого необходимо наличие исследовательских работ, показывающих специфику процесса адаптации (аккультурации) и психологического климата. Мы провели исследование, в котором приняли участие студенты из Китая, обучающиеся в российских образовательных учреждениях, поскольку это одна из многочисленных этнических групп в России.

В исследовании приняли участие 123 китайских студента (от 18 до 26 лет) из РУДН и МПГУ.

В основе исследования лежали методики выявления социально-психологического климата в учебной группе [3] и опросник аккультурации VIA (Vancouver Index of Acculturation) [4], замер которых осуществлялся в октябре и апреле с целью выявления динамики при исследовании стратегии аккультурации и психологического климата.

Полученные результаты исследования позволили увидеть корреляцию психологического климата и стратегии аккультурации (принятие своей культуры) в группах китайских студентов в российских вузах ($r = 0,424$, уровень значимости 0,05). Данная корреляция была обнаружена только в начале года, во втором полугодии не выявлено.

Полученные результаты могут толковаться социально-психологической реальностью учебной группы. Психологический климат выстраивается в ситуациях общности, где между индивидами группы присутствует единение, имеются общие ценности, взгляды, нормы и правила функционирования группы. Другие исследователи в своих работах отмечают, что на благоприятный психологический климат влияет наличие единых мнений, ритуалов, традиций [1]. Таким образом, мы можем полагать, что следование группой китайских студентов единым правилам, традициям, нормам, обычаям, которые присущи культуре Китая, коррелирует с благоприятным психологическим климатом.

Данную корреляцию можно объяснить и с точки зрения культурных факторов. Опираясь на работы Г. Хофстеде, мы можем интерпретировать результаты с точки зрения культурного параметра «коллективизм». Китайская культура является коллективистической, следовательно, в группе студентов важно работать вместе, поддерживать и поощрять друг друга, ценится самоотверженность и ориентация на групповые потребности, а не индивидуальные.

Наличие взаимосвязи между стратегией аккультурацией и психологическим климатом в начале года может быть обусловлено

процессами адаптации. В начале учебного года китайские студенты сталкиваются с проблемами, связанные с культурным переходом, происходит социокультурная и академическая адаптация. По мере прохождения процесса адаптации, стрессовых факторов становится меньше и потребность быть вместе снижается, происходит погружение в российскую культуру, расширяются социальные связи, появляется возможность взаимодействовать с представителями разных культур.

Наличие корреляции только в начале учебного года можно попробовать объяснить наличием интрагруппового фаворитизма. Иностранцы студенты ощущают себя немногочисленной этнической группой в России, понимая свою изолированность, они стремятся к сближению и поддержанию контакта со своей этнической группой. По мере расширения взаимосвязей с представителями различных культур, происходит минимизация данного феномена [2]. Следовательно, это объясняет полученную корреляцию между сохранением родной культуры и психологическим климатом в первом семестре.

Литература

1. *Верченова Е.А.* Взаимосвязь стратегии аккультурации с уровнем компетентности в русском языке и показателями развития группы у иностранных студентов в российских вузах (на материале обследования китайских студентов) // Актуальные проблемы психологического знания. 2016. №4 (47). С. 84-97.
2. *Гулевич О.А.* Психология межгрупповых отношений. М.: Московский психолого-социальный институт, 2007.
3. *Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М.* Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002.
4. *Ryder A.G., Alden L., Paulhus D.L.* Is acculturation unidimensional or bidimensional? : A head-to-head comparison in the prediction of demographics, personality, self-identity, and adjustment // Journal of Personality and Social Psychology / 2000. № 79. pp. 49-65.

Вузовский этикет: статусно-ролевые различия в контексте организационной культуры

Чикер В.А., Даниленко О.И., Перминова М.А.

СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

vchiker@yandex.ru, danilenko.olga@gmail.com, sherrisblade@gmail.com

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-013-00369 «Интрапсихические предикторы этикетного поведения субъектов учебного процесса в вузе»).

Правила этикета, помимо их главенствующей этической составляющей, предписывают также символические формы выражения принадлежности человека к определенной статусно-ролевой позиции. Они подчеркивают различия, зафиксированные в социальном поведении, принимая во внимание статусно-ролевые отношения, сложившиеся в определенной организационной культуре. Такая трактовка этикета кажется нам продуктивной для его исследования как специфического культурного инструмента регуляции социального поведения [1]. Этикет, диктующий формы взаимодействия студентов и преподавателей, является компонентом организационной культуры вуза [2; 3].

Цель нашей работы – изучение статусно-ролевых различий отношения к этикету студентов и преподавателей, обучающихся и работающих в вузах с разной организационной культурой. Нами был сформулирован следующий исследовательский вопрос: каким образом отношение к правилам этикета связано с основными характеристиками организационной культуры вуза? Мы предположили, что в вузах с преобладанием того или иного вида организационной культуры могут быть выявлены различия и в отношениях к этикетным моделям поведения.

В исследовании приняли участие 145 студентов и 69 преподавателей преимущественно гуманитарных и естественнонаучных специальностей, всего 214 человек из разных вузов РФ. Выборка студентов включала 35 мужчин и 110 женщин. Выборка преподавателей включала 32 мужчины и 37 женщин. Средний возраст студентов – 21, 3 года, преподавателей – 44, 3 года.

Для исследования статусно-ролевых различий отношения к правилам этикета использовался авторский опросник О.И. Даниленко «Оценка субъективной значимости функций этикета» [1], в котором

респонденту предлагается выразить свое мнение о том, в чем лично он видит смысл правил этикета. Выделено девять функций этикета, дается обобщенная оценка субъективного отношения к функциям этикета.

Для исследования организационной культуры вуза использовалась модель К. Камерна и Р. Куинна [2], которая предполагает выделение четырех типов организационной культуры: клановой, бюрократической, адхократической и рыночной. В соответствии с этой моделью для диагностики состояния организационной культуры применялся опросник OSAI, который позволяет получить данные не только о текущем, но и о желательном состоянии организационной культуры.

Сравнение средних величин (однофакторный дисперсионный анализ) показало, что студенты, обучающиеся по гуманитарным специальностям, более высоко оценивают такие функции этикета как реализация нравственного принципа уважения к человеку и самоутверждение ($p=0,022$ и $0,023$ соответственно). В группах преподавателей различий отношения к правилам этикета в зависимости от направленности вуза не выявлено.

Корреляционный анализ показал, что преподаватели, как правило, связывают основные функции этикета с реально наблюдаемой организационной культурой, а студенты также и с предпочитаемой организационной культурой. На высоком уровне значимости ($p=0,01$) общая оценка позитивного отношения к правилам этикета связана у преподавателей с реальной адхократической, творческой организационной культурой вуза по стратегическим целям ($r=0,360$) и связующей сущности организации ($r=0,317$), а также общей направленности организации ($r=0,315$).

У студентов позитивное отношение к правилам этикета на таком же высоком уровне ($p=0,01$) связано с сегодняшним реальным видением организации как клановой по связующей сущности организации ($r=0,237$) и стратегическим целям ($r=0,240$), но с отрицанием *ее бюрократической сути* ($r=-0,208$). Позитивное отношение к функциям этикета связывается студентами в перспективе с бюрократическими характеристиками организации по ее связующим характеристикам ($r=0,296$) и стремлением к рыночному управлению ($r=0,277$).

Полученные результаты подтверждают гипотезу о наличии статусно-ролевых различий отношения к этикету студентов и преподавателей из вузов с преобладанием разных видов организационной культуры.

Литература

1. *Даниленко О.И.* Студенты о правилах этикета: пространство смыслов // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. Выпуск 2. 2019. С. 151-159.
2. *Камерон К., Куинн Р.* Диагностика и изменение организационной культуры. СПб, 2001.
3. *Почебут Л.Г., Чикер В.А.* Организационная социальная психология. М.: Проспект, 2020.

Жизненные ценности как фактор жизнестойкости

Шарипова Д.Р.

*ФФСН, БГУ, Минск, Беларусь
darya.sharypava@mail.ru*

Жизненные ценности – это отношение индивида к жизненному факту, явлению, объекту и субъекту, и признание его жизненной важности по В.Ф. Сопову и Л.В. Карпушиной. Д.А. Леонтьев описывает жизнестойкость как меру способности личности выдерживать стрессовые ситуации, сохраняя внутреннюю сбалансированность, не снижая успешности деятельности [1]. Развитая жизнестойкость направляет человека, задает мотив его деятельности, позволяет сохранять баланс при взаимодействии со стрессовыми ситуациями. Стоит отметить, что ресурсы психики каждого человека ограничены, и при знании объема и качества этих ресурсов можно построить осознанное, регулятивное свое собственное поведение. В любое время возникали проблемы, но важно научиться компетентно решать их, не теряя при этом свой психологический ресурс [2].

Д.А. Леонтьев выделяет такие компоненты жизнестойкости как вовлеченность, контроль, принятие риска. Однако в зарубежных и отечественных работах феномен жизнестойкости, кроме базовых характеристик личности, включает различные критерии: поведенческий, когнитивный, эмоциональный, мотивационный [4]. В жизнестойкости можно выделить содержательную сторону, а именно выбор жизненных ценностей, поиск смысла в трудных ситуациях, осознание интересов [5]. Можно сделать вывод, что в трудных ситуациях может помочь именно выбор ценностей, позиций, смыслов, осознание своих интересов. Ведь изменять свою жизнь и себя можно, увеличивая интерес к ней, осознавая ценность своего существования,

своих действий, себя, как человека с набором определенных ресурсов, зная которые, можно спокойно преодолевать трудные ситуации с наименьшими жизненными потерями.

В исследовании Д.А. Тушенцовой и Г.И. Атамановой сделан вывод о наличии взаимосвязи между параметрами жизнестойкости (вовлеченность, контроль) и ценностями личности (материальные блага, общественная активность). Установлено, что чем больше личность убеждена в эффективности собственного влияния на жизнь, тем выше склонность рассматривать материальное благополучие как жизненную ценность. И чем выше развита убежденность личности в том, что включенность в происходящие с ней события дает ценный опыт, позволяет получить удовольствие от деятельности, удовлетворить свой интерес, тем выше развита ценность активности в общественно-политической деятельности [6]. Важно, насколько жизненные ценности, такие как материальные блага, общественная активность могут быть причиной, движущей силой жизнестойкости? Ведь, имея ценность денег, можно влиять на уровень заработка и, цenia активность в социуме, выбирать общественную жизнь, и, как следствие, с легкостью решать трудные ситуации именно в этих сферах.

Любому человеку свойственны волнения и неуверенность, когда он работает на новой должности или начинает выполнять какое-то новое дело, впервые выступает с презентацией, делает доклад перед сотрудниками или представляет проект перед большой аудиторией. При этом сегодня, когда уровень стресса и требования к работе очень высоки, а гарантии занятости, напротив, весьма зыбки, способность действовать эффективно и меньше волноваться из-за результатов становится очень значимой для личностного благополучия [3]. Стоит вопрос о том, что в настоящее время, с учетом растущего количества информации, позволит справиться с трудностями. Какие именно ценности будут помогать справляться со сложностями жизни? А также насколько жизненные ценности являются движущей силой жизнестойкости в наше время?

Ценности определяют степень переживания личностью смысла жизненной ситуации, то есть то, насколько происходящее значимо в данный момент. А значит и то, что является важным и будет воздействовать на личность, на что будет тратиться психологический ресурс. То есть, в преодолении трудных ситуаций будет актуален выбор ценностей, того, что является важной опорой, на основе которой уже могут формироваться различные варианты преодоления сложностей. Таким образом, жизненные ценности являются одним из факторов жизнестойкости.

Литература

1. *Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И.* Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006.
2. *Секач М.Ф.* Наука о себе. Разговор с профессором: монография. Ч. 1. М.: Белый ветер, 2018.
3. *Секач М.Ф.* Наука о себе. Разговор с профессором: монография. Ч. 3. М.: Белый ветер, 2018.
4. *Соболева Е.В., Шумакова О.А.* Жизнестойкость как адаптационный ресурс иногородних студентов // Вестник Орловского государственного университета. 2014. С. 84–86.
5. *Соболева Е.В., Шумакова О.А.* Феномен жизнестойкости в зарубежных и отечественных исследованиях // Современные научные исследования и инновации. 2014. Т. 2.
6. *Тувышева Д.А., Атаманова Г.И.* Эмпирическое исследование взаимосвязи качеств жизнестойкости и ценностно-смысловых ориентиров личности // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 1.

Социально-психологическая адаптация и субъективное отчуждение у людей, неудовлетворенных образом собственного тела

Шахтанова А.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
shakhtanova.a.a@gmail.com*

Неудовлетворённость собственным телом является феноменом, который всё чаще встречается в современном мире. Во многом это можно соотнести с культивированием нереалистичных стандартов внешности в СМИ и в обществе.

Социально-психологическая адаптация рассматривается как процесс взаимодействия личности с социальной средой и приспособление к ней. Успешным результатом данного процесса является социально-психологическая адаптированность, которую можно определять через состояние взаимоотношений личности и группы, когда личности удается реализовывать ведущую деятельность и удовлетворять собственные потребности, не испытывая длительных внутренних и внешних конфликтов [2].

Целью данной работы является исследование уровня социально-психологической адаптации и субъективного отчуждения у людей, неудовлетворенных образом собственного тела.

В исследовании принял участие 481 испытуемый (97% женщин и 3% мужчин). Возраст участников от 12 до 32 лет. В соответствии с поставленными целью и задачами были использованы следующие методики: методика общего отчуждения (Осин Е.Н.), (шкала отчуждения от себя), шкала субъективного счастья (Любомирски С.), опросник социально-психологической адаптации (Роджерс и Даймонд, модификация Осницкого А.К.) (шкалы адаптивность/дезадаптивность), тест отношения к приему пищи (eat-26), опросник образа собственного тела (Скугаревский О.А. и Сивуха С.В.), методика отчуждения от тела (Терентьева Д.А. и Осин Е.Н.).

При анализе результатов показателей адаптивности и дезадаптивности нами был посчитан интегральный показатель адаптивности. Данный показатель имеет корреляцию с феноменом субъективного счастья ($r=0,630$, $p\leq 0,01$). Адаптивность взаимосвязана с отчуждением от себя, между ними наблюдается средняя отрицательная корреляция ($r=-0,682$, $p\leq 0,01$). Отрицательная корреляция средней силы наблюдается у адаптивности и негативным восприятием образа собственного тела ($r=-0,603$, $p\leq 0,01$). Была обнаружена отрицательная корреляция и с высоким риском расстройств пищевого поведения ($r=-0,310$, $p\leq 0,01$). Интегральный показатель адаптивности имеет корреляции с различными аспектами феномена отчуждения от тела. С субъектным отношением к телу взаимосвязь положительная ($r=0,496$, $p\leq 0,01$), что говорит о том, что при высоких показателях адаптивности выражено субъектное отношение к своему телу, в то время как при низких показателях социально-психологической адаптивности преобладает объектное ($r=-0,179$, $p\leq 0,01$) и отчужденное отношение ($r=-0,275$, $p\leq 0,01$). Таким образом, мы можем проинтерпретировать полученные нами данные как факт того, что в современном обществе, выдвигающем всё более высокие стандарты внешности, становится всё труднее успешно проходить социально-психологическую адаптацию, сохраняя при этом адекватное отношение к собственному телу и не испытывая внутренних и внешних конфликтов на тему собственной фигуры. Мы можем также отметить, что возможность противостоять транслируемым установкам о внешности является важным фактором успешной социально-психологической адаптации.

Отчуждение от себя имеет обратную корреляцию с ощущением субъективного счастья ($r=-0,598$, $p\leq 0,01$) и субъектным отношением к телу ($r=-0,373$, $p\leq 0,01$). Рассматривая объектное и отчужденное отношения к телу, мы наблюдаем положительную корреляцию с отчуждением от себя ($r=0,332$, $p\leq 0,01$), ($r=0,240$, $p\leq 0,01$). Отчуждение от себя имеет прямую корреляцию с негативным восприятием образа собственного тела ($r=0,491$, $p\leq 0,01$). Мы наблюдаем также прямую

взаимосвязь отчуждения от себя с высокими рисками расстройств пищевого поведения ($r=0,309$, $p\leq 0,01$). Так, мы можем предположить, что трудности с принятием собственного тела, стремление следовать навязанным и недостижимым стандартам красоты, прибегая к порой крайне жестким мерам, могут приводить к отчуждению от себя.

Таким образом, полученные нами данные подтвердили гипотезу о том, что удовлетворенность образом собственного тела связана с социально-психологической адаптацией и субъективным отчуждением. Неудовлетворённость собственным телом взаимосвязана с психологическим состоянием индивида, влияя на качество его жизни, субъективное переживание счастья и субъективное отчуждение, а также то, как успешно будет проходить социально-психологическая адаптация и как он будет функционировать в обществе. Люди, не удовлетворённые собственным телом, переживают целый спектр психологических трудностей, которые усугубляют их отношение к собственному телу и ухудшают психологическое здоровье.

Литература

1. *Абраменкова В.В.* Проблема отчуждения в психологии // Вопросы психологии, 1990. № 1. С. 5-12.
2. *Налчаджян А.А.* Социально-психическая адаптация личности: (формы, механизмы и стратегии). Ереван, 1988.

Деятельность психолога по осуществлению социально-психологической адаптации новых сотрудников правоохранительных органов

Швалева Н.М.

*ФГБОУ ВО ПГУ, Пятигорск, Россия
Shvaleva@rambler.ru*

Глобальные перемены в эпоху неопределенности создают разного рода социальные, экономические, политические сложности, порождая новые виды рисков и стрессовых ситуаций для человечества. На органы и системы исполнительной власти в области правовой безопасности приходится особая миссия – сохранение исторически сложившегося порядка своей идентичности, обеспечивая устойчивость и безопасность общества. В связи с этим формирование социально-психологической адаптации личности сотрудников правоохранительных органов является приоритетной составляющей в психологической практике нового времени.

В данном контексте адаптация личности распространяется не только на ее актуальные состояния, а также имеет ориентацию на будущее, включая в свой состав ценности саморазвития как основу формирования психологической устойчивости, которая обуславливает позитивное эмоциональное отношение к профессиональному становлению, увеличивая заинтересованность в профессиональной деятельности, способствуя поддержанию психологического здоровья и повышению благополучия [4, с.132].

Профессиональная деятельность сотрудников правоохранительных органов связана с экстремальными ситуациями, которые оказывают сильное воздействие на личность и её деятельность. Постоянное присутствие стрессогенных факторов влияет на физическое, психическое и психологическое здоровье.

При рассмотрении этой проблемы прослеживается связь адаптации с устойчивостью личности как интегративного образования, закономерно связанного с личностными структурами, мотивами, целями и качествами сотрудника правоохранительных органов, лежащие в основе самореализации и субъектной личностной активности. При развитии психологической устойчивости личность сопротивляется неблагоприятным психологическим обстоятельствам и адаптируется к внешним воздействиям, - при этом повышается эффективность выполняемых профессиональных задач [4, с.133].

Анализ рассматриваемой проблемы позволил обнаружить противоречия между потребностью современного общества в компетентных и психологически образованных, высокопрофессиональных специалистах, работающих в правоохранительной сфере и недостаточным вниманием к формированию психологической устойчивости как важного условия адаптационного процесса в условиях новой, пока непривычной для них деятельности. Это подтверждается и классификацией типов установок, предложенной А.Г. Асмоловым, в которой выделяется три вида активности человека – деятельность, действие, операция при наличии смысловой, целевой и операциональной установок. Отсюда возникают вопросы, раскрывающие особенности формирования социально-психологической адаптации и профессионального развития личности как условия для дальнейшего личностного роста и саморазвития [1, с.124].

Предположив, что социально-психологическая адаптация зависит от уровня субъективного контроля, саморегуляции, субъектной активности и саморазвития при тесной взаимосвязи с устойчивостью, психологическим здоровьем и благополучием человека, мы разработали психолого-технологичную программу «Салютогенез –

программа развития психологически здоровой и устойчивой личности сотрудников правоохранительных органов», необходимую для формирования психологической устойчивости у молодых сотрудников в адаптационный период, способствующей в более короткие сроки успешно адаптироваться к службе через субъектную активность и саморазвитие с наименьшими психологическими затратами. Данная программа применялась на молодых сотрудниках правоохранительных органов Георгиевского ОВО - филиала ФГКУ УВО «ВНГ России по Ставропольскому краю».

Основу данной программы составляет позитивный подход к человеку, направленный на его психологическое здоровье с акцентом на сильные стороны личности, в которых важен внутренний ресурс, способность самостоятельно справляться с трудными жизненными ситуациями, стрессовыми состояниями, синхронно развивая личностную устойчивость [5, с.37]. Достижение социально-психологической адаптации основано на альянсе концепции «салютогенез» и ресурсного подхода в организации субъект-центрированной психологической практики, разрабатываемого в НОИЛ «Системное психологическое консультирование и психотехники развития личности» (руководитель проф. Н.М. Швалева [3, с. 53]).

В этом понимании для здоровой и благополучной жизнедеятельности необходимо принять себя реальным, саморазвиваться и развивать чувство когерентности, которое включает в себя три составляющих: согласование с опытом, осознание и коммуникация. Рассогласование этих структурных элементов конгруэнтности диагностируется как нежелание или отсутствие способности проявлять свои чувства, которые отражаются в напряжении, тревожном поведении, неосознанности своих мотивов и жизненных целей.

Задача психолога, применяющего данную программу в своей работе – направить сотрудника к его собственным личностным ресурсам, развить потенциал личности с учетом групп факторов: внешние, социально-психологические; внутренние – самосознание, самооценка, Я-концепция.

Первая группа факторов заключается в особенностях межличностных отношений, которые должны быть насыщены благоприятными условиями, в которых человек получает поддержку от других людей. Это важно, например, для создания благоприятной среды в служебном коллективе.

Вторая группа имеет связь с личностными особенностями и качествами личности. В этом случае психологическое взаимодействие с сотрудниками должно быть направлено на осознание ими своих положительных качеств личности и способности проявлять и развивать их, повышая тем самым уровень социально-психологической адаптации. В данном случае потребность в развитии и саморазвитии личности может выступить той точкой опоры, которая определяет ее устойчивость.

Проблема реализации своего потенциала в адаптационный период проявляется в ситуациях экзистенциального выбора, при решении задачи на установление личностного смысла. Задачи такого рода (по В.А. Петровскому) делятся по принципу личностного смысла при выполнении «экзистенциальных» задач, то есть задач на определение уровня своих возможностей. Решение таких задач направлено на определение исходных мотивов деятельности и позволяет более точно осознать уже сложившуюся систему смыслов, определяющих Я-концепцию и самосознание человека. Совершая поступок, человек получает возможность самоопределения, проверки своих качеств [2, с. 314].

Другая разновидность задач предполагает определение уровня своих возможностей, которые выступают источником активности личности. Потенциальные возможности реализуются в деятельности, они динамичны и изменчивы, поскольку постоянно меняется граница между тем, что человек может реализовать в данный момент и тем, что пока ему не доступно. Решение такого рода задач позволяет личности строить адекватный образ самого себя – «Образ Я», а также перестраивать его благодаря постоянному процессу самопознания и саморазвития.

Таким образом, свою деятельность по осуществлению социально-психологической адаптации новых сотрудников в подразделениях правоохранительных органов психолог строит с учетом изучения:

- ресурсного потенциала личности вновь прибывшего сотрудника;
- личности в деятельности;
- личности в коллективе и через коллектив.

В соответствии с данными направлениями работы психолог выбирает формы, методы и приемы психологического сопровождения адаптации новых сотрудников.

Литература

1. *Асмолов А.Г.* Психология личности. Культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл, 2019.
2. *Петровский В.А.* «Я» в персонологической перспективе. М.: Издательский Дом ВШЭ, 2013.
3. *Швалева Н.М.* Гуманитарная парадигма подготовки специалистов-психологов по направлению «Психология служебной деятельности» // «Университетские чтения – 2018»: Сборник трудов конференции, 11-12 января 2018 г. Пятигорск: ПГУ, 2018. С. 50-56.
4. *Швалева Н.М.* Работа психолога по развитию психологически здоровой и устойчивой личности сотрудников правоохранительных органов // Сборник статей заочной Всероссийской научно-практической конференции. Уфа, 2020. С. 131-138.
5. *Antonovsky A.* The Sense of Coherence as a Determinant of Health // *Advances, Institute for Advancement of Health.* 1984. Vol. 1. N 3. P. 37-50.

Мы-концепция группы: структурно-функциональный подход

Шевченко Н.А.
ФГБОУ ВО ВГУ, Воронеж, Россия
sattva_n@mail.ru

Проблема развития личности в составе малых групп занимает одно из важнейших мест в исследованиях современной социальной психологии. Актуальным становится исследование феномена Мы-концепции как составляющей самосознания субъекта. Методологической основой исследования Мы-концепции выступает системный подход, в рамках которого структура и функции изучаемого объекта или явления всегда рассматриваются как взаимосвязанные. Ниже представляем опыт применения этого подхода к изучению такого явления, как Мы-концепция группового субъекта.

Одним из первых, кто изучал Мы-концепцию больших групп, был Н.И. Бетанели. Он рассматривал «концепцию Мы» как сформированный образ конкретного сообщества [1]. Исходя из анализа литературы по данной теме, мы предлагаем следующее

видение структуры Мы-концепции группы, представленной рядом компонентов:

- когнитивный компонент – совокупность представлений группового субъекта о себе, составляющих целостный «образ Мы», включающий в себя представления о знаниях и умениях группы, о ее особенностях и уникальных характеристиках, средствах, с помощью которых достигаются общегрупповые цели;

- эмоционально-оценочный компонент – общность представлений о присущем группе «чувстве Мы». Эти представления являются основой командного духа, формирования чувства вовлеченности в коллектив, эмоционального настроя на совместную продуктивную работу, уверенности группы в своих силах и в успехе деятельности, общегрупповой ответственности;

- волевой компонент – представления об общности приемов самоуправления группой своими эмоциями и действиями в затруднительных ситуациях, в том числе при возникновении конфликтов, фрустрирующих обстоятельств, наличии временных ограничений и других внешних факторов, осложняющих в выполнение совместной деятельности, решение стоящих перед групповым субъектом задач;

- поведенческий компонент – представления группы о поведенческих паттернах, характерных для нее как единого субъекта. Данные паттерны она осознает и поддерживает у себя. Кроме того, содержательно в этот компонент включаются также представления о комплексе используемых коммуникативных средств, которые группа практикует для выражения своих психических состояний, сопровождающих ее действиях и поведении как во внутригрупповом пространстве, так и за его пределами;

- мотивационный компонент – представления группового субъекта о движущих силах своего поведения и иных видах совместной активности. Следует учитывать, что без наличия мотивационной основы невозможна никакая активность, и как следствие, формирование представлений группы о себе как о субъекте этой активности.

Сформированность всех компонентов Мы-концепции группы позволяет ей быть более адаптивной к изменениям социальной среды и своей внутренней среды, обеспечивать комфортные условия межгруппового и внутригруппового взаимодействия.

К сожалению, функции Мы-концепции группового субъекта до сих пор не выступали предметом специального исследования. Основываясь на описанных в литературе классификациях функций Я-

концепции [2 и др.], мы предлагаем выделять следующие функции Мы-концепции группового субъекта.

Селективно-регуляторная функция Мы-концепции выражается в отборе группой необходимых для решения определенной задачи знаний и представлений о себе и саморегуляции на этой основе реализуемых поведения и действий.

Прогностическая функция Мы-концепции группы заключается в выработке ожиданий группы относительно самой себя. Они могут быть связаны с границами, развитием, изменением социального статуса группы, внутригрупповыми и межгрупповыми процессами.

Координационная функция Мы-концепции группы представляет собой согласование действий группы на уровне ее самосознания, достижение высокого уровня слаженности которых влияет на продуктивность и результативность ее деятельности.

Рефлексивно-практическая функция Мы-концепции группы состоит в определении характера приобретаемого совместного опыта и особенностей его интерпретации. От этой функции зависит то, какие формы поведения и взаимодействия группа может себе позволить, какими целями и правилами она руководствуется, насколько глубокими и обоснованными могут быть анализ и последующие выводы из конкретной ситуации и как они повлияют на последующую деятельность группы (как развивающий и модернизирующий опыт или как травмирующий, разрушающий).

Обобщая теоретический анализ проблемы, можно констатировать, что содержание и сформированность структурных компонентов Мы-концепции группового субъекта взаимосвязано с осуществлением функций этим психологическим образованием приоритетности той или иной функции в актуальных условиях жизни группы.

Литература

1. *Бетанели Н.И.* «Мы» и «Я»: концепции общественного и индивидуального самосознания. Автореф. дисс. канд. психол. наук. Тбилиси, 1980.
2. *Мантрова М.С.* К вопросу о компонентах Я-концепции личности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 3-7. С. 34-37.

Субъективное благополучие студентов-первокурсников

Шипова Н.С.

*ФГБОУ ВО КГУ, Кострома, Россия
ronia_777@mail.ru*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и КН РА
в рамках научного проекта № 20-513-05005\20.*

В условиях возрастания стрессогенности и динамичности жизни современного человека, на первый план выходят вопросы, связанные с обеспечением субъективного благополучия субъекта. Неудивительно, что вопросам благополучия молодежи как потенциала и будущего общества уделяется много внимания в социальной и научной сфере. Благополучие в целом рассматривается как динамичное образование, зависящее от множества факторов. Неоднозначность и сложность психологических особенностей современного студенчества делает этот вопрос еще более актуальным и социально значимым. Согласно многим авторам, это время развития способностей, формирования мировоззрения и упрочнения личностных черт, время установления дружеских и интимных отношений и индивидуального обособления, а также время обретения физической, психологической, умственной и духовной зрелости студента [1; 2].

Целью предпринятого нами исследования было определение уровня субъективного благополучия студенческой молодежи, а также выявление связей данного показателя с аспектами сочувственного и понимающего отношения к себе.

Эмпирическая база исследования представлена группой из 35 студентов первого курса, различных специальностей (соотношение гуманитарные/технические примерно 70/30). Средний возраст 19,2 года.

Методический инструментарий включал следующие методики:

1. Шкала субъективного благополучия А. Перуэ-Баду с коллегами (A. Perrudet-Badoux, G. Mendelsohn, J. Chiche, 1988) (адаптация Соколовой М.В., 1996) [3];
2. Опросник «Сочувствие к себе» (Kristin Neff, 2003, адаптация К.А. Чистопольской, Е.Н. Осина, С.Н. Ениколопова, Е.Л. Николаева, Г.А. Мысиной, С. Э. Дровосекова, 2020) [4];
3. Полуструктурированное интервью.

Наибольшую выраженность имеет такой показатель субъективного благополучия, как «напряженность и чувствительность» ($M=10,9$; $SD=5,4$), наименьшую – «изменения настроения» ($M=4,9$; $SD=2,9$).

Показатели выраженности признаков, сопровождающих основную психоэмоциональную симптоматику, скорее тяготеют к полюсу высоких значений ($M=10,5$; $SD=6,2$), а самооценка здоровья, значимость социального окружения и степень удовлетворенности повседневной деятельности – низких ($(M=5,39$; $SD=3,5)$, ($M=6,73$; $SD=3,9$) и ($M=9,8$; $SD=5,5$) соответственно).

Наибольшие баллы по шкале сочувствия к себе были выявлены по шкале «доброта к себе» ($M=3,67$; $SD=1,2$), наименьшие по шкале «самоизоляция» ($M=2,52$; $SD=0,9$).

Корреляционный анализ показал наличие обратной связи между признаками, сопровождающими основную психоэмоциональную симптоматику и внимательностью ($r= -0,67$; $p=0,007$), что объясняется склонностью респондентов не замечать изменений собственного состояния, не акцентировать на них внимание для того, чтобы сохранять приемлемый уровень благополучия в повседневной жизни.

Также выявлены обратные связи степени удовлетворенности повседневной деятельностью и показателями доброты к себе ($r= -0,54$; $p=0,039$), что мы склонны обосновывать сложностью для студентов первого курса выполняемой деятельности и необходимости заставлять себя и пересиливать произвольные импульсы для ее успешного осуществления. Возможно, причина этого кроется в трудностях адаптации к условиям обучения в вузе студентов первого курса.

Таким образом, нами выявлены корреляционные связи показателей сочувствия и бережного отношения к себе и уровня субъективного благополучия студенческой молодежи. Полагаем, данное исследование органично войдет в комплекс исследований похожей тематики, что впоследствии приведет к разработке эффективных программ повышения благополучия молодых людей современности.

Литература

1. *Зимняя И.А.* Педагогическая психология. М.: Логос, 2000.
2. *Ильин Е.П.* Психология взрослости. СПб.: Питер, 2012.
3. *Соколова М.В.* Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института Психотерапии. 2002.
4. *Чистопольская К.А., Осин Е.Н., Ениколопов С.Н., Николаев Е.Л., Мысина Г.А., Дровосеков С.Э.* Концепт «Сочувствие к себе»: российская адаптация опросника Кристин Нефф // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16. № 4. С. 35-48 DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2020160404>

Обзор теории разбитых окон: критика, эмпирика

Шишунова А.Н., Юрова Д.Ш., Ячменёва Н.П.

*ФГБОУ ВО РАНХиГС, Москва, Россия
styushan1@mail.ru, iurova_daria@inbox.ru,
yachmenyova_nadezhda@mail.ru*

Одной из широко обсуждаемых и критикуемых в социальной психологии является теория разбитых окон Дж. Келлинга и Дж. Уилсона. В настоящее время существует противоречие в результатах исследований данной теории, поэтому главной проблемой данного обзорно-аналитического исследования является вопрос о научной обоснованности и прогностической возможности теории разбитых окон.

Данную теорию предложили Дж. Уилсон и Дж. Келлинг в 1982 году, в ее основу легли эксперименты Ф. Зимбардо 1969 года [3; 4]. Авторами были сделаны выводы о том, что районы становятся криминальными из-за социальной неурегулированности и если их облагородить, то количество тяжелых преступлений уменьшится. В подтверждение теории можно привести событие 1994 года: мэр Нью-Йорка Р. Джулиани объявил борьбу с мелкими нарушениями, основываясь на данной социально-психологической теории. Как следствие, количество преступлений в городе сократилось с 2200 до 1000 в год, в нем стало значительно чище и безопасней, а у жителей укрепилась уверенность в компетенции полиции [4; 7].

Конструктивную критику теории разбитых окон представил Б. Харкерт. В своей работе “Иллюзия порядка” [5] он говорит: сложность теории разбитых окон в том, что она опирается только на эксперимент Филиппа Зимбардо, существует не так много других эмпирических доказательств. Также Харкерт подтверждает свою критику исследованием Р. Сампсона и С. Рауденбуша [5]. В данном исследовании было сделано предположение, что не существует связи между благополучной окружающей средой и количеством совершаемых преступлений. В итоге авторы пришли к заключению, что возникновение беспорядков и преступлений связано со структурными характеристиками района. Также Л. Вакан объяснил, что существуют несколько факторов, которые привели к снижению уровня преступности в Нью-Йорке: демографические, социальные, экономические изменения и общее снижение толерантности граждан к любым проявлениям беспорядка [7].

Еще одним аргументом в пользу теории является исследование, проведенное в Голландии [6]. В нем авторы учли противоречивые

данные, полученные ранее. Они внесли конкретику в понятие беспорядка и контролировали среду, чтобы можно было говорить о причинно-следственной связи. Социологи провели эксперименты, которые подтвердили валидность теории. В одном из экспериментов ученые перегородили вход на парковку забором, в котором оставили широкую щель. Испытуемым было предоставлено два варианта поведения в двух модельных ситуациях: пройти через щель или обойти. Результаты оказались убедительными: в ситуации соблюдения правил через забор прошли только 27% людей, а в ситуации несоблюдения – 82%. Несоблюдение норм поведения приводит к нарушению и других правил.

Д. Гау и Т. Пратт провели работу, в которой задались вопросом, различают ли люди беспорядок и преступления в принципе [6]. Данный аспект имеет ключевое значение, ведь дифференцирование этих двух понятий в сознании людей оказывает большое влияние на каузальность возникновения преступлений. На первом этапе ученые выяснили, оценивают ли люди данные явления как значимую проблему в своих районах. На втором этапе испытуемые фиксировали замеченные ими беспорядки и преступления. Оказалось, что люди из хороших районов острее реагируют на проявления противоправных действий и смешивают воедино беспорядок и преступность. С жителями плохих районов результаты были противоположны. Таким образом было найдено одно из важных условий, показывающих, что прогностичность теории разбитых окон зависит и от характеристик социальных групп.

В итоге, несмотря на получение убедительных эмпирических данных, авторам не удалось проконтролировать возможные побочные переменные. Обоснованные результаты, полученные голландскими социологами, лишь частично подтверждают эту психологическую концепцию, структура их исследования не учитывала внешние факторы, а также факты, обнаруженные в исследовании Гау и Пратта. Поэтому в настоящее время нельзя сделать однозначный вывод о валидности теории разбитых окон.

Литература

1. *Андреева Г.М.* «Социальная психология» учебник. М., 2003.
2. *Аткинсон Р.Л., Аткинсон Смит Р.С., Э.Е., Бем Д.Дж., Нолен-Хоэксема С.* «Введение в психологию» / Под ред. В.П. Зинченко. СПб., 2007.

3. *Лидин К.* «Все под контролем. Интерьер города как управляемая и управляющая среда» // Проект Байкал. 2018. № 15.
4. *Сергеевнин В.А.* «Роль теории разбитых окон в декриминализации городской среды» // Пенитенциарное право: юридическая теория правоприменительная практика. 2014. № 2.
5. *Harcourt B.E.* «Illusion of Order: The False Promise of Broken Windows Policing». Cambridge. 2001.
6. *Gau J.M., Pratt T.C.* «Revisiting Broken Windows Theory: Examining the Sources of the Discriminant Validity of Perceived Disorder and Crime» // Journal of Criminal Justice. 2010.
7. *Keizer K., Lindenberg S., Steg L.* «The Spreading of Disorder» // Science New Series. 2008. Vol. 322. No. 5908.
8. *Sridhar C. R.* «Broken Windows and Zero Tolerance: Policing Urban Crimes» // Economic and Political Weekly. 2006. Vol. 41. No. 19.

Психолого-педагогические технологии социальной адаптации дошкольников с нарушениями зрения

Шмакова Н.В., Захарова И.В.

*ФГБОУ ВО УлГПУ имени И.Н.Ульянова, Ульяновск, Россия
Inna73reg@yandex.ru, artem2307200185@mail.ru*

Ограничения зрения усложняют взаимодействие детей с окружающей средой, в силу чего их социальная адаптация затруднена. В дошкольных образовательных организациях (ДОУ) есть проблема адаптационного синдрома таких детей, обусловленная психологической неготовности ребёнка к «выходу» из семьи. Без преодоления этой проблемы затрудняется последующая социальная адаптация ребёнка.

Л.С. Выготский обосновывал, что судьбу личности решает не сам дефект, а его социальные последствия: «Слепота сама по себе не есть дефективность, неполноценность... а становится ею только при известных социальных условиях существования слепого. Специальное воспитание победит дефективность» [1, с. 74]. Вопросы коррекционной педагогики относятся к той области, которая предполагает «междисциплинарные исследования на границах общей,

возрастной психологии, психологии развития и социальной психологии» [5, с. 31].

У дошкольников с ограничениями по зрению наблюдается сниженная познавательная активность, дефекты зрения могут приводить к развитию несамостоятельности, необщительности, замкнутости [2]. У них нарушены внешние эмоциональные проявления, ослаблены все выразительные движения, что зависит от времени возникновения и тяжести расстройства зрения. Это приводит к возникновению трудностей в общении, осложняет социальную адаптацию. Такие дети часто отказываются участвовать в играх из-за слабых двигательных навыков, слабым владением предметной деятельностью и навыками совместной деятельности. Психолого-педагогическое сопровождение слабовидящих детей в коррекционных ДОУ позволяет преодолевать данные трудности.

Традиционными педагогическими работами со слепыми и слабовидящими детьми являются музыкотерапия, литотерапия, сказкотерапия, песочная терапия, зрительная и артикуляционная гимнастика.

М.Ю. Кондратьев и В.А. Ильин, рассматривая феномены воздействия и влияния, в качестве их условий описывают принцип благорасположенности и принцип социального доказательства, «склонность индивида следовать убеждениям, разделяемым другими людьми» [4, с. 55]. Успешность социальной адаптации слепых и слабовидящих дошкольников во многом связана с доверием их семей специалистам, что прослеживается и в школе [3], и в ДОУ.

Это подтвердилось и в ходе опытно-экспериментальной работы в ДОУ №85 г.Ульяновска. На начальном этапе исследования нами определены критерии оценки социальной адаптации детей с нарушениями зрения:

- навыки сотрудничества, совместной деятельности с другими детьми для достижения одной цели, считаясь с интересами партнёра;
- способность восприятия неязыковых средств общения;
- понимание эталонов, выражающих определение состояния человека.

Для оценки уровня социальной адаптации детей применены социометрия (модификация «Секрет»), тест С.Розенцвейга, анкетирование родителей, анализ медицинских карт и листов здоровья.

Согласно С.Розенцвейгу, хорошо социализированы дети необходимо-упорствующего типа (умеют постоять за себя, наладить отношения в группе), таких выявлено 20%. Контрольную группу составили 5 детей пяти лет без явных затруднений или успешности в

социальной адаптации. В экспериментальную группу вошли 5 детей, у которых наблюдалось неблагополучие во взаимоотношениях с окружающими. С ними с октября 2019 г. по февраль 2020 г. велась коррекционная работа:

- игры на развитие навыков общения;
- упражнения подражательно-исполнительского и творческого характера;
- су-джок терапия;
- коррекционные компьютерные технологии: интерактивная развивающая программа «Карусель» для тестирования и развития кратковременной зрительной памяти, программа «Охота» для обучения ориентировке в микропространстве, лечебно-тренировочная программа «Дискотека».

Результаты экспериментальной коррекционной работы показал опрос родителей (N=10): дети с вниманием стали относиться к занятиям педагога-психолога, рассказывать об играх и упражнениях в группе, использовать в активном словаре слова «эмоция», «чувство». Наблюдение за детьми показало улучшение их взаимоотношений, интерес к знаниями об основных эмоциях человека и особенностях их внешнего проявления, отмечены навыки конструктивного решения конфликтов.

Литература

1. *Выготский Л.С.* Основы дефектологии. СПб.: Лань, 2003.
2. *Григорьева Г.В.* Особенности формирования и развитие средств общения у дошкольников с нарушением зрения // Дефектология. 1996. № 4.
3. *Захарова И.В.* Доверие к педагогу как фактор его воспитательного влияния // Известия Саратовского университета. Акмеология образования. Психология развития. 2019. Т.8. № 2. DOI: 10.18500/2304-9790-2019-8-2-176-182
4. *Кондратьев М.Ю., Ильин В.А.* Воздействие и влияние как социально-психологические координаты межличностного взаимодействия: понятийно-терминологический аспект // Социальная психология и общество. 2013. № 4.
5. *Толстых Н.Н.* Социальная психология развития: интеграция идей Л.С. Выготского и А.В. Петровского // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16. № 1. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2020160103>

Проявление культурных и ценностных особенностей в работе преподавателей творческих направленностей

Шорохова В.А., Кольнер А.Е.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

shorokhovava@gmail.com, anat-kolner@mail.ru

Человеческая цивилизация на современном этапе вошла в качественно новую фазу развития, для которой характерны усиление интернационализации жизни и рост информационного, культурного, экономического обмена и сотрудничества. Различные социально-психологические категории, связанные с групповыми, культурными и ценностными особенностями человека, все чаще оказываются в центре внимания ученых-психологов [2; 3; 6; 7]. Категория ценности считается одной из самых сложных в психологии, так как представляет собой одновременно мотивационное, регуляционное и когнитивное образование [4; 5]. Особый интерес вызывает система ценностных и культурных ориентиров у педагогов, так как обучение является изменением поведения обучающегося под влиянием приобретенного обучающимся опыта, что может наиболее ярко проявляться в сфере педагогики творческих направленностей, искусства [1].

В рамках представленного исследования нам показалось интересным рассмотреть психологические особенности культурных и ценностных ориентиров и их проявления в профессиональной деятельности педагогов творческих направленностей.

Наше исследование носило качественный характер и было выполнено в виде полуструктурированного интервью. Выборку составили 10 педагогов творческих направленностей, работающих в сфере дополнительного образования в различных сферах (хореография, актерское мастерство, музыка, вокал и литература).

Согласно теоретическим представлениям Ш. Шварца и У. Билски, ценности рассматриваются как некие критерии выбора и оценки человеком своих собственных действий, а также оценки других людей и происходящих с ними событий. Они выступают в качестве критериев, по которым человек строит свое отношение к миру, включая и его отношение к самому себе (самоотношение). Выдвинутое авторами концептуальное определение ценностей включает в себя такие значимые критерии как: мотивационная природа ценностей; отношение к желательным конечным состояниям или поведению; надситуативность; управление выбором и оценкой

поведения и событий; упорядоченность по относительной важности [8].

Стоит отметить, что по результатам нашей работы предложенная структура ценностной сферы практически полностью совпадает с пониманием этого аспекта респондентами. У респондентов были выявлены следующие категории ценностей: внешние культурные признаки, социальные отношения между преподавателем и обучающимся, культура образования, моральные качества, материальные ценности.

Из дальнейшего анализа данных можно вывести, что культурные и ценностные ориентиры преподавателя дополнительного образования проявляются в ряде позиций:

- объяснение материала посредством культурного опыта;
- непосредственная трансляция культурно-ценностной парадигмы;
- косвенная трансляция культурно-ценностной парадигмы;
- модификация образовательного процесса посредством культурно-ценностных ориентиров;
- уникальность педагогической деятельности за счет культурно-ценностных ориентиров.

Представленное сочетание перечисленных позиций указывает на проявление культурно-ценностных ориентиров в профессиональной деятельности преподавателей дополнительного образования, что является подтверждением поставленной гипотезы.

По результатам проведенного исследования было выявлено, что все респонденты опираются на социальные нормы в своем понимании культурной сферы. Это понятие подразумевает под собой включение одного или нескольких аспектов: традиции, правила поведения, воспитание, права и свободы человека, этика. При опоре респондентом на социальные нормы в понимании культуры, среди ценностных ориентиров у них присутствуют социальные отношения, подразумевающие под собой: права человека, уважение (взаимное уважение), свободу, понимание, ответственность, индивидуализацию (индивидуальный подход к каждому обучающемуся) и этикет.

Следующим немаловажным аспектом следует отметить, что опорной точкой понимания культурной парадигмы искусства или интеллектуальной сферы, важным ценностным ориентиром является культура образования. Этот вывод вытекает из логики понимания респондентами термина «культура», а также выделения респондентами вышеперечисленных аспектов как наиболее важных и весомых.

Кроме уже перечисленных выявленных закономерностей, следует отметить наличие у всех респондентов, среди различий в комбинациях способов проявлений культурно-ценностных ориентиров в профессиональной деятельности, косвенной трансляции собственных ценностных ориентиров. Это может говорить о глубинной важности ценностных ориентиров для респондентов, а также о том, что они стали для педагогов частью их мировоззрения и основными аргументами при принятии тех или иных решений.

Литература

1. *Алексеева Е.А.* Современные подходы к использованию рейтинговой системы оценки освоения отдельных дисциплин и ООП в целом // Наука и образование в жизни современного общества: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. Том 13, 2015.
2. *Бабанин П.А.* Социально-психологические особенности отношений авторитетности в студенческих группах современного российского вуза.: Автореф. дис. ... кандидат психол. н. Москва, 2015
3. *Есина Г. К.* Социальные представления старшеклассников о высшем образовании // Высшее образование сегодня. 2019. №9.
4. *Павлова О.С.* Ценностные ориентации чеченцев и ингушей: источники и детерминанты // Культурно-историческая психология. 2012. Том 8. № 2.
5. *Павлова О.С., Семёнова Ф.О.* Ценностные ориентации мусульманской молодёжи Северо-Западного Кавказа // Minbar. Islamic Studies. 2018, Т.11. № 2.
6. *Сачкова М.Е., Есина Г.К.* Структура социальных представлений о высшем образовании учащихся с разным интрагрупповым статусом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2019. Т. 16. № 4.
7. *Khukhlaev O.E., Gritsenko V.V., Pavlova O.S., Tkachenko N.V., Usubian Sh.A., Shorokhova V.A.* Comprehensive model of intercultural competence: theoretical substantiation // RUDN Journal of Psychology and Pedagogics. 2020. Т. 17. № 1.
8. *Khukhlaev O.Y., Shorokhova V.A., Grishina E.A., Pavlova O.S.* Values and religious identity of russian students from different

Социально-психологические подходы к изучению ревности

Щукина О.Г.

*ГОУ ВО МО МГОУ, Москва, Россия
olgashchukina.psy@gmail.ru*

Существование ревности как неотъемлемой части социально-психологической структуры межличностного взаимодействия, изучается различными авторами достаточно давно. Данное явление имеет весьма значительное многофакторное влияние на неблагоприятные демографические и социальные тенденции, такие как: агрессивное поведение внутри семьи, подростковая и юношеская жестокость, насилие в отношениях с партнером, разводы и преступления вплоть до убийств [4, с. 169].

В рамках анализа научных работ различных зарубежных авторов, посвященных изучению ревности, нами были отмечены наиболее значимые подходы к пониманию приведенного явления. Сущность различий рассматриваемых подходов, обусловлена наличием различных психологических школ и течений. Таким образом, можно выделить психодинамическое, экзистенциальное и гуманистическое направление, а также эволюционный подход [2, с. 20].

Принято считать, что первая концепция научного обоснования ревности принадлежит З. Фрейду, и отражена в его труде «О некоторых невротических механизмах при ревности, паранойе и гомосексуализме». В последующем, в рамках психодинамического подхода, идеи З. Фрейда о ревности, как об аффективном состоянии в норме, и её патологических формах, были развиты в трудах М. Кляйн, К. Хорни, А. Адлера, П. Куттера [3, с. 96; 5, с. 115; 8, с. 336; 9, с. 224]. Данными авторами была охарактеризована природа ревности, создана классификация типов ревности: патологическая или чрезмерная и нормативная, дано описание случаев возникновения ревности в контексте детско-родительских отношений и в сфере сексуально-интимных взаимодействий.

В случае экзистенциального и гуманистического направления Р. Мей, В. Франклом, Э. Фроммом, А. Маслоу определены факторы, влекущие за собой формирование чувства ревности: нарушения самооценки, возникновение чувства собственности. Приведены примеры переживаний ревности в конкретных ситуациях

межличностного взаимодействия, например, в случае наличия любви и привязанности [6, с. 149].

Отдельную позицию занимает так называемый эволюционный подход к раскрытию причин формирования ревности, сформулированный такими исследователями как Д. Басс, А. Эделайти, М. Реджиан, Р. Дейкстра, Д. Барелдс, А. Шутцвохл. Основополагающую роль в формировании данного подхода играли труды Д. Басса, основанные на его эмпирических исследованиях, посвященных доказательству научных гипотез, связанных с детерминантами возникновения ревности. В частности, Д. Басс, считал, что наличие сексуальной неверности мужчин, равно как, эмоциональной неверности у женщины, являются обуславливающими факторами возникновения ревности [10, с. 506]. Последователи Д. Басса развили данное направление, и, изучили взаимосвязь между супружеской агрессией и ревностью, чем доказали достоверность гипотез Д. Басса о механизмах появления ревности. Позднее Р. Дейкстр и Д. Бареллс проанализировали реакции различных типов личности на несколько видов ревности. Важным составляющим фактором признается уникальный механизм адаптации и встраивания человека, как целостной многогранной личности в изменяющуюся внешнюю среду. При этом авторами разъяснена суть и причинно-следственные механизмы возникновения романтической ревности. Изучены взаимосвязи индикаторов ревности и целостных свойств личности, таких как: интеллектуальные и физиологические параметры, эмоциональные и когнитивные показатели, присутствие и степень выраженности супружеской агрессии.

В свою очередь отечественные ученые, занимающиеся исследованием феномена ревности, отмечают полиморфизм в формировании данного явления, условно разделенный на социально-психологические, психофизиологические и индивидуально-психологические детерминанты её возникновения. К социально-психологическим детерминантам стоит отнести как культурологические особенности, так и сопутствующие факторы, в виде влияния окружения, воздействия средств массовой коммуникации, внутрисемейное взаимодействие. К психофизиологическим и индивидуально-психологическим относят повышенную чувствительность, одиночество, патологию самооценки, эмоциональную лабильность и эмоциональную зависимость в сочетании с типом привязанности.

Наиболее подробные и фундаментальные описания совокупности экзогенных и эндогенных факторов, формирующих или стимулирующих возникновение ревности, можно найти в работах таких отечественных психологов, как А.Н. Волкова, Н.В. Дмитриева, А.В. Сергеева, В.Я. Спиридонов. Совокупный анализ научных изысканий данных авторов позволяет выделить следующие группы факторов возникновения ревности: личностные психологические особенности ревнующего; дисфункциональные семейные отношения; личностные установки и влияния на них социальных норм [1, с. 98].

Таким образом, изучение ревности, начатое З. Фрейдом и, продолженное рядом зарубежных и отечественных авторов, представляет интерес и на современном этапе становления психологической науки в силу важности изучаемого явления для развития общества.

Литература

1. *Волкова А. Н.* Опыт исследования супружеской неверности // Вопросы психологии. 1989. 2. С. 98–102.
2. *Гаранян Н.Г., Серебряная А.В.* Социально-психологические детерминанты представлений о ревности // Консультативная психология и психотерапия, 2013. № 1.
3. *Кляйн М.* Зависть и благодарность. Исследование бессознательных источников. СПб.: Б. С.К., 1997.
4. *Круглова Т.В.* Ревность как мотив совершения преступления и ее уголовно-правовое и криминологическое значение: Автореф. дисс. канд. юрид. наук. М.: РУДН, 2003.
5. *Куттер П.* Любовь, ненависть, зависть, ревность. Психоанализ страстей. СПб.: Б. С.К., 1998.
6. *Мей Р.* Сила и невинность. М.: Сфинкс, 2002.
7. *Спиридонов Я.В.* Динамическая модель ревности: концептуальные, клинические и функциональные аспекты // Журнал психологии и психоанализа. 2013. 2. С. 45–48.
8. *Фрейд З.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7: Навязчивость, паранойя и перверсия. М.: ООО «Фирма СТД», 2006.
9. *Хорни К.* Невротическая личность нашего времени. СПб.: Питер, 2002.
10. *Buss D.M., Haselton M.* The evolution of jealousy. Trends in Cognitive Sciences, 2005, 9 (11), pp. 506–507.

Опосредствование как решение задачи означивания действия

Эльконин Б.Д. Кусова Е.Д.

ФГБНУ «Психологический институт РАО», Москва, Россия

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

belconin@bk.ru, nyousha@ya.ru

Ключевой вопрос нашего экспериментального исследования – вопрос о том, каким образом строится акт опосредствования. Акт опосредствования (по Б.Д. Эльконину – Посредническое Действие [7, с. 103]) предполагает, что некоему предмету (например, монетке в известном примере Л.С.Выготского о ситуации Буриданова осла) будет придана функция психологического орудия. Ее придание предполагает выделение того существенного отношения («логики орудия»), которое позволяет использовать данный предмет как средство и определить поле возможностей его применения. Указанное отношение есть *значение* орудия. Условия и возможности осмысления предмета как средства, т.е. условия и возможности его *переозначивания* – предмет нашего экспериментального исследования.

Эксперимент осуществлялся как переосмысление определенного действия – придание ему функции *средства* решения достаточно трудной задачи. Акты подобного переосмысления мы назвали решением «задачи на опосредствование». Для проведения эксперимента была выбрана задача, решение которой показывало степень овладения понятием «величина» [8, с. 125].

Испытуемые (ученики первого и второго классов) должны были по изменению разницы величин определить, что происходит с самими различающимися величинами (длинами «волшебных» отрезков). Например, если разница увеличивается, то один из отрезков увеличивается, а другой уменьшается, а если разница «пропадает», то отрезки становятся равными [6, с.125].

Перед решением указанной задачи с детьми проводилось специальное занятие. С помощью двух пружин эспандера, закрепленных на столе, дети манипулировали со степенью усилия по их растяжению. Эти манипуляции фиксировались в специальных рисунках (похожих на графики), в которых обозначались изменения усилия и, соответственно, длины пружин эспандера. После «занятия» давалась описанная выше задача на определение разницы и при этом указывалось, что эспандеры, а также бумажные отрезки, выложенные на столе, могут стать «помощниками» в ее решении. Если подобное указание оказывалось неэффективным, экспериментатор просил показать (т.е. смоделировать) на эспандерах или отрезках возможные

и предполагаемые в задаче изменения разницы между их длинами.

В нашем эксперименте участвовало 33 испытуемых, по 11 школьников в возрасте 7, 8 и 9 лет.

С экспериментальным заданием лучше всех справились девятилетние испытуемые: из 11 детей пятеро смогли решить задачу, используя «помощников». Двое учеников самостоятельно, без подсказки экспериментатора смогли построить изменение отношений длин «волшебных» отрезков.

Также построить изменение отношений длин смогли 3 восьмилетних ученика. Двое из них переосмыслили функцию «помощников» и использовали их в функции средства в опоре на «подсказку» экспериментатора – его указание на то, что на «эспандерах» и отрезках можно строить отношение величин.

При этом в результатах 7-летних детей преобладало натуралистичное выполнение всех заданий. 8 из них не смогли решить поставленную экспериментатором задачу. Трое справились с задачей после просьбы экспериментатора показать на эспандерах, как меняется отношение длин отрезков.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что сама задача на опосредствование понимания «интриги» величины становится доступной ученикам 2-го и 3-го классов школ с традиционным обучением математике.

Литература

1. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. / Гл. ред. А. В. Запорожец. М.: Педагогика, 1982—1984.
2. *Гальперин П.Я.* О формировании умственных действий и понятий // *Культурно-историческая психология*. 2010. № 3 С. 111–114.
3. *Гальперин П.Я.* Становление психологии деятельности. М.: Изд. «Смысл», 2003.
4. *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. 3-е изд. М., 1972.
5. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
6. *Эльконин Б.Д.* Опосредствование. Действие. Развитие. Ижевск: ERGO, 2010.
7. *Эльконин Б.Д.* Посредническое Действие и Развитие // *Культурно-историческая психология*. 2016. Том 12. № 3. С. 93–112.
8. *Эльконин Б.Д.* Современность и возраст. М.: Некоммерческое партнёрство «Авторский клуб», 2015.
9. *Эльконин Д.Б.* Избранные психологические труды. М.:

Педагогика, 1989.

10. Эльконин Д.Б. Заметки о развитии предметных действий в раннем возрасте// Избр. психол. труды. М.: Педагогика, 1989.

Буллинг-процессы в контексте социализации личности и групповой динамики

Яничева Т.Г.

*СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
yanicheva@ourfuture.ru*

*Статья подготовлена по гранту РФФИ № 19-013-00560
«Методология и социально-психологические методы исследований
социального капитала организации».*

В последние десятилетия тема буллинг-процессов прочно укрепилась в психологических и педагогических исследованиях образовательной среды [2; 3; 4; 6]. В эпоху цифровой социализации появился кибербуллинг [1]. Характерным трендом является стремление современных подростков и молодежи фиксировать в фото и видеоматериалах события их жизни. Атрибутом буллинга стала фиксация травли с последующей публикацией в интернете, что делает процесс еще более жестким.

В концепции социального капитала организации, которая разрабатывается на кафедре социальной психологии СПбГУ под руководством Л.Г. Почебут [8], буллинг (как разновидность моббинга) понимается как фактор, негативно влияющий на формирование социального капитала организации. В контексте наших исследований речь идет о социальном капитале образовательного учреждения – школы, техникума, реже – вуза. Можно говорить о проявлениях травли и жестокости в группах дополнительного образования – детских и подростковых спортивных командах, творческих коллективах.

Традиционно исследователи обращаются к изучению личностных характеристик участников буллинг-процесса: жертв, агрессоров, наблюдателей [3; 7; 11]. Чаще всего внимание обращено к характеристикам жертвы. Авторы исследований указывают на низкий интеллектуальный потенциал, сложности саморегуляции, дистанцирование от группы, низкое самоуважение, неадекватность самооценки, повышенный эмоциональный дискомфорт [3; 7; 10; 11]. Достаточно очевидно, что для подростка, обладающего такими

личностными особенностями характерен низкий адаптационный потенциал. Не такими многочисленными, но не менее интересными являются исследования социально-психологических особенностей «обидчика» (агрессора) [5; 7; 11]. Очевидно, что причины, побуждающие использовать унижение, подавление, травлю сверстника также кроются в личностной структуре подростка. В исследовании Г.В. Орешинной, проведенной под нашим руководством, исследовались девушки и их отношение к буллингу в связи с пережитым собственным травматическим опытом [11]. Девушки-«агрессоры» оказались необщительными, критичными и склонными принимать буллинг и низко оценивающими собственный травматический опыт. В исследовании В.Р. Петросянц [7] показано, что «жертвы» и «агрессоры» различаются уровнем жизнестойкости, у последних показатели значимо выше. Но, что интересно, адаптационный потенциал «обидчиков» также снижен, показатели их нервно-психической устойчивости невысоки. Таким образом, в характеристиках жертв буллинга и его инициаторов можно увидеть определенное сходство. Главное, что, на наш взгляд, заслуживает внимания это сниженный адаптационный потенциал. Можно предположить, что и у тех и других оказывается неудовлетворенной аффилиативная потребность, неумение формировать истинные глубокие отношения.

Традиционное описание личностных характеристик участников буллинг-процессов безусловно помогает в индивидуальной диагностике, коррекционной работе. Однако, на наш взгляд, значительным потенциалом отличается подход, предлагающий рассматривать буллинг в контексте групповой динамики [5;6]. Допустимость травли сверстников является операционализацией групповых норм. В таком случае работа по профилактике и пресечению буллинг-процессов, являющихся деструктивным фактором групповой динамики, препятствующим формированию групповой сплоченности и позитивной социализации членов группы, должна быть ориентирована на группу в целом. И особую роль в решении этой задачи играют педагоги.

В этом контексте интересно обращение к представлениям о буллинге и отношением к нему педагогов. В исследовании А.В. Непочатых [12] сравнивались представления о буллинге педагогов и представителей других профессий. Субъективная оценка педагогами травматического опыта пережитого буллинга по методике В.А. Чикер и А.В. Трифонова [9] ниже, чем у представителей других профессиональных групп, возможно, этот опыт обесценивается или вытесняется. Интегральный показатель пережитого травматического

опыта снижается со стажем и возрастом. Другой важный результат исследования – меньшая эмоциональная насыщенность представлений педагогов о буллинге по сравнению с представителями непедagogических профессий. Иными словами, для педагогов буллинг является более естественным и обычным, чем для людей, не включенных профессионально в образовательный и воспитательный процесс. При этом очевидно, что именно педагоги даже в старшей школе, не говоря о начальной должны быть трансляторами норм и ценностей неприемлемости буллинга.

Таким образом, перспективы изучения, профилактики и пресечения буллинг-процессов в детских и подростковых коллективах связаны с комплексными исследованиями, интегрирующими исследования группы – ее структуры, норм, сплоченности, и социально-психологических особенностей ее членов, прежде всего в сфере коммуникации.

Литература

1. *Бочавер А.А., Хломов К.Д.* Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т.11. №3.
2. *Волкова И.В.* Характеристики подросткового буллинга и его определение // Вестник Минского университета. 2016. № 2.
3. *Кравцова М.М.* Дети – изгой. Психологическая работа с проблемой. М.: Генезис, 2005.
4. *Кон И. С.* Что такое буллинг и как с ним бороться // Семья и школа. 2006. № 11.
5. *Кривцова С.В.* Развитие социальных и личностных компетенций и антибуллинговая работа в школе: новые аспекты исследований // Академический вестник. 2018. №2 (28).
6. *Новикова М. А., Реан А.А.* Влияние школьного климата на возникновение травли: отечественный и зарубежный опыт исследования // Вопросы образования. 2019. № 2.
7. *Петросянец В.Р.* Психологическая характеристика старшеклассников, участников буллинга в образовательной среде, и их жизнестойкость. Дисс. канд. психол. наук. СПб, 2011.
8. *Почебут Л.Г., Чикер В.А., Волкова Н.В.* Социально-психологическая модель когнитивного социального капитала организации: концепция и аспекты исследования // Организационная психология, 2018. Т. 8. № 2.

9. *Чикер В.А., Трифонов А.В.* Методика изучения моббинг-процессов в школьных коллективах// Психология XXI века: российская психология в контексте мировой науки. Материалы конференции. СПб: СПбГУ, 2016.
10. *Чикер В.А., Трифонов А.В.* Социально-психологические особенности моббинга (буллинга) у старшеклассников // Социальный мир человека. Вып. 7 Вопросы конфликтологии и медиации. СПб., 2016.
11. *Яничева Т.Г., Орешина Г.В.* Социально-психологические особенности девушек-участниц буллинг-процессов // Ананьевские чтения-2019. Психология обществу, государству, политике. Материалы международной научной конференции. СПб, 2019.
12. *Яничева Т.Г., Непочатых А.В.* Социальные представления педагогов о буллинге // Ананьевские чтения — 2020. Психология служебной деятельности: достижения и перспективы развития. Материалы международной научной конференции. СПб, 2020.

Взаимосвязь между удовлетворенностью браком и согласованностью ролей в супружеской паре

Ярославцева А.И.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
Yarik1434@mail.ru

В настоящее время институт семьи претерпевает значительные трансформации – появляются новые виды семей, происходят изменения в структуре семьи, преобразуются такие основные ее параметры, как: внешние и внутренние границы семьи, сплоченность, ролевая структура и др. Безусловно, все эти изменения находят свое отражение на уровне отношений в конкретной семье и субъективных переживаний ее членов.

Одной из главных характеристик взаимоотношений между супругами является удовлетворенность браком, под которой в психологических исследованиях понимают субъективную оценку взаимодействий между супругами. Удовлетворённость браком зависит от большого количества различных факторов. Среди основных из них можно выделить: locus контроля и самоотношение супругов, их

мотивы вступления в брак, уровень удовлетворенности личных потребностей мужа и жены, уровень материального достатка семьи и многое другое [2; 3].

Наше исследование было направлено на выявление взаимосвязи удовлетворённости браком с распределением ролей в супружеской паре. Участие в нем приняли 25 супружеских пар, которые состоят в браке не более 3-4 лет. Возраст респондентов: от 20 до 27 лет.

В ходе эмпирического исследования мы использовали две методики: тест-опросник удовлетворенности браком (В.В. Столин и др.) [4] и методику, позволяющую выявить представления супругов о распределении ролей в семье (Ю.Е. Алешина и др.) [1].

В ходе исследования в изучаемой выборке было получено следующее распределение по уровню удовлетворенности браком: среди семей, имеющих «благополучные» отношения, оказалась самая большая доля респондентов – 54%, к типу брака «скорее благополучный» было отнесено 26%, у 12% опрошенных выявили «абсолютно благополучный» тип, а 8% выборки продемонстрировали принадлежность к «переходному» типу брака. Категории супружеских отношений «абсолютно неблагоприятные», «неблагополучные» и «скорее неблагоприятные» в исследовании выявлены не были.

На основе результатов, полученных с помощью методики «Распределение ролей в семье» выборка была разделена на 2 группы: пары, где различия в представлениях о распределении ролей в семье минимальны, то есть различия лишь в 1-2 пунктах (64%), и семьи, где есть 3 и более различий (36%).

При помощи U-критерия Манна-Уитни между двумя выделенными группами по степени согласованности ролевого распределения обязанностей в семье были подсчитаны различия в показателях уровня удовлетворенности браком. Данный анализ выявил значимые различия ($p < 0,01$) между изучаемыми группами: в парах, обладающих низким уровнем согласованности в представлениях о семейных ролях, уровень удовлетворенность браком значимо выше, чем в парах, имеющих более высокий уровень различий в таких представлениях о распределении ролей в супружеской паре.

На основе полученных результатов можно сделать следующий вывод: между распределением ролей в семье и удовлетворенностью браком существует взаимосвязь – чем выше уровень различий в представлениях супругов о распределении ролей в семье, тем ниже уровень удовлетворенности браком.

Литература

1. *Алешина Ю.Е., Гозман Л.Я., Дубовская Е.М.* Социально-психологические методы исследования супружеских отношений М., 1987.
2. *Елфимова Ю.А., Краси́ло Т.А.* К вопросу о факторах, влияющих на удовлетворенность браком // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти М.Ю. Кондратьева. М., 2020. С. 209-212.
3. *Краси́ло Т.А., Паташури А.Г.* Взаимосвязь удовлетворенности браком с самоотношением личности // Материалы IV Ежегодной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» (13–14 мая 2019 г.). – М.: МГППУ, 2019. С. 115-118.
4. Психологические тесты / Под ред. А.А. Карелина: В 2т. Т.2. М., 2001. С. 173-179.

Психологические риски контролируемого потребления наркотических веществ в молодежной среде

Ястребова А.А., Польская Н.А.
ФГБОУ МГППУ, Москва, Россия
a.yastrebova78@yandex.ru, polskayana@yandex.ru

Рост употребления психоактивных веществ – одна из наиболее острых социальных проблем общемирового масштаба. В последние годы развивается дискурс о нормализации потребления наркотических веществ (НВ), возникают новые термины – «контролируемое потребление», «наркомания выходного дня», под которыми подразумевается эпизодическое употребление НВ с целью изменения эмоционального состояния и снятия усталости [2; 3]. В некоторых странах допускается рекреационное использование «легких» наркотиков, где они становятся частью повседневной жизни. В связи с этим особую актуальность приобретает проблема «безопасного наркотизма» – распространения мифов о безопасности и легальности некоторых НВ [1] и отсутствии при контролируемом употреблении

неблагоприятных психологических последствий (как на уровне эмоциональной регуляции, так и на уровне психологического благополучия и межличностных отношений). В связи с этим целью данного исследования стало изучение связей эмоциональной регуляции, психологического благополучия и стремления к аффилиации среди молодежи, эпизодически употребляющих НВ.

Исследование проводилось в онлайн-формате на платформе Google Forms. Приглашение к участию было размещено в группе социальной сети «ВКонтакте». Совокупная выборка составила 192 человека в возрасте 18–29 лет ($M_{\text{возр}} = 20,73 \pm 2,3$), из них 181 девушка и 11 юношей.

Использовалась анкета, разработанная авторами, включающая вопросы по опыту употребления НВ и способам индивидуального контроля употребления. Оценка нарушений эмоциональной регуляции осуществлялась с помощью опросника эмоциональной дисрегуляции (Польская, Разваляева, 2017) и опросника ERQ Дж. Гросса (Панкратова, 2018). Для оценки психологического благополучия использовалась шкала К. Рифф (Жуковская, Трошихина, 2011), для оценки потребности в установлении и сохранении положительных отношений с людьми использовался опросник аффилиации А. Мехрабиана (Фетискин, Козлов, Мануйлов, 2002).

По результатам анкетирования, опыт употребления НВ отметили 83 респондента; употребляют НВ в настоящее время – 21 человек. Средний возраст первого употребления – $17 \pm 2,1$ лет. В качестве первого НВ при употреблении респонденты отметили каннабиоиды ($N=45$); психостимуляторы ($N=14$); курительные смеси ($N=3$); галлюциногены ($N=1$) и лекарственные препараты ($N=1$).

Среди респондентов, употребляющих НВ на момент исследования, была выделена подгруппа эпизодически употребляющих ($N=14$), куда вошли респонденты, потребляющие НВ раз в месяц.

При оценке различий по критерию наличия/отсутствия опыта употребления НВ значимые различия были получены по шкалам руминации ($p=0,05$), избегания ($p=0,00$) и трудностей ментализации ($p=0,01$) с более высокими значениями в группе с опытом употребления НВ; значимо более низкий показатель оказался у них по психологическому благополучию – шкале самопринятия ($p=0,04$).

Значимые различия между респондентами, употребляющими НВ на момент исследования, и теми, кто имеет опыт употребления в прошлом, были получены по шкалам избегания ($p=0,00$) и страха отвержения ($p=0,04$) с более высокими результатами в группе респондентов, употребляющих в настоящее время. При сравнении эпизодически употребляющих респондентов с теми, у кого нет опыта

употребления, более высокие показатели оказались в первой группе по избеганию ($p=0,04$).

В качестве распространенных способов контроля употребления (более 50% ответов) среди эпизодически употребляющих респондентов можно выделить: (1) употребление НВ, в качестве которого уверен(а); (2) контроль дозировки вещества; (3) употребление в определенной компании; (4) запрет на употребление на работе/учебе. В качестве мотивов употребления НВ большинство респондентов (более 50% ответов) отметили расслабление, избавление от боли, получение удовольствия и новых ощущений.

При эпизодическом потреблении НВ отмечаются признаки эмоциональной дисрегуляции, страх отвержения и более низкий уровень самопринятия, что отличает эпизодически потребляющих НВ от тех, кто не имеет подобного опыта. Поэтому контролируемое потребление с точки зрения психологического функционирования – это дискуссионный вопрос, требующий серьезного изучения. Проведенная нами оценка способов контроля и причин потребления НВ подтверждает наиболее типичные способы и причины, характерные для начального этапа наркопотребления с высоким риском «утяжеления» НВ и формирования наркотической зависимости.

Литература

1. Позднякова М.Е. Наркоситуация в России и новые модели употребления наркотиков // Социология медицины. 2016. 15(1).
2. Рыбакова Л.Н. Контролируемое потребление наркотиков: феномен и конструкт // Дискурс. 2017. 10(12).
3. Parker H. The Normalization of Sensible Recreational Drug Use: Further Evidence from the North West England Longitudinal Study // Sociology. 2002. 36(4).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ¹

Абакумова Наталия Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент. Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск.

Абдулина Юлия Александровна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Абраменко Вероника Владимировна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Авдеева Наталья Николаевна, профессор кафедры возрастной психологии факультета психологии образования. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Авраменко Вера Григорьевна, главный специалист Научно-исследовательской лаборатории развития личности и здоровьесбережения, кандидат психологических наук. ГБОУ ВО «Московский городской педагогический университет».

Адаскина Анна Анатольевна, доцент кафедры «Педагогическая психология имени профессора В.А. Гуружапова», кандидат психологических наук. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Адилова Эльнура Темиркановна, студент Казахского национального университета им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан.

Аймаганбетова Ольга Хабижановна, доктор психологических наук, магистр социальных наук, профессор. Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан.

Акишева Оксана Александровна, студент магистратуры ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Аксеновская Людмила Николаевна, декан факультета психологии, заведующая кафедрой общей и социальной психологии, доктор психологических наук, профессор. Саратовский национальный

---

¹ Сведения составлены на основании заявок, поданных на конференцию, и не являются исчерпывающими.

исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов.

Александров Иван Андреевич, аспирант факультета «Психология». Московский государственный областной университет.

Александрова Елена Андреевна, кандидат культурологии, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования факультета социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Аксанова Ольга Егоровна, аспирант Института психологии РАН.

Алексеева Яна Вячеславовна, студент магистратуры. Направление программы «Культурно-историческая психология детства», кафедра ЮНЕСКО. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Аликин Марк Игоревич, аспирант. ФГБОУ ВО «Красноярский государственный университет имени В.П. Астафьева», Красноярск.

Анисимова Екатерина Владимировна, заведующая Сектором психологического сопровождения Отдела по внеучебной и социальной работе ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Анохина Светлана Александровна, президент, исследователь, преподаватель-исследователь. Фонд «Безопасный дом», Щёлково.

Анцупова Мария Кирилловна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Апасова Мария Вадимовна, студент магистратуры факультета «Психология образования». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Асташина Елена Анатольевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социальная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Афанаскин Александр Борисович, аспирант факультета «Психология». Московский государственный областной университет

Ачинович Тереза Иосифовна, старший преподаватель кафедры «Социальная работа и реабилитология». ФФСН Белорусский Государственный Университет им. Басанова Е.Е., Республика Беларусь.

Басисини Натали Муафаковна, факультет психологии ИОН РАНХиГС, Москва.

Басанова Елена Евгеньевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и педагогической психологии. ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», Пятигорск.

Бабанин Петр Алексеевич, старший преподаватель кафедры социальной психологии развития, кандидат психологических наук. Факультет социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Бариева Наталья Юсуфовна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Психология Востока». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Батурова Наталья Ивановна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Бахтеева Марьям Рашидовна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Безрукова Арина Эдуардовна, студент факультета «Управление и психология». Кубанский Государственный Университет, Краснодар.

Богачева Татьяна Игоревна, аспирант кафедры психологии по направлению социальная психология. ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», Курск.

Белая Анна Константиновна, аспирант Института педагогики и психологии. Московский педагогический государственный университет.

Белинская Елена Павловна, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии. ФГБУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова».

Блюменау Нина Федоровна, доктор инженерных наук, ассоциированный профессор, Балтийская Международная Академия, Рига, Латвия.

Блюзе Д. (Bleuze J.), Groupe INTRA robotics, Avoine, France.

Богачева Татьяна Игоревна, аспирант, Курский государственный университет.

Боровикова Дарья Дмитриевна, студент факультета «Философия и социальные науки». Белорусский государственный университет. Республика Беларусь, Минск.

Бородачева Оксана Владимировна, студент факультета «Психология образования». Направление программы магистратуры

«Семейная психология». Российский государственный гуманитарный университет.

Бородулина Софья Владимировна, студент. Костромской государственной университет, Кострома.

Боттаева Фариза Назировна, студент факультета психологии образования. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Бочкова Маргарита Николаевна, независимый исследователь, студент магистратуры. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Бубнов Александр Леонидович, старший преподаватель. ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», Воронеж.

Бульцева Мария Александровна, кандидат психологических наук, младший научный сотрудник Центра социокультурных исследований НИУ ВШЭ.

Буркова Валентина Николаевна, старший научный сотрудник, доктор исторических наук. Институт этнологии и антропологии РАН.

Буряшина Татьяна Алексеевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Бычкова Полина Александровна, аспирант кафедры психологии и педагогики. Российский университет дружбы народов.

Вавакина Татьяна Сергеевна, кандидат психологических наук, ассоциированный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии. Институт психологии РАН.

Великородова Елена Александровна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Верченова Екатерина Андреевна, аспирант. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Витко Дарья Дмитриевна, студент факультета философии и социальных наук. Белорусский государственный университет, Республика Беларусь, Минск.

Вишневская Оксана Николаевна, кандидат психологических наук, доцент. Костромской государственной университет, Кострома.

Волков Роман Сергеевич, студент аспирантуры. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Воропаева Наталья Андреевна, студент факультета образования. Направление магистратуры «Семейная психология». Российский государственный гуманитарный университет.

Гаврилова Юлия Петровна, социальный педагог. ГБОУ Школа №709 ДО2, Москва.

Гайдар Карина Марленовна, доктор психологических наук, доцент, заведующая кафедрой общей и социальной психологии, ФГБОУ ВО Воронежский государственный университет, Воронеж.

Гладилина Ольга Сергеевна, студент факультета социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Глебов Виктор Алексеевич, аспирант факультета психологии. Московский информационно-технологический университет МАСИ.

Глумова Надежда Дмитриевна, аспирант факультета психологии. Московский государственный областной университет.

Гордий Марьяна Васильевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Голубчикова Валерия Владиславовна, студент магистратуры «Психологическое консультирование и коучинг». РАНХиГС.

Грибкова София Владимировна, аспирант факультета психологии. Московский государственный областной университет.

Грибова-Веаструм Василианна Валерьевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Григорьева Татьяна Николаевна, кандидат медицинских наук, секция психиатрия, врач-психотерапевт, associazione per gli scambi culturali LiveArt, Италия, Верона.

Гринберг Кристина Витальевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Гриценко Валентина Васильевна, профессор кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, доктор психологических наук, профессор. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Гурова Мария Александровна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социально-психологическое

консультирование». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Гущина Татьяна Александровна, студент. Программа магистратуры «Психологическое благополучие в детско-юношеском возрасте». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Дагбаева Соелма Батомункуевна, заведующая кафедрой теоретической и прикладной психологии, доктор психологических наук, доцент ФГБОУ ВО Забайкальский государственный университет, Чита.

Даниленко Ольга Ивановна, доктор культурологии, доцент, профессор. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург.

Данилова Елизавета Алексеевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Дворецкий Станислав Александрович, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Денисенкова Наталия Сергеевна, кандидат психологических наук, профессор. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Дмитриева Юлия Александровна, старший преподаватель кафедры «Психология управления и служебной деятельности», старший научный сотрудник лаборатории «Психология и психофизиология стрессоустойчивости и креативности». Южно-Уральский государственный университет, Челябинск.

Добычина Алена Игоревна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Современные технологии в практической психологии». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Дробышева Татьяна Валерьевна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии. ФГБУН Институт Психологии РАН.

Дубовая Анна Александровна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Современные технологии в практической психологии». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Дубовская Екатерина Михайловна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии. Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова.

Дятлов Дмитрий Александрович, аспирант факультета психологии. Южно-Уральский государственный университет, Челябинск.

Егорова Марина Алексеевна, профессор кафедры «Педагогическая психология имени профессора В.А. Гуружапова», эксперт качества в области образования, кандидат педагогических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Еналиева Эльмира Рифатовна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Психология Востока». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Еришов Сергей Владимирович, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Психология дорожного движения». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Елисеева Мария Сергеевна, студент факультета «Социальная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Есипов Михаил Алексеевич, аспирант кафедры социальной психологии. Московский государственный областной университет.

Заигралина Ангелина Алексеевна, магистрант кафедры социальной психологии. Московский государственный областной университет.

Зайцев Глеб владимирович, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социальная психологии». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Заславская Мария Андреевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Современные технологии в практической психологии». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Захарова Инна Владимировна, доцент кафедры педагогики и социальной работы, кандидат педагогических наук, доцент. Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова, Ульяновск.

Зеленев Илья Александрович, научный сотрудник факультета психологии. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Зеленова Марина Евгеньевна, кандидат психологических наук, научный сотрудник. ФГБУН «Институт психологии РАН».

Зверовская Яна Павловна, студент факультета социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Зимина Наталия Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры истории, философии, педагогики и психологии. ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет», Нижний Новгород.

Зотова Лариса Эдуардовна, кандидат психологических наук, доцент. Московский государственный областной университет.

Зубова Яна Владимировна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Психология дорожного движения». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Жеглова Яна Денисовна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социальная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Иванова Анна Сергеевна, студент факультета философии и социальных наук. Белорусский государственный университет. Республика Беларусь, Минск.

Иванова Людмила Вячеславовна, студент факультета психология образования. Направление магистратуры «Педагогика и психология воспитания». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Иванов Михаил Анатольевич, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Ильиных Юлия Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии семьи и детства. ФГБОУ ВО РГГУ «Институт психологии им. Л.С. Выготского».

Иноземцев Андрей Сергеевич, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Психология Востока». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Исаев Евгений Иванович, профессор кафедры «Педагогическая психология имени профессора В.А. Гуружапова» факультета «Психология образования», доктор педагогических наук. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Кадурина Юлия Александровна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Канафина Карина Маратовна, студент. Российский университет дружбы народов.

Калашикова Екатерина Александровна, кандидат психологических наук. ЦСО «ФГБНУ «ИУО РАО»

Калинина Наталья Валентиновна, заведующая кафедрой психологии, доктор психологических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)».

Калита Ольга Владимировна, студент факультета социально-педагогических технологий. Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Республика Беларусь, Минск.

Каракаш Александра Александровна, студент факультета социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Карыева Акгозель Батыровна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Караяни Александр Григорьевич, доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник. ФГКУ МВД России.

Караяни Юлия Михайловна, доктор психологических наук, доцент кафедры психологии. Военный университет.

Карпова Мария Александровна, студент магистратуры. Московский Институт Психоанализа.

Качанова Полина Алексеевна, студентка факультета психологии. ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского», Саратов.

Кауненко Ирина Ивановна, доктор психологии, доцент, старший научный сотрудник Центра Этнологии Института Культурного Наследия Министерства образования, культуры и исследований, Республика Молдова, Кишинёв.

Кведер Мария Витальевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Ким Мария Игоревна, магистрант факультета практической психологии. Московский социально-педагогический институт (МСПИ).

Кирсанова Настасья Вадимовна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социальная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Кичман Дмитрий Николаевич, аспирант по направлению социальной психологии. Московский государственный областной университет.

Клочкова Татьяна Викторовна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социальная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Ковыльникова Екатерина Александровна, специалист по учебно-методической работе факультета социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Колтунов Евгений Иванович, младший научный сотрудник лаборатории психологии и психофизиологии стрессоустойчивости и креативности, НОЦ «Биомедицинские Технологии». ФГАУ ВП «Южно-Уральский государственный университет», Челябинск.

Комолов Олег Евгеньевич, аспирант факультета «Психология развития». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Кондратюк Полина Васильевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Кононыхина Василина Борисовна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Современные технологии в практической психологии». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Королькова Ирина Петровна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социальная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Кочетков Никита Владимирович, кандидат психологических наук, доцент факультета социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Кляхина Полина Руслановна, студент факультет Liberal Arts. Программа бакалавриата «Технологии социологического исследования. ИОН ФГБОУ ВО РАНХиГС.

Кожухарь Галина Сократовна, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии, кандидат психологических наук, доцент. Факультет социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Кондратьев Михаил Дмитриевич, доцент, кандидат психологических наук. ИОН ФГБОУ ВО РАНХиГС.

Конькова Наталья Владимировна, студент магистратуры факультета психологии. ИОН ФГБОУ ВО РАНХиГС.

Костенко Елена Валерьевна, клинический психолог психофизиологической лабораторией Филиала №1 ФГКУ им. Н.Н. Бурденко МО РФ.

Кочетова Татьяна Викторовна, доцент кафедры психологии управления, кандидат психологических наук. Факультет социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Кочетова Юлия Андреевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры «Возрастная психология имени профессора Л.Ф. Обуховой». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Краева Марина Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент. Московский государственный областной университет.

Красина Дарья Алексеевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Красило Татьяна Александровна, доцент кафедры социальной психологии развития, кандидат психологических наук. Факультет социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Краснянская Татьяна Максимовна, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной и этнической психологии. АНО ВО «Московский гуманитарный университет».

Кретова Татьяна Анатольевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Кривцова Анна Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Криницына Анастасия Вячеславовна, доцент кафедры психологии развития личности. Московский государственный областной университет

Кропачева Юлия Петровна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Крушельницкая Ольга Борисовна, заведующая кафедрой теоретических основ социальной психологии, кандидат психологических наук, доцент. Факультет социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Крылова Наталья Геннадьевна, кандидат педагогических наук, доцент. Костромской государственной университет, Кострома.

Крюкова Татьяна Леонидовна, доктор психологических наук, профессор кафедры общей и социальной психологии. Костромской государственной университет, Кострома.

Ксёнда Ольга Григорьевна, кандидат психологических наук, доцент. Белорусский государственный университет, Республика Беларусь, Минск.

Кудрявцев Владимир Товиевич, заведующий кафедрой теории и истории психологии Института психологии им. Л.С. Выготского РГГУ, заведующий лабораторией психолого-педагогических основ развивающего образования Института развития дошкольного образования РАО.

Кузьмина Людмила Владимировна, аспирант по направлению общей психологии. ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», Чита.

Купавцев Тимофей Сергеевич, кандидат педагогических наук, доцент, профессор. Академия управления МВД России.

Кусова Елена Дмитриевна, студент, направление магистратуры «Культурно-историческая психология и деятельностный подход в образовании». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Кулагина Ирина Юрьевна, профессор кафедры возрастной психологии, кандидат психологических наук. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Кушниц Ольга Александровна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Кхан Анна Юрьевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социальная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Лазарева Юлия Игоревна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Современные технологии в практической психологии». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Лактионова Анна Игоревна, ведущий научный сотрудник, кандидат психологических наук. ФГБУН Институт Психологии РАН.

Левина Елена Ивановна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социальная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Лейбман Ирина Яковлевна, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, кандидат психологических наук. Факультет социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Лекалов Александр Анатольевич, заведующий психофизиологической лабораторией Филиала №1 ФГКУ им. Н.Н.Бурденко МО РФ.

Леонова Екатерина Николаевна, преподаватель кафедры педагогики, психологии и психосоматической медицины ФГБОУ ВО Ижевская медицинская академия; аспирант кафедры общей психологии ФГБОУ ВО Удмуртский государственный университет, Ижевск.

Леонова Татьяна Игоревна, студент факультет клинической психологии. ФГБОУ ВО РязГМУ, Рязань.

Леонтьева Елена Сергеевна, студент магистратуры. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Лепиокова Зарина Хизировна, ведущий научный сотрудник Центра социокультурных исследований НИУ ВШЭ, кандидат психологических наук, Москва.

Лесин Александр Михайлович, старший преподаватель кафедры общей и специальной психологии с курсом педагогики ФГБОУ ВО Рязанский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова, к.психол.н., Рязань.

Лым Владимир Станиславович, начальник Филиала № 1 ФГКУ «ГВКГ им. Н.Н. Бурденко МО РФ, кандидат медицинских наук.

Лимонова Наталья Аркадьевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Психология Востока». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Литвинова Елена Юрьевна, доцент кафедры психологии управления, кандидат психологических наук, доцент. Факультет социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Логвинова Маргарита Игоревна, аспирант. ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», Курск.

Лосинская Татьяна Сергеевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Лубовский Дмитрий Владимирович, профессор кафедры «Педагогическая психология имени профессора В.А. Гуружапова» факультета «Психология образования», кандидат психологических наук. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Лукинова Марина Геннадьевна, научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории психологического и педагогического обеспечения обучения летного состава. Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени Героя Советского Союза А.К. Серова» Министерства обороны Российской Федерации, Краснодар.

Лукьянченко Наталья Владимировна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики. ФГБОУ ВО Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, Красноярск.

Любушина Анна Александровна, специалист, специальность «Психология». Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург.

Люлюшина Ольга Николаевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Майсак Надежда Васильевна, доцент кафедры конфликтологии и организационной психологии ФГБОУ ВО Астраханский государственный университет, кандидат психологических наук, Астрахань.

Мамонтова Ольга Вячеславовна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Психология Востока». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Масленникова Елена Сергеевна, студент факультета «Психология». Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов.

Макшакова Ксения Кирилловна, студент факультета «Психология образования». Направление магистратуры «Психологическое благополучие в детско-юношеском возрасте». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Малахова Анастасия Александровна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Маринова Татьяна Юрьевна, профессор кафедры теоретических основ социальной психологии, кандидат биологических наук, доцент. Декан факультета социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Махмудова Алеся Анваровна, студент магистратуры. Направление программы «Практическая психология в социальной сфере и образовании». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Махнач Александр Валентинович, заместитель директора по науке ФГБУН Институт психологии РАН, доктор психологических наук, Москва.

Мелёхин Алексей Игоревич, кандидат психологических наук, доцент Гуманитарного института им. П.А. Столыпина, клинический психолог высшей квалификационной категории, сомнолог. Москва.

Мельничук Андрей Степанович, доцент факультета психологии, кандидат психологических наук, доцент. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Мешикова Наталья Владимировна, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии, кандидат психологических наук. Факультет социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Миллер Милена Артуровна, член Российского Психологического общества, психолог-консультант Центра Психологического Консультирования. РГСУ.

Мозилевская Яна Валерьевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Практическая психология в

социальной сфере и образовании». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Мошенникова Дина Владимировна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Музафарова Асель Тагировна, студент аспирантуры. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Нажимидин Аминат Ибрахимкызы, студент магистратуры факультета философии и политологии. Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан.

Нестерова Альбина Александровна, доктор психологических наук, доцент. Московский государственный областной университет.

Нестерова Екатерина Михайловна, студент факультета психологии. МГУ имени М.В. Ломоносова.

Никитская Мария Геннадьевна, аспирант. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Николаева Людмила Викторовна, студент магистратуры. Направление программы «Психология дорожного движения». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Новикова Ирина Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедра психологии и педагогики. Российский университет дружбы народов.

Новосельцева Екатерина Вячеславовна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Овечкина Екатерина Александровна, аспирант. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Орлов Владимир Алексеевич, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии, кандидат психологических наук, доцент. Факультет социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Оськин Кирилл Александрович, студент магистратуры. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Павлова Ксения Николаевна, студент факультета психолого-педагогического. Программа аспирантуры «Общая психология, психология личности, история психологии». ФГБОУ ВО ЗабГУ, Чита.

Павлова Ольга Сергеевна, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, кандидат педагогических наук, доцент. Факультет социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Палагина Анна Александровна, выпускник факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, ООО ФСК «Лидер».

Панькова Елена Владимировна, студент факультета психологии образования. Программа магистратуры «Практическая психология в социальной сфере и образовании». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Пашикова Яна Андреевна, студент факультета философии и психологии. Программа аспирантуры «Социальная психология». ФГБОУ ВО ФГБОУ ВО ВГУ, Воронеж.

Пащенко Александр Константинович, доцент кафедры социальной психологии развития, кандидат психологических наук. Факультет социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Перминова Мария Андреевна, студент факультета психологии. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург.

Пенькова Виктория Николаевна, кандидат психологических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Пелепчук Леонид Олегович, студент магистратуры кафедры социальной психологии. Московский Государственный Областной Университет.

Петрова Елена Алексеевна, доктор психологических наук, профессор, действительный член Академии педагогических и социальных наук, действительный член и Президент Академии имиджелогии, декан факультета психологии. РГСУ.

Петрушихина Елена Борисовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, декан факультета психологии образования Института психологии имени Л.С. Выготского, ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет».

Пилипенко Елена Алексеевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Организационная

психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Плотка Ирина Даниловна, доктор психологии, профессор, директор направления «Психологии», Балтийская Международная Академия, Рига, Латвия.

Поверинова Анастасия Климентьевна, студент факультета «Социальная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Погодина Алла Васильевна, заведующая кафедрой психологии управления, кандидат психологических наук, доцент. Факультет социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Поддубный Сергей Евтихевич, кандидат психологических наук, научный сотрудник. Институт Психологии РАН.

Позняков Владимир Петрович, главный научный сотрудник, доктор психологических наук, профессор. Институт Психологии РАН.

Поляков Сергей Данилович, доктор педагогических наук, профессор. ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова», Ульяновск.

Полякова Ирина Сергеевна, студент магистратуры факультета «Социальная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Польская Наталья Анатольевна, профессор кафедры клинической психологии и психотерапии, доктор психологических наук. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Попова Екатерина Анатольевна, студент магистратуры. Направление программы «Психология дорожного движения». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Попович Юлия Алексеевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Современные технологии в практической психологии». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Портнягина Марита Владимировна, студент магистратуры. Направление программы «Социальная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Прохода Владимир Анатольевич, кандидат социологических наук, доцент. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации; МГУ имени М.В. Ломоносова.

Прохорова Алиса Сергеевна, студент магистратуры «Психолого-педагогический» факультет. Российский государственный гуманитарный университет.

Пухарева Татьяна Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии и социологии управления. Кубанский Государственный Университет, Краснодар.

Расходчикова Марина Николаевна, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии, кандидат психологических наук. Факультет социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Решетко Светлана Альбертовна, аспирант, педагог-психолог. ФГБУН Институт Психологии РАН.

Рудзянская Екатерина Александровна, студент магистратуры по направлению «Современные технологии в психологии и образовании». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Русанова Марина Станиславовна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Современные технологии в практической психологии». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Русецкая Алла Максимовна, доцент кафедры социальной педагогики. БГПУ имени Максима Танка, Республика Беларусь, Минск.

Рустамбекова Камилла Суратбековна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Савенков Денис Дмитриевич, студент факультета «Востоковедение и африканистика». Государственный академический университет гуманитарных наук.

Сардарян Елизавета Дмитриевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Сауткина Елена Владимировна, PhD in Psychology, профессор. НИУ ВШЭ.

Сафронова Ольга Михайловна, студент факультета психологии. Программа магистратуры «Социальная психология». Московский государственный областной университет.

Сачкова Марианна Евгеньевна, профессор кафедры общей психологии, доктор психологических наук, доцент. ИОН ФГБОУ ВО РАНХиГС.

Сафронова Ольга Михайловна, студент факультета психологии. Программа магистратуры «Социальная психология». Московский государственный областной университет.

Салех Юлия Алексеевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Психология Востока». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Самосюк Александра Андреевна, студент факультета «Социальная психология». Белорусский государственный университет, Республика Беларусь, Минск.

Самохвалова Анна Геннадьевна, доктор психологических наук, доцент, директор Института педагогики и психологии. Костромской государственный университет, Кострома.

Семенова Лидия Эдуардовна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общей и клинической психологии. ФГБОУ ВО «Приволжский исследовательский медицинский университет» Минздрава РФ, Нижний Новгород.

Скавронская Ирина Викторовна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социальная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Сингх Галина Гурнамовна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология» ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Сидячева Наталья Владимировна, кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой социальной психологии. ГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет».

Синичкина Виолетта Радиславовна, студент факультета социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Скавронская Ирина Викторовна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социальная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Слидневский Николай, студент магистратуры, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск.

Смирнова Юлия Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент. Белорусский государственный университет, Республика Беларусь, Минск.

Смирнова Александра Евгеньевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Современные

технологии в практической психологии». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Слидневский Николай, студент факультета психологии. НИ Томский государственный университет, Томск.

Селезенева Алёна Сергеевна, выпускник ФГБОУ ВО МГППУ, магистр психологии.

Снимщикова Эмилия Викторовна, научный сотрудник, кандидат философских наук. Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени Героя Советского Союза А.К.Серова» Министерства обороны Российской Федерации, Краснодар.

Собкин Владимир Самуилович, академик РАО, доктор психологических наук, профессор, руководитель ЦСО ФГБНУ «ИУО РАО».

Соколова Марина Валерьевна, аспирант. Московский государственный областной университет.

Степанова Юлия Алексеевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Султанова Диляра Ильдаровна, студент факультета социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Сумароков Александр Иванович, психолог, «Международный независимый эколого-политологический университет», Москва.

Суражевская Алла Дмитриевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Психология дорожного движения». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Сысоева Алёна Владимировна, аспирант. ГУО «Академия последипломного образования».

Свириденко Инна Николаевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Психология дорожного движения». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Тарасов Семён Васильевич, аспирант. ФГБУН Институт Психологии РАН.

Терещенко Анна Алексеевна, студент факультета социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Тимофеева Александра Викторовна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Титовец Татьяна Евгеньевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей и дошкольной педагогики. «Белорусский государственный педагогический университет» имени Максима Танка, Республика Беларусь, Минск.

Ткаченко Наталья Владимировна, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, кандидат психологических наук. Факультет социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Толстых Наталия Николаевна, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой «Социальная психология развития». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Трушкова Светлана Викторовна, кандидат психологических наук, доцент ФГБОУ ВО Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), профессор Московского социально-педагогического института (МСПИ).

Тарунтаев Павел Игоревич, аспирант. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Тылец Валерий Геннадьевич, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры фонетики и грамматики французского языка. Московский государственный лингвистический университет

Умнов Владимир Павлович, кандидат психологических наук, доцент кафедры теории и методики физического воспитания. Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск.

Умяшова Ирина Борисовна, кандидат психологических наук. Общероссийская общественная организация «Федерация психологов образования России».

Уютнова Карина, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Фарба Елена Олеговна, кандидат психологических наук, Руководитель Центра Тренерской супервизии. Московский Институт Психоанализа.

Феденок Юлия Николаевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник ИЭА РАН.

Федорова Елена Валерьевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Психология Востока». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Филимонова Елена Николаевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Современные технологии в практической психологии». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Фофанова Галина Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной и организационной психологии. Белорусский государственный университет, Республика Беларусь, Минск.

Фордмен Вероника Александровна, аспирант. Московский государственный областной университет

Фоке-Алехин Филипп (Fauquet-Alekhine Philippe), сотрудник Лаборатории субъективной доказательной этнографии психологических и поведенческих наук. Лондонская школа экономики, Лондон, Великобритания.

Хаймовская Наталия Ароновна, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии, кандидат психологических наук, доцент. Факультет социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Харченко Максим Андреевич, доцент кафедры психологии управления, кандидат физико-математических наук, доцент. Факультет социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Хинканина Алла Леонидовна, студент магистратуры «Психологическая помощь в социальной сфере с использованием дистанционных технологий». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Хохлатова Евгения Юрьевна, студент магистратуры. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Хорозова Лариса Федоровна, доктор психологии, преподаватель. Комратский государственный университет, Комрат.

Хухлаев Олег Евгеньевич, заведующий кафедрой этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, кандидат психологических наук, доцент. Факультет социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Царева Анастасия Дмитриевна, студент РАНХиГС.

Цаплин Евгений Валерьевич, главный специалист отдела развития

муниципальной службы комитета муниципальной службы и кадров административного департамента Администрации города Тюмени. Администрация городского округа город Тюмень.

Чистякова Ольга Александровна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социальная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Чикер Вера Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии. СПбГУ, Санкт-Петербург.

Чибакова Екатерина Анатольевна, студент. Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет.

Чибисова Марина Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной педагогики и психологии. Московский педагогический государственный университет.

Шарипова Дарья Рустемовна, студент магистратуры факультета философии и социальных наук. Белорусский государственный университет, Республика Беларусь, Минск.

Швалева Нина Михайловна, кандидат психологических наук, профессор кафедры психологии личности и профессиональной деятельности, руководитель НОИЛ «Системное психологическое консультирование и психотехники развития личности». ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», Пятигорск.

Шахтанова Анастасия, студент факультета социальной психологии. Программа бакалавриата «Социальная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Шипова Наталья Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры специальной педагогики и психологии. Костромской государственный университет, Кострома.

Шишунова Анастасия Николаевна, студент, направление «Психологическое консультирование и коучинг». ФГБОУ ВО РАНХиГС.

Шницберг Анастасия Игоревна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социальная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Шмакова Наталья Владимировна, студент факультета педагогики и психологии. МБДОУ д/с 107 «Светлячок», Ульяновск.

Щукина Ольга Геннадьевна, аспирант. Московский государственный областной университет.

Шорохова Валерия Альбертовна, старший преподаватель кафедры Этнопсихологии и психологических проблем поликультурного

образовании, кандидат психологических наук. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Шевченко Наталья Андреевна, студент факультета философии и психологии. Программа аспирантуры «Социальная психология». ФГБОУ ВО «ВГУ», Воронеж.

Юрова Дарья Шамилевна, студент, направление «Психологическое консультирование и коучинг». ФГБОУ ВО РАНХиГС.

Яничева Татьяна Гелиевна, кандидат психологических наук, доцент. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург.

Ярославцева Анастасия Игоревна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Ястребова Анна Александровна, студент факультета консультативная и клиническая психология. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Ячменёва Надежда Павловна, старший преподаватель кафедры общей психологии, заместитель декана Факультета психологии ИОН РАНХиГС.

**Социальная психология:
вопросы теории и практики**

**Материалы VI Международной научно-
практической конференции
памяти М.Ю. Кондратьева
(12–13 мая 2021 г.)**

**Москва, ФГБОУ ВО МГППУ
Факультет социальной психологии**